Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛЕНИН

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

6

ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС

В. И. ЛЕНИН

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ИЗДАНИЕ ПЯТОЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА • 1963

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС

В. И. ЛЕНИН

ТОМ
6

Январь ~ август 1902

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА • 1963

3K2

ПРЕДИСЛОВИЕ

В шестой том Полного собрания сочинений В. И. Ленина входят книга «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения» (осень 1901 — февраль 1902 года) и произведения, написанные в январе — августе 1902 года.

В России в это время происходило дальнейшее углубление и обострение революционного кризиса; все более массовый характер принимало революционное движение против самодержавно-помещичьего строя. Демонстрации и стачки рабочих Петербурга, Екатеринослава, Ростова-на-Дону, Батума в феврале — марте 1902 года, первомайские демонстрации в Саратове, Вильно, Баку, Нижнем Новгороде и других городах были ярким свидетельством растущей активности и политической зрелости рабочего класса — авангарда всенародной борьбы против царского самодержавия. На восстание против помещиков поднялись крестьяне Харьковской, Полтавской, Саратовской губерний; «аграрными беспорядками» были охвачены также многие другие местности, особым упорством и организованностью отличались выступления крестьян Гурии (Кутаисская губ.). «Крестьяне решили, — и решили совершенно правильно, — что лучше умирать в борьбе с угнетателями, чем умирать без борьбы голодною смертью» (В. И. Ленин. Сочинения, 4 изд., том 6, стр. 385).

В этой обстановке исключительно большое значение приобрела борьба ленинской «Искры» против

«экономизма», являвшегося главным тормозом рабочего и социал-демократического движения в России, за идейное и организационное сплочение революционных марксистских элементов российской социал-демократии, за создание партии нового типа, непримиримой к оппортунизму, свободной от кружковщины и фракционности, партии — политического руководителя рабочего класса, организатора и вождя революционной борьбы против самодержавия и капитализма.

Выдающуюся роль в борьбе за марксистскую рабочую партию сыграла вышедшая в марте 1902 года книга В. И. Ленина «Что делать?». В ней Ленин обосновал и развил применительно к новой исторической обстановке идеи К. Маркса и Ф. Энгельса о партии как революционизирующей, руководящей и организующей силе рабочего движения, разработал основы учения о партии нового типа, партии пролетарской революции. В этом замечательном произведении революционного марксизма русские социал-демократы нашли ответы на волновавшие их вопросы: о соотношении сознательного и стихийного элементов рабочего движения, о партии как политическом вожде пролетариата, о роли российской социал-демократии в назревавшей буржуазно-демократической революции, об организационных формах, путях и методах создания боевой революционной пролетарской партии.

Книга «Что делать?» завершила идейный разгром «экономизма», который Ленин рассматривал как разновидность международного оппортунизма (бернштейнианства) на русской почве. Ленин вскрыл корни оппортунизма в рядах социал-демократии: влияние буржуазии и буржуазной идеологии на рабочий класс, преклонение перед стихийностью рабочего движения, принижение роли социалистического сознания в рабочем движении. Он писал, что оппортунистическое направление в международной социал-демократии, сложившееся в конце XIX — начале XX века и выступившее с попыткой ревизии марксизма под флагом «свободы критики», целиком заимствовало свои «теории» из буржуазной литературы, что пресловутая «свобода критики» — это

не что иное, как «свобода превращать социал-демократию в демократическую партию реформ, свобода внедрения в социализм буржуазных идей и буржуазных элементов» (настоящий том, стр. 9).

Ленин показал, что между социалистической идеологией пролетариата и буржуазной идеологией идет непрерывная и непримиримая борьба: «... Вопрос стоит *только так:* буржуазная или социалистическая идеология. Середины тут нет... Поэтому *всякое* умаление социалистической идеологии, *всякое отстранение* от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной» (стр. 39—40). Социалистическое сознание, разъяснял он, возникает не из стихийного рабочего движения, оно вносится в рабочее движение революционной марксистской партией. И важнейшей задачей пролетарской партии является борьба за чистоту социалистической идеологии, против буржуазного влияния на рабочий класс, против оппортунистов — проводников и носителей буржуазной идеологии в рабочем движении.

Ленин раскрыл величайшее значение теории научного социализма для рабочего движения, для всей деятельности революционной марксистской партии рабочего класса: *«... Роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией»* (стр. 25). Ленин указывал, что значение передовой теории особенно велико для русской социал-демократии, в силу исторических особенностей ее развития и стоявших перед ней революционных задач.

В книге «Что делать?», как и в других ленинских произведениях искровского периода, серьезное внимание уделено обоснованию тактики пролетариата России и его партии. Рабочий класс, писал Ленин, должен и может возглавить общенародное демократическое движение против самодержавно-помещичьего строя, стать авангардом всех революционных и оппозиционных сил русского общества. Поэтому организация всестороннего политического обличения самодержавия являлась важнейшей задачей российской социал-демократии, одним из непременных условий политического воспитания пролетариата. Это был один из «наболевших

вопросов» социал-демократического движения в России. «Экономисты», проповедуя глубоко ошибочные и вредные взгляды на классовую борьбу пролетариата, ограничивали ее областью экономической, профессиональной, борьбы. Такая политика, политика тред-юнионизма, неизбежно приводила рабочее движение к подчинению буржуазной идеологии и буржуазной политике. В противовес этой оппортунистической линии Ленин выдвинул и обосновал важнейшее положение марксизма-ленинизма о первостепенном значении политической борьбы в развитии общества, в пролетарской борьбе за социализм: «... Самые существенные, «решающие» интересы классов могут быть удовлетворены *только* коренными *политическими* преобразованиями вообще; в частности, основной экономический интерес пролетариата может быть удовлетворен только посредством политической революции, заменяющей диктатуру буржуазии диктатурой пролетариата» (стр. 46).

Большой вред социал-демократическому движению в России нанесло преклонение «экономистов» перед стихийностью в области организационных задач пролетариата, их «кустарничество» в вопросах партийного строительства. Источник кустарничества «экономистов» Ленин видел в принижении задач социал-демократии до уровня тред-юнионизма, в смешении двух типов организации рабочего класса: профессиональных союзов для организации экономической борьбы рабочих и политической партии как высшей формы классовой организации рабочего класса. Ленин считал первой и самой важной задачей русских социал-демократов создание общероссийской централизованной организации революционеров, т. е. политической партии, неразрывно связанной с массами, способной руководить революционной борьбой рабочего класса. Как приступить к созданию такого рода организации, какой избрать путь, — Ленин показал еще в статье «С чего начать?», напечатанной в мае 1901 года в «Искре» № 4 (см. Сочинения, 5 изд., том 5, стр. 1—13), и подробно обосновал в книге «Что делать?».

Широкое распространение в России книги Ленина способствовало победе ленинско-искровского направления в РСДРП. Книга «Что делать?» сыграла большую роль в сплочении партийных кадров на основе марксизма, в подготовке II съезда партии и создании революционной марксистской партии в России. В этом произведении В. И. Ленин нанес сильный удар ревизионистам в западноевропейских социал-демократических партиях в лице Бернштейна и его сторонников, разоблачил их оппортунизм и предательство интересов рабочего класса.

Исключительно большое значение для идейного сплочения русских революционных социал-демократов имел проект программы РСДРП, выработанный в первой половине 1902 года редакцией «Искры» и «Зари» и принятый на II съезде РСДРП (июль — август 1903 г.). Напечатанные в настоящем томе «Материалы к выработке программы РСДРП» ярко характеризуют роль В. И. Ленина в подготовке искровского проекта партийной программы, в той принципиальной борьбе, которая сопровождала обсуждение различных проектов в редакции «Искры». Благодаря Ленину в проекте программы было четко сформулировано важнейшее положение марксизма о диктатуре пролетариата; позднее Ленин писал, что вопрос о диктатуре пролетариата был включен в программу РСДРП «именно в связи с борьбой против Бернштейна, против оппортунизма» (Сочинения, 4 изд., том 31, стр. 314). В спорах с Плехановым, который проявил колебания по ряду принципиальных положений марксизма, подвергшихся нападкам бернштейнианцев, Ленин отстоял включение в проект программы тезиса о вытеснении мелкого производства крупным как закономерном процессе капиталистического общества; по его настоянию в проекте программы было точно указано на руководящую роль партии как сознательной выразительницы классового движения пролетариата и ясно выражена идея гегемонии рабочего класса.

Одним из важнейших разделов искровского проекта программы РСДРП была его аграрная часть, написанная

В. И. Лениным. Необходимость принципиально выдержанной аграрной программы была тем более настоятельной, что марксистские идеи по аграрному вопросу социал-демократам приходилось утверждать в борьбе с возрождавшимся, в лице партии эсеров, народничеством, претендовавшим на роль выразителя и защитника интересов крестьянства. Без аграрной программы, без определения руководящих начал социал-демократической политики в крестьянском вопросе, РСДРП не могла бы выполнить важнейшей задачи упрочения своего влияния на крестьянство, укрепления складывавшегося в начале XX века союза рабочего класса и крестьянства. В аграрной программе русской революционной социал-демократии были выдвинуты требования учреждения крестьянских комитетов для возвращения крестьянам тех земель, которые были отрезаны у них при уничтожении крепостного права, отмены выкупных и оброчных платежей и круговой поруки и т. д.; эти требования пролетарской партии были рассчитаны на то, чтобы поднимать крестьянство на борьбу со всеми остатками крепостничества, содействовать развитию классовой борьбы в деревне.

В статье «Аграрная программа русской социал-демократии» Ленин разъяснил основные требования социал-демократической аграрной программы накануне буржуазно-демократической революции, дал глубокий анализ их классового содержания и исторической обусловленности. Ленин указывал, что требование возвращения отрезков «является наиболее важным, центральным, придающим особый характер аграрной программе пунктом» (настоящий том, стр. 323). Вместе с тем он считал возможным «в известный революционный момент» выдвинуть требование национализации земли вместо требования вернуть отрезки. Это положение статьи вызвало серьезные разногласия в редакции «Искры»: против него выступили Плеханов, Аксельрод и Мартов, недооценивавшие революционные возможности и значение крестьянского движения. Эти разногласия отчасти предвосхитили будущие разногласия

между большевиками и меньшевиками. Впоследствии, в период первой русской революции 1905—1907 годов, в обстановке мощного подъема крестьянского движения, Ленин поставил вопрос о пересмотре аграрной программы партии, о замене требования возвращения отрезков требованием конфискации всей помещичьей земли и, при определенных политических условиях, национализации земли.

Написанный Лениным «Доклад редакции «Искры» совещанию (конференции) комитетов РСДРП», его «Письмо «Северному союзу РСДРП»», заметки «Ответ «Читателю»» и «О группе «Борьба»» посвящены борьбе «Искры» за идейное и организационное сплочение РСДРП на основе программы, тактики и организационных принципов революционного марксизма.

В «Докладе редакции «Искры»...» Ленин резко выступает против попытки «экономистов» превратить созванную ими в Белостоке (в конце марта 1902 года) конференцию во II съезд партии; он выдвигает план всесторонней и основательной подготовки съезда РСДРП, который сумел бы воссоздать партию и решить важнейшие общепартийные вопросы: принять программу, выработать тактику пролетарской борьбы против самодержавия и капитализма и др. Ленин писал, что «от съезда Российской социал-демократической рабочей партии все ждут теперь решений, стоящих на высоте *всех* революционных задач современности», что «если мы спасуем *теперь,* в такой поистине критический момент, то мы можем похоронить все надежды социал-демократии на гегемонию в политической борьбе» (стр. 295).

Письмо Ленина «Северному союзу РСДРП» — организации, которая одной из первых оказала поддержку «Искре», — является образцом товарищеской принципиальной критики. Отмечая недостатки «программы», принятой на съезде «Северного союза» в январе 1902 года, и вскрывая непонимание ее составителями ряда важнейших вопросов теории марксизма, Ленин призывал деятелей «Северного союза» принять активное участие как в деле партийного объединения

революционной социал-демократии, так и в выработке программы партии.

В обстановке назревания революции в России, под влиянием усилившегося революционного движения рабочих, крестьян, всех трудящихся происходит организационное и политическое оформление революционных и оппозиционных партий и течений. РСДРП должна была определить свое отношение к этим партиям и течениям в соответствии с тем, интересы каких классов и слоев они выражали.

В конце 1901 — начале 1902 года в результате объединения российских и заграничных народнических групп и кружков возникла партия социалистов-революционеров (эсеров). Оживление «старчески дряхлого народничества» представляло серьезную опасность для революционной марксистской партии и вновь поставило перед социал-демократией задачу борьбы с этим направлением мелкобуржуазного социализма: «Социал-революционаризм есть одно из тех проявлений мелкобуржуазной идейной неустойчивости и мелкобуржуазной вульгаризации социализма, с которыми социал-демократия всегда должна и будет вести решительную войну», — писал В. И. Ленин в статье «Почему социал-демократия должна объявить решительную и беспощадную войну социалистам-революционерам?» (стр. 374). Резкой критике аграрной программы и тактики эсеров посвящена статья Ленина «Революционный авантюризм». На принципиальное различие тактических взглядов революционных социал-демократов и эсеров Ленин указал также во введении к прокламации Донского комитета РСДРП «К русским гражданам» (в Сочинениях печатается впервые).

Напечатанные в «Искре» статьи В. И. Ленина «Политическая агитация и «классовая точка зрения»» и «Письмо к земцам» посвящены обоснованию тактики социал-демократии в отношении оппозиционного движения либеральной буржуазии. Ленин считал возможным и необходимым использовать это движение, поощрять проявление недовольства и протеста в среде либералов, критикуя в то же время их половинчатость

и трусость: «Партия пролетариата должна уметь ловить всякого либерала как раз в тот момент, когда он собрался подвинуться на вершок, и заставлять его двинуться на аршин. А упрется, — так мы пойдем вперед без него и через него» (стр. 270).

В статьях «По поводу государственной росписи», «Признаки банкротства», «Из экономической жизни России», «Проект нового закона о стачках» В. И. Ленин анализирует экономическое положение России, разоблачает антинародный характер политики царизма, рисует яркую картину разложения самодержавно-помещичьего строя.

В разделе «Подготовительные материалы» в томе напечатаны «Конспект первого проекта программы Плеханова с некоторыми поправками к нему», «План сообщения о ходе выработки проекта программы», «Первоначальный вариант теоретической части проекта программы», «Наброски плана проекта программы», «Наброски проекта программы»; впервые печатаются: «Набросок отдельных пунктов практической части проекта программы», «Запись I и II абзацев первого проекта программы Плеханова и набросок первого абзаца теоретической части программы», «Первоначальный вариант аграрной части и заключения проекта программы», «Добавления в аграрный и фабричный отделы проекта программы». Эти материалы свидетельствуют об огромной работе Ленина, проделанной им при подготовке «Проекта программы Российской социал-демократической рабочей партии»; они расширяют наши представления о роли Ленина в выработке общередакционного проекта практической части программы партии, для которой Ленин написал не только аграрный отдел, но и первоначальный вариант заключения. Большой интерес представляет также набросок первого абзаца теоретической части ленинского проекта программы РСДРП, иллюстрирующий один из серьезнейших споров внутри редакции «Искры»: на мюнхенском совещании редакции «Искры» в январе 1902 года при обсуждении первого проекта Плеханова был «оставлен открытым (3 голоса за и 3 против) вопрос

о том, не начать ли с указания на Россию» (Ленинский сборник II, 1924, стр. 15), как предлагал Ленин.

В разделе «Подготовительные материалы» напечатаны также «Ответы на замечания Плеханова и Аксельрода на статью «Аграрная программа русской социал-демократии»», связанные с конфликтом между Лениным и Плехановым при обсуждении этой статьи в редакции «Искры».

В разделе «Приложения» в томе напечатаны два письма Ленина директору Британского музея (21 и 24 апреля 1902 года) с просьбой о предоставлении ему возможности заниматься в библиотеке музея.

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

ЧТО ДЕЛАТЬ?

НАБОЛЕВШИЕ ВОПРОСЫ НАШЕГО ДВИЖЕНИЯ[1]

«... Партийная борьба придает партии силу и жизненность, величайшим доказательством слабости партии является ее расплывчатость и притупление резко обозначенных границ, партия укрепляется тем, что очищает себя...»

(Из письма Лассаля к Марксу
от 24 июня 1852 г.)

*Написано осенью 1901 —
в феврале 1902 г.*

*Напечатано в марте 1902 г.
в Штутгарте отдельной книгой*

*Печатается по тексту книги,
сверенному с текстом сборника:
Вл. Ильин. «За 12 лет», 1907*

Что дѣлать?

Наболѣвшіе вопросы нашего движенія

Н. ЛЕНИНА.

…„Партійная борьба придаетъ партіи силу и жизненность, величайшимъ доказательствомъ слабости партіи является ея расплывчатость и притупленіе рѣзко обозначенныхъ границъ, партія укрѣпляется тѣмъ, что очищаетъ себя“… (Изъ письма Лассаля къ Марксу отъ 24 іюня 1852 г.)

Цѣна 1 руб.
Preis 2 Mark — 2.50 Francs

STUTTGART
Verlag von J. H. W. Dietz Nachf. (G. m. b. H.)
1902

Обложка книги В. И. Ленина «Что делать?». — 1902 г.

Уменьшено

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая брошюра должна была, по первоначальному плану автора, быть посвящена подробному развитию тех мыслей, которые высказаны в статье «С чего начать?» («Искра»[2] № 4, май 1901 г.)[*]. И мы должны прежде всего принести извинение читателю за позднее исполнение данного там (и повторенного в ответ на многие частные запросы и письма) обещания. Одной из причин такого запоздания явилась попытка объединения всех заграничных социал-демократических организаций, предпринятая в июне истекшего (1901) года[3]. Естественно было дождаться результатов этой попытки, ибо при удаче ее пришлось бы, может быть, излагать организационные взгляды «Искры» под несколько иным углом зрения, и во всяком случае такая удача обещала бы положить очень быстро конец существованию двух течений в русской социал-демократии. Как известно читателю, попытка окончилась неудачей и, как мы постараемся доказать ниже, не могла не окончиться так после нового поворота «Рабочего Дела»[4] в № 10 к «экономизму». Оказалось безусловно необходимым вступить в решительную борьбу с этим расплывчатым и мало определенным, но зато тем более устойчивым и способным возрождаться в разнообразных формах направлением. Сообразно этому видоизменился и весьма значительно расширился первоначальный план брошюры.

[*] См. Сочинения, 5 изд., том 5, стр. 1—13. *Ред.*

Главной темой ее должны были быть три вопроса, поставленные в статье «С чего начать?». Именно: вопросы о характере и главном содержании нашей политической агитации, о наших организационных задачах, о плане построения одновременно и с разных концов боевой общерусской организации. Вопросы эти давно уже интересуют автора, пытавшегося поднять их еще в «Рабочей Газете»[5] при одной из неудавшихся попыток ее возобновления (см. гл. V). Но первоначальное предположение ограничиться в брошюре разбором только трех этих вопросов и изложить свои воззрения по возможности в положительной форме, не прибегая или почти не прибегая к полемике, оказалось совершенно неосуществимым по двум причинам. С одной стороны, «экономизм» оказался гораздо более живучим, чем мы предполагали (мы употребляем слово «экономизм» в широком смысле, как оно было пояснено в № 12 «Искры» (декабрь 1901 г.) в статье «Беседа с защитниками экономизма», наметившей, так сказать, конспект предлагаемой читателю брошюры[*]). Стало несомненным, что различные взгляды на решение этих трех вопросов объясняются в гораздо большей степени коренной противоположностью двух направлений в русской социал-демократии, чем расхождением в частностях. С другой стороны, недоумение «экономистов» по поводу фактического проведения в «Искре» наших воззрений показывало с очевидностью, что мы часто говорим буквально на разных языках, что мы *не можем* поэтому ни до чего договориться, если не будем начинать ab ovo[**], что необходимо сделать попытку возможно более популярного, поясняемого самыми многочисленными и конкретными примерами, *систематического «объяснения»* со *всеми* «экономистами» по *всем* коренным пунктам наших разногласий. И я решил сделать такую попытку «объясниться», вполне сознавая, что это очень сильно увеличит размеры брошюры и замедлит ее выход, но не видя в то же время никакой возможности *иначе* исполнить данное мной в статье «С чего начать?» обещание. К изви-

[*] См. Сочинения, 5 изд., том 5, стр. 360—367. *Ред.*
[**] — с самого начала. *Ред.*

нению по поводу опоздания мне приходится таким образом прибавить еще извинение по поводу громадных недостатков в литературной отделке брошюры: я должен был работать *до последней степени наспех,* отрываемый притом всякими другими работами.

Разбор указанных выше трех вопросов составляет, по-прежнему, главную тему брошюры, но начать мне пришлось с двух более общих вопросов: почему такой «невинный» и «естественный» лозунг, как «свобода критики», является для нас настоящим боевым сигналом? почему мы не можем столковаться даже по основному вопросу о роли социал-демократии по отношению к стихийному массовому движению? Далее, изложение взглядов на характер и содержание политической агитации превратилось в объяснение разницы между тред-юнионистской и социал-демократической политикой, а изложение взглядов на организационные задачи — в объяснение разницы между удовлетворяющим «экономистов» кустарничеством и необходимой, на наш взгляд, организацией революционеров. Затем, на «плане» общерусской политической газеты я тем более настаиваю, чем несостоятельнее были сделанные против него возражения и чем менее ответили мне по существу на поставленный в статье «С чего начать?» вопрос о том, как могли бы мы одновременно со всех концов приняться за возведение необходимой нам организации. Наконец, в заключительной части брошюры я надеюсь показать, что мы сделали все от нас зависевшее, чтобы предупредить решительный разрыв с «экономистами», который оказался, однако, неизбежным; — что «Раб. Дело» приобрело особое, «историческое», если хотите, значение тем, что всего полнее, всего рельефнее выразило не последовательный «экономизм», а тот разброд и те шатания, которые составили отличительную черту *целого периода* в истории русской социал-демократии; — что поэтому приобретает значение и чрезмерно подробная, на первый взгляд, полемика с «Раб. Делом», ибо мы не можем идти вперед, если мы окончательно не ликвидируем этого периода.

Н. Ленин

Февраль 1902 г.

I

ДОГМАТИЗМ И «СВОБОДА КРИТИКИ»

а) ЧТО ЗНАЧИТ «СВОБОДА КРИТИКИ»?

«Свобода критики» — это, несомненно, самый модный лозунг в настоящее время, всего чаще употребляемый в спорах между социалистами и демократами всех стран. На первый взгляд, трудно себе представить что-либо более странное, чем эти торжественные ссылки одной из спорящих сторон на свободу критики. Неужели из среды передовых партий раздались голоса против того конституционного закона большинства европейских стран, который обеспечивает свободу науки и научного исследования? «Тут что-то не так!» — должен будет сказать себе всякий сторонний человек, который услыхал повторяемый на всех перекрестках модный лозунг, но не вник еще в сущность разногласия между спорящими. «Этот лозунг, очевидно, одно из тех условных словечек, которые, как клички, узаконяются употреблением и становятся почти нарицательными именами».

В самом деле, ни для кого не тайна, что в современной международной* социал-демократии образовались два

* Кстати. В истории новейшего социализма это едва ли не единичное и в своем роде чрезвычайно утешительное явление, что распря различных направлений внутри социализма из национальной впервые превратилась в интернациональную. В прежние времена споры между лассальянцами и эйзенахцами[6], между гедистами и поссибилистами[7], между фабианцами и социал-демократами[8], между народовольцами[9] и социал-демократами оставались чисто национальными спорами, отражали чисто национальные особенности, происходили, так сказать, в разных плоскостях. В настоящее время (теперь это уже явственно видно) английские фабианцы, французские министериалисты, немецкие бернштейнианцы[10], русскиекритики, — все это одна семья, все они друг друга хвалят, друг у друга учатся и сообща ополчаются против «догматического» марксизма. Может быть, в этой первой действительно международной схватке с социалистическим оппортунизмом международная революционная социал-демократия достаточно окрепнет, чтобы положить конец давно уже царящей в Европе политической реакции?

направления, борьба между которыми то разгорается и вспыхивает ярким пламенем, то затихает и тлеет под пеплом внушительных «резолюций о перемирии». В чем состоит «новое» направление, которое «критически» относится к «старому, догматическому» марксизму, это с достаточной определенностью *сказал* Бернштейн и *показал* Мильеран.

Социал-демократия должна из партии социальной революции превратиться в демократическую партию социальных реформ. Это политическое требование Бернштейн обставил целой батареей довольно стройно согласованных «новых» аргументов и соображений. Отрицалась возможность научно обосновать социализм и доказать, с точки зрения материалистического понимания истории, его необходимость и неизбежность; отрицался факт растущей нищеты, пролетаризации и обострения капиталистических противоречий; объявлялось несостоятельным самое понятие о *«конечной цели»* и безусловно отвергалась идея диктатуры пролетариата; отрицалась принципиальная противоположность либерализма и социализма; отрицалась *теория классовой борьбы,* неприложимая будто бы к строго демократическому обществу, управляемому согласно воле большинства, и т. д.

Таким образом, требование решительного поворота от революционной социал-демократии к буржуазному социал-реформаторству сопровождалось не менее решительным поворотом к буржуазной критике всех основных идей марксизма. А так как эта последняя критика велась уже издавна против марксизма и с политической трибуны и с университетской кафедры, и в массе брошюр и в ряде ученых трактатов, так как вся подрастающая молодежь образованных классов в течение десятилетий систематически воспитывалась на этой критике, — то неудивительно, что «новое критическое» направление

в социал-демократии вышло как-то сразу вполне законченным, точно Минерва из головы Юпитера[11]. По своему содержанию, этому направлению не приходилось развиваться и складываться: оно прямо было перенесено из буржуазной литературы в социалистическую.

Далее. Если теоретическая критика Бернштейна и его политические вожделения оставались еще кому-либо неясными, то французы позаботились о наглядной демонстрации «новой методы». Франция и на этот раз оправдала свою старинную репутацию «страны, в истории которой борьба классов, более чем где-либо, доводилась до решительного конца» (Энгельс, из предисловия к сочинению Маркса: «Der 18 Brumaire»)[12]. Французские социалисты стали не теоретизировать, а прямо действовать; более развитые в демократическом отношении политические условия Франции позволили им сразу перейти к «практическому бернштейыианству» во всех его последствиях. Мильеран дал прекрасный образчик этого практического бернштейнианства, — недаром Мильерана так усердно бросились защищать и восхвалять и Бернштейн, и Фольмар! В самом деле: если социал-демократия в сущности есть просто партия реформ и должна иметь смелость открыто признать это, — тогда социалист не только вправе вступить в буржуазное министерство, но должен даже всегда стремиться к этому. Если демократия в сущности означает уничтожение классового господства, — то отчего же социалистическому министру не пленять весь буржуазный мир речами о сотрудничестве классов? Отчего не оставаться ему в министерстве даже после того, как убийства рабочих жандармами показали в сотый и тысячный раз истинный характер демократического сотрудничества классов? Отчего бы ему не принять лично участия в приветствовании царя, которого французские социалисты зовут теперь не иначе как героем виселицы, кнута и ссылки (knouteur, pendeur et déportateur)? А возмездием за это бесконечное унижение и самооплевание социализма перед всем миром, за развращение социалистического сознания рабочих

масс — этого единственного базиса, который может обеспечить нам победу, — в возмездие за это громкие *проекты* мизерных реформ, мизерных до того, что у буржуазных правительств удавалось добиться большего!

Кто не закрывает себе намеренно глаз, тот не может не видеть, что новое «критическое» направление в социализме есть не что иное, как новая разновидность *оппортунизма.* И если судить о людях не по тому блестящему мундиру, который они сами себе надели, не по той эффектной кличке, которую они сами себе взяли, а по тому, как они поступают и что они на самом деле пропагандируют, — то станет ясно, что «свобода критики» есть свобода оппортунистического направления в социал-демократии, свобода превращать социал-демократию в демократическую партию реформ, свобода внедрения в социализм буржуазных идей и буржуазных элементов.

Свобода — великое слово, но под знаменем свободы промышленности велись самые разбойнические войны, под знаменем свободы труда — грабили трудящихся. Такая же внутренняя фальшь заключается в современном употреблении слова: «свобода критики». Люди, действительно убежденные в том, что они двинули вперед науку, требовали бы не свободы новых воззрений наряду с старыми, а замены последних первыми. А современные выкрикивания «да здравствует свобода критики!» слишком напоминают басню о пустой бочке.

Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда идти под их огнем. Мы соединились, по свободно принятому решению, именно для того, чтобы бороться с врагами и не оступаться в соседнее болото, обитатели которого с самого начала порицали нас за то, что мы выделились в особую группу и выбрали путь борьбы, а не путь примирения. И вот некоторые из нас принимаются кричать: пойдемте в это болото! — а когда их начинают стыдить, они возражают: какие вы отсталые люди! и как вам не совестно отрицать за нами свободу звать вас на лучшую дорогу! — О да, господа, вы свободны не только звать, но и идти куда вам угодно, хотя бы в болото;

мы находим даже, что ваше настоящее место именно в болоте, и мы готовы оказать вам посильное содействие к *вашему* переселению туда. Но только оставьте тогда наши руки, не хватайтесь за нас и не пачкайте великого слова свобода, потому что мы ведь тоже «свободны» идти, куда мы хотим, свободны бороться не только с болотом, но и с теми, кто поворачивает к болоту!

б) НОВЫЕ ЗАЩИТНИКИ «СВОБОДЫ КРИТИКИ»

И вот этот-то лозунг («свобода критики») торжественно выдвинут в самое последнее время «Раб. Делом» (№ 10), органом заграничного «Союза русских социал-демократов»[13], выдвинут не как теоретический постулат, а как политическое требование, как ответ на вопрос: «возможно ли объединение действующих за границей социал-демократических организаций?» — «Для прочного объединения необходима свобода критики» (стр. 36).

Из этого заявления вытекают два совершенно определенных вывода: 1. «Рабоч. Дело» берет под свою защиту оппортунистическое направление в международной социал-демократии вообще; 2. «Р. Дело» требует свободы оппортунизма в русской социал-демократии. Рассмотрим эти выводы.

«Р. Делу» «в особенности» не нравится «склонность «Искры» и «Зари»[14] пророчить разрыв между *Горой* и *Жирондой*[15] международной социал-демократии»*.

«Нам вообще, — пишет редактор «Р. Д.» Б. Кричевский, — разговор о *Горе* и *Жиронде* в рядах социал-демократии представляется поверхностной исторической аналогией, странной под пером марксиста: Гора и Жиронда представляли не разные темпераменты или умственные течения, как это может казаться историкам-идеологам, а разные классы или слои — среднюю бур-

* Сравнение двух течений в революционном пролетариате (революционное и оппортунистическое) с двумя течениями в революционной буржуазии XVIII века (якобинское — «Гора» — и жирондистское) было сделано в передовой статье № 2 «Искры» (февраль 1901 г.). Автор этой статьи — Плеханов. Говорить о «якобинстве» в русской социал-демократии до сих пор очень любят и кадеты, и «беззаглавцы»[16], и меньшевики. Но о том, как Плеханов впервые выдвинул это понятие против правого крыла социал-демократии, — об этом ныне предпочитают молчать или... забывать. (Примечание автора к изданию 1907 г. *Ред.)*

жуазию, с одной стороны, и мелкое мещанство с пролетариатом, с другой. В современном же социалистическом движении нет столкновения классовых интересов, оно все целиком, во *всех* (курс. Б. Кр.) своих разновидностях, включая и самых отъявленных бернштейнианцев, стоит на почве классовых интересов пролетариата, его классовой борьбы за политическое и экономическое освобождение» (стр. 32—33).

Смелое утверждение! Не слыхал ли Б. Кричевский о том, давно уже подмеченном, факте, что именно широкое участие в социалистическом движении последних лет *слоя* «академиков» обеспечило такое быстрое распространение бернштейнианства? А главное, — на чем основывает наш автор свое мнение, что и «самые отъявленные бериштейнианцы» стоят на почве классовой борьбы за политическое и экономическое освобождение пролетариата? Неизвестно. Решительная защита самых отъявленных бернштейнианцев ровно никакими ни доводами, ни соображениями не подкрепляется. Автор думает, очевидно, что раз он повторяет то, что говорят про себя и самые отъявленные бернштейнианцы, — то его утверждение и не нуждается в доказательствах. Но можно ли представить себе что-либо более «поверхностное», как это суждение о целом направлении на основании того, что говорят сами про себя представители этого направления? Можно ли представить себе что-либо более поверхностное, как дальнейшая «мораль» о двух различных и даже диаметрально противоположных типах или дорогах партийного развития (стр. 34—35 «Р. Д.»)? Немецкие социал-демократы, видите ли, признают полную свободу критики, — французы же нет, и именно их пример показывает весь «вред нетерпимости».

Именно пример Б. Кричевского — ответим мы на это — показывает, что иногда называют себя марксистами люди, которые смотрят на историю буквально «по Иловайскому». Чтобы объяснить единство германской и раздробленность французской социалистической партии, вовсе нет надобности копаться в особенностях истории той и другой страны, сопоставлять условия военного полуабсолютизма и республиканского парламентаризма, разбирать последствия Коммуны и

исключительного закона о социалистах[17], сравнивать экономический быт и экономическое развитие, вспоминать о том, как «беспримерный рост германской социалдемократии» сопровождался беспримерной в истории социализма энергией борьбы не только с теоретическими (Мюльбергер, Дюринг*, катедер-социалисты[20]), но и с тактическими (Лассаль) заблуждениями, и проч. и проч. Все это лишнее! Французы ссорятся, потому что они нетерпимы, немцы едины, потому что они пай-мальчики.

И заметьте, что посредством этого бесподобного глубокомыслия «отводится» факт, всецело опровергающий защиту бернштейнианцев. *Стоят* ли они на почве классовой борьбы пролетариата, этот вопрос окончательно и бесповоротно может быть решен только историческим опытом. Следовательно, наиболее важное значение имеет в этом отношении именно пример Франции, как единственной страны, в которой бернштейнианцы попробовали *встать* самостоятельно на ноги, при горячем одобрении своих немецких коллег (а отчасти и русских оппортунистов: ср. «Р. Д.» № 2—3, стр. 83—84). Ссылка на «непримиримость» французов — помимо своего «исторического» (в ноздревском смысле) значения — оказывается просто попыткой замять сердитыми словами очень неприятные факты.

Да и немцев мы вовсе еще не намерены подарить Б. Кричевскому и прочим многочисленным защитникам «свободы критики». Если «самые отъявленные бернштейнианцы» терпимы еще в рядах германской партии, то

* Когда Энгельс обрушился на Дюринга, ко взглядам последнего склонялись довольно многие представители германской социал-демократии, и обвинения в резкости, нетерпимости, нетоварищеской полемике и проч. сыпались на Энгельса даже публично на съезде партии. Мост с товарищами внес (на съезде 1877 года[18]) предложение об устранении статей Энгельса из «Vorwärts'a»[19], как «не представляющих интереса для громадного большинства читателей», а Вальтейх (Vahlteich) заявил, что помещение этих статей принесло большой вред партии, что Дюринг тоже оказал услуги социал-демократии: «мы должны пользоваться всеми в интересах партии, а если профессора спорят, то «Vorwärts» вовсе не место для ведения таких споров» («Vorwärts», 1877, № 65 от 6-го июня). Как видите, это — тоже пример защиты «свободы критики», и над этим примером не мешало бы подумать нашим легальным критикам и нелегальным оппортунистам, которые так любят ссылаться на пример немцев!

лишь постольку, поскольку они *подчиняются* и ганноверской резолюции, решительно отвергнувшей «поправки» Бернштейна[21], и любекской, содержащей в себе (несмотря на всю дипломатичность) прямое предостережение Бернштейну[22]. Можно спорить, сточки зрения интересов немецкой партии, о том, насколько уместна была дипломатичность, лучше ли в данном случае худой мир, чем добрая ссора, можно расходиться, одним словом, в оценке целесообразности того или другого *способа* отклонить бернштейнианство, но нельзя не видеть факта, что германская партия дважды *отклонила* бернштейнианство. Поэтому думать, что пример немцев подтверждает тезис: «самые отъявленные бернштейнианцы стоят на почве классовой борьбы пролетариата за его экономическое и политическое освобождение» — значит совершенно не понимать происходящего у всех перед глазами*.

Мало того. «Раб. Дело» выступает, как мы уже заметили, перед *русской* социал-демократией с требованием «свободы критики» и с защитой бернштейнианства. Очевидно, ему пришлось убедиться в том, что у нас несправедливо обижали наших «критиков» и бернштейнианцев. Каких же именно? кто? где? когда? в чем именно состояла несправедливость? — Об этом «Р. Дело» молчит, не упоминая ни единого раза ни об одном русском критике и бернштейнианце! Нам остается только сделать одно из двух возможных предположений. *Или* несправедливо обиженной стороной является не кто

* Надо заметить, что по вопросу о бернштейнианстве в германской партии «Р. Дело» всегда ограничивалось голым пересказом фактов с полным «воздержанием» от собственной оценки их. См., напр., № 2—3, стр. 66— о Штутгартском съезде[23]; все разногласия сведены к «тактике», и констатируется лишь, что огромное большинство верно прежней революционной тактике. Или № 4—5, стр. 25 и след. — простой пересказ речей на Ганноверском съезде с приведением резолюции Бебеля; изложение и критика Бернштейна отложены опять (как и в № 2—3) до «особой статьи». Курьезно, что на стр. 33 в № 4—5 читаем: «...взгляды, изложенные Бебелем, имеют за себя огромное большинство съезда», а несколько ниже: «... Давид защищал взгляды Бернштейна... Раньше всего он старался показать, что... Бернштейн и его друзья все же (sic!) (так! *Ред.)* стоят на почве классовой борьбы...». Это писалось в декабре 1899 г., а в сентябре 1901 г. «Р. Дело», должно быть, уже разуверилось в правоте Бебеля и повторяет взгляд Давида как свой собственный!

иной, как само «Р. Дело» (это подтверждается тем, что в обеих статьях десятого номера речь идет только об обидах, нанесенных «Зарей» и «Искрой» «Р. Делу»), Тогда чем объяснить такую странность, что «Р. Дело», столь упорно отрекавшееся всегда от всякой солидарности с бернштейнианством, не могло защитить себя, не замолвив словечка за «самых отъявленных бернштейнианцев» и за свободу критики? *Или* несправедливо обижены какие-то третьи лица. Тогда каковы могут быть мотивы умолчания о них?

Мы видим, таким образом, что «Р. Дело» продолжает ту игру в прятки, которой оно занималось (как мы покажем ниже) с самого своего возникновения. А затем обратите внимание на это *первое* фактическое применение хваленой «свободы критики». На деле она сейчас же свелась не только к отсутствию всякой критики, но и к отсутствию самостоятельного суждения вообще. То самое «Р. Дело», которое умалчивает точно о секретной болезни (по меткому выражению Старовера[24]) о русском бернштейнианстве, предлагает для лечения этой болезни *просто-напросто списать* последний немецкий рецепт против немецкой разновидности болезни! Вместо свободы критики — рабская,.. хуже: обезьянья подражательность! Одинаковое социально-политическое содержание современного интернационального оппортунизма проявляется в тех или иных разновидностях, сообразно национальным особенностям. В одной стране группа оппортунистов выступала издавна под особым флагом, в другой оппортунисты пренебрегали теорией, ведя практически политику радикалов-социалистов, в третьей — несколько членов революционной партии перебежали в лагерь оппортунизма и стараются добиться своих целей не открытой борьбой за принципы и за новую тактику, а постепенным, незаметным и, если можно так выразиться, ненаказуемым развращением своей партии, в четвертой — такие же перебежчики употребляют те же приемы в потемках политического рабства и при совершенно оригинальном взаимоотношении «легальной» и «нелегальной» деятельности и проч. Браться же говорить о свободе критики и бернштей-

нианства, как условии объединения *русских* социал-демократов, и при этом не давать разбора того, в чем именно проявилось и какие особенные плоды принесло *русское* бернштейнианство, — это значит браться говорить для того, чтобы ничего не сказать.

Попробуем же мы сами сказать, хотя бы в нескольких словах, то, чего не пожелало сказать (или, может быть, не сумело и понять) «Р. Дело».

в) КРИТИКА В РОССИИ

Основная особенность России в рассматриваемом отношении состоит в том, что уже *самое начало* стихийного рабочего движения, с одной стороны, и поворота передового общественного мнения к марксизму, с другой, ознаменовалось соединением заведомо разнородных элементов под общим флагом и для борьбы с общим противником (устарелым социально-политическим мировоззрением). Мы говорим о медовом месяце «легального марксизма». Это было вообще чрезвычайно оригинальное явление, в самую возможность которого не мог бы даже поверить никто в 80-х или начале 90-х годов. В стране самодержавной, с полным порабощением печати, в эпоху отчаянной политической реакции, преследовавшей самомалейшие ростки политического недовольства и протеста, — внезапно пробивает себе дорогу в *подцензурную* литературу теория революционного марксизма, излагаемая эзоповским, но для всех «интересующихся» понятным языком. Правительство привыкло считать опасной только теорию (революционного) народовольчества, не замечая, как водится, ее внутренней эволюции, радуясь *всякой* направленной против нее критике. Пока правительство спохватилось, пока тяжеловесная армия цензоров и жандармов разыскала нового врага и обрушилась на него, — до тех пор прошло немало (на наш русский счет) времени. А в это время выходили одна за другой марксистские книги, открывались марксистские журналы и газеты, марксистами становились повально все, марксистам льстили, за марксистами ухаживали, издатели восторгались

необычайно ходким сбытом марксистских книг. Вполне понятно, что среди окруженных этим чадом начинающих марксистов оказался не один «писатель, который зазнался»...[25]

В настоящее время об этой полосе можно говорить спокойно, как о прошлом. Ни для кого не тайна, что кратковременное процветание марксизма на поверхности нашей литературы было вызвано союзом людей крайних с людьми весьма умеренными. В сущности, эти последние были буржуазными демократами, и этот вывод (до очевидности подкрепленный их дальнейшим «критическим» развитием) напрашивался кое перед кем еще во времена целости «союза»*.

Но если так, то не падает ли наибольшая ответственность за последующую «смуту» именно на революционных социал-демократов, которые вошли в этот союз с будущими «критиками»? Такой вопрос, вместе с утвердительным ответом на него, приходится слышать иногда от людей, чересчур прямолинейно смотрящих на дело. Но эти люди совершенно неправы. Бояться временных союзов хотя бы и с ненадежными людьми может только тот, кто сам на себя не надеется, и ни одна политическая партия без таких союзов не могла бы существовать. А соединение с легальными марксистами было своего рода первым действительно политическим союзом русской социал-демократии. Благодаря этому союзу была достигнута поразительно быстрая победа над народничеством и громадное распространение вширь идей марксизма (хотя и в вульгаризированном виде). Притом союз заключен был не совсем без всяких «условий». Доказательство: сожженный в 1895 г. цензурой марксистский сборник «Материалы к вопросу о хозяйственном развитии России». Если литературное соглашение с легальными марксистами можно сравнить с политическим союзом, то эту книгу можно сравнить с политическим договором.

* Здесь имеется в виду вышенапечатанпая статья К. Тулина против Струве, составленная из реферата, который носил заглавие «Отражение марксизма в буржуазной литературе». См. предисловие[26]. (Примечание автора к изданию 1907 г. *Ред*.)

Разрыв вызван был, конечно, не тем, что «союзники» оказались буржуазными демократами. Напротив, представители этого последнего направления — естественные и желательные союзники социал-демократии, поскольку дело идет о ее демократических задачах, выдвигаемых на первый план современным положением России. Но необходимым условием такого союза является полная возможность для социалистов раскрывать рабочему классу враждебную противоположность его интересов и интересов буржуазии. А то бернштейнианство и «критическое» направление, к которому повально обратилось большинство легальных марксистов, отнимало эту возможность и развращало социалистическое сознание, опошляя марксизм, проповедуя теорию притупления социальных противоречий, объявляя нелепостью идею социальной революции и диктатуры пролетариата, сводя рабочее движение и классовую борьбу к узкому тред-юнионизму и «реалистической» борьбе за мелкие, постепенные реформы. Это вполне равносильно было отрицанию со стороны буржуазной демократии права на самостоятельность социализма, а следовательно, и права на его существование; это означало на практике стремление превратить начинающееся рабочее движение в хвост либералов.

Естественно, что при таких условиях разрыв был необходим. Но «оригинальная» особенность России сказалась в том, что этот разрыв означал простое удаление социал-демократов из наиболее всем доступной и широко распространенной «легальной» литературы. В ней укрепились «бывшие марксисты», вставшие «под знак критики» и получившие почти что монополию на «разнос» марксизма. Клики: «против ортодоксии» и «да здравствует свобода критики» (повторяемые теперь «Р. Делом») сделались сразу модными словечками, и что против этой моды не устояли и цензоры с жандармами, это видно из таких фактов, как появление *трех* русских изданий книги знаменитого (геростратовски знаменитого) Бернштейна[27] или как рекомендация Зубатовым книг Бернштейна, г. Прокоповича и проч. («Искра» № 10)[28]. На социал-демократов легла теперь трудная

сама по себе, и невероятно затрудненная еще чисто внешними препятствиями, задача борьбы с новым течением. А это течение не ограничилось областью литературы. Поворот к «критике» сопровождался встречным влечением практиков социал-демократов к «экономизму».

Как возникала и росла связь и взаимозависимость легальной критики и нелегального «экономизма», этот интересный вопрос мог бы послужить предметом особой статьи. Нам достаточно отметить здесь несомненное существование этой связи. Пресловутое «Credo»* потому и приобрело такую заслуженную знаменитость, что оно откровенно формулировало эту связь и проболтало основную политическую тенденцию «экономизма»: рабочие пусть ведут экономическую борьбу (точнее было бы сказать: тред-юнионистскую борьбу, ибо последняя объемлет и специфически рабочую политику), а марксистская интеллигенция пусть сливается с либералами для «борьбы» политической. Тред-юнионистская работа «в народе» оказывалась исполнением первой, легальная критика — второй половины этой задачи. Это заявление было таким прекрасным оружием против «экономизма», что если бы не было «Credo» — его стоило бы выдумать.

«Credo» не было выдумано, но оно было опубликовано помимо воли и, может быть, даже против воли его авторов. По крайней мере, пишущему эти строки, который принимал участие в извлечении на свет божий новой «программы»**, приходилось слышать жалобы и упреки по поводу того, что набросанное ораторами резюме их взглядов было распространено в копиях, получило ярлык «Credo» и попало даже в печать вместе с протестом! Мы касаемся этого эпизода, потому что он вскрывает очень любопытную черту нашего «экономизма»: боязнь гласности. Это именно черта «экономизма»

* — символ веры, программа, изложение миросозерцания. *Ред.*

** Речь идет о *протесте 17-ти* против «Credo». Пишущий эти строки участвовал в составлении этого протеста (конец 1899 года). Протест вместе с «Credo» был напечатан за границей весной 1900 года[29]. В настоящее время из статьи г-жи Кусковой (кажется, в *«Былом»*[30]) уже известно, что автором «Credo» была она, а среди заграничных «экономистов» того времени виднейшую роль играл г. Прокоповнч. (Примечание автора к изданию 1907 г. *Ред.)*

вообще, а не одних только авторов «Credo»: ее проявляли и «Рабочая Мысль»[31], самый прямой и самый честный сторонник «экономизма», и «Р. Дело» (возмущаясь опубликованием «экономических» документов в «Vademecum'e»*), и Киевский комитет, не пожелавший года два тому назад дать разрешение на опубликование своего «Profession de foi»[33] вместе с написанным против него опровержением**, и многие, многие отдельные представители «экономизма».

Эта боязнь критики, проявляемая сторонниками свободы критики, не может быть объяснена одним лукавством (хотя кое-когда, несомненно, не обходится и без лукавства: нерасчетливо открывать для натиска противников неокрепшие еще ростки нового направления!). Нет, большинство «экономистов» совершенно искренно смотрит (и, по самому существу «экономизма», должны смотреть) с недоброжелательством на всякие теоретические споры, фракционные разногласия, широкие политические вопросы, проекты сорганизовывать революционеров и т. п. «Сдать бы все это за границу!» — сказал мне однажды один из довольно последовательных «экономистов», и он выразил этим очень распространенное (и опять-таки чисто тред-юнионистское) воззрение: наше дело — рабочее движение, рабочие организации здесь, в нашей местности, а остальное — выдумки доктринеров, «переоценка идеологии», как выразились авторы письма в № 12 «Искры» в унисон с № 10 «Р. Дела».

Спрашивается теперь: ввиду таких особенностей русской «критики» и русского бернштейнианства в чем должна была бы состоять задача тех, кто на деле, а не на словах только, хотел быть противником оппортунизма? Во-первых, надо было позаботиться о возобновлении той теоретической работы, которая только-только была начата эпохой легального марксизма и которая падала теперь опять на нелегальных деятелей; без такой работы невозможен был успешный рост движения. Во-вторых, необходимо было активно выступить

* — в «Путеводителе»[32]. *Ред.*

** Насколько нам известно, состав Киевского комитета с тех пор изменился.

на борьбу с легальной «критикой», вносившей сугубый разврат в умы. В-третьих, надо было активно выступить против разброда и шатания в практическом движении, разоблачая и опровергая всякие попытки сознательно или бессознательно принижать нашу программу и нашу тактику.

Что «Р. Дело» не делало ни того, ни другого, ни третьего, это известно, и ниже нам придется подробно выяснять эту известную истину с самых различных сторон. Теперь же мы хотим только показать, в каком вопиющем противоречии находится требование «свободы критики» с особенностями нашей отечественной критики и русского «экономизма». Взгляните, в самом деле, на текст той резолюции, которой «Союз русских социал-демократов за границей» подтвердил точку зрения «Р. Дела»:

«В интересах дальнейшего идейного развития социал-демократии мы признаем свободу критики социал-демократической теории в партийной литературе безусловно необходимой, поскольку критика не идет вразрез с классовым и революционным характером этой теории» («Два съезда», стр. 10).

И мотивировка: резолюция «в первой своей части совпадает с резолюцией любекского партейтага по поводу Бернштейна»... В простоте душевной, «союзники» и не замечают, какое testimonium paupertatis (свидетельство о бедности) подписывают они себе этим копированием!.. «но... во второй части более тесно ограничивает свободу критики, чем это сделал любекский партейтаг».

Итак, резолюция «Союза» направлена против русских бернштейнианцев? Иначе было бы полным абсурдом ссылаться на Любек! Но это неверно, что она «тесно ограничивает свободу критики». Немцы своей ганноверской резолюцией отклонили пункт за пунктом *именно те* поправки, которые делал Бернштейн, а любекской — объявили предостережение *Бернштейну лично,* назвав его в резолюции. Между тем, наши «свободные» подражатели *ни единым звуком* не намекают *ни на одно* проявление специально русской «критики» и русского «экономизма»; при этом умолчании голая ссылка на классовый и революционный характер теории оставляет гораздо больше простора лжетолкованиям, особенно

если «Союз» отказывается отнести к оппортунизму «так называемый экономизм» («Два съезда», стр. 8, к п. I). Это, однако, мимоходом. Главное же то, что позиции оппортунистов по отношению к революционным социал-демократам диаметрально противоположны в Германии и в России. В Германии революционные социал-демократы стоят, как известно, за сохранение того, что есть: за старую программу и тактику, всем известную и опытом многих десятилетий разъясненную во всех деталях. «Критики» же хотят внести изменения, и так как этих критиков ничтожное меньшинство, а ревизионистские стремления их очень робки, то можно понять мотивы, по которым большинство ограничивается сухим отклонением «новшества». У нас же в России критики и «экономисты» стоят за сохранение того, что есть: «критики» хотят, чтобы их продолжали считать марксистами и обеспечили им ту «свободу критики», которой они во всех смыслах пользовались (ибо никакой *партийной* связи они, в сущности, никогда не признавали[*], да и не было у нас такого общепризнанного партийного органа, который мог бы «ограничить» свободу критики хотя бы советом); «экономисты» хотят, чтобы революционеры признавали «полноправность движения в настоящем» («Р. Д.» № 10, стр. 25), т. е. «законность» существования того, что существует; чтобы «идеологи» не пытались «совлечь» движение с того пути, который «определяется взаимодействием материальных элементов и материальной среды» («Письмо» в № 12 «Искры»); чтобы

[*] Уже одно это отсутствие открытой партийной связи и партийной традиции составляет такое кардинальное отличие России от Германии, которое должно бы было предостеречь всякого разумного социалиста от слепого подражания. А вот образец того, до чего доходит «свобода критики» в России. Русский критик, г. Булгаков, делает такой выговор австрийскому критику, Герцу: «При всей независимости своих выводов, Герц в этом пункте (о кооперациях), по-видимому, все-таки остается слишком связан мнениями своей партии и, расходясь в подробностях, не решается расстаться с общим принципом» («Капитализм и земледелие», т. II, стр. 287). Подданный порабощенного политически государства, в котором $^{999}/_{1000}$ населения до мозга костей развращены политическим холопством и полным непониманием партийной чести и партийной связи, — высокомерно выговаривает гражданину конституционного государства за чрезмерную «связанность мнениями партии»! Только и остается нелегальным организациям нашим, как приняться за составление резолюций о свободе критики...

признали желательным вести ту борьбу, «какую только возможно вести рабочим при данных обстоятельствах», а возможной признали ту борьбу, «которую они ведут в действительности в данную минуту» («Отдельное приложение к «Р. Мысли»», стр. 14). Наоборот, мы, революционные социал-демократы, недовольны этим преклонением пред стихийностью, т. е. перед тем, что есть «в данную минуту»; мы требуем изменения господствующей в последние годы тактики, мы заявляем, что, «прежде, чем объединяться, и для того, чтобы объединиться, необходимо сначала решительно и определенно размежеваться» (из объявления об издании «Искры»)*. Одним словом, немцы остаются при данном, отклоняя изменения; мы требуем изменения данного, отвергая преклонение пред этим данным и примирение с ним.

Этой «маленькой» разницы и не заметили наши «свободные» копировальщики немецких резолюций!

г) ЭНГЕЛЬС О ЗНАЧЕНИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

«Догматизм, доктринерство», «окостенение партии — неизбежное наказание за насильственное зашнуровывание мысли», — таковы те враги, против которых рыцарски ополчаются поборники «свободы критики» в «Раб. Деле». — Мы очень рады постановке на очередь этого вопроса и предложили бы только дополнить его другим вопросом:

А судьи кто?

Перед нами два объявления о литературном издательстве. Одно — «Программа периодического органа Союза рус. с.-д. «Раб. Дело»» (оттиск из № 1 «Р. Д.»). Другое — «Объявление о возобновлении изданий группы «Освобождение труда»»[34]. Оба помечены 1899 годом, когда «кризис марксизма» давно уже стоял на очереди дня. И что же? В первом произведении вы напрасно стали бы искать указания на это явление и определенного изложения той позиции, которую намерен занять по этому вопросу новый орган. О теоретической работе и ее на-

* См. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 358. *Ред.*

сущных задачах в данное время — ни слова ни в этой программе, ни в тех дополнениях к ней, которые принял третий съезд «Союза» 1901 года[35] («Два съезда», стр. 15—18). За все это время редакция «Р. Дела» оставляла в стороне теоретические вопросы, несмотря на то, что они волновали всех социал-демократов всего мира.

Другое объявление, наоборот, прежде всего указывает на ослабление в последние годы интереса к теории, настоятельно требует «зоркого внимания к теоретической стороне революционного движения пролетариата» и призывает к «беспощадной критике бернштейновских и других антиреволюционных тенденций» в нашем движении. Вышедшие номера «Зари» показывают, как выполнялась эта программа.

Итак, мы видим, что громкие фразы против окостенения мысли и проч. прикрывают собой беззаботность и беспомощность в развитии теоретической мысли. Пример русских социал-демократов особенно наглядно иллюстрирует то общеевропейское явление (давно уже отмеченное и немецкими марксистами), что пресловутая свобода критики означает не замену одной теории другою, а свободу от всякой целостной и продуманной теории, означает эклектизм и беспринципность. Кто сколько-нибудь знаком с фактическим состоянием нашего движения, тот не может не видеть, что широкое распространение марксизма сопровождалось некоторым принижением теоретического уровня. К движению, ради его практического значения и практических успехов, примыкало немало людей, очень мало и даже вовсе не подготовленных теоретически. Можно судить поэтому, какое отсутствие такта проявляет «Раб. Дело», когда выдвигает с победоносным видом изречение Маркса: «каждый шаг действительного движения важнее дюжины программ»[36]. Повторять эти слова в эпоху теоретического разброда, это все равно что кричать «таскать вам не перетаскать!» при виде похоронной процессии. Да и взяты эти слова Маркса из его письма о Готской программе[37], в котором он *резко порицает* допущенный эклектизм в формулировке принципов:

если уже надо было соединяться — писал Маркс вожакам партии — то заключайте договоры, ради удовлетворения практических целей движения, но не допускайте торгашества принципами, не делайте теоретических «уступок». Вот какова была мысль Маркса, а у нас находятся люди, которые, во имя его, стараются ослабить значение теории!

Без революционной теории не может быть и революционного движения. Нельзя достаточно настаивать на этой мысли в такое время, когда с модной проповедью оппортунизма обнимается увлечение самыми узкими формами практической деятельности. А для русской социал-демократии значение теории усиливается еще тремя обстоятельствами, о которых часто забывают, именно: во-первых, тем, что наша партия только еще складывается, только еще вырабатывает свою физиономию и далеко еще не закончила счетов с другими направлениями революционной мысли, грозящими совлечь движение с правильного пути. Напротив, именно самое последнее время ознаменовалось (как давно уже предсказывал «экономистам» Аксельрод[38]) оживлением не социал-демократических революционных направлений. При таких условиях «неважная» на первый взгляд ошибка может вызвать самые печальные последствия, и только близорукие люди могут находить несвоевременными или излишними фракционные споры и строгое различение оттенков. От упрочения того или другого «оттенка» может зависеть будущее русской социал-демократии на много и много лет.

Во-вторых, социал-демократическое движение международно, по самому своему существу. Это означает не только то, что мы должны бороться с национальным шовинизмом. Это означает также, что начинающееся в молодой стране движение может быть успешно лишь при условии претворения им опыта других стран. А для такого претворения недостаточно простого знакомства с этим опытом или простого переписывания последних резолюций. Для этого необходимо уменье критически относиться к этому опыту и самостоятельно проверять его. Кто только представит себе, как ги-

гантски разрослось и разветвилось современное рабочее движение, тот поймет, какой запас теоретических сил и политического (а также революционного) опыта необходим для выполнения этой задачи.

В-третьих, национальные задачи русской социал-демократии таковы, каких не было еще ни перед одной социалистической партией в мире. Нам придется ниже говорить о тех политических и организационных обязанностях, которые возлагает на нас эта задача освобождения всего народа от ига самодержавия. Теперь же мы хотим лишь указать, что роль *передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией.* А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов; пусть подумает о том всемирном значении, которое приобретает теперь русская литература; пусть... да довольно и этого!

Приведем замечания Энгельса по вопросу о значении теории в социал-демократическом движении, относящиеся к 1874 году. Энгельс признает *не две* формы великой борьбы социал-демократии (политическую и экономическую), — как это принято делать у нас, — *а три, ставя наряду с ними и теоретическую борьбу.* Его напутствие практически и политически окрепшему немецкому рабочему движению так поучительно с точки зрения современных вопросов и споров, что читатель не посетует на нас, надеемся, за длинную выписку из предисловия к брошюре «Der deutsche Bauernkrieg»*, которая давно уже стала величайшей библиографической редкостью:

«Немецкие рабочие имеют два существенных преимущества пред рабочими остальной Европы. Первое — то, что они принадлежат к наиболее теоретическому народу Европы и что они сохранили в себе тот теоретический смысл, который почти совершенно утрачен так

* Dritter Abdruck. Leipzig, 1875. Verlag der Genossenschartsbuchdruckerei («Крестьянская война в Германии». Третье издание. Лейпциг, 1875 г. Кооперативное издательство. *Ред.).*

называемыми «образованными» классами в Германии. Без предшествующей ему немецкой философии, в особенности философии Гегеля, никогда не создался бы немецкий научный социализм, — единственный научный социализм, который когда-либо существовал. Без теоретического смысла у рабочих этот научный социализм никогда не вошел бы до такой степени в их плоть и кровь, как это мы видим теперь. А как необъятно велико это преимущество, это показывает, с одной стороны, то равнодушие ко всякой теории, которое является одной из главных причин того, почему английское рабочее движение так медленно двигается вперед, несмотря на великолепную организацию отдельных ремесл, — а с другой стороны, это показывает та смута и те шатания, которые посеял прудонизм, в его первоначальной форме у французов и бельгийцев, в его карикатурной, Бакуниным приданной, форме — у испанцев и итальянцев.

Второе преимущество состоит в том, что немцы приняли участие в рабочем движении почти что позже всех. Как немецкий теоретический социализм никогда не забудет, что он стоит на плечах Сен-Симона, Фурье и Оуэна — трех мыслителей, которые, несмотря на всю фантастичность и весь утопизм их учений, принадлежат к величайшим умам всех времен и которые гениально предвосхитили бесчисленное множество таких истин, правильность которых мы доказываем теперь научно, — так немецкое практическое рабочее движение не должно никогда забывать, что оно развилось на плечах английского и французского движения, что оно имело возможность просто обратить себе на пользу их дорого купленный опыт, избежать теперь их ошибок, которых тогда в большинстве случаев нельзя было избежать. Где были бы мы теперь без образца английских тред-юнионов и французской политической борьбы рабочих, без того колоссального толчка, который дала в особенности Парижская Коммуна?

Надо отдать справедливость немецким рабочим, что они с редким уменьем воспользовались выгодами своего положения. Впервые с тех пор, как существует рабочее движение, борьба ведется планомерно во всех трех ее

направлениях, согласованных и связанных между собой: в теоретическом, политическом и практически-экономическом (сопротивление капиталистам). В этом, так сказать, концентрическом нападении и заключается сила и непобедимость немецкого движения.

С одной стороны, вследствие этого выгодного их положения, с другой стороны, вследствие островных особенностей английского движения и насильственного подавления французского, немецкие рабочие поставлены в данный момент во главе пролетарской борьбы. Как долго события позволят им занимать этот почетный пост, этого нельзя предсказать. Но, покуда они будут занимать его, они исполнят, надо надеяться, как подобает, возлагаемые им на них обязанности. Для этого требуется удвоенное напряжение сил во всех областях борьбы и агитации. В особенности обязанность вождей будет состоять в том, чтобы все более и более просвещать себя по всем теоретическим вопросам, все более и более освобождаться от влияния традиционных, принадлежащих старому миросозерцанию, фраз и всегда иметь в виду, что социализм, с тех пор как он стал наукой, требует, чтобы с ним и обращались как с наукой, т. е. чтобы его изучали. Приобретенное таким образом, все более проясняющееся сознание необходимо распространять среди рабочих масс с все большим усердием и все крепче сплачивать организацию партии и организацию профессиональных союзов...

... Если немецкие рабочие будут так же идти вперед, то они будут — не то что маршировать во главе движения — это вовсе не в интересах движения, чтобы рабочие одной какой-либо нации маршировали во главе его, — но будут занимать почетное место в линии борцов; и они будут стоять во всеоружии, если неожиданно тяжелые испытания или великие события потребуют от них более высокого мужества, более высокой решимости и энергии»[39].

Слова Энгельса оказались пророческими. Через несколько лет немецких рабочих постигли неожиданно тяжелые испытания в виде исключительного закона о социалистах. И немецкие рабочие действительно

встретили их во всеоружии и сумели победоносно выйти из них.

Русскому пролетариату предстоят испытания еще неизмеримо более тяжкие, предстоит борьба с чудовищем, по сравнению с которым исключительный закон в конституционной стране кажется настоящим пигмеем. История поставила теперь перед нами ближайшую задачу, которая является *наиболее революционной* из всех *ближайших* задач пролетариата какой бы то ни было другой страны. Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата. И мы вправе рассчитывать, что добьемся этого почетного звания, заслуженного уже нашими предшественниками, революционерами 70-х годов, если мы сумеем воодушевить наше в тысячу раз более широкое и глубокое движение такой же беззаветной решимостью и энергией.

II
СТИХИЙНОСТЬ МАСС И СОЗНАТЕЛЬНОСТЬ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

Мы сказали, что наше движение, гораздо более широкое и глубокое, чем движение 70-х годов, необходимо воодушевить такою же, как тогда, беззаветной решимостью и энергией. В самом деле, до сих пор, кажется, еще никто не сомневался в том, что сила современного движения — пробуждение масс (и, главным образом, промышленного пролетариата), а слабость его — недостаток сознательности и инициативности руководителей-революционеров.

Однако в самое последнее время сделано сногсшибательное открытие, грозящее перевернуть все господствовавшие до сих пор взгляды по данному вопросу. Это открытие сделано «Р. Делом», которое, полемизируя с «Искрой» и «Зарей», не ограничилось одними частными возражениями, а попыталось свести «общее разногла-

сие» к более глубокому корню — к «различной оценке *сравнительного* значения стихийного и сознательно «планомерного» элемента». Обвинительный тезис «Рабоч. Дела» гласит: *«преуменьшение значения объективного или стихийного элемента развития»*[*]. Мы скажем на это: если бы полемика «Искры» и «Зари» не дала даже ровно никаких других результатов кроме того, что побудила «Р. Дело» додуматься до этого «общего разногласия», то и один этот результат дал бы нам большое удовлетворение: до такой степени многозначителен этот тезис, до такой степени ярко освещает он всю суть современных теоретических и политических разногласий между русскими социал-демократами.

Вот почему вопрос об отношении сознательности к стихийности представляет громадный общий интерес, и на этом вопросе следует остановиться со всей подробностью.

а) НАЧАЛО СТИХИЙНОГО ПОДЪЕМА

Мы отметили в предыдущей главе *повальное* увлечение теорией марксизма русской образованной молодежи в половине 90-х годов. Такой же повальный характер приняли около того же времени рабочие стачки после знаменитой петербургской промышленной войны 1896 года[40]. Их распространение по всей России явно свидетельствовало о глубине вновь поднимающегося народного движения, и если уже говорить о «стихийном элементе», то, конечно, именно это стачечное движение придется признать прежде всего стихийным. Но ведь и стихийность стихийности — рознь. Стачки бывали в России и в 70-х и в 60-х годах (и даже в первой половине XIX века), сопровождаясь «стихийным» разрушением машин и т. п. По сравнению с этими «бунтами» стачки 90-х годов можно даже назвать «сознательными» — до такой степени значителен тот шаг вперед, который сделало за это время рабочее движение. Это показывает нам, что «стихийный элемент» представляет из себя, в сущности, не что иное, как *зачаточную форму*

[*] «Раб. Дело» № 10, сент. 1901 г., стр. 17 и 18. Курсив «Раб. Дела».

сознательности. И примитивные бунты выражали уже собой некоторое пробуждение сознательности: рабочие теряли исконную веру в незыблемость давящих их порядков, начинали... не скажу понимать, а чувствовать необходимость коллективного отпора, и решительно порывали с рабской покорностью перед начальством. Но это было все же гораздо более проявлением отчаяния и мести, чем *борьбой.* Стачки 90-х годов показывают нам гораздо больше проблесков сознательности: выставляются определенные требования, рассчитывается наперед, какой момент удобнее, обсуждаются известные случаи и примеры в других местах и т. д. Если бунты были восстанием просто угнетенных людей, то систематические стачки выражали уже собой зачатки классовой борьбы, но именно только зачатки. Взятые сами по себе, эти стачки были борьбой тред-юнионистской, но еще не социал-демократической, они знаменовали пробуждение антагонизма рабочих и хозяев, но у рабочих не было, да и быть не могло сознания непримиримой противоположности их интересов всему современному политическому и общественному строю, то есть сознания социал-демократического. В этом смысле стачки 90-х годов, несмотря на громадный прогресс по сравнению с «бунтами», оставались движением чисто стихийным.

Мы сказали, что социал-демократического сознания у рабочих *и не могло быть.* Оно могло быть принесено только извне. История всех стран свидетельствует, что исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тред-юнионистское, т. е. убеждение в необходимости объединяться в союзы, вести борьбу с хозяевами, добиваться от правительства издания тех или иных необходимых для рабочих законов и т. п.* Учение же социализма выросло из тех философских, исторических, экономических теорий, которые разрабатывались образованными представителями имущих классов, интеллигенцией.

* Тред-юнионизм вовсе не исключает всякую «политику», как иногда думают. Тред-юнионы всегда вели известную (но не социал-демократическую) политическую агитацию и борьбу. О различии тред-юнионистской и социал-демократической политики мы скажем в следующей главе.

Основатели современного научного социализма, Маркс и Энгельс, принадлежали и сами, по своему социальному положению, к буржуазной интеллигенции. Точно так же и в России теоретическое учение социал-демократии возникло совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения, возникло как естественный и неизбежный результат развития мысли у революционно-социалистической интеллигенции. К тому времени, о котором у нас идет речь, т. е. к половине 90-х годов, это учение не только было уже вполне сложившейся программой группы «Освобождение труда», но и завоевало на свою сторону большинство революционной молодежи в России.

Таким образом, налицо было и стихийное пробуждение рабочих масс, пробуждение к сознательной жизни и сознательной борьбе, и наличность вооруженной социал-демократическою теориею революционной молодежи, которая рвалась к рабочим. При этом особенно важно установить тот часто забываемый (и сравнительно мало известный) факт, что *первые* социал-демократы этого периода, *усердно занимаясь экономической агитацией* — (и вполне считаясь в этом отношении с действительно полезными указаниями тогда еще рукописной брошюры «Об агитации»[41]) — не только не считали ее единственной своей задачей, а, напротив, *с самого начала* выдвигали и самые широкие исторические задачи русской социал-демократии вообще и задачу ниспровержения самодержавия в особенности. Так, например, той группой петербургских социал-демократов, которая основала «Союз борьбы за освобождение рабочего класса»[42], был составлен еще в конце 1895 года первый номер газеты под названием «Рабочее Дело». Вполне готовый к печати этот номер был схвачен жандармами в набег с 8-го на 9-е декабря 1895 года у одного из членов группы, Анат. Алекс. Ванеева[*], и «Раб. Делу» первой

[*] А. А. Ванеев скончался в 1899 году в Восточной Сибири от чахотки, которую он вынес из одиночного заключения в предварилке. Поэтому мы и сочли возможным опубликовать приводимые в тексте сведения, за достоверность которых мы ручаемся, ибо они исходят от лиц, непосредственно и ближайшим образом знавших А. А. Ванеева.

формации не суждено было увидеть света. Передовая статья этой газеты (которую, может быть, лет через 30 извлечет какая-нибудь «Русская Старина» из архивов департамента полиции) обрисовывала исторические задачи рабочего класса в России и во главе этих задач ставила завоевание политической свободы[43]. Затем была статья «О чем думают наши министры?»*, посвященная полицейскому разгрому Комитетов грамотности, и ряд корреспонденций не только из Петербурга, но и из других местностей России (напр., о побоище рабочих в Ярославской губ.[44]). Таким образом этот, если не ошибаемся, «первый опыт» русских социал-демократов 90-х годов представлял из себя газету не узко местного, тем более не «экономического» характера, стремившуюся соединить стачечную борьбу с революционным движением против самодержавия и привлечь к поддержке социал-демократии всех угнетенных политикой реакционного мракобесия. И никто, хоть сколько-нибудь знакомый с состоянием движения в то время, не усомнится, что подобная газета встретила бы полное сочувствие и рабочих столицы и революционной интеллигенции и получила бы самое широкое распространение. Неуспех же предприятия доказал лишь, что тогдашние социал-демократы оказались не в силах удовлетворить насущный запрос момента вследствие недостатка у них революционного опыта и практической подготовленности. То же самое надо сказать и про «СПБ. Рабочий Листок»[45] и в особенности про «Рабочую Газету» и про «Манифест» образованной весною 1898 года Российской социал-демократической рабочей партии[46]. Само собою разумеется, что нам и в голову не приходит ставить эту неподготовленность в вину тогдашним деятелям. Но для того, чтобы воспользоваться опытом движения и извлечь из этого опыта практические уроки, необходимо дать себе полный отчет о причинах и значении того или другого недостатка. Поэтому крайне важно установить, что часть (может быть, даже большинство) действовавших в 1895—1898 гг. социал-демо-

* См. Сочинения, 5 изд., том 2, стр. 75—80. *Ред.*

кратов вполне справедливо считали возможным тогда же, в самом начале «стихийного» движения, выступать с самой широкой программой и боевой тактикой*. Неподготовленность же большинства революционеров, будучи явлением вполне естественным, никаких особенных опасений возбуждать не могла. Раз постановка задач была правильная, раз была энергия на повторные попытки осуществить эти задачи, — временные неудачи представляли из себя полбеды. Революционная опытность и организаторская ловкость — вещи наживные. Была бы только охота вырабатывать в себе требуемые качества! Было бы только сознание недостатков, равносильное в революционном деле больше чем половине исправления!

Но полбеды сделалось настоящей бедой, когда это сознание стало меркнуть (а оно было очень живо у деятелей названных выше групп), когда появились люди, — и даже социал-демократические органы, — которые недостаток готовы были возвести в добродетель, которые попытались даже *теоретически* обосновать свое *раболепство и преклонение пред стихийностью.* Этому направлению, содержание которого очень неточно характеризуется слишком узким для его выражения понятием «экономизма», пора подвести итоги.

б) ПРЕКЛОНЕНИЕ ПРЕД СТИХИЙНОСТЬЮ. «РАБОЧАЯ МЫСЛЬ»

Прежде чем переходить к литературным проявлениям этого преклонения, отметим следующий характерный факт (сообщенный нам из упомянутого выше источника),

* «Отрицательно относясь к деятельности соц.-дем. конца 90-х годов, «Искра» игнорирует отсутствие в то время условий для иной работы, кроме борьбы за мелкие требования», — заявляют «экономисты» в своем «Письме в русские социал-демократические органы» («Искра» № 12). Приведенные в тексте факты доказывают, что это утверждение об «отсутствии условий» *диаметрально противоположно истине.* Не только в конце, но и в половине 90-х годов вполне были налицо все условия для *иной* работы, кроме борьбы за мелкие требования, все условия, кроме достаточной подготовки руководителей. И вот вместо того, чтобы открыто признать этот недостаток подготовки со стороны нас, идеологов, руководителей, — «экономисты» хотят свалить все на «отсутствие условий», на влияние материальной среды, определяющей путь, с которого не совлечь движения никаким идеологам. Что это такое, как не раболепство пред стихийностью? как не влюбленность «идеологов» в свои недостатки?

который бросает некоторый свет на то, как в среди действовавших в Петербурге товарищей возникала и росла рознь будущих двух направлений русской социал-демократии. В начале 1897 года А. А. Ванееву инекоторымиз его товарищей пришлось участвовать, перед отправкой их в ссылку, на одном частном собрании, где сошлись «старые» и «молодые» члены «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»[47]. Беседа велась главным образом об организации и в частности о том самом «Уставе рабочей кассы», который в окончательном своем виде напечатан в № 9—10 «Листка «Работника»»[48] (стр. 46). Между «стариками» («декабристами», как их звали тогда в шутку петербургские социал-демократы) и некоторыми из «молодых» (принимавшими впоследствии близкое участие в «Раб. Мысли») сразу обнаружилось резкое разногласие и разгорелась горячая полемика. «Молодые» защищали главные основания устава в том виде, как он напечатан. «Старики» говорили, что нам нужно прежде всего вовсе не это, а упрочение «Союза борьбы» в организацию революционеров, которой должны быть соподчинены различные рабочие кассы, кружки для пропаганды среди учащейся молодежи и т. п. Само собою разумеется, что спорившие далеки были от мысли видеть в этом разногласии начало расхождения, считая его, наоборот, единичным и случайным. Но этот факт показывает, что возникновение и распространение «экономизма» шло и в России отнюдь не без борьбы с «старыми» социал-демократами (это часто забывают нынешние «экономисты»). И если эта борьба не оставила, по большей части, «документальных» следов, то причина этого *единственно* та, что состав работающих кружков менялся невероятно часто, никакая преемственность не устанавливалась, а потому и разногласия не фиксировались никакими документами.

Возникновение «Раб. Мысли» вывело «экономизм» на свет божий, но тоже не сразу. Надо конкретно представить себе условия работы и кратковременность жизни массы русских кружков (а конкретно представляет себе это только тот, кто это пережил), чтобы понять, как много случайного было в успехе или неуспехе но-

вого направления в разных городах и как долго ни сторонники, ни противники этого «нового» не могли, буквально-таки не имели никакой возможности определить, действительно ли это особое направление или просто выражение неподготовленности отдельных лиц. Например, первые гектографированные номера «Раб. Мысли» остались даже совершенно неизвестны громадному большинству социал-демократов, и если мы теперь можем ссылаться на передовицу первого ее номера, то только благодаря перепечатке ее в статье В. И—а («Листок «Работника»» № 9—10, стр. 47 и сл.), который не преминул, разумеется, усердно — не по разуму усердно — расхвалить новую газету, столь резко отличавшуюся от названных нами выше газет и проектов газет*. А на передовице этой стоит остановиться — настолько рельефно выразила она *весь дух* «Раб. Мысли» и «экономизма» вообще.

Указав на то, что руке в синем обшлаге не удержать развития рабочего движения, передовица продолжает: «... Такой живучестью рабочее движение обязано тому, что рабочий сам берется наконец за свою судьбу, вырвав ее из рук руководителей», и этот основной тезис подробно развивается дальше. На самом деле, руководители (т. е. социал-демократы, организаторы «Союза борьбы») были вырваны полицией из рук, можно сказать, рабочих**, — а дело представляется так, будто рабочие вели борьбу с этими руководителями и освободились от их ига! Вместо того, чтобы звать вперед, к упрочению революционной организации и расширению политической деятельности, стали звать *назад,* к одной тред-юнионистской борьбе. Провозгласили, что

* Кстати, эта похвала «Р. Мысли» в ноябре 1898 г., когда «экономизм», особенно за границей, вполне определился, исходила от того самого В. И —а, который вскоре сделался одним из редакторов «Раб. Дела». И «Раб. Дело» отрицало еще существование двух направлений в русской социал-демократии, как продолжает отрицать и теперь!

** Что это сравнение правильно, можно видеть из следующего характерного факта. Когда после ареста «декабристов» среди рабочих Шлиссельбургского тракта распространилось известие, что провалу посодействовал близкий к одной из соприкасавшихся с «декабристами» групп провокатор Н. Н. Михайлов (зубной врач), то эти рабочие были так возмущены, что решили убить Михайлова.

«экономическая основа движения затемняется стремлением постоянно не забывать политический идеал», что девиз рабочего движения — «борьба за экономическое положение» (!) или, еще лучше, «рабочие для рабочих»; объявлялось, что стачечные кассы «дороже для движения, чем сотня других организаций» (сравните это, относящееся к октябрю 1897 года, утверждение с спором «декабристов» с «молодыми» в начале 1897 года) и т. п. Словечки в том роде, что во главу угла надо ставить не «сливки» рабочих, а «среднего» рабочего, массового рабочего, что «политика всегда послушно следует за экономикой»[*] и т. д. и т. д., сделались модой и приобрели неотразимое влияние на массу привлекаемой к движению молодежи, знакомой в большинстве случаев только с обрывками марксизма в легальном его изложении.

Это было полным подавлением сознательности стихийностью — стихийностью тех «социал-демократов», которые повторяли «идеи» г-на В. В., стихийностью тех рабочих, которые поддавались тому доводу, что копейка на рубль ближе и дороже, чем всякий социализм и всякая политика, что они должны вести «борьбу, зная, что борются они не для каких-то будущих поколений, а для себя и своих детей» (передовая № 1 «Р. Мысли»). Подобные фразы составляли всегда излюбленное оружие тех западноевропейских буржуа, которые, ненавидя социализм, сами работали (вроде немецкого «социал-политика» Гирша) над пересаживанием английского тред-юнионизма на родную почву, говоря рабочим, что только профессиональная борьба[**] есть именно борьба для самих себя и своих детей, а не для каких-то будущих поколений с каким-то будущим социализмом, — и теперь «В. В. русской социал-демокра-

[*] Из той же передовицы первого номера «Рабочей Мысли». Можно судить по этому, какова была теоретическая подготовленность этих «В. В. русской социал-демократии», которые повторяли грубое опошление «экономического материализма» в то самое время, когда в литературе шла война марксистов против настоящего г. В. В., давно уже прозванного «реакционных дел мастером» за *такое же* понимание отношения политики и экономики!

[**] У немцев есть даже особое слово: «Nur-Gewerkschaftler», обозначающее сторонников «только-профессиональной» борьбы.

тии» принялись повторять эти буржуазные фразы. Важно отметить здесь три обстоятельства, которые нам очень пригодятся при дальнейшем разборе *современных* разногласий*.

Во-первых, указанное нами подавление сознательности стихийностью произошло тоже *стихийным путем.* Это кажется каламбуром, но это — увы! — горькая правда. Оно произошло не путем открытой борьбы двух совершенно противоположных воззрений и победы одного над другим, а путем «вырывания» жандармами все большего и большего числа революционеров-«стариков» и путем все большего и большего выступления на сцену «молодых» «В. В. русской социал-демократии». Всякий, кто — не скажу: участвовал в *современном* русском движении, а хотя бы только нюхал его воздух, превосходно знает, что дело обстоит именно так. И если мы тем не менее особенно настаиваем на том, чтобы читатель вполне уяснил себе этот общеизвестный факт, если мы для наглядности, так сказать, приводим данные о «Рабочем Деле» первой формации и о споре между «стариками» и «молодыми» в начале 1897 года, — то это потому, что на незнание широкой публикой (или совсем юной молодежью) этого факта спекулируют люди, хвастающиеся своим «демократизмом». Мы вернемся еще к этому ниже.

Во-вторых, уже на первом литературном проявлении «экономизма» мы можем наблюдать то в высшей степени своеобразное и крайне характерное для понимания всех разногласий в среде современных социал-демократов явление, что сторонники «чисто рабочего движения», поклонники самой тесной и самой «органической» (выражение «Раб. Дела») связи с пролетарской борьбой, противники всякой нерабочей интеллигенции (хотя бы это была и социалистическая интеллигенция) вынуждены прибегать для защиты своей позиции к доводам

* Мы подчеркиваем *современных* по адресу тех, кто фарисейски пожмет плечами и скажет: теперь легко разносить «Рабочую Мысль», но только это ведь архаизм! Mutato nomine de te fabula narratur (под другим именем о тебе сказка сказывается. *Ред.)* — ответим мы таким современным фарисеям, полное порабощение которых идеями «Раб. Мысли» будет *доказано* ниже.

буржуазных «только тред-юнионистов». Это показывает нам, что «Р. Мысль», с самого своего начала, принялась — бессознательно для самой себя — осуществлять программу «Credo». Это показывает, — (чего никак не может понять «Р. Дело»), — что *всякое* преклонение пред стихийностью рабочего движения, всякое умаление роли «сознательного элемента», роли социал-демократии *означает* тем самым, — *совершенно независимо от того, желает ли этого умаляющий или нет, — усиление влияния буржуазной идеологии на рабочих.* Все, кто толкует о «переоценке идеологии»[*], о преувеличении роли сознательного элемента[**] и т. п., воображают, что чисто рабочее движение само по себе может выработать и выработает себе самостоятельную идеологию, лишь бы только рабочие «вырвали из рук руководителей свою судьбу». Но это глубокая ошибка. В дополнение к сказанному выше приведем еще следующие, глубоко справедливые и важные слова К. Каутского, сказанные им по поводу проекта новой программы австрийской социал-демократической партии[***]:

«Многие из наших ревизионистских критиков полагают, будто Маркс утверждал, что экономическое развитие и классовая борьба создают не только условия социалистического производства, но также и непосредственно порождают *сознание* (курсив К. К.) его необходимости. И вот эти критики возражают, что страна наиболее высокого капиталистического развития, Англия, всего более чужда этому сознанию. На основании проекта можно было бы думать, что этот якобы ортодоксально-марксистский взгляд, опровергаемый указанным способом, разделяет и комиссия, вырабатывавшая австрийскую программу. В проекте значится: «Чем более капиталистическое развитие увеличивает пролетариат, тем более он вынуждается и получает возможность вести борьбу против капитализма. Пролетариат приходит к сознанию» возможности и необходимости социализма. В такой связи социалистическое сознание представляется необходимым непосредственным результатом пролетарской классовой борьбы. А это совершенно неверно. Разумеется, социализм, как учение, столь же коренится в современных экономических отношениях, как и классовая борьба пролетариата, столь же, как и эта по-

[*] Письмо «экономистов» в № 12 «Искры».

[**] «Р. Дело» № 10.

[***] «Neue Zeit»[49], 1901 — 1902, XX, I, № 3, стр. 79. Проект комиссии, о котором говорит К. Каутский, принят Венским съездом (в конце прошлого года) в несколько измененном виде[50].

следняя, вытекает из борьбы против порождаемой капитализмом бедности и нищеты масс, но социализм и классовая борьба возникают рядом одно с другим, а не одно из другого, возникают при различных предпосылках. Современное социалистическое сознание может возникнуть только на основании глубокого научного знания. В самом деле, современная экономическая наука настолько же является условием социалистического производства, как и современная, скажем, техника, а пролетариат при всем своем желании не может создать ни той, ни другой; обе они возникают из современного общественного процесса. Носителем же науки является не пролетариат, а *буржуазная интеллигенция* (курсив К. К.): в головах отдельных членов этого слоя возник ведь и современный социализм, и ими уже был сообщен выдающимся но своему умственному развитию пролетариям, которые затем вносят его в классовую борьбу пролетариата там, где это допускают условия. Таким образом, социалистическое сознание есть нечто извне внесенное (von außen Hineingetragenes) в классовую борьбу пролетариата, а не нечто стихийно (urwüchsig) из нее возникшее. Соответственно этому старая Гайнфельдская программа и говорила совершенно справедливо, что задачей социал-демократии является внесение в пролетариат (буквально: наполнение пролетариата) *сознания* его положения и сознания его задачи. В этом не было бы надобности, если бы это сознание само собой проистекало из классовой борьбы. Новый же проект перенял это положение из старой программы и пришил его к вышеприведенному положению. Но это совершенно перервало ход мысли...»

Раз о самостоятельной, самими рабочими массами в самом ходе их движения вырабатываемой идеологии не может быть и речи*, то вопрос стоит *только так:* буржуазная или социалистическая идеология. Середины тут нет (ибо никакой «третьей» идеологии не выработало человечество, да и вообще в обществе, раздираемом классовыми противоречиями, и не может быть никогда

* Это не значит, конечно, что рабочие не участвуют в этой выработке. Но они участвуют не в качестве рабочих, а в качестве теоретиков социализма, в качестве Прудонов и Вейтлингов, участвуют, другими словами, лишь тогда и постольку, поскольку им в большей или меньшей степени удается овладевать знанием своего века и двигать вперед это знание. А чтобы рабочим *чаще удавалось это,* для этого необходимо как можно больше заботиться о повышении уровня сознательности рабочих вообще, для этого необходимо, чтобы рабочие не замыкались в искусственно суженные рамки *«литературы для рабочих»,* а учились бы овладевать все больше и больше *общей литературой.* Вернее даже было бы сказать вместо «замыкались» — были замыкаемы, потому что рабочие-то сами читают и хотят читать все, что пишут и для интеллигенции, и только некоторые (плохие) интеллигенты думают, что «для рабочих» достаточно рассказывать о фабричных порядках и пережевывать давно известное.

внеклассовой или надклассовой идеологии). Поэтому *всякое* умаление социалистической идеологии, *всякое отстранение* от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной. Толкуют о стихийности. Но *стихийное* развитие рабочего движения идет именно к подчинению его буржуазной идеологии, *идет именно по программе* «Credo», ибо стихийное рабочее движение есть тред-юнионизм, есть Nur-Gewerkschaftlerei, а тред-юнионизм означает как раз идейное порабощение рабочих буржуазией. Поэтому наша задача, задача социал-демократии, состоит в *борьбе со стихийностью,* состоит в том, чтобы *совлечь* рабочее движение с этого стихийного стремления тред-юнионизма под крылышко буржуазии и привлечь его под крылышко революционной социал-демократии. Фраза авторов «экономического» письма в № 12 «Искры», что никакие усилия самых вдохновенных идеологов не могут совлечь рабочего движения с пути, определяемого взаимодействием материальных элементов и материальной среды, *совершенно равносильна* поэтому *отказу от социализма,* и если бы эти авторы способны были продумать то, что̀ они говорят, до конца бесстрашно и последовательно, как должен продумывать свои мысли всякий, кто выступает на арену литературной и общественной деятельности, то им ничего не осталось бы, как «сложить на пустой груди ненужные руки» и... и предоставить поле действия гг. Струве и Прокоповичам, которые тянут рабочее движение «по линии наименьшего сопротивления», т. е. по линии буржуазного тред-юнионизма, или гг. Зубатовым, которые тянут его по линии поповско-жандармской «идеологии».

Вспомните пример Германии. В чем состояла историческая заслуга Лассаля пред немецким рабочим движением? В том, что он *совлек* это движение с того пути прогрессистского тред-юнионизма и кооперативизма, на который оно стихийно направлялось *(при благосклонном участии Шульце-Деличей и им подобных).* Для исполнения этой задачи нужно было нечто, совсем не похожее на разговоры о преуменьшении стихийного элемента, о тактике-процессе, о взаимодействии элементов и среды

и т. п. Для этого нужна была *отчаянная борьба со стихийностью,* и только в результате такой, долгие-долгие годы ведшейся борьбы достигнуто было, например, то, что рабочее население Берлина из опоры прогрессистской партии сделалось одной из лучших крепостей социал-демократии. И борьба эта отнюдь не закончена и посейчас (как могло бы показаться людям, изучающим историю немецкого движения по Прокоповичу, а философию его по Струве[51]). И сейчас немецкий рабочий класс, если можно так выразиться, раздроблен между несколькими идеологиями: часть рабочих объединена в католические и монархические рабочие союзы, другая — в гирш-дункеровские[52], основанные буржуазными поклонниками английского тред-юнионизма, третья — в союзы социал-демократические. Последняя часть неизмеримо больше всех остальных, но этого главенства социал-демократическая идеология могла добиться и это главенство она сможет сохранить только путем неуклонной борьбы со всеми остальными идеологиями.

Но почему же — спросит читатель — стихийное движение, движение по линии наименьшего сопротивления идет именно к господству буржуазной идеологии? По той простой причине, что буржуазная идеология по происхождению своему гораздо старше, чем социалистическая, что она более всесторонне разработана, что она обладает *неизмеримо* бòльшими средствами распространения*. И чем моложе социалистическое движение в какой-либо стране, тем энергичнее должна быть поэтому борьба против всех попыток упрочить несоциалистическую идеологию, тем решительнее надо предостерегать рабочих от тех плохих советчиков, которые

* Часто говорят: рабочий класс *стихийно* влечется к социализму. Это совершенно справедливо, в том смысле, что социалистическая теория всех глубже и всех вернее определяет причины бедствий рабочего класса, а потому рабочие и усваивают ее так легко, *если* только эта теория сама не пасует пред стихийностью, *если* только она подчиняет себе стихийность. Обыкновенно это подразумевается само собою, но *«Раб. Дело»* как раз забывает и извращает это подразумеваемое. Рабочий класс стихийно влечется к социализму, но наиболее распространенная (и постоянно воскрешаемая в самых разнообразных формах) буржуазная идеология тем не менее стихийно всего более навязывается рабочему.

кричат против «преувеличения сознательного элемента» и т. п. Авторы «экономического» письма громят, в унисон с «Раб. Делом», нетерпимость, свойственную младенческому периоду движения. Мы ответим на это: да, наше движение действительно находится в младенческом состоянии, и для того, чтобы скорее возмужать, оно должно именно заразиться нетерпимостью по отношению к людям, задерживающим его рост своим преклонением пред стихийностью. Нет ничего смешнее и ничего вреднее, как корчить из себя стариков, давно уже переживших все решительные эпизоды борьбы!

В-третьих, первый номер «Раб. Мысли» показывает нам, что название «экономизм» (от которого мы не думаем, разумеется, отказываться, ибо так или иначе, а эта кличка уже установилась) недостаточно точно передает сущность нового направления. «Раб. Мысль» не отрицает совершенно политической борьбы: в том уставе кассы, который напечатан в № 1 «Раб. Мысли», говорится о борьбе с правительством. «Рабочая Мысль» полагает лишь, что «политика всегда послушно следует за экономикой» (а «Рабочее Дело» варьирует этот тезис, уверяя в своей программе, что «в России более, чем во всякой другой стране, экономическая борьба *неразрывна* с политической»). Эти положения «Рабочей Мысли» и «Рабочего Дела» совершенно неверны, *если понимать под политикой социал-демократическую политику.* Очень часто экономическая борьба рабочих бывает связана (хотя и не неразрывно) с политикой буржуазной, клерикальной и проч., как мы уже видели. Положения «Раб. Дела» верны, если понимать под политикой политику тред-юнионистскую, т. е. общее стремление всех рабочих добиваться себе от государства тех или иных мероприятий, направленных против бедствий, свойственных их положению, но еще не устраняющих этого положения, т. е. не уничтожающих подчинения труда капиталу. Это стремление действительно обще и английским тред-юнионистам, враждебно относящимся к социализму, и католическим рабочим, и «зубатовским» рабочим, и проч. Есть политика и политика. Таким образом, мы видим, что и по отношению к политической борьбе

«Раб. Мысль» проявляет не столько отрицание ее, сколько преклонение пред ее *стихийностью,* пред ее бессознательностью. Вполне признавая стихийно вырастающую из самого рабочего движения политическую борьбу (вернее: политические пожелания и требования рабочих), она совершенно отказывается от *самостоятельной выработки* специфической *социал-демократической политики,* отвечающей общим задачам социализма и современным русским условиям. Ниже мы покажем, что такова же ошибка и «Раб. Дела».

в) «ГРУППА САМООСВОБОЖДЕНИЯ»[53] И «РАБОЧЕЕ ДЕЛО»

Мы разобрали так подробно мало известную и почти забытую в настоящее время передовицу первого номера «Раб. Мысли», потому что она всех раньше и всех рельефнее выразила ту общую струю, которая потом выплывала на свет божий бесчисленными мелкими струйками. В. И — ъ был совершенно прав, когда, расхваливая первый номер и передовицу «Раб. Мысли», сказал, что она написана «резко, с задором» («Листок «Работника»» № 9—10, стр. 49). Всякий убежденный в своем мнении человек, думающий, что он дает нечто новое, пишет «с задором» и пишет так, что рельефно выражает свои взгляды. Только у людей, привыкших сидеть между двух стульев, нет никакого «задора», только такие люди способны, похвалив вчера задор «Раб. Мысли», нападать сегодня за «полемический задор» на ее противников.

Не останавливаясь на «Отдельном приложении к «Раб. Мысли»» (нам придется ниже по различным поводам ссылаться на это произведение, всего последовательнее выражающее идеи «экономистов»), мы отметим только вкратце «Воззвание группы самоосвобождения рабочих» (март 1899 г., перепечатано в лондонском «Накануне»[54] № 7, июль 1899 г.). Авторы этого воззвания очень справедливо говорят, что «рабочая Россия *еще только просыпается,* только осматривается кругом и *инстинктивно хватается за первые попавшиеся* средства борьбы»,

но делают из этого тот же неправильный вывод, как и «Р. Мысль», забывая, что инстинктивность и есть бессознательность (стихийность), которой должны прийти на помощь социалисты, что «первыми попавшимися» средствами борьбы всегда будут в современном обществе тред-юнионистские средства борьбы, а «первой попавшейся» идеологией — буржуазная (тред-юнионистская) идеология. Точно так же не «отрицают» эти авторы и политики, а говорят только (только!), вслед за г. В. В., что политика есть надстройка, а потому «политическая агитация должна быть надстройкой над агитацией в пользу борьбы экономической, должна вырастать на почве этой борьбы и идти за нею».

Что касается до «Р. Дела», то оно прямо начало свою деятельность с «защиты» «экономистов». Сказав *прямую неправду* в первом же своем номере (№ 1, стр. 141—142), будто оно «не знает, о каких молодых товарищах говорил Аксельрод», предостерегавший «экономистов» в своей известной брошюре*, «Раб. Дело» в разгоревшейся по поводу этой неправды полемике с Аксельродом и Плехановым должно было признать, что оно «в форме недоумения хотело *защитить* всех более молодых заграничных социал-демократов от этого несправедливого обвинения» (обвинения «экономистов» Аксельродом в узости)[55]. На самом деле, обвинение это было вполне справедливо, и «Р. Дело» прекрасно знало, что оно падало, между прочим, и на члена его редакции В. И—на. Замечу кстати, что в указанной полемике Аксельрод был совершенно прав и «Р. Дело» совершенно не право в толковании моей брошюры: «Задачи русских социал-демократов»**. Эта брошюра писана в 1897 году, еще до появления «Раб. Мысли», когда я считал и вправе был считать господствующим *первоначальное* направление СПБ. «Союза борьбы», охарактеризованное мной выше. И по крайней мере до половины 1898 года это направление действительно было господствующим.

* «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов». Женева, 1898. Два письма в «Рабочую Газету», писанные в 1897 году.

** См. Сочинения, 5 изд., том 2, стр. 433—470. *Ред.*

Поэтому ссылаться в опровержение существования и опасности «экономизма» на брошюру, излагавшую взгляды, которые были *вытеснены* в С.-Петербурге в 1897—1898 г. «экономическими» взглядами, «Р. Дело» не имело ни малейшего права*.

Но «Р. Дело» не только «защищало» «экономистов», а также и само сбивалось постоянно на их основные заблуждения. Источник этой сбивчивости лежал в двусмысленном понимании следующего тезиса программы «Р. Дела»: «важнейшим явлением русской жизни, которое главным образом *будет определять задачи* (курс. наш) и характер литературной деятельности Союза, мы считаем возникшее за последние годы *массовое рабочее движение»* (курс. «Р. Д.»). Что массовое движение есть явление важнейшее, об этом не может быть спора. Но весь вопрос в том, как понимать «определение задач» этим массовым движением. Понимать это можно двояко: *или* в смысле преклонения пред стихийностью этого движения, т. е. сведения роли социал-демократии до простого прислужничества рабочему движению как таковому (понимание «Раб. Мысли», «Группы самоосвобождения» и прочих «экономистов»); *или* же в том смысле, что массовое движение ставит перед нами *новые* теоретические, политические, организационные задачи, гораздо более сложные, чем те, которыми можно было удовлетворяться в период до возникновения массового движения. «Раб. Дело» склонялось и склоняется именно к первому пониманию, потому что оно ни о каких новых задачах ничего определенного не говорило, а

* Первую свою неправду («мы не знаем, о каких молодых товарищах говорил П. Б. Аксельрод») «Р. Дело», защищаясь, дополнило второй, когда писало в «Ответе»: «С тех пор, как написана рецензия на «Задачи», среди некоторых русских социал-демократов возникли или более или менее ясно определились тенденции к экономической односторонности, являющиеся шагом назад по сравнению с тем состоянием нашего движения, которое изображено в «Задачах»» (стр. 9). Так говорит «Ответ», вышедший *в 1900 году.* А первый номер «Р. Д.» (с рецензией) вышел в *апреле 1899 года.* Неужели в 1899 году только возник «экономизм»? Нет, в 1899 г. впервые раздался протест *русских* социал-демократов против «экономизма» (протест против «Credo»). (См. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 163—176.) «Экономизм» же возник в 1897 году, как это отлично знает «Р. Дело», ибо В. *И —ъ* уже в ноябре *1898 года* («Лист. «Раб.»» № 9—10) расхваливал «Раб. Мысль».

рассуждало все время именно так, как будто бы это «массовое движение» *избавляет* нас от необходимости ясно сознать и решить выдвигаемые им задачи. Достаточно сослаться на то, что «Р. Дело» считало невозможным ставить массовому рабочему движению *первой* задачей — низвержение самодержавия, принижая эту задачу (во имя массового движения) до задачи борьбы за ближайшие политические требования («Ответ», стр. 25).

Минуя статью редактора «Раб. Дела» Б. Кричевского в № 7 — «Экономическая и политическая борьба в русском движении», статью, повторяющую те же самые ошибки*, перейдем прямо к № 10 «Р. Дела». Мы не станем, конечно, входить в разбор отдельных возражений Б. Кричевского и Мартынова против «Зари» и «Искры». Нас интересует здесь только та принципиальная позиция, которую заняло в № 10 «Рабочее Дело». Мы не будем, например, разбирать того курьеза, что «Р. Дело» усмотрело «диаметральное противоречие» между положением:

«Социал-демократия не связывает себе рук, не суживает своей деятельности одним каким-нибудь заранее придуманным планом или приемом политической

---

* «Теория стадий» или теория «робкого зигзага» в политической борьбе выражается, например, в этой статье так: «Политические требования, по своему характеру общие для всей России, должны, однако, на первых порах» (это писано в августе 1900 г.!) «соответствовать опыту, извлеченному данным слоем (sic!) рабочих из экономической борьбы. Только (!) на почве этого опыта можно и должно приступать к политической агитации» и т. д. (стр. 11). На стр. 4 автор, восставая против совершенно неосновательных, по его мнению, обвинений в экономической ереси, патетически восклицает: «Какой же социал-демократ не знает, что по учению Маркса и Энгельса экономические интересы отдельных классов играют решающую роль в истории и, *следовательно,* в частности борьба пролетариата за свои экономические интересы должна иметь первостепенное значение для его классового развития и освободительной борьбы?» (курс. наш). Это «следовательно» совершенно неуместно. Из того, что экономические интересы играют решающую роль, *отнюдь не следует* никакого вывода О первостепенном значении экономической (=профессиональной) борьбы, ибо самые существенные, «решающие» интересы классов могут быть удовлетворены *только* коренными *политическими* преобразованиями вообще; в частности, основной экономический интерес пролетариата может быть удовлетворен только посредством политической революции, заменяющей диктатуру буржуазии диктатурой пролетариата. Б. Кричевский повторяет рассуждение «В. В. русской социал-демократии» (— политика следует за экономикой и т. п.) и бернштейнианцев немецкой (напр., Вольтман именно таким рассуждением доказывал, что рабочие должны сначала приобрести «экономическую силу», прежде чем думать о политической революции).

борьбы, — она признает все средства борьбы, лишь бы они соответствовали наличным силам партии» и т. д. (№ 1 «Искры»)*

и положением:

«Если нет крепкой организации, искушенной в политической борьбе при всякой обстановке и во всякие периоды, то не может быть и речи о том систематическом, освещенном твердыми принципами и неуклонно проводимом плане деятельности, который только и заслуживает названия тактики» (№ 4 «Искры»)**.

Смешать *принципиальное* признание всех средств борьбы, всех планов и приемов, лишь бы они были целесообразны, — с требованием *в данный политический момент* руководиться неуклонно проводимым планом, если хочешь толковать о тактике, это значило все равно что смешать признание медициной всяких систем лечения с требованием держаться одной определенной системы при лечении данной болезни. Но в том-то и дело, что «Раб. Дело», само страдая болезнью, которую мы назвали преклонением пред стихийностью, не хочет признать никаких «систем лечения» *этой* болезни. Оно сделало поэтому замечательное открытие, что «тактика-план противоречит основному духу марксизма» (№ 10, стр. 18), что тактика есть *«процесс роста партийных задач, растущих вместе с партией»* (стр. 11, курс. «Р. Д.»). Это последнее изречение имеет все шансы сделаться знаменитым изречением, неразрушимым памятником «направления» «Раб. Дела». На вопрос: *«куда идти?»* руководящий орган дает ответ: движение есть процесс изменения расстояния между исходным и последующим пунктами движения. Это несравненное глубокомыслие представляет из себя, однако, не только курьез (тогда бы на нем не стоило особенно останавливаться), но и *программу целого направления,* именно: ту самую программу, которую Р. М. (в «Отдельном приложении к «Раб. Мысли»») выразил словами: желательна та борьба, которая возможна, а возможна та, которая идет в данную

---

* См. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 376. *Ред.*

** См. Сочинения, 5 изд., том 5, стр. 6—7. *Ред.*

минуту. Это как раз направление безграничного оппортунизма, пассивно приспособляющегося к стихийности. «Тактика-план противоречит основному духу марксизма!» Да это клевета на марксизм, превращение его в ту самую карикатуру, которую противопоставляли нам в войне с нами народники. Это именно принижение инициативы и энергии сознательных деятелей, тогда как марксизм дает, напротив, гигантский толчок инициативе и энергии социал-демократа, открывая ему самые широкие перспективы, отдавая (если можно так выразиться) в его распоряжение могучие силы миллионов и миллионов «стихийно» поднимающегося на борьбу рабочего класса! Вся история международной социал-демократии кишит планами, которые выдвигались то одним, то другим политическим вождем, оправдывая дальновидность и верность политических, организационных взглядов одного, обнаруживая близорукость и политические ошибки другого. Когда Германия испытала один из величайших исторических переломов — образование империи, открытие рейхстага, дарование всеобщего избирательного права, — один план социал-демократической политики и работы вообще был у Либкнехта, другой у Швейцера. Когда на германских социалистов обрушился исключительный закон, — один план был у Моста и Гассельмана, готовых просто звать к насилию и террору, другой — у Хёхберга, Шрамма и (отчасти) Бернштейна, которые стали было проповедовать социал-демократам, что они своей неразумной резкостью и революционностью вызвали закон и должны теперь заслужить примерным поведением прощение; третий план — у тех, кто подготовлял и осуществлял издание нелегального органа[56]. Глядя назад, много лет спустя после того, как борьба из-за вопроса о выборе пути закончилась и история сказала свое последнее решение о пригодности выбранного пути, — нетрудно, конечно, проявить глубокомыслие изречением о росте партийных задач, растущих вместе с партией. Но в момент смуты*,

* Ein Jahr der Verwirrung (год смуты) — так озаглавил Меринг тот параграф своей «Истории германской социал-демократии», в котором он описывает колебания и нерешительность, проявленные сначала социалистами при выборе «тактики-плана», соответствующего новым условиям.

когда русские «критики» и «экономисты» принижают социал-демократию до тред-юнионизма, а террористы усиленно проповедуют принятие «тактики-плана», повторяющего старые ошибки, в такой момент ограничиваться подобным глубокомыслием значит выдавать себе «свидетельство о бедности». В момент, когда многие русские социал-демократы страдают именно недостатком инициативы и энергии, недостатком «размаха политической пропаганды, агитации и организации»*, недостатком «планов» более широкой постановки революционной работы, — в такой момент говорить: «тактика-план противоречит основному духу марксизма» — значит не только теоретически опошлять марксизм, но и практически *тащить партию назад.*

«Революционер-социал-демократ имеет задачей, — поучает нас далее «Р. Дело», — своей сознательной работой только ускорять объективное развитие, а не отменять его или заменять его субъективными планами. «Искра» в теории все это знает. Но огромное значение, справедливо придаваемое марксизмом сознательной революционной работе, увлекает ее на практике, благодаря ее доктринерскому взгляду на тактику, к *преуменьшению значения объективного или стихийного элемента развития»* (стр. 18).

Опять величайшая теоретическая путаница, достойная г-на В. В. с братиею. Мы спросили бы нашего философа: в чем может выразиться «преуменьшение» объективного развития со стороны составителя субъективных планов? Очевидно в том, что он упустит из виду, что это объективное развитие создает или укрепляет, губит или ослабляет такие-то классы, слои, группы, такие-то нации, группы наций и т. п., обусловливая этим такую-то и такую-то международную политическую группировку сил, позицию революционных партий и проч. Но вина такого составителя будет состоять тогда не в преуменьшении стихийного элемента, а в преуменьшении, наоборот, *сознательного* элемента, ибо у него не хватит «сознательности» для правильного понимания объективного

* Из передовой статьи № 1 «Искры». (См. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 374. *Ред.)*

развития. Поэтому один уже разговор об «оценке *сравнительного* (курс. «Рабочего Дела») значения» стихийности и сознательности обнаруживает полное отсутствие «сознательности». Если известные «стихийные элементы развития» доступны вообще человеческому сознанию, то неправильная оценка их будет равносильна «преуменьшению сознательного элемента». А если они недоступны сознанию, то мы их не знаем и говорить о них не можем. О чем же толкует Б. Кричевский? Если он находит ошибочными «субъективные планы» «Искры» (а он их именно объявляет ошибочными), то он должен был бы показать, какие именно объективные факты игнорируются этими планами, и обвинить «Искру» за это игнорирование *в недостатке сознательности,* в «преуменьшении сознательного элемента», выражаясь его языком. Если же он, недовольный субъективными планами, не имеет других аргументов, кроме ссылки на «преуменьшение стихийного элемента» (!!), то он доказывает этим лишь, что он (1) теоретически — понимает марксизм à la Кареевы и Михайловские, достаточно осмеянные Бельтовым, (2) практически — вполне доволен теми «стихийными элементами развития», которые увлекали наших легальных марксистов в бернштейнианство, а наших социал-демократов в «экономизм», и что он «зело сердит» на людей, решившихся во что бы то ни стало *совлечь* русскую социал-демократию с пути «стихийного» развития.

А дальше уже идут совсем веселые вещи. «Подобно тому, как люди, несмотря ни на какие успехи естественных наук, будут размножаться стародедовским способом, — так и появление на свет нового общественного порядка, несмотря ни на какие успехи общественных наук и рост сознательных борцов, и впредь будет являться результатом *преимущественно* стихийных взрывов» (19). Подобно тому, как стародедовская мудрость гласит: чтобы иметь детей, кому ума недоставало? — так мудрость «новейших социалистов» (à la Нарцис Тупорылов[57]) гласит: чтобы участвовать в стихийном появлении на свет нового общественного порядка, ума хватит у всякого. Мы думаем тоже, что у всякого

хватит. Для такого участия достаточно *поддаваться* — «экономизму», когда царит «экономизм», — терроризму, когда возник терроризм. Так, «Раб. Дело» весной этого года, когда так важно было предостеречь от увлечения террором, с недоумением стояло перед «новым» для него вопросом. А теперь, полгода спустя, когда вопрос перестал быть такой злобой дня, оно в одно и то же время преподносит нам и заявление: «мы думаем, что задачей социал-демократии не может и не должно быть противодействие подъему террористических настроений» («Р. Д.» № 10, стр. 23) и резолюцию съезда: «Систематический наступательный террор съезд признает несвоевременным» («Два съезда», стр. 18). Как это замечательно ясно и связно! Не противодействуем, — но объявляем несвоевременным, притом объявляем так, что несистематический и оборонительный террор «резолюцией» не объемлется. Надо признать, что такая резолюция очень безопасна и вполне гарантирована от ошибочности, — как гарантирован от ошибок человек, который говорил для того, чтобы ничего не сказать! И для составления такой резолюции нужно только одно: уметь держаться *за хвост* движения. Когда «Искра» посмеялась над тем, что «Раб. Дело» объявило вопрос о терроре новым вопросом*, то «Р. Дело» сердито обвинило «Искру» в «прямо невероятной претензии навязывать партийной организации решение тактических вопросов, данное группой писателей-эмигрантов более 15 лет тому назад» (стр. 24). Действительно, какая претенциозность и какое преувеличение сознательного элемента: решать вопросы заранее теоретически с тем, чтобы потом убеждать в правильности этого решения и организацию, и партию, и массу!** То ли дело просто зады повторять и, никому ничего не «навязывая», подчиняться каждому «повороту» и в сторону «экономизма», и в сторону терроризма. «Раб. Дело» даже обобщает этот великий завет житейской мудрости, обвиняя «Искру» и «Зарю»

* См. Сочинения, 5 изд., том 5, стр. 7—8. *Ред.*

** Не надо забывать также и того, что, «теоретически» решая вопрос о терроре, группа «Освобождение труда» *обобщала* опыт предшествующего революционного движения.

в «противопоставлении своей программы движению как духа, витающего над бесформенным хаосом» (стр. 29). В чем же состоит роль социал-демократии, как не в том, чтобы быть «духом», не только витающим над стихийным движением, но и *поднимающим* это последнее *до «своей программы»?* Не в том же ведь, чтобы тащиться в *хвосте* движения: в лучшем случае это бесполезно для движения, в худшем — очень и очень вредно. «Рабочее» же «Дело» не только следует этой «тактике-процессу», но и возводит ее в принцип, так что и направление его вернее было бы назвать не оппортунизм, а (от слова: хвост) *хвостизмом.* И нельзя не признаться, что люди, твердо решившие всегда идти за движением в качестве его хвоста, навсегда и абсолютно гарантированы от «преуменьшения стихийного элемента развития».

* *
*

Итак, мы убедились, что основная ошибка «нового направления» в русской социал-демократии состоит в преклонении пред стихийностью, в непонимании того, что стихийность массы требует от нас, социал-демократов, массы сознательности. Чем больше стихийный подъем масс, чем шире становится движение, тем еще несравненно быстрее возрастает требование на массу сознательности и в теоретической, и в политической, и в организационной работе социал-демократии.

Стихийный подъем масс в России произошел (и продолжает происходить) с такой быстротой, что социал-демократическая молодежь оказалась неподготовленной к исполнению этих гигантских задач. Эта неподготовленность — наша общая беда, беда *всех* русских социал-демократов. Подъем масс шел и ширился непрерывно и преемственно, не только не прекращаясь там, где он начался, но и захватывая новые местности и новые слои населения (под влиянием рабочего движения оживилось брожение учащейся молодежи, интеллигенции вообще, даже и крестьянства). Революционеры же *отставали* от этого подъема и в своих «теориях», и в своей деятельности, им не удавалось создать непре-

рывной и преемственной организации, способной *руководить* всем движением.

В первой главе мы констатировали принижение «Раб. Делом» наших теоретических задач и «стихийное» повторение им модного клича «свобода критики»: у повторявших не хватило «сознательности» понять диаметральную противоположность позиций «критиков»-оппортунистов и революционеров в Германии и в России.

В следующих главах мы рассмотрим, как выражалось это преклонение пред стихийностью в области политических задач и в организационной работе социал-демократии.

III
ТРЕД-ЮНИОНИСТСКАЯ И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Начнем опять-таки с похвалы «Раб. Делу». «Обличительная литература и пролетарская борьба» — так озаглавил Мартынов свою статью в № 10 «Рабочего Дела» о разногласиях с «Искрой». «Мы не можем ограничиться одним обличением порядков, стоящих на пути ее (рабочей партии) развития. Мы должны также откликаться на ближайшие и текущие интересы пролетариата» (стр. 63) — так формулировал он суть этих разногласий. «... «Искра»... фактически есть орган революционной оппозиции, обличающий наши порядки и преимущественно политические порядки... Мы же работаем и будем работать для рабочего дела в тесной органической связи с пролетарской борьбой» (там же). Нельзя не быть благодарным Мартынову за эту формулировку. Она приобретает выдающийся общий интерес, ибо охватывает, в сущности, вовсе не одни только разногласия наши с «Р. Делом», но и все вообще разногласия между нами и «экономистами» по вопросу о политической борьбе. Мы показали уже, что «экономисты» не отрицают безусловно «политику», а только сбиваются постоянно с социал-демократического на тред-юнионистское понимание политики. Совершенно

так же сбивается и Мартынов, и мы согласны поэтому взять именно его за *образец* экономических заблуждений по данному вопросу. За такой выбор — мы постараемся показать это — на нас не вправе будут претендовать ни авторы «Отдельного приложения к «Раб. Мысли»», ни авторы прокламации «Группы самоосвобождения», ни авторы «экономического» письма в № 12 «Искры».

а) ПОЛИТИЧЕСКАЯ АГИТАЦИЯ И ЕЕ СУЖЕНИЕ ЭКОНОМИСТАМИ

Всем известно, что широкое распространение и упрочение экономической* борьбы русских рабочих шло рука об руку с созданием «литературы» экономических (фабричных и профессиональных) обличений. Главным содержанием «листков» были обличения фабричных порядков, и среди рабочих скоро вспыхнула настоящая страсть к обличениям. Как только рабочие увидали, что кружки социал-демократов хотят и могут доставлять им нового рода листовки, говорящие всю правду о нищенской жизни, непомерно тяжелом труде и бесправном положении их, — они стали, можно сказать, засыпать корреспонденциями с фабрик и заводов. Эта «обличительная литература» производила громадную сенсацию не только на той фабрике, порядки которой бичевал данный листок, но и на всех фабриках, где что-нибудь слышали о разоблаченных фактах. А так как нужды и бедствия рабочих разных заведений и разных профессий имеют много общего, то «правда про рабочую жизнь» восхищала *всех.* Среди самых отсталых рабочих развилась настоящая страсть «печататься» — благородная страсть к этой зачаточной форме войны со всем современным общественным порядком, построенным на грабеже и угнетении. И «листки» в громадном большинстве

---

* Заметим, ко избежание недоразумений, что в дальнейшем изложении мы понимаем везде под экономической борьбой (согласно установившемуся у нас словоупотреблению) ту «практически-экономическую борьбу», которую Энгельс назвал, в приведенной выше цитате, «сопротивлением капиталистам» и которая в свободных странах называется профессиональной, синдикальной или тред-юнионистской борьбой.

случаев были действительно объявлением войны, потому что разоблачение оказывало страшно возбуждающее действие, вызывало со стороны рабочих общее требование устранить самые вопиющие безобразия и готовность поддержать эти требования стачками. Сами фабриканты в конце концов до такой степени должны были признать значение этих листков, как объявления войны, что сплошь да рядом не хотели и дожидаться самой войны. Обличения, как и всегда, сделались сильны одним уже фактом своего появления, приобрели значение могучего нравственного давления. Случалось не раз, что одного появления листка оказывалось достаточно для удовлетворения всех или части требований. Одним словом, экономические (фабричные) обличения были и теперь остаются важным рычагом экономической борьбы. И это значение сохранится за ними, пока будет существовать капитализм, порождающий необходимо самозащиту рабочих. В самых передовых европейских странах можно наблюдать и теперь, как обличение безобразий какого-нибудь захолустного «промысла» или какой-нибудь всеми забытой отрасли домашней работы служит исходным пунктом к пробуждению классового сознания, к началу профессиональной борьбы и распространения социализма*.

Преобладающее большинство русских социал-демократов последнего времени было почти всецело поглощено этой работой по организации фабричных обличений. Достаточно вспомнить «Раб. Мысль», чтобы видеть,

* В настоящей главе мы говорим только о *политической* борьбе, о более широком или более узком ее понимании. Поэтому лишь мимоходом отметим, просто как курьез, обвинение «Раб. Делом» «Искры» в «излишнем воздержании» по отношению к экономической борьбе («Два съезда», стр. 27, разжевано Мартыновым в его брошюре «Социал-демократия и рабочий класс»). Если бы гг. обвинители выразили хотя бы в пудах или печатных листах (как они любят это делать) отдел экономической борьбы в «Искре» за год и сравнили с соответствующим отделом «Р. Дела» и «Р. Мысли», вместе взятых, то они легко увидели бы, что они отстают даже и в этом отношении. Очевидно, сознание этой простой истины заставляет их прибегать к доводам, ясно показывающим их смущение. «Искре», — пишут они, — «волей-неволей (!) приходится (!) считаться с властными запросами жизни и хотя бы (!!) помещать корреспонденции о рабочем движении» («Два съезда», стр. 27). Вот уже подлинно уничтожающий нас аргумент!

до какой степени доходило это поглощение, как при этом забывалось, что *сама по себе* это, в сущности, еще не социал-демократическая, а только тред-юнионистская деятельность. Обличения захватывали, в сущности, только отношения рабочих *данной профессии* к их хозяевам и достигали только того, что продавцы рабочей силы научались выгоднее продавать этот «товар» и бороться с покупателем на почве чисто коммерческой сделки. Эти обличения могли сделаться (при условии известного использования их организацией революционеров) началом и составной частью социал-демократической деятельности, но могли также (а при условии преклонения пред стихийностью должны были) вести к «только-профессиональной» борьбе и к не социал-демократическому рабочему движению. Социал-демократия руководит борьбой рабочего класса не только за выгодные условия продажи рабочей силы, а и за уничтожение того общественного строя, который заставляет неимущих продаваться богачам. Социал-демократия представляет рабочий класс не в его отношении к данной только группе предпринимателей, а в его отношении ко всем классам современного общества, к государству, как организованной политической силе. Понятно отсюда, что социал-демократы не только не могут ограничиться экономической борьбой, но и не могут допустить, чтобы организация экономических обличений составляла их преобладающую деятельность. Мы должны активно взяться за политическое воспитание рабочего класса, за развитие его политического сознания. С этим *теперь,* после первого натиска на «экономизм» со стороны «Зари» с «Искрой», «все согласны» (хотя некоторые только на словах, как мы сейчас увидим).

Спрашивается, в чем же должно состоять политическое воспитание? Можно ли ограничиться пропагандой идеи о враждебности рабочего класса самодержавию? Конечно, нет. Недостаточно *объяснять* политическое угнетение рабочих (как недостаточно было *объяснять* им противоположность их интересов интересам хозяев). Необходимо агитировать по поводу каждого конкретного проявления этого угнетения (как мы стали агити-

ровать по поводу конкретных проявлений экономического гнета). А так как *это* угнетение падает на самые различные классы общества, так как оно проявляется в самых различных областях жизни и деятельности, и профессиональной, и общегражданской, и личной, и семейной, и религиозной, и научной, и проч. и проч., то не очевидно ли, что *мы не исполним своей задачи* развивать политическое сознание рабочих, если мы не *возьмем на себя* организацию *всестороннего политического обличения* самодержавия? Ведь для того, чтобы агитировать по поводу конкретных проявлений гнета, надо обличить эти проявления (как надо было обличать фабричные злоупотребления, чтобы вести экономическую агитацию)?

Казалось бы, это ясно? Но именно тут-то и оказывается, что с необходимостью *всесторонне* развивать политическое сознание «все» согласны только на словах. Тут-то и оказывается, что «Раб. Дело», например, не только не брало на себя задачи организовать (или положить почин организации) всесторонних политических обличений, но стало *тащить назад* и «Искру», которая взялась за эту задачу. Слушайте: «Политическая борьба рабочего класса есть лишь» (именно не лишь) «наиболее развитая, широкая и действительная форма экономической борьбы» (программа «Раб. Дела», «Р. Д.» № 1, стр. 3). «Теперь перед социал-демократами стоит задача — как придать по возможности самой экономической борьбе политический характер» (Мартынов в № 10, стр. 42). «Экономическая борьба есть наиболее широко применимое средство для вовлечения массы в активную политическую борьбу» (резолюция съезда Союза и «поправки»: «Два съезда», стр. 11 и 17). Все эти положения проникают собой «Раб. Дело», как видит читатель, с самого его возникновения и вплоть до последних «инструкций редакции», и все они выражают, очевидно, один взгляд на политическую агитацию и борьбу. Присмотритесь же к этому взгляду с точки зрения господствующего у всех «экономистов» мнения, что политическая агитация должна *следовать* за экономической. Верно ли это, что экономическая борьба есть

вообще[*] «наиболее широко применимое средство» для вовлечения массы в политическую борьбу? Совершенно неверно. Нисколько не менее «широко применимым» средством такого «вовлечения» являются *все и всяческие* проявления полицейского гнета и самодержавного бесчинства, а отнюдь не такие только проявления, которые связаны с экономической борьбой. Земские начальники и телесное наказание крестьян, взяточничество чиновников и обращение полиции с городским «простонародьем», борьба с голодающими и травля народного стремления к свету и знанию, выколачивание податей и преследование сектантов, муштровка солдат и солдатское обращение со студентами и либеральной интеллигенцией, — почему все эти и тысячи других подобных проявлений гнета, непосредственно не связанных с «экономической» борьбой, представляют из себя вообще *менее* «широко применимые» средства и поводы политической агитации, вовлечения массы в политическую борьбу? Как раз напротив: в общей сумме тех жизненных случаев, когда рабочий страдает (за себя или за близких ему людей) от бесправия, произвола и насилия, — лишь небольшое меньшинство составляет, несомненно, случаи полицейского гнета именно в профессиональной борьбе. К чему же заранее *суживать* размах политической агитации, объявляя «наиболее широко применимым» лишь *одно* из средств, наряду с которыми для социал-демократа должны стоять другие, вообще говоря, не менее «широко применимые»?

Во времена давно, давно прошедшие (год тому назад!..) «Раб. Дело» писало: «Ближайшие политические требования становятся доступными для массы после одной

---

[*] Мы говорим «вообще», ибо речь идет в «Раб. Деле» именно об общих принципах и общих задачах всей партии. Несомненно, что бывают случаи на практике, когда политика действительно *должна* следовать за экономикой, — но об этом говорить в резолюции, предназначенной для всей России, могут только «экономисты». Бывают ведь и такие случаи, когда «с самого начала» *можно* вести политическую агитацию «только на экономической почве», — и тем не менее «Рабоч. Дело» додумалось наконец до того, что в этом «нет никакой необходимости» («Два съезда», стр. 11). В следующей главе мы покажем, что тактика «политиков» и революционеров не только не игнорирует тред-юнионистских задач социал-демократии, а, напротив, одна только и *обеспечивает* последовательное их выполнение.

или, в крайнем случае, нескольких стачек», «как только правительство пустило в ход полицию и жандармерию» (№ 7, стр. 15, *август* 1900 года). Эта оппортунистическая теория стадий в настоящее время уже отвергнута Союзом, который делает нам уступку, заявляя: «нет никакой необходимости с самого начала вести политическую агитацию только на экономической почве» («Два съезда», стр. 11). Будущий историк русской социал-демократии из одного этого отрицания «Союзом» части своих старых заблуждений увидит лучше, чем из всяких длинных рассуждений, до какого принижения доводили социализм наши «экономисты»! Но какая же наивность была со стороны Союза воображать, что ценой этого отказа от одной формы сужения политики пас можно побудить согласиться на другую форму сужения! Не логичнее ли было бы и тут сказать, что экономическую борьбу следует вести как можно более широко, что ей всегда следует пользоваться для политической агитации, но «нет никакой необходимости» считать экономическую борьбу *наиболее* широко применимым средством для вовлечения массы в активную политическую борьбу?

Союз придает значение тому, что он заменил выражением «наиболее широко применимое средство» выражение «лучшее средство», стоящее в соответственной резолюции 4-го съезда Еврейского рабочего союза (Бунда)[58]. Мы, право, затруднились бы сказать, какая из этих резолюций лучше: по нашему мнению, *обе хуже.* И Союз и Бунд сбиваются тут (отчасти, может быть, даже бессознательно, под влиянием традиции) на экономическое, тред-юнионистское толкование политики. Дело нисколько, в сущности, не меняется от того, производится ли это посредством словечка: «лучший» или посредством словечка: «наиболее широко применимый». Если бы Союз сказал, что «политическая агитация на экономической почве» есть наиболее широко применяемое (а не «применимое») средство, то он был бы прав но отношению к известному периоду в развитии нашего социал-демократического движения. Именно он был бы прав но отношению к *«экономистам»,*

по отношению к многим практикам (если не к большинству их) 1898—1901 годов, ибо эти практики-«экономисты», действительно, политическую агитацию *применяли* (поскольку они вообще ее применяли!) *почти исключительно на экономической почве. Такую* политическую агитацию признавали и даже рекомендовали, как мы видели, и «Раб. Мысль» и «Группа самоосвобождения»! «Раб. Дело» должно было *решительно осудить* то, что полезное дело экономической агитации сопровождалось вредным сужением политической борьбы, а оно вместо того объявляет наиболее широко применяемое *(«экономистами»)* средство наиболее широко приме*нимым!* Неудивительно, что, когда мы называем этих людей «экономистами», им ничего не остается, как ругать нас на все корки и «мистификаторами», и «дезорганизаторами», и «папскими нунциями», и «клеветниками»*, как плакать перед всеми и каждым, что им нанесли кровную обиду, как заявлять чуть ли не с клятвами: «в «экономизме» теперь решительно ни одна социал-демократическая организация не повинна»**. Ах, эти клеветники, злые — политики! Не нарочно ли они весь «экономизм» выдумали, чтобы наносить людям, из-за одного только своего человеконенавистничества, обиды кровные?

Какой конкретный, реальный смысл имеет, в устах Мартынова, постановка социал-демократии задачи: «придать самой экономической борьбе политический характер»? Экономическая борьба есть коллективная борьба рабочих с хозяевами за выгодные условия *продажи рабочей силы,* за улучшение условий труда и жизни рабочих. Эта борьба по необходимости является борьбой профессиональной, потому что условия труда крайне разнообразны в разных профессиях, и, след., борьба за *улучшение* этих условий не может не вестись по профессиям (профессиональными союзами на Западе, профессиональными временными соединениями и листками в России и т. п.). Придать «самой экономической борьбе

* Подлинные выражения брошюры «Два съезда», стр. 31, 32, 28 и 30.
** «Два съезда», стр. 32.

политический характер» значит, следовательно, добиваться осуществления тех же профессиональных требований, того же профессионального улучшения условий труда посредством «законодательных и административных мероприятий» (как выражается Мартынов на следующей, 43, странице своей статьи). Это именно делают и всегда делали все профессиональные рабочие союзы. Загляните в сочинение основательных ученых (и «основательных» оппортунистов) супругов Вебб, и вы увидите, что английские рабочие союзы давным-давно уже сознали и осуществляют задачу «придать самой экономической борьбе политический характер», давным-давно борются за свободу стачек, за устранение всех и всяческих юридических препятствий кооперативному и профессиональному движению, за издание законов в защиту женщин и детей, за улучшение условий труда посредством санитарного и фабричного законодательства и пр.

Таким образом за пышной фразой: «придать *самой* экономической борьбе политический характер», которая звучит «ужасно» глубокомысленно и революционно, прячется, в сущности, традиционное стремление *принизить* социал-демократическую политику до политики тред-юнионистской! Под видом исправления односторонности «Искры», которая ставит — видите ли — «революционизирование догмы выше революционизирования жизни»*, нам преподносят как нечто новое *борьбу за экономические реформы.* В самом деле, ровно ничего другого, кроме борьбы за экономические реформы, не содержится в фразе: «придать самой экономической борьбе политический характер». И Мартынов сам бы мог додуматься до этого нехитрого вывода, если бы хорошенько вник в значение своих собственных слов. «Наша партия, — говорит он, выдвигая свое самое тяжелое орудие против «Искры», — могла бы и должна

* «Раб. Дело» № 10, стр. 60. Это — мартыновский вариант того применения к современному, хаотическому состоянию нашего движения тезиса: «каждый шаг действительного движения важнее дюжины программ», которое мы уже охарактеризовали выше. В сущности, это только перевод на русский язык пресловутой бернштейновской фразы: «движение — все, конечная цель — ничто».

была бы ставить правительству конкретные требования законодательных и административных мероприятий против экономической эксплуатации, против безработицы, против голода и т. д.» (стр. 42—43 в № 10 «Р. Д.»). Конкретные требования мероприятий — разве это не есть требование социальных реформ? И мы спрашиваем еще раз беспристрастных читателей, клевещем ли мы на рабочеделенцев (да простят мне это неуклюжее ходячее словечко!), называя их скрытыми бернштейнианцами, когда они выдвигают, как свое *разногласие* с «Искрой», тезис о необходимости борьбы за экономические реформы?

Революционная социал-демократия всегда включала и включает в свою деятельность борьбу за реформы. Но «экономической» агитацией она пользуется для предъявления правительству не только требования всяких мероприятий, а также (и прежде всего) требования перестать быть самодержавным правительством. Кроме того, она считает своей обязанностью предъявлять правительству это требование *не только* на почве экономической борьбы, а и на почве всех вообще проявлений общественно-политической жизни. Одним словом, она подчиняет борьбу за реформы, как часть целому, революционной борьбе за свободу и за социализм. Мартынов же воскрешает в иной форме теорию стадий, стараясь предписать непременно экономический, так сказать, путь развития политической борьбы. Выступая в момент революционного подъема с особой якобы «задачей» борьбы за реформы, он этим тащит партию назад и играет на руку и «экономическому» и либеральному оппортунизму.

Далее. Стыдливо спрятав борьбу за реформы под напыщенный тезис: «придать самой экономической борьбе политический характер», Мартынов выставил как нечто особое *одни только экономические* (и даже одни только фабричные) *реформы.* Почему он это сделал, мы не знаем. Может быть, по недосмотру? Но если бы он имел в виду не только «фабричные» реформы, то тогда весь его тезис, только что нами приведенный, потерял бы всякий смысл. Может быть, потому, что он считает возможными и вероятными со стороны прави-

тельства «уступки» только в области экономической?* Если да, то это странное заблуждение: уступки возможны и бывают и в области законодательства о розге, о паспортах, о выкупных платежах, о сектантстве, о цензуре и проч. и проч. «Экономические» уступки (или лжеуступки) для правительства, разумеется, всего дешевле и всего выгоднее, ибо оно надеется внушить этим доверие рабочим массам к себе. Но именно потому мы, социал-демократы, и *не должны* никоим образом и абсолютно ничем давать место мнению (или недоразумению), будто для нас дороже экономические реформы, будто мы именно их считаем особо важными и т. п. «Такие требования, — говорит Мартынов о выдвинутых им выше конкретных требованиях законодательных и административных мероприятий, — не были бы пустым звуком, потому что, суля известные осязательные результаты, они могли бы быть активно поддержаны рабочей массой»... Мы не «экономисты», о нет! Мы только пресмыкаемся так же рабски пред «осязательностью» конкретных результатов, как господа Бернштейны, Прокоповичи, Струве, Р. М. и tutti quanti**! Мы только даем понять (вместе с Нарцисом Тупорыловым), что все, что не «сулит осязательных результатов», есть «пустой звук»! Мы только выражаемся так, как будто рабочая масса неспособна (и не доказала уже вопреки тем, кто сваливает на нее свое филистерство, свою способность) активно поддерживать *всякий* протест против самодержавия, даже *абсолютно никаких осязательных результатов ей не сулящий!*

Возьмите хотя бы те же, самим Мартыновым приведенные примеры о «мероприятиях» против безработицы и голода. В то время, как «Рабоч. Дело» занимается, судя по его обещанию, выработкой и разработкой «конкретных (в форме законопроектов?) требований законодательных и административных мероприятий»,

* Стр. 43: «Конечно, если мы рекомендуем рабочим предъявлять известные экономические требования правительству, мы это делаем потому, что в области *экономической* самодержавное правительство по нужде готово идти на известные уступки».

** — все им подобные. *Ред.*

«сулящих осязательные результаты», — в это время «Искра», «неизменно ставящая революционизирование догмы выше революционизирования жизни», старалась объяснить неразрывную связь безработицы со всем капиталистическим строем, предупреждала, что «голод идет», обличала полицейскую «борьбу с голодающими» и возмутительные «временно-каторжные правила», в это время «Заря» выпускала отдельным оттиском, как агитационную брошюру, часть посвященного голоду «Внутреннего обозрения»*. Но, боже мой, как «односторонни» при этом были неисправимо-узкие ортодоксы, глухие к велениям «самой жизни» догматики! Ни в одной из их статей не было — о ужас! — *ни одного,* ну можете себе представить: решительно ни одного «конкретного требования», «сулящего осязательные результаты»! Несчастные догматики! Отдать их в науку Кричевским и Мартыновым для убеждения в том, что тактика есть процесс роста, растущего и т. д., и что нужно *самой* экономической борьбе придать политический характер!

«Экономическая борьба рабочих с хозяевами и с правительством («*экономическая* борьба с правительством»!!), кроме своего непосредственного революционного значения, имеет еще то значение, что она наталкивает рабочих непрерывно на вопрос об их политическом бесправии» (Мартынов, стр. 44). Мы выписали эту цитату не для того, чтобы повторять в сотый и тысячный раз сказанное уже выше, а для того, чтобы особо поблагодарить Мартынова за эту новую и превосходную формулировку: «Экономическая борьба рабочих с хозяевами и с правительством». Какая прелесть! С каким неподражаемым талантом, с каким мастерским элиминированием** всех частных разногласий и различий в оттенках между «экономистами» выражена здесь в кратком и ясном положении *вся суть* «экономизма», начиная с призыва рабочих к «политической борьбе, которую они ведут в интересах общих, имея в виду улучшение положения всех рабочих»***, продолжая теорией стадий и кончая резо-

* См. Сочинения, 5 изд., том 5, стр. 297—319. *Ред.*
** — устранением. *Ред.*
*** «Раб. Мысль», «Отд. прилож.», стр. 14.

люцией съезда о «наиболее широкой применимости» и проч. «Экономическая борьба с правительством» есть именно тред-юнионистская политика, от которой до социал-демократической политики еще очень и очень далеко.

б) ПОВЕСТЬ О ТОМ, КАК МАРТЫНОВ УГЛУБИЛ ПЛЕХАНОВА

«Как много появилось у нас в последнее время социал-демократических Ломоносовых!» заметил однажды один товарищ, имея в виду поразительную склонность многих из склонных к «экономизму» лиц доходить непременно «своим умом» до великих истин (вроде той, что экономическая борьба наталкивает рабочих на вопрос о бесправии) и игнорировать при этом, с великолепным пренебрежением гениального самородка, все то, что дало уже предыдущее развитие революционной мысли и революционного движения. Именно таким самородком является Ломоносов-Мартынов. Загляните в его статью: «Очередные вопросы» и вы увидите, как он *подходит* «своим умом» к тому, что давно уже сказано Аксельродом (о котором наш Ломоносов, разумеется, хранит полное молчание), как он *начинает,* например, понимать, что мы не можем игнорировать оппозиционность тех или иных слоев буржуазии («Р. Д.» № 9, стр. 61, 62, 71 — сравни с «Ответом» Аксельроду редакции «Р. Дела», стр. 22, 23—24) и т. п. Но — увы! — только «подходит» и только «начинает», не более того, ибо мысли Аксельрода он все-таки настолько еще не понял, что говорит об «экономической борьбе с хозяевами и правительством». В течение трех лет (1898—1901) «Раб. Дело» собиралось с силами, чтобы понять Аксельрода, и — и все-таки его не поняло! Может быть, это происходит тоже от того, что социал-демократия, «подобно человечеству», всегда ставит себе одни лишь осуществимые задачи?

Но Ломоносовы отличаются не только тем, что они многого не знают (это бы еще было полбеды!), а также и тем, что они не сознают своего невежества. Это уже настоящая беда, и эта беда побуждает их сразу браться за «углубление» Плеханова.

«С тех пор, как Плеханов писал названную книжку («О задачах социалистов в борьбе с голодом в России»), много воды утекло, — рассказывает Ломоносов-Мартынов. — Социал-демократы, которые руководили в течение 10 лет экономической борьбой рабочего класса... не успели еще дать широкое теоретическое обоснование партийной тактики. Теперь этот вопрос назрел, и, если бы мы захотели дать такое теоретическое обоснование, мы несомненно должны были бы значительно углубить те принципы тактики, которые развивал некогда Плеханов... Мы должны были бы теперь определить разницу между пропагандой и агитацией иначе, чем это сделал Плеханов» (Мартынов только что привел слова Плеханова: «пропагандист дает много идей одному лицу или нескольким лицам, а агитатор дает только одну или только несколько идей, зато он дает их целой массе лиц»). «Под пропагандой мы понимали бы революционное освещение всего настоящего строя или частичных его проявлений, безразлично, — делается ли это в форме доступной для единиц или для широкой массы. Под агитацией, в строгом смысле слова (sic!), мы понимали бы призыв массы к известным конкретным действиям, способствование непосредственному революционному вмешательству пролетариата в общественную жизнь».

Поздравляем русскую — да и международную — социал-демократию с новой, мартыновской, терминологией, более строгой и более глубокой. До сих пор мы думали (вместе с Плехановым, да и со всеми вожаками международного рабочего движения), что пропагандист, если он берет, например, тот же вопрос о безработице, должен разъяснить капиталистическую природу кризисов, показать причину их неизбежности в современном обществе, обрисовать необходимость его преобразования в социалистическое общество и т. д. Одним словом, он должен дать «много идей», настолько много, что сразу все эти идеи, во всей их совокупности, будут усваиваться лишь немногими (сравнительно) лицами. Агитатор же, говоря о том же вопросе, возьмет самый известный всем его слушателям и самый выдающийся пример, — скажем, смерть от голодания безработной семьи, усиление нищенства и т. п. — и направит все свои усилия на то, чтобы, пользуясь этим, всем и каждому знакомым фактом, дать «массе» *одну идею:* идею о бессмысленности противоречия между ростом богатства и ростом нищеты, постарается *возбудить* в массе недовольство и возмущение этой вопи-

ющей несправедливостью, предоставляя полное объяснение этого противоречия пропагандисту. Пропагандист действует поэтому главным образом *печатным,* агитатор — *живым* словом. От пропагандиста требуются не те качества, что от агитатора. Каутского и Лафарга мы назовем, например, пропагандистами, Бебеля и Геда — агитаторами. Выделять же третью область или третью функцию практической деятельности, относя к этой функции «призыв массы к известным конкретным действиям», есть величайшая несуразица, ибо «призыв»; как единичный акт, либо естественно и неизбежно дополняет собой и теоретический трактат, и пропагандистскую брошюру, и агитационную речь, либо составляет чисто исполнительную функцию. В самом деле, возьмите, например, теперешнюю борьбу германских социал-демократов против хлебных пошлин. Теоретики пишут исследования о таможенной политике, «призывая», скажем, бороться за торговые договоры и за свободу торговли; пропагандист делает то же в журнале, агитатор — в публичных речах. «Конкретные действия» массы — в данный момент представляют из себя подпись петиций рейхстагу о неповышении хлебных пошлин. Призыв к этим действиям исходит посредственно от теоретиков, пропагандистов и агитаторов, непосредственно — от тех рабочих, которые разносят по фабрикам и по всяческим частным квартирам подписные листы. По «мартыновской терминологии» выходит, что Каутский и Бебель — оба пропагандисты, а разносчики подписных листов — агитаторы, не так ли?

Пример немцев напомнил мне немецкое слово Verballhornung, по-русски буквально: обалгорнивание. Иван Балгорн был лейпцигский издатель в XVI веке; издал он букварь, причем поместил, по обычаю, и рисунок, изображающий петуха; но только вместо обычного изображения петуха со шпорами на ногах он изобразил петуха без шпор, но с парой яиц около него. А на обложке букваря добавил: *«исправленное* издание Ивана Балгорна». Вот с тех пор немцы и говорят Verballhornung про такое «исправление», которое на деле есть ухудшение. И невольно вспоминаешь про Балгорна,

когда видишь, как Мартыновы «углубляют» Плеханова...

К чему «изобрел» наш Ломоносов эту путаницу? К иллюстрации того, что «Искра» «обращает внимание только на одну сторону дела, так же, как Плеханов это делал еще полтора десятка лет тому назад» (39). «У «Искры», по крайней мере для настоящего времени, задачи пропаганды отодвигают на задний план задачи агитации» (52). Если перевести это последнее положение с мартыновского языка на общечеловеческий язык (ибо человечество еще не успело принять вновь открытой терминологии), то мы получим следующее: у «Искры» задачи политической пропаганды и политической агитации отодвигают на задний план задачу «ставить правительству конкретные требования законодательных и административных мероприятий», «сулящие известные осязательные результаты» (или требования социальных реформ, если позволительно еще хоть разочек употребить старую терминологию старого человечества, которое еще не доросло до Мартынова). Предлагаем читателю сравнить с этим тезисом следующую тираду:

«Поражает нас в этих программах» (программах революционных социал-демократов) «и вечное выставление ими на первый план преимуществ деятельности рабочих в (несуществующем у нас) парламенте при полном игнорировании ими (благодаря их революционному нигилизму) важности участия рабочих в существующих у нас законодательных собраниях фабрикантов по фабричным делам... или хотя бы участия рабочих в городском самоуправлении...»

Автор этой тирады выражает немного прямее, яснее и откровеннее ту самую мысль, до которой дошел своим умом Ломоносов-Мартынов. Автор же этот — Р. М. в «Отдельном приложении к «Раб. Мысли»» (стр. 15).

в) ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОБЛИЧЕНИЯ И «ВОСПИТАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ»

Выдвигая против «Искры» свою «теорию» «повышения активности рабочей массы», Мартынов на самом деле обнаружил стремление *принизить* эту активность, ибо предпочтительным, особо важным, «наиболее широко

применимым» средством пробуждения и поприщем этой активности он объявил ту же экономическую борьбу, пред которой пресмыкались и все «экономисты». Потому и характерно это заблуждение, что оно свойственно далеко не одному Мартынову. На самом же деле «повышение активности рабочей массы» может быть достигнуто *только* при том условии, если мы *не будем ограничиваться* «политической агитацией на экономической почве». А одним из основных условий необходимого расширения политической агитации является организация *всесторонних* политических обличений. Иначе как на этих обличениях *не может* воспитаться политическое сознание и революционная активность масс. Поэтому деятельность такого рода составляет одну из важнейших функций всей международной социал-демократии, ибо и политическая свобода нисколько не устраняет, а только несколько передвигает сферу направления этих обличений. Например, германская партия особенно укрепляет свои позиции и расширяет свое влияние именно благодаря неослабной энергии ее политически-обличительной кампании. Сознание рабочего класса не может быть истинно политическим сознанием, если рабочие не приучены откликаться на *все* и *всяческие* случаи произвола и угнетения, насилия и злоупотребления, *к каким бы классам* ни относились эти случаи; — и притом откликаться именно с социал-демократической, а не с иной какой-либо точки зрения. Сознание рабочих масс не может быть истинно классовым сознанием, если рабочие на конкретных и притом непременно злободневных (актуальных) политических фактах и событиях не научатся наблюдать *каждый* из других общественных классов во *всех* проявлениях умственной, нравственной и политической жизни этих классов; — не научатся применять на практике материалистический анализ и материалистическую оценку *всех* сторон деятельности и жизни *всех* классов, слоев и групп населения. Кто обращает внимание, наблюдательность и сознание рабочего класса исключительно или хотя бы преимущественно на него же, — тот не социал-демократ, ибо самопознание рабочего класса

неразрывно связано с полной отчетливостью не только теоретических... вернее даже сказать: не столько теоретических, сколько на опыте политической жизни выработанных представлений о взаимоотношении *всех* классов современного общества. Вот почему так глубоко вредна и так глубоко реакционна по своему практическому значению проповедь наших «экономистов», что экономическая борьба есть наиболее широко применимое средство вовлечения масс в политическое движение. Чтобы стать социал-демократом, рабочий должен ясно представлять себе экономическую природу и социально-политический облик помещика и попа, сановника и крестьянина, студента и босяка, знать их сильные и слабые стороны, уметь разбираться в тех ходячих фразах и всевозможных софизмах, которыми *прикрывает* каждый класс и каждый слой свои эгоистические поползновения и свое настоящее «нутро», уметь разбираться в том, какие учреждения и законы отражают и как именно отражают те или другие интересы. А это «ясное представление» не почерпнешь ни из какой книжки: его могут дать только живые картины и по горячим следам составленные обличения того, что происходит в данный момент вокруг нас, о чем говорят по-своему или хотя бы перешептываются все и каждый, что выражается в таких-то событиях, в таких-то цифрах, в таких-то судебных приговорах и проч., и проч., и проч. Эти всесторонние политические обличения представляют из себя необходимое и *основное* условие воспитания революционной активности масс.

Почему русский рабочий мало еще проявляет свою революционную активность по поводу зверского обращения полиции с народом, по поводу травли сектантов, битья крестьян, по поводу безобразий цензуры, истязаний солдат, травли самых невинных культурных начинаний и т. п.? Не потому ли, что его не «наталкивает» на это «экономическая борьба», что ему мало «сулит» это «осязательных результатов», мало дает «положительного»? Нет, подобное мнение есть, повторяем, не что иное, как попытка свалить с больной головы на здоровую, свалить свое собственное филистерство (берн-

штейнианство тож) на рабочую массу. Мы должны винить себя, свою отсталость от движения масс, что мы не сумели еще организовать достаточно широких, ярких, быстрых обличений всех этих гнусностей. Сделай мы это (а мы должны сделать и можем сделать это), — и самый серый рабочий поймет *или почувствует,* что над студентом и сектантом, мужиком и писателем ругается и бесчинствует та самая темная сила, которая так гнетет и давит его на каждом шагу его жизни, а, почувствовав это, он захочет, неудержимо захочет отозваться и сам, он сумеет тогда — сегодня устроить кошачий концерт цензорам, завтра демонстрировать пред домом усмирившего крестьянский бунт губернатора, послезавтра проучить тех жандармов в рясе, что делают работу святой инквизиции, и т. д. Мы еще очень мало, почти ничего не сделали для того, чтобы *бросать* в рабочие массы всесторонние и свежие обличения. Многие из нас и не сознают еще этой своей *обязанности,* а стихийно волочатся за «серой текущей борьбой» в узких рамках фабричного быта. При таком положении дел говорить: ««Искра» имеет тенденцию умалять значение поступательного хода серой текущей борьбы по сравнению с пропагандой блестящих и законченных идей» (Мартынов, стр. 61) — значит тащить партию назад, значит защищать и прославлять нашу неподготовленность, отсталость.

Что же касается до призыва массы к действию, то это выйдет само собой, раз только есть налицо энергичная политическая агитация, живые и яркие обличения. Поймать кого-либо на месте преступления и заклеймить перед всеми и повсюду тотчас же — это действует само по себе лучше всякого «призыва», это действует зачастую так, что потом и нельзя будет определить, кто собственно «призывал» толпу и кто собственно выдвинул тот или иной план демонстрации и т. п. Призвать — не в общем, а в конкретном смысле слова — можно только на месте действия, призвать может только тот, кто сам и сейчас идет. А наше дело, дело социал-демократических публицистов, углублять, расширять и усиливать политические обличения и политическую агитацию.

Кстати о «призывах». *Единственным органом,* который *до* весенних событий *призвал* рабочих активно вмешаться в такой, не *сулящий* решительно никаких *осязательных результатов* рабочему, вопрос, как отдача студентов в солдаты, — *была «Искра».* Тотчас же после опубликования распоряжения 11 января об «отдаче 183 студентов в солдаты» «Искра» поместила статью об этом (№ 2, февраль) и, *до* какого бы то ни было начала демонстраций, прямо *звала* «рабочего идти на помощь студенту», звала «народ» открыто ответить правительству на его дерзкий вызов*. Мы спрашиваем всех и каждого: как и чем объяснить то выдающееся обстоятельство, что, говоря так много о «призывах», выделяя «призывы» даже в особый вид деятельности, Мартынов ни словечком не упомянул об *этом* призыве? И не филистерством ли является после этого мартыновское объявление «Искры» *одностороннею,* так как она недостаточно «призывает» к борьбе за требования, «сулящие осязательные результаты»?

Наши «экономисты», и в том числе «Рабочее Дело», имели успех благодаря тому, что подделывались под неразвитых рабочих. Но рабочий-социал-демократ, рабочий-революционер (а число таких рабочих все растет) отвергнет с негодованием все эти рассуждения о борьбе за требования, «сулящие осязательные результаты», и проч., ибо он поймет, что это только варианты старой песенки о копейке на рубль. Такой рабочий скажет своим советчикам из «Р. Мысли» и из «Раб. Дела»: зря вы суетитесь, господа, вмешиваясь чересчур усердно в то дело, с которым мы и сами справляемся, и отлынивая от исполнения ваших настоящих обязанностей. Совсем ведь это неумно, когда вы говорите, что задача социал-демократов придать самой экономической борьбе политический характер; это только начало, и не в этом главная задача социал-демократов, ибо во всем мире и в России в том числе *полиция нередко сама начинает придавать* экономической борьбе политический характер, рабочие сами научаются понимать, за кого

---

* См. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 391 — 396. *Ред.*

стоит правительство*. Ведь та «экономическая борьба рабочих с хозяевами и правительством», с которой вы носитесь, точно с открытой вами Америкой, — ведется в массе русских захолустий самими рабочими, слышавшими о стачках, но о социализме почитай-что ничего и не слыхавшими. Ведь та «активность» нас, рабочих, которую вы все хотите поддерживать, выставляя конкретные требования, сулящие осязательные результаты, в нас уже есть, и мы сами в нашей будничной, профессиональной, мелкой работе выставляем эти конкретные требования зачастую без всякой помощи интеллигентов. Но нам мало *такой* активности; мы не дети, которых можно накормить кашицей одной «экономической» политики; мы хотим знать все то, что знают и другие, мы хотим подробно познакомиться со *всеми* сторонами политической жизни и *активно* участвовать во всяком и каждом политическом событии. Для этого нужно, чтобы интеллигенты поменьше твердили то, что мы и сами знаем**, а побольше дали нам того, чего мы еще

---

* Требование «придать самой экономической борьбе политический характер» самым рельефным образом выражает *преклонение пред стихийностью* в области политической деятельности. Политический характер экономическая борьба принимает сплошь да рядом *стихийно,* то есть без вмешательства «революционной бациллы — интеллигенции», без вмешательства сознательных социал-демократов. Политический характер приобрела, например, и экономическая борьба рабочих в Англии без всякого участия социалистов. Задача же социал-демократов не исчерпывается политической агитацией на экономической почве, задача их — *превратить* эту тред-юнионистскую политику в социал-демократическую политическую борьбу, — *воспользоваться* теми проблесками политического сознания, которые заронила в рабочих экономическая борьба, для того, чтобы *поднять* рабочих до *социал-демократического* политического сознания. А Мартыновы, вместо того, чтобы поднимать и толкать вперед стихийно пробуждающееся политическое сознание, *падают ниц перед стихийностью* и твердят, до тошноты часто твердят, что экономическая борьба «наталкивает» рабочих на вопрос об их политическом бесправии. Плохо то, господа, что вас-то это стихийное пробуждение тред-юнионистского политического сознания не *«наталкивает»* на вопрос о ваших социал-демократических задачах!

** В подтверждение того, что всю эту речь рабочих к «экономистам» мы не зря выдумали, сошлемся на двух свидетелей, несомненно знакомых с рабочим движением непосредственно и всего менее склонных быть пристрастными к нам, «догматикам», ибо один свидетель — «экономист» (считающий даже «Рабочее Дело» органом политическим!), другой — террорист. Первый свидетель, автор замечательной по своей правдивости и живости статьи «Петербургское рабочее движение и практические задачи социал-демократии» в № 6 «Раб. Д.». Он делит рабочих на 1) сознательных революционеров, 2) промежуточный слой и 3) остальную массу. И вот промежуточный слой «часто интересуется больше вопросами политической жизни, чем своими ближайшими экономическими интересами, связь которых с общими социальными условиями давно понята»... «Раб. Мысль» «резко критикуют»: «все одно и то же, давно известно, давно читали», «в политическом-то обозрении опять ничего нет» (стр. 30—31). Но даже и третий слой: «более чуткая, более молодая, менее развращенная кабаком и церковью рабочая масса, почти никогда не имея возможности достать книгу политического содержания, толкует вкривь и вкось явления политической жизни, задумываясь над отрывочными сведениями о бунте студентов» и т. д. А террорист пишет: «... Раз-два прочтут о мелочах фабричной жизни, в разных, не своих городах, а потом и перестанут... Скучно... Не говорить в рабочей газете о государстве... значит смотреть на рабочего как на дитятко малое... Рабочий не дитятко» («Свобода»[59], изд. революционно-социалистической группы, стр. 69 и 70).

не знаем, чего мы сами из своего фабричного и «экономического» опыта и узнать никогда не можем, именно: политического знания. Это знание можете приобрести себе вы, интеллигенты, и вы *обязаны* доставлять нам его во сто и в тысячу раз больше, чем вы это делали до сих пор, и притом доставлять не в виде только рассуждений, брошюр и статей (которые часто бывают — простите за откровенность! — скучноваты), а непременно в виде живых *обличений* того, что именно в данное время делает наше правительство и наши командующие классы во всех областях жизни. Исполняйте-ка поусерднее эту свою обязанность, и *поменьше толкуйте о «повышении активности рабочей массы».* У нас активности гораздо больше, чем вы думаете, и мы умеем поддерживать открытой, уличной борьбой даже требования, никаких «осязательных результатов» не сулящие! И не вам «повышать» нашу активность, ибо *у вас самих как раз активности-то и не хватает.* Поменьше преклоняйтесь пред стихийностью и побольше думайте о повышении *своей* активности, господа!

г) ЧТО ОБЩЕГО МЕЖДУ ЭКОНОМИЗМОМ И ТЕРРОРИЗМОМ?

Выше, в примечании, мы сопоставили «экономиста» и не социал-демократа-террориста, случайно оказавшихся солидарными. Но, вообще говоря, между теми и другими есть не случайная, а необходимая внутренняя связь, о которой нам еще ниже придется говорить и

коснуться которой необходимо именно но вопросу о воспитании революционной активности. У «экономистов» и современных террористов есть один общий корень: это именно то *преклонение пред стихийностью,* о котором мы говорили в предыдущей главе, как о явлении общем, и которое мы рассматриваем теперь в его влиянии на область политической деятельности и политической борьбы. На первый взгляд, наше утверждение может показаться парадоксом: до такой степени велика, по-видимому, разница между людьми, подчеркивающими «серую текущую борьбу», — и людьми, зовущими к наиболее самоотверженной борьбе отдельных лиц. Но это не парадокс. «Экономисты» и террористы преклоняются перед разными полюсами стихийного течения: «экономисты» — перед стихийностью «чисто рабочего движения», террористы — перед стихийностью самого горячего возмущения интеллигентов, не умеющих или не имеющих возможности связать революционную работу в одно целое с рабочим движением. Кто изверился или никогда не верил в эту возможность, тому действительно трудно найти иной выход своему возмущенному чувству и своей революционной энергии, кроме террора. Таким образом, преклонение пред стихийностью в обоих указанных нами направлениях есть не что иное, как *начало осуществления* знаменитой программы «Credo»: рабочие ведут себе свою «экономическую борьбу с хозяевами и правительством» (да простит нам автор «Credo», что мы выражаем его мысль мартыновскими словами! Мы находим, что вправе делать это, ибо и в «Credo» говорится о том, как рабочие в экономической борьбе «наталкиваются на политический режим»), — а интеллигенты ведут себе своими силами политическую борьбу, естественно, при помощи террора! Это совершенно логичный и неизбежный *вывод,* на котором нельзя не настаивать, *хотя бы те,* кто начинает осуществлять эту программу, *сами и не сознавали* его неизбежности. Политическая деятельность имеет свою логику, не зависящую от сознания тех, кто в самых лучших намерениях взывает либо к террору, либо к приданию политического характера самой экономической борьбе.

Благими намерениями вымощен ад, и в данном случае благие намерения не спасают еще от стихийного влечения по «линии наименьшего сопротивления», по линии *чисто буржуазной* программы «Credo». Не случайно ведь также и то обстоятельство, что многие русские либералы — и явные либералы и носящие марксистскую маску — всей душой сочувствуют террору и стараются поддержать подъем террористических настроений в данный момент.

И вот, когда возникла «революционно-социалистическая группа Свобода», поставившая себе задачей именно всестороннее содействие рабочему движению, но с включением *в программу* террора и с эмансипированием, так сказать, себя от социал-демократии, — то этот факт дал еще и еще подтверждение замечательной прозорливости П. Б. Аксельрода, который *буквально предсказал* эти результаты социал-демократических шатаний *еще в конце 1897 года* («К вопросу о современных задачах и тактике») и набросал свои знаменитые «две перспективы». Все последующие споры и разногласия между русскими социал-демократами заключаются уже, как растение в семячке, в этих двух перспективах*.

С указанной точки зрения становится понятно и то, что «Раб. Дело», не устоявшее против стихийности «экономизма», не устояло также и против стихийности терроризма. Очень интересно здесь отметить ту особенную аргументацию в защиту террора, которую выдвинула «Свобода». Устрашающую роль террора она «со-

---

* Мартынов «представляет себе другую, более реальную (?) дилемму» («Социал-демократия и рабочий класс», 19): «Либо социал-демократия берет на себя непосредственное руководство экономической борьбой пролетариата и этим (!) превращает ее в революционную классовую борьбу»... «Этим», т. е., очевидно, непосредственным руководством экономической борьбой. Пусть укажет нам Мартынов, где это видано, чтобы *одним только* руководством профессиональной борьбой удавалось превратить тред-юнионистское движение в революционное классовое? Не сообразит ли он, что для этого «превращения» мы должны активно взяться за «непосредственное руководство» всесторонней политической агитацией?.. «Либо другая перспектива: социал-демократия устраняется от руководства экономической борьбой рабочих и тем... подсекает себе крылья»... «Устраняется», по приведенному выше мнению «Раб. Дела», «Искра». Но мы видели, что она делает для руководства экономической борьбой *гораздо больше, чем «Раб. Дело»,* причем она не ограничивается этим и *не суживает* во имя этого своих политических задач.

вершенно отрицает» («Возрождение революционизма», стр. 64), но зато выдвигает его «экситативное (возбуждающее) значение». Это характерно, во-первых, как одна из стадий разложения и упадка того традиционного (досоциал-демократического) круга идей, который заставлял держаться за террор. Признать, что правительство теперь «устрашить» — а следовательно, и дезорганизовать — террором нельзя, — значит, в сущности, совершенно осудить террор как систему борьбы, как программой освящаемую сферу деятельности. Во-вторых, это еще более характерно, как образец непонимания наших насущных задач в деле «воспитания революционной активности масс». «Свобода» пропагандирует террор как средство «возбуждать» рабочее движение, дать ему «сильный толчок». Трудно себе представить аргументацию, которая бы более наглядно опровергала сама себя! Неужели, спрашивается, в русской жизни мало еще таких безобразий, что нужно выдумывать особые «возбуждающие» средства? И, с другой стороны, если кто не возбуждается и невозбудим даже русским произволом, то не очевидно ли, что на единоборство правительства с горсткой террористов он тоже будет смотреть «ковыряя в носу»? В том-то и дело, что рабочие массы очень возбуждаются гнусностями русской жизни, но мы не умеем собирать, если можно так выразиться, и концентрировать все те капли и струйки народного возбуждения, которые высачиваются русской жизнью в количестве неизмеримо большем, чем все мы себе представляем и думаем, но которые надо именно соединить в *один* гигантский поток. Что это осуществимая задача, это неопровержимо доказывает громадный рост рабочего движения и отмеченная уже выше жадность рабочих к политической литературе. Призывы же к террору, равно как и призывы к тому, чтобы придать самой экономической борьбе политический характер, представляют из себя разные формы *отлыниванья* от самой настоятельной обязанности русских революционеров: организовать ведение всесторонней политической агитации. «Свобода» хочет *заменить* агитацию террором, признаваясь прямо, что, «раз начнется усиленная, энергичная

агитация в массах, его экcцитативная (возбуждающая) роль сыграна» (стр. 68 «Возрожд. революцион.»). Это как раз и показывает, что и террористы и «экономисты» *недооценивают* революционную активность масс, вопреки явному свидетельству весенних событий*, причем одни бросаются искать искусственных «возбудителей», другие говорят о «конкретных требованиях». И те и другие недостаточно обращают внимание на развитие *своей собственной активности* в деле политической агитации и организации политических обличений. А *заменить* этого дела невозможно ничем другим ни теперь, ни когда бы то ни было в иное время.

д) РАБОЧИЙ КЛАСС КАК ПЕРЕДОВОЙ БОРЕЦ ЗА ДЕМОКРАТИЮ

Мы видели, что ведение самой широкой политической агитации, а следовательно, и организация всесторонних политических обличений есть безусловно необходимая и *настоятельнее всего* необходимая задача деятельности, если это деятельность истинно социал-демократическая. Но мы сделали этот вывод, исходя *только* из самой насущной потребности рабочего класса в политическом знании и политическом воспитании. Между тем только такая постановка вопроса была бы слишком узка, игнорировала бы общедемократические задачи всякой социал-демократии вообще и современной русской социал-демократии в особенности. Чтобы возможно конкретнее пояснить это положение, попробуем подойти к делу с самой «близкой» для «экономиста», именно с практической стороны. «Все согласны», что необходимо развивать политическое сознание рабочего класса. Спрашивается, *как* это сделать и что надо для того, чтобы это сделать? Экономическая борьба «наталкивает» рабочих только на вопросы об отношении правительства к рабочему классу и поэтому, *сколько бы мы ни трудились* над. задачей «придать самой экономической

* Речь идет о весне *1901* года, когда начались крупные уличные демонстрации[60]. (Примечание автора к изданию 1907 г. *Ред.)*

борьбе политический характер», мы *никогда не сможем* развить политическое сознание рабочих (до ступени социал-демократического политического сознания) в рамках этой задачи, ибо *самые эти рамки узки.* Мартыновская формула ценна для нас вовсе не потому, что она иллюстрирует способность Мартынова путать, а потому, что она рельефно выражает основную ошибку всех «экономистов», именно убеждение, что можно развить классовое политическое сознание рабочих *извнутри,* так сказать, их экономической борьбы, т. е. исходя только (или хотя бы главным образом) из этой борьбы, базируясь только (или хотя бы главным образом) на этой борьбе. Такой взгляд в корне ошибочен, — и именно потому, что «экономисты», сердясь на нас за полемику против них, не хотят подумать хорошенько об источнике разногласий, и получается такая вещь, что мы буквально не понимаем друг друга, говорим на разных языках.

Классовое политическое сознание может быть принесено рабочему *только извне,* то есть извне экономической борьбы, извне сферы отношений рабочих к хозяевам. Область, из которой только и можно почерпнуть это знание, есть область отношений *всех* классов и слоев к государству и правительству, область взаимоотношений между *всеми* классами. Поэтому на вопрос: что делать, чтобы принести рабочим политическое знание? нельзя давать один только тот ответ, которым в большинстве случаев довольствуются практики, не говоря уже о практиках, склонных к «экономизму», именно ответ: «идти к рабочим». Чтобы принести *рабочим* политическое знание, социал-демократы должны *идти во все классы населения,* должны рассылать *во все стороны* отряды своей армии.

Мы нарочно выбираем такую угловатую формулировку, нарочно выражаемся упрощенно резко — вовсе не из желания говорить парадоксы, а для того, чтобы хорошенько «натолкнуть» «экономистов» на те задачи, которыми они непростительно пренебрегают, на то различие между тред-юнионистской и социал-демократической политикой, которого они не хотят понять.

И потому мы просим читателя не горячиться, а внимательно дослушать нас до конца.

Возьмите наиболее распространенный в последние годы тип кружка социал-демократов и присмотритесь к его работе. Он имеет «связи с рабочими» и удовлетворяется этим, издавая листки, в которых бичуются фабричные злоупотребления, пристрастное к капиталистам поведение правительства и полицейские насилия; на собраниях с рабочими беседа не выходит обыкновенно или почти не выходит за пределы тех же тем; рефераты и беседы по истории революционного движения, по вопросам внутренней и внешней политики нашего правительства, по вопросам экономической эволюции России и Европы и положения в современном обществе тех или иных классов и т. п. представляют из себя величайшую редкость, о систематическом приобретении и расширении связей в других классах общества никто и не помышляет. В сущности, идеалом деятеля рисуется в большинстве случаев для членов такого кружка нечто гораздо, более похожее на секретаря тред-юниона, чем на социалиста — политического вождя. Ибо секретарь любого, например, английского тред-юниона всегда помогает рабочим вести экономическую борьбу, организует фабричные обличения, разъясняет несправедливость законов и мероприятий, стесняющих свободу стачек, свободу выставления сторожевых постов (для предупреждения всех и каждого, что на данном заводе стачка), разъясняет пристрастность третейского судьи, принадлежащего к буржуазным классам народа, и пр. и пр. Одним словом, всякий секретарь тред-юниона ведет и помогает вести «экономическую борьбу с хозяевами и с правительством». И нельзя достаточно настаивать на том, что *это еще не* социал-демократизм, что идеалом социал-демократа должен быть не секретарь тред-юниона, а *народный трибун,* умеющий откликаться на все и всякие проявления произвола и гнета, где бы они ни происходили, какого бы слоя или класса они ни касались, умеющий обобщать все эти проявления в одну картину полицейского насилия и капиталистической эксплуа-

тации, умеющий пользоваться каждой мелочью, чтобы излагать *пред всеми* свои социалистические убеждения и свои демократические требования, чтобы разъяснять *всем* и каждому всемирно-историческое значение освободительной борьбы пролетариата. Сравните, например, таких деятелей, как Роберт Найт (известный секретарь и вождь общества котельщиков, одного из самых могущественных английских тред-юнионов) и Вильгельм Либкнехт — и попробуйте применить к ним те противоположения, в которые укладывает Мартынов свои разногласия с «Искрой». Вы увидите, — я начинаю перелистывать статью Мартынова, — что Р. Найт гораздо больше «призывал массы к известным конкретным действиям» (39), а В. Либкнехт больше занимался «революционным освещением всего настоящего строя или частичных его проявлений» (38—39); что Р. Найт «формулировал ближайшие требования пролетариата и указывал на средства к их осуществлению» (41), а В. Либкнехт, делая и это, не отказывался также «одновременно руководить активной деятельностью разных оппозиционных слоев», «диктовать для них положительную программу действий»* (41); что Р. Найт старался именно «придать по возможности самой экономической борьбе политический характер» (42) и прекрасно умел «ставить правительству конкретные требования, сулящие известные осязательные результаты» (43), тогда как В. Либкнехт гораздо более занимался «односторонними» «обличениями» (40); что Р. Найт больше придавал значения «поступательному ходу серой текущей борьбы» (61), а В. Либкнехт — «пропаганде блестящих и законченных идей» (61); что В. Либкнехт создавал из руководимой им газеты именно «орган революционной оппозиции, обличающий наши порядки, и преимущественно политические порядки, поскольку они сталкиваются с интересами самых различных слоев населения» (63), тогда как Р. Найт «работал для рабочего дела в тесной органической связи с пролетарской борьбой» (63) —

* Например, во время франко-прусской войны Либкнехт диктовал программу действий осей *демократии,* — и еще больше делали это Маркс с Энгельсом в 1848 году.

если понимать «тесную и органическую связь» в смысле того преклонения пред стихийностью, которое мы изучали выше на примерах Кричевского и Мартынова — и «суживал сферу своего воздействия», уверенный, конечно, как и Мартынов, в том, что он «тем самым осложнял самое воздействие» (63). Одним словом, вы увидите, что de facto Мартынов принижает социал-демократию до тред-юнионизма, хотя делает он это, разумеется, отнюдь не потому, чтобы он не желал добра социал-демократии, а просто потому, что он немножечко поспешил углублять Плеханова вместо того, чтобы дать себе труд понять Плеханова.

Но вернемся к нашему изложению. Мы сказали, что социал-демократ, если он не на словах только стоит за необходимость всестороннего развития политического сознания пролетариата, должен «идти во все классы населения». Являются вопросы: как это сделать? есть ли у нас силы для этого? есть ли почва для такой работы во всех других классах? не будет ли это означать отступление или вести к отступлению от классовой точки зрения? Остановимся на этих вопросах.

«Идти во все классы населения» мы должны и в качестве теоретиков, и в качестве пропагандистов, и в качестве агитаторов, и в качестве организаторов. Что теоретическая работа социал-демократов должна направляться на изучение всех особенностей социального и политического положения отдельных классов, — в этом никто не сомневается. Но делается в этом отношении очень и очень мало, непропорционально мало сравнительно с работой, направленной на изучение особенностей фабричного быта. В комитетах и кружках вы встретите людей, углубляющихся даже в специальное ознакомление с каким-нибудь железоделательным производством, — но почти не найдете примеров, чтобы члены организаций (вынужденные, как это часто бывает, отойти по тем или иным причинам от практической работы) специально занимались собиранием материалов по какому-нибудь злободневному вопросу нашей общественной и политической жизни, могущему дать повод

для социал-демократической работы в других слоях населения. Говоря о малой подготовленности большинства современных руководителей рабочего движения, нельзя не упомянуть и о подготовке в этом отношении, ибо это тоже связано с «экономическим» пониманием «тесной органической связи с пролетарской борьбой». Но главное, разумеется, — *пропаганда* и *агитация* во всех слоях народа. Западноевропейскому социал-демократу облегчают эту задачу народные собрания и сходки, на которые приходит *всякий* желающий, — облегчает парламент, в котором он говорит пред депутатами от *всех* классов. У нас нет ни парламента, ни свободы сходок, — но мы умеем тем не менее устраивать собрания с рабочими, которые хотят слушать *социал-демократа.* Мы должны также уметь устраивать собрания с представителями всех и всяческих классов населения, какие только хотят слушать *демократа.* Ибо тот не социал-демократ, кто забывает на деле, что «коммунисты поддерживают всякое революционное движение»[61], что мы обязаны поэтому *пред всем народом* излагать и подчеркивать *общедемократические задачи,* не скрывая ни на минуту своих социалистических убеждений. Тот не социал-демократ, кто забывает на деле о своей обязанности быть *впереди всех* в постановке, обострении и разрешении *всякого* общедемократического вопроса.

«С этим решительно все согласны!» — перебивает нас нетерпеливый читатель — и новая инструкция для редакции «Раб. Дела», принятая на последнем союзном съезде, прямо говорит: «Поводами к политической пропаганде и агитации должны служить все явления и события общественной и политической жизни, которые затрагивают пролетариат либо непосредственно как особый класс, либо как *авангард всех революционных сил в борьбе за свободу»* («Два съезда», стр. 17, курсив наш). Да, это очень верные и очень хорошие слова, и мы были бы вполне довольны, если бы «Р. Дело» *понимало* их, *если бы оно не говорило наряду с этими словами того, что идет вразрез с ними.* Мало ведь назвать себя «авангардом», передовым отрядом, — надо и действовать

так, чтобы *все* остальные отряды видели и вынуждены были признать, что мы идем впереди. И мы спрашиваем читателя: неужели же представители остальных «отрядов» такие дураки, чтобы поверить нам на слово насчет «авангарда»? Представьте только себе конкретно такую картину. В «отряд» русских образованных радикалов или либеральных конституционалистов является социал-демократ и говорит: мы — авангард; «теперь перед нами стоит задача — как придать по возможности самой экономической борьбе политический характер». Сколько-нибудь умный радикал или конституционалист (а среди русских радикалов и конституционалистов много умных людей) только усмехнется, услыхав такую речь, и скажет (про себя, конечно, ибо он в большинстве случаев опытный дипломат): «ну, и простоват же этот «авангард»! Не понимает даже того, что ведь это наша задача, задача передовых представителей буржуазной демократии — придать *самой* экономической борьбе рабочих политический характер. Ведь и мы, как и все западноевропейские буржуа, хотим втянуть рабочих в политику, *но только именно в тред-юнионистскую, а не в социал-демократическую политику.* Тред-юнионистская политика рабочего класса есть именно *буржуазная политика* рабочего класса. А формулировка этим «авангардом» его задачи есть именно формулировка тред-юнионистской политики! Поэтому пускай даже называют они себя, сколько угодно, социал-демократами. Не ребенок же я, в самом деле, чтобы мне из-за ярлыков горячиться! Только пусть не поддаются этим зловредным ортодоксальным догматикам, пусть оставляют «свободу критики» за теми, кто бессознательно тащит социал-демократию в тред-юнионистское русло!»

И легкая усмешка нашего конституционалиста превратится в гомерический хохот, когда он узнает, что говорящие об авангарде социал-демократии социал-демократы в настоящее время почти полного господства стихийности в нашем движении всего больше на свете боятся «преуменьшения стихийного элемента», боятся «уменьшить значение поступательного хода серой те-

кущей борьбы по сравнению с пропагандой блестящих и законченных идей» и проч. и проч.! «Передовой» отряд, который боится, как бы сознательность не обогнала стихийности, который боится выдвинуть смелый «план», вынуждающий общее признание и у несогласно мыслящих! Да уж не смешивают ли они слово авангард с словом арьергард?

Вдумайтесь, в самом деле, в следующее рассуждение Мартынова. Он говорит на стр. 40, что обличительная тактика «Искры» одностороння, что, «сколько бы мы ни сеяли недоверия и ненависти к правительству, мы цели не достигнем, покуда нам не удастся развить достаточную активную общественную энергию для его низвержения». Это, в скобках сказать, знакомая уже нам забота о повышении активности массы при стремлении принизить свою активность. Но дело теперь не в этом. Мартынов говорит здесь, следовательно, о *революционной* энергии («для низвержения»). И к какому же он приходит выводу? Так как в обычное время разные общественные слои неизбежно идут вразброд, то «ввиду этого ясно, что мы, социал-демократы, не можем одновременно руководить активной деятельностью разных оппозиционных слоев, не можем для них диктовать положительную программу действий, не можем им указывать, какими способами следует изо дня в день бороться за свои интересы... Либеральные слои уже сами позаботятся о той активной борьбе за свои ближайшие интересы, которая их столкнет лицом к лицу с нашим политическим режимом» (41). Таким образом, начав говорить о революционной энергии, об активной борьбе за низвержение самодержавия, Мартынов сейчас же сбился на профессиональную энергию, на активную борьбу за ближайшие интересы! Понятно само собой, что мы не можем руководить борьбой студентов, либералов и проч. за их «ближайшие интересы», но ведь не об этом же была речь, почтеннейший «экономист»! Речь шла о возможном и необходимом участии разных общественных слоев в низвержении самодержавия, а *этой* «активной деятельностью разных оппозиционных слоев» мы не только *можем,* но и непременно должны

руководить, если мы хотим быть «авангардом». О том, чтобы наши студенты, наши либералы и пр. «сталкивались лицом к лицу с нашим политическим режимом», позаботятся не только они сами, — об этом прежде всего и больше всего позаботится сама полиция и сами чиновники самодержавного правительства. Но «мы», если мы хотим быть передовыми демократами, должны позаботиться о том, чтобы *наталкивать* людей, недовольных собственно только университетскими или только земскими и т. п. порядками, на мысль о негодности всего политического порядка. *Мы* должны взять на себя задачу организовать такую всестороннюю политическую борьбу под руководством *нашей* партии, чтобы посильную помощь этой борьбе и этой партии могли оказывать и действительно стали оказывать все и всякие оппозиционные слои. *Мы* должны вырабатывать из практиков социал-демократов таких политических вождей, которые бы умели руководить всеми проявлениями этой всесторонней борьбы, умели в нужную минуту «продиктовать положительную программу действий» и волнующимся студентам, и недовольным земцам, и возмущенным сектантам, и обиженным народным учителям, и проч., и проч. Поэтому *совершенно неверно* утверждение Мартынова, что «по отношению к ним мы можем выступать *лишь в отрицательной* роли обличителя порядков... Мы можем *только* рассеивать их надежды на разные правительственные комиссии» (курсив наш). Говоря это, Мартынов показывает тем самым, что он *ровнехонько ничего не понимает* в вопросе о действительной роли революционного «авангарда». И если читатель примет это во внимание, то ему станет понятен *истинный смысл* следующих заключительных слов Мартынова: ««Искра» есть орган революционной оппозиции, обличающий наши порядки, и преимущественно политические порядки, поскольку они сталкиваются с интересами самых различных слоев населения. Мы же работаем и будем работать для рабочего дела в тесной органической связи с пролетарской борьбой. Суживая сферу своего воздействия, мы тем самым осложняем самое воздействие» (63). Истинный смысл этого вывода

такой: «Искра» хочет *поднимать* тред-юнионистскую политику рабочего класса (которой по недоразумению, неподготовленности или по убеждению ограничиваются у нас так часто практики) до социал-демократической политики. А «Раб. Дело» хочет *принижать* социал-демократическую политику до тред-юнионистской. И при этом еще оно уверяет всех и каждого, что это — «вполне совместимые позиции в общем деле» (63). O, sancta simplicitas!*

Пойдем дальше. Есть ли у нас силы для того, чтобы направить свою пропаганду и агитацию во *все* классы населения? Конечно, да. Наши «экономисты», склонные нередко отрицать это, упускают из виду тот гигантский шаг вперед, который сделало наше движение с 1894 (приблизительно) по 1901 г. Истинные «хвостисты», они живут зачастую в представлениях давно миновавшего периода начала движения. Тогда у нас действительно было поразительно мало сил, тогда была естественна и законна решимость всецело уйти в работу среди рабочих и сурово осуждать всякие отклонения от нее, тогда вся задача состояла в том, чтобы упрочиться в рабочем классе. Теперь в движение втянута гигантская масса сил, к нам идут все лучшие представители молодого поколения образованных классов, везде и повсюду по всей провинции вынуждены сидеть люди, принимавшие уже или желающие принять участие в движении, люди, тяготеющие к социал-демократии (тогда как в 1894 г. по пальцам можно было пересчитать русских социал-демократов). Один из основных политических и организационных недостатков нашего движения, — что мы *не умеем* занять все эти силы, дать всем подходящую работу (подробнее мы скажем об этом в следующей главе). Громадное большинство этих сил совершенно лишено возможности «идти к рабочим», так что об опасности отвлечь силы от нашего основного дела не может быть и речи. А для доставления рабочим настоящего, всестороннего и живого политического знания необходимы «свои люди», социал-демократы, везде и повсюду,

* — О, святая простота! *Ред.*

во всех общественных слоях, на всяких позициях, дающих возможность знать внутренние пружины нашего государственного механизма. И необходимы такие люди не только в пропагандистском и агитационном, но еще более в организационном отношении.

Есть ли почва для деятельности во всех классах населения? Кто не видит этого, тот опять-таки отстает своей сознательностью от стихийного подъема масс. Рабочее движение вызвало и продолжает вызывать недовольство в одних, надежды на поддержку оппозиции в других, сознание невозможности самодержавия и неизбежности его краха в третьих. Мы были бы только на словах «политиками» и социал-демократами (как очень и очень часто бывает в действительности), если бы не сознавали своей задачи использовать все и всякие проявления недовольства, собрать и подвергнуть обработке все крупицы хотя бы зародышевого протеста. Не говорим уже о том, что вся многомиллионная масса трудящегося крестьянства, кустарей, мелких ремесленников и проч. всегда жадно стала бы слушать проповедь сколько-нибудь умелого социал-демократа. Но разве можно указать хотя бы один класс населения, в котором не было бы людей, групп и кружков, недовольных бесправием и произволом, а потому доступных проповеди социал-демократа, как выразителя самых наболевших общедемократических нужд? А кто хочет конкретно представить себе эту политическую агитацию социал-демократа во *всех* классах и слоях населения, тому мы укажем на *политические обличения* в широком смысле этого слова, как на главное (но, разумеется, не единственное) средство этой агитации.

«Мы должны, — писал я в статье «С чего начать?» («Искра» № 4, май 1901 г.), о которой нам придется подробно беседовать ниже, — пробудить во всех сколько-нибудь сознательных слоях народа страсть *политических* обличений. Не надо смущаться тем, что политически обличительные голоса так слабы, редки и робки в настоящее время. Причина этого — отнюдь не повальное примирение с полицейским произволом. Причина — та, что у людей, способных и готовых обли-

чать, нет трибуны, с которой бы они могли говорить, — нет аудитории, страстно слушающей и ободряющей ораторов, — что они не видят нигде в народе такой силы, к которой бы стоило труда обращаться с жалобой на «всемогущее» русское правительство... Мы в состоянии теперь, и мы обязаны создать трибуну для всенародного обличения царского правительства; — такой трибуной должна быть социал-демократическая газета»[*].

Именно такой идеальной аудиторией для политических обличений является рабочий класс, которому всестороннее и живое политическое знание нужно прежде всего и больше всего; который наиболее способен претворять это знание в активную борьбу, хотя бы она никаких «осязательных результатов» и не сулила. А трибуной для *всенародных* обличений может быть только общерусская газета. «Без политического органа немыслимо в современной Европе движение, заслуживающее название политического», а Россия в этом отношении, несомненно, относится также к современной Европе. Печать давно стала уже у нас силой — иначе бы правительство не тратило десятков тысяч рублей на подкуп ее и на субсидирование разных Катковых и Мещерских. И не новость в самодержавной России, что нелегальная печать проламывала цензурные запоры и *заставляла* открыто говорить о себе легальные и консервативные органы. Так было и в 70-х и даже в 50-х годах. А во сколько раз шире и глубже теперь те народные слои, которые готовы читать нелегальную печать и учиться по ней, «как жить и как умереть», употребляя выражение рабочего, обратившегося с письмом в «Искру» (№ 7)[62]. Политические обличения являются именно таким объявлением войны *правительству,* как экономические обличения — объявляют войну фабриканту. И это объявление войны имеет тем большее нравственное значение, чем шире и сильнее эта обличительная кампания, чем многочисленнее и решительнее тот общественный *класс,* который *объявляет войну, чтобы начать*

[*] См. Сочинения, 5 изд., том 5, стр. 10—11. *Ред.*

войну. Политические обличения являются поэтому уже сами по себе одним из могучих средств *разложения* враждебного строя, средств отвлечения от врага его случайных или временных союзников, средств посеять вражду и недоверие между постоянными участниками самодержавной власти.

Авангардом революционных сил сумеет стать в наше время только партия, которая *сорганизует* действительно *всенародные* обличения. А это слово: «всенародные» имеет очень большое содержание. Громадное большинство обличителей из нерабочего класса (а чтобы стать авангардом, надо именно привлечь другие классы) — трезвые политики и хладнокровные деловые люди. Они прекрасно знают, как небезопасно «жаловаться» даже на низшего чиновника, а но то что на «всемогущее» русское правительство. И они обратятся *к нам* с жалобой только тогда, когда увидят, что эта жалоба действительно способна оказать действие, что мы представляем из себя *политическую силу.* Чтобы стать таковой в глазах посторонних лиц, надо много и упорно работать над *повышением* нашей сознательности, инициативности и энергии; для этого недостаточно повесить ярлык «авангард» на теорию и практику арьергарда.

Но если мы должны взять на себя организацию действительно всенародных обличений правительства, то в чем же выразится тогда классовый характер нашего движения? — спросит и спрашивает уже нас усердный не по разуму поклонник «тесной органической связи с пролетарской борьбой». — Да вот именно в том, что организуем эти всенародные обличения мы, социал-демократы; — в том, что освещение всех поднимаемых агитацией вопросов будет даваться в неуклонно социал-демократическом духе без всяких потачек умышленным и неумышленным искажениям марксизма; — в том, что вести эту всестороннюю политическую агитацию будет партия, соединяющая в одно неразрывное целое и натиск на правительство от имени всего народа, и революционное воспитание пролетариата, наряду с охраной его политической самостоятельно-

сти, и руководство экономической борьбой рабочего класса, утилизацию тех стихийных столкновений его с его эксплуататорами, которые поднимают и привлекают в наш лагерь новые и новые слои пролетариата!

Но одной из самых характерных черт «экономизма» является именно непонимание этой связи — более того: этого совпадения самой насущной потребности пролетариата (всестороннее политическое воспитание посредством политической агитации и политических обличений) и потребности общедемократического движения. Непонимание выражается не только в «мартыновских» фразах, но также и в тождественных по смыслу с этими фразами ссылках на классовую якобы точку зрения. Вот, напр., как выражаются об этом авторы «экономического» письма в № 12 «Искры»*: «Тот же основной недостаток «Искры» (переоценка идеологии) является причиной ее непоследовательности в вопросах об отношении социал-демократии к различным общественным классам и направлениям. Решив посредством теоретических выкладок...» (а не посредством «роста партийных задач, растущих вместе с партией...») «задачу о немедленном переходе к борьбе против абсолютизма и чувствуя, вероятно, всю трудность этой задачи для рабочих при настоящем положении дел»... (и не только чувствуя, но прекрасно зная, что рабочим эта задача кажется менее трудной, чем заботящимся о малых детях «экономическим» интеллигентам, ибо рабочие готовы драться даже за требования, не сулящие, говоря языком незабвенного Мартынова, никаких «осязательных результатов»)... «но не имея терпения ждать дальнейшего накопления ими сил для этой борьбы, «Искра» начинает искать союзников в рядах либералов и интеллигенции...».

* Недостаток места не позволил нам в «Искре» с полной обстоятельностью ответить на это крайне характерное для «экономистов» письмо. Мы были очень рады его появлению, ибо толки о невыдержанности классовой точки зрения в «Искре» доходили до нас уже давно и с самых различных сторон, и мы искали только удобного случая или оформленного выражения ходячего обвинения, чтобы ответить на него. А отвечать на нападения мы привыкли не защитой, а контрнападением.

Да, да, мы действительно потеряли уже всякое «терпение» «ждать» того блаженного, давным-давно уже нам всякими «примирителями» обещанного, времени, когда наши «экономисты» перестанут сваливать *свою* отсталость на рабочих, оправдывать недостаток своей энергии недостатком будто бы сил у рабочих. Мы спросим наших «экономистов»: в чем должно состоять «накопление рабочими сил для этой борьбы»? Не очевидно ли, что в политическом воспитании рабочих, в изобличении пред ними *всех* сторон нашего гнусного самодержавия? И не ясно ли, что *как раз для этой работы* нам и нужны «союзники в рядах либералов и интеллигенции», готовые делиться с нами обличениями политического похода на земцев, учителей, статистиков, студентов и проч.? Неужели в самом деле так уже трудно понять эту удивительно «хитрую механику»? Неужели П. Б. Аксельрод не твердит уже вам с 1897 года: «Задача приобретения русскими социал-демократами приверженцев и прямых или косвенных союзников среди непролетарских классов решается прежде всего и главным образом характером пропагандистской деятельности в среде самого пролетариата»?[63] А Мартыновы и прочие «экономисты» все-таки продолжают представлять себе дело так, что рабочие *сначала* должны «экономической борьбой с хозяевами и с правительством» накопить себе силы (для тред-юнионистской политики), а *потом* уже «перейти», — должно быть, от тред-юнионистского «воспитания активности» к социал-демократической активности!

«... В своих поисках, — продолжают «экономисты», — «Искра» нередко сходит с классовой точки зрения, затушевывая классовые противоречия и выдвигая на первый план общность недовольства правительством, хотя причины и степень этого недовольства у «союзников» весьма различны. Таковы, напр., отношения «Искры» к земству»... «Искра» будто бы «обещает неудовлетворенным правительственными подачками дворянам помощь рабочего класса, ни словом при этом не обмолвившись о классовой розни этих слоев населения». Если читатель обратится к статьям «Самодержавие и земство» (№№ 2 и 4 «Искры»)[64], о которых, *вероятно,* говорят ав-

торы письма, то увидит, что эти статьи* посвящены отношению *правительства* к «мягкой агитации сословно-бюрократического земства», к «самодеятельности даже имущих классов». В статье говорится, что рабочему нельзя смотреть равнодушно на борьбу правительства против земства, и земцы приглашаются бросить мягкие речи и сказать твердое и резкое слово, когда пред правительством встанет во весь рост революционная социал-демократия. С чем несогласны тут авторы письма? — неизвестно. Думают ли они, что рабочий «не поймет» слов: «имущие классы» и «сословно-бюрократическое земство»? — что *подталкивание* земцев к переходу от мягких к резким словам есть «переоценка идеологии»? Воображают ли они, что рабочие могут «накопить в себе силы» для борьбы с абсолютизмом, если они не будут знать об отношении абсолютизма *и* к земству? Все это опять-таки остается неизвестным. Ясно только одно: что авторы очень смутно представляют себе политические задачи социал-демократии. Еще яснее это из их фразы: «Таково же» (т. е. тоже «затемняющее классовые антагонизмы») «отношение «Искры» и к студенческому движению». Вместо призыва рабочих публичной демонстрацией заявить, что настоящим очагом насилия, бесчинства и разнузданности является не студенчество, а русское правительство (№ 2 «Искры»**) — мы должны были, вероятно, поместить рассуждение в духе «Р. Мысли»! И подобные мысли высказываются социал-демократами осенью 1901 года, после февральских и мартовских событий, накануне нового студенческого подъема, обнаруживающего, что и в этой области «стихийность» протеста против самодержавия *обгоняет* сознательное руководство движением со стороны социал-демократии. Стихийное стремление рабочих заступиться за избиваемых полицией и казаками студентов обгоняет сознательную деятельность социал-демократической организации!

---

* А *между* этими статьями (№ 3 «Искры») была помещена статья специально о классовых антагонизмах в нашей деревне. (См. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 429 — 437. *Ред.)*

** См. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 391—396. *Ред.*

«Между тем, в других статьях, — продолжают авторы письма, — «Искра» резко осуждает всякие компромиссы и выступает, например, на защиту нетерпимого поведения гедистов». Мы советуем людям, которые так самоуверенно и так легкомысленно заявляют обыкновенно по поводу разногласий в среде современных социал-демократов, что-де эти разногласия несущественны и раскола не оправдывают, — пораздумать хорошенько над этими словами. Возможна ли успешная работа в одной организации людей, которые говорят, что в деле выяснения враждебности самодержавия самым различным классам, в деле ознакомления рабочих с оппозицией самодержавию самых различных слоев мы сделали еще поразительно мало — и людей, которые видят в этом деле «компромисс», очевидно, компромисс с теорией «экономической борьбы с хозяевами и с правительством»?

Мы говорили о необходимости внести классовую борьбу в деревню по поводу сорокалетия освобождения крестьян (№ 3)* и о непримиримости самоуправления и самодержавия по поводу тайной записки Витте (№ 4); мы нападали на крепостничество землевладельцев и служащего им правительства по поводу нового закона (№ 8)** и приветствовали нелегальный земский съезд, поощряя земцев перейти к борьбе от униженных ходатайств (№ 8)***; — мы поощряли студентов, начинавших понимать необходимость политической борьбы и переходивших к таковой (№ 3), и в то же время бичевали «дикое непонимание», обнаруженное сторонниками «только студенческого» движения, приглашавшими студентов не участвовать в уличных демонстрациях (№ 3, по поводу воззвания Исполнительного комитета московского студенчества от 25 февраля); — мы разоблачали «бессмысленные мечтания» и «лживое лицемерие» либеральных лукавцев газеты «Россия»[65] (№ 5) и в то же время отмечали бешенство правительственного застенка, который «творил расправу над мирными лите-

* См. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 429—437. *Ред.*
** См. Сочинения, 5 изд., том 5, стр. 87—92. *Ред.*
*** Там же, стр. 93—94. *Ред.*

раторами, над старыми профессорами и учеными, над известными либеральными земцами» (№ 5: «Полицейский набег на литературу»)[66]; мы разоблачали настоящее значение программы «государственной попечительности о благоустройстве быта рабочих» и приветствовали «ценное признание», что «лучше преобразованиями сверху предупредить требования таковых снизу, чем дожидаться последнего» (№ 6)*; — мы поощряли статистиков-протестантов (№ 7) и порицали статистиков-штрейкбрехеров (№ 9)[67]. Кто усматривает в этой тактике затемнение классового сознания пролетариата и *компромисс с либерализмом,* — тот тем самым обнаруживает, что он совершенно не понимает истинного значения программы «Credo» и de facto *проводит именно эту программу,* сколько бы он от нее ни отрекался! Потому что он *тем самым* тащит социал-демократию к «экономической борьбе с хозяевами и с правительством» и *пасует пред либерализмом,* отказываясь от задачи активно вмешиваться в *каждый* «либеральный» вопрос и определять *свое,* социал-демократическое, отношение к этому вопросу.

е) ЕЩЕ РАЗ «КЛЕВЕТНИКИ», ЕЩЕ РАЗ «МИСТИФИКАТОРЫ»

Эти любезные слова принадлежат, как помнит читатель, «Раб. Делу», которое отвечает таким образом на наше обвинение его в «косвенном подготовлении почвы для превращения рабочего движения в орудие буржуазной демократии». В простоте душевной «Раб. Дело» решило, что это обвинение есть не что иное, как полемическая выходка: порешили, дескать, эти злые догматики наговорить нам всяких неприятностей: ну, а что же может быть более неприятного, как явиться орудием буржуазной демократии? И вот печатается жирным шрифтом «опровержение»: «ничем не прикрашенная клевета» («Два съезда», стр. 30), «мистификация» (31), «маскарад» (33). Подобно Юпитеру, «Р. Дело» (хотя оно и мало похоже на Юпитера) сердится именно потому,

* См. Сочинения, 5 изд., том 5, стр. 78, 79. *Ред.*

что оно неправо, доказывая своими торопливыми ругательствами неспособность вдуматься в ход мысли своих противников. А ведь немного надо бы подумать, чтобы понять, почему *всякое* преклонение пред стихийностью массового движения, *всякое* принижение социал-демократической политики до тред-юнионистской есть именно подготовление почвы для превращения рабочего движения в орудие буржуазной демократии. Стихийное рабочее движение само по себе способно создать (и неизбежно создает) только тред-юнионизм, а тред-юнионистская политика рабочего класса есть именно буржуазная политика рабочего класса. Участие рабочего класса в политической борьбе и даже в политической революции нисколько еще не делает его политики социал-демократической политикой. Не вздумает ли отрицать это «Р. Дело»? Не вздумает ли оно наконец изложить перед всеми прямо и без уверток свое понимание наболевших вопросов международной и русской социал-демократии? — О нет, оно никогда не вздумает ничего подобного, ибо оно твердо держится того приема, который можно назвать приемом «сказываться в нетях». Я не я, лошадь не моя, я не извозчик. Мы не «экономисты», «Раб. Мысль» не «экономизм», в России нет вообще «экономизма». Это — замечательно ловкий и «политичный» прием, имеющий только то маленькое неудобство, что органы, его практикующие, принято называть кличкой: «чего изволите?».

«Раб. Делу» кажется, что вообще буржуазная демократия в России есть «фантом» («Два съезда», с. 32)*. Счастливые люди! Подобно страусу, прячут они голову под крыло и воображают, что от этого исчезает все окружающее. Ряд либеральных публицистов, ежемесячно оповещающих всех о своем торжестве по поводу

* Здесь же ссылка на «конкретные русские условия, фатально толкающие рабочее движение на революционный путь». Не хотят люди понять того, что революционный путь рабочего движения может еще быть и не социал-демократическим путем! Ведь вся западноевропейская буржуазия при абсолютизме «толкала», сознательно толкала рабочих на революционный путь. Мы же, социал-демократы, не можем удовлетвориться этим. И если мы чем бы то ни было принижаем социал-демократическую политику до стихийной, тред-юнионистской политики, то мы именно этим и играем на руку буржуазной демократии.

распадения и даже исчезновения марксизма; ряд либеральных газет («СПБ. Ведомости»[68], «Русские Ведомости»[69] и мн. др.), поощряющих тех либералов, которые несут рабочим брентановское понимание классовой борьбы[70] и тред-юнионистское понимание политики; — плеяда критиков марксизма, истинные тенденции которых так хорошо раскрыло «Credo» и литературные товары которых одни только бесданно-беспошлинно гуляют по России; — оживление революционных *не* социал-демократических направлений, особенно после февральских и мартовских событий; — все это, должно быть, фантом! Все это не имеет ровно никакого отношения к буржуазной демократии!

«Раб. Делу», как и авторам «экономического» письма в № 12 «Искры», следовало бы «пораздумать над тем, почему это весенние события вызвали такое оживление революционных не социал-демократических направлений, вместо того, чтобы вызвать усиление авторитета и престижа социал-демократии»? — Потому, что мы оказались не на высоте задачи, активность рабочих масс оказалась выше нашей активности, у нас не нашлось налицо достаточно подготовленных революционных руководителей и организаторов, которые бы прекрасно знали настроение во всех оппозиционных слоях и умели встать во главе движения, превратить стихийную демонстрацию в политическую, расширить ее политический характер и т. д. При таких условиях нашей отсталостью неизбежно будут пользоваться более подвижные, более энергичные революционеры не социал-демократы, и рабочие, как бы они самоотверженно и энергично ни дрались с полицией и войском, как бы они революционно ни выступали, окажутся только силой, поддерживающей этих революционеров, окажутся арьергардом буржуазной демократии, а не социал-демократическим авангардом. Возьмите германскую социал-демократию, у которой наши «экономисты» хотят перенять только ее слабые стороны. Отчего *ни одно* политическое событие в Германии не проходит без того, чтобы не повлиять на большее и большее усиление авторитета и престижа социал-демократии? Оттого, что социал-демократия

всегда оказывается впереди всех в наиболее революционной оценке этого события, в защите всякого протеста против произвола. Она не убаюкивает себя рассуждениями, что экономическая борьба натолкнет рабочих на вопрос об их бесправии и что конкретные условия фатально толкают рабочее движение на революционный путь. Она вмешивается во все области и все вопросы общественной и политической жизни, и в вопрос о неутверждении Вильгельмом городского головы из буржуазных прогрессистов (немцев еще не успели просветить наши «экономисты», что это есть, в сущности, компромисс с либерализмом!), и в вопрос об издании закона против «безнравственных» сочинений и изображений, и в вопрос о правительственном влиянии на выбор профессоров и проч. и т. п. Везде они оказываются впереди всех, возбуждая политическое недовольство во всех классах, расталкивая сонных, подтягивая отсталых, давая всесторонний материал для развития политического сознания и политической активности пролетариата. И в результате получается то, что к передовому политическому борцу проникаются уважением даже сознательные враги социализма, и нередко важный документ не только из буржуазных, но даже и бюрократических и придворных сфер каким-то чудом попадает в редакционный кабинет «Vorwärts'a».

Вот где лежит разгадка того кажущегося «противоречия», которое до такой степени превосходит меру понимания «Раб. Дела», что оно только воздевает руки горе и кричит: «маскарад»! Представьте себе в самом деле: мы, «Раб. Дело», ставим *во главу угла массовое* рабочее движение (и печатаем это жирным шрифтом!), мы предостерегаем всех и каждого от преуменьшения значения стихийного элемента, мы хотим придать самой, *самой, самой* экономической борьбе политический характер, мы хотим остаться в тесной и органической связи с пролетарской борьбой! А нам говорят, что мы подготовляем почву для превращения рабочего движения в орудие буржуазной демократии. И кто говорит это? Люди, которые вступают в «компромисс» с либерализмом, вмешиваясь в каждый «либеральный» вопрос

(какое непонимание «органической связи с пролетарской борьбой»!), обращая так много внимания и на студентов и даже (о ужас!) на земцев! Люди, которые вообще хотят уделять больший (по сравнению с «экономистами») процент своих сил на деятельность среди непролетарских классов населения! Это ли не «маскарад»??

Бедное «Раб. Дело»! Додумается ли оно когда-нибудь до разгадки этой хитрой механики?

IV
КУСТАРНИЧЕСТВО ЭКОНОМИСТОВ И ОРГАНИЗАЦИЯ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Разобранные нами выше утверждения «Раб. Дела», что экономическая борьба есть наиболее широко применимое средство политической агитации, что наша задача теперь — придать самой экономической борьбе политический характер и т. п., выражают собою узкое понимание не только наших политических, но и наших *организационных* задач. Для «экономической борьбы с хозяевами и с правительством» совершенно не нужна, — а потому на такой борьбе не может и выработаться, — общерусская централизованная организация, объединяющая в один общий натиск все и всяческие проявления политической оппозиции, протеста и возмущения, организация, состоящая из революционеров по профессии и руководимая настоящими политическими вождями всего народа. Да это и понятно. Характер организации всякого учреждения естественно и неизбежно определяется содержанием деятельности этого учреждения. Поэтому «Раб. Дело» своими вышеразобранными утверждениями освящает и узаконяет не только узость политической деятельности, но и узость организационной работы. И в этом случае, как и всегда, оно является органом, сознательность которого пасует пред стихийностью. А между тем преклонение пред стихийно складывающимися формами организации, отсутствие сознания того, насколько узка и примитивна

наша организационная работа, какие еще мы «кустари» в этой важной области, отсутствие этого сознания, говорю я, представляет собою настоящую болезнь нашего движения. Это не болезнь упадка, а болезнь роста, само собою разумеется. Но именно теперь, когда волна стихийного возмущения захлестывает, можно сказать, нас, как руководителей и организаторов движения, особенно необходима самая непримиримая борьба против всякой защиты отсталости, против всякого узаконения узости в этом деле, особенно необходимо пробудить в каждом, кто участвует в практической работе или только собирается взяться за нее, недовольство господствующим у нас *кустарничеством* и непреклонную решимость избавиться от него.

а) ЧТО ТАКОЕ КУСТАРНИЧЕСТВО?

Попробуем ответить на этот вопрос маленькой картинкой деятельности типичного социал-демократического кружка 1894—1901 годов. Мы уже указывали на повальное увлечение марксизмом учащейся молодежи этого периода. Это увлечение относилось, разумеется, не только и даже не столько к марксизму, как к теории, а как к ответу на вопрос: «что делать?», как к призыву идти в поход на врага. И новые ратники шли в поход с удивительно первобытным снаряжением и подготовкой. В массе случаев не было даже почти никакого снаряжения и ровно никакой подготовки. Шли на войну, как мужики от сохи, захватив одну только дубину. Кружок студентов, без всякой связи с старыми деятелями движения, без всякой связи с кружками в других местностях или даже в других частях города (или в иных учебных заведениях), без всякой организации отдельных частей революционной работы, без всякого систематического плана деятельности на сколько-нибудь значительный период, заводит связи с рабочими и берется за дело. Кружок развертывает постепенно более и более широкую пропаганду и агитацию, привлекает фактом своего выступления сочувствие довольно широких слоев рабочих, сочувствие

некоторой части образованного общества, доставляющего деньги и отдающего в распоряжение «Комитету» новые и новые группы молодежи. Растет обаяние комитета (или союза борьбы), растет размах его деятельности, и он расширяет эту деятельность совершенно стихийно: те же люди, которые год или несколько месяцев тому назад выступали в студенческих кружках и решали вопрос: «куда идти?», которые заводили и поддерживали сношения с рабочими, изготовляли и выпускали листки, заводят связи с другими группами революционеров, раздобывают литературу, берутся за издание местной газеты, начинают говорить об устройстве демонстрации, переходят, наконец, к открытым военным действиям (причем этим открытым военным действием может явиться, смотря по обстоятельствам, и первый же агитационный листок, и первый номер газеты, и первая демонстрация). И обыкновенно первое же начало этих действий ведет за собою немедленно полный провал. Немедленно и полный именно потому, что эти военные действия явились не результатом систематического, заранее обдуманного и исподволь подготовленного плана длинной и упорной борьбы, а просто стихийным ростом традиционно ведущейся кружковой работы; потому что полиция, естественно, почти всегда знала всех главных деятелей местного движения, «зарекомендовавших» себя еще со студенческой скамьи, и только выжидала самого удобного для нее момента облавы, нарочно давая кружку достаточно разрастись и развернуться, чтобы иметь осязательный corpus delicti*, и нарочно оставляя всегда нескольких известных ей лиц «на разводку» (как гласит техническое выражение, употребляемое, насколько мне известно, и нашим братом, и жандармами). Такую войну нельзя не сравнить с походом вооруженных дубинами шаек крестьян против современного войска. И надо только удивляться жизненности движения, которое ширилось, росло и одерживало победы, несмотря на это полное отсутствие подготовки у сражавшихся. Правда,

* — состав преступления. *Ред.*

с исторической точки зрения, примитивность снаряжения была не только неизбежна вначале, но *даже законна,* как одно из условий широкого привлечения ратников. Но как только начались серьезные военные действия (а они начались уже, в сущности, с летних стачек 1896 года), — недостатки нашей военной организации стали все сильнее и сильнее давать себя чувствовать. Опешив на первых порах и наделав ряд ошибок (вроде обращения к обществу с описанием злодейств социалистов или ссылки рабочих из столиц в промышленные центры провинции), правительство вскоре приспособилось к новым условиям борьбы и сумело поставить на надлежащие места свои, вооруженные всеми усовершенствованиями, отряды провокаторов, шпионов и жандармов. Погромы стали так часто повторяться, захватывать такую массу лиц, выметать до такой степени начисто местные кружки, что рабочая масса теряла буквально всех руководителей, движение приобретало невероятно скачкообразный характер, и абсолютно никакой преемственности и связности работы не могло установиться. Поразительная раздробленность местных деятелей, случайность состава кружков, неподготовленность и узкий кругозор в области теоретических, политических и организационных вопросов были неизбежным результатом описанных условий. Дело дошло до того, что в некоторых местах рабочие в силу недостатка у нас выдержки и конспиративности проникаются недоверием к интеллигенции и сторонятся от нее: интеллигенты, говорят они, слишком необдуманно приводят к провалам!

Что это кустарничество стало, наконец, ощущаться всеми мыслящими социал-демократами, как болезнь, — это знает каждый, сколько-нибудь знакомый с движением. А чтобы читатель, незнакомый с ним, не подумал, что мы «конструируем» искусственно особую стадию или особую болезнь движения, — мы сошлемся на упомянутого уже раз свидетеля. Пусть не посетуют на нас за длинную выписку.

«Если постепенный переход к более широкой практической деятельности, — пишет Б—в в № 6 «Раб. Дела», — переход,

находящийся в прямой зависимости от общего переходного времени, переживаемого русским рабочим движением, является характерной чертой... то есть еще другая не менее интересная черта в общем механизме русской рабочей революции. Мы говорим о том *общем недостатке годных к действию революционных сил**, который ощущается не только в Петербурге, но и во всей России. С общим оживлением рабочего движения, с общим развитием рабочей массы, с все учащающимися случаями стачек, с все более открытой массовой борьбой рабочих, усиливающей правительственные преследования, аресты, ссылку и высылку, этот *недостаток в качественно высоких революционных силах становится все заметнее* и, несомненно, остается *не без влияния на глубину и общий характер движения.* Многие стачки проходят без сильного и непосредственного воздействия революционных организаций... чувствуется недостаток в агитационных листках и нелегальной литературе... рабочие кружки остаются без агитаторов... Рядом с этим замечается постоянная нужда в денежных средствах. Словом, *рост рабочего движения опережает рост и развитие революционных организаций.* Наличный состав действующих революционеров оказывается слишком незначительным, чтобы сосредоточить в своих руках влияние на всю волнующуюся рабочую массу, чтобы придать всем волнениям хотя бы оттенок стройности и организованности... Отдельные кружки, отдельные революционеры не собраны, не объединены, не составляют единой, сильной и дисциплинированной организации с планомерно развитыми частями»... И, оговорившись, что немедленное появление новых кружков, на место разбитых, «доказывает только жизненность движения... но не показывает еще наличность достаточного количества вполне пригодных революционных деятелей», автор заключает: «Практическая неподготовленность петербургских революционеров сказывается и в результатах их работы. Последние процессы, особенно групп «Самоосвобождение» и «Борьба труда с капиталом»[71], ясно показали, что молодой агитатор, незнакомый детально с условиями труда, а следовательно, и агитации на данном заводе, не знающий принципов конспирации и усвоивший» (усвоивший ли?) «только общие взгляды социал-демократии, может проработать каких-нибудь 4, 5, 6 месяцев. Затем наступает арест, часто влекущий за собой разгром всей организации или по крайней мере части ее. Спрашивается, возможна ли успешная и плодотворная деятельность группы, если время существования этой группы определяется месяцами? Очевидно, недостатки существующих организаций нельзя целиком относить на счет переходного времени... очевидно, количественный и, главное, качественный состав действующих организаций играет здесь немаловажную роль, и первой задачей наших социал-демократов... должно быть *реальное объединение организаций при строгом выборе членов».*

* Курсив везде наш.

б) КУСТАРНИЧЕСТВО И ЭКОНОМИЗМ

Мы должны теперь остановиться на вопросе, который наверное напрашивается уже у всякого читателя. Можно ли ставить в связь это кустарничество, как болезнь роста, свойственную *всему* движению, с «экономизмом», как с *одним* из течений в русской социал-демократии? Мы думаем, что да. Практическая неподготовленность, неумелость организационной работы обща действительно *всем нам,* в том числе и тем, кто с самого начала неуклонно стоял на точке зрения революционного марксизма. И за неподготовленность самое по себе никто не мог бы, конечно, и винить практиков. Но кроме неподготовленности в понятие «кустарничества» входит еще и нечто другое: узкий размах всей революционной работы вообще, непонимание того, что на этой узкой работе и не может сложиться хорошая организация революционеров, наконец — и это главное — попытки оправдать эту узость и возвести в особую «теорию», т. е. преклонение пред стихийностью и в этой области. Раз только обнаружились такие попытки, — стало уже несомненным, что кустарничество связано с «экономизмом» и что мы не избавимся от узости нашей организационной деятельности, не избавившись от «экономизма» вообще (т. е. узкого понимания и теории марксизма и роли социал-демократии и политических задач ее). А попытки эти обнаружились в двояком направлении. Одни стали говорить: рабочая масса не выдвинула еще сама таких широких и боевых политических задач, которые ей «навязывают» революционеры, она должна еще бороться за *ближайшие* политические требования, вести «экономическую борьбу с хозяевами и с правительством»* (а этой «доступной» массовому движению борьбе естественно соответствует и «доступная» даже самой неподготовленной молодежи организация). Другие, далекие от всякой «постепеновщины», стали говорить: возможно и должно «совершить политическую революцию», но для этого нет никакой надобности в создании крепкой организации революционеров, воспиты-

* «Раб. Мысль» и «Раб. Дело», особ. «Ответ» Плеханову.

вающей пролетариат стойкой и упорной борьбой; для этого достаточно, чтобы мы все схватились за «доступную» и знакомую уже дубину. Говоря без аллегорий — чтобы мы устроили всеобщую стачку*; или чтобы мы возбудили «вялый» ход рабочего движения посредством «эксцитативного террора»**. Оба эти направления, и оппортунисты и «революционисты», пасуют пред господствующим кустарничеством, не верят в возможность избавления от него, не понимают нашей первой и самой настоятельной практической задачи: создать *организацию революционеров,* способную обеспечить энергию, устойчивость и преемственность политической борьбы.

Мы сейчас привели слова Б—ва: «рост рабочего движения опережает рост и развитие революционных организаций». Это «ценное сообщение близкого наблюдателя» (отзыв редакции «Рабочего Дела» о статье Б—ва) имеет для нас двойную ценность. Оно показывает, что мы были правы, усматривая основную причину современного кризиса в русской социал-демократии в *отсталости руководителей* («идеологов», революционеров, социал-демократов) от *стихийного подъема масс.* Оно показывает, что именно прославлением и защитой кустарничества являются все эти рассуждения авторов «экономического» письма (в № 12 «Искры»), Б. Кричевского и Мартынова об опасности преуменьшать значение стихийного элемента, серой текущей борьбы, о тактике-процессе и проч. Эти люди, которые без пренебрежительной гримасы не могут произносить слово: «теоретик», которые называют «чутьем к жизни» свое коленопреклонение пред житейской неподготовленностью и неразвитостью, обнаруживают на деле непонимание самых настоятельных наших *практических* задач. Людям отставшим кричат: идите в ногу! не опережайте! Людям, страдающим от недостатка энергии и инициативы в организационной работе, от

---

* Брошюра: «Кто совершит политическую революцию?» — в изданном в России сборнике «Пролетарская борьба». Была также переиздана Киевским комитетом.

** «Возрождение революционизма» и «Свобода».

недостатка «планов» широкой и смелой постановки дела, кричат о «тактике-процессе»! Основной наш грех состоит в *принижении* наших политических *и организационных* задач до ближайших, «осязательных», «конкретных» интересов текущей экономической борьбы, — а нам продолжают напевать: самой экономической борьбе надо придать политический характер! Еще раз: это буквально такое же «чутье к жизни», которое обнаруживал герой народного эпоса, кричавший: «таскать вам не перетаскать!» при виде похоронной процессии.

Вспомните, с каким несравненным, поистине «нарцисовским» высокомерием поучали эти мудрецы Плеханова: «рабочим *кружкам* вообще (sic!) недоступны политические задачи в действительном, *практическом* смысле этого слова, т. е. в смысле целесообразной и успешной *практической* борьбы за политические требования» («Ответ редакции «Р. Д.»»,стр. 24). Есть кружки и кружки, господа! Кружку «кустарей», конечно, недоступны политические задачи, покуда эти кустари не сознали своего кустарничества и не избавились от него. Если же эти кустари кроме того влюблены в свое кустарничество, если они пишут слово «практический» непременно курсивом и воображают, что практичность требует принижения своих задач до уровня понимания самых отсталых слоев массы, — то тогда, разумеется, эти кустари безнадежны, и им, действительно, *вообще недоступны политические задачи.* Но кружку корифеев, вроде Алексеева и Мышкина, Халтурина и Желябова, доступны политические задачи в самом действительном, в самом практическом смысле этого слова, доступны именно потому и постольку, поскольку их горячая проповедь встречает отклик в стихийно пробуждающейся массе, поскольку их кипучая энергия подхватывается и поддерживается энергией революционного класса. Плеханов был тысячу раз прав, когда он не только указал этот революционный класс, не только доказал неизбежность и неминуемость его стихийного пробуждения, но и поставил даже перед «рабочими кружками» высокую и великую политическую задачу. А вы ссылаетесь на возникшее с тех пор массовое дви-

жение для того, чтобы *принизить* эту задачу, — для того, чтобы *сузить* энергию и размах деятельности «рабочих кружков». Что это такое, как не влюбленность кустаря в свое кустарничество? Вы хвастаетесь своей практичностью, а не видите того, знакомого всякому русскому практику факта, какие чудеса способна совершить в революционном деле энергия не только кружка, но даже отдельной личности. Или вы думаете, что в нашем движении не может быть таких корифеев, которые были в 70-х годах? Почему бы это? Потому что мы мало подготовлены? Но мы подготовляемся, будем подготовляться и подготовимся! Правда, на стоячей воде «экономической борьбы с хозяевами и с правительством» образовалась у нас, к несчастью, плесень, появились люди, которые становятся на колени и молятся на стихийность, благоговейно созерцая (по выражению Плеханова) «заднюю» русского пролетариата. Но мы сумеем избавиться от этой плесени. Именно теперь русский революционер, руководимый истинно революционной теорией, опираясь на истинно революционный и стихийно пробуждающийся класс, может наконец — наконец! — выпрямиться во весь свой рост и развернуть все свои богатырские силы. Для этого нужно только, чтобы среди массы практиков, среди еще большей массы людей, мечтающих о практической работе уже со школьной скамьи, всякое поползновение принизить наши политические задачи и размах нашей организационной работы встречало насмешку и презрение. И мы добьемся этого, будьте спокойны, господа!

В статье «С чего начать?» я писал против «Рабочего Дела»: «В 24 часа можно изменить тактику агитации по какому-нибудь специальному вопросу, тактику проведения какой-нибудь детали партийной организации, а изменить не только в 24 часа, но хотя бы даже в 24 месяца свои взгляды на то, нужна ли вообще, всегда и безусловно, боевая организация и политическая агитация в массе, могут только люди без всяких устоев»*. «Рабочее Дело» отвечает: «Это единственное

* См. Сочинения, 5 изд., том 5, стр. 6. *Ред.*

из претендующих на фактический характер обвинение «Искры» ни на чем не основано. Читатели «Р. Дела» хорошо знают, что мы с самого начала не только звали к политической агитации, не дожидаясь появления «Искры»»... (говоря при этом, что не только рабочим кружкам, «но и массовому рабочему движению невозможно ставить первой политической задачей — низвержение абсолютизма», а только борьбу за ближайшие политические требования, и что «ближайшие политические требования становятся доступными для массы после одной или, в крайнем случае, нескольких стачек»)... «а и своими изданиями доставляли из-за границы действующим в России товарищам *единственный* социал-демократический политически-агитационный материал»... (причем вы в этом единственном материале не только применяли наиболее широко политическую агитацию лишь на почве экономической борьбы, но и додумались наконец до того, что эта суженная агитация «наиболее широко применима». И вы не замечаете, господа, что ваша аргументация доказывает именно необходимость появления «Искры» — при такого рода *единственном* материале — и необходимость борьбы «Искры» с «Рабочим Делом»?)... «С другой стороны, наша издательская деятельность на деле подготовляла тактическое единство партии»... (единство убеждения в том, что тактика есть процесс роста партийных задач, растущих вместе с партией? Ценное единство!)... «и тем самым возможность «боевой организации», для создания которой Союз делал вообще все доступное для заграничной организации» («Р. Д.» № 10, стр. 15). Напрасная попытка извернуться! Что вы делали все для вас доступное, этого я никогда и не думал отрицать. Я утверждал и утверждаю, что *пределы* «доступного» вам суживаются близорукостью вашего понимания. Смешно и говорить о «боевой организации» для борьбы за «ближайшие политические требования» или для «экономической борьбы с хозяевами и с правительством».

Но если читатель хочет видеть перлы «экономической» влюбленности в кустарничество, то он, разумеется,

должен обратиться от эклектического и неустойчивого «Раб. Дела» к последовательной и решительной «Раб. Мысли». «Теперь два слова о собственно так называемой революционной интеллигенции, — писал Р. М. в «Отдельном приложении», стр. 13, — она, правда, не раз показала на деле свою полную готовность «вступить в решительную схватку с царизмом». Вся беда только в том, что, беспощадно преследуемая политической полицией, наша революционная интеллигенция принимала борьбу с этой политической полицией за политическую борьбу с самодержавием. Поэтому-то для нее до сих пор и остается невыясненным вопрос, «откуда взять силы для борьбы с самодержавием?»».

Не правда ли, как бесподобно это великолепное пренебрежение к борьбе с полицией со стороны поклонника (в худом смысле поклонника) *стихийного* движения? Нашу конспиративную неумелость он готов *оправдать* тем, что нам, при стихийном массовом движении, и не важна, в сущности, борьба с политической полицией!! Под этим чудовищным выводом подпишутся очень и очень немногие: до такой степени наболел у всех вопрос о недостатках наших революционных организаций. Но если под ним не подпишется, например, Мартынов, то только потому, что он не умеет или не имеет смелости додумывать до конца своих положений. В самом деле, разве такая «задача», как выставление массой конкретных требований, сулящих осязательные результаты, требует особенной заботливости о создании прочной, централизованной, боевой организации революционеров? разве эту «задачу» не выполняет и такая масса, которая вовсе не «борется с политической полицией»? Больше того: разве эта задача была бы выполнима, если бы кроме немногих руководителей за нее не брались также (в громадном большинстве) такие рабочие, которые вовсе *неспособны* «бороться с политической полицией»? Такие рабочие, средние люди массы, способны проявить гигантскую энергию и самоотвержение в стачке, в уличной борьбе с полицией и войском, способны (и одни только могут) *решить* исход всего нашего движения, — но именно борьба с *политической*

полицией требует особых качеств, требует революционеров *по профессии.* И мы должны заботиться не только о том, чтобы масса «выставляла» конкретные требования, но и о том, чтобы масса рабочих «выставляла» все в большем числе таких революционеров по профессии. Мы подошли таким образом к вопросу о соотношении между организацией профессиональных революционеров и чисто рабочим движением. Мало отразившийся в литературе, этот вопрос много занимал нас, «политиков», в разговорах и спорах с более или менее тяготеющими к «экономизму» товарищами. На нем стоит особо остановиться. Но сначала закончим еще одной цитатой иллюстрацию нашего положения о связи кустарничества с «экономизмом».

«Группа «Осв. труда», — писал г. N. N. в своем «Ответе», — требует прямой борьбы с правительством, не взвесив, где материальная сила для этой борьбы, не указав, *где пути для нее».* И, подчеркнув последние слова, автор делает к слову «пути» такое примечание: «Это обстоятельство не может быть объяснено конспиративными целями, так как в программе речь идет не о заговоре, а о *массовом движении.* Масса же не может идти тайными путями. Разве возможна тайная стачка? Разве возможна тайная манифестация и петиция?» («Vademecum», стр. 59.) Автор вплотную подошел и к этой «материальной силе» (устроители стачек и манифестаций) и к «путям» для борьбы, но оказался все-таки в растерянном недоумении, ибо он «преклоняется» пред массовым движением, т. е. смотрит на него как на нечто, *избавляющее* нас от нашей, революционной, активности, а не как на нечто, долженствующее ободрять и *подталкивать* нашу революционную активность. Тайная стачка невозможна — для участников ее и непосредственно соприкасающихся с ней лиц. Но для массы русских рабочих эта стачка может остаться (и большей частью остается) «тайной», ибо правительство позаботится отрезать всякое сношение с стачечниками, позаботится сделать невозможным всякое распространение сведений о стачке. Вот тут уже нужна специальная «борьба с политической полицией», борьба, которую никогда

не сможет активно вести столь же широкая масса, какая участвует в стачках. Эту борьбу должны организовать «по всем правилам искусства» люди, профессионально занятые революционной деятельностью. Организация этой борьбы не стала *менее нужной* оттого, что в движение стихийно втягивается масса. Напротив, от этого организация становится *более нужной,* ибо мы, социалисты, не исполнили бы своих прямых обязанностей перед массой, если бы не сумели помешать полиции делать тайной (а иногда и сами не подготовляли тайно) всякую стачку и всякую манифестацию. *Суметь* же это мы в состоянии именно потому, что стихийно пробуждающаяся масса будет *выдвигать также из своей среды* все большее и большее число «революционеров по профессии» (если мы не вздумаем на всякие лады приглашать рабочих топтаться на одном месте).

в) ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОЧИХ И ОРГАНИЗАЦИЯ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Если понятие политической борьбы для социал-демократа покрывается понятием «экономической борьбы с хозяевами и правительством», то естественно ожидать, что понятие «организация революционеров» будет для него более или менее покрываться понятием: «организация рабочих». И это действительно случается, так что, разговаривая об организации, мы оказываемся буквально говорящими на разных языках. Как сейчас помню, например, разговор с одним довольно последовательным «экономистом», которого мне не доводилось знать раньше[72]. Речь зашла о брошюре «Кто совершит политическую революцию?», и мы быстро сошлись на том, что ее основной недостаток — игнорирование вопроса об организации. Мы воображали уже, что мы солидарны друг с другом — но... разговор идет дальше, и оказывается, что мы говорим про разное. Мой собеседник обвиняет автора за игнорирование стачечных касс, обществ взаимопомощи и т. п., я же имел в виду организацию революционеров, необходимую для «совершения» политической революции. И, как только

обнаружилось это разногласие, — я не запомню уже, чтобы мне приходилось вообще по какому бы то ни было принципиальному вопросу соглашаться с этим «экономистом»!

В чем же состоял источник наших разногласий? Да именно в том, что «экономисты» постоянно сбиваются с социал-демократизма на тред-юнионизм и в организационных, как и в политических, задачах. Политическая борьба социал-демократии гораздо шире и сложнее, чем экономическая борьба рабочих с хозяевами и правительством. Точно так же (и вследствие этого) организация революционной социал-демократической партии неизбежно должна быть *иного рода,* чем организация рабочих для такой борьбы. Организация рабочих должна быть, во-первых, профессиональной; во-вторых, она должна быть возможно более широкой; в-третьих, она должна быть возможно менее конспиративной (я говорю, разумеется, здесь и ниже, имея в виду только самодержавную Россию). Наоборот, организация революционеров должна обнимать прежде всего и главным образом людей, которых профессия состоит из революционной деятельности (потому я и говорю об организации *революционеров,* имея в виду революционеров-социал-демократов). Пред этим общим признаком членов такой организации *должно совершенно стираться всякое различие рабочих и интеллигентов,* не говоря уже о различии отдельных профессий тех и других. Эта организация необходимо должна быть не очень широкой и возможно более конспиративной. Остановимся на этом трояком различии.

В странах с политической свободой различие профессиональной и политической организации совершенно ясно, как ясно и различие тред-юнионов и социал-демократии. Отношения последней к первым неизбежно видоизменяются, конечно, в разных странах смотря по историческим, юридическим и другим условиям, — они могут быть более или менее тесными, сложными и проч. (они должны быть, с нашей точки зрения, возможно более тесными и возможно менее сложными), но о совпадении организации профессиональных союзов

с организацией социал-демократической партии в свободных странах нет и речи. В России же гнет самодержавия стирает, на первый взгляд, всякое различие между социал-демократической организацией и рабочим союзом, ибо *всякие* рабочие союзы и *всякие* кружки запрещены, ибо главное проявление и орудие экономической борьбы рабочих — стачка — является вообще уголовным (а иногда даже политическим!) проступком. Таким образом, наши условия, с одной стороны, очень «наталкивают» ведущих экономическую борьбу рабочих на политические вопросы, а, с другой стороны, «наталкивают» социал-демократов на смешение тред-юнионизма и социал-демократизма (и наши Кричевские, Мартыновы и К°, усердно толкуя о «наталкивании» первого рода, не замечают «наталкивания» второго рода). В самом деле, представьте себе людей, на 99 сотых поглощенных «экономической борьбой с хозяевами и правительством». Одни из них в течение *всего* периода их деятельности (4—6 мес.) ни разу не натолкнутся на вопрос о необходимости более сложной организации революционеров; другие «натолкнутся», пожалуй, на сравнительно распространенную бернштейнианскую литературу, из которой почерпнут убеждение в сугубой важности «поступательного хода серой текущей борьбы». Третьи, наконец, увлекутся, может быть, соблазнительной идеей явить миру новый образец «тесной и органической связи с пролетарской борьбой», связи профессионального и социал-демократического движения. Чем позже выступает страна на арену капитализма, а следовательно, и рабочего движения, — могут рассуждать такие люди, — тем больше могут социалисты принимать участия в профессиональном движении и оказывать ему поддержку, тем меньше может и должно быть не социал-демократических профессиональных союзов. До сих пор такое рассуждение вполне правильно, но беда в том, что идут еще дальше и мечтают о полном слиянии социал-демократизма и тред-юнионизма. Мы сейчас увидим на примере «Устава С.-Петербургского Союза борьбы», как вредно отражаются эти мечты на наших организационных планах.

Организации рабочих для экономической борьбы должны быть профессиональными организациями. Всякий социал-демократ-рабочий должен по мере возможности оказывать содействие и активно работать в этих организациях. Это так. Но вовсе не в наших интересах требовать, чтобы членами «цеховых» союзов могли быть только социал-демократы: это сузило бы размеры нашего влияния на массу. Пусть в цеховом союзе участвует всякий рабочий, понимающий необходимость объединения для борьбы с хозяевами и с правительством. Самая цель цеховых союзов была бы недостижима, если бы они не объединяли всех, кому доступна хотя бы только одна эта элементарная ступень понимания, если бы эти цеховые союзы не были бы очень *широкими* организациями. И чем шире эти организации, тем шире будет и наше влияние на них, влияние, оказываемое не только «стихийным» развитием экономической борьбы, но и прямым, сознательным воздействием социалистических членов союза на товарищей. Но при широком составе организации невозможна строгая конспирация (требующая гораздо большей подготовки, чем необходимо для участия в экономической борьбе). Как примирить это противоречие между необходимостью широкого состава и строгой конспирации? Как достигнуть того, чтобы цеховые организации были возможно менее конспиративны? Для этого может быть, вообще говоря, только два пути: либо легализация цеховых союзов (в некоторых странах предшествовавшая легализации социалистических и политических союзов), либо сохранение организации тайной, но настолько «свободной», мало оформленной, lose, как говорят немцы, чтобы конспирация для массы членов сводилась почти к нулю.

Легализация несоциалистических и неполитических рабочих союзов в России уже началась, и не может подлежать никакому сомнению, что каждый шаг нашего быстро растущего социал-демократического рабочего движения будет умножать и поощрять попытки этой легализации, — попытки, исходящие главным образом от сторонников существующего строя, но отчасти и от самих рабочих и от либеральной интеллигенции. Знамя

легализации уже выкинуто Васильевыми и Зубатовыми, содействие ей уже обещано и дано гг. Озеровыми и Вормсами, среди рабочих есть уже последователи нового течения. И мы не можем отныне не считаться с этим течением. Как считаться, — об этом среди социал-демократов вряд ли может быть два мнения. Мы обязаны неуклонно разоблачать всякое участие Зубатовых и Васильевых, жандармов и попов в этом течении и разъяснять рабочим истинные намерения этих участников. Мы обязаны разоблачать также всякие примирительные, «гармонические» нотки, которые будут проскальзывать в речах либеральных деятелей на открытых собраниях рабочих, — все равно, берут ли они эти ноты в силу искреннего своего убеждения в желательности мирного сотрудничества классов, в силу ли желания подслужиться начальству или, наконец, просто по неловкости. Мы обязаны, наконец, предостерегать рабочих от той ловушки, которую им ставит зачастую полиция, высматривая «людей с огоньком» на этих открытых собраниях и в дозволенных обществах, пытаясь чрез посредство легальных организаций ввести провокаторов и в нелегальные.

Но делать все это — вовсе не значит забывать о том, что *в конце концов* легализация рабочего движения принесет пользу именно нам, а отнюдь не Зубатовым. Напротив, как раз своей обличительной кампанией мы и отделяем плевелы от пшеницы. Плевелы мы уже указали. Пшеница, это — привлечение внимания еще более широких и самых отсталых слоев рабочих к социальным и политическим вопросам, это — освобождение нас, революционеров, от таких функций, которые по существу легальны (распространение легальных книг, взаимопомощь и т. п.) и развитие которых неизбежно будет давать нам все больший и больший материал для агитации. В этом смысле мы можем и должны сказать Зубатовым и Озеровым: старайтесь, господа, старайтесь! Поскольку вы ставите рабочим ловушку (в смысле ли прямого провокаторства или в смысле «честного» развращения рабочих «струвизмом») — мы уже позаботимся о вашем разоблачении. Поскольку

вы делаете действительный шаг вперед, — хотя бы в форме самого «робкого зигзага», но шаг вперед — мы скажем: сделайте одолжение! Действительным шагом вперед может быть только действительное, хотя бы миниатюрное, расширение простора для рабочих. А всякое такое расширение послужит на пользу нам и ускорит появление таких легальных обществ, в которых не провокаторы будут ловить социалистов, а социалисты будут ловить себе адептов. Одним словом, наше дело теперь бороться с плевелами. Не наше дело растить в комнатных горшках пшеницу. Вырывая плевелы, мы тем самым очищаем почву для возможного прорастания семян пшеницы. И покуда Афанасии Иванычи с Пульхериями Ивановнами занимаются комнатным растениеводством, мы должны готовить жнецов, которые сумели бы и косить сегодняшние плевелы, и жать завтрашнюю пшеницу*.

Итак, посредством легализации *решать* вопрос о создании возможно менее конспиративной и возможно более широкой профессиональной организации *мы* не можем (но были бы очень рады, если бы Зубатовы и Озеровы открыли нам хотя частичную возможность такого решения, — для чего нам следует как можно энергичнее воевать с ними!). Остается путь тайных профессиональных организаций, и *мы должны* оказать всяческое содействие рабочим, которые уже вступают (как нам доподлинно известно) на этот путь. Профессиональные организации не только могут принести громадную пользу в деле развития и упрочения экономической борьбы, но и стать весьма важным пособником политической агитации и революционной организации. Для того, чтобы достигнуть этого результата, для того,

* Борьба «Искры» с плевелами вызвала со стороны «Раб. Дела» такую сердитую выходку: «Для «Искры» же знамением времени служат не столько эти крупные события (весенние), как жалкие попытки зубатовских агентов «легализировать» рабочее движение. Она не видит, что эти факты именно и говорят против нее; они-то и свидетельствуют о том, что рабочее движение приняло очень угрожающие размеры в глазах правительства» («Два съезда», стр. 27). Виной всему — «догматизм» этих «глухих к властным велениям жизни» ортодоксов. Упорно не хотят видеть аршинной пшеницы и воюют с вершковыми плевелами! Это ли не «извращенное чувство перспективы по отношению к русскому рабочему движению» (там же, стр. 27)?

чтобы направить начинающееся профессиональное движение в желательное для социал-демократии русло, — необходимо прежде всего ясно представить себе нелепость того плана организации, с которым вот уже почти пять лет носятся петербургские «экономисты». План этот изложен и в «Уставе рабочей кассы» июля 1897 года («Лист. «Раб.»» № 9—10, стр. 46, — из № 1 «Раб. Мысли») и в «Уставе союзной рабочей организации» октября 1900 года (особый листок, печатанный в С.-Петербурге и упомянутый в № 1 «Искры»). Основной недостаток обоих уставов — детальное оформление широкой рабочей организации и смешение с этой последнею организации революционеров. Возьмем второй устав, как более разработанный. Корпус его состоит из *пятидесяти двух* параграфов: 23 параграфа излагают устройство, порядок ведения дел и пределы ведомства «рабочих кружков», устраиваемых на каждой фабрике («не более 10 человек») и выбирающих «центральные (фабричные) группы». «Центральная группа — гласит § 2 — следит за всем, что происходит на ее фабрике или заводе, и ведет хронику событий на нем». «Центральная группа ежемесячно дает отчет всем плательщикам о состоянии кассы» (§ 17) и т. п. 10 параграфов посвящены «районной организации» и 19 — крайне сложному сплетению «Комитета рабочей организации» и «Комитета СПБ. Союза борьбы» (выборные от каждого района и от «исполнительных групп» — «групп пропагандистов, для сношения с провинцией, для сношения с заграницей, для заведования складами, издательской, кассовой»).

Социал-демократия = «исполнительные группы» по отношению к экономической борьбе рабочих! Трудно было бы рельефнее демонстрировать, как сбивается мысль «экономиста» с социал-демократизма на тред-юнионизм, как чуждо ему всякое представление о том, что социал-демократ должен прежде всего думать об организации революционеров, способных руководить *всей* освободительной борьбой пролетариата. Говорить о «политическом освобождении рабочего класса», о борьбе с «царским произволом» — и писать такие уставы организации значит не иметь ровно никакого понятия

о настоящих политических задачах социал-демократии. Ни единый из полусотни параграфов не обнаруживает и проблеска понимания того, что необходима самая широкая политическая агитация в массах, освещающая все стороны русского абсолютизма, весь облик разных общественных классов в России. Да и не только политические, даже тред-юнионистские цели неосуществимы при таком уставе, ибо они требуют организации *по профессиям,* о которой вовсе и не упоминается.

Но едва ли не всего более характерна поразительная тяжеловесность всей этой «системы», пытающейся связать каждую отдельную фабрику с «комитетом» постоянной нитью единообразных и до смешного мелочных правил, при трехстепенной системе выборов. Сдавленная узким кругозором «экономизма», мысль ударяется здесь в детали, от которых так и отдает волокитой и канцелярщиной. На деле, конечно, три четверти всех этих параграфов никогда не применяются, но зато жандармам такая «конспиративная» организация с центральной группой на каждой фабрике облегчает устройство неимоверно широких провалов. Польские товарищи пережили уже такую полосу движения, когда все увлекались широким основанием рабочих касс, но они очень скоро отказались от этой мысли, убедившись, что доставляют только обильную жатву жандармам. Если мы хотим широких рабочих организаций и не хотим широких провалов, не хотим доставлять удовольствия жандармам, то мы должны стремиться к тому, чтобы эти организации были совершенно не оформлены. — Возможно ли будет тогда функционирование их? — А вот посмотрите на эти функции: «... следить за всем, что̀ происходит на фабрике, и вести хронику событий на ней» (§ 2 устава). Неужели это непременно нужно оформливать? Неужели это не может быть еще лучше достигнуто корреспонденциями в нелегальные газеты без всякого образования для этого особых групп? «... Руководить борьбой рабочих за улучшение их положения на заводе» (§ 3 устава). Опять не к чему оформливать. Какие требования хотят выдвинуть рабочие, это всякий мало-мальски толковый агитатор выве-

дает досконально из простой беседы, а выведав, сумеет передать в узкую уже, а не широкую, организацию революционеров для доставки соответствующего листка. «... Организовать кассу... со взносом по 2 коп. с рубля» (§9) — и затем ежемесячно давать всем отчет о кассе (§ 17), исключать неплатящих членов (§ 10) и т. п. Вот это для полиции прямо рай, потому что ничего нет легче проникнуть во всю эту конспирацию «центральной фабричной кассы» и деньги конфисковать и всех лучших людей убрать. Не проще ли пускать копеечные или двухкопеечные марки со штемпелем известной (очень узкой и очень конспиративной) организации, или без всяких марок делать сборы, отчеты по которым печатает, с известным условным паролем, нелегальная газета? Цель будет достигнута та же, а жандармы во сто раз труднее доберутся тогда до нитей.

Я мог бы продолжать свой примерный разбор устава, но думаю, что и сказанного довольно. Маленькое, тесно сплоченное ядро самых надежных, опытных и закаленных рабочих, имеющее доверенных людей в главных районах и связанное, по всем правилам строжайшей конспирации, с организацией революционеров, вполне сможет выполнить, при самом широком содействии массы и без всякого оформления, *все* функции, которые лежат на профессиональной организации, и кроме того выполнить именно так, как это желательно для социал-демократии. Только таким путем и можно достигнуть *упрочения* и развития, вопреки всем жандармам, *социал-демократического* профессионального движения.

Мне возразят: организация до такой степени lose*, что она и вовсе не оформлена, что в ней и членов-то даже, заведомых и зарегистрированных, никаких нет, не может быть и названа организацией. — Может быть. Я за названием не гонюсь. Но все, что нужно, эта «организация без членов» сделает и обеспечит с самого начала прочную связь наших будущих тред-юнионов с социализмом. А кто хочет *широкой* организации

* — свободная, широкая. *Ред.*

рабочих с выборами, отчетами, всеобщими голосованиями и пр. при абсолютизме, — тот просто неисправимый утопист.

Мораль отсюда простая: если мы начнем с прочной постановки крепкой организации революционеров, то мы сможем обеспечить устойчивость движения в его целом, осуществить и социал-демократические и собственно тред-юнионистские цели. Если же мы начнем с наиболее якобы «доступной» массе (а на деле с наиболее доступной жандармам и делающей революционеров наиболее доступными полиции) широкой рабочей организации, то мы ни тех, ни других целей не осуществим, от кустарничества не избавимся и своей раздробленностью, своей вечной разгромленностью будем только делать наиболее доступными массе тред-юнионы зубатовского или озеровского типа.

В чем же собственно должны состоять функции этой организации революционеров? — Об этом мы сейчас подробно побеседуем. Но сначала разберем еще одно весьма типичное рассуждение нашего террориста, который опять-таки оказывается (печальная его судьба!) в ближайшем соседстве с «экономистом». В журнале для рабочих «Свобода» (№ 1) есть статья «Организация», автор которой хочет защитить своих знакомых, иваново-вознесенских рабочих-«экономистов».

«Плохо, — пишет он, — когда толпа безмолвна, бессознательна, когда движение идет не с низов. Вот посмотрите: студенты из университетского города разъезжаются на праздники или на лето по домам — и рабочее движение приостанавливается. Разве такое рабочее движение, подталкиваемое со стороны, может быть действительной силой? Куда там... Оно еще не выучилось ходить своими ногами, и его водят на помочах. И так во всем: студенты разъехались — остановка; выхватили наиболее способных из сливок — молоко закисло; арестовали «Комитет» — пока-то устроится новый, опять затишье; да неизвестно еще, какой устроится — может быть, совсем непохожий на прежний: тот говорил одно, а этот скажет обратное. Связь между вчерашним и завтрашним днем теряется, опыт прошлого не в поученье будущему. И все оттого, что нет корней в глубине, в толпе, работает не сотня дураков, а десяток умников. Десяток всегда можно выловить щучьим хайлом, но, раз организация охватывает толпу, все идет от толпы, — ничье усердие не в состоянии погубить дела» (63 стр.).

Факты описаны верно. Картинка нашего кустарничества недурная. Но выводы — достойные «Рабочей Мысли» и по их неразумности, и по их политической бестактности. Это — верх неразумия, ибо автор смешивает философский и социально-исторический вопрос о «корнях» движения в «глубине» с технически-организационным вопросом о лучшей борьбе с жандармами. Это — верх политической бестактности, ибо вместо того, чтобы апеллировать от плохих руководителей к хорошим руководителям, автор апеллирует от руководителей вообще к «толпе». Это — такая же попытка тащить нас назад в организационном отношении, как в политическом отношении тащит назад мысль о замене политической агитации эксцитативным террором. Я, право, испытываю настоящий embarras de richesses*, не зная, с чего начать разбор преподносимой нам «Свободою» путаницы. Попробую начать, для наглядности, с примера. Возьмите немцев. Надеюсь, вы не станете отрицать, что у них организация охватывает толпу, все идет от толпы, рабочее движение научилось ходить своими ногами? А между тем как умеет эта миллионная толпа ценить «десяток» своих испытанных политических вождей, как крепко держится она за них! В парламенте бывало не раз, что депутаты враждебных партий дразнили социалистов: «хороши демократы! на словах только у вас движение рабочего класса, — а на деле выступает все та же компания вожаков. Все тот же Бебель, все тот же Либкнехт из года в год, из десятилетия в десятилетие. Да ваши якобы-выборные делегаты от рабочих более несменяемы, чем назначаемые императором чиновники!» Но немцы встречали только презрительной усмешкой эти демагогические попытки противопоставить «вожакам» «толпу», разжечь в последней дурные и тщеславные инстинкты, отнять у движения его прочность и его устойчивость посредством подрыва доверия массы к «десятку умников». У немцев достаточно уже развита политическая мысль, достаточно накоплено политического опыта, чтобы понимать, что без «десятка»

* — затруднение от избытка. *Ред.*

талантливых (а таланты не рождаются сотнями), испытанных, профессионально подготовленных и долгой школой обученных вождей, превосходно спевшихся друг с другом, невозможна в современном обществе стойкая борьба ни одного класса. Немцы видывали и в своей среде демагогов, которые льстили «сотням дураков», превознося их над «десятками умников», льстили «мускулистому кулаку» массы, возбуждая ее (подобно Мосту или Гассельману) на необдуманно «революционные» действия и поселяя недоверие к выдержанным и стойким вождям. И только благодаря неуклонной и непримиримой борьбе со всеми и всяческими демагогическими элементами внутри социализма так вырос и окреп немецкий социализм. А наши мудрецы в такой период, когда весь кризис русской социал-демократии объясняется тем, что у стихийно пробужденных масс не оказывается налицо достаточно подготовленных, развитых и опытных руководителей, вещают с глубокомыслием Иванушки: «плохо, когда движение идет не с низов»!

«Комитет из студентов не годится, он неустойчив». — Совершенно справедливо. Но отсюда вывод тот, что нужен комитет из профессиональных *революционеров,* все равно, студент ли или рабочий сумеет выработать из себя профессионального революционера. А вы делаете вывод тот, что не след подталкивать рабочее движение со стороны! По своей политической наивности вы и не замечаете, что играете этим на руку нашим «экономистам» и нашему кустарничеству. В чем это выражалось, позвольте спросить, «подталкивание» наших рабочих нашими студентами? *Единственно* в том, что студент нес рабочему те обрывки политического знания, которые у него были, те крохи социалистических идей, которые ему перепали (ибо главная умственная пища современного студента — легальный марксизм и не мог дать ничего кроме азбуки, кроме крох). *Этакого-то* «подталкивания со стороны» не слишком много, а, наоборот, слишком мало, безбожно и бессовестно мало было в нашем движении, ибо мы чересчур усердно варились в собственном соку, чересчур рабски

преклонялись пред элементарной «экономической борьбой рабочих с хозяевами и с правительством». *Этаким-то* «подталкиванием» во сто раз больше должны заниматься и будем заниматься мы, революционеры по профессии. Но именно тем, что вы выбираете такое гнусное слово, как «подталкивание со стороны», которое неизбежно вызывает у рабочего (по крайней мере, у рабочего, столь же неразвитого, как неразвиты вы) недоверие ко *всем,* кто несет ему со стороны политическое знание и революционный опыт, вызывает инстинктивное желание дать отпор *всем* таким людям, — вы оказываетесь *демагогом,* а демагоги худшие враги рабочего класса.

Да, да! Не спешите поднимать вопль по поводу «нетоварищеских приемов» моей полемики! Я и не думаю заподазривать чистоту ваших намерений, я уже сказал, что демагогом можно сделаться и в силу одной только политической наивности. Но я показал, что вы опустились до демагогии. И я никогда не устану повторять, что демагоги худшие враги рабочего класса. Худшие именно потому, что они разжигают дурные инстинкты толпы, что неразвитым рабочим невозможно распознать этих врагов, выступающих и иногда искренне выступающих в качестве их друзей. Худшие — потому, что в период разброда и шатания, в период, когда только еще складывается физиономия нашего движения, нет ничего легче, как демагогически увлечь толпу, которую потом только самые горькие испытания смогут убедить в ее ошибке. Вот почему лозунгом момента для современного русского социал-демократа должна быть решительная борьба и против опускающейся до демагогии «Свободы» и против опускающегося до демагогии «Рабочего Дела» (о чем еще подробно будет говорено* ниже).

«Десяток умников легче выловить, чем сотню дураков». Эта великолепная истина (за преподнесение

* Здесь же заметим только, что все сказанное нами по поводу «подталкивания со стороны» и всех дальнейших рассуждений «Свободы» об организации *целиком* относится ко *всем* «экономистам» и «рабочеделенцам» в том числе, ибо они частью активно проповедовали и защищали те же взгляды на вопросы организации, частью сбивались на них.

которой вам всегда будет аплодировать сотня дураков) кажется самоочевидной только благодаря тому, что вы во время хода рассуждения перескочили с одного вопроса на другой. Вы начали говорить и продолжаете говорить о вылавливании «комитета», о вылавливании «организации», а теперь перескочили на вопрос о вылавливании «корней» движения «в глубине». Конечно, наше движение неуловимо только потому, что оно имеет сотни и сотни тысяч корней в глубине, но речь-то ведь идет совсем не об этом. В смысле «корней в глубине» нас не могут «выловить» и теперь, несмотря на все наше кустарничество, и тем не менее все мы жалуемся и не можем не жаловаться на вылавливание «*организаций»,* разрушающее всякую преемственность движения. А раз вы поставите вопрос о вылавливании *организаций* и не будете сбиваться с него, то я вам скажу, что десяток умников выловить гораздо труднее, чем сотню дураков. И я буду защищать это положение, сколько бы вы ни науськивали на меня толпу за мой «антидемократизм» и т. п. Под «умниками» в отношении организационном надо разуметь только, как я уже не раз указывал, *профессиональных революционеров,* все равно — из студентов или из рабочих они выработаются. И вот я утверждаю: 1) что ни одно революционное движение не может быть прочно без устойчивой и хранящей преемственность организации руководителей; 2) что, чем шире масса, стихийно вовлекаемая в борьбу, составляющая базис движения и участвующая в нем, тем настоятельнее необходимость в такой организации и тем прочнее должна быть эта организация (ибо тем легче всяким демагогам увлечь неразвитые слои массы); 3) что такая организация должна состоять главным образом из людей, профессионально занимающихся революционной деятельностью; 4) что в самодержавной стране, чем более мы *сузим* состав членов такой организации до участия в ней таких только членов, которые профессионально занимаются революционной деятельностью и получили профессиональную подготовку в искусстве борьбы с политической полицией, тем труднее будет «выловить» такую организацию, и — 5) —

тем *шире* будет состав лиц и из рабочего класса и из остальных классов общества, которые будут иметь возможность участвовать в движении и активно работать в нем.

Предлагаю нашим «экономистам», террористам и «экономистам-террористам»[*] опровергнуть эти положения, из которых я остановлюсь сейчас на двух последних. Вопрос о легкости выловить «десяток умников» и «сотню дураков» сводится к разобранному выше вопросу о том, возможна ли массовая *организация* при необходимости строжайшей конспирации. Широкую организацию мы никогда не сможем поставить на ту конспиративную высоту, без которой не может быть и речи об устойчивой и хранящей преемственность борьбе с правительством. И сосредоточение всех конспиративных функций в руках возможно небольшого числа профессиональных революционеров вовсе не означает, что эти последние будут «думать за всех», что толпа не будет принимать деятельного участия в *движении.* Напротив, эти профессиональные революционеры будут выдвигаться толпой все в большем числе, ибо толпа будет тогда знать, что недостаточно собраться нескольким студентам и ведущим экономическую борьбу рабочим, чтобы составить «комитет», а что необходимо годами вырабатывать из себя профессионального революционера, и толпа будет «думать» не об одном только кустарничестве, а именно о такой выработке. Централизация конспиративных функций *организации* вовсе не означает централизации всех функций *движения.* Активное участие самой широкой массы в нелегальной

[*] Этот термин, может быть, более рравилен по отношению к «Свободе», чем предыдущий, ибо в «Возрождении революционизма» защищается терроризм, а в разбираемой статье — «экономизм». Охота смертная, да участь горькая! — можно вообще сказать про «Свободу». Самые хорошие задатки и самые лучшие намерения — и путаница в результате, путаница главным образом благодаря тому, что, защищая преемственность организации, «Свобода» не хочет знать преемственности революционной мысли и социал-демократической теории. Стараться опять вызвать к жизни профессионального революционера («Возр. рев.») и предлагать для этого, во-первых, эксцитативный террор, а во-вторых, «организацию рабочих-середняков» («Свобода» № 1, стр. 66 и сл.), поменьше «подталкиваемых со стороны», — это значит, поистине, для согревания своего жилища ломать на дрова это самое жилище.

литературе не уменьшится, а вдесятеро *усилится* оттого, что «десяток» профессиональных революционеров централизует конспиративные функции этого дела. Так и только так мы добьемся того, что чтение нелегальной литературы, сотрудничество в ней, отчасти даже и распространение ее *почти перестанут быть конспиративным делом,* ибо полиция скоро поймет нелепость и невозможность судебной и административной волокиты по поводу каждого экземпляра из разбрасываемых тысячами изданий. И это относится не только к печати, а и ко всем функциям движения, вплоть до демонстрации. Самое активное и самое широкое участие в ней массы не только не пострадает, а, напротив, много выиграет от того, что «десяток» испытанных, профессионально-вышколенных не менее нашей полиции, революционеров централизует все конспиративные стороны дела, подготовление листков, выработку приблизительного плана, назначение отряда руководителей для каждого района города, для каждого фабричного квартала, для каждого учебного заведения и т. п. (я знаю, мне возразят о «недемократичности» моих воззрений, но я отвечу на это, совсем неумное, возражение подробно ниже). Централизация наиболее конспиративных функций организацией революционеров не обессилит, а обогатит широту и содержательность деятельности целой массы других организаций, рассчитанных на широкую публику и потому возможно менее оформленных и возможно менее конспиративных: и рабочих профессиональных союзов, и рабочих кружков самообразования и чтения нелегальной литературы, и социалистических, а также демократических кружков во *всех* других слоях населения и проч. и проч. Такие кружки, союзы и организации необходимы повсюду в *самом широком* числе, с самыми разнообразными функциями, но нелепо и вредно *смешивать* их с организацией *революционеров,* стирать грань между ними, угашать в массе и без того невероятно потускневшее сознание того, что для «обслуживания» массового движения нужны люди, специально посвящающие себя целиком социал-демократической деятельности, и что

такие люди должны с терпением и упорством *вырабатывать* из себя профессиональных революционеров.

Да, это сознание невероятно потускнело. Основной наш грех в организационном отношении — что *мы своим кустарничеством уронили престиж революционера на Руси.* Дряблый и шаткий в вопросах теоретических, с узким кругозором, ссылающийся на стихийность массы в оправдание своей вялости, более похожий на секретаря тред-юниона, чем на народного трибуна, не умеющий выдвинуть широкого и смелого плана, который бы внушил уважение и противникам, неопытный и неловкий в своем профессиональном искусстве, — борьбе с политической полицией, — помилуйте! это — не революционер, а какой-то жалкий кустарь.

Пусть не обижается на меня за это резкое слово ни один практик, ибо, поскольку речь идет о неподготовленности, я отношу его прежде всего к самому себе. Я работал в кружке[73], который ставил себе очень широкие, всеобъемлющие задачи, — и всем нам, членам этого кружка, приходилось мучительно, до боли страдать от сознания того, что мы оказываемся кустарями в такой исторический момент, когда можно было бы, видоизменяя известное изречение, сказать: дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию! И чем чаще мне с тех пор приходилось вспоминать о том жгучем чувстве стыда, которое я тогда испытывал, тем больше у меня накоплялось горечи против тех лжесоциал-демократов, которые своей проповедью «позорят революционера сан», которые не понимают того, что наша задача — не защищать принижение революционера до кустаря, а *поднимать* кустарей до революционеров.

г) РАЗМАХ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ РАБОТЫ

Мы слышали выше от Б—ва «о том недостатке годных к действию революционных сил, который ощущается не только в Петербурге, но и по всей России». И вряд ли кто станет оспаривать этот факт. Но вопрос в том, как объяснить его? Б—в пишет:

«Мы не будем вдаваться в выяснение исторических причин этого явления; скажем только, что общество, деморализованное продолжительной политической реакцией и разрозненное совершившимися и совершающимися экономическими изменениями, выделяет из своей среды *крайне малое число лиц, годных к революционной работе;* что рабочий класс, выделяя революционеров-рабочих, отчасти пополняет ряды нелегальных организаций, — но что число таких революционеров не отвечает потребностям времени. Тем более, что рабочий, занятый на фабрике 11% часов, по своему положению может исполнять преимущественно функции агитатора; пропаганда же и организация, доставка и воспроизведение нелегальной литературы, выпуск прокламаций и т. д. поневоле главной тяжестью ложатся на крайне незначительные интеллигентные силы» («Р. Дело» № 6, с. 38—39).

Мы во многом не согласны с этим мнением Б—ва и особенно не согласны с подчеркнутыми нами словами, которые особенно рельефно показывают, что, исстрадавшись (как и всякий сколько-нибудь думавший практик) от нашего кустарничества, Б—в не может, вследствие его придавленности «экономизмом», нащупать выход из невыносимого положения. Нет, общество выделяет крайне *много* лиц, годных для «дела», но мы не умеем утилизировать всех их. Критическое, переходное состояние нашего движения в рассматриваемом отношении можно формулировать словами: *людей нет и — людей масса.* Людей масса, потому что и рабочий класс и все более и более разнообразные слои общества выделяют с каждым годом все больше и больше недовольных, желающих протестовать, готовых оказать посильное содействие борьбе с абсолютизмом, невыносимость которого еще не всеми сознается, но все более широкой массой и все острее ощущается. И в то же время людей нет, потому что нет руководителей, нет политических вождей, нет организаторских талантов, способных поставить такую широкую и в то же время единую и стройную работу, которая бы давала применение каждой, хотя бы самой незначительной силе. «Рост и развитие революционных организаций» отстает не только от роста рабочего движения, что признает и Б—в, но и от роста общедемократического движения во всех слоях народа. (Впрочем, в настоящее время, вероятно, Б—в признал бы и это дополнением к его

выводу.) Размах революционной работы слишком узок сравнительно с широким стихийным базисом движения, слишком придавлен убогой теорией «экономической борьбы с хозяевами и с правительством». А между тем в настоящее время не только политические агитаторы, но и организаторы-социал-демократы должны «идти во все классы населения»*. И вряд ли хоть один практик усомнится в том, что социал-демократы могли бы распределить тысячи дробных функций своей организационной работы между отдельными представителями самых различных классов. Недостаток специализации — один из самых крупных недостатков нашей техники, на который так горько и так справедливо жалуется Б—в. Чем мельче будут отдельные «операции» общего дела, тем больше можно найти лиц, способных к выполнению таких операций (и совершенно неспособных в большинстве случаев к тому, чтобы стать профессиональными революционерами), и тем труднее для полиции «выловить» всех этих «детальных работников», тем труднее для нее смастерить из поимки человека на какой-либо мелочи «дело», окупающее расходы казны на «охрану». А что касается числа готовых оказывать нам содействие лиц, то мы уже и в предыдущей главе указывали на гигантскую перемену, происшедшую в этом отношении за каких-нибудь пять лет. Но, с другой стороны, и для того, чтобы собрать воедино все эти мелкие дроби, и для того, чтобы не раздробить вместе с функциями движения самого движения, и для того, чтобы внушить исполнителю мелких функций ту веру в необходимость и значение его работы, без которой он никогда и не будет работать**, — для всего этого

необходима именно крепкая организация испытанных революционеров. При такой ор-

* Например, в военной среде в последнее время замечается несомненное оживление демократического духа, отчасти вследствие учащающихся случаев уличной борьбы против таких «врагов», как рабочие и студенты. И, как только позволят наличные силы, мы непременно должны обратить самое серьезное внимание на пропаганду и агитацию среди солдат и офицеров, на создание «военных организаций», входящих в нашу партию.

** Я помню, один товарищ передавал мне, как горько жаловался готовый помогать и помогавший социал-демократии фабричный инспектор на то, что он не знает, доходит ли его «информация» до настоящего революционного центра, насколько нужна его помощь и насколько имеется возможность утилизировать его маленькие и мелкие услуги. Всякий практик знает, конечно, не один подобный случай, когда наше кустарничество отнимало у нас союзников. А «мелкие» в отдельности и неоценимые в сумме услуги могли бы и стали бы нам оказывать служащие и чиновники не только по фабричной, но и по почтовой, железнодорожной, таможенной, дворянской, поповской и *всякой* другой части, вплоть даже до полицейской и придворной! Если бы у нас была уже настоящая партия, действительно боевая организация революционеров, мы не ставили бы ребром всех таких «пособников», не торопились бы всегда и безусловно втягивать их в самую сердцевину «нелегальщины», а, напротив, особенно берегли бы их, и даже специально подготовляли бы людей на такие функции, памятуя, что многие студенты могли бы больше пользы принести партии в качестве «пособников» — чиновников, чем в качестве «краткосрочных» рево-

ганизации вера в силу партии укрепится тем более и распространится тем шире, чем конспиративнее будет эта организация, — а ведь на войне, известное дело, важнее всего внушить веру в свои силы не только своей армии, но и неприятелю и всем *нейтральным* элементам; дружественный нейтралитет может иногда решить дело. При такой организации, стоящей на твердом теоретическом базисе и располагающей социал-демократическим органом, нечего будет бояться того, что движение собьют с пути многочисленные, привлеченные к нему, «сторонние» элементы (напротив, именно теперь, при господствующем кустарничестве, мы наблюдаем, как многие социал-демократы тянут по линии «Credo», воображая только себя социал-демократами). Одним словом, специализация необходимо предполагает централизацию и, в свою очередь, безусловно требует ее.

Но сам же Б—в, так прекрасно обрисовавший всю необходимость специализации, недостаточно оценивает ее, по нашему мнению, во второй части приведенного рассуждения. Число революционеров из рабочих недостаточно, говорит он. Это совершенно справедливо, и мы опять-таки подчеркиваем, что «ценное сообщение близкого наблюдателя» вполне подтверждает наш взгляд на причины современного кризиса в социал-демократии, а следовательно, и на средства исцеления от него. Не только вообще отстают революционеры от стихийного подъема масс, но даже и рабочие-революционеры отстают от стихийного подъема рабочих масс. А этот

люционеров. Но — повторяю еще раз — применять эту тактику вправе только вполне уже прочная организация, не испытывающая недостатка в активных силах.

факт самым наглядным образом подтверждает, даже с «практической» точки зрения, не только нелепость, но и *политическую реакционность* той «педагогии», которою нас так часто угощают при обсуждении вопроса о наших обязанностях по отношению к рабочим. Этот факт свидетельствует, что самая первая, самая настоятельная наша обязанность — содействие выработке рабочих-революционеров, стоящих на таком же уровне *в отношении партийной деятельности,* как и интеллигенты-революционеры (мы подчеркиваем слова: в отношении партийной деятельности, ибо в других отношениях достижение такого же уровня рабочими, хотя и необходимо, но далеко не так легко и не так настоятельно). Поэтому *главное* внимание должно быть обращено на то, чтобы *поднимать* рабочих до революционеров, отнюдь не на то, чтобы *опускаться* самим непременно до «рабочей массы», как хотят «экономисты», непременно до «рабочих-середняков», как хочет «Свобода» (поднимающаяся в этом отношении на вторую ступеньку экономической «педагогии»). Я далек от мысли отрицать необходимость популярной литературы для рабочих и особо популярной (только, конечно, не балаганной) литературы для особенно отсталых рабочих. Но меня возмущает это постоянное припутывание педагогии к вопросам политики, к вопросам организации. Ведь вы, господа радетели о «рабочем-середняке», в сущности, скорее оскорбляете рабочих своим желанием непременно *нагнуться,* прежде чем заговорить о рабочей политике или о рабочей организации. Да говорите же вы о серьезных вещах выпрямившись, и предоставьте педагогию педагогам, а не политикам и не организаторам! Разве среди интеллигенции нет тоже передовиков, «середняков» и «массы»? Разве для интеллигенции не признается также всеми необходимость популярной литературы и не пишется эта литература? Но представьте только себе, что в статье об организации студентов или гимназистов автор станет, как открытие какое-то, разжевывать, что нужна прежде всего организация «студентов-середняков». Такого автора наверное осмеют — и поделом. Да вы дайте нам, скажут ему,

организационные идейки, ежели они у вас есть, а уж там мы сами разберем, кто из нас «середняк», кто выше и кто ниже. А ежели у вас *своих* организационных идеек нет, — все ваши потуги насчет «массы» и «середняков» окажутся просто скучными. Поймите же, что самые уже вопросы о «политике», об «организации» настолько серьезны, что об них нельзя говорить иначе как вполне серьезно: можно и должно *подготовлять* рабочих (и студентов и гимназистов) к тому, чтобы с ними *можно было заговорить* об этих вопросах, но, раз уже вы заговорили о них, давайте настоящие ответы, не пятьтесь назад, к «середнякам» или к «массе», не отделывайтесь прибаутками или фразами*.

Рабочий-революционер для полной подготовки к своему делу тоже должен становиться профессиональным революционером. Поэтому не прав Б—в, когда он говорит, что так как рабочий занят на фабрике по $11^1/_2$ часов, то остальные революционные функции (кроме агитации) *«поневоле* главной тяжестью ложатся на крайне незначительные интеллигентные силы». Вовсе это не «поневоле» так делается, а по нашей отсталости, потому что мы не сознаем своей обязанности помогать всякому выдающемуся по своим способностям рабочему превращаться в *профессионального* агитатора, организатора, пропагандиста, развозчика и пр. и пр. В этом отношении мы прямо позорно расхищаем свои силы, не умея беречь то, что надо особенно заботливо растить и выращивать. Посмотрите на немцев: у них во сто раз больше сил, чем у нас, но они прекрасно понимают, что действительно способные агитаторы и пр. выделяются «середняками» вовсе не слишком часто. Поэтому они тотчас же стараются поставить всякого способного рабочего в такие условия, при которых его способности

---

* «Свобода» № 1, статья «Организация», стр. 66: «тяжелой поступью рабочая громада будет крепить все требования, которые выставятся от лица российского Труда», — непременно с большой буквы! И этот же автор восклицает: «я вовсе не отношусь враждебно к интеллигенции, но»... (это то самое *но,* которое Щедрин переводил словами: выше лба уши не растут!)... «но меня всегда страшно сердит, когда придет человек и наговорит очень красивых и прекрасных вещей и требует, чтобы они были приняты за свою (его?) красоту и иные достоинства» (62). Да, меня это тоже «всегда страшно сердит»...

могли бы получить полное развитие и полное применение: его делают профессиональным агитатором, его побуждают расширить поприще его деятельности, распространяя ее с одной фабрики на все ремесло, с одной местности на всю страну. Он приобретает опытность и ловкость в своей профессии, он расширяет свой кругозор и свои знания, он наблюдает бок о бок выдающихся политических вождей других местностей и других партий, он старается подняться сам на такую же высоту и соединить в себе знание рабочей среды и свежесть социалистических убеждений с той профессиональной выучкой, без которой пролетариат *не может* вести упорную борьбу с великолепно обученными рядами его врагов. Так и только так выдвигаются из рабочей массы Бебели и Ауэры. Но то, что в политически свободной стране делается в значительной степени само собою, то у нас должны систематически проводить наши организации. Сколько-нибудь талантливый и «подающий надежды» агитатор из рабочих *не должен* работать на фабрике по 11 часов. Мы должны позаботиться о том, чтобы он жил на средства партии, чтобы он умел вовремя перейти на нелегальное положение, чтобы он переменял место своей деятельности, ибо иначе он не выработает большой опытности, не расширит своего кругозора, не сумеет продержаться несколько, по крайней мере, лет в борьбе с жандармами. Чем шире и глубже становится стихийный подъем рабочих масс, тем больше выдвигают они не только талантливых агитаторов, но и талантливых организаторов и пропагандистов и «практиков» в хорошем смысле (которых так мало среди нашей интеллигенции, большей частью немножко по-российски халатной и неповоротливой). Когда у нас будут отряды специально подготовленных и прошедших длинную школу рабочих-революционеров (и притом, разумеется, революционеров «всех родов оружия»), — тогда с этими отрядами не совладает никакая политическая полиция в мире, ибо эти отряды людей, беззаветно преданных революции, будут пользоваться также беззаветным доверием самых широких рабочих масс. И это — наша прямая *вина,* что мы

слишком мало «подталкиваем» рабочих на эту общую им с «интеллигентами» дорогу профессионально-революционной выучки, слишком часто тащим их назад своими глупыми речами о том, что «доступно» рабочей массе, «рабочим-середнякам» и т. п.

В этих, как и в других, отношениях узкий размах организационной работы стоит в несомненной и неразрывной (хотя громадным большинством «экономистов» и начинающих практиков несознаваемой) связи с сужением нашей теории и наших политических задач. Преклонение пред стихийностью вызывает какую-то боязнь хотя на шаг отойти от «доступного» массе, боязнь подняться слишком высоко над простым прислуживанием ближайшим и непосредственным запросам массы. Не бойтесь, господа! Помните, что мы стоим в организационном отношении так низко, что нелепа даже самая мысль о том, чтобы мы *могли* подняться *слишком* высоко!

д) «ЗАГОВОРЩИЧЕСКАЯ» ОРГАНИЗАЦИЯ И «ДЕМОКРАТИЗМ»

А есть среди нас очень много людей, которые так чутки к «голосу жизни», что всего больше боятся именно этого, обвиняя тех, кто держится излагаемых здесь взглядов, в «народовольчестве», в непонимании «демократизма» и проч. Приходится остановиться на этих обвинениях, которые подхватило, разумеется, и «Рабочее Дело».

Пишущему эти строки очень хорошо известно, что петербургские «экономисты» обвиняли в народовольчестве еще «Рабочую Газету» (что и понятно, если сравнить ее с «Раб. Мыслью»). Нас нисколько не удивило поэтому, когда, вскоре после возникновения «Искры», один товарищ сообщил нам, что социал-демократы города X называют «Искру» «народовольческим» органом. Нам это обвинение, разумеется, было только лестно, ибо какого же порядочного социал-демократа не обвиняли «экономисты» в народовольчестве?

Вызываются эти обвинения недоразумениями двоякого рода. Во-первых, у нас так плохо знают историю

революционного движения, что называют «народовольчеством» всякую идею о боевой централизованной организации, объявляющей решительную войну царизму. Но та превосходная организация, которая была у революционеров 70-х годов и которая нам всем должна бы была служить образцом, создана вовсе не народовольцами, а *землевольцами,* расколовшимися на чернопередельцев и народовольцев[74]. Таким образом, видеть в боевой революционной организации что-либо специфически народовольческое нелепо и исторически и логически, ибо *всякое* революционное направление, если оно только действительно думает о серьезной борьбе, не может обойтись без такой организации. Не в том состояла ошибка народовольцев, что они постарались привлечь к своей организации *всех* недовольных и направить эту организацию на решительную борьбу с самодержавием. В этом состоит, наоборот, их великая историческая заслуга. Ошибка же их была в том, что они опирались на теорию, которая в сущности была вовсе не революционной теорией, и не умели или не могли неразрывно связать своего движения с классовой борьбой внутри развивающегося капиталистического общества. И только самое грубое непонимание марксизма (или «понимание» его в духе «струвизма») могло породить мнение, что возникновение массового, стихийного рабочего движения *избавляет* нас от обязанности создать такую же хорошую, какая была у землевольцев, создать еще несравненно лучшую организацию революционеров. Напротив, это движение именно *возлагает* на нас эту обязанность, ибо стихийная борьба пролетариата и не сделается настоящей «классовой борьбой» его до тех пор, пока эта борьба не будет руководима крепкой организацией революционеров.

Во-вторых, многие — и в том числе, по-видимому, Б. Кричевский («Р. Д.» № 10, с. 18) — неправильно понимают ту полемику против «заговорщического» взгляда на политическую борьбу, которую вели всегда социал-демократы. Мы восставали и всегда будем, конечно, восставать против *сужения* политической

борьбы до заговора*, но это, разумеется, вовсе не означало отрицание необходимости крепкой революционной организации. И, напр., в брошюре, названной в примечании, наряду с полемикой против сведения политической борьбы к заговору, обрисовывается (как социал-демократический идеал) организация, настолько крепкая, чтобы она могла «прибегнуть для нанесения решительного удара абсолютизму» и к «восстанию» и ко всякому «другому приему атаки»**. По своей *форме* такая крепкая революционная организация в самодержавной стране может быть названа и «заговорщической» организацией, ибо французское слово «конспирация» равносильно русскому «заговор», а конспиративность необходима для такой организации в максимальной степени. Конспиративность есть настолько необходимое условие такой организации, что все остальные условия (число членов, подбор их, функции и проч.) должны быть сообразованы с ним. Было бы поэтому величайшей наивностью бояться обвинения в том, что мы, социал-демократы, хотим создать заговорщическую организацию. Эти обвинения должны быть так же лестны для каждого врага «экономизма», как и обвинения в «народовольчестве».

Нам возразят: такая могучая и строго тайная организация, концентрирующая в своих руках все нити конспиративной деятельности, организация по необходимости централистическая, может слишком легко броситься в преждевременную атаку, может необдуманно обострить движение, раньше чем это можно и нужно по росту политического недовольства, по силе

* Ср. «Задачи русских социал-демократов», стр. 21, полемика против П. Л. Лаврова. (См. Сочинения, 5 изд., том 2, стр. 459—460. *Ред.)*

** «Задачи рус. соц.-дем.», стр. 23. (См. Сочинения, 5 изд., том 2, стр. 461. *Ред.)* Кстати, вот еще одна иллюстрация того, что *«Раб. Дело»* либо не понимает того, что оно говорит, либо меняет свои взгляды «по ветру». В № 1 «Р. Дела» напечатано курсивом: *«изложенная суть брошюры совпадает целиком* с *редакционной программой «Рабочего Дела»»* (стр. 142). В самом деле? С «Задачами» совпадает воззрение, что массовому движению нельзя ставить первой задачей низвержение самодержавия? совпадает теория «экономической борьбы с хозяевами и с правительством»? совпадает теория стадий? Предлагаем читателю судить, может ли быть речь о принципиальной устойчивости органа, так оригинально понимающего «совпадение».

брожения и озлобления в рабочем классе и проч. Мы ответим на это: абстрактно говоря, нельзя, конечно, отрицать, что боевая организация *может* повести на необдуманный бой, который *может* кончиться вовсе не необходимым при других условиях поражением. Но ограничиваться абстрактными соображениями в таком вопросе невозможно, ибо всякое сражение включает в себя абстрактную возможность поражения, и нет другого средства *уменьшить* эту возможность, как организованная подготовка сражения. Если же мы поставим вопрос на конкретную почву современных русских условий, то придется сделать положительный вывод, что крепкая революционная организация безусловно необходима именно для того, чтобы придать устойчивость движению и *предохранить* его от возможности необдуманных атак. Именно теперь, при отсутствии такой организации и при быстром стихийном росте революционного движения, *наблюдаются уже* две противоположные крайности (которые, как им и полагается, «сходятся»): то совершенно несостоятельный «экономизм» и проповедь умеренности, то столь же несостоятельный «эксцитативный террор», стремящийся «в развивающемся и укрепляющемся, но еще находящемся ближе к началу, чем к концу, движении искусственно вызвать симптомы его конца» (В. З. в «Заре» № 2—3, с. 353). И пример «Раб. Дела» показывает, что *есть уже* социал-демократы, пасующие пред обеими крайностями. Такое явление неудивительно, помимо остальных причин, и потому, что «экономическая борьба с хозяевами и с правительством» *никогда* не удовлетворит революционера, и противоположные крайности всегда будут возникать то здесь, то там. Только централизованная боевая организация, выдержанно проводящая социал-демократическую политику и удовлетворяющая, так сказать, все революционные инстинкты и стремления, в состоянии предохранить движение от необдуманной атаки и подготовить обещающую успех атаку.

Нам возразят далее, что излагаемый взгляд на организацию противоречит «демократическому принципу».

Насколько предыдущее обвинение специфически русского происхождения, настолько это — *специфически заграничного* характера. И только заграничная организация («Союз русских с.-д.») могла дать своей редакции, в число прочих инструкций, следующую:

«*Организационный принцип.* В интересах успешного развития и объединения социал-демократии следует подчеркивать, развивать, бороться за широкий демократический принцип ее партийной организации, что особенно необходимо ввиду обнаруживавшихся в рядах нашей партии антидемократических тенденций» («Два съезда», стр. 18).

Как именно борется «Раб. Дело» с «антидемократическими тенденциями» «Искры», это мы увидим в следующей главе. А теперь присмотримся поближе к этому «принципу», выдвигаемому «экономистами». Всякий согласится, вероятно, что «широкий демократический принцип» включает в себя два следующие необходимые условия: во-первых, полную гласность и, во-вторых, выборность всех функций. Без гласности смешно было бы говорить о демократизме, и притом такой гласности, которая не ограничивалась бы членами организации. Мы назовем демократической организацию немецкой социалистической партии, ибо в ней все делается открыто, вплоть до заседаний партийного съезда; но никто не назовет демократической организацией — такую, которая закрыта от всех не членов покровом тайны. Спрашивается, какой же смысл имеет выставление «*широкого* демократического принципа», когда основное условие этого принципа *неисполнимо* для тайной организации? «Широкий принцип» оказывается просто звонкой, но пустой фразой. Мало того. Эта фраза свидетельствует о полном непонимании насущных задач момента в организационном отношении. Все знают, как велика господствующая у нас неконспиративность «широкой» массы революционеров. Мы видели, как горько жалуется на это Б—в, требующий совершенно справедливо «строгого выбора членов» («Р. Д.» № 6, стр. 42). И вот являются люди, хвастающиеся своим «чутьем к жизни», которые при таком положении дел *подчеркивают* не необходимость строжайшей кон-

спирации и строжайшего (а след., более тесного) выбора членов, а — *«широкий* демократический принцип»! Это называется попасть пальцем в небо.

Не лучше обстоит дело и со вторым признаком демократизма, — с выборностью. В странах с политической свободой это условие подразумевается само собою. «Членом партии считается всякий, кто признает принципы партийной программы и поддерживает партию по мере своих сил» — гласит первый параграф организационного устава немецкой социал-демократической партии. И так как вся политическая арена открыта перед всеми, как подмостки сцены перед зрителями театра, то это признание или непризнание, поддержка или противодействие известны всем и каждому и из газет и из народных собраний. Все знают, что такой-то политический деятель начал с того-то, пережил такую-то эволюцию, проявил себя в минуту жизни трудную так-то, отличается вообще такими-то качествами, — и потому, естественно, такого деятеля могут с знанием дела выбирать или не выбирать на известную партийную должность *все* члены партии. Всеобщий (в буквальном смысле слова) контроль за каждым шагом человека партии на его политическом поприще создает автоматически действующий механизм, дающий то, что называется в биологии «выживанием наиболее приспособленных». «Естественный отбор» полной гласности, выборности и всеобщего контроля обеспечивает то, что каждый деятель оказывается в конце концов «на своей полочке», берется за наиболее подходящее его силам и способностям дело, испытывает на себе самом все последствия своих ошибок и доказывает перед глазами всех свою способность сознавать ошибки и избегать их.

Попробуйте-ка вставить эту картину в рамки нашего самодержавия! Мыслимо ли у нас, чтобы все, «кто признает принципы партийной программы и поддерживает партию по мере своих сил», контролировали каждый шаг революционера-конспиратора? Чтобы все они выбирали из числа последних того или другого, когда революционер *обязан* в интересах работы скрывать от девяти десятых этих «всех», кто он такой? Вдумайтесь

хоть немного в настоящее значение тех громких слов, с которыми выступает «Раб. Дело», и вы увидите, что «широкий демократизм» партийной организации в потемках самодержавия, при господстве жандармского подбора, есть лишь *пустая и вредная игрушка.* Это — пустая игрушка, ибо на деле никогда никакая революционная организация *широкого* демократизма не проводила и не может проводить даже при всем своем желании. Это — вредная игрушка, ибо попытки проводить на деле «широкий демократический принцип» облегчают только полиции широкие провалы и увековечивают царящее кустарничество, отвлекают мысль практиков от серьезной, настоятельной задачи вырабатывать из себя профессиональных революционеров к составлению подробных «бумажных» уставов о системах выборов. Только за границей, где нередко собираются люди, не имеющие возможности найти себе настоящего, живого дела, могла кое-где и особенно в разных мелких группах развиться эта «игра в демократизм».

Чтобы показать читателю всю неблаговидность излюбленного приема «Раб. Дела» выдвигать такой благовидный «принцип», как демократизм в революционном деле, мы сошлемся опять-таки на свидетеля. Свидетель этот — Е. Серебряков, редактор лондонского журнала «Накануне», — питает большую слабость к «Раб. Делу» и большую ненависть к Плеханову и «плехановцам»; в статьях по поводу раскола заграничного «Союза русских социал-демократов» «Накануне» решительно взяло сторону «Р. Дела» и обрушилось целой тучей жалких слов на Плеханова[75]. Тем ценнее для нас этот свидетель по данному вопросу. В № 7 «Накануне» (июль 1899 г.), в статье: «По поводу воззвания Группы самоосвобождения рабочих» Е. Серебряков указывал на «неприличие» поднимать вопросы «о самообольщении, о главенстве, о так называемом ареопаге в серьезном революционном движении» и писал, между прочим:

«Мышкин, Рогачев, Желябов, Михайлов, Перовская, Фигнер и пр. никогда не считали себя вожаками, и никто их не выбирал и не назначал, хотя в действительности они были таковыми,

ибо как в период пропаганды, так и в период борьбы с правительством они взяли на себя наибольшую тяжесть работы, шли в наиболее опасные места, и их деятельность была наиболее продуктивна. И главенство являлось не результатом их желаний, а доверия к их уму, к их энергии и преданности со стороны окружающих товарищей. Бояться же какого-то ареопага (а если не бояться, то зачем писать о нем), который может самовластно управлять движением, уже слишком наивно. Кто же его будет слушать?»

Мы спрашиваем читателя, чем отличается «ареопаг» от «антидемократических тенденций»? И не очевидно ли, что «благовидный» организационный принцип «Р. Дела» точно так же и наивен и неприличен, — наивен, потому что «ареопага» или людей с «антидемократическими тенденциями» никто просто не станет слушаться, раз не будет «доверия к их уму, энергии и преданности со стороны окружающих товарищей». Неприличен, — как демагогическая выходка, спекулирующая на тщеславие одних, на незнакомство с действительным состоянием нашего движения других, на неподготовленность и незнакомство с историей революционного движения третьих. Единственным серьезным организационным принципом для деятелей нашего движения должна быть: строжайшая конспирация, строжайший выбор членов, подготовка профессиональных революционеров. Раз есть налицо эти качества, — обеспечено и нечто бо̀льшее, чем «демократизм», именно: полное товарищеское доверие между революционерами. А это большее безусловно необходимо для нас, ибо о замене его демократическим всеобщим контролем у нас в России не может быть и речи. И было бы большой ошибкой думать, что невозможность действительно «демократического» контроля делает членов революционной организации бесконтрольными: им некогда думать об игрушечных формах демократизма (демократизма внутри тесного ядра пользующихся полным взаимным доверием товарищей), но свою *ответственность* чувствуют они очень живо, зная притом по опыту, что для избавления от негодного члена организация настоящих революционеров не остановится ни пред какими средствами. Да и есть у нас довольно развитое, имеющее за собой

целую историю, общественное мнение русской (и международной) революционной среды, карающее с беспощадной суровостью всякое отступление от обязанностей товарищества (а ведь «демократизм», настоящий, не игрушечный демократизм входит, как часть в целое, в это понятие товарищества!). Примите все это во внимание — и вы поймете, какой затхлый запах заграничной игры в генеральство поднимается от этих разговоров и резолюций об «антидемократических тенденциях»!

Надо заметить еще, что другой источник таких разговоров, т. е. наивность, питается также смутностью представлений о том, что такое демократия. В книге супругов Вебб об английских тред-юнионах есть любопытная глава: «Примитивная демократия». Авторы рассказывают там, как английские рабочие в первый период существования их союзов считали необходимым признаком демократии, чтобы все делали всё по части управления союзами: не только все вопросы решались голосованиями всех членов, но и должности отправлялись всеми членами по очереди, Нужен был долгий исторический опыт, чтобы рабочие поняли нелепость такого представления о демократии и необходимость представительных учреждений, с одной стороны, профессиональных должностных лиц, с другой. Нужно было несколько случаев финансового краха союзных касс, чтобы рабочие поняли, что вопрос о пропорциональном отношении платимых взносов и получаемых пособий не может быть решен одним только демократическим голосованием, а требует также голоса специалиста по страховому делу. Возьмите, далее, книгу Каутского о парламентаризме и народном законодательстве, — и вы увидите, что выводы теоретика-марксиста совпадают с уроком многолетней практики «стихийно» объединявшихся рабочих. Каутский решительно восстает против примитивного понимания демократии Риттингхаузеном, высмеивает людей, готовых во имя ее требовать, чтобы «народные газеты прямо редактировались народом», доказывает необходимость *профессиональных* журналистов, парламентариев и пр. для социал-демократического руководства классовой борьбой

пролетариата, нападает на «социализм анархистов и литераторов», в «погоне за эффектами» превозносящих прямое народное законодательство и не понимающих весьма условной применимости его в современном обществе.

Кто работал практически в нашем движении, тот знает, как широко распространено среди массы учащейся молодежи и рабочих «примитивное» воззрение на демократию. Неудивительно, что это воззрение проникает и в уставы и в литературу. «Экономисты» бернштейнианского толка писали в своем уставе: «§ 10. Все дела, касающиеся интересов всей союзной организации, решаются большинством голосов всех членов ее». «Экономисты» террористского толка вторят им: «необходимо, чтобы комитетские решения обходили все кружки и только тогда становились действительными решениями» («Свобода» № 1, с. 67). Заметьте, что это требование широко применять референдум выдвигается *сверх* требования построить на выборном начале *всю* организацию! Мы далеки от мысли, конечно, осуждать за это практиков, имевших слишком мало возможности познакомиться с теорией и практикой действительно демократических организаций. Но когда «Раб. Дело», которое претендует на руководящую роль, ограничивается при таких условиях резолюцией о широком демократическом принципе, то как же не назвать это простой «погоней за эффектом»?

е) МЕСТНАЯ И ОБЩЕРУССКАЯ РАБОТА

Если возражения против излагаемого здесь плана организации с точки зрения ее недемократизма и заговорщического характера совершенно неосновательны, то остается еще вопрос, очень часто выдвигаемый и заслуживающий подробного рассмотрения. Это вопрос о соотношении местной и общерусской работы. Высказывается опасение, не поведет ли образование централистической организации к перемещению центра тяжести с первой на вторую? не повредит ли это движению, ослабив прочность наших связей с рабочей массой и вообще устойчивость местной агитации? Мы ответим

на это, что наше движение последних лет страдает как раз от того, что местные деятели чересчур поглощены местной работой; что поэтому несколько передвинуть центр тяжести на общерусскую работу безусловно необходимо; что такое передвижение не ослабит, а укрепит и прочность наших связей и устойчивость нашей местной агитации. Возьмем вопрос о центральном и местных органах и попросим читателя не забывать, что газетное дело является для нас не более как *примером,* иллюстрирующим неизмеримо более широкое и разностороннее революционное дело вообще.

В первый период массового движения (1896—1898 гг.) делается местными деятелями попытка поставить общерусский орган — «Рабочую Газету»; в следующий период (1898—1900 гг.) — движение делает громадный шаг вперед, но внимание руководителей всецело поглощается местными органами. Если подсчитать вместе все эти местные органы, то окажется*, что приходится круглым счетом по одному номеру газеты в месяц. Разве это не наглядная иллюстрация нашего кустарничества? Разве это не показывает с очевидностью отсталости нашей революционной организации от стихийного подъема движения? Если бы *то же число* номеров газет было выпущено не раздробленными местными группами, а единой организацией, — мы не только сберегли бы массу сил, но и обеспечили бы неизмеримо большую устойчивость и преемственность нашей работы. Это простое соображение слишком часто упускают из виду и те практики, которые *активно* работают почти исключительно над местными органами (к сожалению, в громадном большинстве случаев это и сейчас обстоит так), и те публицисты, которые проявляют в данном вопросе удивительное дон-кихотство. Практик довольствуется обыкновенно тем соображением, что местным деятелям «трудно»** заняться поста-

* См. «Доклад Парижскому конгрессу»[76], стр. 14: «С того времени (1897 г.) до весны 1900 года вышли в разных местах 30 номеров разных газет... В среднем появлялось больше одного номера в месяц».

** Трудность эта только кажущаяся. На самом деле *нет* такого местного кружка, который не имел бы возможности активно взяться за ту или иную функцию общерусского дела. «Не говори: не могу, а говори: не хочу».

новкой общерусской газеты и что лучше местные газеты, чем никаких газет. Последнее, конечно, вполне справедливо, и мы не уступим никакому практику в признании громадного значения и громадной пользы местных газет *вообще.* Но ведь речь идет не об этом, а о том, нельзя ли избавиться от раздробленности и кустарничества, так наглядно выражающихся в 30 номерах местных газет по всей России за $2^1/_2$ года. Не ограничивайтесь же бесспорным, но слишком общим положением о пользе местных газет вообще, а имейте также мужество открыто признать их отрицательные стороны, обнаруженные опытом двух с половиной лет. Этот опыт свидетельствует, что местные газеты при наших условиях оказываются в большинстве случаев принципиально неустойчивыми, политически лишенными значения, в отношении расхода революционных сил — непомерно дорогими, в отношении техническом — совершенно неудовлетворительными (я имею в виду, разумеется, не технику печатания, а частоту и регулярность выхода). И все указанные недостатки — не случайность, а неизбежный результат той раздробленности, которая, с одной стороны, объясняет преобладание местных газет в рассматриваемый период, а с другой стороны, *поддерживается* этим преобладанием. Отдельной местной организации прямо-таки *не под силу* обеспечить принципиальную устойчивость своей газеты и поставить ее на высоту политического органа, *не под силу* собрать и использовать достаточный материал для освещения всей нашей политической жизни. А тот довод, которым защищают обыкновенно необходимость многочисленных местных газет в свободных странах — дешевизна их при печатании местными рабочими и бòльшая полнота и быстрота информации местного населения — этот *довод* обращается у нас, как свидетельствует опыт, *против* местных газет. Они оказываются непомерно дорогими, в смысле расхода революционных сил, и *особенно* редко выходящими по той простой причине, что для *нелегальной* газеты, как бы она мала ни была, необходим такой громадный конспиративный аппарат, который требует фабричной крупной

промышленности, ибо в кустарной мастерской и не изготовить этого аппарата. Примитивность же конспиративного аппарата ведет сплошь и рядом к тому (всякий практик знает массу примеров такого рода), что полиция пользуется выходом и распространением одного-двух номеров для *массового* провала, сметающего все настолько чисто, что приходится начинать опять сначала. Хороший конспиративный аппарат требует хорошей профессиональной подготовки революционеров и последовательнейшим образом проведенного разделения труда, а оба эти требования совершенно неподсильны для отдельной местной организации, как бы сильна она в данную минуту ни была. Не говоря уже об общих интересах всего нашего движения (принципиально-выдержанное социалистическое и политическое воспитание рабочих), но и специально местные интересы *лучше обслуживаются не местными органами:* это кажется парадоксом только на первый взгляд, а на деле указанный нами опыт двух с половиной лет неопровержимо доказывает это. Всякий согласится, что если бы все те местные силы, которые выпустили 30 номеров газет, работали над одной газетой, то эта последняя легко дала бы 60, если не сто, номеров, а следовательно, и полнее отразила бы все особенности движения чисто местного характера. Несомненно, что такая сорганизованность нелегка, но надо же, чтобы мы сознали ее необходимость, чтобы каждый местный кружок думал и *активно работал* над ней, не ожидая толчка извне, не обольщаясь той доступностью, той близостью местного органа, которая — на основании данных нашего революционного опыта — оказывается в значительной степени призрачной.

И плохую услугу оказывают практической работе те, мнящие себя особенно близкими к практикам, публицисты, которые не видят этой призрачности и отделываются удивительно-дешевым и удивительно-пустым рассуждением: нужны местные газеты, нужны районные газеты, нужны общерусские газеты. Конечно, все это, вообще говоря, нужно, но нужно ведь тоже и думать об условиях среды и момента, раз берешься за

конкретный организационный вопрос. Разве это не донкихотство в самом деле, когда «Свобода» (№ 1, стр. 68), специально «останавливаясь на *вопросе о газете»,* пишет: «Нам кажется, что во всяком мало-мальски значительном месте скопления рабочих — должна быть своя собственная рабочая газета. Не привозная откуда-нибудь, а именно своя собственная». Если этот публицист не хочет думать о значении своих слов, то подумайте хоть вы за него, читатель: сколько в России десятков, если не сотен, «мало-мальски значительных мест скопления рабочих», и каким бы это было увековечением нашего кустарничества, если бы действительно всякая местная организация принялась за свою собственную газету! Как бы облегчила эта раздробленность задачу наших жандармов вылавливать — и притом без «мало-мальски значительного» труда — местных деятелей в самом начале их деятельности, не давая развиться из них настоящим революционерам! — В общероссийской газете — продолжает автор — не интересны были бы описания проделок фабрикантов и «мелочей фабричной жизни в разных, не своих городах», а «орловцу о своих орловских делах вовсе не скучно читать. Каждый раз он знает, кого «прохватили», кого «пробрали», и дух его играет» (стр. 69). Да, да, дух орловца играет, но слишком «играет» также и мысль нашего публициста. Тактична ли эта защита крохоборства? — вот о чем следовало бы ему подумать. Мы никому не уступим в признании необходимости и важности фабричных обличений, но надо же помнить, что мы дошли уже до того, что петербуржцам стало скучно читать петербургские корреспонденции петербургской газеты «Рабочая Мысль». Для фабричных обличений на местах у нас всегда были и *всегда должны будут остаться* листки, — но тип *газеты* мы должны поднимать, а не принижать до фабричного листка. Для «газеты» нам нужны обличения не столько «мелочей», сколько крупных, типичных недостатков фабричной жизни, обличения, сделанные на примерах особенно рельефных и способные потому заинтересовать *всех* рабочих и всех руководителей движения, способные

действительно обогатить их знания, расширить их кругозор, положить начало пробуждению нового района, нового профессионального слоя рабочих.

«Затем, в местной газете все проделки фабричного начальства, других ли властей можно схватывать сейчас же на горячем месте. А до газеты общей, далекой пока-то дойдет известие — на месте уже и позабыть успели о том, что случилось: «Когда, бишь, это — дай бог памяти!»» (там же). Вот именно: дай бог памяти! Изданные в $2^1/_2$ года 30 номеров приходятся, как мы узнаем из того же источника, на 6 городов. Это дает на один город в среднем *по номеру газеты в полгода!* И если даже наш легкомысленный публицист *утроит* в своем предположении производительность местной работы (что было бы безусловно неправильно по отношению к среднему городу, ибо в рамках кустарничества невозможно значительное расширение производительности), — то все-таки получим только по номеру в два месяца, т. е. нечто вовсе непохожее на «схватыванье на горячем месте». А между тем достаточно объединиться десяти местным организациям и отрядить своих делегатов на активные функции по оборудованию общей газеты, — и тогда можно было бы *по всей России* «схватывать» не мелочи, а действительно выдающиеся и типичные безобразия раз в две недели. В этом не усомнится никто, знакомый с положением дел в наших организациях. О поимке же врага на месте преступления, если понимать это серьезно, а не в смысле только красного словца, нечего и думать нелегальной газете вообще: это доступно только подметному листку, ибо предельный срок для такой поимки не превышает большей частью одного-двух дней (возьмите, например, обычную кратковременную стачку или фабричное побоище или демонстрацию и т. п.).

«Рабочий живет не только на фабрике, но и в городе», — продолжает наш автор, поднимаясь от частного к общему с такой строгой последовательностью, которая сделала бы честь самому Борису Кричевскому. И он указывает на вопросы о городских думах, городских больницах, городских школах, требуя, чтобы рабочая

газета не обходила молчанием городские дела вообще. — Требование само по себе прекрасное, но иллюстрирующее особенно наглядно ту бессодержательную абстрактность, которой слишком часто ограничиваются при рассуждении о местных газетах. Во-первых, если бы действительно «во всяком мало-мальски значительном месте скопления рабочих» появились газеты с таким подробным городским отделом, как хочет «Свобода», то это неминуемо выродилось бы, при наших русских условиях, в настоящее крохоборство, повело бы к ослаблению сознания о важности общерусского революционного натиска на царское самодержавие, усилило бы очень живучие и скорее притаившиеся или, придавленные, чем вырванные с корнем, ростки того направления, которое уже прославилось знаменитым изречением о революционерах, слишком много говорящих о несуществующем парламенте и слишком мало о существующих городских думах[77]. Мы говорим: неминуемо, подчеркивая этим, что «Свобода» заведомо не хочет этого, а хочет обратного. Но одних благих намерений недостаточно. — Для того, чтобы поставить освещение городских дел в надлежащую перспективу ко всей нашей работе, нужно *сначала,* чтобы эта перспектива была вполне выработана, твердо установлена не одними только рассуждениями, но и массой примеров, чтобы она приобрела уже прочность *традиции.* Этого у нас далеко еще нет, а нужно это именно *сначала,* прежде чем позволительно будет думать и толковать о широкой местной прессе.

Во-вторых, чтобы действительно хорошо и интересно написать о городских делах, надо хорошо и не по книжке только знать эти дела. А социал-демократов, обладающих этим знанием, почти совершенно нет *во всей России.* Чтобы писать в газете (а не в популярной брошюре) о городских и государственных делах, надо иметь свежий, разносторонний, умелым человеком собранный и обработанный материал. А для того, чтобы собирать и обрабатывать такой материал, недостаточна «примитивная демократия» примитивного кружка, в котором все делают всё и забавляются игрой в референдумы.

Для этого необходим штаб специалистов-писателей, специалистов-корреспондентов, армия репортеров-социал-демократов, заводящих связи везде и повсюду, умеющих проникнуть во все и всяческие «государственные тайны» (которыми российский чиновник так важничает и которые он так легко разбалтывает), пролезть во всякие «закулисы», армия людей, обязанных «по должности» быть вездесущими и всезнающими. И мы, партия борьбы против *всякого* экономического, политического, социального, национального гнета, можем и должны найти, собрать, обучить, мобилизовать и двинуть в поход такую армию всезнающих людей, — но ведь это надо еще сделать! А у нас не только еще не сделано в громадном большинстве местностей ни шагу в этом направлении, но нет даже сплошь да рядом и *сознания* необходимости сделать это. Поищите-ка в нашей социал-демократической прессе живых и интересных статей, корреспонденции и обличений наших дипломатических, военных, церковных, городских, финансовых и пр. и пр. дел и делишек: вы не найдете *почти ничего* или совсем мало*. Вот почему «меня всегда страшно сердит, когда придет человек и наговорит очень красивых и прекрасных вещей» о необходимости «во всяком мало-мальски значительном месте скопления рабочих» газет, обличающих и фабричные, и городские, и государственные безобразия!

Преобладание местной прессы над центральною есть признак либо скудости, либо роскоши. Скудости — когда движение не выработало еще сил для крупного производства, когда оно прозябает еще в кустарниче-

---

* Вот почему даже пример исключительно хороших местных органов вполне подтверждает нашу точку зрения. Например, «Южный Рабочий»[78] — прекрасная газета, совсем неповинная в принципиальной неустойчивости. Но то, что она хотела дать для местного движения, было не достигнуто благодаря редкому выходу и широким провалам. То, что всего более настоятельно для партии в данный момент, — принципиальная постановка коренных вопросов движения и всесторонняя политическая агитация, — оказалось не под силу местному органу. А то, что она давала особенно хорошего, вроде статей о съезде горнопромышленников, о безработице и т. п. — не представляло из себя строго местного материала *и требовалось для всей России,* а не для одного юга. Таких статей не было и во всей нашей социал-демократической прессе.

стве и почти тонет в «мелочах фабричной жизни». Роскоши — когда движение *вполне осилило уже* задачу всесторонних обличений и всесторонней агитации, так что кроме центрального органа становятся необходимы многочисленные местные. Пусть решает уже каждый для себя, о чем свидетельствует преобладание местных газет у нас в настоящее время. Я же ограничусь точной формулировкой своего вывода, чтобы не подать повода к недоразумениям. До сих пор у нас большинство местных организаций думает почти исключительно о местных органах и почти только над ними активно работает. Это ненормально. Должно быть наоборот: чтобы большинство местных организаций думало главным образом об общерусском органе и главным образом над ним работало. До тех пор, пока не будет этого, мы не сумеем поставить *ни одной* газеты, сколько-нибудь способной действительно обслуживать движение *всесторонней* агитацией в печати. А когда это будет, — тогда нормальное отношение между необходимым центральным и необходимыми местными органами установится само собой.

* *
*

На первый взгляд может показаться, что к области специально-экономической борьбы неприменим вывод о необходимости передвинуть центр тяжести с местной на общерусскую работу: непосредственным врагом рабочих являются здесь отдельные предприниматели или группы их, не связанные организацией, хотя бы отдаленно напоминающей чисто военную, строго централистическую, руководимую до самых мелочей единой волей организацию русского правительства, нашего непосредственного врага в политической борьбе.

Но это не так. Экономическая борьба — мы уже много раз указывали на это — есть профессиональная борьба, и потому она требует объединения по профессиям рабочих, а не только по месту работы их. И это профессиональное объединение становится тем более настоятельно необходимым, чем быстрее идет вперед объединение наших предпринимателей во всякого рода общества

и синдикаты. Наша раздробленность и наше кустарничество прямо мешают этому объединению, для которого необходима единая общерусская организация революционеров, способная взять на себя руководство общерусскими профессиональными союзами рабочих. Мы уже говорили выше о желательном типе организации для этой цели и теперь добавим только несколько слов в связи с вопросом о нашей прессе.

Что в каждой социал-демократической газете должен быть *отдел* профессиональной (экономической) борьбы, — это едва ли кем-нибудь подвергается сомнению. Но рост профессионального движения заставляет думать и о профессиональной прессе. Нам кажется, однако, что о профессиональных газетах в России, за редкими исключениями, пока не может быть и речи: это — роскошь, а у нас нет сплошь да рядом и хлеба насущного. Подходящей к условиям нелегальной работы и необходимой теперь уже формой профессиональной прессы должны были бы быть у нас *профессиональные брошюры.* В них следовало бы собирать и систематически группировать *легальный** и нелегальный материал по вопросу об условиях труда в данном промысле, о различии

* Легальный материал особенно важен в этом отношении, и мы особенно отстали в умении систематически собирать и утилизировать его. Не будет преувеличением сказать, что по одному легальному материалу можно еще кое-как написать профессиональную брошюру, а по одному нелегальному — невозможно. Собирая нелегальный материал от рабочих по вопросам вроде изданных «Раб. Мыслью»[79], мы понапрасну тратим массу сил революционера (которого в этом легко заменил бы легальный деятель) и все-таки никогда не получаем хорошего материала, ибо рабочим, знающим сплошь да рядом только одно отделение большой фабрики и почти всегда знающим экономические результаты, а не общие условия и нормы своей работы, невозможно и приобрести таких знаний, какие есть у фабричных служащих, инспекторов, врачей и т. п. и какие в массе рассеяны в мелких газетных корреспонденциях и в специальных промышленных, санитарных, земских и пр. изданиях.

Как сейчас помню свой «первый опыт», которого бы я никогда не повторил. Я возился много недель, допрашивая «с пристрастием» одного ходившего ко мне рабочего о всех и всяческих порядках на громадном заводе, где он работал. Правда, описание (одного только завода!) я, хотя и с громадным трудом, все же кое-как составил, но зато рабочий, бывало, вытирая пот, говорил под конец занятий с улыбкой: «мне легче экстру проработать, чем вам на вопросы отвечать!».

Чем энергичнее будем мы вести революционную борьбу, тем больше вынуждено будет правительство легализировать часть «профессиональной» работы, снимая тем с нас часть нашего бремени.

в этом отношении разных местностей в России, о главных требованиях рабочих данной профессии, о недостатках относящегося к ней законодательства, о выдающихся случаях экономической борьбы рабочих этого цеха, о зачатках, современном состоянии и нуждах их профессиональной организации и т. п. Такие брошюры, во-первых, избавили бы нашу социал-демократическую прессу от массы таких профессиональных подробностей, которые специально интересуют только рабочих данного ремесла; во-вторых, они фиксировали бы результаты нашего опыта в профессиональной борьбе, сохраняли бы собираемый материал, который теперь буквально теряется в массе листков и отрывочных корреспонденции, и обобщали этот материал; в-третьих, они могли бы служить своего рода руководством для агитаторов, ибо условия труда изменяются сравнительно медленно, основные требования рабочих данного ремесла чрезвычайно устойчивы (ср. требования ткачей московского района в 1885 г.[80] и петербургского в 1896 г.), и свод этих требований и нужд мог бы годами служить прекрасным пособием для экономической агитации в отсталых местностях или среди отсталых слоев рабочих; примеры успешных стачек в одном районе, данные о более высоком уровне жизни, о лучших условиях труда в одной местности поощряли бы и рабочих других местностей к новой и новой борьбе; в-четвертых, взяв на себя почин обобщения профессиональной борьбы и закрепив таким образом связь русского профессионального движения с социализмом, социал-демократия позаботилась бы в то же время о том, чтобы наша тред-юнионистская работа занимала не слишком малую и не слишком большую долю в общей сумме нашей социал-демократической работы. Местной организации, если она оторвана от организаций в других городах, очень трудно, иногда даже почти невозможно бывает соблюсти при этом правильную пропорцию (и пример «Рабочей Мысли» показывает, до какого чудовищного преувеличения в сторону тред-юнионизма можно при этом доходить). Но общерусская организация революционеров, стоящая на неуклонной точке зрения

марксизма, руководящая всей политической борьбой и располагающая штабом профессиональных агитаторов, никогда не затруднится в определении этой правильной пропорции.

V
«ПЛАН» ОБЩЕРУССКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГАЗЕТЫ

«Самый крупный промах «Искры» в этом отношении», — пишет Б. Кричевский («Р. Д.» № 10, с. 30), обвиняя нас в тенденции «превратить теорию, путем ее изолирования от практики, в мертвую доктрину», — «ее «план» общепартийной организации» (т. е. статья «С чего начать?»*). И Мартынов вторит ему, заявляя, что «тенденция «Искры» умалять значение поступательного хода серой текущей борьбы по сравнению с пропагандой блестящих и законченных идей... увенчалась планом организации партии, который она предлагает в № 4 в статье «С чего начать?»» (там же, с. 61). Наконец, в самое последнее время к людям, возмущенным этим «планом» (кавычки должны выражать ироническое к нему отношение), присоединился и Л. Надеждин в только что полученной нами брошюре «Канун революции» (издание знакомой уже нам «революционно-социалистической группы» *Свобода),* где заявляется, что «говорить теперь об организации, тянущейся нитками от общерусской газеты, — это плодить кабинетные мысли и кабинетную работу» (стр. 126), это — проявление «литературщины» и т. п.

Что наш террорист оказался солидарным с защитниками «поступательного хода серой текущей борьбы», — это не может нас удивить после того, как мы проследили корни этой близости в главах о политике и об организации. Но мы должны заметить теперь же, что Л. Надеждин, и один только он, попытался добросовестно вникнуть в ход мысли не понравившейся ему статьи, попытался ответить на нее по существу, — между тем как «Раб. Дело» не сказало ровно ничего

* См. Сочинения, 5 изд., том 5, стр. 1—13. *Ред.*

по существу, а постаралось только запутать вопрос посредством целой кучи непристойных демагогических выходок. И, как это ни неприятно, приходится потратить время сначала на расчистку авгиевой конюшни.

а) КТО ОБИДЕЛСЯ ЗА СТАТЬЮ «С ЧЕГО НАЧАТЬ?»?*

Приведем букетец тех выражений и восклицаний, с которыми обрушилось на нас «Раб. Дело». «Не газета может создать партийную организацию, а наоборот»... «Газета, стоящая *над* партией, *вне ее контроля* и независимая от нее благодаря собственной сети агентов»... «Каким чудом «Искра» забыла о фактически существующих социал-демократических организациях той партии, к которой она принадлежит?»... «Обладатели твердых принципов и соответственного плана являются и верховными регуляторами реальной борьбы партии, диктующими ей выполнение своего плана»... «План изгоняет наши живые и жизненные организации в царство теней и хочет вызвать к жизни фантастическую сеть агентов»... «Если бы план «Искры» был приведен в исполнение, он привел бы к полному вытравлению следов складывавшейся у нас Российской социал-демократической рабочей партии»... «Орган пропагандистский становится бесконтрольным, самодержавным законодателем всей практической революционной борьбы»... «Как должна отнестись наша партия к ее *полному* подчинению автономной редакции» и т. д. и т. д.

Как видит читатель из содержания и тона этих цитат, «Раб. Дело» *обиделось.* Но обиделось оно не за себя, а за организации и комитеты нашей партии, которых будто бы «Искра» хочет изгнать в царство теней и даже вытравить их следы. Какие ужасы, подумаешь! Странно только одно. Статья «С чего начать?» появилась в мае 1901 года, статьи «Р. Дела» — в сентябре 1901 года,

* В сборнике «За 12 лет» В. И. Ленин опустил параграф «а» пятой главы и дал следующее примечание: «Параграф «а) Кто обиделся за статью «С чего начать?»?» — опускается в настоящем издании, ибо он содержит исключительно полемику с «Раб. Делом» и Бундом по вопросу о попытках «Искры» «командовать» и т. и. В этом параграфе, между прочим, говорилось, что сам же Бунд приглашал (в 1898—1899 гг.) членов «Искры» возобновить ЦО партии и организовать «литературную лабораторию»». *Ред.*

теперь уже половина января 1902 года. За все эти 5 месяцев (и до сентября и после сентября) *ни один* комитет и *ни одна* организация партии не выступила с формальным протестом против этого чудища, которое хочет комитеты и организации изгнать в царство теней! А ведь за это время и в «Искре» и в массе других, местных и не местных, изданий появились десятки и сотни сообщений из всех концов России. Как это произошло, что те, кого хотят изгнать в царство теней, не заметили этого и не обиделись на это, — а обиделось третье лицо?

Произошло это оттого, что комитеты и другие организации заняты настоящим делом, а не игрой в «демократизм». Комитеты прочли статью «С чего начать?», увидели, что это попытка «выработать известный план организации, *чтобы к постройке ее могло быть приступлено со всех сторон»,* и так как они прекрасно знали и видели, что *ни одна* из этих «всех сторон» не подумает «приступить к постройке», пока не убедится в ее необходимости и верности архитектурного плана, то они, естественно, и не подумали «обижаться» за продерзость людей, сказавших в «Искре»: «Ввиду неотложной важности вопроса мы решаемся, с своей стороны, предложить вниманию товарищей набросок плана, подробнее развиваемого нами в подготовляемой к печати брошюре»*. Неужели можно было, при добросовестном отношении к делу, не понять того, что если товарищи *примут* предложенный их вниманию план, то они будут проводить его не из «подчинения», а из убеждения в его необходимости для нашего общего дела, а если они *не примут* его, — то «набросок» (какое претенциозное слово, не правда ли?) так и останется простым наброском? Неужели это не демагогия, когда с наброском плана воюют не только тем, что «разносят» его и советуют товарищам отвергнуть этот план, — а тем, что *науськивают* малоопытных в революционном деле людей на авторов наброска *за одно то,* что они *смеют* «законодательствовать», выступать «верховными регуляторами», т. е. смеют *предлагать* набросок плана?? Может

* См. Сочинения, 5 изд., том 5, стр. 9. *Ред.*

ли наша партия развиваться и идти вперед, если за попытку *поднять* местных деятелей до более широких взглядов, задач, планов и т. п. будут возражать не только с точки зрения неверности этих взглядов, а с точки зрения «обид» за то, что нас «хотят» *«поднимать»?* Ведь вот Л. Надеждин тоже «разнес» наш план, но до такой демагогии, которая уже не может быть объяснена одной наивностью или примитивностью политических взглядов, он не опустился, обвинение в «инспекторстве над партией» он отверг решительно и с самого начала. И потому Надеждину можно и должно на его критику плана ответить по существу, а «Раб. Делу» можно ответить только презрением.

Но презрение к унижающемуся до криков о «самодержавии» и «подчинении» писателю не избавляет еще нас от обязанности распутать ту путаницу, которая преподносится такими людьми читателю. И вот тут мы можем наглядно показать всем, какого пошиба эти ходячие фразы о «широком демократизме». Нас обвиняют в забвении комитетов, в желании или попытке изгнать их в царство теней и пр. Как ответить на эти обвинения, когда мы *не можем* рассказать читателю *почти ничего фактического* о наших действительных отношениях к комитетам, не можем по условиям конспирации? Люди, бросающие хлесткое и раздражающее толпу обвинение, оказываются впереди нас благодаря их развязности, благодаря их пренебрежительному отношению к обязанностям революционера, который тщательно скрывает от глаз света те отношения и связи, которые он имеет, которые он налаживает или пытается наладить. Понятно, что конкурировать на поприще «демократизма» с такими людьми мы раз навсегда отказываемся. Что же касается до непосвященного во все партийные дела читателя, то единственным средством исполнить свой долг по отношению к нему является рассказ не о том, что есть и что находится im Werden*, а о *частичке* того, что было и о чем позволительно рассказывать, как о прошлом.

* — в процессе становления, возникновения. *Ред.*

Бунд намекает на наше «самозванство»*, заграничный «Союз» обвиняет нас в попытке вытравить следы партии. Извольте, господа. Вы получите полное удовлетворение, когда мы расскажем публике *четыре факта* из прошлого[81].

Первый** факт. Члены одного из «Союзов борьбы», принимавшие непосредственное участие в образовании нашей партии и в посылке делегата на партийный съезд, основавший ее, договариваются с одним из членов группы «Искры» об основании особой рабочей библиотеки для обслуживания нужд всего движения. Основать рабочую библиотеку не удается, и написанные для нее брошюры «Задачи русских социал-демократов» и «Новый фабричный закон»*** попадают окольным путем и через третьих лиц за границу, где их и печатают.

Второй факт. Члены Центр, комитета Бунда обращаются к одному из членов группы «Искры» с предложением сорганизовать, как Бунд тогда выражался, «литературную лабораторию». Притом они указывают, что если это не удастся сделать, то наше движение может сильно пойти назад. Результатом переговоров является брошюра «Рабочее дело в России»****.

Третий факт. Центральный комитет Бунда чрез посредство одного провинциального городка обращается к одному из членов «Искры» с предложением принять на себя редакцию возобновляемой «Рабочей Газеты» и получает, конечно, согласие. Предложение затем изменяется: предлагают сотрудничество, ввиду новой комбинации с редакцией. И на это получается, разумеется, согласие. Посылаются статьи (которые удалось сохранить) — «Наша программа» — с прямым проте-

* «Искра» № 8, ответ Центрального комитета Всеобщего еврейского союза в России и Польше на нашу статью по национальному вопросу.

** Мы размещаем эти факты нарочно не в том порядке, в каком они имели место.

*** См. Сочинения, 5 изд., том 2, стр. 433—470 и 263—314. *Ред.*

**** Кстати, автор этой брошюры просит меня заявить, что она, как и прежние его брошюры, была послана в «Союз» при предположении, что редактором его изданий является группа «Освобождение труда» (в силу некоторых условий он в это время, т. е. в феврале 1899 г., не мог знать о перемене редакции). Брошюра эта будет скоро переиздана Лигой[82].

стом против бернштейниады, поворота в легальной литературе и «Рабочей Мысли»; «Наша ближайшая задача» («организация правильно выходящего и тесно связанного со всеми местными группами органа партии»; недостатки господствующего «кустарничества»); «Насущный вопрос» (разбор возражения, что надо *сначала* развить деятельность местных групп, прежде чем браться за постановку общего органа; настаивание на первостепенной важности «революционной организации» — на необходимости «довести организацию, дисциплину и конспиративную технику до высшей степени совершенства»)*. Предложение возобновить «Рабочую Газету» не осуществляется, и статьи остаются не напечатанными.

Четвертый факт. Член комитета, организующий второй очередной съезд нашей партии, сообщает члену группы «Искры» программу съезда и ставит кандидатуру этой группы на функцию редактирования возобновляемой «Рабочей Газеты». Его предварительный, так сказать, шаг санкционируется затем и тем комитетом, к которому он принадлежал, и Центр. комитетом Бунда; группа «Искры» получает указание о месте и времени съезда, но (неуверенная, можно ли ей будет, по некоторым причинам, послать делегата на этот съезд) составляет также письменный доклад съезду. В этом докладе проводится та мысль, что одним выбором Центрального Комитета мы не только не решим вопроса об объединении в такое время полного разброда, как переживаемое нами, но и рискуем компрометировать великую идею создания партии в случае нового быстрого и полного провала, который более чем вероятен при господствующей неконспиративности; что надо начать поэтому с приглашения всех комитетов и всех других организаций поддерживать возобновленный общий орган, который *реально* свяжет все комитеты *фактической* связью, *реально* подготовит группу руководителей всем движением, — а превратить такую созданную комитетами группу в ЦК комитеты и партия легко уже сумеют, раз

* См. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 182—186, 187 — 192 и 193—198. *Ред.*

такая группа вырастет и окрепнет. Съезд, однако, не осуществляется вследствие ряда провалов, и доклад по конспиративным соображениям уничтожается, будучи прочтен только несколькими товарищами, в том числе уполномоченными одного комитета.

Пусть теперь читатель сам судит о характере таких приемов, как намек на самозванство со стороны Бунда или как довод «Раб. Дела», что мы хотим изгнать комитеты в царство теней, «заменить» организацию партии организацией распространения идей одной газеты. Да именно комитетам, *по неоднократным приглашениям их,* и докладывали мы о необходимости принять определенный план общей работы. Именно для партийной организации разрабатывали мы этот план в статьях в «Рабочую Газету» и в докладе съезду партии, опять-таки по приглашению тех, кто занимал такое влиятельное положение в партии, что брал на себя инициативу ее (фактического) восстановления. И только после того, как окончились неудачей *двукратные* попытки партийной организации *вместе с нами* возобновить центральный орган партии *официально,* мы сочли своей прямой обязанностью выступить с органом *неофициальным* для того, чтобы при *третьей* попытке товарищи имели уже перед собою известные результаты *опыта,* а не одни гадательные предположения. В настоящее время некоторые результаты этого опыта находятся уже у всех перед глазами, и все товарищи могут судить, правильно ли мы понимали свою обязанность и что следует думать о людях, которые стараются ввести в заблуждение лиц, незнакомых с ближайшим прошлым, из досады на то, что мы доказывали одним — их непоследовательность в «национальном» вопросе, другим — непозволительность беспринципных шатаний.

б) МОЖЕТ ЛИ ГАЗЕТА БЫТЬ КОЛЛЕКТИВНЫМ ОРГАНИЗАТОРОМ?

Весь гвоздь статьи «С чего начать?» состоит в постановке *именно* этого вопроса и в утвердительном его решении. Единственную, известную нам, попытку разобрать этот вопрос по существу и доказать необходи-

мость отрицательного его решения делает Л. Надеждин, доводы которого мы и воспроизведем целиком:

«... Нам очень нравится постановка в «Искре» (№ 4) вопроса о необходимости общерусской газеты, но мы никак не можем согласиться, чтобы эта постановка подходила под заглавие статьи: «С чего начать?». Это одно из дел, несомненно крайне важных, но не им, не целой серией популярных листков, не горою прокламаций может быть положено начало боевой организации для революционного момента. Необходимо приступить к сильным политическим организациям на местах. У нас их нет, у нас шла главным образом работа среди интеллигентных рабочих, массы же вели почти что исключительно экономическую борьбу. *Если не воспитаются сильные политические организации на местах, что значит хотя бы и превосходно поставленная общерусская газета?* Неопалимая купина, сама горящая, не сгорающая, но и никого не зажигающая! Вокруг нее, в деле для нее соберется народ, сорганизуется — думает «Искра». *Да ему гораздо ближе собраться и сорганизоваться вокруг дела более конкретного!* Таким может и должна явиться широкая постановка местных газет, приготовление теперь же рабочих сил к демонстрациям, постоянная работа местных организаций среди безработных (неотступно распространять между ними листки и листовки, созывать их на собрания, на отпоры правительству и т. п.). Надо на местах завязать живую политическую работу, и когда явится необходимым объединение на этой реальной почве, — оно будет не искусственным, не бумажным, — не газетами достигается такое объединение местных работ в общерусское дело!» («Канун рев.», с. 54).

Мы подчеркивали те места этой красноречивой тирады, которые наиболее рельефно показывают и неправильность оценки автором нашего плана и неправильность его точки зрения вообще, противопоставляемой здесь «Искре». Если не воспитаются сильные политические организации на местах, — ничего не будет значить и превосходнейшая общерусская газета. — Совершенно справедливо. Но в том-то и суть, что *нет иного средства воспитать* сильные политические организации, как посредством общерусской газеты. Автор просмотрел самое существенное заявление «Искры», сделанное ею *до перехода* к изложению ее «плана»: необходим «призыв к выработке революционной организации, способной объединить все силы и руководить движением *не только по названию,* но и на самом деле, т. е. быть *всегда готовой к поддержке всякого протеста*

и всякой вспышки, пользуясь ими для умножения и укрепления военных сил, годных для решительного боя». Но принципиально-то с этим теперь, после февраля и марта, все согласятся — продолжает «Искра» — а нам нужно не принципиальное, а *практическое решение вопроса,* нужно немедленно выставить такой определенный план постройки, чтобы сейчас же *с разных сторон* все могли приняться за постройку. А нас опять от практического решения тащат назад — к принципиально верной, бесспорной, великой, но совершенно недостаточной, совершенно непонятной для широкой массы работающих истине: «воспитывать сильные политические организации»! Не об этом уже идет речь, почтенный автор, а о том, *как именно* воспитывать и воспитать надо!

Неверно, что «у нас шла главным образом работа среди интеллигентных рабочих, массы же вели почти что исключительно экономическую борьбу». В такой форме это положение сбивается на обычное для «Свободы» и ошибочное в корне противопоставление интеллигентных рабочих «массе». У нас и интеллигентные-то рабочие в последние годы «почти что исключительно вели экономическую борьбу». Это с одной стороны. А с другой стороны, никогда и массы не научатся вести политическую борьбу, покуда мы не поможем *воспитаться* руководителям этой борьбы и из интеллигентных рабочих, и из интеллигентов; воспитаться же такие руководители могут *исключительно* на систематической, текущей оценке *всех* сторон нашей политической жизни, *всех попыток* протеста и борьбы различных классов и по различным поводам. Поэтому говорить о «воспитании политических организаций» и в то же время *противопоставлять* «бумажное дело» политической газеты — «живой политической работе на местах» просто смешно! Да ведь «Искра» и подводит свой «план» газеты к «плану» выработать такую «боевую готовность», чтобы поддерживать и движение безработных, и крестьянские бунты, и недовольство земцев, и «возмущение населения против зарвавшегося царского башибузука» и проч. Ведь всякий знакомый с движением знает доско-

нально, что об этом *даже и не думает* громадное большинство местных организаций, что многие из намечаемых здесь перспектив «живой политической работы» *ни разу еще* не проводились в жизни ни единой организацией, что попытка, напр., обратить внимание на рост недовольства и протеста в земской интеллигенции вызывает чувство растерянного недоумения и у Надеждина («господи, да не для земцев ли этот орган?», «Канун», с. 129), и у «экономистов» (№ 12 «Искры», письмо), и у многих практиков. При этих условиях «начать» можно *только* с того, чтобы побудить людей *думать* обо всем этом, побудить их суммировать и обобщать все и всяческие проблески брожения и активной борьбы. «Живую политическую работу» можно *начать* в наше время принижения социал-демократических задач *исключительно* с живой политической агитации, невозможной без общерусской, часто выходящей и правильно распространяемой газеты.

Люди, усматривающие в «плане» «Искры» проявление «литературщины», не поняли совершенно самой сути плана, увидев цель в том, что выдвигается как наиболее подходящее в настоящий момент средство. Эти люди не дали себе труда подумать о двух сравнениях, которыми наглядно иллюстрировался предлагаемый план. Постановка общерусской политической газеты — говорилось в «Искре» — должна быть *основной нитью,* держась которой мы могли бы неуклонно развивать, углублять и расширять эту организацию (т. е. революционную организацию, всегда готовую к поддержке всякого протеста и всякой вспышки). Скажите, пожалуйста: когда каменщики кладут в разных местах камни громадной и совершенно невиданной постройки, — не «бумажное» ли это дело проведение нитки, помогающей находить правильное место для кладки, указывающей на конечную цель общей работы, дающей возможность пустить в ход не только каждый камень, но и каждый кусок камня, который, смыкаясь с предыдущими и последующими, возводит законченную и всеобъемлющую линию? И разве мы не переживаем как раз такого момента в нашей партийной жизни, когда у нас

есть и камни и каменщики, а не хватает именно видимой для всех нити, за которую все могли бы взяться? Пусть кричат, что, протягивая нить, мы хотим командовать: если бы мы хотели командовать, господа, мы бы написали вместо «Искра № 1» — «Рабочая Газета № 3», как нам предлагали некоторые товарищи и как мы *имели бы полное право сделать* после тех событий, о которых было рассказано выше. Но мы не сделали этого: мы хотели оставить себе свободные руки для непримиримой борьбы со всякими лжесоциал-демократами; мы хотели, чтобы нашу нитку, ежели она проведена правильно, стали уважать за ее правильность, а не за то, что она проведена официальным органом.

«Вопрос объединения местной деятельности в центральных органах вертится в заколдованном кругу, — поучает нас Л. Надеждин, — для объединения требуется однородность элементов, а эта однородность сама может быть создана только чем-нибудь объединяющим, но это объединяющее может явиться продуктом сильных местных организаций, которые теперь отнюдь не отличаются однородным характером». Истина столь же почтенная и столь же бесспорная, как и та, что надо воспитывать сильные политические организации. Истина столь же, как и та, бесплодная. *Всякий* вопрос «вертится в заколдованном кругу», ибо вся политическая жизнь есть бесконечная цепь из бесконечного ряда звеньев. Все искусство политика в том и состоит, чтобы найти и крепко-крепко уцепиться за такое именно звенышко, которое всего меньше может быть выбито из рук, которое всего важнее в данный момент, которое всего более гарантирует обладателю звенышка обладание всей цепью*. Будь у нас отряд опытных каменщиков, настолько спевшихся, чтобы они и без нитки могли класть камни именно там, где нужно (это вовсе не невозможно, если говорить абстрактно), — тогда мы могли

* Товарищ Кричевский и товарищ Мартынов! Обращаю ваше внимание на это возмутительное проявление «самодержавия», «бесконтрольной авторитетности», «верховного регулирования» и пр. Помилуйте: хочет *обладать* всей цепью!! Пишите же скорее жалобу. Вот вам готовая тема для двух передовиц в № 12 «Рабочего Дела»!

бы, пожалуй, взяться и за другое звенышко. Но в том-то и беда, что опытных и спевшихся каменщиков у нас еще нет, что камни сплошь да рядом кладутся совсем зря, кладутся не по общей нитке, а до того раздробленно, что неприятель сдувает их, как будто бы это были не камни, а песчинки.

Другое сравнение: «Газета — не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор. В этом последнем отношении *ее можно сравнить с лесами,* которые строятся вокруг возводимого здания, намечают контуры постройки, облегчают сношения между отдельными строителями, помогают им распределять работу и обозревать общие результаты, достигнутые организованным трудом»*. Не правда ли, как это похоже на преувеличение своей роли литератором, человеком кабинетной работы? Леса для самого жилища вовсе не требуются, леса строятся из худшего материала, леса возводятся на небольшой срок и выкидываются в печку, раз только здание хотя бы вчерне закончено. Относительно построек революционных организаций опыт свидетельствует, что их и без лесов удается иногда построить — возьмите семидесятые годы. Но теперь у нас и представить себе нельзя возможности возвести без лесов необходимую для нас постройку.

Надеждин не соглашается с этим и говорит: «вокруг газеты, в деле для нее соберется народ, сорганизуется — думает «Искра». *Да ему гораздо ближе* собраться и сорганизоваться вокруг дела *более конкретного!»* Так, так: «гораздо ближе вокруг более конкретного»... Русская пословица говорит: не плюй в колодец, — пригодится воды напиться. Но есть люди, что не прочь напиться и из такого колодца, в который уже наплевано. До каких только гадостей не договорились наши великолепные легальные «критики марксизма» и нелегальные поклонники «Рабочей Мысли» во имя этой

* Мартынов, приведя в «Р. Деле» первую фразу этой цитаты (№ 10, с. 62), опустил именно вторую фразу, как бы подчеркивая этим свое нежелание касаться существа вопроса или свою неспособность понять это существо.

большей конкретности! Как придавлено все наше движение нашей узостью, безынициативностью и робостью, оправдываемой традиционными доводами «гораздо ближе вокруг более конкретного»! И Надеждин, — считающий себя особенно чутким к «жизни», осуждающий особенно строго «кабинетных» людей, обвиняющий (с претензией на остроумие) «Искру» в слабости везде видеть «экономизм», воображающий, что он стоит гораздо выше этого деления на ортодоксов и критиков, — не замечает того, что он играет своими доводами на руку возмущающей его узости, что он пьет из самого что ни на есть проплеванного колодца! Да, самого искреннего возмущения узостью, самого горячего желанья поднять преклоняющихся перед ней людей еще недостаточно, если возмущающийся носится без руля и без ветрил и так же «стихийно», как и революционеры 70-х годов, хватается за «эксцитативный террор», за «аграрный террор», за «набат» и т. п. Посмотрите на это «более конкретное», вокруг чего — он думает — «гораздо ближе» будет собраться и сорганизоваться: 1. местные газеты; 2. приготовление к демонстрациям; 3. работа среди безработных. С первого же взгляда видно, что все эти дела выхвачены совершенно случайно, наудачу, чтобы сказать что-нибудь, ибо, как бы мы ни смотрели на них, видеть в них что-либо специально пригодное «собрать и сорганизовать» совсем уже несуразно. Ведь тот же самый Надеждин парой страниц ниже говорит: «пора бы нам просто констатировать факт: на местах ведется крайне жалкая работа, комитеты не делают и десятой части того, что могли бы делать... те объединяющие центры, какие у нас есть теперь, это — фикция, это — революционная канцелярщина, взаимное пожалование друг друга в генералы, и так будет до тех пор, пока не вырастут местные сильные организации». В этих словах, несомненно, наряду с преувеличениями, заключается много горькой истины, и неужели Надеждин не видит связи между жалкой работой на местах и той узостью кругозора деятелей, узостью размаха их деятельности, которые неизбежны при неподготовленности замыкающихся

в рамки местных организаций деятелей? Неужели он, подобно автору статьи об организации в «Свободе», забыл о том, как переход к широкой местной прессе (с 1898 года) сопровождался особенным усилением «экономизма» и «кустарничества»? Да если бы даже и возможна была сколько-нибудь удовлетворительная постановка «широкой местной прессы» (а мы показали выше, что она невозможна, за исключением совершенно особенных случаев), то и тогда местные органы не могли бы «собрать и сорганизовать» *все* силы революционеров для *общего* натиска на самодержавие, для руководства *единой* борьбой. Не забудьте, что речь идет здесь *только* о «собирающем», об организаторском значении газеты, и мы могли бы предложить защищающему раздробленность Надеждину им же поставленный иронический вопрос: «не получили ли мы откуда-нибудь в наследство 200 000 революционных организаторских сил?». Далее, «приготовление к демонстрациям» нельзя *противопоставлять* плану «Искры» уже потому, что этот план как раз самые широкие демонстрации и предусматривает *как одну из целей;* речь же идет о выборе практического *средства.* Надеждин опять запутался здесь, упустив из виду, что «приготовлять» демонстрации (до сих пор происходившие в громадном большинстве случаев совершенно стихийно) может только уже «собранное и сорганизованное» войско, а мы именно *не умеем* собрать и сорганизовать. «Работа среди безработных». Опять та же путаница, ибо это тоже представляет из себя одно из военных действий мобилизованного войска, а не план мобилизовать войско. До какой степени и тут недооценивает Надеждин вреда нашей раздробленности, отсутствия у нас «200 000 сил», видно из следующего. «Искру» упрекали многие (в том числе и Надеждин) за бедность сведений о безработице, за случайность корреспонденций о самых обыденных явлениях деревенской жизни. Упрек справедлив, но «Искра» тут «без вины виновата». Мы стараемся «провести ниточку» и через деревню, но каменщиков там почти нигде нет, и *приходится* поощрять *всякого,* сообщающего даже обыденный факт, — в надежде, что это умножит число

сотрудников по этой области и *научит всех нас* выбирать, наконец, и действительно выпуклые факты. Но материала-то для учебы так мало, что без обобщения его по всей России учиться решительно не на чем. Несомненно, что человек, обладающий хотя приблизительно такими же агитаторскими способностями и таким знанием жизни босяка, какие видны у Надеждина, мог бы оказать агитацией среди безработных неоценимые услуги движению, — но такой человек зарыл бы в землю свой талант, если бы не позаботился оповещать *всех* русских товарищей о каждом шаге своей работы на поученье и пример людям, которые, в массе своей, и не умеют еще взяться за новое дело.

О важности объединения, о необходимости «собрать и сорганизовать» говорят теперь решительно все, но нет в большинстве случаев никакого определенного представления о том, с чего начать и как вести это дело объединения. Все согласятся, наверное, что если мы «объединяем» отдельные — скажем, районные — кружки одного города, то для этого необходимы *общие учреждения,* т. е. не одно только общее званье «союза», а действительно *общая* работа, обмен материалом, опытом и силами, распределение функций уже не только по районам, а по специальностям всей городской деятельности. Всякий согласится, что солидный конспиративный аппарат не окупится (если можно употребить коммерческое выражение) «средствами» (и материальными и личными, разумеется) одного района, что на этом узком поприще не развернуться таланту специалиста. То же самое относится, однако, и к объединению разных городов, ибо и такое поприще, как отдельная местность, *оказывается* и оказалось уже в истории нашего социал-демократического движения непомерно узким: мы это подробно доказывали выше на примере и политической агитации и организационной работы. Надо, необходимо надо и прежде всего надо расширить это поприще, создать *фактическую* связь между городами на *регулярной общей* работе, ибо раздробленность придавливает людей, которые «сидят, как в яме» (по выражению автора одного письма в «Искру»[83]), не зная,

что̀ делается на белом свете, у кого им поучиться, как добыть себе опыт, как удовлетворить желание широкой деятельности. И я продолжаю настаивать, что эту *фактическую* связь можно *начать* создавать только на общей газете, как единственном регулярном общерусском предприятии, суммирующем итоги самых разнообразных видов деятельности и тем *подталкивающем* людей идти неустанно вперед по *всем* многочисленным путям, ведущим к революции, как все дороги ведут в Рим. Если мы не на словах только хотим объединения, то надо, чтобы каждый местный кружок *тотчас же уделил,* скажем, четверть своих сил *активной* работе над *общим* делом, и газета сразу показывает ему* общий абрис, размеры и характер этого дела, показывает, какие именно пробелы всего сильнее ощущаются во всей общерусской деятельности, где нет агитации, где слабы связи, какие колесики громадного общего механизма мог бы данный кружок подправить или заменить лучшими. Кружок, не работавший еще, а только ищущий работы, мог бы начинать уже не как кустарь в отдельной маленькой мастерской, не ведающий ни развития «промышленности» до него, ни общего состояния данных промышленных способов производства, а как участник широкого предприятия, *отражающего* весь общереволюционный натиск на самодержавие. И чем совершеннее была бы отделка каждого колесика, чем больше число детальных работников над общим делом, тем чаще становилась бы наша сеть и тем меньше смятения в общих рядах вызывали бы неизбежные провалы.

Фактическую связь начала бы создавать уже одна функция распространения газеты (если бы таковая заслуживала названия газеты, т. е. выходила регулярно и не раз в месяц, как выходят толстые журналы, а раза четыре в месяц). Теперь сношения между городами по

* *Оговорка:* если он сочувствует направлению этой газеты и считает полезным для дела стать ее сотрудником, понимая под этим не только литературное, а вообще всякое революционное сотрудничество. *Примечание для «Рабочего Дела»:* между революционерами, которые ценят дело, а не игру в демократизм, которые не отделяют «сочувствия» от самого активного и живого участия, эта оговорка подразумевается сама собою.

надобностям революционного дела являются величайшей редкостью и, во всяком случае, исключением; тогда эти сношения стали бы правилом и обеспечивали, разумеется, не только распространение газеты, а также (что гораздо важнее) обмен опытом, материалами, силами и средствами. Размах организационной работы сразу стал бы во много раз шире, и успех одной местности поощрял бы постоянно к дальнейшему усовершенствованию, к желанию воспользоваться готовым уже опытом действующего в другом конце страны товарища. Местная работа стала бы гораздо богаче и разностороннее, чем теперь: политические и экономические обличения, собираемые по всей России, давали бы умственную пищу рабочим всех профессий и *всех ступеней развития,* давали материал и повод для бесед и чтений по самым разнообразным вопросам, поднятым к тому же и намеками легальной печати, и разговорами в обществе, и «стыдливыми» правительственными сообщениями. Каждая вспышка, каждая демонстрация оценивалась и обсуждалась бы со всех сторон во всех концах России, вызывая желание не отстать от других, сделать лучше других — (мы, социалисты, вовсе не отвергаем вообще всякого соревнования, всякой «конкуренции»!), — подготовить сознательно то, что в первый раз вышло как-то стихийно, воспользоваться благоприятными условиями данной местности или данного момента для видоизменения плана атаки и проч. В то же время это оживление местной работы не приводило бы к тому отчаянному «предсмертному» напряжению *всех* сил и постановке ребром *всех* людей, каковым является зачастую теперь всякая демонстрация или всякий номер местной газеты: с одной стороны, полиции гораздо труднее добраться до «корней», раз неизвестно, в какой местности надо искать их; с другой стороны, регулярная общая работа приучала бы людей сообразовать силу *данной* атаки с данным состоянием сил такого-то отряда общей армии (сейчас о таком сообразовании почти никто никогда и не думает, ибо атаки случаются на девять десятых стихийно) и облегчала бы «перевозку» из дру-

гого места не только литературы, но и революционных сил.

Теперь эти силы истекают в массе случаев кровью на узкой местной работе, а тогда являлась бы возможность и постоянно были бы поводы перебрасывать сколько-нибудь способного агитатора или организатора из конца в конец страны. Начиная с маленькой поездки по делам партии на счет партии, люди привыкали бы переходить целиком на содержание партии, делаться профессиональными революционерами, вырабатывать из себя настоящих политических вождей.

И если бы нам действительно удалось достигнуть того, чтобы все или значительное большинство местных комитетов, местных групп и кружков активно взялись за общее дело, мы могли бы в самом недалеком будущем поставить еженедельную газету, регулярно распространяемую в десятках тысяч экземпляров по всей России. Эта газета стала бы частичкой громадного кузнечного меха, раздувающего каждую искру классовой борьбы и народного возмущения в общий пожар. Вокруг этого, самого по себе очень еще невинного и очень еще небольшого, но регулярного и в полном значении слова *общего* дела систематически подбиралась и обучалась бы постоянная армия испытанных борцов. По лесам или подмосткам этой общей организационной постройки скоро поднялись и выдвинулись бы из наших революционеров социал-демократические Желябовы, из наших рабочих русские Бебели, которые встали бы во главе мобилизованной армии и подняли весь народ на расправу с позором и проклятьем России.

Вот о чем нам надо мечтать!

* *
*

«Надо мечтать!» Написал я эти слова и испугался. Мне представилось, что я сижу на «объединительном съезде», против меня сидят редакторы и сотрудники «Рабочего Дела». И вот встает товарищ Мартынов и грозно обращается ко мне: «А позвольте вас спросить, имеет ли еще автономная редакция право мечтать без

предварительного опроса комитетов партии?». А за ним встает товарищ Кричевский и (философски углубляя товарища Мартынова, который уже давно углубил товарища Плеханова) еще более грозно продолжает: «Я иду дальше. Я спрашиваю, имеет ли вообще право мечтать марксист, если он не забывает, что по Марксу человечество всегда ставит себе осуществимые задачи и что тактика есть процесс роста задач, растущих вместе с партией?».

От одной мысли об этих грозных вопросах у меня мороз подирает по коже, и я думаю только — куда бы мне спрятаться. Попробую спрятаться за Писарева.

«Разлад разладу рознь, — писал по поводу вопроса о разладе между мечтой и действительностью Писарев. — Моя мечта может обгонять естественный ход событий или же она может хватать совершенно в сторону, туда, куда никакой естественный ход событий никогда не может прийти. В первом случае мечта не приносит никакого вреда; она может даже поддерживать и усиливать энергию трудящегося человека... В подобных мечтах нет ничего такого, что извращало или парализовало бы рабочую силу. Даже совсем напротив. Если бы человек был совершенно лишен способности мечтать таким образом, если бы он не мог изредка забегать вперед и созерцать воображением своим в цельной и законченной картине то самое творение, которое только что начинает складываться под его руками, — тогда я решительно не могу представить, какая побудительная причина заставляла бы человека предпринимать и доводить до конца обширные и утомительные работы в области искусства, науки и практической жизни... Разлад между мечтой и действительностью не приносит никакого вреда, если только мечтающая личность серьезно верит в свою мечту, внимательно вглядываясь в жизнь, сравнивает свои наблюдения с своими воздушными замками и вообще добросовестно работает над осуществлением своей фантазии. Когда есть какое-нибудь соприкосновение между мечтой и жизнью, тогда все обстоит благополучно»[84].

Вот такого-то рода мечтаний, к несчастью, слишком мало в нашем движении. И виноваты в этом больше всего кичащиеся своей трезвенностью, своей «близостью» к «конкретному» представители легальной критики и нелегального «хвостизма».

в) КАКОГО ТИПА ОРГАНИЗАЦИЯ НАМ НУЖНА?

Из предыдущего читатель видит, что наша «тактика-план» состоит в отрицании немедленного *призыва* к штурму, в требовании устроить «правильную осаду неприятельской крепости», или иначе в требовании направить все усилия на то, чтобы собрать, сорганизовать и *мобилизовать* постоянное войско. Когда мы осмеяли «Рабочее Дело» за его прыжок от «экономизма» к воплям о штурме (раздавшимся в *апреле* 1901 г. в № 6 «Листка «Р. Дела»»[85]), оно обрушилось, разумеется, на нас с обвинением в «доктринерстве», непонимании революционного долга, в призыве к осторожности и т. п. Нас нисколько не удивили, конечно, эти обвинения в устах людей, не имеющих никаких устоев и отделывающихся глубокомысленной «тактикой-процессом», как не удивило и то, что такие обвинения повторил Надеждин, питающий вообще самое величественное презрение к прочным программным и тактическим устоям.

Говорят, что история не повторяется. Но Надеждин изо всех сил старается повторить ее и усердно копирует Ткачева, разнося «революционное культурничество», крича о «набате вечевого колокола», об особой «точке зрения кануна революции» и т. п. Он забывает, по-видимому, известное изречение, что если оригинал исторического события представляет из себя трагедию, то копия с него является лишь фарсом[86]. Подготовленная проповедью Ткачева и осуществленная посредством «устрашающего» и действительно устрашавшего террора попытка захватить власть — была величественна, а «эксцитативный» террор маленького Ткачева просто смешон и особенно смешон, когда дополняется идеей организации середняков.

«Если бы «Искра», — пишет Надеждин, — вышла из своей сферы литературщины, она увидела бы, что это (такие явления, как письмо рабочего в «Искре» № 7, и т. п.) симптомы того, что очень-очень скоро начнется «штурм», и говорить теперь (sic!) об организации, тянущейся нитками от общерусской газеты, это — плодить кабинетные мысли и кабинетную работу». Посмотрите же, какая это невообразимая путаница: с одной стороны, экситативный террор и «организация середняков» наряду с мнением, что «гораздо ближе» собраться вокруг «более конкретного», вроде местных газет, — а с другой стороны, «теперь» говорить об общерусской организации значит плодить кабинетные мысли, т. е., говоря прямее и проще, «теперь» уже поздно! А «широкая постановка местных газет», — это не поздно, почтеннейший Л. Надеждин? И сравните с этим точку зрения и тактику «Искры»: эксцитативный террор — пустяки, говорить об организации именно середняков и о *широкой* постановке местных газет значит открывать настежь дверь «экономизму». Надо говорить о единой общерусской организации революционеров, и говорить о ней не поздно до тех самых пор, когда начнется настоящий, а не бумажный штурм.

«Да, насчет организации у нас обстоят дела крайне не блестяще, — продолжает Надеждин, — да, «Искра» совершенно права, говоря, что главная масса наших военных сил — добровольцы и повстанцы... Это хорошо, что вы трезво представляете себе положение наших сил, но зачем же при этом забывать, что *толпа вовсе не наша* и что поэтому *она у нас не спросит,* когда открывать военные действия, и пойдет «бунтоваться»... Когда выступит сама толпа с ее стихийной разрушительной силой, ведь она *может* смять, оттереть «постоянное войско», в которое всё собирались, да не *поспели* вносить чрезвычайно систематическую организацию». (Курсив наш.)

Удивительная логика! *Именно потому,* что «толпа не наша», неразумно и неприлично кричать о «штурме» сию минуту, ибо штурм есть атака постоянного войска, а не стихийный взрыв толпы. Именно потому, что толпа *может* смять и оттереть постоянное войско, нам обязательно необходимо «поспевать» за стихийным подъемом со своей работой «внесения чрезвычайно систематической

организации» в постоянное войско, ибо, чем больше «поспеем» мы внести такой организованности, тем более вероятно, что постоянное войско не будет смято толпой, а встанет впереди и во главе толпы. Надеждин путается потому, что воображает, будто это систематически организуемое войско занято чем-либо отрывающим его от толпы, тогда как на самом деле оно занято исключительно всесторонней и всеобъемлющей политической агитацией, т. е. именно работой, *сближающей и сливающей воедино* стихийно-разрушительную силу толпы и сознательно-разрушительную силу организации революционеров. Ведь вы, господа, валите с больной головы на здоровую, ибо именно группа «Свобода», внося *в программу* террор, тем самым зовет к организации террористов, а такая организация действительно отвлекла бы наше войско от сближения его с толпой, которая еще, к сожалению, не наша, которая еще, к сожалению, не спрашивает или мало спрашивает нас о том, когда и как открывать военные действия.

«Мы проглядим самое революцию, — продолжает Надеждин пугать «Искру», — как проглядели нынешние события, свалившиеся нам словно снег на голову». Эта фраза, в связи с приведенными выше, наглядно показывает нам нелепость сочиненной «Свободою» особой «точки зрения кануна революции»[*]. Особая «точка зрения» сводится, если прямо говорить, к тому, что «теперь» поздно уже рассуждать и готовиться. Если так, о почтеннейший враг «литературщины», — то к чему же было писать на 132 печатных страницах «о вопросах теории[**]

[*] Стр. 62. «Канун революции».

[**] Впрочем, по вопросам теории в своем «обозрении вопросов теории» Л. Надеждин почти что ничего не дал, если не считать следующего, весьма любопытного с «точки зрения кануна революции» пассажа: «Бернштейниада в ее целом теряет для нашего момента свой острый характер точно так же, как докажет ли г. Адамович, что г. Струве уже заслужил пряжку, или, наоборот, г. Струве опровергнет г. Адамовича и не согласится на выход в отставку, — это решительно все равно, ибо настает «слушный час» революции» (стр. 110). Трудно было бы рельефнее изобразить бесконечную беззаботность Л. Надеждина насчет теории. Мы провозгласили «канун революции» — *поэтому* «решительно все равно», удастся ли ортодоксам окончательно сбить с позиции критиков!! И не замечает наш мудрец, что именно во время революции понадобятся нам результаты теоретической борьбы с критиками для решительной борьбы с их *практическими* позициями!

и тактики»? Не находите ли вы, что «точке зрения кануна революции» более приличествовало бы издание 132 тысяч листков с кратким воззванием: «бей их!»?

Проглядеть революцию всего менее рискует именно тот, кто ставит во главу угла всей своей и программы, и *тактики, и организационной работы* всенародную политическую агитацию, как делает «Искра». Люди, занятые по всей России витьем нитей организации, тянущейся от общерусской газеты, не только не проглядели весенних событий, а дали нам, наоборот, возможность предсказать их. Не проглядели они и тех демонстраций, которые описаны в №№ 13 и 14 «Искры»[87]: напротив, они участвовали в них, живо сознавая свою обязанность идти на помощь стихийному подъему толпы и помогая в то же время, чрез посредство газеты, ознакомляться с этими демонстрациями и утилизировать их опыт всем русским товарищам. Не проглядят они, если живы будут, и революции, которая потребует от нас прежде всего и больше всего опытности в агитации, уменья поддерживать (по-социал-демократически поддерживать) всякий протест, уменья направлять стихийное движение, оберегая его и от ошибок друзей, и от ловушек врагов!

Мы подошли таким образом к последнему соображению, которое заставляет нас особенно настаивать на плане организации вокруг общерусской газеты, посредством совместной работы над общей газетой. Только такая организация обеспечит необходимую для социал-демократической боевой организации *гибкость,* т. е. способность приспособляться немедленно к самым разнообразным и быстро меняющимся условиям борьбы, уменье, «с одной стороны, уклониться от сражения в открытом поле с подавляющим своей силою неприятелем, когда он собрал на одном пункте все силы, а с другой стороны, пользоваться неповоротливостью этого неприятеля и нападать на него там и тогда, где всего менее ожидают нападения»[*]. Было бы величайшей ошибкой строить партийную организацию в расчете только на взрыв и уличную

[*] «Искра» № 4: «С чего начать?». — «Революционных культурников, не стоящих на точке зрения кануна революции, долгота работы ничуть не смущает», — пишет Надеждин (с. 62). Мы заметим по поводу этого: если мы не сумеем выработать такой политической тактики, такого организационного плана, которые были бы непременно рассчитаны на *весьма долгую работу* и в то же время обеспечивали бы *самым процессом этой, работы* готовность нашей партии оказаться на своем посту и выполнить свой долг при всякой неожиданности, при всяком ускорении хода событий, — то мы окажемся просто жалкими политическими авантюристами. Только Надеждин, со вчерашнего дня начавший себя называть социал-демократом, может забывать о том, что цель социал-демократии — коренное преобразование условий жизни всего человечества, что поэтому социал-демократу непозволительно «смущаться» вопросом о долготе работы.

борьбу или только на «поступательный ход серой текущей борьбы». Мы должны *всегда* вести нашу будничную работу и всегда быть готовы ко всему, потому что предвидеть заранее смену периодов взрыва периодами затишья очень часто бывает почти невозможно, а в тех случаях, когда возможно, нельзя было бы воспользоваться этим предвидением для перестройки организации, ибо смена эта в самодержавной стране происходит поразительно быстро, будучи иногда связана с одним ночным набегом царских янычар[88]. И самое революцию надо представлять себе отнюдь не в форме единичного акта (как мерещится, по-видимому, Надеждиным), а в форме нескольких быстрых смен более или менее сильного взрыва и более или менее сильного затишья. Поэтому основным содержанием деятельности нашей партийной организации, фокусом этой деятельности должна быть такая работа, которая и возможна и нужна, как в период самого сильного взрыва, так и в период полнейшего затишья, именно: работа политической агитации, объединенной по всей России, освещающей все стороны жизни и направленной в самые широкие массы. А эта работа *немыслима* в современной России без общерусской, очень часто выходящей газеты. Организация, складывающаяся сама собою вокруг этой газеты, организация ее *сотрудников* (в широком смысле слова, т. е. всех трудящихся над ней) будет именно готова *на все,* начиная от спасенья чести, престижа и преемственности партии в момент наибольшего революционного «угнетения» и кончая подготовкой, назначением и проведением *всенародного вооруженного восстания.*

В самом деле, представьте себе очень обычный у нас случай полного провала в одной или нескольких местностях. При отсутствии у *всех* местных организаций *одного* общего регулярного дела такие провалы сопровождаются часто перерывом работы на много месяцев. При наличности же общего дела у всех, — достаточно было бы, при самом сильном провале, нескольких недель работы двух-трех энергичных людей, чтобы связать с общим центром новые кружки молодежи, возникающие, как известно, весьма быстро даже теперь; — а когда это общее дело, страдающее от провала, у всех на виду, то новые кружки могут возникать и связываться с ним еще быстрее.

С другой стороны, представьте себе народное восстание. В настоящее время, вероятно, все согласятся, что мы должны думать о нем и готовиться к нему. Но *как* готовиться? Не назначить же Центральному Комитету агентов по всем местам для подготовки восстания! Если бы у нас и был ЦК, он таким назначением ровно ничего не достиг бы при современных русских условиях. Наоборот, сеть агентов*, складывающаяся сама собой на работе по постановке и распространению общей газеты, не должна была бы «сидеть и ждать» лозунга к восстанию, а делала бы именно такое регулярное дело, которое гарантировало бы ей наибольшую вероятность успеха в случае восстания. Именно такое дело закрепляло бы связи и с самыми широкими массами рабочих и со всеми недовольными самодержавием слоями, что так важно для восстания. Именно на таком деле вырабатывалась бы способность верно оценивать

* Увы, увы! Опять сорвалось у меня ото ужасное слово «агент», так режущее демократическое ухо Мартыновых! Мне странно, почему это слово не обижало корифеев 70-х годов и обижает кустарей 90-х годов? Мне нравится это слово, ибо оно ясно и резко указывает на *общее дело,* которому все агенты подчиняют свои помыслы и действия, и если нужно заменить это слово другим, то я бы мог остановиться только разве на слове «сотрудник», если бы оно не отзывалось некоторой литературщиной и.некоторой расплывчатостью. А нам нужна военная организация агентов. Впрочем, те многочисленные (особенно за границей) Мартыновы, которые любят заниматься «взаимным пожалованием друг друга в генералы», могли бы говорить вместо «агент по паспортной части» — «главноначальствующий отдельной частью по снабжению революционеров паспортами» и т. п.

общее политическое положение и, следовательно, способность выбрать подходящий момент для восстания. Именно такое дело приучало бы *все* местные организации откликаться одновременно на одни и те же волнующие всю Россию политические вопросы, случаи и происшествия, отвечать на эти «происшествия» возможно энергичнее, возможно единообразнее и целесообразнее, — а ведь восстание есть, в сущности, самый энергичный, самый единообразный и самый целесообразный «ответ» всего народа правительству. Именно такое дело, наконец, приучало бы все революционные организации во всех концах России вести самые постоянные и в то же время самые конспиративные сношения, создающие *фактическое* единство партии, — а без таких сношений невозможно коллективно обсудить план восстания и принять те необходимые подготовительные меры накануне его, которые должны быть сохранены в строжайшей тайне.

Одним словом, «план общерусской политической газеты» не только не представляет из себя плод кабинетной работы лиц, зараженных доктринерством и литературщиной (как это показалось плохо вдумавшимся в него людям), а наоборот, он является самым практическим планом начать со всех сторон и сейчас же готовиться к восстанию, не забывая в то же время ни на минуту своей будничной насущной работы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История русской социал-демократии явственно распадается на три периода.

Первый период обнимает около десяти лет, приблизительно 1884—1894 гг. Это был период возникновения и упрочения теории и программы социал-демократии. Число сторонников нового направления в России измерялось единицами. Социал-демократия существовала без рабочего движения, переживая, как политическая партия, процесс утробного развития.

Второй период обнимает три-четыре года, 1894— 1898 гг. Социал-демократия появляется на свет божий, как общественное движение, как подъем народных масс, как политическая партия. Это — период детства и отрочества. С быстротой эпидемии распространяется повальное увлечение интеллигенции борьбой с народничеством и хождением к рабочим, повальное увлечение рабочих стачками. Движение делает громадные успехи. Большинство руководителей — совсем молодые люди, далеко не достигшие того «тридцатипятилетнего возраста», который казался г. Н. Михайловскому какой-то естественной гранью. Благодаря своей молодости, они оказываются неподготовленными к практической работе и поразительно быстро сходят со сцены. Но размах работы у них большей частью был очень широкий. Многие из них начинали революционно мыслить, как народовольцы. Почти все в ранней юности восторженно преклонялись перед героями террора. Отказ от обая-

тельного впечатления этой геройской традиции стоил борьбы, сопровождался разрывом с людьми, которые во что бы то ни стало хотели остаться верными «Народной воле» и которых молодые социал-демократы высоко уважали. Борьба заставляла учиться, читать нелегальные произведения всяких направлений, заниматься усиленно вопросами легального народничества. Воспитанные на этой борьбе социал-демократы шли в рабочее движение, «ни на минуту» не забывая ни о теории марксизма, озарившей их ярким светом, ни о задаче низвержения самодержавия. Образование партии весной 1898 года было самым рельефным и в то же время *последним* делом социал-демократов этой полосы.

Третий период подготовляется, как мы видели, в 1897 году и окончательно выступает на смену второго периода в 1898 году (1898—?). Это — период разброда, распадения, шатания. В отрочестве бывает так, что голос у человека ломается. Вот и у русской социал-демократии этого периода стал ломаться голос, стал звучать фальшью, — с одной стороны, в произведениях гг. Струве и Прокоповича, Булгакова и Бердяева, с другой стороны — у В. И—на и Р. М., у Б. Кричевского и Мартынова. Но брели розно и шли назад только руководители: само движение продолжало расти и делать громадные шаги вперед. Пролетарская борьба захватывала новые слои рабочих и распространялась по всей России, влияя в то же время косвенно и на оживление демократического духа в студенчестве и в других слоях населения. Сознательность же руководителей спасовала перед широтой и силой стихийного подъема; среди социал-демократов преобладала уже другая полоса — полоса деятелей, воспитавшихся почти только на одной «легальной» марксистской литературе, а ее было тем более недостаточно, чем большей сознательности требовала от них стихийность массы. Руководители не только оказывались позади и в теоретическом отношении («свобода критики») и в практическом («кустарничество»), но пытались защищать свою отсталость всякими выспренними доводами. Социал-демократизм принижался до тред-юнионизма и брентанистами

легальной и хвостистами нелегальной литературы. Программа «Credo» начинала осуществляться, особенно когда «кустарничество» социал-демократов вызвало оживление революционных не социал-демократических направлений.

И вот, если читатель упрекнет меня за то, что я чересчур подробно занимался каким-то «Раб. Делом», я отвечу на это: «Р. Дело» приобрело «историческое» значение потому, что всего рельефнее отразило в себе «дух» этого третьего периода*. Не последовательный Р. М., а именно флюгерствующие Кричевские и Мартыновы могли настоящим образом выразить разброд и шатания, готовность идти на уступки и перед «критикой», и перед «экономизмом», и перед терроризмом. Не величественное пренебрежение к практике со стороны какого-нибудь поклонника «абсолюта» характерно для этого периода, а именно соединение мелкого практицизма с полнейшей теоретической беззаботностью. Не столько прямым, отрицанием «великих слов» занимались герои этого периода, сколько их опошлением: научный социализм перестал быть целостной революционной теорией, а превращался в мешанину, к которой «свободно» добавляли жидкости из всякого нового немецкого учебника; лозунг «классовая борьба» не толкал вперед к все более широкой, все более энергичной деятельности, а служил средством успокоения, так как ведь «экономическая борьба неразрывно связана с политической»; идея партии не служила призывом к созданию боевой организации революционеров, а оправдывала какую-то «революционную канцелярщину» и ребяческую игру в «демократические» формы.

Когда кончается третий и начинается четвертый период (во всяком случае предвещаемый уже многими признаками), — мы не знаем. Из области истории мы переходим здесь в область настоящего, отчасти будущего.

---

* Я мог бы также ответить немецкой пословицей: Den Sack schlägt man, den Esel meint man, или по-русски: кошку бьют, невестке наветки дают. Не одно «Раб. Дело», а *широкая масса* практиков *и теоретиков* увлекалась модной «критикой», путалась в вопросе о стихийности, сбивалась с социал-демократического на тред-юнионистское понимание наших политических и организационных задач.

Но мы твердо верим, что четвертый период поведет к упрочению воинствующего марксизма, что из кризиса русская социал-демократия выйдет окрепшей и возмужавшей, что «на смену» арьергарда оппортунистов выступит действительный передовой отряд самого революционного класса.

В смысле призыва к такой «смене» и сводя вместе все изложенное выше, мы можем на вопрос: что делать? дать краткий ответ:

Ликвидировать третий период.

Приложение[89]

ПОПЫТКА ОБЪЕДИНЕНИЯ «ИСКРЫ» С «РАБОЧИМ ДЕЛОМ»

Нам остается обрисовать ту тактику, которую приняла и последовательно проводила «Искра» в организационных отношениях к «Раб. Делу». Тактика эта выражена вполне уже в № 1 «Искры», в статье о «Расколе в Заграничном союзе русских социал-демократов»[*]. Мы сразу встали на ту точку зрения, что *настоящий* «Союз русских социал-демократов за границей», который был признан на первом съезде нашей партии ее заграничным представителем, *раскололся* на две организации; — что вопрос о представительстве партии остается открытым, будучи только временно и условно решен тем, что на Парижском международном конгрессе в постоянное Международное социалистическое бюро было выбрано от России два члена, по одному от каждой части расколовшегося «Союза»[90]. Мы заявили, что по существу «Раб. Дело» *неправо,* мы решительно встали в принципиальном отношении на сторону группы «Осв. труда», но отказались в то же время входить в подробности раскола и отметили заслугу «Союза» в области чисто практической работы[**].

Таким образом, наша позиция была до известной степени выжидательная: мы сделали уступку господствовавшему среди большинства русских социал-демократов мнению, что рука об руку с «Союзом» могут работать и самые решительные враги «экономизма», ибо «Союз» не раз заявлял о своем принципиальном согласии с группой «Освобождение труда», не претендуя, будто

[*] См. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 384—385. *Ред.*

[**] В основе такой оценки раскола лежало не только ознакомление с литературой, но ташке и данные, собранные за границей некоторыми побывавшими там членами нашей организации.

бы, на самостоятельную физиономию в коренных вопросах теории и тактики. Правильность занятой нами позиции косвенно была подтверждена тем, что почти одновременно с выходом первого номера «Искры» (декабрь 1900) от «Союза» отделились три члена, которые образовали так называемую «Группу инициаторов» и обратились: 1. к заграничному отделу организации «Искры», 2. к революционной организации «Социал-демократ»[91] и 3. к «Союзу» — с предложением посредничества в ведении переговоров о примирении. Первые две организации сразу ответили согласием, *третья — отказом.* Правда, когда один оратор изложил эти факты на «объединительном» съезде прошлого года, член администрации «Союза» заявил, что их отказ был вызван *исключительно* тем, что «Союз» был недоволен составом группы инициаторов. Считая своим долгом привести это объяснение, я не могу, однако, не заметить с своей стороны, что считаю его неудовлетворительным: зная о согласии двух организаций на переговоры, «Союз» мог обратиться к ним и через другого посредника или непосредственно.

Весной 1901 г. с прямой полемикой против «Р. Дела» выступила и «Заря» (№ 1, апрель) и «Искра» (№ 4, май)*. Последняя особенно напала на «Исторический поворот» «Р. Дела», которое в своем *апрельском* листке, следовательно, уже после весенних событий, проявило неустойчивость по отношению к увлечению террором и «кровавыми» призывами. Несмотря на эту полемику, «Союз» ответил согласием на возобновление переговоров о примирении при посредстве новой группы «примирителей»[92]. Предварительная конференция из представителей от трех вышеназванных организаций состоялась в июне и выработала проект договора на базисе подробнейшего «принципиального соглашения», напечатанного «Союзом» в брошюре «Два съезда» и Лигой в брошюре «Документы «объединительного» съезда».

Содержание этого принципиального соглашения (или резолюций июньской конференции, как его чаще называют) показывает с полнейшей ясностью, что мы ставили непременным условием соединения *самое решительное*

* См. Сочинения, 5 изд., том 5, стр. 1 — 13. *Ред.*

отрицание всех и всяких проявлений оппортунизма вообще и русского оппортунизма в частности. «Мы отвергаем, — гласит 1 п., — всякие попытки внесения оппортунизма в классовую борьбу пролетариата, — попытки, выразившиеся в так называемом «экономизме», бернштейнианстве, мильеранизме и т. п.». «В круг деятельности социал-демократии входит... идейная борьба со всеми противниками революционного марксизма» (4, c); «Во всех сферах организационно-агитационной деятельности социал-демократия не должна ни на минуту упускать из виду ближайшую задачу русского пролетариата — низвержение самодержавия» (5, a); ... «агитация не только на почве повседневной борьбы наемного труда с капиталом» (5, b); ... «не признавая... стадию чисто экономической борьбы и борьбы за частные политические требования» (5, c); ... «считаем важной для движения критику течений, возводящих в принцип... элементарность... и узость низших форм движения» (5, d). Даже совершенно посторонний человек, сколько-нибудь внимательно прочитавший эти резолюции, увидит из самой уже их формулировки, что они направлены против людей, которые были оппортунистами и «экономистами», которые забывали хотя на минуту о задаче низвержения самодержавия, которые признавали теорию стадий, возводили в принцип узость и пр. И кто хотя сколько-нибудь знаком с полемикой против «Р. Дела» группы «Осв. труда», «Зари» и «Искры», тот ни на минуту не усомнится в том, что эти резолюции отвергают пункт за пунктом именно те заблуждения, в которые впадало «Раб. Дело». Поэтому когда на «объединительном» съезде один из членов «Союза» заявил, что статьи в № 10 «Р. Дела» вызваны не новым «историческим поворотом» «Союза», а чрезмерной «абстрактностью»* резолюций, — то один оратор имел полное право посмеяться над этим. Резолюции не только не абстрактны — ответил он — а невероятно конкретны: одного взгляда на них достаточно, чтобы видеть, что тут «кого-то ловили».

* Утверждение это повторено в «Двух съездах», стр. 25.

Это последнее выражение подало повод к характерному эпизоду на съезде. С одной стороны, Б. Кричевский ухватился за слово «ловили», решив, что это — обмолвка, выдающая дурной умысел с нашей стороны («подставить ловушку»), и патетически воскликнул: «Кого же именно, кого тут ловили?». — «Вот, в самом деле, кого?» — иронически спросил Плеханов. — «Я помогу недогадливости товарища Плеханова, — отвечал Б. Кричевский, — я объясню ему, что тут ловили *редакцию «Рабочего Дела»* (общий хохот). Но мы не дали себя поймать!» (замечания слева: тем хуже для вас!). — С другой стороны, член группы «Борьба» (группы примирителей), говоря против поправок «Союза» к резолюциям и желая защищать нашего оратора, заявил, что выражение «ловили», очевидно, нечаянно сорвалось в пылу полемики.

Что касается меня, то я думаю, что от такой «защиты» не поздоровится оратору, употребившему разбираемое выражение. Я думаю, что слова «кого-то ловили» «в шутку сказаны, да всерьез задуманы»: мы всегда обвиняли «Р. Дело» в неустойчивости, в шатаниях, и потому, естественно, *должны были* постараться *поймать* его, чтобы сделать впредь шатания невозможными. О дурном умысле не могло тут быть и речи, ибо дело шло о принципиальной неустойчивости. И мы сумели «поймать» «Союз» настолько по-товарищески*, что июньские резолюции подписал сам Б. Кричевский и еще один член администрации «Союза».

Статьи в № 10 «Р. Дела» (наши товарищи увидели этот номер только тогда, когда приехали на съезд, за несколько дней до начала заседаний) ясно показали, что с лета по осень в «Союзе» произошел новый поворот:

* Именно: мы сказали во вступлении к июньским резолюциям, что русская социал-демократия в целом всегда стояла на почве принципов группы «Осв. тр.» и что заслугой «Союза» была в особенности его издательская и организационная деятельность. Другими словами, мы выражали полную готовность предать забвению все прошлое и признать полезность (для дела) работы наших товарищей из «Союза» *под условием* того полного прекращения шатаний, которые мы преследовали «уловлением». Всякий беспристрастный человек, прочитав июньские резолюции, именно так только и поймет их. Если же «Союз» теперь, после того как он *вызвал* разрыв своим новым поворотом к «экономизму» (в статьях № 10 и в поправках), обвиняет нас торжественно в *неправде* («Два съезда», с. 30) за эти слова о его заслугах, то такое обвинение способно вызвать, конечно, только улыбку.

«экономисты» опять взяли верх, и редакция, послушная всякому «веянию», принялась опять защищать «самых отъявленных бернштейнианцев» и «свободу критики», защищать «стихийность» и проповедовать устами Мартынова «теорию сужения» сферы нашего политического воздействия (в видах, будто бы, осложнения самого воздействия). Еще раз подтвердилось меткое замечание Парвуса, что оппортуниста трудно поймать какой бы то ни было формулой: он легко подпишет *всякую* формулу и легко отступит от нее, так как оппортунизм состоит именно в отсутствии сколько-нибудь определенных и твердых принципов. Сегодня оппортунисты отвергли *всякие* попытки внесения оппортунизма, отвергли *всякую* узость, обещали торжественно «ни на минуту не забывать о низвержении самодержавия», вести «агитацию не только на почве повседневной борьбы наемного труда с капиталом» и пр. и пр. А завтра они меняют способ выражения и принимаются за старое под видом защиты стихийности, поступательного хода серой, текущей борьбы, превознесения требований, сулящих осязательные результаты, и т. п. Продолжая утверждать, что в статьях № 10 ««Союз» не видел и не видит никакого еретического отступления от общих принципов проекта конференции» («Два съезда», с. 26), «Союз» обнаруживает этим только полную неспособность или нежелание понять суть разногласий.

После № 10 «Р. Д.» нам оставалось сделать только одну попытку: начать общую дискуссию, чтобы убедиться, солидарен ли весь «Союз» с этими статьями и с своей редакцией. «Союз» особенно недоволен нами за это, обвиняя нас в попытке посеять рознь в «Союзе», в вмешательстве не в свое дело и проч. Обвинения явно неосновательные, ибо при выборной редакции, «поворачивающей» при самом легком ветерке, все зависит именно от направления ветра, и мы определяли это направление в закрытых заседаниях, на которых, кроме членов собравшихся объединяться организаций, никого не было. Внесение от имени «Союза» поправок к июньским резолюциям отняло у нас и последнюю тень надежды на соглашение. Поправки документально

засвидетельствовали новый поворот к «экономизму» и солидарность большинства «Союза» с № 10 «Р. Д.». Из круга проявлений оппортунизма вычеркивался «так называемый экономизм» (ввиду якобы «неопределенности смысла» этих трех слов, — хотя из такой мотивировки вытекает лишь необходимость более точно определить сущность широко распространенного заблуждения), вычеркивался и «мильеранизм» (хотя Б. Кричевский защищал его и в «Р. Д.» № 2—3, стр. 83—84 и еще прямее в «Vorwärts'e»*). Несмотря на то, что июньские резолюции определенно указали задачу социал-демократии — «руководить *всякими* проявлениями борьбы пролетариата против *всех* форм политического, *экономического* и социального угнетения», требуя тем самым внесения планомерности и единства во все эти проявления борьбы, — «Союз» добавлял еще совершенно лишние слова, что «экономическая борьба является могучим стимулом массового движения» (сами по себе эти слова бесспорны, но, при существовании узкого «экономизма», они не могли не дать повода к лжетолкованиям). Мало того, в июньские резолюции вносилось даже прямое *сужение* «политики» как посредством удаления слов «ни на минуту» (не забывать о дели низвержения самодержавия), так и посредством добавления слов, что «экономическая борьба есть *наиболее широко* применимое средство для вовлечения массы в активную политическую борьбу». Понятно, что после внесения таких поправок все ораторы нашей стороны стали один за другим отказываться от слова, находя совершенно бесполезным дальнейшие переговоры с людьми, опять поворачивающими к «экономизму» и обеспечивающими себе свободу шатания.

«Именно то, что «Союз» считал условием sine qua non** прочности будущего соглашения, т. е. сохранения самостоятельной физиономии «Р. Д.» и его автономии, — именно это «Искра» считала камнем преткновения для

* В «Vorwärts'e» началась полемика по этому поводу между теперешней редакцией его, Каутским и «Зарей». Мы не преминем познакомить русских читателей с этой полемикой[93].

** — абсолютно необходимым. *Ред.*

соглашения» («Два съезда», стр. 25). Это очень неточно. На автономию «Р. Дела» мы никогда не посягали*. Самостоятельность его физиономии мы действительно *безусловно отвергали,* если понимать под этим «самостоятельную физиономию» в принципиальных вопросах теории и тактики: июньские резолюции именно и содержат в себе безусловное отрицание *такой* самостоятельности физиономии, ибо эта «самостоятельность физиономии» на практике всегда означала, повторяем, всяческие шатания и поддержку этими шатаниями господствующего у нас и невыносимого в партийном отношении разброда. Статьями в № 10 и «поправками» «Рабочее Дело» ясно показало свое желание сохранить за собою именно эту самостоятельность физиономии, а такое желание естественно и неизбежно повело к разрыву и объявлению войны. Но мы все готовы были признать «самостоятельную физиономию» «Р. Д.» в смысле сосредоточения его на определенных литературных функциях. Правильное распределение этих функций напрашивалось само собою: 1. научный журнал, 2. политическая газета и 3. популярные сборники и популярные брошюры. Только согласие «Р. Д.» на такое распределение доказало бы *искреннее* желание его свести окончательно счеты с теми заблуждениями, против которых направлены июньские резолюции, только такое распределение устранило бы всякую возможность трений и обеспечило на самом деле прочность соглашения, послужив в то же время базисом для нового подъема нашего движения и новых успехов его.

Теперь ни один русский социал-демократ не может уже сомневаться в том, что окончательный разрыв революционного направления с оппортунистическим вызван не «организационными» какими-либо обстоятельствами, а именно желанием оппортунистов упрочить самостоятельную физиономию оппортунизма и продолжать вносить в умы путаницу рассуждениями Кричевских и Мартыновых.

* Если не считать стеснением автономии те редакционные совещания в связи с учреждением общего верховного совета объединенных организаций, на которые согласилось в июне и «Раб. Дело».

ПОПРАВКА К «ЧТО ДЕЛАТЬ?» [94]

«Группа инициаторов», о которой я рассказываю в брошюре «Что делать?», стр. 141[*], просит меня сделать следующую поправку к изложению ее участия в попытке примирения заграничных социал-демократических организаций: «Из трех членов этой группы только один вышел из «Союза» в конце 1900 года, остальные же — в 1901 году, лишь после того, как они убедились в невозможности добиться от «Союза» согласия на конференцию с заграничной организацией «Искры» и «Революционной организацией Социал-демократ», — в чем и состояло предложение «Группы инициаторов». Это предложение администрация «Союза» сначала отвергла, мотивируя свой отказ от конференции «некомпетентностью» лиц, входящих в состав посреднической «Группы инициаторов», причем выразила желание войти в непосредственные сношения с заграничной организацией «Искры». Вскоре, однако, администрация «Союза» известила «Группу инициаторов», что она после появления первого номера «Искры», в котором напечатана заметка о расколе в «Союзе», изменила свое решение и не желает входить в сношения с «Искрой». Как объяснить после этого заявление члена администрации «Союза», что отказ «Союза» от конференции был вызван *исключительно* недовольством последнего составом «Группы инициаторов»? Правда, непонятно также

[*] См. настоящий том, стр. 185. *Ред.*

согласие администрации «Союза» на конференцию в июне прошлого года: ведь заметка в первом номере «Искры» осталась в силе, а «отрицательное» отношение «Искры» к «Союзу» еще яснее выступило в первой книжке «Зари» и 4-ом номере «Искры», появившихся до июньской конференции».

Н. Ленин

«Искра» № 19, 1 апреля 1902 г.

Печатается по тексту газеты «Искра»

МАТЕРИАЛЫ К ВЫРАБОТКЕ ПРОГРАММЫ РСДРП [95]

Написано в январе — апреле 1902 г.

Впервые напечатано в 1924 г. в Ленинском сборнике II

Печатается по рукописи

ЗАМЕЧАНИЯ НА ПЕРВЫЙ ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ ПЛЕХАНОВА

ТЕКСТ ПЛЕХАНОВА	**ЗАМЕЧАНИЯ ЛЕНИНА**
I. Главную экономическую особенность современного общества составляет господство в нем *капиталистических производственных отношений,*	Страница 1: № 1 — Капитализм не «особенность» современного общества, а его экономический *строй, уклад* и т. п.
т. е. принадлежность средств производства и обращения товаров очень небольшому по своей численности классу *капиталистов,*	№ 2 — Средства производства принадлежат не только капиталистам, но и землевладельцам и мелким производителям.
между тем как большинство населения состоит из *пролетариев,*	№ 3 — Пролетариат не большинство населения во многих странах.
не имеющих ничего, кроме своей рабочей силы, и не могущих существовать иначе, как путем ее продажи.	№ 4 — Пролетариат имеет некоторые предметы потребления (а частью и средства производства).
Вследствие этого оно попадает в зависимое положение *наемников,* создающих своим трудом *доход капиталистов.*	Страница 2. № 5. + землевладельцев.
II. *Область господства капиталистических производственных отношений все более расширяется* по мере того как непрерывное усовершенствование техники	К странице 2. Не усовершенствование техники, а частная собственность экспроприирует и verelendet* мелкого производителя.

* — ведет к обнищанию. *Ред.*

увеличивает хозяйственное значение крупных предприятий и тем

№ 6 — «и тем»?? Сам по себе рост техники не может *увеличить* хозяйственное значение крупных предприятий. Рост техники (+ ряд экономических преобразований вроде условий сбыта etc.) ведет к вытеснению мелкого производства — крупным.

уменьшает число мелких самостоятельных производителей, суживает их роль в экономической жизни общества,

№ 6—7: Капитализм не всегда *«уменьшает число* мелких производителей» (относительное, а не обязательно абсолютное, особенно в России).

[Экспроприирует и ведет к его принижению, обнищанию... капитализм — мелкого производителя.]

№ 7 — Суживает роль мелких = увеличивает хозяйственное значение крупных (одно и то же).

а местами и прямо обращает их в вассалов и данников крупных предпринимателей.

№ 8 — «прямо» — вычеркнуть. Процесс отделения производителя от средств производства не указан.

III. Капиталистические отношения производства *всесильнее и сильнее давят на рабочий класс,* по мере того как технический прогресс, увеличивая производительность труда, не только дает капиталистам материальную *возможность* повышать уровень эксплуатации рабочих, но и превращает эту возможность в *действительность,* причиняя относительное уменьшение *спроса* на рабочую

Страница 3 первоначального проекта.

№ 9. + и на мелких производителей

[крестьяне вообще должны быть особо упомянуты].

№ 10 — вызывая или порождая.

силу одновременно с относительным и абсолютным ростом ее *предложения.*

Страница 3 — выражена весьма непопулярно, абстрактно. Гораздо лучше в Эрфуртской программе[96] «... растет армия избыточных рабочих», — «растет необеспеченность существования».

IV. Развитие производительности труда не только не повышает *цены рабочей силы,* но, напротив, очень часто является непосредственной причиной ее *понижения.*

Страница 4 — «цена рабочей силы» очень часто <[*] (тоже очень абстрактно выражено; = рост эксплуатации, гнета, нищеты, принижения).

Таким образом, технический прогресс, означающий увеличение *общественного богатства,* вызывает в капиталистическом обществе *рост общественного неравенства, увеличение расстояния между имущими и неимущими, усиление экономической зависимости рабочих от капиталистов.*

«Таким образом» вызывает рост неравенства. Выходит, будто рост неравенства порождается *только* ростом (повышением) *эксплуатации* наемного рабочего, тогда как он порождается 1) экспроприацией мелкого производителя + 2) обнищанием мелкого производителя + 3) ростом эксплуатации + 4) ростом резервной армии.

V. При таком положении дел в капиталистическом обществе и при постоянно растущем взаимном соперничестве капиталистических стран на всемирном рынке, *сбыт* товаров по необходимости отстает от их *производства,* а это периодически причиняет более или менее острые *промышленные кризисы,* сопровождаемые более или менее продолжительными

Страница 5.

Нужно ли в программе указывать *причины* кризисов?

Если да, то недостаток тот, что указаны 2 причины: 1) рост общественного неравенства («при таком положении дел», с. 4) + 2) рост соперничества.

---

[*] — понижается. *Ред.*

периодами промышленного застоя, еще более

Не указана основная причина кризисов = Planlosigkeit*, частное присвоение при общественном производстве.

уменьшающими число и экономическое значение мелких производителей,

Страницы 5—6: уменьшение *«экономического значения»* мелких производителей — слишком абстрактный термин.
Экспроприирует (= уменьшает число?) и verelendet.

еще более увеличивающими зависимость наемного труда от капитала

Страница 6 — наемного *«труда»?* Не лучше ли *рабочих?*

и еще быстрее ведущими к *относительному,* а местами и к *абсолютному ухудшению положения пролетариата* и мелких производителей.

Страница 6 — последствия кризиса — *относительное и абсолютное ухудшение положения.* Не лучше ли указать прямо: безработица, нищета рабочих и мелких производителей.

VI. Но в то же самое время, как растут и развиваются эти неизбежные противоречия капитализма, растет также и недовольство рабочего класса существующим порядком вещей, обостряется его борьба с классом капиталистов, и в его среде все шире и все быстрее распространяется сознание того,

Страница 7 — вместо «недовольство» — *возмущение.*

Страница 7 — распространение сознания (γ) поставлено *наряду* с ростом возмущения (α) и обострения борьбы (β). Но
α и β — стихийно, а
γ — должны вносить *мы.*

* — отсутствие планомерности. *Ред.*

что только своими собственными усилиями может он свергнуть лежащее на его плечах иго экономической зависимости и что для свержения этого ига необходима *социальная революция,*

Страница 7 — «только своими собственными усилиями».

Лучше выразиться общее: *может быть только делом рабочего класса* и т. п.

т. е. *уничтожение* капиталистических производственных отношений, экспроприация эксплуататоров, переход средств производства и обращения продуктов в *общественную собственность.*

Страницы 7—8. 1) уничтожение капиталистических производственных отношений? — *З а м е н а*[*] товарного производства социалистическим[**],

2) экспроприация эксплуататоров,
3) переход средств производства в *общественную собственность*
} ? превращение частной собственности в общественную.

VII. Эта революция пролетариата будет освобождением всего угнетенного и страдающего теперь человечества, так как она положит конец всем видам притеснения и эксплуатации человека человеком.

VIII. Чтобы заменить капиталистическое производство *товаров* социалистической организацией производства *продуктов* для удовлетворения нужд общества и для обеспечения благосостояния всех его членов, чтобы совершить свою революцию, пролетариат должен иметь в своих руках *политическую власть,*

Страница 9 — «для удовлетворения нужд общества» ((неясно)) «и обеспечения благосостояния всех его членов».

Этого мало: (сравни Эрфуртскую программу «высшее благосостояние и всестороннее гармоническое усовершенствование»).

[*] Как и сказано, страница 8—9.

[**] Надо пояснить, какое это социалистическое производство.

которая сделает его господином положения и позволит ему беспощадно раздавить все те препятствия, которые встретятся ему на пути к его великой цели. В этом смысле *диктатура пролетариата* составляет необходимое *политическое*
условие *социальной* революции.

Страница 9 — «господин положения», «беспощадно раздавить», «диктатура»??? (Довольно с нас социальной революции.)

IX. Но развитие международного обмена и всемирного рынка установило такую тесную связь между всеми народами цивилизованного мира, что эта великая цель может быть достигнута лишь путем соединенных усилий пролетариев всех стран. Поэтому современное рабочее движение должно было стать и давно уже стало *международным.*

Страница 10 — nil*.

X. Русская социал-демократия смотрит на себя как на один из отрядов всемирной армии пролетариата, как на *часть международной социал-демократии.*

XI. Она преследует ту же *конечную цель,* какую ставят себе социал-демократы всех других стран.

Страница 11 — «ту же Endziel**». К чему повторение?

Она обнаруживает перед рабочими непримиримую противоположность их интересов с интересами капиталистов, выясняет им историческое значение, характер и условия той социальной революции, которую предстоит совершить пролетариату, и организует их силы для непрерывной борьбы с их эксплуататорами.

Страница 11 — «та же Endziel» — и тут же рядом *з а д а ч а* (как бы не смешали?) социал-демократической партии:

1) Обнаруживать *перед* (?) рабочими непримиримую противоположность их интересов и интересов капиталистов.

2) Выяснять им значение, характер и условия

* — nihil — ничего. *Ред.*

** — конечную цель. *Ред.*

социальной революции [+ необходимость революции?].

У немцев сильнее: weisen naturnotwendiges Ziel*.

3) Организовывать их силы для непрерывной борьбы с *их эксплуататорами (NB? + с правительством?) + ? руководить* борьбой пролетариата.

1) входит в 2).

1) — слишком узко.

Надо бы:
α) указать конечную цель,
β) создать организацию революционеров для *руководства* борьбой пролетариата.

XII. Но ее ближайшие цели значительно видоизменяются тем, что многочисленные у нас остатки докапиталистического — *крепостного* — общественного порядка страшным гнетом лежат на всем трудящемся населении и составляют самое сильное из всех препятствий, тормозящих успехи русского рабочего движения.

Страница 12 — «остатки крепостного порядка... страшным гнетом лежат на всем трудящемся населении»

+ задерживают развитие производительных сил
+ ухудшают жизненное положение
+ держат в темноте и придавленности весь народ

— самое сильное препятствие (= остатки)? (Что

* — указывать естественно необходимую цель. *Ред.*

есть эти остатки? Самодержавие + все прочее? Это *ниже* сказано.)

Русским социал-демократам приходится еще только добиваться таких юридических учреждений, которые, составляя естественное правовое дополнение к капиталистическим отношениям производства, уже существуют в передовых капиталистических странах

12—13 — необходимо добиваться *таких (?) юридических* учреждений, какие *уже (?) есть* в передовых странах.

[Надо назвать прямее. Непопулярно.]

и необходимы для *полного и всестороннего* развития классовой борьбы наемного труда с капиталом.

Страница 13 — наемного труда? — рабочих, борьбы рабочего класса с классом капиталистов за свое полное освобождение.

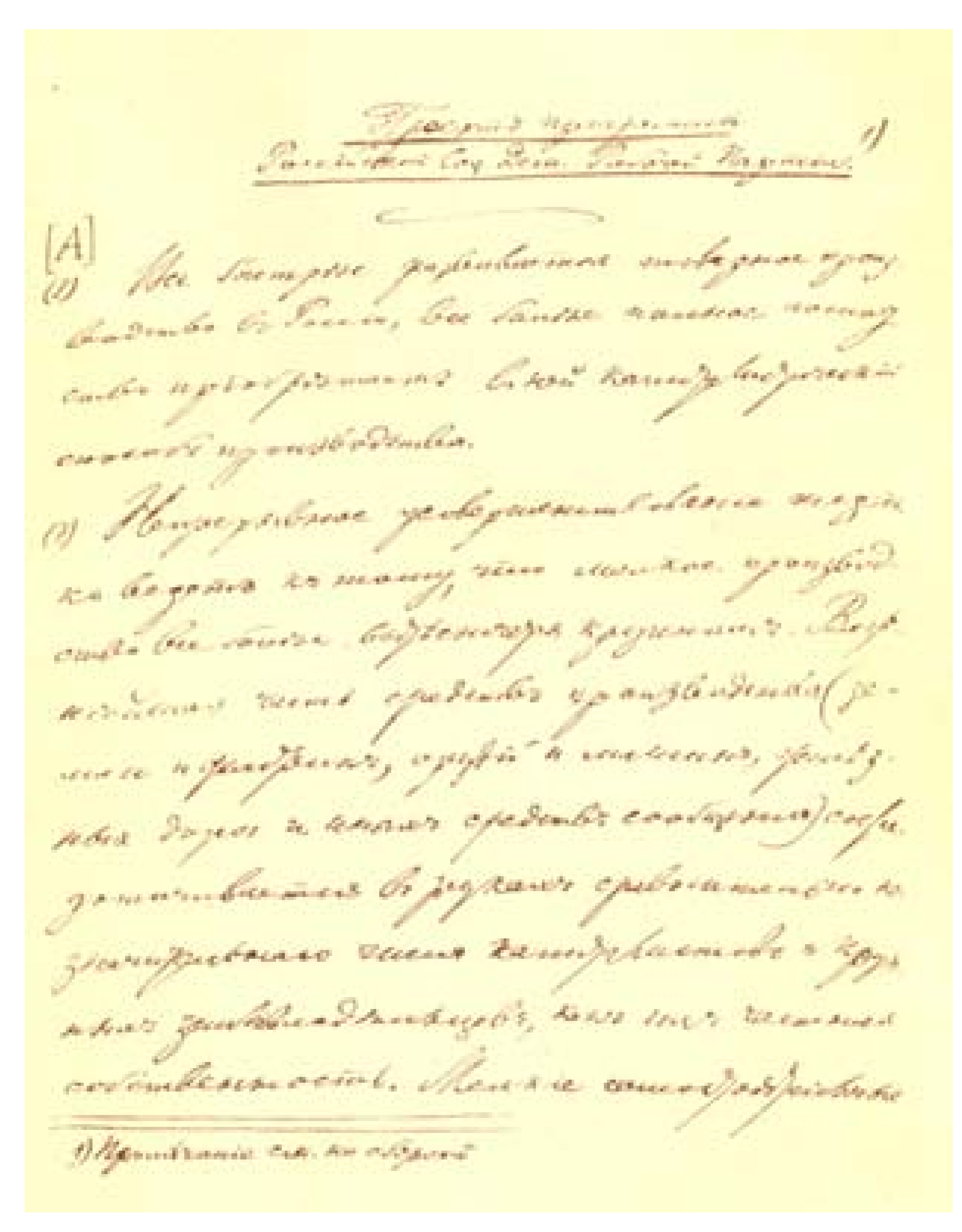
А так как царское самодержавие, которое представляет собою самый значительный и самый вредный для дальнейшего общественного развития остаток старого крепостного порядка, совершенно несовместимо с этими юридическими учреждениями, и так как оно, по самой своей природе, не может не быть злейшим и опаснейшим врагом освободительного движения пролетариев, то русские социал-демократы ставят своей ближайшей политической задачей низвержение *монархии* и замену ее *республикой* на основе демократической конституции...

Страница 13. Самодержавие несовместимо с этими юридическими учреждениями

(с политической свободой??).

Страница 14. Так как *самодержавие* несовместимо — низвержение *монархии* ((несоответствие)).

Написано не позднее 8 (21) января 1902 г.

Первая страница рукописи В. И. Ленина
«Проект программы Российской Соц.-Дем. Рабочей Партии». — 1902 г.

Уменьшено

ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ*

[A]

I. Все быстрее развивается товарное производство в России, все более полное господство приобретает в ней капиталистический способ производства.

II. Непрерывное усовершенствование техники ведет к тому, что мелкое производство все более вытесняется крупным. Важнейшая часть средств производства (земли и фабрик, орудий и машин, железных дорог и иных средств сообщения) сосредоточивается в руках сравнительно незначительного числа капиталистов и крупных землевладельцев, как их частная собственность. Мелкие самостоятельные производители (крестьяне, кустари, ремесленники) все более разоряются, теряя средства производства и превращаясь таким образом в пролетариев, или же становясь слугами и данниками капитала. Все большее число работников вынуждается прибегать к продаже своей рабочей силы, становиться наемными рабочими, которые находятся в зависимости от собственников, создавая своим трудом их богатства.

III. Чем дальше идет вперед технический прогресс, тем больше отстает увеличение спроса на рабочую силу от увеличения ее предложения, тем больше возможности

* Принципиальная часть этого проекта представляет из себя проект, предлагаемый одним членом редакции, Фреем (и составленный им на основании первоначального проекта Г. В—ча). Практическая же часть (с указанного ниже места и до конца) предлагается всей комиссией, т. е. пятью членами редакции.

имеют капиталисты повышать уровень эксплуатации рабочих. Необеспеченность существования и безработица, гнет эксплуатации и всяческое унижение становятся уделом все более и более широких слоев трудящегося населения.

IV. Еще более обостряют этот процесс промышленные кризисы, которые неизбежно вызываются основными противоречиями капитализма. Бедность и нищета масс совмещается с расточением общественного богатства вследствие невозможности найти сбыт для произведенных товаров.

V. Таким образом, гигантское развитие производительных сил общественного и все более обобществляемого труда сопровождается тем, что все главные выгоды этого развития монополизирует ничтожное меньшинство населения. Наряду с ростом общественного богатства растет общественное неравенство, углубляется и расширяется пропасть между классом собственников (буржуазией) и классом пролетариата.

[Б]

VI. Но в то же самое время, как растут и развиваются все эти неизбежные противоречия капитализма, растет число и сплоченность, недовольство и возмущение пролетариев, обостряется борьба рабочего класса с классом капиталистов, растет стремление освободиться от невыносимого ига капитализма.

VII. Освобождение рабочего класса может быть делом только самого рабочего класса. Все остальные классы современного общества стоят за сохранение основ существующего экономического строя. Для действительного освобождения рабочего класса необходима подготовляемая всем развитием капитализма социальная революция, т. е. уничтожение частной собственности на средства производства, переход их в общественную собственность и замена капиталистического производства товаров социалистической организацией производства продуктов за счет всего общества, для обеспечения полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех его членов.

VIII. Эта революция пролетариата совершенно уничтожит деление общества на классы, ä следовательно, и всякое социальное и политическое неравенство, вытекающее из этого деления.

IX. Чтобы совершить эту социальную революцию, пролетариат должен завоевать политическую власть, которая сделает его господином положения и позволит ему устранить все препятствия, стоящие на пути к его великой цели. В этом смысле диктатура пролетариата составляет необходимое политическое условие социальной революции.

X. Русская социал-демократия ставит своей задачей — обнаруживать перед рабочими непримиримую противоположность их интересов интересам капиталистов, — выяснять пролетариату историческое значение, характер и условия той социальной революции, которую предстоит ему совершить, — организовывать революционную классовую партию, способную руководить всеми проявлениями борьбы пролетариата.

XI. Но развитие международного обмена и производства на всемирный рынок создало такую тесную связь между всеми народами цивилизованного мира, что современное рабочее движение должно было стать и давно уже стало международным. И русская социал-демократия смотрит на себя как на один из отрядов всемирной армии пролетариата, как на часть международной социал-демократии.

XII. Ближайшие цели русской социал-демократии значительно видоизменяются, однако, тем, что многочисленные у нас остатки докапиталистического, крепостного, общественного порядка задерживают в сильнейшей степени развитие производительных сил, делают невозможным полное и всестороннее развитие классовой борьбы пролетариата, принижают жизненный уровень трудящегося населения, обусловливают азиатски-варварские формы вымирания многомиллионного крестьянства, держат в темноте, бесправии и придавленности весь народ.

XIII. Самый значительный из этих остатков крепостного порядка, самый могучий оплот всего этого

варварства есть царское самодержавие. Оно является самым злейшим и опаснейшим врагом освободительного движения пролетариата и культурного развития всего народа.

[В]

Поэтому* Российская социал-демократическая рабочая партия ставит своей ближайшей политической задачей низвержение царского самодержавия и замену его *республикой* на основе демократической конституции, обеспечивающей:

1) самодержавие народа, т. е. сосредоточение всей верховной государственной власти в руках законодательного собрания, составленного из представителей народа;

2) всеобщее, равное и прямое избирательное право при выборах как в законодательное собрание, так и во все местные органы самоуправления для всякого гражданина, достигшего 21 года; тайную подачу голосов при всех выборах; право каждого избирателя быть избранным во все представительные собрания; жалованье народным представителям;

3) неприкосновенность личности и жилища граждан;

4) неограниченную свободу совести, слова, печати, собраний, стачек и союзов;

5) свободу передвижения и промыслов;

6) уничтожение сословий и полную равноправность всех граждан, независимо от пола, религии и расы;

7) признание права на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства;

8) предоставление каждому гражданину права преследовать всякого чиновника перед судом без жалобы по начальству;

9) замену постоянного войска всеобщим вооружением народа;

10) отделение церкви от государства и школы от церкви;

* Начиная отсюда — принято всей комиссией.

11) всеобщее даровое и обязательное до 16 лет образование; снабжение бедных детей пищей, одеждой и учебными пособиями за счет государства.

[Г]

В интересах ограждения рабочего класса и повышения его боевой способности* Российская социал-демократическая рабочая партия требует:

1) ограничения рабочего дня восемью часами в сутки для всех наемных рабочих;

2) установления законом еженедельного отдыха, продолжающегося непрерывно не менее 36 часов, для наемных рабочих обоего пола во всех отраслях народного хозяйства;

3) полного запрещения сверхурочных работ;

4) воспрещения ночного труда (от 9 час. вечера до 5 час. утра) во всех отраслях народного хозяйства, за исключением тех, где он безусловно необходим по техническим соображениям;

5) воспрещения предпринимателям пользоваться наемным трудом детей до 15-летнего возраста;

6) воспрещения женского труда в тех отраслях, где он вреден специально для женского организма;

7) установления законом гражданской ответственности нанимателей за полную или частичную потерю рабочими способности к труду, — потерю, происшедшую вследствие несчастных случаев или вредных условий производства; освобождения рабочего от обязательства доказывать, что указанная потеря произошла по вине нанимателя;

8) запрещения выдачи заработной платы товарами**;

---

* Предложение Фрея: изменить начало этого абзаца таким образом: «В интересах охраны рабочего класса от физического и нравственного вырождения, а также в интересах повышения его способности к борьбе за свое освобождение...».

** Предложение Фрея:

Вставить сюда (в этот же пункт): «установления законом еженедельного срока расплаты по всем договорам о найме рабочих».

9) выдачи государственных пенсий престарелым рабочим, лишившимся способности к труду;

10) увеличения числа фабричных инспекторов; назначения инспектрис в тех отраслях, где преобладает женский труд; учреждения надзора за исполнением фабричных законов чрез посредство выбранных рабочими и оплачиваемых государством представителей, а также надзора выборных от рабочих за составлением расценков и браковкой товаров;

11) учреждения надзора органов местного самоуправления с участием выборных от рабочих за санитарным состоянием жилых помещений, отводимых рабочим предпринимателями, равно как за внутренним распорядком этих помещений и за условиями сдачи — в целях ограждения наемных рабочих от вмешательства предпринимателей в жизнь и деятельность их, как частных лиц и граждан;

12) учреждения правильно организованного всестороннего санитарного надзора за условиями труда во всех предприятиях, употребляющих наемный труд;

13) распространения надзора фабричной инспекции на ремесленную, домашнюю и кустарную промышленность и на казенные предприятия;

14) установления уголовной ответственности за нарушение законов об охране труда;

15) запрещения предпринимателям производить денежные вычеты из заработной платы по какому бы поводу и для какого бы назначения они ни делались (штрафы, браковка и проч.);

16) учреждения промысловых судов во всех отраслях народного хозяйства из представителей от рабочих и предпринимателей поровну.

[Д]

Кроме того, в целях демократизации русского государственного хозяйства Российская социал-демократическая рабочая партия требует: отмены всех косвенных налогов и установления прогрессивно-подоходного налога.

В целях же устранения остатков старого крепостного порядка она будет добиваться*:

1) отмены выкупных и оброчных платежей, а также всяких повинностей, падающих в настоящее время на крестьянство, как на податное сословие;

2) отмены круговой поруки и всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его землей;

3) возвращения народу взятых с него в форме выкупных и оброчных платежей денежных сумм; конфискации с этой целью монастырских имуществ и удельных имений, а равно обложения особым налогом земель крупных дворян-землевладельцев, воспользовавшихся выкупной ссудой; обращения сумм, добытых этим путем, в особый народный фонд для культурных и благотворительных нужд сельских обществ;

4) учреждения крестьянских комитетов:

а) для возвращения сельским обществам (посредством экспроприации или — в том случае, если земли переходили из рук в руки, — выкупа и т. п.) тех земель, которые отрезаны у крестьян при уничтожении крепостного права и служат в руках помещиков орудием для их закабаления;

б) для устранения остатков крепостного строя, уцелевших на Урале, на Алтае, в Западном крае и в других областях государства;

5) предоставления судам права понижать непомерно высокие арендные платы и объявлять недействительными сделки, имеющие кабальный характер.

[Е]

Стремясь к достижению ближайших своих политических и экономических целей**, Российская социал-

---

* Предложение Фрея:

Вставить сюда слова: «и в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне»,

так чтобы весь абзац гласил:

«В целях же устранения остатков старого крепостного порядка и в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне, Российская социал-демократическая рабочая партия будет добиваться:».

** Предложение Фрея: изменить начало абзаца таким образом:

«Борясь за указанные требования, Российская социал-демократическая рабочая партия» и т. д.

демократическая рабочая партия поддерживает всякое оппозиционное и революционное движение, направленное против существующего в России общественного и политического порядка, решительно отвергая все те реформаторские проекты, в которых каждое расширение полицейской опеки над трудящимися массами изображают, как шаг к решению социального вопроса*.

С своей стороны, Российская социал-демократическая рабочая партия твердо убеждена в том, что полное, последовательное и прочное осуществление указанных политических и социальных преобразований достижимо лишь путем низвержения самодержавия и созыва учредительного собрания, свободно избранного всем народом.

Написано между 25 января и 18 февраля (7 февраля и 3 марта) 1902 г.

---

* Предложение Фрея: изменить конец этого абзаца таким образом: «... проекты, которые связаны с каким бы то ни было расширением или упрочением полицейско-чиновничьей опеки над трудящимися массами».

ТРИ ПОПРАВКИ К ПРОЕКТУ ПРОГРАММЫ

Три поправки

№ 1. В абзаце (А) II вместо слов: «Непрерывное усовершенствование техники ведет к тому, что мелкое производство все более вытесняется крупным»

поставить следующее предложение:

«Непрерывно идет вперед усовершенствование техники, все сильнее развивается крупное производство, все более вытесняется или приходит в упадок мелкое».

№ 2. В абзаце (Б) VII после слов: «Все остальные классы современного общества стоят за сохранение основ существующего экономического строя»

вставить слова:

«и мелкий производитель, гибнущий под гнетом капитализма, становится действительно революционным лишь постольку, поскольку он сознает безвыходность своего положения и переходит на точку зрения пролетариата»

а дальнейшее начать с новой красной строки.

№ 3. В абзаце (Б) XII вместо слов: «обусловливают азиатски-варварские формы вымирания многомиллионного крестьянства»

поставить слова:

«обусловливают азиатски-варварские формы эксплуатации и мучительное вымирание многомиллионного крестьянства».

*Написано не позднее
18 февраля (3 марта) 1902 г.*

ЗАМЕЧАНИЯ НА ВТОРОЙ ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ ПЛЕХАНОВА

Замечания на проект программы

Самым общим и основным недостатком, который делает этот проект неприемлемым, я считаю *весь тип* программы, именно: это не программа практически борющейся партии, а Prinzipienerklärung*, это скорее программа *для учащихся* (особенно в самом главном отделе, посвященном характеристике капитализма), и притом учащихся первого курса, на котором говорят о капитализме вообще, а еще не о русском капитализме. Этот основной недостаток вызывает также массу повторений, причем *программа* сбивается на *комментарий.* Постараюсь доказать это разбором пункта за пунктом и затем подвести общий итог.

«Развитие международного обмена» и т. д. до слов: «давно уже стало международным» (§1 — для удобства цитат я буду называть каждый абзац, т. е. начинающийся с красной строки passus, — параграфом, с нумерацией по порядку).

По существу ничего нельзя возразить. Только слова «великое освободительное движение нашего времени» излишни, ибо об освободительном характере рабочего движения много и конкретно говорится ниже.

Затем, абзац этот, по-моему, не на месте. Программа русской социал-демократической партии должна начинаться характеристикой (и обвинением) русского капитализма, — и затем уже подчеркнуть международный

* — декларация, провозглашение принципов. *Ред.*

Первая страница рукописи В. И. Ленина
с замечаниями на второй проект программы Плеханова. — 1902 г.
Уменьшено

характер движения, которое по форме своей — говоря словами «Коммунистического манифеста» — необходимо является сначала национальным[97].

§ II. *«Подобно социал-демократам всех других стран, русские социал-демократы стоят на международной почве.* Они смотрят на свою партию, как на один из отрядов всемирной армии пролетариата, как на часть международной социал-демократии».

Подчеркнутые мною слова излишни, ибо они не прибавляют ровно ничего к тому, что сказано перед этим и после этого. Эти излишние слова только ослабляют совершенно достаточное и рельефное выражение мысли в словах «отряд» и «часть».

§ III. «Они преследуют ту же конечную цель, как и социал-демократы всех других стран».

Тоже излишние слова, повторенные *два раза* ниже в §§ XIII («конечная цель всех усилий международной социал-демократии» и т. д.) и XVII («единство общей конечной цели»). «Отряд» армии потому и есть отряд, что преследует ту же цель.

§ IV. «Эта общая социал-демократам всех стран» (опять излишнее повторение) «конечная цель определяется характером и ходом развития буржуазного общества».

Тоже излишние слова, ибо дальше именно и показано, *как* характер и ход развития буржуазного общества «определяют» эту конечную цель. Этот параграф — что-то вроде заголовка, названия отдела. Но заголовки, необходимые в учебнике или в статье, совершенно не нужны в программе. Alles, was im Programm überflüssig, schwächt es* (Энгельс в замечаниях на проект Эрфуртской программы)[98].

§§ V и VI (а также начало VII) вызывают, помимо формальных замечаний, одно общее и основное возражение, направляющееся против всего типа программы, намечаемого проектом.

Я изложу сначала это общее возражение (для чего необходимо будет отчасти защищать контрпроект), а потом перейду к формальным замечаниям.

* — Все, что в программе лишнее, ослабляет ее. *Ред.*

§ V дает *дефиницию* «развитого» капитализма вообще; § VI говорит о «расширении» капиталистических производственных отношений по мере прогресса техники и роста крупных предприятий в ущерб мелким (или — на счет мелких), т. е. по мере вытеснения мелкого производства крупным.

Такой прием изложения нелогичен и неправилен.

Неправилен — потому, что борющийся пролетариат учится тому, что̀ такое капитализм, не из дефиниций (как учатся по учебникам), а из практического ознакомления с *противоречиями* капитализма, с *развитием* общества и его последствиями. И мы должны в своей программе *определить* это развитие, сказать — возможно короче и рельефнее, — что *дело идет так-то.* Всякие же объяснения того, почему это именно так, а не иначе, всякие подробности о формах проявления основных тенденций мы должны предоставить комментариям. Что̀ такое капитализм, — это уже само собою будет вытекать из нашей характеристики того, что дело обстоит (resp.*: идет) так-то.

Нелогичен — потому что процесс вытеснения мелкого производства крупным (§ VI) и процесс распадения общества на собственников и пролетариев (§ V) есть *один и тот же процесс.* А это не выражается формулировкой проекта. По проекту выходит так: *Первое положение.* Развитой капитализм состоит в том, что мелкое самостоятельное производство в значительнейшей своей части вытеснено крупным с наемными рабочими. *Второе положение.* Господство капитализма расширяется по мере вытеснения мелкого производства крупным...

Я думаю, что оба эти абзаца следовало бы слить, по указанной причине, в один и выразить в нем процесс таким образом: рост техники — вытеснение мелкого производства крупным — сосредоточение средств производства в руках капиталистов и землевладельцев — разорение мелких самостоятельных производителей: обращение их в пролетариев или в зависимых от капитала.

* — respective — или. *Ред.*

Против такой формулировки (попытка которой дана в контрпроекте) возражают:

(1) Она изображает дело так, будто разорение русского крестьянства (resp. образование крупной поземельной собственности в России и т. п.) зависит *только* от роста капитализма.

Возражение это мне кажется неосновательным. В соответствующем месте (именно в конце программы) совершенно ясно сказано, что у нас тьма остатков крепостного права и что эти остатки «варваризируют» процесс развития. Но раз мы считаем процесс развития капитализма *основным* процессом в общественно-экономической эволюции России, мы должны именно вначале охарактеризовать *этот* процесс и *его* противоречия и последствия. Только так мы можем рельефно выразить нашу мысль, что процесс развития капитализма, вытеснения мелкого производства, концентрации собственности и пр. идет и пойдет, *несмотря* на все остатки крепостного права и *через* все эти остатки.

(2) Говорят, что положение «мелкое производство все более вытесняется крупным» «слишком категорично», «шаблонно» и т. п.

Я должен объяснить поэтому, на основании каких соображений я считаю эту формулировку *не менее правильной* и *гораздо более удобной,* чем формулировку разбираемого проекта: «увеличение хозяйственного значения крупных предприятий, уменьшение относительного числа мелких, сужение их роли в общественно-экономической жизни страны».

С чисто теоретической стороны, обе эти формулировки *совершенно равнозначащи,* и всякие попытки конструировать между ними *различие по существу* совершенно произвольны*. «Увеличение значения крупных и сужение роли мелких» — это и есть *вытеснение.* Ни в чем ином вытеснение и не может состоять. И сложность, запутанность вопроса о вытеснении мелкого производства

* Кто не согласен с этим, тому мы предложили бы привести или даже придумать хотя один-единственный пример *такого* «увеличения хозяйственного значения крупных и сужения роли мелких предприятий», которое не *было бы* ясным для всех *вытеснением* последних первыми.

крупным зависит *вовсе не от того,* чтобы кто-либо мог (добросовестно мог) не понять, что вытеснение означает «увеличение значения крупных и сужение роли мелких», — а *всецело и исключительно* от того, что трудно согласиться о *выборе показателей и признаков* вытеснения, resp. увеличения значения, resp. сужения роли.

В самой общей форме процесс развития капитализма в этом отношении можно выразить так:

Исходный период.

Все производство = *100.*

Крупное = *a.* Мелкое = *100 — a.*

Следующий период.

Все производство = *200.*

Крупное = **2a** + **b**. Мелкое = 200 — **2a** — **b**.

Можно смело ручаться, что все и всякие данные о соотношении крупного и мелкого производства подойдут под эту схему. И ни единый человек, желающий понять процесс, не может усомниться, что это есть именно *вытеснение.* Будет ли *200 — 2a —* b*,* по своей величине, больше чем *100 — a* (относительное вытеснение) или меньше (абсолютное вытеснение), — *во всяком случае* это есть *вытеснение.* «Не понять» этого сможет только такой «критик», который не хочет понимать, — а на сих людей не наздравствуешься. Да и в комментарии против них прямые будут приняты меры.

Вся трудность вопроса состоит вовсе не в том, чтобы понять, что указанное видоизменение есть «вытеснение», а в том, *как именно* определить эти величины: *100, a* и т. д. А это есть конкретный вопрос, вопрос факта, и разрешение этого вопроса ни на йоту не подвигается от постановки слов: «увеличение значения и сужение роли».

Напр., вся европейская промышленная статистика определяет, *в громадном большинстве случаев,* это «значение» и эту «роль» *числом* рабочих (а аграрная — *количеством земли).* И никто еще не покушался усомниться, что *уменьшение доли* рабочих (resp. земли) есть именно *вытеснение.* Но все затруднение состоит в том, что *очень часто* такие признаки, как число рабочих (resp. количество земли), *недостаточны.* Возможно *вытеснение*

мелких предприятий и наряду с *увеличением* доли рабочих (земли) у них — если, напр., эти рабочие обрабатывают уже *чужой* материал, если эта земля обрабатывается худшим скотом, хуже содержимым работником, хуже обрабатывается, хуже удобряется и проч. и т. п. Всякий знает, что именно *такими* «недоразумениями» кишат «критические» доводы против «марксовой догмы», *а эти «недоразумения» ни на йоту не устраняются* заменой «вытеснения» «увеличением значения и сужением роли», ибо «общепринято» выражать «значение» и «роль» — числом рабочих и количеством земли просто-напросто.

Никто не усомнится в том, что именно *вытеснением* мелкого производства крупным являются (в области земледелия) такие процессы, как разложение крестьянства, развитие употребления машин в особенности у крупных хозяев, улучшение состава рабочего скота у крупных и ухудшение его (замена лошадей коровами и т. п.) у мелких, растущая «требовательность» наемника в крупном предприятии и удлинение рабочего дня, resp. сокращение потребления мелким крестьянином, улучшение ухода за землей и удобрения ее у крупного и ухудшение у мелкого хозяина, опережение последнего первым в области кредита и ассоциаций и т. п. и проч. Вовсе не трудно доказать (да нечего даже и доказывать), что все эти процессы означают «вытеснение», — трудно доказать, что *именно* на эти процессы надо обратить внимание, что эти процессы действительно *происходят.* Облегчению этой трудности ни капельку не служат слова «увеличение значения и сужение роли»: облегчить ее может *только* комментарий, *только* примеры того, как люди *не умеют определять* (не хотят определять) истинное выражение процесса вытеснения (= увеличение значения и сужение роли).

Это — чистейшая иллюзия, будто слова «увеличение значения и сужение роли» более глубоки, содержательны, широки, чем «узкое» и «шаблонное» слово «вытеснение». Ни самомалейшего углубления в понимании процесса эти слова не выражают, — они выражают только этот процесс *более туманно и более расплывчато.*

И я спорю так энергично против этих слов не за их теоретическую неверность, а именно за то, что они придают вид глубины *простой туманности.*

Человек, «учившийся в семинарии» и знающий, что вытеснением является уже уменьшение доли (а вовсе не непременно абсолютное уменьшение), увидит в этой туманности желание прикрыть наготу скомпрометированной критиками «марксовой догмы»*. Человек, в семинарии не учившийся, только вздохнет по поводу непостижимой «бездны премудрости», — тогда как слово «вытеснение» каждому мастеровому и каждому крестьянину приведет на мысль десятки и сотни знакомых ему примеров. Не беда, если он сразу далеко не поймет этого выражения во всей его широте: selbst wenn einmal ein Fremdwort oder ein nicht auf den ersten Blick in seiner ganzen Tragweite zu erfassender Satz vorkommt, schadet das nichts. Der mündliche Vortrag in den Versammlungen, die schriftliche Erklärung in der Presse tut da alles Nötige, und der kurze, prägnante Satz befestigt sich dann, einmal verstanden, im Gedächtniss, wird Schlagwort, und das passiert der breiteren Auseinandersetzung nie**. (Энгельс в критике Эрфуртского проекта)[99].

И с точки зрения стиля нежелательны эти слова «увеличения значения и сужение роли» вместо вытеснения. Это — не язык революционной партии, а язык «Русских Ведомостей». Это — не термин социалистической проповеди, а термин статистического сборника. Эти слова точно нарочно подобраны для того, чтобы читатель вынес впечатление, будто характеризуемый процесс есть процесс не резкий, не заканчивающийся

---

* Такое *толкование* туманности тем более неизбежно, чем шире известна определенная формулировка, напр., Эрфуртской программы: «... geht die Verdrängung der zersplitterten Kleinbetriebe durch kolossale Großbetriebe...» («...идет вытеснение распыленных мелких предприятий колоссальными крупными предприятиями...». *Ред.).*

** — не беда, если когда и встретится какое-либо иностранное слово или фраза, непонятная на первый взгляд во всей ее широте. Устный доклад на собраниях, письменное разъяснение в печати дадут все, что необходимо, и тогда краткая, выразительная фраза, раз понятая, запечатлеется в памяти, станет лозунгом, чего никогда не бывает с многословными рассуждениями. *Ред.*

ничем определенным, процесс безболезненный. А так как в действительности все это обстоит как раз наоборот, то *постольку* эти слова являются прямо неверными. Мы не можем и не должны выбирать *наиболее абстрактные* формулировки, ибо мы пишем не статью против критиков, а программу боевой партии, обращающейся к массе кустарей и крестьян. Обращаясь к ним, мы должны сказать klipp und klar*, что капитал «делает их слугами и данниками», «разоряет» их, «вытесняет» их в ряды пролетариата. Только такая формулировка будет верным изображением того, чему тысячи примеров знает каждый кустарь и каждый крестьянин. И только из такой формулировки будет вытекать *неизбежно* вывод: единственное спасение для вас — примкнуть к партии пролетариата.

Переходя к формальным замечаниям против § V и VI, я замечу следующее.

§ V говорит о буржуазном обществе «в развитом виде» и в то же время говорит, что в нем уцелели и «слой ремесленников» и «мелкое крестьянство». Выходит неточность. Если понимать слова «развитой вид» в строго теоретическом смысле, то в таком обществе не будет ни ремесленников, ни мелких крестьян. И даже если понимать эти слова в ходячем смысле: *наиболее* развитые страны, — и тогда окажется, что, напр., в Англии «мелкого крестьянства», как особого социального слоя, в сущности почти уже не существует.

«Господство товарного производства *на основе* капиталистических производственных отношений». Как-то неловко выходит. Конечно, *вполне* развитое товарное производство возможно только в капиталистическом обществе, но «товарное производство» вообще есть и логически и исторически prius** по отношению к капитализму.

Термин «капиталистические производственные отношения» в проекте не выдержан. Иногда его заменяет термин «капиталистический способ производства» (§ XI).

* — ясно и отчетливо. *Ред.*
** — предшествующее, первичное. *Ред.*

По-моему, в интересах уменьшения трудностей понимания программы надо было бы держаться одного термина, и именно последнего, ибо первый более теоретичен и без добавления слов «система» и т. п. (отношений) не указывает на нечто законченное и цельное.

«Феодально-ремесленный период...» Тут чуть ли не нарочно выбрано такое выражение, которое наименее приложимо к России, ибо применимость к нашим средним векам термина «феодализм» оспаривается. Между тем *по существу* характеристика «развитого» буржуазного общества дана как раз такая, которая приложима и к России («уцелели» мелкие самостоятельные производители и мелкое крестьянство, продают — «периодически или постоянно свою рабочую силу» и т. п.). Таким образом, проект уже самой своей формулировкой опровергает то мнение, что нельзя написать характеристику развития капитализма, имея в виду прямо и определенно Россию.

«Мелкие производители-ремесленники, работающие по заказу...» По заказу потребителей или по заказу купцов-давальцев? Вероятно, первое. Но как раз в России большинство мелких производителей в промышленности работает не по заказу, а на рынок.

«... Самая важная часть предметов потребления»... (почему также и не «средств производства»?)... «производится для сбыта *на внутреннем или на международном рынке...»* Подчеркнутые слова — излишнее повторение, ибо на рост международного обмена указано в § I.

«... Средства производства *и обращения»* товаров. Я думаю, подчеркнутые слова следовало бы перенести из программы в комментарий, ибо принадлежность капиталистам *средств обращения* можно *вывести* из принадлежности им средств производства в обществе товарного хозяйства.

«... Из таких лиц, которые не имеют никаких средств производства и обращения *кроме своей рабочей силы...»* Так нельзя сказать.

Указание на «постоянную или периодическую — в течение целого года или нескольких месяцев» —

продажу рабочей силы есть излишняя подробность, которую следовало бы перенести в комментарий.

(§ VI) «... Увеличивая хозяйственное значение крупных *промышленных* предприятий», — а ниже: сужение роли мелких самостоятельных производителей вообще. Пропущены ли *земледельческие* крупные предприятия случайно? или имелось в виду сказать, что растет хозяйственное значение крупных предприятий *только* в промышленности, а суживается роль мелких *и* в промышленности и в земледелии? Если второе, — то это было бы *совершенно неверно.* И в земледелии растет «хозяйственное значение крупных предприятий» (достаточно в виде одного примера указать на машины, — а выше приведены и другие примеры). Разумеется, процесс здесь *неизмеримо сложнее,* но об этом сказать (и с конкретными пояснениями сказать) надо уже в комментарии.

... Зависимость «более или менее полная, более или менее явная, более или менее тяжелая...» — это, по-моему, излишние и *ослабляющие* смысл слова. Выражение первоначального проекта: «слуги и данники» — сильнее и рельефнее.

§ VII вначале дает лишнее повторение, указывая еще раз на «превращение мелких производителей в пролетариев», хотя это уже отмечено в §§ V и VI.

§ VII дает распространенное объяснение того, что увеличение спроса на рабочую силу отстает от увеличения ее предложения. Вряд ли от «распространенности» выигрывает в этом случае изложение. Полного *объяснения процесса* все равно не удается, конечно, дать (напр., упомянуто о растущем употреблении женского и детского труда, а не упомянуто о росте интенсивности труда и т. п.). Правильнее поэтому *все* объяснения (с конкретными примерами) отнести к комментариям, а в программе только формулировать, *в чем* состоит противоречие капитализма, *какова* его тенденция.

Возражают, что если сказать: «чем дальше идет вперед технический прогресс, тем больше отстает увеличение спроса на рабочую силу от увеличения ее

предложения», — то дело принимает неправильный вид; «увеличение предложения» зависит-де далеко не от одного «технического прогресса». Но это возражение неосновательно, ибо слова «чем дальше, — тем больше» совершенно не равнозначащи со словами «так как — вследствие этого». *Чем* вызывается «увеличение предложения», это изложено в предыдущем абзаце («разорение», «вытеснение» etc.) и конкретнее будет объясняемо комментариями.

«... Доля рабочего класса в общей массе материального богатства, создаваемого его трудом, постоянно уменьшается...» Эти слова стоят в том абзаце, где говорится о повышении уровня эксплуатации (сравни непосредственно предшествующие цитированному). Можно подумать поэтому, что под «долей» имеется в виду отношение ***v*** к ***v*** + ***m***. Но тогда это излишне и не соответствует словам «общая масса богатства».

Если же общая масса = ***c*** + ***v*** + ***m***, то тогда, во-первых, не совсем удобно называть «долей» ***c*** + ***m*** (против ***v***), ибо под «долей» разумеется то, что собственно делится, т. е. предметы потребления. Затем тогда это положение по содержанию относится к следующему параграфу, говорящему о росте общественного богатства (c + v + m) и общественного неравенства. Ввиду этого цитированные слова лучше опустить, как излишнее повторение.

Кроме того, эти слова предполагают своей формулировкой такое *развитое* общество, в котором есть *только* наемные рабочие и капиталисты [ибо и доля мелких производителей тоже уменьшается], а это не соответствует абзацу V, оставившему мелких производителей и в «развитом» обществе.

§ VIII должен был бы стоять *после* §§ IX и X: эти последние трактуют о кризисах, т. е. об *одном* из противоречий капитализма, а § VIII подводит итог *всем* противоречиям капитализма и всем тенденциям его развития.

К словам «увеличение производительности труда» следовало бы добавить: «общественного и все более обобществляемого труда». Проект указывает на про-

цесс обобществления труда не на месте (§ XI) и в слишком узкой форме («процесс усовершенствования техники все более объединяет труд рабочих»). Обобществление труда капитализмом состоит не только в «объединении труда рабочих».

Слова «увеличение расстояния между имущими и неимущими» после слов «рост общественного неравенства» представляют из себя излишнее повторение. А указание на «углубление пропасти» между пролетариатом и буржуазией необходимо следовало бы добавить для характеристики главного социального последствия всех отмеченных противоречий капитализма и для перехода к классовой борьбе.

Кстати. По поводу характеристики социальных последствий капитализма надо сказать, что проект тут в особенности страдает *абстрактностью,* ограничиваясь совершенно недостаточным положением: «умножение трудностей борьбы за существование и всех связанных с нею лишений и страданий». Указать *более определенно* именно на те социальные последствия, которые особенно тяжело ложатся и на рабочий класс и на мелких производителей, представляется мне безусловно необходимым.

Против формулировки этих последствий в контрпроекте возражают, что, напр., слова «всяческое унижение» неверны. Я думаю, они верны, обнимая собой такие явления, как *проституцию,* превращение «интеллигенции» в простых наймитов, превращение рабочего в продавца жены и детей, подчинение железной дисциплине капитала, пользование экономической силой для политического гнета, для давления на свободу мнения и т. п. и проч. Точно так же мне представляется совершенно необходимым указать на «бедность и нищету масс» при капитализме. Я не предлагаю говорить об абсолютном росте бедности и нищеты, но я вполне разделяю мнение Каутского, что «ein ausführliches s.-d. Programm, welches nicht erkennen läßt, daß der Kapitalismus naturnotwendig Massenarmut und Massenelend erzeugt, das nicht als den Inhalt des Strebens der Sd-tie den Kampf gegen diese Armut und dieses

Elend bezeichnet, verschweigt die entscheidende Seite unserer Bewegung und enthält also eine empfindliche Lücke»* (против австрийского проекта).

Точно так же необходимо, на мой взгляд, и указание на то, что «все главные» (значит, не все абсолютно) «выгоды процесса развития производительных сил монополизирует ничтожное меньшинство населения».

§§ IX и X говорят о кризисах. По существу, здесь возразить нечего ввиду измененной формулировки. Но по форме эти параграфы страдают повторениями (опять «всемирный рынок», опять «капиталистические производственные отношения»). Гораздо бы лучше совершенно удалить из программы попытку *объяснить* кризисы, ограничившись *констатированием* неизбежности их, и предоставить объяснения и развития комментариям. А то, напр., указывается и на кризис и на «периоды застоя», а в общем и целом весь цикл капиталистической промышленности все равно не удается охватить.

Социальные последствия кризисов указаны опять с повторениями (достаточно сказать об «обострении» процесса и т. п.) и опять слишком слабо: кризисы не только делают затруднительным положение мелких производителей, не только ведут к относительному и абсолютному ухудшению их положения, а прямо разоряют их и вытесняют в ряды пролетариата.

Против §§ XI и XII я имею крайне важное принципиальное возражение: они *в совершенно односторонней и неправильной форме* изображают отношение пролетариата к мелким производителям (ибо «трудящаяся и эксплуатируемая масса» состоит именно из пролетариата и мелких производителей). Они прямо противоречат основным положениям и «Коммунистического манифеста», и Статутов Интернационала[100], и большинства современных программ социал-демократии

* — «обстоятельная социал-демократическая программа, из которой не видно, что капитализм с естественной необходимостью порождает обеднение и обнищание масс, которая не рассматривает борьбу против этого обеднения и обнищания как содержание требований социал-демократии, — такая программа замалчивает о самом решающем в нашем движении и содержит в себе, таким образом, чувствительный пробел». *Ред.*

и открывают настежь двери для народнических, «критических» и всяких мелкобуржуазных недоразумений.

«... Растет недовольство трудящейся и эксплуатируемой массы» — это верно, но недовольство пролетариата и недовольство мелкого производителя совершенно неправильно отождествлять и сливать, как это здесь сделано. Недовольство мелкого производителя очень часто порождает (и неизбежно должно в нем или в значительной части его порождать) стремление *отстоять свое существование как мелкого собственника,* т. е. отстоять основы современного порядка и даже повернуть его назад.

«... Обостряется ее борьба и прежде всего борьба ее передового представителя — пролетариата...» Обострение борьбы, конечно, идет и у мелкого производителя. Но его «борьба» *очень часто* направляется *против* пролетариата, ибо самое положение мелкого производителя очень во многом *резко противополагает* его интересы интересам пролетариата. «Передовым представителем» мелкой буржуазии пролетариат *вовсе не является,* вообще говоря. Если это и бывает, то лишь тогда, когда мелкий производитель сознает неизбежность своей гибели, когда он *«покидает* свою точку зрения и переходит на точку зрения пролетариата». Передовым же представителем *современного* мелкого производителя, еще не покинувшего «своей точки зрения», является очень часто антисемит и аграрий, националист и народник, социал-реформатор и «критик марксизма». И именно теперь, когда «обострение борьбы» мелких производителей сопровождается «обострением борьбы» «социалистической Жиронды» против «Горы» — всего менее уместно сливать все и всякое обострение воедино.

«... Международная социал-демократия стоит во главе освободительного движения *трудящейся и эксплуатируемой массы...»* Вовсе нет. Она стоит во главе *только рабочего класса,* только *рабочего движения,* и если к этому классу примыкают другие элементы, то это именно элементы, а не классы. И примыкают они

вполне и всецело *только* тогда, когда они «покидают свою собственную точку зрения».

«... Она организует *ее* боевые силы...» И это неверно. Социал-демократия нигде не организует «боевых сил» мелких производителей. Она организует только боевые силы рабочего *класса.* Выбранная в проекте формулировка тем менее удачна, *чем меньше* имеется в виду Россия, чем больше *ограничено изложение* (ср. § V) *«развитым»* буржуазным обществом.

Summa summarum*. Проект говорит в *положительной* форме о революционности мелкой буржуазии (если она «поддерживает» пролетариат, разве это не значит, что она революционна?) и ни слова не говорит о ее консервативности (и даже реакционности). Это совершенно односторонне и неправильно.

В положительной форме мы можем (и обязаны) указать на *консервативность* мелкой буржуазии. *И лишь в условной форме* мы должны указать *на ее революционность.* Только такая формулировка будет в точности соответствовать всему духу учения Маркса. Например, «Коммунистический манифест» прямо заявляет, что «из всех классов, противостоящих буржуазии, только пролетариат есть действительно революционный класс... Мелкий промышленник, ремесленник, крестьянин... *не революционны, а консервативны.* Более того: они реакционны... Если они революционны («если»!), то лишь постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата,.. поскольку они *покидают* свою точку зрения и становятся на точку зрения пролетариата»[101].

И пусть не говорят, что за полвека, прошедшие со времени «Коммунистического манифеста», дело существенно изменилось. Именно в этом отношении ничего не изменилось: и теоретики признавали это положение всегда и постоянно (напр., Энгельс в 1894 г. именно с этой точки зрения опроверг французскую аграрную программу. Он рассуждал прямо, что *покуда* мелкий крестьянин не *покинет* свою точку зрения, — он не наш, его место

* — Общий итог. *Ред.*

у антисемитов, пускай те его обтешут, и он тогда тем вернее придет к нам, чем больше его будут надувать буржуазные партии[102]), — да и фактические подтверждения этой теории массами даются историей вплоть до последних дней, вплоть до nos chers amis[*], гг. «критики».

Кстати. В проекте опущено указание на *диктатуру пролетариата,* бывшее первоначально. Если это и случайно сделано, по недосмотру, — все-таки остается несомненным, что понятие «диктатуры» несовместимо с *положительным* признанием чужой поддержки пролетариату. Если бы мы действительно *положительно* знали, что мелкая буржуазия поддержит пролетариат при совершении им его, пролетариатской, революции, тогда не к чему бы и говорить о «диктатуре», ибо тогда вполне обеспечено было бы нам такое подавляющее большинство, что и без диктатуры прекрасно обошлись бы (как и хотят уверить «критики»). Признание необходимости *диктатуры* пролетариата *самым тесным и неразрывным образом* связано с положением «Коммунистического манифеста», что пролетариат *один только* есть действительно революционный класс.

(В скобках сказать, — до какой степени «ревнив» был по этой части Энгельс, видно из такого пассуса его критики Эрфуртского проекта. «Der Ruin weiter Volksschichten»[**], — цитирует Энгельс проект — и замечает: «statt dieser deklamatorischen Phrase, die aussieht als täte uns der Ruin von Bourgeois und Kleinbürgern noch leid (!!), würde ich die einfache Tatsache erzählen: die durch den Ruin der städtischen und ländlichen Mittelstände, der Kleinbürger und Kleinbauern, den Abgrund zwischen Besitzenden und Besitzlosen erweitern oder vertiefen»[***].)

[*] — наших дорогих друзей. *Ред.*

[**] — «Разорение широких слоев населения». *Ред.*

[***] — «вместо этой декламаторской фразы, которая выглядит так, будто мы не перестаем скорбеть по поводу разорения буржуа и мелких буржуа (!!), я бы сказал об одном простом факте: что вследствие разорения средних слоев городского и сельского населения, мелких буржуа и мелких крестьян, расширяется или углубляется пропасть между имущими и неимущими»[103]. *Ред.*

В проекте Эрфуртской программы был такой пассус: «In diesem Befreiungskampf verficht die Sozialdemokratie als die Verfechterin (или Vertreterin — «Neue Zeit». IX, 2, 789) nicht bloß der Lohnarbeiter, sondern der Ausgebeuteten und Unterdrückten insgesamt, alle Forderungen, Maßregeln und Einrichtungen, welche die Lage des Volkes im allgemeinen und der Arbeiterklasse im besondern zu verbessern geeignet sind»

Мне возразят, что в контрпроекте консервативность мелкого производителя положительно выражена («все остальные классы современного общества стоят за сохранение основ существующего экономического строя»), а революционность *даже и условно не выражена.*

Это возражение совершенно неосновательно. Условная революционность мелкого производителя выражена в контрпроекте именно так, как ее только и можно выразить, т. е. *формулировкой обвинения против капитализма.* Условная революционность мелкого производителя выражена

(1) в словах о *вытеснении, разорении* его капитализмом. Мы, пролетариат, обвиняем капитализм за то, что он ведет к крупному производству чрез *разорение* крестьянина. Отсюда прямой вывод, что *если* крестьянин поймет неизбежность этого процесса, то он «покинет свою точку зрения и примет нашу».

(2) — в словах, что «необеспеченность существования и безработица, гнет эксплуатации и всяческое унижение становятся уделом» (не только пролетариата, а) «все более и более широких слоев трудящегося населения». Вот этой уже формулировкой и выражается *представительство* пролетариатом всего трудящегося населения, и именно такое представительство, при котором мы всех приглашаем (и *заставляем)* покинуть *их* точку зрения и встать на нашу, а не наоборот, не покидаем

(«В этой освободительной борьбе социал-демократия борется как защитница (или представительница) не только наемных рабочих, но и эксплуатируемых и угнетенных вообще, отстаивая все требования, мероприятия и учреждения, способные улучшить положение народа вообще и рабочего класса в особенности». *Ред.).* И Энгельс *положительно* посоветовал весь этот пассус *вычеркнуть,* не преминув посмеяться: «des Volkes im allgemeinen (wer ist das?)» («народа вообще (кто же это?)». *Ред.).* И, согласно совету Энгельса, этот пассус выкинут *вовсе прочь;* параграф о том, что «освобождение рабочего класса может быть только делом рабочего класса, ибо *все остальные* классы стоят на почве частной собственности на средства производства и имеют общей целью сохранение основ современного общества», — параграф этот принят в *более резкой форме,* чем первоначальный проект, *под прямым влиянием Энгельса.*

своей точки зрения, не сливаем своей классовой борьбы со всякими переметными сумами.

И точно так же выражена идея представительства

(3) — в словах о бедности и нищете *масс* (масс вообще, а не рабочих только).

Партия революционного класса *только в той форме* и может выразить условную революционность других классов, чтобы изложить перед ними *свое* понимание их бедствий и средств исцеления от их бедствий, чтобы выступить, в *своем* объявлении войны капитализму, не только от своего имени, но и от имени всех «бедствующих и нищенствующих» масс. Отсюда уже само собой следует, что кто примет это учение, тот должен будет прийти к нам. Было бы просто смешно, если бы мы вздумали еще особо указать это в программе и заявить, что вот *если* такие-то ненадежные элементы перейдут к нашей точке зрения, то и они будут революционны! Это было бы лучшим средством разрушить веру в нас как раз у тех половинчатых и дряблых союзников, которым и без того не хватает веры в нас*.

Кроме этого принципиального возражения против XI и XII §§ я имею еще лишь небольшое формальное замечание против § XI. Говорить в нем о *«материальной* возможности устранения капитализма» неуместно: как раз в этом абзаце речь идет *не* о материальных, *а* об идейных предпосылках устранения капитализма. Если упоминать о материальных, то надо добавить и идейные (нравственные etc.) предпосылки. Но гораздо правильнее отнести эту «материальную возможность» к тому абзацу, который говорит не о классовой борьбе, а об эволюции и тенденции капитализма.

* Чем больше в практической части нашей программы проявляем мы «доброты» к мелкому производителю (напр., к крестьянину), тем «строже» должны быть к этим ненадежным и двуличным социальным элементам в *принципиальной* части программы, ни на йоту не поступаясь *своей* точкой зрения. Вот, дескать, ежели примешь эту, нашу, точку зрения, — тогда тебе и «доброта» всякая будет, а не примешь, — ну, тогда уже не прогневайся! Тогда мы при «диктатуре» скажем про тебя: там нечего слов тратить по-пустому, где надо власть употребить...

Нелогично в § XII говорить о предстоящей социальной революции, — и только в § XV — о самой этой революции и ее необходимости. Должен быть «обратный порядок».

В XIII § мне кажется неудачной замена слов «уничтожение (или отмена) частной собственности» выражением «экспроприация эксплуататоров». Это менее ясно и точно. Неудачен и конец параграфа: «планомерная организация общественного производительного процесса для удовлетворения нужд как всего общества, так и отдельных его членов». Этого мало. Этакую-то организацию, пожалуй, еще и тресты дадут. Определеннее было бы сказать «за счет *всего* общества» (ибо это включает и планомерность и указывает на направителя планомерности), и не только для удовлетворения нужд членов, а для обеспечения *полного* благосостояния и свободного *всестороннего* развития *всех* членов общества.

§ XIV, по-моему, неопределенен («все» угнетенное «человечество» еще не знаю, освободим ли мы: напр., угнетение тех, кто слаб характером, теми, кто зело тверд характером). Лучше бы взять формулу, предложенную Марксом в критике Готской программы: уничтожение деления на классы и вытекающего из него неравенства[104]. И Энгельс в критике Эрфуртской программы настаивал, что die Abschaffung der Klassen ist unsere Grundforderung*, и только *точным и прямым указанием* этого «основного требования» мы придаем *вполне определенный* (и не преувеличенный) смысл нашим обещаниям всех освободить и всех от всех зол избавить.

§ XV — насчет «поддержки пролетариата другими слоями населения» и насчет пропуска «диктатуры пролетариата» сказано уже выше.

§ XVI — совершенно странен и неуместен. «Политическое воспитание» пролетариата в том и состоит, что мы его просвещаем, организуем, руководим его борьбой, — а об этом речь уже была в XII § (где следовало бы лишь добавить о «руководстве его борьбой»).

* — уничтожение классов — наше основное требование[105]. *Ред.*

§ XVII тоже представляется мне излишним многословием. К чему говорить вообще о зависимости ближайших задач от различия социально-политической обстановки? Пускай об этом в трактатах пишут, а нам прямо надо заявить, что вот такие-то особенности (остатки крепостного права, самодержавие и проч.) видоизменяют нашу ближайшую задачу так-то.

§ XVIII: «В России капитализм все более и более *становится* преобладающим способом производства...» Этого безусловно мало. Он уже *стал* преобладающим (— если я говорю, что 60 уже стало преобладающим над 40, это вовсе не значит, что 40 не существует или сводится к неважной мелочи). У нас еще такая масса народников, народничествующих либералов и быстро пятящихся к народничеству «критиков», что тут ни малейшей неопределенности оставлять невозможно. И если капитализм еще даже не стал «преобладающим», тогда, пожалуй, и с социал-демократией бы погодить.

«... выдвигая социал-демократию *на самое первое место...»* Только еще *становится* преобладающим капитализм, а мы уже на «самом первом» месте... Я думаю, о самом первом месте вовсе говорить не след: это само собой видно из всей программы. Это пускай уже не мы про себя, а история про нас скажет.

Проект, видимо, отвергает выражение: старый *крепостной* общественный порядок, считая выражение «крепостничество» применимым только к *правовому* строю. Я думаю, что это различение неосновательно: «крепостное право», конечно, было учреждением юридическим, но оно соответствовало и особой системе помещичьего (и крестьянского) *хозяйства,* оно проявлялось и в массе не оформленных «правом» бытовых отношений. Поэтому вряд ли следует избегать выражения: «докапиталистический, крепостной, общественный порядок».

«Описание» крепостного права (были-де массы крещеной собственностью) в нашей программе совершенно неуместно и излишне.

О влиянии же остатков крепостного строя недостаточно сказать, что они тяжелым гнетом лежат на трудящейся массе. Необходимо указать и на задержку развития производительных сил страны и на другие социальные последствия крепостничества*.

§ XIX. По-моему, совершенно излишне указание, что для нас демократия (resp.: политическая свобода) есть «переходная ступень» (к чему переход? о республике ведь мы прямо ниже сказали, как о *ближайшем* практическом требовании) — и что конституция есть «естественное правовое дополнение («достояние», очевидно, ошибка переписчика) к капиталистическим отношениям производства». Это в программе совсем не у места. Вполне достаточно, если мы говорим, что самодержавие задерживает или стесняет «*все* общественное развитие»: значит, и развитие капитализма не мирится с ним. Подробности на этот счет должны отойти в комментарий, а то они даже ослабляют в программе наше объявление войны самодержавию, придают программе характер чего-то книжного, абстрактного.

Да и к чему эти общие места о правовых дополнениях к капитализму и о «правовом порядке» (§ XX), когда мы ниже гораздо прямее и определеннее говорим о республике? (Кстати, в § XX стоит выражение «старый крепостной строй», т. е. здесь и сам проект придает слову «крепостничество» более широкий, чем только юридический смысл.)

О несовместимости самодержавия с правовым порядком тоже нечего говорить, раз сейчас же стоит требование его низвержения и замены республикой. Лучше выразиться более определенно о «бесправии» народа при самодержавии и т. п.

«... Самодержавие — злейший враг освободительных стремлений рабочего класса...», следовало бы добавить: «и культурного развития всего народа» или в этом роде. Вот этим мы и выразим (а не словами о «представи-

* Между прочим. В контрпроекте неудачно выражение: «азиатски-варварские *формы вымирания* крестьянства». Можно сказать: формы исчезновения или что-либо в этом роде.

тельстве»), что социал-демократия представляет интересы не только рабочего класса, а *всего* общественного развития.

Резюмируя все вышеприведенные замечания, я нахожу в проекте четыре основных недостатка, делающих, по-моему, этот проект неприемлемым:

1) крайняя *абстрактность* многих формулировок, как будто бы они предназначались не для боевой партии, а для курса лекций;

2) отстранение и затемнение вопроса о специально-*русском капитализме* — особенно важный недостаток, ибо программа должна дать свод и руководство для агитации против русского капитализма. Мы должны выступить с прямой оценкой его и с прямым объявлением войны именно русскому капитализму;

3) совершенно одностороннее и неправильное изображение *отношения пролетариата к мелким производителям,* отнимающее у нас базис в войне и с «критиками» и с многими другими;

4) стремление постоянно дать в программе *объяснение* процесса. Объяснения дать все равно не удается, а изложение становится растянутым, встречается масса повторений, программа постоянно сбивается на комментарий.

Написано ранее 14 (27) марта 1902 г.

ОТЗЫВ О ВТОРОМ ПРОЕКТЕ ПРОГРАММЫ ПЛЕХАНОВА

Четыре основных недостатка проникают собою весь проект и делают его, на мой взгляд, совершенно неприемлемым :

1) По способу формулировки важнейшего отдела, относящегося к характеристике капитализма, этот проект дает не программу пролетариата, *борющегося* против весьма реальных проявлений весьма определенного капитализма, а программу экономического *учебника,* посвященного капитализму вообще.

2) В особенности непригодна программа для партии *русского* пролетариата, потому что эволюция русского капитализма, порождаемые русским капитализмом противоречия и общественные бедствия почти совершенно обойдены и затемнены благодаря той же системе характеризовать капитализм вообще. Партия русского пролетариата должна в своей программе самым недвусмысленным образом изложить обвинение ею русского капитализма, объявление ею войны русскому капитализму. Необходимо это тем более, что русская программа не может быть в этом отношении одинакова с европейскими: эти последние говорят о капитализме и буржуазном обществе, не указывая, что эти понятия приложимы и к Австрии, и к Германии, и т. п., ибо это подразумевается само собою. По отношению к России этого подразумевать нельзя.

Отделаться же тем, что капитализм «в развитом своем виде» отличается *вообще* такими-то свойствами, —

а в России капитализм «становится преобладающим», — значит *уклониться* от того конкретного обвинения и объявления войны, которое для практически борющейся партии всего важнее.

Проект не достигает поэтому одной из главных целей программы: дать партии директиву для ее повседневной пропаганды и агитации по поводу всех разнообразных проявлений русского капитализма.

3) Некоторым важнейшим пунктам придана в проекте такая неточная формулировка, которая неизбежно породит ряд самых опасных недоразумений и затруднит нам нашу теоретическую борьбу и пропаганду. Так, напр., рост крупного производства ограничен одними «промышленными» предприятиями. Эволюция сельскохозяйственного капитализма не то затенена, не то вовсе обойдена. Затем, место «диктатуры пролетариата» заняла «революция, которую предстоит совершить пролетариату, поддержанному другими слоями населения, страдающего от капиталистической эксплуатации», и даже вместо классовой борьбы пролетариата поставлена «борьба трудящейся и эксплуатируемой массы». Такая формулировка противоречит основному принципу Интернационала: «освобождение рабочего класса может быть делом только самого рабочего класса». Помимо пролетариата, другая часть «трудящейся и эксплуатируемой массы» (т. е. главным образом мелкие производители) *лишь отчасти* революционна в своей борьбе с буржуазией. Именно, она революционна лишь тогда, когда она, «имея в виду переход в пролетариат», «*становится на точку зрения пролетариата*» («Коммунистический манифест».). Реакционность же мелких производителей совершенно не оттенена в проекте, так что *в общем и целом* отношение пролетариата к «трудящейся и эксплуатируемой массе» изображено *неправильно.* (Напр., проект гласит: «обостряется ее [трудящейся и эксплуатируемой массы] борьба и прежде всего борьба ее передового представителя: пролетариата». «Обострение борьбы» мелких производителей выражается и в антисемитизме, и в цезаризме, и в крестьянских союзах против батраков,

и даже в борьбе социалистической Жиронды с Горой. Представительство пролетариатом всей трудящейся и эксплуатируемой массы должно выразиться в программе тем, что мы *обвиняем* капитализм в нищете *масс* [а не только нищете рабочего класса], в безработице «все более широких слоев трудящегося населения» [а не рабочего класса].)

4) Проект постоянно сбивается с программы в собственном смысле на *комментарий.* Программа должна давать *краткие,* ни одного лишнего слова не содержащие, *положения,* предоставляя *объяснение* комментариям, брошюрам, агитации и пр. Поэтому Энгельс совершенно справедливо и обвинял Эрфуртскую программу в том, что она своей длиной, обстоятельностью и повторениями сбивается на комментарий[106].

В проекте же этот недостаток еще сильнее, повторений страшно много, попытки внести в программу *объяснение* процесса (вместо одной *характеристики* процесса) цели все равно не достигают, а растягивают программу до невозможности.

Написано ранее 14 (27) марта 1902 г.

ПОПРАВКА К АГРАРНОЙ ЧАСТИ ПРОЕКТА ПРОГРАММЫ [107]

NB: *Поправка*

В четвертом пункте нашей аграрной программы я предлагаю сделать следующее изменение:

вместо слов:

«учреждения крестьянских комитетов (а) для возвращения сельским обществам (посредством экспроприации *или в том случае, если земли переходили из рук в руки, выкупа и т. п.)* тех земель» и т. д.

сказать:

«учреждения крестьянских комитетов (а) для возвращения сельским обществам (посредством экспроприации) тех земель, которые» и т. д.,

т. е. *выкинуть подчеркнутые слова.*

Я полагаю, что эту поправку следует сделать на основании следующих соображений:

1. В аграрной программе мы выставляем наш «максимум», наши «социально-революционные требования» (см. мой комментарий[108]). Допущение же выкупа противоречит социально-революционному характеру всего требования.

2. «Выкуп» и по исторической традиции (выкуп 1861 г.[109]), и по своему содержанию (ср. знаменитое: «выкуп — та же покупка»[110]) носит специфический привкус пошло-благонамеренной и буржуазной меры. Ухватившись за *допущение* нами выкупа, не невозможно испакостить всю суть нашего требования

(а пакостников для этой операции найдется более чем довольно)*.

3. Бояться «несправедливости» того, что отрезки отнимут у людей, заплативших за них денежки, — нет оснований. Мы и без того обставили эту меру возвращения отрезков двумя узкими условиями [(1) — «земли, которые отрезаны в 1861 г.» и (2) — «которые *теперь* служат для закабаления»]. Собственность, служащую для *крепостнической* эксплуатации, вполне справедливо конфисковать и без вознаграждения. (А там пускай покупщик отрезков судится с продавцом, — это не наше дело.)

4. Допуская «выкуп», мы возлагаем *денежные* платежи на крестьян, которые именно в силу отработок всего глубже стояли в натуральном хозяйстве: резкость перехода к *денежным платежам* может *особенно быстро* разорить крестьян, а это противоречило бы всему духу нашей программы.

5. Если *в виде исключения* и стоит «вознаградить» покупщика отрезков, то никоим образом не на счет крестьян, имеющих нравственное и историческое право на эти отрезки. «Вознаградить» можно предоставлением соответствующего куска земли где-нибудь на окраине и т. п.; это уже нас не касается.

Прошу всех дать свой голос: *за* = значит за устранение слов о выкупе, за вычеркнутие отмеченных мной слов.

Против — за оставление в старом виде.

1) Г. В. —

2) П. Б. —

3) В. И. —

4) Берг —

5) А. Н. —

6) Фрей — за.

Написано ранее 22 марта (4 апреля) 1902 г.

---

* Возвращение отрезков, как экстренную революционную меру, мы *деградируем* допущением выкупа до самой дюжинной «реформы».

ЗАМЕЧАНИЯ НА КОМИССИОННЫЙ ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ [111]

ТЕКСТ КОМИССИОННОГО ПРОЕКТА	ЗАМЕЧАНИЯ ЛЕНИНА
	Знак вопроса означает желание стилистических улучшений.
1. Развитие международного обмена установило такую тесную связь между всеми народами цивилизованного мира, что великое освободительное движение пролетариата должно было стать и давно уже стало международным.	
2. Поэтому русские социал-демократы смотрят на свою партию как на один из отрядов всемирной армии пролетариата, как на часть международной социал-демократии, и преследуют ту же конечную цель, как социал-демократы всех других стран.	Почистить бы слог. Это «как» не по-русски; неловко стилистически. «Они преследуют ту же самую конечную цель, какую поставили себе и социал-демократы всех других стран» или т. п.
3. Эта конечная цель определяется характером и ходом развития буржуазного общества.	«Характером и» — советую выкинуть, как излишние слова. *Конечная цель* определяется *ходом,*

а не теми разновидностями этого всеобщего «хода», каковые объясняются понятием: «характер развития». Следовательно, эти лишние слова и не совсем точны.

Общество это характеризуется господством товарного производства при капиталистических производственных отношениях, т. е. тем, что самая важная и значительная часть предметов потребления

Почему только «предметов потребления»? А средств производства? Лучше бы: «продуктов» и т. п.

производится для сбыта на внутреннем или международном рынке, а самая важная и значительная часть средств

Эти слова, по-моему, следует вычеркнуть. Излишнее повторение.

производства и обращения этих предметов потребления — товаров

Эти слова надо бы вычеркнуть. Товарами являются не только предметы потребления.

принадлежит относительно небольшому по своей численности

(Вместо «относительно небольшому», может быть, *ничтожному,* ибо достаточным ограничением являются слова: *«самая* важная и значительная часть». Но это не важно.)

классу лиц, V огромное же большинство населения состоит частью из лиц,

V Надо бы добавить: «капиталистам и землевладельцам». Иначе получается *абстрактность,* особенно *неуместная* в сопоставлении с дальнейшим: «крестьяне и кустари».

не имеющих никаких средств производства и обращения (пролетарии),

«И обращения» следует выкинуть: пролетарий чистой воды может иметь и имеет те «средства обращения», которые обмениваются на *предметы потребления.*

частью же из таких, в распоряжении которых находятся лишь очень незначительные средства производства, не обеспечивающие их существования (некоторые слои мелких производителей, например, мелкие крестьяне и кустари). Все эти лица вынуждены своим экономическим положением *постоянно* или *периодически* продавать свою рабочую силу, т. е. поступать в наемники к обладателям средств производства и обращения товаров и своим трудом создавать их доход.

Пообчистить бы слог!
? «Средства производства» *обеспечивают* существование.

4. Господство капиталистических производственных отношений все более и более расширяется по мере того, как постоянное усовершенствование техники, увеличивая хозяйственное значение крупных предприятий, вытесняет мелких самостоятельных производителей, то есть вызывает относительное уменьшение их числа, превращая часть их в пролетариев, суживает роль остальных в общественно-экономической жизни, а местами ставит их в более или менее полную, более или менее явную, более или менее тяжелую зависимость от крупных предпринимателей.

«От капитала» — не только крупного.

5. Превращая часть мелких самостоятельных производителей в пролетариев, то же усовершенствование техники ведет к еще большему увеличению предложения рабочей силы, давая предпринимателям возможность все в бо̀льших размерах применять женский и детский труд в процессе производства и обращения товаров. А так как, с другой стороны, тот же самый процесс усовершенствования техники (машины) приводит к относительному уменьшению потребности предпринимателей в живом труде рабочих, то спрос на рабочую силу необходимо отстает от ее предложения, вследствие чего увеличивается зависимость наемного труда от капитала и повышается уровень его эксплуатации капиталом. Доля рабочего класса в общей сумме общественного дохода, создаваемого его трудом, постоянно уменьшается.

?

?

Эти слова следовало бы выкинуть, как излишнее повторение мысли, высказанной уже в предыдущем положении.

Вообще § 5 особенно рельефно показывает общий недостаток проекта: *длинноты* и нежелательную *тягучесть* изложения. Между прочим: это вызывает то, что Энгельс назвал в критике Эрфуртского проекта «schiefe Nebenbedeutung»*. Например, выходит, будто рост применения женского и детского труда обусловлен *только* «превращением» мелких самостоя-

* — «возможность кривотолкований». *Ред.*

тельных производителей в пролетариев, а это не так, это бывает и *до* подобного *«превращения».* Начало § 5-го — излишнее повторение.

6. Такое положение дел внутри буржуазного об — Перепроизводство, причиняющее более или менее острые промышленные кризисы, за которыми следуют более или менее продолжительные периоды промышленного застоя, является неизбежным следствием роста производительных сил при отсутствии планомерности, характеризующем собой товарное производство, и при свойственных нынешнему обществу капиталистических производственных отношениях. Кризисы и периоды промышленного застоя, в свою очередь, делают еще более затруднительным положение мелких самостоятельных производителей, еще быстрее ведут к относительному, а в некоторых местностях и к абсолютному ухудшению положения пролетариев.

Пропуск.

Опять повторение!!

Этого мало. Не только «делают затруднительным их положение», но прямо *разоряют* массами.

Первая часть § 6-ого много выиграла бы от сокращения.

7. Таким образом, усовершенствование техники, означающее увеличение производительности труда и рост общественного богатства, обусловливает собой в буржуазном обществе возрастание общественного неравенства, увеличение расстояния между имущими и неимущими, рост необеспеченности существования, безработицы и всяческой нищеты.

«Рост всяческой нищеты» — это позаимствование из моего проекта не совсем удачно. О *росте* нищеты я не говорил. «Всяческий»

обнимает и *«абсолютный»*. Упоминание о *нищете масс* следовало бы сделать поэтому несколько иначе.

8. Но по мере того, как растут и развиваются все эти противоречия, свойственные капиталистическому способу производства, растет также и недовольство трудящейся и эксплуатируемой массы существующим порядком вещей и обостряется борьба ее передового представителя — пролетариата с защитниками этого порядка.

§ 8-ой показывает *упорное нежелание* комиссии соблюсти точное и недвусмысленное *условие,* поставленное ей при самом ее «рождении». *На основании этого условия* должна быть сделана вставка (которую комиссия и сделала в § *10), причем* до вставки речь должна идти только о классовой борьбе *одного* пролетариата. Последнего требования, ясно выраженного в примирительном договоре, комиссия *не исполнила,* и я считаю себя вправе настаивать на его исполнении.

До того, что̀ сказано в конце § 10, *неправильно* говорить о недовольстве всей трудящейся массы вообще и называть пролетариат ее «передовым представителем», ибо это верно *лишь под тем условием,* которое выражено в § 10 в конце. Условное комиссия выдает за безусловное. Половинчатость мелкого производителя, его *полуреакционность* комиссия *ничем не выразила:* это

совершенно недопустимо. Получилась такая вещь, что *возможность* нахождения этого мелкого производителя (или *части* этого слоя) в числе *принципиальных* «защитников этого порядка» (та же фраза в § 8!!) совершенно *забыта!!* А между тем эта возможность *очень* часто переходит в действительность у нас на глазах.

Чтобы иметь право говорить о движении пролетариата, о классовой его борьбе и даже о *классовой диктатуре,* — обязательно *сначала выделить* этот *один* класс, а потом уже сделать добавление о его роли представителя. А то в проекте получается несвязность; § 8 *не сцеплен* строго логически ни с *продолжением* (отчего же не «диктатура трудящейся массы»??), *ни с началом* (если обостряются все общественные противоречия, то *значит* все более обостряется борьба *двух классов,* а это комиссия забыла сказать!!). Концы не сведены с концами.

В то же время усовершенствование техники, обобществляя процесс труда внутри мастерской и концентрируя производство,

Обобществление труда далеко не ограничивается тем, что происходит внутри мастерской: это

место необходимо исправить.

все быстрее и быстрее создает возможность той социальной революции, которая составляет конечную цель всей деятельности международной социал-демократии, как сознательной выразительницы классового движения пролетариата.

+ «и *необходимость»* (социальной революции).

Для сопоставления. NB

9. Эта социальная революция будет состоять в устранении капиталистических производственных отношений и замене их социалистическими, то есть в экспроприации эксплуататоров для передачи средств производства и обращения продуктов в общественную собственность, и в планомерной организации общественного производительного процесса для удовлетворения нужд как целого общества, так и отдельных его членов.

?

Не точно. *Такое* «удовлетворение» «дает» и капитализм, но *не всем* членам общества и *не одинаковое.*

Осуществление этой цели освободит все угнетенное человечество, так как положит конец всем видам эксплуатации одной части общества другою.

— Возражения свои я уже излагал против — NB*

10. Чтобы совершить свою социальную революцию, пролетариат должен завоевать политическую власть *(классовая диктатура),* которая сделает его господином положения и позволит побороть все препятствия. Организуясь для этой цели в самостоятельную политическую партию, противостоящую всем буржуазным партиям,

?

«Противостоящую *всем* буржуазным партиям», — значит, и *мелкобуржуаз-*

* См. настоящий том, стр. 232. *Ред.*

ным партиям, не так ли?? А ведь из мелких буржуа *большинство* суть «трудящиеся и эксплуатируемые». Не сцеплено.

пролетариат призывает в свои ряды все другие слои страждущего от капиталистической эксплуатации населения,

Социал-демократия органи*зует* и призы*вает*. «Пролетариат... призывает в *свои* (!) слои» — ganz unmöglich![*]

рассчитывая на их поддержку, поскольку они сознают безнадежность своего положения в современном обществе и становятся на точку зрения пролетариата.

Слова «рассчитывая на их поддержку» следует выкинуть. Они *излишни* (если призывает, то значит рассчитывает) и имеют schiefe Nebenbedeutung. Призывает тех, кто сознает, — поскольку сознает, das genügt[**].

11. Партия борющегося пролетариата, социал-демократия, руководит всеми проявлениями его классовой борьбы, разоблачает перед всей трудящейся и эксплуатируемой массой непримиримую противоположность интересов эксплуататоров интересам эксплуатируемых и выясняет ей историческое значение и необходимые условия предстоящей социальной революции.

«Непримиримость их (ее) интересов с самым существованием капитализма» или т. п. исправление. Не все трудящиеся находятся в таком положении, чтобы их «интересы» были «непримиримо» противоположны интересам эксплуататоров. У трудящегося

[*] — совершенно невозможно! *Ред.*
[**] — этого достаточно. *Ред.*

крестьянина есть *нечто,* кое-что, $\frac{a}{n}$, **общее** с аграрием. Надо выразиться *общее,* шире, а то получается неверность и сбивается на *фразу.*

12. Но, несмотря на единство их общей конечной цели, обусловленное господством одинакового способа производства во всем цивилизованном мире, социал-демократы разных стран ставят перед собой неодинаковые *ближайшие* задачи как потому, что этот способ не везде развит в одинаковой степени, так и потому, что его развитие в разных странах совершается в различной социально-политической обстановке,

? Слог!!

§ 12 — конец. Надо бы попытать сократить. Было бы зело полезно похудеть этому параграфу. Нельзя ли посредством: «национальные особенности» или что-либо т. п. сжать десять слов в два?

13. В России рядом с капитализмом, быстро распространяющим область своего господства и становящимся все более и более преобладающим способом производства, на каждом шагу встречаются еще остатки нашего старого, докапиталистического общественного порядка, который основывался на закрепощении трудящихся масс помещикам, государству или главе государства. Эти остатки задерживают в сильнейшей степени развитие производительных сил, не допускают всестороннего развития классовой борьбы пролетариата, принижают жизненный уро-

§ 13 начало. Кланяюсь и благодарю за малюсенький шажок ко мне. Но «становящиеся, преоблад*ающим»...* щи... щи — фи, фи!

NB

вень трудящегося населения, обусловливают азиатски-варварские формы разорения и упадка многомиллионного крестьянства и держат в темноте, бесправии и придавленности весь народ.

? Слог!

§ 13 конец. Желательно подправить: я уже предлагал — *как* (мои поправки к моему проекту*), а то «... варварская форма разорения и упадка...»?

14. Являясь самым значительным из всех пережитков нашего крепостного строя и самым могучим оплотом всего этого варварства, царское самодержавие совершенно несовместимо с политической и гражданской свободой, давно уже существующей в передовых странах капиталистического производства, как его естественное правовое дополнение.

? Слог.

«Естественное правовое дополнение» — очень неудачное выражение верной мысли. «Естественность» свободы для капитализма усложняется 1001 социально-историческим фактором, чего слово «естественный» не выражает. И пахнет, воняет оно либерализмом каким-то. Сказать бы как-нибудь, вроде того, что «самодержавие *неизбежно* осуждено на смерть *всем* развитием капитализма, необходимо требующим гражданской и политической свободы для выражения усложняющихся

* См. настоящий том, стр. 211. *Ред.*

интересов» или т. п., одним словом, идею *неизбежности* выразить, не порождая недоразумений причислением этой неизбежности к числу «естественных».

По самой природе своей оно должно давить всякое общественное движение и не может не быть злейшим врагом всех освободительных стремлений пролетариата.

?
Не годится. *Не* всякое: биметаллизм (и прерафаэлитизм)[112] есть тоже «общественное движение». Надо подправить.

Поэтому русская социал-демократия ставит своей ближайшей политической задачей низвержение царского самодержавия и замену его республикой на основе демократической конституции, обеспечивающей

и т. д.

В общем и целом, чем больше вчитываешься в проект комиссии, тем больше убеждаешься в его, так сказать, *непереваренности.* Я берусь предсказать, что это качество проекта навлечет на нас много нареканий и справедливых, если мы в *подобном* виде его опубликуем. *Все* увидят, что это внешняя «склейка».

Если уж господь-бог за грехи наши покарал нас необходимостью выступить с «ублюдочным» проектом, то надо хотя бы приложить *все* усилия, чтобы *уменьшить* печальные от сего последствия. Совершенно неправы поэтому те, кто *больше всего* руководится желанием «скорее кончить»: можно ручаться, что *теперь,* при такой констелляции, от торопливости кроме худа ничего не будет, и наш редакционный проект будет неудовлетворителен. Неважно, чтобы непременно в № 4 «Зари» печатать: напечатаем в № 5 и выпустим отдельным оттиском *до* выхода № 5. При таком приеме запоздание на какой-нибудь месяц не будет ни малейшим партийным ущербом. И, ей-ей, лучше бы бы-

ло, если бы высокая комиссия еще хорошенько поработала, пообдумала, переварила и дала нам *свой,* не склеенный, а цельный проект. Повторяю еще раз: если эта задача неосуществимая, тогда гораздо полезнее для дела будет вернуться к плану 2-х проектов (и мы вполне сумеем осуществить этот план без *всякой* «неловкости»: Плеханов печатает за своей подписью в «Заре», — а я «на стороне», в Женеве, как x, y, z). Почтительнейше ходатайствую перед высочайшей коллегией о *внимательном* соображении «всех обстоятельств дела».

12. IV. 1902 — в вагоне: извиняюсь за мазню. Если успею, напишу еще и яснее.

Написано 30 марта
(12 апреля) 1902 г.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ НА КОМИССИОННЫЙ ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ

В добавление к замечаниям на самом проекте отмечу еще:

§ 3. «Общество (буржуазное) характеризуется господством товарного производства *при* капиталистических производственных отношениях, *т. е. ...»* и дальше описываются основные черты капитализма. Получается несоответствие: посредством *«т. е.»* соединены неоднородные, неравные понятия, именно 1) *видоизменение* товарного производства в том его виде, какой обусловлен господством капиталистических производственных отношений, и 2) сбыт продуктов на рынке и продажа массой населения своей рабочей силы.

Это несоответствие, это приравнение *основных* и самых общих черт товарного производства вообще и капитализма вообще — и видоизменения товарного производства на основе капиталистических производственных отношений (тогда товары обмениваются уже не *просто* по стоимости) — наглядно показывает неудачность формулировки Г. В. (а комиссия приняла и только перефразировала эту формулировку). В программе, излагающей только самые общие и основные черты капитализма, *не излагающей даже теории прибавочной стоимости,* — мы вдруг будем делать «кивок» на Бём-Баверка, напоминая, что «товарное производство на основе капитализма» есть не совсем то, что простое товарное производство! Если так, то отчего же не прибавить в программе и специальных кивков на Михайловского, Бердяева и т. п.? С одной стороны, даже всему учению Маркса об эксплуатации труда капиталом уделено лишь одно самое общесоциалистиче-

ское выражение: «создают своим трудом их доходы» (§ 3 в конце), — а с другой стороны, отмечается специальное преобразование прибавочной стоимости в прибыль при «товарном производстве на базисе капиталистических производственных отношений».

Г. В. совершенно прав, что слова «товарное производство на основе капиталистических производственных отношений» выражают основную мысль III тома[113]. Но только. Ни при чем эта мысль в программе, — как ни при чем в ней и описание механизма реализации, составляющее основную мысль II тома, — как ни при чем в ней описание преобразования избыточной прибыли в поземельную ренту. В программе достаточно *отметить* эксплуатацию труда капиталом = образование прибавочной стоимости, а говорить о всяческих видах *преобразования* и видоизменения форм этой прибавочной стоимости неуместно (и невозможно в паре кратких положений).

ДОБАВЛЕНИЕ К ВОПРОСУ О КЛАССОВОЙ БОРЬБЕ

Я вполне разделяю мысль В. Дм., что у нас возможно привлечение в ряды социал-демократии гораздо большей доли мелких производителей и гораздо раньше (чем на Западе), — что для осуществления этого мы должны сделать *все* от нас зависящее, — что это «пожелание» надо выразить в программе «против» Мартыновых et C[0]. Со всем этим вполне согласен. Добавку того, что̀ выражено в конце § 10, *приветствую* — подчеркиваю это во избежание недоразумений.

Но не надо же перегибать лук в другую сторону, как делает В. Дм.! Не надо же «пожелание» смешивать с *действительностью,* и притом с той имманентно-необходимой действительностью, которой только и посвящена наша Prinzipienerklärung*. Желательно привлечь *всех* мелких производителей, — конечно. Но мы знаем, что это — особый класс, хотя и связанный с пролетариатом тысячей нитей и переходных ступеней, но все же особый класс.

* — декларация, провозглашение принципов. *Ред.*

Обязательно **сначала** *отгородить* себя от всех, выделить один только, *единственно и исключительно,* пролетариат, — а *потом* уже заявлять, что пролетариат всех освободит, всех зовет, всех приглашает.

Я согласен на это «потом», но я требую раньше этого «сначала»!

У нас в России дьявольские муки «трудящейся и эксплуатируемой массы» не вызывали никакого *народного* движения, пока «горстка» фабрично-заводских рабочих не начала борьбу, классовую борьбу. И *только* эта «горстка» гарантирует ее ведение, продолжение, *расширение.* Именно в России, где и критики (Булгаков) обвиняют социал-демократов в «крестьянофобстве», и социалисты-революционеры[114] кричат о необходимости *заменить* понятие классовой борьбы понятием «борьбы *всех* трудящихся и эксплуатируемых» («Вестник Русской Революции» № 2), — именно в России мы должны *сначала* самым резким определением одной только классовой борьбы одного *только* пролетариата *отгородить* себя от всей этой швали, — а потом уже заявлять, что мы *всех зовем,* все возьмем, все сделаем, на все расширим. А комиссия «расширяет», позабывши отгородить!! И обвиняют меня в узости за то, что я требую *предпослать* расширению эту «отгородку»?! Ведь это — подтасовка, господа!!

Неизбежно предстоящая нам завтра борьба с объединенными критиками + господами полевей из «Русских Ведомостей» и «Русского Богатства»[115] + социалистами-революционерами непременно потребует от нас именно *отмежевания классовой борьбы* пролетариата от «борьбы» (борьбы ли?) «трудящейся и эксплуатируемой массы». Фразы об этой массе — главный козырь в руках всех unsicheren Kantonisten*, а комиссия играет им на руку и отнимает у нас оружие для борьбы с половинчатостью ради того, чтобы подчеркнуть одну половину! Не забывайте же и о другой половине!

Написано в начале апреля 1902 г.

* — ненадежных кантонистов. *Ред.*

ПО ПОВОДУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РОСПИСИ

Как и всегда, наши газеты опубликовали всеподданнейший доклад министра финансов по поводу росписи государственных доходов и расходов на 1902 год. Как и всегда, оказывается, — по уверениям министра, — что все обстоит благополучно: «финансы в совершенно благоприятном состоянии», в бюджете «неуклонно соблюдено равновесие», «жел.-дорожное дело продолжает успешно развиваться», и даже «происходит постоянное нарастание народного благосостояния»! Неудивительно, что у нас так мало интересуются вопросами государственного хозяйства, несмотря на всю их важность: интерес притуплен обязательным казенным славословием, каждый знает, что бумага все терпит, что публику «все равно» «не велено пущать» за кулисы официального финансового фокусничества.

На этот раз, однако, особенно бросается в глаза следующее обстоятельство. Фокусник с обычной ловкостью показывает публике пустые руки и, взмахивая ими, предъявляет одну за другой золотые монеты. Публика аплодирует. Но фокусник, тем не менее, начинает сам преусерднейшим образом защищаться и, чуть не со слезами на глазах, уверяет, что он не мошенничает, что дефицита нет, что долгов у него меньше, чем имущества. Русская публика так вышколена по части благопристойного поведения в присутственных местах, что ей становится вчуже как-то неловко, и только немногие бормочут про себя

французскую пословицу: «кто извиняется, тот сам себя обвиняет».

Посмотрим, как «извиняется» наш Витте. Гигантский расход почти в два миллиарда рублей (1946 млн.) покрыт полностью только благодаря тому, что 144 млн. взяты из знаменитой «свободной наличности» государственного казначейства, а свободная наличность пополнена прошлогодним 4% займом в 127 млн. руб. (весь заем был в 148 млн. руб., но 21 млн. еще не дополучен). Значит, дефицит, покрытый займом? — Ничуть не бывало, уверяет нас маг, «заключение займа вызвано было отнюдь не необходимостью покрыть не предусмотренные сметами расходы», так как за покрытием их оставалось «вполне свободных» 114 млн. руб., а желанием строить новые железные дороги. — Очень хорошо, г. Витте! Но, во-первых, дефицита вы этим не опровергаете, ибо даже «вполне свободными» 114 млн. руб. не покрыть расхода в 144 млн. руб. Во-вторых, в свободную наличность (114 млн. руб.) вошли 63 млн. руб. превышения поступления обыкновенных доходов в 1901 г. против предположений росписи, а наша печать давно уже указывает, что вы *искусственно уменьшаете* предположения росписи доходов, дабы фиктивно вздувать «свободную наличность» и неуклонно повышать налоги. Так, в прошлом году повышены гербовые пошлины (новый гербовый устав), повышена цена казенной водки: с 7 руб. до 7 р. 60 к. за ведро, продолжено повышение таможенных пошлин (произведенное в 1900 г. якобы «временно», ввиду китайской войны[116]) и пр. В-третьих, воспевая «культурную роль» железных дорог, вы скромно умалчиваете о чисто русском и совсем некультурном обычае *грабить казну* при постройке железных дорог (не говоря уже о безобразной эксплуатации жел.-дор. подрядчиками рабочих и голодающих крестьян!). Напр., одна русская газета недавно сообщала, что стоимость постройки Сибирской жел. дороги сначала была определена в 350 млн. руб., а на деле израсходовано 780 млн. руб., всего же перевалит, вероятно, и *за миллиард* (какой грабеж шел на Сибирской дороге, об этом «Искра»

уже кое-что сообщала: см. № 2[117]). Доходы-то вы правильно подсчитываете, г. Витте, без пропусков, а вот насчет *действительной величины расходов* попробовали бы дать отчет!

Затем не следует также упускать из виду, что постройка жел. дорог в 1902 г. вызвана отчасти военными целями нашего «миролюбивого» правительства (громадная Бологое-Седлецкая линия, протяжением более 1000 верст), отчасти безусловной необходимостью хоть чем-нибудь «помочь» угнетенной промышленности, в делах которой Государственный банк заинтересован непосредственно. Гос. банк не только щедро ссужал разные пошатнувшиеся предприятия, но и принял многие из них фактически в свое полное заведование. Банкротство промышленных предприятий грозило привести к государственному банкротству! Наконец, не забудем и того, что постоянное повышение суммы займов и размера налогов происходит, под управлением «гениального» Витте, несмотря на то, что все капиталы сберегательных касс обращаются всецело на поддержку государственного кредита. А капиталы эти превысили уже 800 млн. руб. Примите все это во внимание, — и вы поймете, что Витте ведет хищническое хозяйство, что самодержавие медленно, но верно идет к банкротству, ибо нельзя же без конца повышать налоги и не всегда же будет русского царя выручать французская буржуазия.

Витте защищается от обвинения в увеличении государственной задолженности такими доводами, над которыми стоит посмеяться. Он сравнивает долги и «имущество», сопоставляет сумму госуд. займов в 1892 и 1902 гг. со стоимостью казенных жел. дорог за те же годы и выводит уменьшение «чистой» задолженности. А ведь у нас и еще есть имущество: «крепости и военные суда» (ей-богу, так и сказано в докладе!), порты и казенные заводы, оброчные статьи и леса. — Великолепно, г. Витте! Но не замечаете ли вы, что вы уподобляетесь тому купцу, который уже вызван в суд по обвинению в банкротстве и который начинает оправдываться перед людьми, собирающимися описывать

его имущество? Ведь покуда предприятие стоит действительно непоколебимо прочно, — никому и в голову не придет требовать специального обеспечения займов. Ведь никто не сомневается, что «имущества» у русского народа имеется много, но чем больше этого имущества, тем сильнее вина людей, которые, несмотря на обилие имущества, ведут хозяйство только при помощи увеличения займов и повышения налогов. Ведь вы доказываете только то, что народу следует как можно скорее прогнать распоряжающихся его имуществом хищников. В самом деле, ссылки на специальные государственные имущества в обеспечение государственных займов делала до сих пор из всех европейских стран одна только Турция. И эти ссылки вели естественно к тому, что *иностранные кредиторы налагали свой контроль* на распоряжение тем имуществом, которое должно обеспечить возврат данных ими взаймы денег. Хозяйство «великой русской державы» под контролем приказчиков Ротшильда и Блейхредера: какую блестящую перспективу открываете вы нам, г. Витте!*

Мы не говорим уже о том, что крепости и военные суда ни один банкир в залог не возьмет, что это не плюс, а минус в нашем народном хозяйстве. Но и жел. дороги могут служить обеспечением только тогда, когда они приносят доход. А из того же доклада Витте мы узнаем, что до самого последнего времени все русские жел. дороги вообще приносили убыток. Только в 1900 г. покрыт был дефицит по сибирским дорогам и получилась «небольшая чистая прибыль», настолько небольшая, что о величине ее Витте скромно молчит. Молчит он и о том, что за первые две трети 1901 г. выручка железных дорог в Евр. России понизилась, по случаю кризиса. Каков-то был бы баланс нашего жел.-дор. хозяйства, если бы сосчитать не только казенные

* Витте сам заметил неловкость своих рассуждений об «имуществе», и поэтому в другой части своего доклада он старается «поправиться», заявляя, что возрастание стоимости государственного имущества «в применении к обязательствам русской казны не имеет особого значения, так как кредит России не нуждается в специальных обеспечениях». Ну, конечно! А подробный расчетец с перечнем этих специальных обеспечений все-таки оставлен — на всякий случай!

цифры выданных на постройку денег, но и действительные суммы расхищенных при постройке денег? Не пора ли в самом деле передать это действительно ценное имущество в более надежные руки?

О промышленном кризисе Витте говорит, разумеется, в самом успокоительном тоне: «заминка», «несомненно, общих промышленных успехов не коснется и, по истечении некоторого промежутка времени, вероятно (!!), наступит новый период промышленного оживления». Хорошо утешение для миллионов рабочего класса, страдающих от безработицы и уменьшения заработка! В перечне государственных расходов вы напрасно стали бы искать хоть какого-либо указания на то, сколько миллионов и десятков миллионов бросила казна на прямую и косвенную поддержку «страдающих» от кризиса промышленных предприятий. А что при этом не останавливались и перед гигантскими суммами, видно из того, сообщенного в газетах, факта, что общий размер ссуд, выданных Гос. банком с 1 января 1899 г. по 1 января 1901 г., увеличился с 250 млн. руб. до 449 млн. руб., а размер промышленных ссуд с 8,7 млн. до 38, 8 млн. руб. Даже убыток в 4 млн. руб. по промышленным ссудам нисколько не затруднил казны. Рабочим же, которые приносили на алтарь «промышленных успехов» не содержимое своего кошелька, а свою жизнь и жизнь миллионов, существующих на их заработок, — рабочим казна помогала тем, что «даром» высылала их тысячами из промышленных городов в голодающие деревни!

Слова «голод» Витте совсем избегает, уверяя в своем докладе, что «тяжелое влияние неурожая... будет смягчено щедрой помощью нуждающимся». Эта щедрая помощь, по его же словам, равняется 20 млн. руб., тогда как недобор хлеба оценивается в 250 млн. руб. (считая по очень низкой цене, по 50 коп. за пуд, но зато сравнивая с годами благоприятных жатв). Не правда ли, как это в самом деле «щедро»? Допустите даже, что только половина недобора падает на крестьянскую бедноту, и все-таки окажется, что мы еще недостаточно оценивали скаредность русского правительства, когда

писали (по поводу циркуляра Сипягина, см. № 9 «Искры»)*, что правительство урезывает ссуды *впятеро.* Щедр русский царь не на помощь мужику, а на полицейские меры против тех, кто действительно хотел помочь голодающим. Щедр он также и на миллионы, выбрасываемые для того, чтобы урвать пожирней кусок у Китая. За два года — сообщает Витте — на китайскую войну из чрезвычайных расходов пошло 80 *млн. руб.,* да «*сверх того* весьма значительные суммы были издержаны *за счет обыкновенного бюджета».* Всего, значит, вероятно, до *сотни миллионов рублей,* если не свыше! Безработный рабочий и голодающий мужик могут утешиться тем, что Маньчжурия зато, наверное, будет наша...

Недостаток места заставляет нас лишь вкратце коснуться остальных частей доклада. Витте защищается также от обвинения в скудости расходов на народное просвещение: к 36 млн. руб. по смете этого министерства он прибавляет расходы на учебное дело всех других ведомств и «нагоняет» цифру до 75 млн. руб. Но даже и эта (сомнительной верности) цифра совершенно мизерна на всю Россию, и по отношению ко всему бюджету не составляет и пяти процентов. — То обстоятельство, что «наш государственный бюджет построен по преимуществу на системе косвенного обложения», Витте считает преимуществом, повторяя избитые буржуазные доводы о возможности «соразмерять потребление обложенных предметов со степенью благосостояния». На самом же деле, как известно, косвенное обложение, падая на предметы потребления масс, отличается величайшей несправедливостью. Всей своей тяжестью ложится оно на бедноту, создавая привилегию для богатых. Чем беднее человек, тем большую долю своего дохода отдает он государству в виде косвенных налогов. Малоимущая и неимущая масса составляет $^{9}/_{10}$ всего народонаселения, потребляет $^{9}/_{10}$ всех обложенных продуктов и платит $^{9}/_{10}$ всей суммы косвенных налогов, а между тем из всего

* См. Сочинения, 5 изд., том 5, стр. 277—284. *Ред.*

народного дохода она получает каких-нибудь две-три десятых.

В заключенье — интересная «мелочь». По каким статьям всего более увеличились расходы с 1901 по 1902 год? Вся сумма расхода увеличилась с 1788 млн. руб. до 1946 млн. руб., т. е. менее чем на одну десятую. Между тем *почти на четверть* возросли расходы по *двум* статьям: «на содержание особ императорской фамилии» — с 9,8 млн. руб. до 12,8 млн. руб. и... «на содержание отдельного корпуса жандармов» — с 3,96 млн. руб. до 4,94 млн. руб. Вот ответ на вопрос: какие «нужды русского народа» наиболее настоятельны? И какое трогательное «единение» царя с жандармами!

«Искра» № 15, 15 января 1902 г.

Печатается по тексту газеты «Искра»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АГИТАЦИЯ И «КЛАССОВАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ»

Начнем с примера.

Читатели помнят, вероятно, какой шум вызвал доклад орловского губернского предводителя дворянства, М. А. Стаховича, на миссионерском съезде о необходимости признания законом *свободы совести.* Консервативная печать, с «Московскими Ведомостями»[118] во главе, рвет и мечет против г. Стаховича, не зная, как и обругать его, обвиняя чуть ли не в государственной измене всех орловских дворян за то, что они снова выбрали г. Стаховича в предводители. А этот выбор — действительно поучительное явление, приобретающее до известной степени характер дворянской демонстрации против полицейского произвола и безобразия.

Стахович — уверяют «Моск. Вед.» — «не столько предводитель дворянства, сколько Миша Стахович, весельчак, душа общества, краснобай...» (1901 г., № 348). Тем хуже для вас, господа защитники дубины. Если уже даже весельчаки-помещики заговорили о свободе совести, значит несть поистине числа тем гнусностям, которые чинят наши попы с нашей полицией. — «... Какое дело нашей «интеллигентной» легкомысленной толпе, порождающей и рукоплещущей гг. Стаховичам, до нашей святыни, православной веры и до наших заветных к ней отношений?»... Опять-таки: тем хуже для вас, господа защитники самодержавия, православия, народности. Хороши же должны быть порядки нашего полицейского самодержавия, если оно даже

религию настолько пропитало духом кутузки, что «Стаховичи» (не имеющие никаких твердых убеждений в религиозных вопросах, но заинтересованные, как увидим ниже, в прочности религии) проникаются полным равнодушием (если не ненавистью) к этой пресловутой «народной» святыне! — ... «Они нашу веру называют заблуждением!! Они издеваются над нами за то, что мы, благодаря этому «заблуждению», боимся и бежим греха, исполняем безропотно наши обязанности, как бы тяжелы они ни были, за то, что мы находим силы и бодрость переносить горе, лишения и чуждаемся гордости при удачах и в счастии»... Вот в чем суть-то! Святыня православия тем дорога, что учит «безропотно» переносить горе! Какая же это выгодная, в самом деле, для господствующих классов святыня! Когда общество устроено так, что ничтожное меньшинство пользуется богатством и властью, а масса постоянно терпит «лишения» и несет «тяжелые обязанности», то вполне естественно сочувствие эксплуататоров к религии, учащей «безропотно» переносить земной ад ради небесного, будто бы, рая. В пылу усердия «Моск. Вед.» начинают проговариваться. И они проговорились до такой степени, что *нечаянно правду сказали.* Слушайте дальше: ... «Они и не подозревают, что, благодаря тому же «заблуждению», они, гг. Стаховичи, едят сытно, спят спокойно и живут весело».

Святая истина! Именно так, именно благодаря громадному распространению в народных массах религиозных «заблуждений» «спят спокойно» и Стаховичи, и Обломовы, и все наши капиталисты, живущие трудом этих масс, да и сами «Моск. Вед.». И чем больше будет распространяться просвещение в народе, чем более религиозные предрассудки будут вытесняться социалистическим сознанием, тем ближе будет день победы пролетариата, избавляющей все угнетенные классы от их порабощения в современном обществе.

Но, проговорившись в одном пункте, «Моск. Вед.» слишком дешево отделались от другого интересного вопроса. Они явно заблуждаются, думая, что Стаховичи «не подозревают» указанного значения религии и

требуют либеральных реформ просто по «легкомыслию». Такое объяснение враждебного политического направления уже очень ребячески наивно! А что г. Стахович в данном случае явился именно глашатаем целого либерального направления, — это лучше всего доказали сами «Моск. Вед.»: иначе к чему было поднимать целый поход против одного доклада? к чему было говорить не о Стаховиче, а о Стахови*чах,* об «интеллигентной толпе»?

Это заблуждение «М. Вед.» есть, конечно, корыстное заблуждение. «М. Вед.», разумеется, больше не желают, чем не умеют, применить классовую точку зрения к анализу ненавистного им либерализма. О нежелании нечего и говорить. А вот неумение представляет для нас большой общий интерес, ибо этим грехом страдают весьма многие революционеры и социалисты. Страдают им и авторы письма в № 12 «Искры», обвиняющие нас в отступлении от «классовой точки зрения» за то, что мы в своей газете стараемся следить за всеми проявлениями недовольства и протеста либералов; — и авторы «Пролетарской борьбы» и некоторых брошюр «Социал-демократической библиотеки»[119], воображающие, что наше самодержавие есть самодержавное господство буржуазии; — и Мартыновы, зовущие нас от всесторонней обличительной кампании (т. е. от самой широкой политической агитации) против самодержавия к преимущественной борьбе за экономические реформы (давать «положительное» рабочему классу, выставлять от его имени «конкретные требования» законодательных и административных мероприятий, «сулящие известные осязательные результаты»); — и Надеждины, с недоумением спрашивающие по поводу наших корреспонденций о статистических конфликтах: «господи, да не для земцев ли этот орган?»[120].

Все эти социалисты забывают, что интересы самодержавия совпадают только при известных обстоятельствах и только с известными интересами имущих классов и притом часто не с интересами всех этих классов вообще, а с интересами отдельных слоев их. Интересы других слоев буржуазии, а также

более широко понятые интересы *всей* буржуазии, всего развития капитализма вообще необходимо порождают либеральную оппозицию самодержавию. Если, напр., самодержавие гарантирует буржуазии возможность применять самые грубые формы эксплуатации, то, с другой стороны, оно ставит тысячи препятствий широкому развитию производительных сил и распространению просвещения, возбуждая этим против себя не только мелкую, но иногда и крупную буржуазию; если самодержавие гарантирует (?) буржуазии охрану от социализма, то, с другой стороны, эта охрана необходимо превращается, при бесправии населения, в такое полицейское бесчинство, которое возмущает всех и каждого. Каков результат этих противоположных тенденций, каково соотношение консервативного и либерального настроения или направления в буржуазии в данный момент, — этого нельзя вывести из пары общих положений; это зависит от всех особенностей общественно-политической обстановки в данный момент. Для определения этого необходимо детально знать эту обстановку, внимательно следить за всеми и всякими столкновениями с правительством какого бы то ни было общественного слоя. Именно в силу «классовой точки зрения» *непозволительно* социал-демократу оставаться безучастным к недовольству и протестам «Стаховичей». Названные же социалисты и своими рассуждениями и своей деятельностью доказывают свое безучастие к либерализму, обнаруживая этим непонимание основных положений «Коммунистического манифеста», этого «евангелия» международной соц.-демократии. Вспомните, напр., слова о том, что буржуазия сама дает материал для политического воспитания пролетариата своей борьбой за власть, столкновением отдельных своих слоев и групп и пр.[121] Только в свободных политически странах этот материал достается пролетариату сам собою (да и то только отчасти). В рабской же России мы, социал-демократы, должны активно работать над доставлением рабочему классу этого «материала», т. е. должны *взять на себя* задачу всесторонней политической агитации, всенародной обличительной

кампании против самодержавия. И эта задача особенно настоятельна в периоды политического брожения. Надо помнить, что за год политического оживления пролетариат может научиться, в смысле революционного воспитания, большему, чем за несколько лет затишья. Вот почему особенно вредна тенденция указанных социалистов сознательно или бессознательно *суживать* размах и содержание политической агитации.

Далее, вспомните слова о поддержке коммунистами *всякого* революционного движения против существующего строя. Эти слова часто понимают слишком узко, не распространяя их на поддержку либеральной оппозиции. Не следует, однако, забывать, что бывают эпохи, когда всякое столкновение с правительством на почве прогрессивных общественных интересов, как бы мелко оно само по себе ни было, может при известных условиях *(а наша поддержка есть одно из этих условий)* разгореться в общий пожар. Достаточно напомнить, в какое общественное движение разрослось в России столкновение студентов с правительством на почве академических требований или во Франции столкновение всех прогрессивных элементов с военщиной на почве одного, решенного путем подлогов, судебного дела[122]. Вот почему наш прямой долг разъяснять пролетариату, расширять и, путем активного участия рабочих, поддерживать всякий либеральный и демократический протест, будет ли он проистекать из столкновения земцев с министерством внутренних дел, или дворян с ведомством полицейского православия, или статистиков с помпадурами[123], крестьян с «земскими», сектантов с урядниками и проч. и проч. Кто морщит презрительно нос по поводу мизерности некоторых из этих столкновений или «безнадежности» попытки раздуть их в общий пожар, тот не понимает, что всесторонняя политическая агитация есть именно фокус, в котором совпадают насущные интересы политического воспитания пролетариата с насущными интересами всего общественного развития и всего народа в смысле всех демократических элементов его. Наш прямой долг — вмешиваться во всякий либеральный

вопрос, определять свое, социал-демократическое, отношение к нему, принимать меры к тому, чтобы пролетариат активно участвовал в решении этого вопроса и заставлял решать его по-своему. Кто сторонится от такого вмешательства, тот на деле (каковы бы ни были его намерения) пасует перед либерализмом, отдавая в его руки дело политического воспитания рабочих, уступая гегемонию политической борьбы таким элементам, которые в конечном счете являются вожаками буржуазной демократии.

Классовый характер соц.-демократического движения должен выражаться не в сужении наших задач до непосредственных и ближайших нужд «чисто рабочего» движения, а в руководстве всеми сторонами и всеми проявлениями великой освободительной борьбы пролетариата, этого единственного действительно революционного класса современного общества. Социал-демократия должна всегда и неуклонно расширять воздействие рабочего движения на все сферы общественной и политической жизни современного общества. Она должна руководить не только экономической борьбой рабочих, но также и политической борьбой пролетариата, она должна ни на минуту не упускать из виду нашей конечной цели, всегда пропагандировать, охранять от искажений и развивать дальше пролетарскую идеологию — учение научного социализма, т. е. марксизм. Мы должны неустанно бороться против всякой буржуазной идеологии, в какие бы модные и блестящие мундиры она ни рядилась. Названные нами выше социалисты отступают от «классовой» точки зрения также потому и постольку, поскольку они безучастны к задаче борьбы с «критикой марксизма». Только слепые люди могут не видеть, что эта «критика» всего быстрее привилась в России и всего торжественнее подхвачена русской либеральной публицистикой именно потому, что она является одним из элементов складывающейся буржуазной (теперь уже сознательно буржуазной) демократии в России.

Что касается политической борьбы в особенности, то именно «классовая точка зрения» требует, чтобы

пролетариат *подталкивал* вперед всякое демократическое движение. Рабочая демократия своими политическими требованиями не принципиально, а только по степени отличается от буржуазной демократии. В борьбе за экономическое освобождение, за социалистическую революцию, пролетариат стоит на принципиально ином базисе и стоит одиноко (мелкий производитель лишь постольку, поскольку он переходит или готовится перейти в ряды пролетариата, придет ему на помощь). В борьбе же за политическое освобождение у нас много союзников, безучастно относиться к которым непозволительно. Но в то время как наши союзники из буржуазной демократии, борясь за либеральные реформы, всегда будут оглядываться назад, стараясь устроить дело так, чтобы им можно было по-прежнему «есть сытно, спать спокойно и жить весело» на чужой счет, пролетариат пойдет вперед без оглядки до самого конца. Когда какие-нибудь гг. Р. Н. С. (автор предисловия к записке Витте)[124] будут торговаться с правительством о правах властного земства или о конституции, мы будем бороться за демократическую республику. Не забудем только, что для того, чтобы подталкивать другого, надо всегда держать руку на плече этого другого. Партия пролетариата должна уметь ловить всякого либерала как раз в тот момент, когда он собрался подвинуться на вершок, и заставлять его двинуться на аршин. А упрется, — так мы пойдем вперед без него и через него.

«Искра» № 16, 1 февраля 1902 г.

Печатается по тексту газеты «Искра»

ОТВЕТ «ЧИТАТЕЛЮ»

Мы получили следующее письмо в редакцию:

«Касаясь вопроса об агитации (если не ошибаюсь, в № 13), «Искра» высказывается против летучей агитационной литературы (брошюрки в два-три листика) на политические темы. Такая литература, по мнению редакции, с успехом заменяется газетами. Газеты, конечно, — дело хорошее. Против этого никто и спорить не будет. Но могут ли они заменить такие летучие листки, специальное предназначение которых — широкое распространение среди масс? В редакции уже имеется одно письмо из России, в котором группа рабочих-агитаторов высказывается по этому вопросу. Ответ «Искры» на это письмо — очевидное недоразумение. Вопрос об агитации так же теперь важен, как и вопрос о демонстрациях. Поэтому желательно, чтобы редакция сызнова подняла бы его, и на этот раз отнеслась бы к нему более внимательно.

Читатель».

Кто даст себе труд внимательно перечитать, наряду с этим письмом, наш ответ «Рабочим с юга» в № 13 «Искры»*, тот легко убедится, что в очевидное недоразумение впал именно автор письма. О том, чтобы «Искра» высказалась «против летучей агитационной литературы», не было и речи; «замена» газетою «летучих листков» никому и в голову не приходила. Автор письма не заметил, что летучие листки — это и есть прокламации. Что такой род литературы, как прокламации, *ничем незаменим* и всегда будет *безусловно нужен,* — в этом и «Рабочие с юга» и «Искра» были вполне согласны. Но они были согласны и в том, что этого рода литературы *недостаточно.* Если мы говорим о хорошем жилище для рабочих, соглашаясь, что

* См. Сочинения, 5 изд., том 5, стр. 373 — 374. *Ред.*

хорошей пищи им недостаточно, то это, наверное, не значит, чтобы мы были «против» хорошей пищи. Спрашивается, каков же более высокий вид *агитационной* литературы? «Рабочие с юга», поставив этот вопрос, *ни словом не упомянули* о газете. Это умолчание могло, конечно, зависеть от местных условий, и, нисколько не думая «спорить» с нашими корреспондентами, мы не могли, естественно, не напомнить им, что пролетариат тоже должен поставить свою газету, как сделали уже другие классы населения; — что недостаточно одной раздробленной работы, а необходима регулярная, активная, общая работа всех местностей над революционным органом.

Что же касается «брошюр в 3—4 страницы», то мы и «против» них *отнюдь не высказались,* а только усомнились в практичности плана создать из них *регулярную* литературу, распространяемую «одновременно по всей России». При объеме в 3—4 страницы это будут, в сущности, те же прокламации. Мы имеем со всех концов России много очень хороших и нисколько не тяжеловесных прокламаций, и студенческих, и рабочих, которые равняются даже 6—8 страницам малого формата. А действительно *популярная* брошюра, способная *разъяснить* даже совсем не подготовленному рабочему хоть какой-нибудь отдельный вопрос, будет, наверное, гораздо больше объемом, и распространять ее «одновременно по всей России» не будет ни возможности, ни надобности (ввиду ее не временного значения). Вполне признавая все и всякие, старые и новые, виды политической литературы, будь это только действительно хорошая политическая литература, мы бы, с своей стороны, советовали работать не над выдумкой среднего типа между летучими листками и популярной брошюрой, а над революционным органом, заслуживающим *на деле* название периодического (т. е. выходящего не раз в месяц, а по меньшей мере, два-четыре раза в месяц) и общерусского.

«Искра» № 16, 1 февраля 1902 г.

Печатается по тексту газеты «Искра»

ПРИЗНАКИ БАНКРОТСТВА

Всего только год прошел с того времени, как пуля Карповича, уложив Боголепова, очистила место «новому курсу» в области университетской политики правительства. В течение этого года мы последовательно наблюдали необыкновенный подъем общественного возмущения, необыкновенную ласковость тона в речах наших правителей, слишком обыкновенное, к сожалению, увлечение общества этими новыми речами, увлечение, охватившее и известную часть студенчества, и, наконец, вслед за осуществлением пышных обещаний Ванновского — новый взрыв студенческого протеста. Для тех, кто прошлой весной ожидал «новой эры» и серьезно верил, что царский фельдфебель осуществит хотя бы в малой дозе упования студентов и общества, — словом, для русских либералов должно быть теперь ясно, как неправы они были, лишний раз даровав правительству кредит, как мало было основания приостанавливать весной начавшее принимать внушительные формы движение в пользу реформы и дать себя убаюкать сладкими песнями правительственных сирен. После того, как нарушено было обещание вернуть в университеты всех пострадавших в прошлом году, после того, как рядом новых реакционных мер брошен вызов всем тем, кто требовал действительной реформы учебных порядков, после ряда новых кулачных расправ над демонстрантами, требовавшими от злостного банкрота исполнения данных им обязательств, — после

всего этого правительство «сердечного попечения» опубликовывает задуманные в видах «умиротворения» «временные правила» о студенческих организациях[125] и... вместо «умиротворения» получает картину общего пожара «беспорядков», охватившего снова все учебные заведения.

Мы, революционеры, ни на минуту не поверили в серьезность обещанных Ванновским реформ. Мы не переставали твердить либералам, что циркуляры «сердечного» генерала и рескрипты Николая Обманова[126] представляют лишь новое проявление все той же либеральной политики, в которой самодержавие успело искуситься за 40-летний период борьбы с «внутренним врагом», т. е. со всеми прогрессивными элементами России. Мы предостерегали либералов от тех «бессмысленных мечтаний», которым они начали поддаваться после первых же шагов правительства в духе «нового курса», мы разоблачали всю заведомую лживость правительственных посулов и говорили обществу: если твой противник ошеломлен первым серьезным натиском, не уставай наносить ему новые удары, удваивай их силу и их частоту... Та карикатура на право организаций, которая ныне преподнесена студентам «временными правилами», предсказывалась революционерами с самого начала разговоров об этом новом подарке правительства. Мы знали, чего можно и должно ждать от самодержавия и его реформаторских потуг. Мы знали, что никого и ничего не «умиротворит» Ванновский, что никаких прогрессивных надежд он не удовлетворит и что «беспорядки» неизбежно возобновятся в той или другой форме.

Год прошел, и общество стоит у той же мертвой точки. Полагающиеся в благоустроенном государстве высшие учебные заведения снова отказываются функционировать. Снова десятки тысяч молодежи выбито из обычной колеи, и снова перед обществом поставлен тот же вопрос: «что же дальше?».

Значительное большинство студентов отказывается принимать «временные правила» и разрешенные ими организации. Профессора с большей, чем у них принято,

определенностью выражают явное недовольство этим даром правительства. И, право, не нужно быть революционером, не нужно быть радикалом, чтобы признать, что такая, с позволения сказать, «реформа» не только не дает студентам чего-либо похожего на свободу, но и никуда не годна с точки зрения введения в университетскую жизнь какого-нибудь спокойствия. Да разве не ясно с первого взгляда на эти «временные правила», что ими заранее создается целый ряд поводов к столкновениям между студентами и властями? Разве но очевидно, что введение в жизнь этих правил грозит из каждой сходки, *легально* созванной по самому мирному поводу, сделать исходный пункт новых «беспорядков»? Можно ли сомневаться, напр., что исполняющая полицейские функции инспекция своим председательством на сходках должна вечно раздражать одних, провоцировать на протест других, нагонять трепет и сковывать уста третьим? И разве не ясно, что русское студенчество не станет терпеть, чтобы содержание прений на этих сходках грубо определялось «усмотрением» начальства?

А, между тем, дарованное правительством «право» сходок и организаций в том нелепом виде, в каком оно создано «временными правилами», есть *максимум* того, что самодержавие может дать студентам, оставаясь самодержавием. Всякий дальнейший шаг в этом направлении означал бы самоубийственное нарушение того равновесия, на котором покоятся отношения власти к «подданным». Или примириться с этим возможным для правительства максимумом, или усилить *политический, революционный* характер своего протеста — вот дилемма, которую приходится решать студентам. И большинство их принимает второе решение. Резче, чем когда-либо прежде, звучит в студенческих воззваниях и резолюциях революционная нота. Политика чередования зверских расправ и иудиных поцелуев делает свое дело и революционизирует студенческую массу.

Да, студенты так или иначе порешили поставленный перед ними вопрос и заявили, что отложенное в сторону

(под влиянием убаюкивающих песен) оружие они снова готовы взять в руки. Но что же намерено делать общество, которое успело, поди, вздремнуть под звуки этих предательских песен? Отчего оно продолжает молчать и «втихомолку сочувствовать»? Отчего ничего не слышно об *его* протестах, об *его* активной поддержке возобновившихся волнений? Неужели оно готово «спокойно» ждать наступления тех неизбежных трагических явлений, которыми до сих пор сопровождалось всякое студенческое движение? Неужели оно думает ограничиться жалкою ролью счетчика жертв борьбы и пассивного зрителя ее потрясающих картин? Отчего не слышно голоса «отцов» в то время, когда «дети» недвусмысленно заявили свое намерение принести новые жертвы на алтарь русской свободы? Отчего наше общество не поддерживает студентов хотя бы так, как их уже поддержали рабочие? Ведь не их, не пролетариев, сыновья и братья обучаются в высших учебных заведениях, а между тем рабочие и в Киеве, и в Харькове, и в Екатеринославе уже заявили открыто свое сочувствие протестантам, невзирая на ряд «предупредительных мер» полицейских властей, несмотря на их угрозы пустить в ход против демонстрантов вооруженную силу. Неужели это проявление революционного идеализма русского пролетариата не повлияет на поведение общества, кровно и непосредственно заинтересованного в судьбе студентов, и не подвинет его на энергичный протест?

Студенческие «беспорядки» этого года начинаются при довольно благоприятных предзнаменованиях. Сочувствие «толпы», «улицы» им обеспечено. Было бы преступной ошибкой со стороны либерального общества, если б оно не приложило всех усилий для того, чтобы *своевременно* оказанной студентам поддержкой деморализовать окончательно правительство и вынудить у него действительные уступки.

Ближайшее будущее покажет, насколько наше либеральное общество способно к такой роли. От решения этого вопроса зависит в значительной степени исход нынешнего студенческого движения. Но каков бы ни

был этот исход, одно остается несомненным: возобновление общестуденческих беспорядков после столь короткого периода спокойствия является признаком политического банкротства современного строя. В течение трех лет университетская жизнь не может войти в колею, учебные занятия ведутся урывками, одно из колес государственного механизма перестает действовать и, беспомощно повертевшись некоторое время, снова надолго останавливается. И не может быть теперь никакого сомнения в том, что в пределах современного политического режима нет средств для радикального исцеления этого недуга. Покойник Боголепов попытался спасти отечество «героическим» средством, заимствованным из арсенала допотопной, николаевской, медицины. Известно, что вышло из применения этого средства. Очевидно, что в *этом* направлении дальше идти нельзя. Теперь потерпела фиаско политика заигрывания со студентами. А ведь кроме насилия и заигрывания третьего пути нет. И каждое новое проявление этого несомненного банкротства современного режима будет все глубже и глубже подтачивать его основы, лишая правительство в глазах индифферентных обывателей всякого авторитета, умножая число лиц, сознающих необходимость борьбы с ним.

Да, банкротство самодержавия несомненно, и оно спешит сообщить о нем всему миру. Разве не объявлением о банкротстве является провозглашение «усиленной охраны» в доброй трети империи и одновременное выступление местных властей во всех концах России с «обязательными постановлениями», воспрещающими под угрозой усиленных наказаний поступки, и без того не разрешенные русскими законами? По самому существу своему всякие исключительные правила, отменяющие действие общих законов, предполагаются действующими в ограниченных пределах времени и места. Предполагается, что чрезвычайные условия требуют временного применения в определенной местности чрезвычайных мер для того, чтобы водворить то нарушенное равновесие, при котором возможно беспрепятственное действие общих законов. Таково рассуждение

представителей современного режима. Вот уже 20 с лишком лет, как введено положение об усиленной охране. 20 лет действия его в главных центрах империи не повели к «умиротворению» страны, к восстановлению общественного порядка. После 20 лет применения этого сильно действующего средства оказывается, что болезнь «неблагонадежности», для борьбы с которой создано оно, распространилась так далеко и пустила такие глубокие корни, что применение его необходимо распространить на все сколько-нибудь значительные города и фабричные центры! Это ли не банкротство, открыто заявляемое самим банкротом? Убежденные защитники современного строя (такие, несомненно, имеются) должны с ужасом думать о том, как население понемногу привыкает к этому сильно действующему средству и становится нечувствительным к впрыскиваниям новых доз его.

А в то же время, уже помимо воли правительства, выясняется банкротство его *экономической* политики. Хищническое хозяйство самодержавия покоилось на чудовищной эксплуатации крестьянства. Это хозяйство предполагало, как неизбежное последствие, повторяющиеся от времени до времени голодовки крестьян той или иной местности. В эти моменты хищник-государство пробовало парадировать перед населением в светлой роли заботливого кормильца им же обобранного народа. С 1891 года голодовки стали гигантскими по количеству жертв, а с 1897 г. почти непрерывно следующими одна за другой. В 1892 г. Толстой с ядовитой насмешкой говорил о том, что «паразит собирается накормить то растение, соками которого он питается»[127]. Это была, действительно, нелепая идея. Нынче времена переменились, и с превращением голодовки в нормальное состояние деревни наш паразит не столько носится с утопической мыслью накормить ограбленное крестьянство, сколько объявляет самую эту мысль государственным преступлением. Цель достигнута — нынешний грандиозный голод проходит при необычайной даже у нас обстановке гробового молчания. Не слышно стонов голодающих крестьян, нет попытки

общественной инициативы в борьбе с голодом, газеты молчат о том, что делается в деревне. Завидное молчание, но не чувствуют ли гг. Сипягины, что это спокойствие чрезвычайно напоминает затишье перед грозой?

Государственный строй, искони державшийся на пассивной поддержке миллионов крестьянства, привел последнее к такому состоянию, при котором оно из года в год оказывается не в состоянии прокормиться. Это *социальное* банкротство монархии гг. Обмановых не менее поучительно, чем ее *политическое* банкротство.

Когда же наступит ликвидация дел нашего злостного банкрота? Долго ли еще ему удастся жить, изо дня в день заплатывая дыры в своем политическом и финансовом бюджете кожей с живого тела народного организма? От многих факторов будет зависеть большая или меньшая продолжительность отсрочки, которую даст история нашему банкроту; но одним из важнейших будет та степень революционной активности, которую проявят люди, сознавшие полное банкротство современного режима. Его разложение подвинулось очень далеко, оно значительно опередило *политическую мобилизацию* тех общественных элементов, которым приходится быть его могильщиками. Эта политическая мобилизация всего вернее будет совершена революционной социал-демократией, которая одна будет в силах нанести самодержавию смертельный удар. Новая схватка студентов с правительством дает всем нам возможность и возлагает на нас обязанность ускорить это дело мобилизации всех общественных сил, враждебных самодержавию. В политической жизни месяцы военного времени зачисляются историей за годы. А время, переживаемое нами, действительно — военное время.

«Искра» № 17, 15 февраля 1902 г.

Печатается по тексту газеты «Искра»

ИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССИИ

Под этим общим заглавием мы намерены периодически помещать, по мере накопления материала, статьи и заметки, посвященные характеристике, с марксистской точки зрения, всех сторон экономической жизни и экономического развития России. Теперь, когда «Искра» начала выходить два раза в месяц, недостаток такого отдела чувствуется особенно сильно. Но мы должны при этом обратить серьезнейшее внимание всех товарищей и сочувствующих нашим изданиям лиц на то, что ведение (сколько-нибудь правильное) этого отдела требует особенно богатого материала, а редакция наша поставлена в этом отношении в исключительно неблагоприятные условия. Легальный писатель и представить себе не может, о какие иногда элементарнейшие препятствия разбиваются намерения и стремления писателя «подпольного». Не забывайте же, господа, что мы не можем отправиться в императорскую публичную библиотеку, где к услугам журналиста имеются десятки и сотни специальных изданий и местных газет. А ведь материал для экономического отдела, сколько-нибудь приличествующего «газете», т. е. сколько-нибудь живого, злободневного, интересующего и читателя и писателя, — такой материал разбросан именно по мелким местным газеткам и специальным изданиям, из которых большая часть либо недоступна по цене, либо вовсе не поступает в продажу (издания правительственные, земские, медицинские и т. п.).

Поэтому сколько-нибудь правильная постановка экономического отдела возможна *исключительно* при том условии, если *все читатели* нелегальной газеты будут поступать сообразно правилу: «с миру по нитке — голому рубашка». И, преодолевая ложный стыд, редакция «Искры» должна сознаться, что она в этом отношении ходит почитай что совсем голая. Мы уверены, что масса наших читателей имеет возможность следить и на самом деле следит «для себя» за самыми разнообразными специальными и местными изданиями. Только тогда, когда *каждый* такой читатель *каждый раз,* когда он встретит интересный материал, будет задавать себе вопрос: а есть ли этот материал в редакции *нашей* газеты? что я сделал для того, чтобы ознакомить ее с этим материалом? — только тогда мы добьемся того, чтобы все выдающиеся явления в экономической жизни России оценивались не только с точки зрения казенного, нововременского[128], виттевского славословия, не только ради традиционного либерально-народнического нытья, а и с точки зрения революционной социал-демократии. Ну, а теперь, — после этого нелиберального нытья, — теперь перейдем к делу.

I. СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЕ КАССЫ

Сберегательные кассы — один из самых излюбленных в последнее время поводов для славословия. Только этим пользуется не одно виттевское, а также и «критическое» славословие. Давиды и Герцы, Черновы и Булгаковы, Прокоповичи и Тотомианцы, — одним словом, все сторонники модной «критики марксизма» (не говоря уже о солидных профессорах, Каблуковых и Карышевых) на разные лады и голоса взывают: «толкуют эти ортодоксы о концентрации капитала! — Да вот одни уже сберегательные кассы показывают нам децентрализацию капитала. Толкуют о росте нищеты! А на самом деле мы видим рост мелких народных сбережений».

Возьмем присланные нам одним добрым человеком официальные данные о русских сберегательных кассах

в 1899 году[129] и присмотримся к ним поближе. Всего в России было в 1899 г. 4781 государственная сберегательная касса, в том числе 3718 почтово-телеграфных и 84 фабрично-заводских кассы. За пять лет (с 1895 по 1899 г.) число касс возросло на 1189, т. е. на треть. Число вкладчиков за то же время поднялось с 1664 тыс. до 3145 тыс., т. е. на полтора почти млн. (на 89%), сумма денежных вкладов — с 330 млн. р. до 608 млн. р., т. е. на 278 млн. р., или на 84%. Итак, по-видимому, гигантский рост «народных сбережений»?

Но вот какое обстоятельство бросается при этом в глаза. Из литературы о сберегательных кассах известно, что за 80-ые годы и начало 90-х *всего быстрее* шло возрастание суммы вкладов *в голодные годы,* 1891 и 1892. Это с одной стороны. А с другой, — мы знаем, что за весь этот период вообще, за 80-ые и 90-ые годы вместе взятые, наряду с ростом «народных сбережений» шел поразительно быстрый и острый процесс обнищания, разорения и голодания крестьянства. Чтобы понять, как могут совмещаться эти противоречивые явления, надо только припомнить, что самую главную особенность экономической жизни России за указанный период представляет *рост денежного хозяйства.* Увеличение же вкладов в сберегательные кассы указывает само по себе вовсе не на рост «народных» сбережений вообще, а лишь на рост (иногда даже только на стягиванье в центральные учреждения) *денежных* «сбережений». В крестьянстве, напр., при переходе от натурального хозяйства к денежному, вполне возможно *увеличение* денежных сбережений *при уменьшении* всей суммы «народных» сбережений. Крестьянин старого закала держал свои сбережения в кубышке, когда это были сбережения денежные, а большей частью эти сбережения состояли из хлеба, кормов, холста, дров и т. п. предметов «в натуре». Теперь у разоренного и разоряемого крестьянина нет ни натуральных, ни денежных сбережений, а у ничтожного меньшинства богатеющих крестьян скапливаются денежные сбережения и начинают попадать в государственные сберегательные кассы. Таким образом, вполне объясним на-

ряду с ростом голодовок рост вкладов, знаменующий не повышение народного благосостояния, а вытеснение старого, самостоятельного, крестьянина новой сельской буржуазией, т. е. зажиточными мужичками, которые не могут вести хозяйство без найма батраков или поденщиков.

Интересным косвенным подтверждением сказанного являются данные о распределении вкладчиков по роду занятий. Данные эти относятся к владельцам почти 3 млн. (2942 тыс.) книжек с суммой вкладов в 545 млн. руб. Средний вклад оказывается равным 185 руб. — как видите, сумма, ясно указывающая на преобладание среди вкладчиков тех, составляющих ничтожное меньшинство русского народа, «счастливцев», которые имеют родовое или благоприобретенное имущество. Самые крупные вкладчики — *духовенство:* 46 млн. р. на 137 тыс. книжек, т. е. по 333 р. на книжку. Попечение о спасении души паствы — дело, должно быть, небезвыгодное... Затем — *землевладельцы:* 9 млн. р. на 36 тыс. кн., т. е. по 268 р. на кн.; далее — *торговцы:* 59 млн. р. на 268 тыс. кн., т. е. по 222 р. на кн.; потом офицеры — по 219 р. на кн., гражданские чиновники — по 202 р. Лишь на шестом месте стоит «земледелие и сельские промыслы»: 640 тыс. кн. на сумму 126 млн. р., т. е. по 197 р. на кн.; затем «занятия на частной службе» — по 196 р.; «прочие занятия» — по 186 р.; городские промыслы — по 159 р.; «услужение» — по 143 р.; *работа на фабриках и заводах* — по 136 р., и на последнем месте «нижние воинские чины» — по 86 р.

Итак, фабрично-заводские рабочие занимают, в сущности, *последнее* место по размеру сбережений (не считая солдат, содержимых казной)! Даже прислуга имеет более высокий в среднем размер сбережений (143 р. на кн. против 136 р.) и дает гораздо большее число вкладчиков. Именно: у прислуги 333 тыс. кн. на сумму 48 млн. р., а у фабрично-заводских рабочих — 157 тыс. кн. на сумму 21 млн. руб. Пролетариат, создающий все богатства нашей знати и наших тузов, поставлен в худшие условия, чем их личная прислуга! Из всего числа

русских фабрично-заводских рабочих (не менее двух млн. чел.) только *шестая* приблизительно часть[130] имеет возможность делать хотя бы самые ничтожные вклады в сберегательные кассы, — и это несмотря на то, что у рабочих весь доход исключительно денежный и им приходится часто содержать семью в деревне, вследствие чего их вклады означают большей частью вовсе не «сбережения» в собственном смысле слова, а просто суммы, *отложенные* до следующей посылки домой и т. п. Мы уже не говорим о том, что в рубрику «работа на фабриках и заводах» попадали, вероятно, конторщики, мастера, надсмотрщики, одним словом, вовсе не настоящие рабочие.

Что касается до крестьянства, — если считать, что оно главным образом объемлется рубрикой «земледелие и сельские промыслы», — то у него средний размер сбережений оказывается, как мы видели, более высоким, чем даже у состоящих на частной службе, и значительно превышает средние сбережения «городского промышленника» (т. е., вероятно, лавочника, ремесленника, дворника и т. п.). Очевидно, эти 640 тыс. крестьян (на все число около 10 млн. дворов или семей) с 126 млн. руб. в сберегательных кассах принадлежат исключительно к *крестьянской буржуазии.* К этим и еще разве к ближайше соприкасающимся с ними крестьянам только и относятся те данные о прогрессе сельского хозяйства, о распространении машин, о повышении культуры земли и уровня жизни и т. п., — данные, которые выдвигают против социалистов гг. Витте, чтобы доказать «рост народного благосостояния», гг. либералы (и «критики»), — чтобы опровергнуть «марксистскую догму» о гибели и упадке мелкого производства в земледелии. Эти господа не замечают (или притворяются не замечающими) того, что упадок мелкого производства как раз и выражается в том, что из мелких производителей выдвигается ничтожное число богатеющих на счет разорения массы.

Еще более интересны данные о распределении общего числа вкладчиков по величине их вкладов. В круглых цифрах это распределение таково: из трех миллионов

вкладчиков один миллион имеет вклады *до* 25 *руб.* У них всего 7 млн. р. (из 545 млн. руб., т. е. всего 12 коп. из каждых 10 руб. общей суммы вкладов!). Средний размер их вкладов — *семь рублем.* Значит, действительно мелкие вкладчики, составляя *треть* общего числа, обладают лишь $^{1}/_{83}$ долей всех вкладов. Далее, вкладчики, имеющие от 25 до 100 руб., составляют пятую часть общего числа (600 тыс.) и имеют всего 36 млн. руб., — в среднем по 55 руб. Соединяя оба эти разряда, получаем, что *больше половины* вкладчиков (1,6 млн. из 3 млн.) имеют лишь 42 млн. руб. из 545, т. е. $^{1}/_{12}$. Из остальных, состоятельных вкладчиков, один миллион имеет от 100 до 500 р. — у них всего 209 млн. руб., по 223 руб. на вкладчика. 400 тыс. вкладчиков имеют каждый свыше 500 р.; всего у них 293 млн. р. — по 762 руб. на вкладчика. След., эти, очевидно уже богатые, люди, составляя *менее* $^{1}/_{7}$ всего числа вкладчиков, обладают *больше чем половиной* (54%) всего капитала.

Таким образом, *концентрация капитала* в современном обществе, обездоление массы населения, сказывается с громадной силой даже на таком учреждении, которое специально приспособлено для «меньшего брата», для малозажиточного населения, ибо предельный размер вкладов по закону ограничен 1000 рублей. И заметим, что эта концентрация имущества, свойственная всякому капиталистическому обществу, еще сильнее в передовых странах, несмотря на большую «демократизацию» в них сберегательных касс. Напр., во Франции к 31 декабря 1899 г. было $10^{1}/_{2}$ млн. кн. в сберегательных кассах на сумму 4337 млн. франков (франк немного менее 40 коп.). В среднем на одну книжку это дает 412 франков, или около 160 р., т. е. *менее* среднего вклада в русские сберегательные кассы. Число мелких вкладчиков во Франции тоже сравнительно больше, чем в России: почти треть вкладчиков ($3^{1}/_{3}$ млн.) имеет вклады величиной до 20 фр. (8 руб.), в среднем по 13 фр. (5 руб.). Всего у этих вкладчиков только 35 млн. фр. из общей суммы 4337 млн., т. е. $^{1}/_{125}$. Вкладчики, имеющие до 100 фр., составляют

немного более половины общего числа (5,3 млн.), а имеют они всего 143 млн. фр., т. е. $^{1}/_{33}$ общей суммы вкладов. Наоборот, вкладчики с 1000 и более франков (400 и более рублей), составляя *менее пятой доли* (18,5%) общего числа вкладчиков, сосредоточивают *более двух третей* (68,7%) общей суммы вкладов, именно 2979 млн. фр. из 4337 млн.

Таким образом, читатель имеет теперь перед собой некоторый материал для оценки рассуждения наших «критиков». Один и тот же факт: громадное возрастание вкладов в сберегательные кассы и увеличение в особенности числа мелких вкладчиков толкуют различным образом. «Критик марксизма» говорит: растет народное благосостояние, растет децентрализация капитала. Социалист говорит: происходит превращение «натуральных» сбережений в денежные, растет число зажиточных крестьян, превращающихся в буржуазию и превращающих свои сбережения в капитал. Еще неизмеримо быстрее растет число крестьян, выталкиваемых в пролетариат, живущий продажей своей рабочей силы и отдающий (хотя бы временно) частички своих крохотных доходов на сбережение в кассы. Многочисленность мелких вкладчиков доказывает именно многочисленность бедноты в капиталистическом обществе, ибо доля этих мелких вкладчиков в общей сумме вкладов ничтожна.

Спрашивается, чем отличается «критик» от самого дюжинного буржуа?

Пойдем далее. Посмотрим, на какое употребление обращаются и как именно обращаются капиталы сберегательных касс. В России эти капиталы прежде всего усиливают могущество военного и полицейско-буржуазного государства. Царское правительство (как мы уже указывали в передовой статье № 15 «Искры»)* распоряжается этими капиталами так же бесконтрольно, как и всем остальным попадающим в его руки имуществом народа. Оно преспокойно «занимает» из этих капиталов сотни миллионов на оплату своих китайских

* См. настоящий том. стр. 257—263. *Ред.*

экспедиций, на подачки капиталистам и землевладельцам, на перевооружение войска, расширение флота и проч. Так, напр., в 1899 г. из всей суммы 679 млн. руб. в сберегательных кассах 613 млн. руб. находились в процентных бумагах, а именно: 230 млн. в *государственных займах,* 215 млн. в закладных листах земельных банков и 168 млн. в жел.-дорожных займах.

Казна делает очень выгодный «гешефт»: во-первых, она покрывает все расходы по сберегательным кассам и получает чистую прибыль (до сих пор обращавшуюся в запасный капитал сберегательных касс); во-вторых, она *заставляет* вкладчиков покрывать недочеты нашего государственного хозяйства (заставляет их давать казне деньги взаймы). Средним числом с 1894 по 1899 г. взносы денег в сберегательные кассы составляли по 250 млн. р. в год, а выдачи по 200 млн. р. По *пятидесяти миллионов* получается, след., ежегодно на заштопыванье путем займов дыр в мошне государственной казны, которой только разве ленивый не расхищает. Чего тут бояться дефицита от разбрасыванья денег на войны да на подачки придворным прихвостням, помещикам да фабрикантам! Из «народных сбережений» можно покрыть всегда порядочную сумму!

В скобках заметим, что выгодный гешефт казна делает отчасти потому, что процент по денежным вкладам она неуклонно понижает, и этот процент стоит ниже процента по бумагам. Напр., в 1894 году процент по денежным вкладам равнялся 4,12%, по бумагам — 4,34%; в 1899 г. — 3,92% и 4,02%. Понижение процента есть, как известно, явление — общее всем капиталистическим странам и доказывающее наиболее наглядным и рельефным образом рост крупного капитала и *крупного производства на счет мелкого,* ибо размер процента определяется в последнем счете отношением между всей суммой прибыли и всей суммой вносимого в производство капитала. Точно так же нельзя обойти молчанием и того, что казна все сильнее эксплуатирует труд почтово-телеграфных чиновников: прежде они ведали только почту, потом прибавили телеграф, теперь

взвалили на них же и операции по приему и выдаче сбережений (вспомним, что из 4781 кассы — 3718 почтово-телеграфных). Страшное усиление напряженности работы, удлинение рабочего дня — вот что означает это для массы мелких почтово-телеграфных служащих. А насчет платы им казна скаредничает, как самый прижимистый кулак: самым низшим, начинающим служащим платятся буквально *голодные* платы, и затем установлена бесконечная градация степеней с надбавкой по четвертачку или полтинничку, причем перспектива грошовой пенсии после сорока-пятидесяти лет лямки должна еще покрепче закабалить этот настоящий «чиновнический пролетариат».

Но вернемся к употреблению капиталов касс. Мы видели, что 215 млн. р. кассы вкладывают (по воле российского правительства) в закладные листы земельных банков и 168 млн. р. в жел.-дорожные займы. Этот факт подал повод еще к одному, весьма распространенному в последнее время, проявлению буржуазного... то-бишь «критического» глубокомыслия. В сущности ведь — говорят нам Бернштейны, Герцы, Черновы, Булгаковы и им подобные — этот факт означает, что мелкие вкладчики в сберегательные кассы становятся *собственниками железных дорог, владельцами закладных* на землю. На самом деле, дескать, даже такие чисто капиталистические и колоссально крупные предприятия, как железные дороги и банки, все более децентрализуются, раздробляются, переходят в руки мелких собственников посредством покупки ими акций, облигаций, закладных листов и т. п., на самом деле растет число имущих, число собственников, — а эти узкие марксисты носятся с устарелой теорией концентрации и теорией обнищания. Если, напр., русские фабрично-заводские рабочие имеют, по статистике, 157 тыс. книжек в сберегательных кассах на сумму 21 млн. руб., то около 5 млн. руб. из этой суммы вложено в железнодорожные займы, около 8 млн. р. в закладные листы земельных банков. Значит, русские фабрично-заводские рабочие оказываются на целых пять млн. рублей собственниками жел. дорог и на целых восемь миллионов

землевладельцами. Вот и толкуйте тут о пролетариате! Значит, рабочие эксплуатируют землевладельцев, ибо в виде процентов по закладным листам они получают частичку ренты, т. е. частичку прибавочной стоимости.

Да, именно таков ход рассуждения у новейших критиков марксизма... И — знаете ли что? — я готов, пожалуй, согласиться с тем широко распространенным мнением, что «критику» надо приветствовать, ибо она внесла движение в застоявшееся якобы учение, — готов вот на каком условии. Французские социалисты изощряли в свое время свои пропагандистские и агитаторские способности на разборе софизмов Бастиа, немецкие — на распутывании софизмов Шульце-Делича, нам же, русским, досталась, очевидно, на долю *пока* только компания «критиков». Так вот, я готов кричать: «да здравствует критика!» — *под условием,* чтобы мы, социалисты, *как можно шире* вносили в свою пропаганду и *агитацию среди масс* разбор всех буржуазных софизмов модной «критики». Согласны на это условие? — так по рукам! Кстати, буржуазия наша все больше отмалчивается, предпочитая защиту царских архангелов защите буржуазных теоретиков, и нам очень удобно будет брать «критиков» в качестве «адвокатов дьявола».

Через посредство сберегательных касс все большее число рабочих и мелких производителей становится участником крупных предприятий. Это факт несомненный. Но доказывает этот факт не возрастание числа собственников, а 1) рост обобществления труда в капиталистическом обществе и 2) растущее подчинение мелкого производства крупному. Возьмите малоимущего русского вкладчика. Имеющих до 100 руб. больше половины, как мы видели, именно 1618 тыс. с капиталом в 42 млн. руб., т. е. по 26 руб. на вкладчика. Этот вкладчик, значит, рублей на 6 «владеет» железными дорогами, рублей на 9 — «земельным имуществом». Становится ли он от этого «имущим» или «собственником»? Нет, он остается пролетарием, вынужденным продавать свою рабочую силу, т. е. идти в рабство

к собственникам средств производства. «Участие» же его в «железнодорожном и банковом» деле доказывает только, что капитализм все теснее переплетает между собой отдельных членов общества и отдельные классы. Взаимозависимость между отдельными производителями была совершенно ничтожна при патриархальном хозяйстве; теперь она становится все больше. Труд становится все более общественным, предприятия все менее «частными», оставаясь все же *почти всецело* в руках частных лиц.

Своим участием в крупном предприятии мелкий вкладчик, несомненно, *сплетается* с этим предприятием. Кто извлекает пользу от этого сплетения? — Крупный капитал, который расширяет свои операции, платя мелкому вкладчику не более (а часто менее), чем всякому заимодавцу, и будучи *тем более независим* от мелкого вкладчика, чем эти вкладчики *мельче* и раздробленнее. Мы видели, что доля мелких вкладчиков даже в капитале сберегательных касс крайне мала. Насколько же ничтожна она в капитале железнодорожных и банковых воротил? Отдавая этим воротилам свои крохи, мелкий вкладчик тем самым попадает в *новую зависимость* от крупного капитала. О распоряжении этим крупным капиталом ему нечего и думать; «прибыль» его до смешного мала (на 26 руб. по 4% = 1 рубль в год!). А вот зато в случае краха он теряет целиком даже и жалкие крохи. Не раздробление крупного капитала означает обилие этих мелких вкладчиков, а *усиление могущества* крупного капитала, получающего в свое распоряжение даже мельчайшие крохи «народных» сбережений. Не более самостоятельным хозяином становится мелкий вкладчик от участия в крупном предприятии, а *более зависимым* лицом от крупного хозяина.

Не успокоительный филистерский вывод о росте числа имущих вытекает из увеличения числа мелких вкладчиков, а революционный вывод об усилении зависимости мелких от крупных, об обострении противоречия между все более обобществляющимся характером предприятий и сохранением частной собственности

на средства производства. Чем больше развиваются сберегательные кассы, тем больше становится заинтересованность мелких вкладчиков в социалистической победе пролетариата, которая одна только сделает их не фиктивными, а настоящими «участниками» и распорядителями общественного богатства.

«Искра» № 17, 15 февраля 1902 г.

Печатается по тексту газеты «Искра»

ДОКЛАД РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ» СОВЕЩАНИЮ (КОНФЕРЕНЦИИ) КОМИТЕТОВ РСДРП [131]

5 марта 1902 г.

Товарищи! Мы получили только третьего дня извещение о созыве совещания на 21-ое марта вместе с совершенно неожиданным сообщением, что первоначальный план устроить конференцию заменен планом устроить партийный съезд. Кем совершена эта внезапная и немотивированная замена, мы не знаем. С своей стороны, мы находим ее крайне неудачной, мы протестуем против таких быстрых перерешений необыкновенно сложных и важных в партийном отношении шагов, мы усиленно советуем возвратиться к первоначальному плану устройства конференции.

Чтобы убедиться в необходимости этого, достаточно, по нашему мнению, всмотреться внимательнее в список вопросов (Tagesordnung) съезда, сообщенный нам тоже только третьего дня, причем мы не знаем, есть ли это только проект Tagesordnung'а, предлагаемый одной организацией или несколькими. Список намечает девять вопросов, подлежащих обсуждению съезда, в следующем порядке (излагаю содержание вопросов сокращенно): A) Экономическая борьба; B) Политическая борьба; C) Политическая агитация; D) 1 мая; E) Отношение к оппозиционным элементам; F) Отношение к революционным группам, не входящим в партию; G) Организация партии; H) Центральный орган и I) Заграничное представительство и заграничные партийные организации.

Во-первых, этот список своей архитектурой и редакцией отдельных вопросов неотразимо производит впечатление «экономизма». Мы не думаем, конечно, чтобы организация, предлагающая этот список, держалась и по сю пору «экономических» воззрений (хотя *до некоторой степени* это и не совсем невозможно), но мы просим товарищей не забывать, что надо считаться и с общественным мнением международной революционной социал-демократии и с распространенными еще у нас остатками «экономизма». Подумайте только: передовая партия политической борьбы собирает съезд в момент величайшего напряжения всех революционных и оппозиционных сил страны, начавших прямой натиск на самодержавие, — и вдруг во главу угла мы ставим «экономическую борьбу», за которой только *следует* «политика»!! Разве это не копирует то традиционное заблуждение наших «экономистов», будто политическая агитация (resp.* борьба) должна следовать за экономической? Разве можно себе представить, чтобы какая-либо европейская социал-демократическая партия в революционный момент вздумала выдвинуть на первое место среди всех вопросов вопрос о профессиональном движении? Или возьмите это отделение вопроса о политической агитации от вопроса о политической борьбе! Разве не сквозит тут обычное заблуждение, противополагавшее политическую агитацию политической борьбе как нечто принципиально отличное, нечто принадлежащее к иной стадии? Или, наконец, как объяснить себе, что демонстрации *прежде всего* фигурируют в списке вопросов, как *средство экономической борьбы!??* Нельзя же забывать, в самом деле, что в настоящее время *целый ряд* чужих по отношению к социал-демократии элементов обвиняет всю социал-демократию в «экономизме»: обвиняет и «Накануне», и «Вестник Русской Революции», и «Свобода», обвиняет даже (даже!) «Русское Богатство». Нельзя забывать, что, каковы бы ни были резолюции конференции, самый уже список вопросов останется

* — respective — или. *Ред.*

историческим документом, на основании которого будут судить о высоте политического развития всей нашей партии.

Во-вторых, список поражает тем, что выдвигает (за несколько дней до съезда!) такие вопросы, которые надо обсуждать только при полной подготовке их, при возможности принять действительно определенные, действительно понятные решения, — иначе лучше вовсе не обсуждать их пока. Напр., пункты Е и F: отношение к оппозиционным и другим революционным направлениям. Необходимо заранее всесторонне обсудить эти вопросы, составить доклады по ним, выяснить различие имеющихся оттенков — и только тогда принимать резолюции, которые бы давали на самом деле нечто новое, которые бы могли служить реальным *руководством* для всей партии, а не только повторяли какое-нибудь традиционное «общее место». Подумайте в самом деле: можем ли мы в несколько дней выработать обстоятельное, мотивированное и считающееся со всеми практическими надобностями движения решение вопросов об отношении к «революционно-социалистической группе «Свобода»» или к новоявленной «партии социалистов-революционеров»? Мы уже не говорим о том, какое, по меньшей степени, странное впечатление произведет на всех упоминание о революционных группах, не входящих в партию, наряду с умолчанием о таком важном вопросе, как отношение к Бунду и пересмотр трактующих о нем параграфов решений 1-ого съезда партии?

В-третьих, — и это главное — список вопросов страдает непростительным пробелом: совершенно обойдена молчанием *принципиальная позиция* современной русской революционной социал-демократии и ее *партийная программа.* В такой момент, когда весь мир кричит о «кризисе марксизма», а вся русская либеральная публицистика даже о распадении *и исчезновении* его, когда вопрос о «двух течениях в русской социал-демократии» не только поставлен на очередь, но и успел даже войти во всякие программы систематического чтения, в программы лекций пропагандистов и занятий

кружков самообразования, — в такой момент обходить молчанием названные вопросы совершенно невозможно. Над нами, товарищи, и то уже *печатью* иронизируют наши противники (см. Надеждина «Канун революции»), что мы привыкли «рапортом рапортовать: все обстоит благополучно»!..

Все указанные недостатки списка вопросов убедительно доказывают, по нашему мнению, нерациональность плана превратить созванную уже конференцию в съезд. Мы понимаем, разумеется, как сильно чувствуется всеми отсутствие партийных съездов, начиная уже с 1898 года, как соблазнительна мысль воспользоваться затраченными на организацию конференции усилиями, чтобы положить конец этому существованию «партии без партийных учреждений». Но было бы величайшей ошибкой — ради этих практических соображений забыть о том, что от съезда Российской социал-демократической рабочей партии все ждут теперь решений, стоящих на высоте *всех* революционных задач современности, что если мы спасуем *теперь,* в такой поистине критический момент, то мы можем похоронить все надежды социал-демократии на гегемонию в политической борьбе, что лучше не жалеть затраты нескольких тысяч рублей денег и нескольких месяцев подготовительной организационной работы и воспользоваться настоящей конференцией для подготовки к лету действительно *общепартийного* съезда, способного окончательно вырешить все очередные вопросы и в области теории (принципиальная программа) и в области политической борьбы.

Посмотрите на социалистов-революционеров, которые все более и более умело пользуются нашими недочетами и двигаются вперед в ущерб социал-демократии. Они только что образовали «партию», учредили *теоретический* орган, постановили создать *ежемесячную* политическую газету. Что же скажут про социал-демократов, если они *после* такого события не сумеют на своем съезде достигнуть *даже таких только* результатов? Не рискуем ли мы вызвать такое впечатление, что в смысле программной определенности и революционной

организации социал-демократы не ушли вперед от этой «партии», заведомо группирующей вокруг себя всякие неопределенные, неопределившиеся и даже неопределимые элементы?

Ввиду всего этого мы думаем, что настоящий съезд представителей от комитетов следует объявить не вторым очередным съездом Российской социал-демократической рабочей партии, а *частной конференцией* и установить *главной и непосредственной задачей* этой конференции сорганизовать и подготовить к лету действительно *общепартийный съезд,* который был бы в состоянии и утвердить программу партии, и окончательно наладить еженедельный политический орган партии, и вообще достигнуть полного и фактического объединения всех комитетов и даже всех групп (типографских и пр.) социал-демократов на почве принципиальной выдержанности, верности принципам революционной социал-демократии и действительной боевой готовности к *наступательным* политическим действиям.

Исходя из этой основной мысли, мы позволим себе предложить на усмотрение товарищей следующий Tagesordnung нашей конференции:

1. *Принципиальная резолюция.* В этой резолюции необходимо высказаться с полной определенностью против тех прискорбных попыток сужения нашей теории и наших задач, которые были достаточно широко распространены в ближайшем прошлом. Отвергнув в решительных выражениях всякое такое сужение, партийная конференция сделает важное дело для принципиального объединения всех социал-демократов и поднимет пошатнувшийся престиж революционного марксизма. Может быть, некоторые товарищи выскажут опасение, что обсуждение принципиальной резолюции отнимет массу времени и нанесет ущерб занятию практическими вопросами? Мы совершенно не разделяем этих опасений, полагая, что продолжительные дебаты в нелегальной печати настолько разъяснили вопрос, что мы очень быстро и легко сойдемся на принципах революционной социал-демократии. Обой-

тись же без принципиальной резолюции никак невозможно.

Кроме того, устранение этого вопроса с Tagesordnung'a конференции все равно не достигло бы цели, ибо при обсуждении резолюций об экономической борьбе, политической борьбе и пр. неизбежно встал бы тот же самый вопрос, но в более отрывочном виде. Гораздо целесообразнее будет поэтому сначала покончить с этим и не дробить наших резолюций о политической агитации, стачках и проч., а изложить в связном виде взгляд на наши основные задачи.

С своей стороны, мы попытаемся набросать проект такой резолюции и поместить ее в приложении к этому докладу (если успеем сделать это).

2. *Второй очередной съезд Российской социал-демократической рабочей партии.* Мы имеем в виду здесь предварительное (и, конечно, до известной степени предположительное) решение вопроса о времени съезда (лето или самое позднее осень, ибо желательно покончить к началу будущего «сезона»), о месте его (причем надо тщательно взвесить конспиративные условия), о необходимых средствах на устройство его («Искра», с своей стороны, готова была бы сейчас же ассигновать на эту цель 500 р. из одного специального, полученного ею, пожертвования; возможно, что вскоре мы нашли бы и еще столько же или даже больше. Надо обсудить, сколько тысяч рублей будет это примерно стоить и как именно собирать недостающее), — наконец, об общих основаниях и возможной полноте представительства (т. е. чтобы были представлены определенно намеченные наперед комитеты и известные группы, может быть, и кружки русских социал-демократов, не говоря о сравнительно легкой задаче представить обе заграничные с.-д. организации; надо установить и порядок обсуждения вопроса о призыве на съезд организаций, имеющих возникнуть за промежуток времени между конференцией и съездом, и пр. и пр.).

3. *Выбор Организационного комитета.* Задачей этого ОК было бы, вообще говоря, приведение в исполнение решений конференции, подготовка и устройство съезда,

окончательное определение его времени и места, его практическая организация, подготовка таких функций, как транспорт, постановка партийных типографий в России (при содействии «Искры» в России возникло две, сочувствующие нашим изданиям, местные типографские группы, успевшие в своих двух типографиях издать №№ 10 и 11 «Искры», брошюры: «Что же дальше?», «10-летие морозовской стачки», «Речь Петра Алексеева», «Обвинительный акт по обуховскому делу» и мн. др., вместе с рядом листков. Мы надеемся, что представителям этих местных групп удастся участвовать в занятиях конференции и что они окажут всякое содействие осуществлению общепартийных задач[132]), затем содействие всяким местным, профессиональным (рабочим), студенческим и т. п. организациям и пр. и пр. За три-четыре месяца этот ОК, поддержанный всеми организациями, мог бы вполне подготовить почву для образования настоящего ЦК, способного de facto руководить всей политической борьбой нашей партии.

Ввиду сложности и разносторонности задач ОК его следовало бы, по нашему мнению, составить не из очень малого числа лиц (5—7 человек), предложив им выбрать бюро, распределить функции и съезжаться несколько раз до съезда.

4. *Выбор комиссии для выработки проекта партийной программы.* Так как редакция «Искры» (а в том числе и группа «Освобождение труда») уже долго работает над этим трудным делом, то мы позволили бы себе предложить товарищам такой план. У нас уже закончен весь проект практической части программы, в том числе и проект аграрной программы, а кроме того, составлены *два* варианта принципиальной части программы. Наш представитель ознакомит конференцию с этими проектами, если это будет найдено нужным и если он, с своей стороны, не встретит препятствий к этому. Из этих двух вариантов мы составляем теперь один общий проект, причем опубликовывать его в черновом виде, т. е. до окончания этой работы, мы, разумеется, не желали бы. Если бы конференция вы-

брала нескольких человек для присоединения к нашей редакции на предмет выработки программы, то это было бы, может быть, наиболее практичным решением вопроса.

С своей стороны, мы во всяком случае можем теперь же взять на себя формальное обязательство перед товарищами представить через несколько недель окончательный проект партийной программы, который мы хотели заранее напечатать в «Искре» для ознакомления *всех* товарищей и получения их замечаний.

5. *Центральный орган.* Ввиду громадных трудностей дела постановки правильно выходящего и достаточно оборудованного с литературной и технической стороны периодического органа, — конференция, по примеру 1-ого съезда партии, вероятно, остановилась бы на одном из существующих органов. Будет ли этот вопрос решен таким образом или будет намечена постановка совершенно нового органа, во всяком случае надо будет поручить особой комиссии, или, еще лучше, тому же Орг. комитету, подготовку этого дела и всестороннее обсуждение его сообща с имеющейся налицо или с нововыбранной редакцией.

К этим обсуждениям необходимо было бы, по нашему мнению, привлечь группу «Освобождение труда», без участия и руководства которой мы не можем представить себе правильной постановки принципиально выдержанного и удовлетворяющего вообще всем нуждам движения политического органа.

Так как уже до конференции имелись попытки поставить двухнедельный орган, то партии следовало бы наметить ближайшей задачей постановку *еженедельной газеты:* это было бы вполне возможно при условии действительно *общей* работы *всех* русских социал-демократов над таким органом.

6. *Подготовка списка вопросов для партийного съезда и докладов по ним.* Конференции следовало бы отчасти наметить самой, отчасти поручить Орг. комитету составить этот список и *непременно* назначить (resp. подыскать) докладчиков по каждому вопросу. Только при условии предварительного назначения докладчиков

можно обеспечить действительно всестороннее обсуждение вопросов (некоторые доклады в полном виде или отчасти могли бы быть напечатаны заранее и подвергнуться обсуждению в прессе: напр., мы надеемся вскоре напечатать почти законченный уже реферат одного из членов редакции об аграрной программе русской социал-демократии* и т. п.) и правильное решение их на съезде.

7. *Текущие практические вопросы движения,* — напр., (а) обсуждение и принятие майского листка (resp. обсуждение проектов листка, представленного «Искрой» и другими организациями);

(б) майская демонстрация — время и способы ее устройства;

(в) поручение Орг. комитету содействовать устройству бойкотов, демонстраций и т. п., а равно и постепенное подготовление и умов членов партии и сил и средств партии к всенародному восстанию;

(г) разные финансовые вопросы о расходах на Орг. комитет *и т. п.*

Заканчивая этим свой доклад по вопросам о задачах и Tagesordnung'е нашего съезда, мы заметим только, что составить подробный доклад о деятельности «Искры» для нас совершенно невозможно, вследствие крайнего недостатка времени. Мы вынуждены ограничиться поэтому нижеприлагаемым кратким наброском.

(NB) ЧЕРНЯК РЕЗОЛЮЦИИ

1. Конференция решительно отвергает все и всяческие попытки внесения оппортунизма в революционное классовое движение пролетариата, — попытки, выразившиеся в так называемой «критике марксизма», бернштейнианстве и «экономизме». В то время, как буржуазия всех стран ликует по поводу преслову-

---

* См. настоящий том, стр. 303—348. *Ред.*

того «кризиса в социализме», конференция от имени Росс. СДРП заявляет свою солидарность с революционной международной социал-демократией и свое твердое убеждение, что из этого кризиса социал-демократия выйдет еще более окрепшей и готовой на беспощадную борьбу за осуществление ее великих идеалов.

2. Конференция заявляет свою солидарность с Манифестом Российской социал-демократической рабочей партии и подтверждает, что ближайшей политической задачей партии она считает низвержение самодержавия. Конференция заявляет, что во главу угла своей деятельности, направленной к осуществлению этой ближайшей задачи, а равно и своей конечной цели, социал-демократия ставит всестороннюю и всенародную политическую агитацию, призывающую пролетариат на борьбу против всех проявлений экономического, политического, национального и социального угнетения, на какую бы часть населения этот гнет ни направлялся. Конференция заявляет, что партия будет поддерживать всякое революционное и прогрессивно-оппозиционное движение против существующего политического и общественного строя. Как практическое средство борьбы, конференция особенно рекомендует устройство бойкотов, манифестаций в театрах и т. п., а равно организованные массовые демонстрации. Конференция советует всем комитетам и группам партии обратить внимание на необходимость подготовительных мероприятий к общенародному вооруженному восстанию против царского самодержавия.

3. Конференция заявляет, что русская социал-демократия по-прежнему будет руководить экономической борьбой пролетариата, будет заботиться о расширении ее и развитии вглубь, об укреплении идейной и организационной связи ее с социал-демократическим рабочим движением, будет стремиться использовать всякое проявление этой борьбы для развития политического сознания пролетариата и вовлечения его в политическую борьбу. Конференция заявляет, что нет никакой

необходимости вести сначала агитацию только на экономической почве или считать вообще экономическую агитацию наиболее широко применимым средством для вовлечения масс в политическую борьбу.

[NB: очень важно *поймать* и тут *«Рабочее Дело»* еще раз!!]

4. (Может быть насчет крестьянства в духе нашей аграрной программы?

Постараюсь составить и послать вслед.)

Впервые напечатано в 1923 г.
в Собрании сочинений Н. Ленина
(В. Ульянова), том V

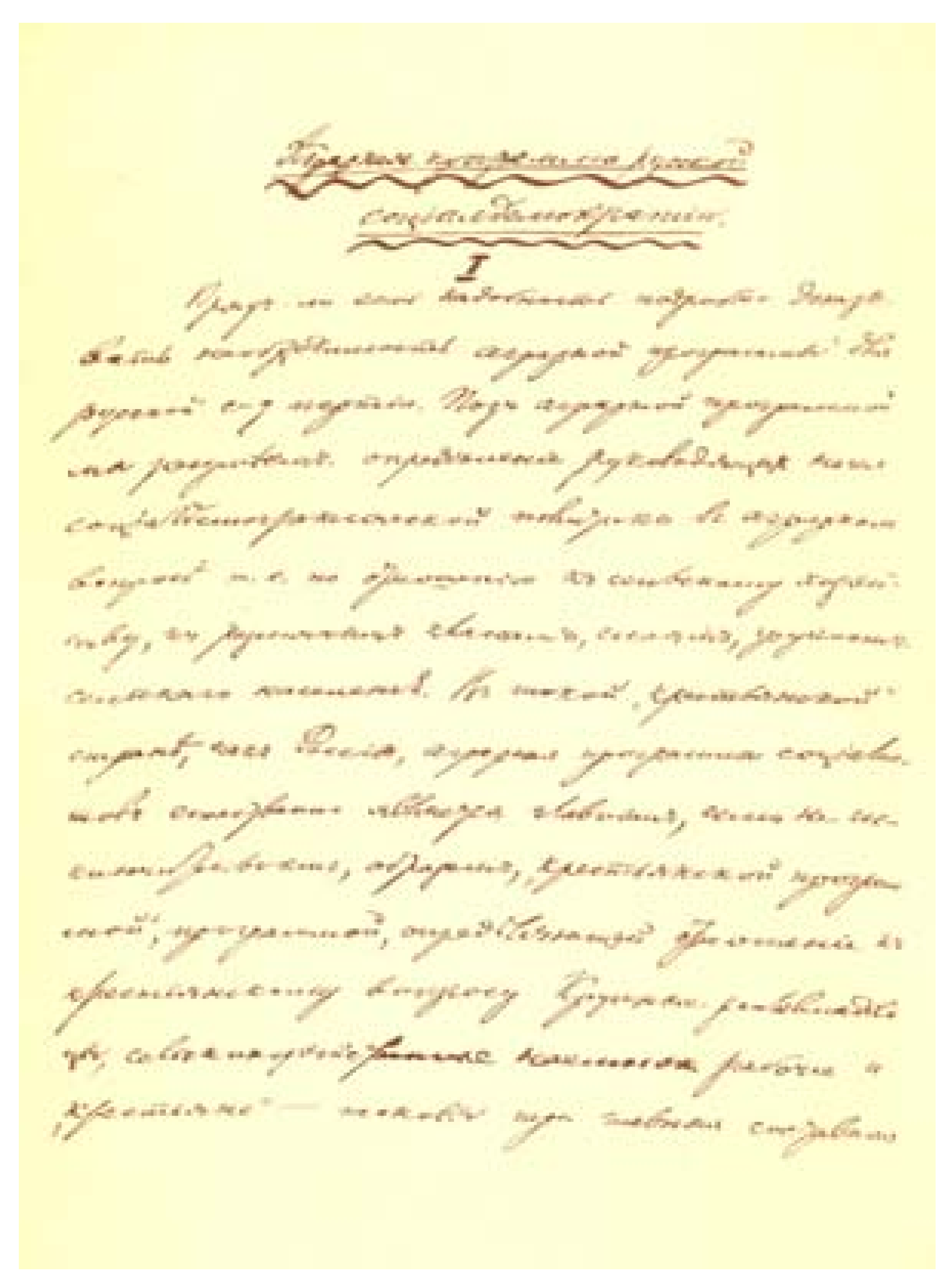
Печатается по рукописи

АГРАРНАЯ ПРОГРАММА РУССКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ [133]

Написано в феврале — первой половине марта 1902 г.

Напечатано в августе 1902 г. в журнале «Заря» № 4
Подпись: Н. Ленин

Печатается по рукописи

Первая страница рукописи В. И. Ленина
«Аграрная программа русской социал-демократии». — 1902 г.
Уменьшено

I

Вряд ли есть надобность подробно доказывать необходимость «аграрной программы» для русской социал-демократической партии. Под аграрной программой мы разумеем определение руководящих начал социал-демократической политики в аграрном вопросе, т. е. по отношению к сельскому хозяйству, к различным классам, слоям, группам сельского населения. В такой «крестьянской» стране, как Россия, аграрная программа социалистов естественно является главным, если не исключительным, образом «крестьянской программой», программой, определяющей отношение к крестьянскому вопросу. Крупные землевладельцы, сельскохозяйственные наемные рабочие и «крестьяне» — таковы три главные составные части сельского населения во всякой капиталистической стране, в том числе и в России. И насколько определенно и ясно уже само собою отношение социал-демократов к первым двум из указанных трех составных частей (землевладельцам и рабочим), настолько неопределенно самое даже понятие «крестьянства», а тем более наша политика по отношению к коренным вопросам его быта и его эволюции. Если на Западе весь гвоздь аграрной программы социал-демократов составляет именно «крестьянский вопрос», то в России это должно быть в еще гораздо большей степени. Самое недвусмысленное определение своей политики в крестьянском вопросе тем более необходимо для нас, русских социал-демократов, что наше направление еще совсем молодо в России, что весь старый

русский социализм был, в последнем счете, «крестьянским» социализмом. Правда, у той массы русских «радикалов», которая мнит себя хранителем наследства, оставленного нашими социалистами-народниками всяческих оттенков, социалистического почти что совсем ничего уже не осталось. Но все они тем охотнее выдвигают на первый план свои разногласия с нами по «крестьянскому» вопросу, чем приятнее для них затушевать тот факт, что на авансцену общественно-политической жизни России выдвинулся уже «рабочий» вопрос, что по этому вопросу они не имеют никаких прочных устоев, а девять десятых из них являются здесь, в сущности, самыми дюжинными буржуазными социал-реформаторами. Наконец, многочисленные «критики марксизма», почти совсем слившиеся в этом последнем отношении с русскими радикалами (или либералами?), тоже стараются напирать именно на крестьянский вопрос, по которому будто бы «ортодоксальный марксизм» всего более посрамлен «новейшими трудами» Бернштейнов, Булгаковых, Давидов, Герцев и даже... Черновых!

Далее, помимо теоретических недоумений и войны «передовых» направлений, чисто практические запросы самого движения выдвигают в последнее время задачу пропаганды и агитации в деревне. А сколько-нибудь серьезная и широкая постановка этого дела невозможна без принципиально выдержанной и политически целесообразной программы. И русские социал-демократы признавали всю важность «крестьянского вопроса» с самого уже своего появления на свет в качестве особого направления. Напомним, что в проекте программы русских социал-демократов, составленном группой «Освобождение труда» и изданном в 1885 году, стоит требование «радикального пересмотра аграрных отношений (условий выкупа и наделения крестьян землей)»[*]. В брошюре «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России» (1892 г.) Г. В. Плеханов тоже говорил о социал-демократической политике в крестьянском вопросе.

[*] См. приложение к брошюре П. Б. Аксельрода: «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов». Женева, 1898.

Вполне естественно поэтому, что и «Искра» в одном из первых своих номеров (апрель 1901 г., № 3) выступила с наброском аграрной программы, определяя в статье «Рабочая партия и крестьянство»* свое отношение к основам аграрной политики русских социал-демократов. Статья эта вызвала недоумение у весьма многих русских социал-демократов; мы получили ряд замечаний и писем в редакцию по поводу нее. Главные возражения вызвал пункт о возвращении, отрезков, и мы предполагали уже открыть дискуссию в «Заре» по этому вопросу, когда появился № 10 «Рабочего Дела» со статьей Мартынова, разбиравшей, между прочим, и аграрную программу «Искры». Ввиду того, что «Раб. Дело» сделало свод многим из ходячих возражений, — мы надеемся, что наши корреспонденты не посетуют на нас за то, что мы ограничимся *пока* ответом одному Мартынову.

Я подчеркиваю *пока* ввиду вот каких обстоятельств. Статья в «Искре» писана была одним из членов редакции, и остальные члены ее, будучи солидарны с автором относительно общей постановки вопроса, могли быть, разумеется, различных мнений относительно частностей, относительно отдельных пунктов. Между тем вся наша редакционная коллегия (т. е. и группа «Освобождение труда» в том числе) была занята выработкой коллективного, редакционного проекта программы нашей партии. Выработка эта затянулась (отчасти вследствие разных партийных дел и некоторых конспиративных обстоятельств, отчасти вследствие необходимости особого съезда для всестороннего обсуждения программы) и закончена только в самое последнее время. Покуда пункт насчет возвращения отрезков оставался моим личным мнением, я не спешил защищать его, ибо для меня гораздо важнее была общая постановка вопроса о нашей аграрной политике, чем этот отдельный пункт, который мог еще быть отвергнутым или существенно видоизмененным в нашем общем проекте. В настоящее время я буду защищать уже этот

* См. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 429—437. *Ред.*

общий проект. А «читателя-друга», который не поленился поделиться с нами критикой нашей аграрной программы, мы попросим теперь заняться критикой нашего общего проекта.

II

Приведем полностью «аграрную» часть этого проекта.

«В целях устранения остатков старого крепостного порядка и в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне, Российская социал-демократическая рабочая партия будет добиваться:

1. отмены выкупных и оброчных платежей, а также всяких повинностей, падающих в настоящее время на крестьянство, как на податное сословие;

2. отмены круговой поруки и всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его землей;

3. возвращения народу взятых с него в форме выкупных и оброчных платежей денежных сумм; конфискации с этой целью монастырских имуществ и удельных имений, а равно обложения особым налогом земель крупных дворян-землевладельцев, воспользовавшихся выкупной ссудой; обращения сумм, добытых этим путем, в особый народный фонд для культурных и благотворительных нужд сельских обществ;

4. учреждения крестьянских комитетов:

а) для возвращения сельским обществам (посредством экспроприации или — в том случае, если земли переходили из рук в руки, — выкупа и т. п.) тех земель, которые отрезаны у крестьян при уничтожении крепостного права и служат в руках помещиков орудием для их закабаления;

б) для устранения остатков крепостного права, уцелевших на Урале, на Алтае, в Западном крае и в других областях государства;

5. предоставления судам права понижать непомерно высокие арендные платы и объявлять недействительными сделки, имеющие кабальный характер».

Читатель удивится, может быть, отсутствию в «аграрной программе» каких бы то ни было требова-

ний в пользу сельских наемных рабочих. Мы заметим по поводу этого, что такие требования вошли в предыдущий отдел программы, содержащий требования, предъявляемые нашей партией «в интересах охраны *рабочего класса* от физического и нравственного вырождения, а также в интересах повышения его способности к борьбе за свое освобождение». Подчеркнутые нами слова объемлют *всех* наемных рабочих, в том числе и сельских, и *все 16 пунктов* этого отдела программы относятся *и к сельским рабочим.*

Это объединение и промышленных и сельских рабочих в один отдел с оставлением в «аграрной» части программы только «крестьянских» требований имеет, правда, то неудобство, что требования в пользу сельских рабочих не бросаются в глаза, не заметны с первого взгляда. При поверхностном ознакомлении с программой может получиться даже совершенно неправильное представление, что мы намеренно затеняли требования в пользу наемных сельских рабочих. Нечего и говорить, что это представление было бы в корне ошибочно. Указанное же неудобство, — в сущности, чисто внешнего характера. Оно легко устранимо и более внимательным ознакомлением с программой и комментарием к ней (а наша партийная программа «пойдет в народ», разумеется, не иначе, как в сопровождении не только печатных, но и — что гораздо важнее — устных комментариев). Если какая-нибудь группа захочет обратиться специально к сельским рабочим, — она должна будет только выделить из всех требований в пользу рабочих именно те, которые наиболее важны для батраков, поденщиков и т. п., и изложить их в особой брошюре, листке или ряде устных сообщений.

В принципиальном отношении *единственно правильным* редактированием разбираемых отделов программы является именно такое, которое бы соединяло вместе все требования в пользу наемных рабочих *во всех отраслях* народного хозяйства и строго отделяло в особый отдел требования в пользу «крестьян», ибо основной критерий того, что мы можем и должны требовать в первом и во втором случае, *совершенно неодинаков.*

Принципиальное отличие двух рассматриваемых отделов программы выражено, по проекту, во вступительных словах к каждому отделу.

В пользу наемных рабочих мы требуем таких *реформ,* которые «ограждают их от физического и нравственного вырождения и повышают их способность к борьбе»; в пользу же крестьян мы добиваемся только таких *преобразований,* которые содействуют «устранению остатков старого крепостного порядка и свободному развитию классовой борьбы в деревне». Отсюда видно, что наши требования в пользу крестьян гораздо уже, что они обставлены гораздо более скромными условиями, заключены в более тесные рамки. По отношению к наемным рабочим мы берем на себя защиту их интересов, *как класса в современном обществе;* мы делаем это, ибо считаем их классовое движение единственным *действительно* революционным движением (сравни в принципиальной части программы слова об отношении рабочего класса к другим классам) и стремимся именно это движение сорганизовать, направлять и просвещать светом социалистического сознания. Между тем по отношению к крестьянству *мы вовсе не берем на себя* защиты его интересов, *как класса мелких землевладельцев и земледельцев в современном обществе.* Ничего подобного. «Освобождение рабочего класса может быть делом только самого рабочего класса», и потому социал-демократия — *непосредственно* и *всецело* — представляет интересы только одного пролетариата, только с его классовым движением стремится слиться в одно неразрывное целое. Все же остальные классы современного общества стоят за сохранение основ существующего экономического строя, и потому защиту интересов этих классов социал-демократия может брать на себя лишь при известных обстоятельствах и на известных, точно определенных, условиях. Напр., класс мелких производителей, и мелких земледельцев в том числе, в своей борьбе против буржуазии является *реакционным* классом, и потому «пытаться спасти крестьянство защитой мелкого хозяйства и мелкой собственности от натиска капитализма значило бы бесполезно задержи-

вать общественное развитие, обманывать крестьянина иллюзией возможного и при капитализме благосостояния, разъединять трудящиеся классы, создавая меньшинству привилегированное положение на счет большинства» («Искра» № 3)*. Вот почему выставление «крестьянских» требований в нашем проекте программы обставлено *двумя, весьма узкими, условиями.* Мы подчиняем законность «крестьянских требований» в социал-демократической программе, во-первых, тому условию, чтобы они вели к устранению остатков крепостного порядка и, во-вторых, чтобы они содействовали свободному развитию классовой борьбы в деревне.

Остановимся подробнее на разборе каждого из этих условий, которые были вкратце очерчены уже в № 3 «Искры».

«Остатки старого крепостного порядка» страшно еще велики в нашей деревне. Это факт общеизвестный. Отработки и кабала, сословная и гражданская неполноправность крестьянина, его подчинение вооруженному розгой привилегированному землевладельцу, бытовая приниженность, делающая крестьянина настоящим варваром, — все это не исключение, а правило в русской деревне, и все это является, в последнем счете, прямым переживанием крепостного порядка. В тех случаях и отношениях, где еще царит этот порядок, и поскольку он еще царит, — врагом его является *все крестьянство как целое.* Против крепостничества, против крепостников-помещиков и служащего им государства крестьянство продолжает еще оставаться *классом,* именно классом не капиталистического, а крепостного общества, т. е. классом-сословием**. И поскольку сохраняется

* См. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 432. *Ред.*

** Известно, что в рабском и феодальном обществе различие классов фиксировалось и в *сословном* делении населения, сопровождалось установлением особого *юридического* места в государстве для каждого класса. Поэтому классы рабского и феодального (а также и крепостного) общества были также и особыми сословиями. Напротив, в капиталистическом, буржуазном обществе юридически все граждане равноправны, сословные деления уничтожены (по крайней мере в принципе), и потому классы перестали быть сословиями. Деление общества на классы обще и рабскому, и феодальному, и буржуазному обществам, но в первых двух существовали классы-сословия, а в последнем классы бессословные.

еще в нашей деревне этот, свойственный крепостному обществу, классовый антагонизм «крестьянства» и привилегированных землевладельцев, *постольку* рабочая партия, несомненно, должна быть на стороне «крестьянства», должна поддерживать его борьбу и *подталкивать его на борьбу* против всех остатков крепостничества.

Мы ставим в кавычки слово крестьянство, чтобы отметить наличность в этом случае не подлежащего никакому сомнению противоречия: в современном обществе крестьянство, конечно, не является уже единым классом. Но кто смущается этим противоречием, тот забывает, что это — противоречие не изложения, не доктрины, а противоречие самой жизни. Это — не сочиненное, а живое диалектическое противоречие. *Поскольку* в нашей деревне крепостное общество вытесняется «современным» (буржуазным) обществом, *постольку* крестьянство перестает быть классом, распадаясь на сельский пролетариат и сельскую буржуазию (крупную, среднюю, мелкую и мельчайшую). *Поскольку* сохраняются еще крепостные отношения, — *постольку* «крестьянство» продолжает еще быть классом, т. е., повторяем, классом не буржуазного, а крепостного общества. Это «поскольку — постольку» существует в действительности в виде *крайне сложного* сплетения крепостнических и буржуазных отношений в современной русской деревне. Говоря терминами Маркса, отработочная, натуральная, денежная и капиталистическая ренты переплетаются у нас самым причудливым образом. Мы подчеркиваем это, всеми экономическими исследованиями России установленное, обстоятельство в особенности потому, что оно по необходимости, неизбежно является источником той сложности, запутанности, если хотите искусственности, некоторых наших «аграрных» требований, которая сильно поражает многих с первого взгляда. Кто ограничивается в своих возражениях *общим* недовольством по поводу этой сложности и «хитрости» предлагаемых решений, тот забывает, что простого решения столь запутанных вопросов *и быть не может.* Мы обязаны

бороться против всех остатков крепостнических отношений, — это не может подлежать для социал-демократа никакому сомнению, а так как эти отношения самым сложным образом переплетаются с буржуазными, то нам *приходится* забираться в самую, с позволения сказать, сердцевину этой путаницы, не пугаясь сложностью задачи. «Простое» решение ее могло бы быть *лишь одно:* отстраниться, пройти мимо, предоставить «стихийному элементу» всю эту кашу расхлебывать. Но такая «простота», излюбленная всеми и всяческими, буржуазными и «экономическими», поклонниками стихийности, недостойна социал-демократа. Партия пролетариата должна не только поддерживать, но и подталкивать вперед крестьянство в его борьбе со всеми остатками крепостничества, а чтобы подталкивать вперед, недостаточно ограничиваться общим пожеланием, — надо дать определенную революционную директиву, надо суметь *помочь разобраться* в путанице аграрных отношений.

III

Чтобы читатель нагляднее представил себе неизбежность сложного решения аграрного вопроса, мы попросим его сравнить в этом отношении рабочий и крестьянский отделы программы. В первом из них все решения чрезвычайно просты, понятны даже совсем мало посвященному и совсем мало думавшему человеку, «естественны», близки, легко осуществимы. Во втором, наоборот, большинство решений чрезвычайно сложны, «непонятны» с первого взгляда, искусственны, маловероятны, трудно осуществимы. Чем объяснить это различие? Не тем ли, что составители программы в первом случае трезвенно и деловито размышляли, а во втором сбились и запутались, впали в романтизм и фразеологию? Такое объяснение, надо правду сказать, было бы чрезвычайно «просто», детски просто, и мы не удивляемся, что Мартынов за него ухватился. Он не подумал, что практическое решение мелких рабочих вопросов облегчило и упростило до последней степени

само экономическое развитие. Общественно-экономические отношения в области крупного капиталистического производства стали (и все более становятся) до такой степени прозрачными, ясными, упрощенными, что ближайшие шаги вперед намечаются сами собой, напрашиваются сразу и с первого взгляда. Наоборот, вытеснение крепостничества капитализмом в деревне до такой степени запутало и усложнило общественно-экономические отношения, что над решением ближайших практических вопросов (в духе революционной социал-демократии) надо очень подумать и «простого» решения — можно заранее с полной уверенностью сказать — выдумать не удастся.

Кстати. Раз уже мы начали сравнивать рабочий и крестьянский отделы программы, то отметим еще одно принципиальное различие между ними. Коротко говоря, это различие можно бы формулировать следующим образом: в рабочем отделе мы не вправе выходить за пределы социально-реформаторских требований, в крестьянском отделе мы не должны останавливаться и перед социально-революционными требованиями. Или иначе: в рабочем отделе мы безусловно ограничены рамками программы-минимум, в крестьянском отделе мы можем и должны дать программу-максимум*. Объяснимся.

В обоих отделах мы излагаем не нашу конечную цель, а наши ближайшие требования. В обоих мы должны поэтому оставаться на почве современного (= буржуазного) общества. В этом состоит сходство обоих отделов. Но их коренное отличие состоит в том, что рабочий отдел содержит требования, направленные против *буржуазии,* а крестьянский — требования, направленные против *крепостников-помещиков* (против

* То возражение, что требование вернуть отрезки далеко не есть еще максимум наших ближайших требований в пользу крестьянства (resp. (respective — или. *Ред.)* наших аграрных требований вообще) и что оно поэтому непоследовательно, будет разобрано ниже, когда мы будем уже говорить о конкретных пунктах защищаемой программы. Мы утверждаем, и постараемся доказать это, что требование «вернуть отрезки» есть максимум того, что мы можем выставить теперь же в нашей аграрной программе.

феодалов, сказал бы я, если бы вопрос о применимости этого термина к нашему поместному дворянству не был таким спорным вопросом*). В рабочем отделе мы должны ограничиться *частичными* улучшениями данного, буржуазного порядка. В крестьянском — мы должны стремиться к *полному* очищению этого данного порядка от всех остатков крепостничества. В рабочем отделе мы не можем ставить таких требований, значение которых было бы равносильно тому, чтобы окончательно сломить господство буржуазии: когда мы достигнем этой нашей конечной цели, достаточно подчеркнутой в другом месте программы и «ни на минуту» не упускаемой нами из виду при борьбе за ближайшие требования, тогда мы, партия пролетариата, не ограничимся уже вопросами о какой-нибудь ответственности предпринимателей или о каких-нибудь фабричных квартирах, а возьмем в свои руки *все* заведование и распоряжение всем общественным производством, а следовательно, и распределением. Наоборот, в крестьянском отделе мы можем и должны выставить такие требования, значение которых было бы равносильно тому, чтобы окончательно сломить господство крепостников-помещиков, чтобы совершенно очистить нашу деревню от всех следов крепостничества. В рабочем отделе ближайших требований мы не можем ставить социально-революционных требований, ибо социальная революция, ниспровергающая господство буржуазии, есть уже революция пролетариата, осуществляющая нашу *конечную* цель. В крестьянском отделе мы ставим и социально-революционные требования, ибо социальная революция, ниспровергающая господство крепостников-помещиков (т. е. такая же социальная революция буржуазии, каковой была великая французская революция), возможна и на базисе данного, буржуазного порядка. В рабочем отделе мы остаемся (пока и условно, с своими самостоятельными видами и намерениями, но все же

* Я лично склонен решать этот вопрос в утвердительном смысле, но в данном случае, разумеется, не место и не время обосновывать и даже выдвигать ото решение, ибо речь идет теперь о защите коллективного, общередакционного проекта аграрной программы.

таки остаемся) на почве социальной реформы, ибо мы требуем здесь только того, что буржуазия может (в принципе) отдать нам, не теряя еще своего господства (и что поэтому наперед советуют ей благоразумно и честь честью отдать гг. Зомбарты, Булгаковы, Струве, Прокоповичи и К°). В крестьянском же отделе мы должны, *в отличие от социал-реформаторов,* требовать и того, что никогда нам (или крестьянам) не дадут и не могут дать крепостники-помещики, — требовать и того, что в состоянии только силою взять себе революционное движение крестьянства.

IV

Вот почему недостаточен и негоден тот «простой» критерий «осуществимости», посредством которого Мартынов так «легко» «разносил» нашу аграрную программу. Этот критерий непосредственной и ближайшей «осуществимости» приложим вообще только к заведомо реформаторским отделам и пунктам нашей программы, отнюдь не к программе революционной партии вообще. Другими словами, этот критерий приложим к нашей программе только в виде исключения, отнюдь не в виде общего правила. Наша программа должна быть осуществима только в том широком, философском смысле этого слова, чтобы ни единая буква ее не противоречила направлению всей общественно-экономической эволюции. А раз мы верно определили (в общем и в частностях) это направление, мы должны — во имя своих революционных принципов и своего революционного долга должны — бороться *всеми силами* всегда и непременно за *максимум* наших требований. Пытаться же наперед, до окончательного исхода борьбы, во время самого хода борьбы, определить, что *всего* максимума мы, пожалуй, и не добьемся, — значит впадать в чистейшее филистерство. Соображения подобного рода всегда ведут к оппортунизму, хотя бы даже этого и не желали виновники таких соображений.

В самом деле, разве не филистерством является рассуждение Мартынова, усмотревшего в аграрной про-

грамме «Искры» «романтизм» — «потому, что *приобщение крестьянской массы к нашему движению* при настоящих условиях *является весьма проблематичным»* («Р. Д.» № 10, с. 58, курсив мой)? Это — хороший образчик тех очень «благовидных» и очень дешевых рассуждений, посредством которых русский социал-демократизм упрощался до «экономизма». А вникните хорошенько в это «благовидное» рассуждение, — и оно окажется мыльным пузырем. «Наше движение» есть социал-демократическое рабочее движение. *К нему* «приобщиться» крестьянская *масса* прямо-таки не может: это не проблематично, а *невозможно,* и об этом никогда и речи не было. А к «движению» против всех остатков крепостничества (и против самодержавия в том числе) крестьянская масса *не может не приобщиться.* Мартынов запутал дело посредством выражения «наше движение», не вдумавшись в различный по существу характер движения против буржуазии и против крепостничества*.

* До какой степени не вдумался Мартынов в тот вопрос, о котором он взялся писать, это особенно наглядно видно из следующей фразы его статьи: «Ввиду того, что аграрная часть нашей программы *еще очень долго будет иметь сравнительно малое практическое значение,* она открывает широкое поприще для революционной фразеологии». Подчеркнутые слова содержат именно ту путаницу, на которую указано в тексте. Мартынов слыхал, что на Западе с аграрной программой выступают лишь при очень развитом рабочем движении. У нас это движение только начинается. Следовательно — «еще очень долго»! — спешит умозаключить наш публицист. Он не заметил мелочи: на Западе аграрные программы пишутся для привлечения *полу-крестьян, полурабочих* к социал-демократическому движению против *буржуазии,* у нас — для привлечения крестьянской *массы* к *демократическому* движению против *остатков крепостничества.* Поэтому на Западе аграрная программа будет приобретать тем *большее* значение, чем дальше идет развитие сельскохозяйственного капитализма. Наша аграрная программа, в преобладающей части ее требований, будет иметь тем *меньшее* практическое значение, чем *дальше* идет развитие сельскохозяйственного капитализма, — ибо остатки крепостного права, против которых эта программа направлена, вымирают и сами собой и под влиянием политики правительства. Наша аграрная программа рассчитана поэтому практически главным образом на непосредственно ближайшее будущее, на период *до* падения самодержавия. Политический переворот в России во всяком случае и неизбежно поведет за собою такие коренные преобразования самых отсталых наших аграрных порядков, что нам тогда непременно придется пересмотреть нашу аграрную программу. А Мартынов твердо знает только одно: что книга Каутского[134] хороша (это справедливо) и что достаточно повторять и переписывать Каутского, не думая о коренном отличии России в отношении аграрной программы (это совсем не умно).

Проблематичным можно назвать отнюдь не приобщение крестьянской массы к движению против остатков крепостничества, а только разве *степень* этого приобщения: крепостнические отношения в деревне страшно переплетены с буржуазными, а в качестве класса буржуазного общества крестьяне (мелкие земледельцы) являются гораздо более консервативным, чем революционным элементом (особенно ввиду того, что буржуазная эволюция сельскохозяйственных отношений находится у нас только еще в начале). Поэтому правительству в эпоху политических преобразований гораздо легче будет разделить крестьян (чем, напр., рабочих), гораздо легче будет ослабить (или даже, в худшем случае, парализовать) их революционность посредством мелких и неважных уступок небольшому сравнительно числу мелких собственников.

Все это так. Но что же отсюда следует? Чем легче правительству спеться с консервативными элементами крестьянства, тем больше усилий и тем скорее должны мы направить на то, чтобы спеться с его революционными элементами. Наш долг — определить, со всей возможной степенью научной точности, в каком именно *направлении* должны мы поддерживать эти элементы, а затем *подталкивать* их на решительную и безусловную борьбу со всеми остатками крепостничества, подталкивать всегда и при всяких обстоятельствах, всеми доступными средствами. И разве не филистерской является попытка наперед «предписать» *степень удачи* нашего подталкивания? Да там уже потом жизнь это решит и история это запишет, а наше дело теперь во всяком случае бороться и бороться до конца. Разве смеет солдат, который уже двинулся в атаку, рассуждать о том, что мы, может быть, не весь неприятельский корпус, а только три пятых его уничтожим? Разве не является «проблематичным», в мартыновском смысле, и такое, напр., требование, как требование *республики?* Да правительству еще легче будет отделаться частичкой платежа по *этому* векселю, чем по векселю крестьянских требований уничтожить все следы крепостничества. Но нам-то какое до этого дело? Частичку платежа мы,

конечно, положим себе в карман, нисколько не прекращая тем не менее отчаянной борьбы за *весь* платеж. Нам нужно шире распространить идею, что только в республике может произойти решительная битва между пролетариатом и буржуазией, нам нужно *создать*[*] и упрочить республиканскую традицию среди всех русских революционеров и среди возможно более широких масс русских рабочих, нам нужно выразить этим лозунгом: «республика», что в борьбе за демократизацию государственного строя мы пойдем до конца, без оглядки назад, — а там уже сама борьба решит, какую часть этого платежа, когда именно и как именно удастся нам отвоевать. Глупо было бы пытаться учесть эту часть, раньше чем мы не дали врагу почувствовать всей силы наших ударов и не испытали на себе всей силы его ударов. Так и в крестьянских требованиях наше дело — определить, на основании научных данных, *максимум* этих требований и помочь товарищам бороться за этот максимум, а там уже пускай смеются над его «проблематичностью» трезвенные легальные критики и влюбленные в осязательность результатов нелегальные «хвостисты»![**]

[*] Мы говорим: «создать», ибо старые русские революционеры никогда не обращали серьезного внимания на вопрос о республике, никогда не считали его «практическим» вопросом, — народники, бунтари и пр. потому, что с пренебрежением анархистов относились к политике, народовольцы потому, что хотели прыгнуть прямо от самодержавия к социалистической революции. На нашу долю (если не говорить о давно забытых республиканских идеях декабристов), на долю социал-демократов, выпало распространить требование республики в массе и создать республиканскую традицию среди русских революционеров.

[**] Может быть, небесполезно будет напомнить, к вопросу об «осуществимости» требований социал-демократической программы, полемику К. Каутского против Р. Люксембург в 1896 году. Р. Люксембург писала, что требование восстановления Польши неуместно в практической программе польских социал-демократов, ибо это требование неосуществимо в современном обществе. К. Каутский возражал ей, говоря, что этот довод «основывается на странном непонимании сущности социалистической программы. Наши практические требования, выражены ли они прямо в программе или представляют из себя молчаливо принимаемые «постулаты», должны быть сообразованы (werden... darnach bemessen) не с тем, *достижимы* ли они при данном соотношении сил, а с тем, *совместимы* ли они с существующим общественным строем и способно ли проведение их облегчить классовую борьбу пролетариата, дать толчок ее развитию (fördern) и расчистить (ebnen) пролетариату путь к политическому господству. С данным же соотношением сил мы при этом нисколько не считаемся. Социал-демократическая программа пишется

V

Переходим ко второму общему положению, определяющему характер всех наших крестьянских требований и выраженному в словах: «... *в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне...».*

Эти слова чрезвычайно важны и для принципиальной постановки аграрного вопроса вообще и для оценки отдельных аграрных требований в частности. Требование уничтожить остатки крепостного порядка обще нам со всеми последовательными либералами, народниками, социал-реформаторами, критиками марксизма в аграрном вопросе и т. п. и т. д. От всех этих господ мы, выставляя такое требование, отличаемся не принципиально, а только по степени: они и в этом пункте неизбежно останутся всегда в пределах реформы, мы же не остановимся (в указанном выше смысле) и пред социально-революционными требованиями. Наоборот, требуя обеспечить «свободное развитие классовой борьбы в деревне», мы становимся в *принципиальное* противоречие ко всем этим господам *и даже* ко всем

не для данного («den») момента, — она должна по возможности дать директиву (ausreichen) при всех и всяческих конъюнктурах в современном обществе. Она должна служить не только практическому действию (der Aktion), но и пропаганде, она должна в форме конкретных требований указать с большей наглядностью, чем это могут сделать абстрактные рассуждения, то направление, в котором мы хотим идти вперед. Чем более отдаленные практические цели можем мы при этом себе ставить, не теряясь в утопических спекуляциях, — тем лучше. Тем яснее будет для масс — даже и для тех масс, которые не в состоянии понять (erfassen) наши теоретические рассуждения, — то направление, которому мы следуем. Программа должна показать, чего мы *требуем* от современного общества или современного государства, а не то, чего мы *ожидаем* от него. Возьмем, напр., программу немецкой социал-демократии. Она требует выбора чиновников народом. Это требование, если мерить его по масштабу Р. Люксембург, так же утопично, как и требование создать польское национальное государство. Никто не впадет в такую иллюзию, чтобы считать осуществимым при современных политических соотношениях требование выбирать государственных чиновников народом в Германской империи. С тем же правом, с каким можно принять, что польское национальное государство осуществимо лишь по завоевании пролетариатом политической власти, — с таким же правом можно это утверждать и о данном требовании. Но разве это достаточное основание, чтобы не принимать его в нашу практическую программу?» («Neue Zeit», XIV, 2, SS. 513 u. 514 («Новое Время», XIV, 2, стр. 513 и 514. *Ред.).* Курсив К. Каутского.)

революционерам и социалистам *не* социал-демократам. Эти последние тоже не остановятся перед социально-революционными требованиями в аграрном вопросе, но они не захотят подчинить этих требований именно такому условию, как свободное развитие классовой борьбы в деревне. Это условие — основной и центральный пункт теории революционного марксизма в области аграрного вопроса[*]. Признать это условие — значит признать, что и эволюция сельского хозяйства, несмотря на всю ее запутанность и сложность, несмотря на все разнообразие ее видов, есть тоже капиталистическая эволюция, что она порождает тоже (как и эволюция промышленности) классовую борьбу пролетариата с буржуазией, что именно *эта* классовая борьба должна быть нашей первой и коренной заботой, должна быть тем оселком, на котором мы будем испытывать и принципиальные вопросы, и политические задачи, и приемы пропаганды, агитации и организации. Признать это условие — значит обязаться и в особенно больном вопросе об участии мелкого крестьянства в социал-демократическом движении стоять на неуклонно классовой точке зрения, не поступаться ни в чем точкой зрения пролетариата в пользу интересов мелкой буржуазии, а, наоборот, требовать, чтобы мелкий крестьянин, разоряемый и угнетаемый всем современным капитализмом, покинул *свою* классовую точку зрения и встал на точку зрения пролетариата.

Выставляя это условие, мы тем самым решительно и бесповоротно отгородим себя не только от *своих врагов* (т. е. прямых или косвенных, сознательных или бессознательных сторонников буржуазии, являющихся нашими временными и частичными союзниками в борьбе против остатков крепостного строя), но и от тех *ненадежных друзей,* которые своей половинчатой

[*] В сущности, к непониманию именно этого пункта сводятся все заблуждения и блуждания «критиков» марксизма в аграрном вопросе, и самый смелый, самый последовательный (а постольку и самый честный) из них, г. Булгаков, прямо заявляет в своем «исследовании», что «учение» о классовой борьбе совершенно неприложимо к области сельскохозяйственных отношений («Капитализм и земледелие», т. II, стр. 289).

постановкой аграрного вопроса способны принести (и приносят на деле) много вреда революционному движению пролетариата.

Выставляя это условие, мы проводим этим руководящую нить, держась которой социал-демократ, даже заброшенный в любое деревенское захолустье, даже поставленный лицом к лицу перед наиболее запутанными аграрными отношениями, выдвигающими на первый план общедемократические задачи, может провести и подчеркнуть, при решении этих задач, свою пролетарскую точку зрения, — точно так же, как мы остаемся социал-демократами и при решении общедемократических политических задач.

Выставляя это условие, мы тем самым отвечаем на то возражение, которое является у многих после беглого ознакомления с конкретными требованиями нашей аграрной программы... «Вернуть выкупные платежи и отрезки *сельским обществам»!?* — да где же тут наша пролетарская особность и наша пролетарская самостоятельность? да разве не будет это, в сущности, подарком сельской буржуазии??

Конечно, да — но в том только смысле, в каком и самое падение крепостного права было «подарком буржуазии», т. е. освобождением от крепостнических пут и стеснений именно буржуазного, а не какого-либо иного развития. Пролетариат именно тем и отличается от других угнетенных буржуазией и противостоящих ей классов, что он возлагает свои надежды не на задержку буржуазного развития, не на притупление или смягчение классовой борьбы, а, напротив, на наиболее полное и свободное развитие ее, на ускорение буржуазного прогресса*. В развивающемся капиталистическом обществе *нельзя* уничтожить остатки стесняющего его развитие крепостничества таким образом, чтобы не усилить и не упрочить этим буржуазии. «Смущаться»

---

* Разумеется, не всякие меры, ускоряющие буржуазный прогресс, защищает и пролетариат, а только те из них, которые *непосредственно* влияют на усиление способности рабочего класса к борьбе за его освобождение. А «отработки» и кабала падают на неимущую и близкую к пролетариату часть крестьянства еще гораздо сильнее, чем на зажиточную.

этим — значит повторять ошибку тех социалистов, которые говорили, что политическая свобода нам ни к чему, ибо она усилит и упрочит господство буржуазии.

VI

Рассмотрев «общую часть» нашей аграрной программы, перейдем к разбору отдельных ее требований. Мы позволим себе при этом начать не с первого, а с четвертого пункта (об отрезках), ибо именно он является наиболее важным, центральным, придающим особый характер аграрной программе пунктом и в то же время наиболее уязвимым (по крайней мере, по мнению большинства высказавшихся о статье в № 3 «Искры»). Напомним, что содержание этого пункта слагается из следующих составных частей: 1. Он требует учреждения крестьянских комитетов с полномочием заново урегулировать те аграрные отношения, которые являются прямым пережитком крепостничества. Выражение: *«крестьянские* комитеты» выбрано для ясного указания на то, что — в противоположность «реформе» 1861 года с ее дворянскими комитетами[135] — новое регулирование должно находиться в руках крестьян, а не в руках помещиков. Иначе говоря: окончательная ликвидация крепостнических отношений предоставляется не угнетателям, а угнетенной этими отношениями части населения, предоставляется не меньшинству, а большинству заинтересованных лиц. В сущности это есть не что иное, как *демократический пересмотр крестьянской реформы* (т. е. именно то, чего требовал первый проект программы, составленный группой «Освобождение труда»). И если мы не выбрали этого последнего выражения, то лишь потому, что оно менее определенно, что оно менее выразительно указывает истинный характер и конкретное содержание этого пересмотра. Поэтому, например, Мартынов, если бы он действительно имел что-либо свое сказать по аграрному вопросу, должен бы был определенно заявить, отвергает ли он самую идею демократического

пересмотра крестьянской реформы и, если нет, то как именно *он* ее себе представляет*.

Далее, 2. Крестьянским комитетам дается право экспроприировать и выкупать помещичью землю, производить обмен земли и проч. (п. 4, б), причем это право ограничено только случаями прямого переживания крепостнических отношений. Именно (3) право экспроприации и выкупа дается только по отношению к тем землям, которые, во-первых, «отрезаны у крестьян при уничтожении крепостного права» (эти земли искони служили, след., необходимой принадлежностью крестьянского хозяйства, входили как часть в целое этого хозяйства и были искусственно от него отняты тем узаконенным грабежом, каковым была великая крестьянская реформа) и, во-вторых, «служат в руках помещиков орудием для их закабаления».

Это второе условие еще теснее ограничивает право выкупа и экспроприации, распространяя его не на все «отрезки», а только на те, которые и посейчас остаются орудием закабаления, «посредством которых, — как формулировала это «Искра», — *продолжает держаться* подневольный, кабальный, барщинный, т. е. на деле тот же крепостной труд»**. Иначе говоря: там, где, благодаря половинчатости нашей крестьянской реформы, уцелели до сих пор крепостнические формы хозяйства

* Отметим непоследовательность (или недомолвку?) Надеждина, который в своем наброске аграрной программы воспринял, видимо, идею «Искры» насчет крестьянских комитетов, но формулировал эту идею крайне неудачно, сказав: «создание особого суда из народных представителей для разбора крестьянских *жалоб* и заявлений относительно всех тех операций, которые сопровождали «освобождение»» («Канун революции», стр. 65, курсив мой). *Жаловаться* можно только на *нарушение* закона. «Освобождение» 19 февраля со всеми его «операциями» само является *законом.* Создание особых судов для разбора жалоб на несправедливость известного закона не имеет никакого смысла, пока не отменен этот закон, пока не даны в замену (или в частичную отмену) его новые законодательные нормы. Надо дать «суду» не только право принимать «жалобу» на отрезку выпаса, но и право вернуть (resp. выкупить и т. п.) этот выпас, — а тогда, во-первых, «суд» с полномочием творить закон уже не будет судом, а во-вторых, надо точно указать, какие именно права экспроприации, выкупа и т. п. имеет такой «суд». Но как ни неудачна формулировка Надеждина, а необходимость демократического пересмотра крестьянской реформы понял он гораздо вернее Мартынова.

** См. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 434. *Ред*

при помощи отрезанных у крестьян земель, там дается право крестьянам сразу и окончательно покончить с этими остатками крепостничества даже путем экспроприации, там дается право *«вернуть отрезки»*.

Мы можем поэтому успокоить нашего доброго Мартынова, который с такой тревогой спрашивал: «как быть с теми отрезками, которые в руках ли помещиков, в руках купивших их разночинцев, эксплуатируются теперь образцовым капиталистическим способом?». Не об этих единичных отрезках идет речь, почтеннейший, а о тех типичных (и весьма многочисленных) отрезках, которые служат и по сю пору базисом продолжающих существовать остатков крепостного хозяйства[136].

Наконец, 4. Пункт 4, б, предоставляет крестьянским комитетам полномочие устранять остатки крепостного права, уцелевшие в отдельных местностях государства (сервитуты, незаконченные выделы земли и размежевание и проч. и т. п.).

Таким образом, все содержание 4-ого пункта можно, простоты ради, выразить в двух словах: «вернуть отрезки». Спрашивается, как возникла идея такого требования? Как прямой вывод из того общего и основного положения, что мы должны помочь крестьянам и подтолкнуть крестьян на возможно полное уничтожение всех остатков крепостничества. С этим «все согласны», не правда ли? Ну, а если согласны встать на эту дорогу, так потрудитесь уже самостоятельно двигаться по ней вперед, не заставляйте тащить вас, не робейте по поводу «необычного» вида этой дороги, не смущайтесь тем, что во многих местах вы и вовсе никакой проторенной дороги не найдете, а должны будете и по краю обрыва проползти, и через чащу продираться, и через ямы перескочить. Не жалуйтесь на бездорожье: эти жалобы будут бесполезным нытьем, ибо вы наперед должны были знать, что становитесь не на столбовую дорогу, выпрямленную и выравненную всеми силами общественного прогресса, а на тропинки закоулков и захолустий, из которых выход есть, но прямого, простого и легкого выхода ни вы, ни мы, ни другой кто никогда не отыщет, — «никогда», т. е.

вообще до тех пор, пока будут еще существовать эти отмирающие, и мучительно долго отмирающие, захолустья и закоулки.

А не хотите соваться в эти закоулки, — так говорите прямо, что не хочу, и не отделывайтесь фразами*.

Вы согласны бороться за уничтожение остатков крепостничества? — Хорошо. Так помните же, что никакого единого юридического учреждения, которое бы выражало или обусловливало эти остатки, *не существует* — я говорю, конечно, об остатках крепостничества исключительно в области занимающих нас теперь аграрных отношений, а не в области законодательства сословного, финансового и проч. Прямые переживания барщинного хозяйства, бесчисленное множество раз констатированные всеми экономическими исследованиями России, держатся не каким-либо, особо их ограждающим, законом, а силой фактически существующих поземельных отношений. Это до такой степени так, что свидетели перед известной валуевской комиссией[137] прямо говорили: крепостное право возродилось *бы,* несомненно, снова, если бы оно не было запрещено прямым законом. Значит, одно из двух: либо не касаться вовсе поземельных отношений между крестьянами и помещиками, — тогда все остальные вопросы решаются очень «просто», но тогда вы не коснетесь и главного источника всяких переживаний крепостного хозяйства в деревне, тогда вы «просто» отстра-

* Напр., Мартынов обвиняет в «фразеологии» «Искру», которая дала ему и общие основания своей аграрной политики («внесение классовой борьбы в деревню») и практическое решение вопроса о конкретных программных требованиях. Не заменив этих общих оснований никакими другими, не вдумавшись даже вовсе в эти основания, не попытавшись поработать над составлением определенной программы, Мартынов отделался следующей великолепной фразой: «...Мы должны требовать ограждения их (крестьян, как мелких собственников)... от разных отсталых форм экономической кабалы...». Не дешевенько ли будет? Не попробовали ли бы вы указать нам прямо *хоть на одно* ограждение *хоть от одной* (а не то что «разных»!) отсталой формы кабалы? (вероятно, есть еще и не отсталые «формы кабалы»!!). А то ведь и мелкий кредит, и сборные молочные, и ссудо-сберегательные товарищества, и союзы мелких хозяйчиков, и крестьянский банк, и земские агрономы, — все ведь ото есть тоже «ограждение от разных отсталых форм экономической кабалы». Значит, вы полагаете, что всего этого «мы должны требовать»?? Подумать сначала надо, любезнейший, а потом уже о программах говорить!

нитесь от очень жгучего вопроса, затрагивающего самые глубокие интересы крепостников и закабаленного крестьянства, от вопроса, который легко может завтра или послезавтра стать одним из самых злободневных социально-политических вопросов России. Либо вы хотите коснуться и того источника «отсталых форм экономической кабалы», каким являются поземельные отношения, — и тогда вы должны считаться с такой сложностью и запутанностью этих отношений, которая легкого и простого решения прямо-таки не допускает. Тогда вы, будучи недовольны предложенным нами конкретным решением запутанного вопроса, *не вправе* уже отделываться общей «жалобой» на запутанность, а *должны* сделать попытку самостоятельно разобраться в нем, предложить другое конкретное решение.

Какое значение имеют отрезки в современном крестьянском хозяйстве, — это вопрос факта. И знаменательно, что, как ни глубока пропасть между народничеством (в широком смысле слова) и марксизмом в оценке экономических порядков и экономической эволюции России, — по *данному* вопросу между этими доктринами нет расхождения. Представители обоих направлений согласны в том, что в русской деревне тьма остатков крепостничества и (нотабене) что господствующий в центральных губерниях России способ частновладельческого хозяйства («отработочная система хозяйства») есть прямое переживание крепостничества. Согласны они, далее, и в том, что отрезки крестьянских земель в пользу помещиков, — т. е. и отрезки в прямом, непосредственном смысле, и лишение крестьян права выпаса, пользования лесом, водопоем, выгоном и проч. и т. п., — являются одним из главнейших *(если не главнейшим)* базисов отработочной системы. Достаточно напомнить, что по новейшим данным отработочная система помещичьего хозяйства считается *преобладающей не менее как в 17 губерниях Европейской России.* Пусть попробуют оспорить этот факт те, кто видит в пункте об отрезках чисто искусственную, «вымученную» хитрую выдумку!

Отработочная система хозяйства означает вот что. Фактически, т. е. не по праву владения, а по хозяйственному пользованию, земли и угодья помещиков и крестьян не разделены окончательно, а продолжают оставаться слитыми: часть крестьянской земли служит, напр., для содержания скота, необходимого для обработки не крестьянской, а помещичьей земли; часть помещичьей земли безусловно необходима для соседнего крестьянского хозяйства в данной его системе (водопои, выгоны и т. п.). И это фактическое сплетение землепользования *неизбежно* порождает (вернее: сохраняет порожденное тысячелетней историей) такие же отношения мужика к барину, какие были и при крепостном праве. Мужик de facto остается крепостным, работая по-прежнему своим исконным инвентарем, по исконной рутине трехпольного хозяйства, на исконного своего «государя-вотчинника». Чего же уже вам больше надо, когда сами крестьяне называют эти отработки сплошь да рядом панщиной и «барщиной»? — когда сами помещики, описывая свое хозяйство, говорят: обрабатывают мне землю «мои бывшие...» (значит, не только бывшие, но и настоящие!) «... крестьяне» своим инвентарем за снимаемый ими у меня выпас?

Когда решается какой-нибудь сложный и запутанный общественно-экономический вопрос, то азбучное правило требует, чтобы сначала был взят самый типичный, наиболее свободный от всяких посторонних, усложняющих влияний и обстоятельств, случай и уже затем от его решения чтобы восходили далее, принимая одно за другим во внимание эти посторонние и усложняющие обстоятельства. Возьмите же и тут наиболее «типичный» случай: дети бывших крепостных работают на сыновей бывшего барина за снимаемый у него выпас. Отработки обусловливают собой застой техники и застой *всех* общественно-экономических отношений в деревне, ибо эти отработки препятствуют развитию денежного хозяйства и разложению крестьянства, избавляют (сравнительно) помещика от подтягивающего влияния конкуренции (вместо повышения техники он понижает долю испольщика; кстати, это понижение констатировано

в целом ряде местностей за многие годы пореформенного периода), прикрепляют крестьянина к земле, задерживают тем развитие переселений и отхожих промыслов и т. д.

Спрашивается, усомнится ли какой-нибудь социал-демократ, что в этом «чистом» случае вполне естественна, желательна и осуществима экспроприация соответствующей части помещичьей земли в пользу крестьян? Эта экспроприация встряхнет Обломова и заставит его перейти на более малом количестве своей земли к более усовершенствованному хозяйству, эта экспроприация подорвет (не скажу уничтожит, а именно подорвет) отработочную систему, поднимет самостоятельность и демократический дух в крестьянстве, поднимет его жизненный уровень, даст могучий толчок дальнейшему развитию денежного хозяйства и дальнейшему капиталистическому прогрессу земледелия.

Да и вообще: раз общепризнано, что отрезки есть один из главнейших источников отработочной системы, а эта система есть прямое переживание крепостничества, задерживающее развитие капитализма, то как можно сомневаться в том, что возвращение отрезков подорвет отработки и ускорит общественно-экономическое развитие?

VII

Однако же усомнились в этом очень многие, и мы перейдем теперь к разбору тех доводов, которые выдвинули усомнившиеся. Доводы эти можно все подвести под следующие рубрики: а) соответствует ли требование вернуть отрезки теоретическим основоначалам марксизма и программным принципам социал-демократии? б) разумно ли с точки зрения политической целесообразности выдвигать требование об исправлении исторической несправедливости, значение которой ослабляется с каждым шагом экономического развития? в) осуществимо ли это требование практически? г) если признать, что мы можем и должны выставить требование в таком роде и дать в нашей аграрной программе не минимум, а максимум, то последовательно ли требование вернуть

отрезки, с этой точки зрения? Является ли такое требование на самом деле максимумом?

Насколько я могу судить, *все* возражения «против отрезков» подходят под тот или другой из этих четырех пунктов, причем большинство возражавших (и Мартынов в том числе) отвечали на все четыре вопроса отрицательно, признавая требование вернуть отрезки и принципиально неправильным, и политически нецелесообразным, и практически неосуществимым, и логически непоследовательным.

Рассмотрим же, в порядке важности, все эти вопросы.

(а) Принципиально неправильным требование вернуть отрезки считают по двум основаниям. Во-первых, говорят, что это «затронет» капиталистическое сельское хозяйство, т. е. приостановит или задержит развитие капитализма; во-вторых, говорят, что оно не только усилит, но и прямо приумножит мелкую собственность. Первый из этих доводов (особенно подчеркнутый Мартыновым) совершенно неоснователен, ибо типичные отрезки, наоборот, задерживают развитие капитализма и возвращение их усилит это развитие; относительно же нетипичных случаев (не говоря о том, что исключения всегда и везде возможны и что они только подтверждают правило) сделана была оговорка и в «Искре» и в программе («... земли, которые отрезаны... и служат орудием закабаления...»). Это возражение основано просто на незнакомстве с действительным значением отрезков и отработков в экономике русской деревни[138].

Второй довод (особенно подробно развитый в некоторых частных письмах) гораздо серьезнее и вообще является самым сильным доводом против защищаемой программы. Вообще говоря, развивать, поддерживать, укреплять, а кольми паче умножать мелкое хозяйство и мелкую собственность вовсе уже не задача социал-демократии. Это совершенно справедливо. Но дело в том, что здесь перед нами как раз не «общий», а именно *исключительный* пример мелкого хозяйства, и эта исключительность *ясно выражена* в вступлении к нашей аграрной программе: «уничтожение остатков крепостного порядка и свободное развитие классовой борьбы

в деревне». *Вообще* говоря, поддержка мелкой собственности реакционна, *ибо* она направляется против крупного *капиталистического* хозяйства, задерживая, следовательно, общественное развитие, затемняя и сглаживая классовую борьбу. В данном же случае мы хотим поддержать мелкую собственность именно не против капитализма, а против крепостничества, — в данном случае мы поддержкой мелкого крестьянства даем громадный толчок развитию классовой борьбы. В самом деле, с одной стороны, мы делаем этим *последнюю* попытку разжечь остатки классовой (сословной) вражды крестьян к крепостникам-помещикам. С другой стороны, мы расчищаем дорогу для развития буржуазного классового антагонизма в деревне, ибо этот антагонизм *прикрыт* ныне общей и одинаковой якобы угнетенностью всех крестьян остатками крепостничества.

Все на свете имеет две стороны. Крестьянин-собственник на Западе сыграл уже свою роль в демократическом движении и отстаивает свое привилегированное положение по сравнению с пролетариатом. Крестьянин-собственник в России стоит еще накануне решительного и общенародного демократического движения, которому он не может не сочувствовать. Он еще смотрит больше вперед, чем назад. Он еще гораздо больше борется против, столь сильных еще в России, сословно-крепостнических привилегий, чем отстаивает свое привилегированное положение. В *такой* исторический момент мы прямо обязаны поддержать крестьянство и попытаться направить его, туманное и темное еще, недовольство против его настоящего врага. И мы нисколько не будем противоречить себе, если в следующий исторический период, когда минуют особенности данной социально-политической «конъюнктуры», когда крестьянство, допустим, удовлетворится ничтожными подачками ничтожной части собственников и «зарычит» уже решительно против пролетариата, если мы тогда выкинем из своей программы борьбу с остатками крепостничества. Тогда-то, вероятно, придется нам выкидывать из программы и борьбу с самодержавием, ибо никак нельзя полагать, чтобы *до* политической свободы

крестьянство избавилось от самого отвратительного и тяжелого крепостнического гнета.

При господстве капиталистического хозяйства мелкая собственность задерживает развитие производительных сил, прикрепляя работника к мелкому кусочку земли, узаконяя рутинную технику, затрудняя вовлечение земли в торговый оборот. При господстве отработочного хозяйства, мелкая поземельная собственность, освобождаясь от отработков, тем самым толкает вперед развитие производительных сил, освобождает крестьянина от прикреплявшей его к месту кабалы, освобождает помещика от «дарового» слуги, отнимает возможность заменять технические улучшения безграничным усилением «патриархальной» эксплуатации, облегчая вовлечение земли в торговый оборот. Одним словом, противоречивое положение мелкого крестьянства на рубеже крепостнического и капиталистического хозяйства вполне оправдывает эту исключительную и временную поддержку мелкой собственности социал-демократией. Повторяем еще раз: это не противоречие в редактировании или формулировке нашей программы, а противоречие живой жизни.

Нам возразят: «как ни туго поддается отработочное хозяйство натиску капитализма, все же оно поддается ему, — больше того: оно осуждено на полное исчезновение; крупное отработочное хозяйство уступает и уступит место непосредственно крупному капиталистическому хозяйству. Вы же хотите ускорить процесс ликвидации крепостничества мерою, которая является, в сущности, дроблением (хотя бы частичным, но все же таки дроблением) крупного хозяйства. Не приносите ли вы этим интересы будущего в жертву интересам настоящего? Ради проблематичной возможности восстания крестьян в ближайшем будущем против крепостничества вы затрудняете в более или менее далеком будущем восстание сельского пролетариата против капитализма!».

Такое рассуждение, как ни убедительно оно с первого взгляда, грешит большой односторонностью: во-первых, и мелкое крестьянство тоже поддается, хотя и туго, а

поддается, натиску капитализма, оно тоже осуждено, в конечном счете, на неизбежное вытеснение; во-вторых, и крупное отработочное хозяйство уступает место крупному капиталистическому не всегда «непосредственно», а сплошь и рядом создавая слой полузависимых, полубатраков, полусобственников, — между тем такая революционная мера, как возвращение отрезков, сослужила бы гигантскую службу именно тем, что хоть раз заменила бы «метод» постепенного и незаметного превращения крепостнической зависимости в буржуазную «методом» открытого революционного превращения: это *не могло бы* остаться без *самого глубокого влияния* на дух протеста и самостоятельной борьбы во всем трудящемся сельском населении. В-третьих, и мы, русские социал-демократы, постараемся воспользоваться опытом Европы и гораздо раньше, гораздо усерднее займемся привлечением «деревенщины» к социалистическому рабочему движению, чем это удалось нашим западным товарищам, которые после завоевания политической свободы долго еще «ощупью» искали путей для движения промышленных рабочих: в этой области мы многое возьмем готовым «у немцев», а вот в аграрной области, может быть, выработаем и нечто новое. И для того, чтобы облегчить впоследствии нашим батракам и полубатракам переход к социализму, крайне важно, чтобы социалистическая партия *сейчас же* начала «вступаться» за мелкое крестьянство, делая для него «все возможное» с ее стороны, не отказываясь от участия в решении наболевших и запутанных «чужих» (непролетарских) вопросов, приучая всю трудящуюся и эксплуатируемую массу видеть в себе своего вождя и представителя.

Пойдем далее. (б) Требование вернуть отрезки считают политически нецелесообразным: нерасчетливо отвлекать внимание партии на исправление всяких, теряющих уже современное значение, исторических несправедливостей, — отвлекать внимание от основного и все более надвигающегося вопроса о борьбе пролетариата и буржуазии. Задумали «с запозданием на 40 лет переосвободить крестьян», — иронизирует Мартынов.

И это рассуждение кажется таким благовидным только с первого взгляда. Разные ведь бывают исторические несправедливости. Есть такие, которые остаются, так сказать, в стороне от главного исторического потока, не задерживая его, не мешая его течению, не препятствуя углублению и расширению пролетарской классовой борьбы. Такие исторические несправедливости, действительно, неумно было бы браться исправлять. Как пример, укажем на присоединение Эльзас-Лотарингии Германией. Ни одна социал-демократическая партия не вздумает ставить в свою программу исправление *такой* несправедливости, хотя ни одна в то же время не уклонится от своего долга протестовать против этой несправедливости и клеймить за нее все господствующие классы. И если бы мы мотивировали требование вернуть отрезки тем и только тем, что вот-де была совершена несправедливость, — давайте, исправим ее, — тогда это было бы пустозвонной демократической фразой. Но мы мотивируем наше требование не нытьем по поводу исторической несправедливости, а необходимостью отменить остатки крепостничества и расчистить дорогу для классовой борьбы в деревне, т. е. очень «практической» и очень настоятельной необходимостью для пролетариата.

Мы видим здесь пример *другой* исторической несправедливости, именно: такой, которая *непосредственно* продолжает *задерживать* общественное развитие и классовую борьбу. Отказываться от попытки исправить *такие* исторические несправедливости значило бы «защищать кнут на том основании, что это кнут исторический». Вопрос об освобождении нашей деревни от гнета остатков «старого режима» — один из самых злободневных вопросов современности, выдвигаемый всеми направлениями и партиями (кроме крепостнической), так что ссылка на запоздание вообще неуместна, а в устах Мартынова просто забавна. «Запоздала» русская буржуазия с *своей,* собственно, задачей смести все остатки старого режима, — и исправлять этот недочет мы должны и будем до тех самых пор, пока он не будет исправлен, пока не будет у нас политической

свободы, пока положение крестьянства будет питать недовольство во всей почти массе образованного буржуазного общества (как это мы видим в России), а не питать в этой массе чувство консервативного самодовольства по поводу «неразрушимости» самого мощного якобы оплота против социализма (как это мы видим на Западе, где указанное самодовольство замечается у всех партий порядка, начиная с аграриев и консерваторов pur sang*, продолжая либеральными и свободомыслящими буржуа и кончая даже... не во гнев будь сказано господам Черновым и «Вестнику Русской Революции»!., кончая даже модными «критиками марксизма» в аграрном вопросе). Ну, а затем еще «запоздали», конечно, те русские социал-демократы, которые по принципу тащатся в хвосте движения и занимаются только вопросами, «сулящими осязательные результаты»: своим запозданием дать определенную директиву и в аграрном вопросе эти «хвостисты» дают только сильнейшее и вернейшее оружие в руки революционных не социал-демократических направлений.

Что касается (в) до «неосуществимости» в практическом смысле требования вернуть отрезки, то это возражение (особенно подчеркнутое Мартыновым) — одно из самых слабых. С вопросом о том, в каких именно случаях и как именно произвести экспроприацию, выкуп, обмен, размежевание и т. п., крестьянские комитеты справились бы, при политической свободе, вдесятеро легче, чем составленные из представителей меньшинства и действовавшие в интересах меньшинства дворянские комитеты. Придавать значение этому возражению могут только люди, которые привыкли к слишком низкой оценке революционной активности масс.

Тут выдвигается четвертое и последнее возражение. Если уже рассчитывать на революционную активность крестьянства и выдвигать для него не программу-минимум, а программу-максимум, тогда надо быть последовательным и требовать либо крестьянского «черного передела», либо буржуазной национализации земли!

* — чистой крови. *Ред.*

«Если бы мы захотели, — пишет Мартынов, — найти настоящий (sic![*]) классовый лозунг для массы малоземельного крестьянства, мы должны были бы идти дальше — мы должны были бы выставить требование «черного передела», но тогда нам пришлось бы распроститься с социал-демократической программой».

Это рассуждение замечательно рельефно выдает «экономиста» и приводит на память пословицу о людях, которые лоб себе разбивают, ежели их заставить богу молиться.

Вы высказались за *одно* из требований, осуществляющих *известные* интересы известного слоя мелких производителей: *значит,* вы должны покинуть свою точку зрения и перейти на точку зрения этого слоя!! — Вовсе это не значит; так рассуждают только «хвостисты», смешивающие выработку программы, соответствующей широко понятым интересам класса, с прислужничеством этому классу. Будучи представителями пролетариата, мы тем не менее прямо осудим тот предрассудок неразвитых пролетариев, будто бороться надо только за требования, «сулящие осязательные результаты». Поддерживая прогрессивные интересы и требования крестьянства, мы решительно отклоним его реакционные требования. А «черный передел», этот один из самых рельефных лозунгов старого народничества, содержит в себе именно сплетение революционного и реакционного моментов. И социал-демократы десятки раз твердили, что они вовсе не выкидывают за борт все народничество с прямолинейностью одной неумной птицы, а выделяют из него и признают своими его революционные, его общедемократические элементы. В требовании черного передела реакционна утопия обобщить и увековечить мелкое крестьянское производство, но в нем есть (кроме утопии, будто «крестьянство» может быть носителем *социалистического* переворота) и революционная сторона, именно: желание смести посредством крестьянского восстания все остатки крепостного строя. По нашему мнению, требование вернуть отрезки

[*] — так! *Ред.*

выделяет изо всех двуличных и противоречивых требований крестьянина именно то, что может действовать революционно только в направлении всего общественного развития и что заслуживает поэтому поддержки пролетариата. Приглашение Мартынова «идти дальше» на самом деле ведет только к той бессмыслице, чтобы *«настоящий»* классовый лозунг крестьянства мы определяли с точки зрения *настоящих* предрассудков крестьянства, а не *настоящим образом понятых* интересов пролетариата.

Другое дело — национализация земли. Это требование (если понимать его в буржуазном, а не в социалистическом смысле) действительно «идет дальше» требования вернуть отрезки, и в принципе мы вполне разделяем это требование. В известный революционный момент мы не откажемся, разумеется, его выдвинуть. Но теперешнюю свою программу мы составляем не только и даже не столько для эпохи революционного восстания, сколько для эпохи политического рабства, для эпохи, предшествующей политической свободе. А в такую эпоху требование национализации земли *гораздо слабее* выражает непосредственные задачи демократического движения в смысле борьбы с крепостничеством. Требование учредить крестьянские комитеты и вернуть отрезки непосредственно разжигает данную классовую борьбу в деревне, и потому оно не может подать повода ни к какому эксперименту в духе государственного социализма. Наоборот, требование национализации земли отвлекает, до известной степени, внимание от самых рельефных проявлений и самых сильных переживаний крепостничества. Поэтому наша аграрная программа может и должна быть выдвинута сейчас же, как одно из средств подтолкнуть демократическое движение в крестьянстве. Требование же национализации выдвигать не только при самодержавии, но и при полуконституционной монархии было бы прямо неправильно, ибо при отсутствии вполне уже упрочившихся, глубоко укоренившихся демократических политических учреждений это требование гораздо скорее отвлечет мысль к нелепым экспериментам государственного

социализма, чем даст толчок «свободному развитию классовой борьбы в деревне»*.

Вот почему мы думаем, что максимум нашей аграрной программы на базисе современного общественного строя не должен идти дальше демократического пересмотра крестьянской реформы. Требование национализации земли, будучи вполне правильным с принципиальной точки зрения и вполне пригодным для известных моментов, является нецелесообразным политически в данный момент.

Интересно отметить, что Надеждин, в своем стремлении дойти именно до такого максимума, как национализация земли, сбился с пути (отчасти под влиянием его решения ограничиться в программе «требованиями, *понятными* и нужными мужику»). Надеждин формулирует требование национализации следующим образом: «превращение государственной, удельной, церковной, помещичьей земли в народную собственность, в национальный фонд для раздачи в долгосрочную аренду трудящемуся крестьянству на самых льготных условиях». «Мужику» это требование, несомненно, будет понятно, — но социал-демократу, наверное, нет. Требование национализации земли является принципиально правильным требованием социал-демократической программы лишь в качестве буржуазной меры, а не социалистической, ибо в социалистическом смысле мы требуем национализации *всех* средств производства. Оставаясь же на базисе буржуазного общества, мы можем требовать только передачи государству поземельной ренты, — передачи, которая сама по себе не только не задержала, а, напротив, даже ускорила бы капиталистическую эволюцию земледелия. Поэтому социал-демократ, поддерживая буржуазную национализацию

* Очень верно заметил Каутский в одной из своих статей против Фольмара: «В Англии передовые рабочие могут требовать национализации земли. Но к чему бы это привело, если бы вся земля такого военного и полицейского государства, как Германия, сделалась собственностью государства (eine Domäne)? Осуществление государственного социализма такого сорта мы находим, по крайней мере, в значительной степени — в Мекленбурге» («Vollmar und der Staatssozialismus», «Neue Zeit», 1891 — 1892, X, 2, S. 710) («Фольмар и государственный социализм», «Новое Время», 1891 —1892, X, 2, стр. 710. *Ред.).*

земли, должен был бы, во-первых, отнюдь не исключать крестьянские земли, как это сделал Надеждин. Если мы сохраняем *частное* хозяйство на земле, уничтожая только частную собственность на землю, то было бы прямо реакционно делать *в этом отношении* изъятие для мелкого собственника. Во-вторых, при *такой* национализации социал-демократ был бы решительно против того, чтобы отдавать национальную землю в аренду «трудящемуся крестьянству» предпочтительно перед капиталистами-предпринимателями в земледелии. Это предпочтение было бы опять-таки реакционно, при условии господства или сохранения капиталистического способа производства. Если бы нашлась такая демократическая страна, которая предприняла бы буржуазную национализацию земли, то пролетариат этой страны не должен был бы давать предпочтение ни мелким, ни крупным арендаторам, а требовать безусловно, чтобы *всякий* арендатор соблюдал законом установленные правила об охране труда (о максимальном рабочем дне, о соблюдении санитарных постановлений и пр. и пр.), а также о рациональном обращении с землей и со скотом. Фактически, разумеется, такое поведение пролетариата при буржуазной национализации было бы равносильно ускорению победы крупного производства над мелким (как ускоряет эту победу в промышленности фабричное законодательство).

Стремление быть во что бы то ни стало «понятным мужику» завело здесь Надеждина в дебри реакционной мелкобуржуазной утопии*.

* После обсуждения статьи на цюрихском совещании редакции «Искры» В. И. Ленин опустил два последних абзаца, заменив этот текст следующим подстрочным примечанием: «Что касается до Надеждина, то он в своем наброске аграрной программы впал, по нашему мнению, в большую непоследовательность, требуя превращения «в народную собственность» всех и всяких земель *кроме крестьянских* и раздачи «национального (земельного) фонда» «в долгосрочную аренду *трудящемуся крестьянству».* Социал-демократ из общей национализации земли не мог бы исключить и крестьянских земель, это во-первых. А, во-вторых, он стал бы пропагандировать национализацию земли лишь как переход к крупному коммунистическому, а не к мелкому индивидуалистическому хозяйству. Ошибка Надеждина вызвана, вероятно, его решением ограничиться в программе «требованиями, *понятными* (курсив мой) и нужными мужику»». *Ред.*

Итак, разбор возражений против требования возвращения отрезков убеждает нас в несостоятельности этих возражений. Мы должны выступить с требованием демократического пересмотра крестьянской реформы, и именно ее аграрных преобразований. А чтобы точно определить и характер, и пределы, и способ произведения этого пересмотра, мы должны выдвинуть учреждение крестьянских комитетов с правом экспроприации, выкупа, обмена и пр. тех «отрезков», посредством которых держатся переживания крепостного хозяйства.

VIII

В тесной связи с четвертым пунктом проекта нашей аграрной программы находится пятый пункт, который требует «предоставления судам права понижать непомерно высокие арендные платы и объявлять недействительными сделки, имеющие кабальный характер». Подобно 4-ому пункту, и этот направлен против кабалы; в отличие от 4-ого пункта он требует не единовременного пересмотра и преобразования аграрных порядков, а постоянного пересмотра гражданских правоотношений. Предоставляется *этот* пересмотр «судам», причем имеется в виду, разумеется, не та жалкая пародия на суд, какой является «институт» земских начальников (или хотя бы даже мировых судей, выбираемых имущими классами из имущих лиц), а те суды, о которых говорит § 16 предыдущего отдела нашего проекта программы. Этот § 16 требует «учреждения промысловых судов во всех отраслях народного хозяйства...» (значит, и в земледелии) «... из представителей от рабочих и предпринимателей поровну». Такой состав суда обеспечивал бы и демократизм его и свободное выражение различным классовым интересам различных слоев сельского населения. Классовый антагонизм не прикрывался бы фиговыми листочками гнилого бюрократизма — этого крашеного гроба для останков народной свободы, — а выступал открыто и ясно пред лицом всех и каждого, встряхивая тем самым деревенских жителей из их патриархального прозябания. Полное

знакомство с аграрным бытом вообще и местными его особенностями в частности было бы вполне обеспечено выборностью судей из местных же жителей. Для массы крестьян, которых невозможно было бы отнести в разряд только «рабочих» или только «предпринимателей», были бы установлены, естественно, особые правила для обеспечения равномерного представительства всех элементов сельского населения, причем мы, социал-демократы, безусловно настаивали бы при всяких обстоятельствах, во-первых, на *особом* представительстве сельскохозяйственных наемных рабочих, как бы их мало ни было, и, во-вторых, на том, чтобы по возможности отдельно было представлено маломощное и зажиточное крестьянство (ибо смешение этих разрядов не только в статистике приводит к фальши, но и во всех областях жизни приводит к угнетению и оттеснению первого разряда вторым).

Компетенция этих судов предположена двоякая: во-первых, они имели бы право *понижать* арендные платы, если они «непомерно высоки». Уже самые эти слова программы выражают косвенное признание широкой распространенности этого явления. Гласное и состязательное разбирательство на судах вопроса о высоте аренды приносило бы громадную пользу даже независимо от решения судов. Понижения арендной платы (хотя бы эти понижения были и не часты) сыграли бы свою роль в деле устранения остатков крепостничества: известно, что в нашей деревне аренда носит чаще крепостнический, чем буржуазный характер, и арендная плата является гораздо более «денежной» (т. е. преобразованной феодальной), чем капиталистической рентой (т. е. избытком над прибылью предпринимателя). Понижение арендной платы, следовательно, непосредственно содействовало бы замене крепостнических форм хозяйства капиталистическими.

Далее, во-вторых, суды имели бы право «объявлять недействительными сделки, имеющие кабальный характер». Понятие «кабалы» здесь не определяется, ибо стеснять выборных судей в применении такого пункта было бы вовсе нежелательно. Что такое кабала, — русский

мужик слишком хорошо знает! С научной же точки зрения это понятие объемлет все те сделки, в которых есть элемент *ростовщичества* (зимняя наемка и т. п.) или *крепостничества* (отработки за потравы и проч.).

Несколько иной характер носит 3-ий пункт о возвращении народу выкупных платежей. Здесь не возбуждается тех сомнений насчет мелкой собственности, которые вызывает 4-ый пункт, но зато возражатели указывают и на практическую неосуществимость этого требования и на отсутствие логической связи между ним и общей частью нашей аграрной программы (= «устранение остатков крепостного права и свободное развитие классовой борьбы в деревне»). Однако никто же не станет отрицать, что именно остатки крепостного права, во всей их совокупности, обусловливают те постоянные голодовки миллионов крестьян, которые сразу выделяют Россию из числа всех цивилизованных наций. Даже самодержавие вынуждено поэтому создавать все чаще и чаще особый (совершенно жалкий, разумеется, и более расхищаемый казнокрадами и бюрократами, чем идущий на пользу голодающих) «фонд для культурных и благотворительных нужд сельских обществ». Не можем и мы не потребовать, в числе прочих демократических преобразований, создания такого фонда. Против этого вряд ли можно спорить.

Теперь спрашивается, из какого источника взять суммы для образования этого фонда? Насколько мы можем судить, здесь могли бы указать нам на прогрессивно-подоходный налог: повысить специально те ставки, которые падают на доходы богатых людей, и употребить эти суммы на указанный фонд. Было бы вполне справедливо, чтобы наиболее имущие члены государства больше всего участвовали в содержании голодающих и в расходах на возможное исправление бедствий, причиненных голодовками. — Мы ничего не имели бы и против такой меры, о которой нет надобности особо говорить в программе, ибо она всецело подходит под требование прогрессивно-подоходного налога, упомянутого в программе особо. Но зачем же ограничиваться этим источником? Почему не попробо-

вать, помимо него, возвратить народу хотя бы часть той дани, которую взимали и продолжают взимать вчерашние рабовладельцы с крестьян при помощи полицейского государства? Разве эта дань не стоит в самой тесной связи с *современными* голодовками? И разве требование вернуть эту дань не сослужит нам самой полезной службы в деле расширения и углубления революционного возмущения крестьян против всех крепостников и всяческого крепостничества?

Но ведь этой дани *нельзя* вернуть целиком, — возражают нам. — Справедливо *(как нельзя целиком вернуть и отрезков).* Но если нельзя уже вытребовать весь долг, — отчего бы не взять и части его? Что можно возразить против особого налога на земли тех крупных дворян-землевладельцев, которые воспользовались выкупной ссудой? Число таких владельцев латифундий (иногда превращенных даже в заповедные имения) очень значительно в России, и их справедливо было бы привлечь к специальной ответственности за крестьянские голодовки. Еще более справедлива будет полная конфискация монастырских имуществ и удельных имений, как такой собственности, которая всего более пропитана традициями крепостничества, которая служит обогащению самых реакционных и самых вредных для общества тунеядцев, изъемля в то же время немалое количество земли из гражданского и торгового оборота. Конфискация таких имений лежала бы, следовательно, всецело в интересах всего общественного развития*; она была бы именно такого рода частичной буржуазной национализацией земли, которая безусловно не могла бы вести к фокус-покусам «государственного социализма»; она имела бы непосредственное и громадное политическое значение для укрепления демократических учреждений *новой* России; а вместе с тем она дала бы также и добавочные средства на помощь голодающим.

* При сдаче в аренду этих конфискованных имений социал-демократия должна была бы теперь же проводить отнюдь не специфически крестьянскую, а именно ту политику, которую мы обрисовали выше, возражая Надеждину.

IX

Что касается, наконец, до первых двух пунктов нашей аграрной программы, то на них долго останавливаться не приходится. «Отмена выкупных и оброчных платежей, а также всяких повинностей, падающих в настоящее время на крестьянство, как на податное сословие» (п. 1) — есть нечто, подразумевающееся само собою для всякого социал-демократа. Никаких недоумений относительно практического осуществления этой меры тоже не возникает, — насколько мы можем судить. Второй пункт требует: «отмены круговой поруки и всех законов, стесняющих крестьянина...» (заметьте: «крестьянина», а не «крестьян») «... в распоряжении его землей». Здесь надо сказать несколько слов по поводу пресловутой и приснопамятной *«общины»*. Фактически, разумеется, отмена круговой поруки (эту-то реформу г. Витте успеет, пожалуй, осуществить еще до революции), уничтожение сословных делений, свобода передвижения и свобода распоряжения землей для каждого отдельного крестьянина поведут к неизбежному и быстрому уничтожению той фискально-крепостнической обузы, каковой является, на три четверти, современная поземельная община. Но такой результат докажет только правильность наших взглядов на общину, докажет несовместимость ее со всем общественно-экономическим развитием капитализма. Этот результат отнюдь не будет вызван какой-либо мерой «против общины», рекомендованной нами, ибо *ни единой меры,* направленной непосредственно против той или иной системы крестьянских поземельных распорядков, мы никогда не защищали и не будем защищать. Более того: общину, как демократическую организацию местного управления, как товарищеский или соседский союз, мы безусловно будем защищать от всякого посягательства бюрократов, — посягательства, столь излюбленного врагами общины из лагеря «Московских Ведомостей». Никому и никогда не будем мы помогать «разрушать общину», но отмены всех учреждений, противоречащих демократизму, мы будем добиваться

безусловно, *какое бы влияние эта отмена ни оказала на коренные и частные переделы земли и т. п.:* в этом наше коренное отличие от явных и тайных, последовательных и непоследовательных, робких и смелых народников, которые, с одной стороны, являются, «конечно», демократами, а с другой стороны, боятся определить решительно и недвусмысленно свое отношение к таким элементарно демократическим требованиям, как *полная* свобода передвижения, *полное* уничтожение сословности крестьянской общины, а *следовательно,* и полная отмена круговой поруки, отмена всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его землей*. Нам возразят: именно последняя мера, освящающая индивидуальную волю каждого отдельного крестьянина, и разрушает общину не только как систему переделов и т. п., а прямо даже как товарищеский соседский союз. Каждый отдельный крестьянин, вопреки воле большинства, вправе будет потребовать выдела его земли в особый участок. Не противоречит ли это общей тенденции всех социалистов содействовать расширению, а не сужению прав коллективности по отношению к индивидууму?

Мы ответим на это: право каждого крестьянина требовать выдела земли непременно в особый участок из нашей формулировки еще не вытекает. Из нее вытекает только свобода продажи земли, причем и этой свободе не противоречит право предпочтительной покупки продаваемой земли сообщинниками. Отмена круговой поруки должна превратить всех наличных членов крестьянской общины в свободных совладельцев известного участка земли, — а там, как уже они будут распоряжаться этим участком, это их дело, это будет зависеть от общих гражданских законов и от их специальных договоров между собою. Что же касается до расширения прав коллективности по отношению к индивидууму, то социалисты защищают его только тогда, когда это расширение лежит в интересах

* На этом именно оселке следует испытывать тех многочисленных в России радикалов (и даже революционеров — из «Вестника Русской Революции»), которые склонны сидеть в данном вопросе между двух стульев.

технического и социального прогресса*. В такой форме, разумеется, и мы защищали бы всякий соответствующий закон, лишь бы он относился не к одним только мелким собственникам, не к одним только крестьянам, а ко *всем* землевладельцам вообще.

X

В заключение, резюмируем те основные положения, которые легли в основание нашей аграрной программы. Всякий, кому случалось работать над составлением программы или знакомиться с деталями ее составления в других странах, знает, что одну и ту же мысль можно формулировать самыми различными способами, — нам важно, чтобы все товарищи, на суд которых мы отдаем теперь наш проект, вполне спелись бы прежде всего и больше всего относительно основных принципов. А там уже те или иные частные особенности формулировки не имеют решающего значения.

Центральным фактом и в области аграрных порядков России мы признаем классовую борьбу. Мы строим всю свою аграрную политику (а следовательно, и аграрную программу) на неуклонном признании этого факта со всеми последствиями, вытекающими из него. Наша главная ближайшая цель — расчистить дорогу для свободного развития классовой борьбы в деревне, классовой борьбы пролетариата, направленной к осуществлению конечной цели всемирной социал-демократии, к завоеванию политической власти пролетариатом и к созданию основ социалистического общества. Объявляя классовую борьбу своей руководящей нитью во всех «аграрных вопросах», мы тем самым решительно и бесповоротно отделяем себя от столь многочисленных в России сторонников половинчатых и расплывчатых теорий: «народнической», «этико-социологической», «кри-

* Напр., Каутский признает справедливым требовать «ограничения прав частной поземельной собственности в интересах: 1) размежевания, уничтожения чересполосицы; 2) повышения сельскохозяйственной культуры; 3) предупреждения эпидемий» («Die Agrarfrage», S. 437) («Аграрный вопрос», стр. 437. *Ред.).* Подобного рода, совершенно основательные, требования отнюдь не связаны и не должны быть связываемы с крестьянской общиной.

тической», социал-реформаторской и как их там еще звать!

Чтобы расчистить дорогу для свободного развития классовой борьбы в деревне, необходимо устранить все остатки крепостного порядка, которые теперь *прикрывают* зачатки капиталистических антагонизмов внутри сельского населения, не дают им развиться. И мы делаем *последнюю* попытку помочь крестьянству смести одним решительным ударом все эти остатки, — «последнюю» потому, что и сам развивающийся русский капитализм стихийно творит ту же работу, идет к той же цели, но идет свойственным ему путем насилия и гнета, разорения и голодной смерти. Переход крепостнической эксплуатации в капиталистическую неизбежен, и было бы вредной, реакционной иллюзией пытаться задержать или «обойти» его. Но этот переход мыслим также и в форме насильственного свержения тех крепостников-последышей, которые, опираясь не на «власть денег», а на традиции прежней власти рабовладения, высасывают теперь последние соки из патриархального крестьянства. Это патриархальное крестьянство, живущее трудами рук своих при системе натурального хозяйства, осуждено на исчезновение, но вовсе не «обязательно», не «имманентным» законом общественно-экономической эволюции осуждено на пытки «выколачивания податей» и розги, на муки затяжного, ужасающего своей длительностью вымирания голодною смертью.

И вот, не делая себе иллюзий насчет возможности процветания или даже сносного существования мелких производителей в капиталистическом обществе (каковым все более и более становится Россия), мы требуем полной и безусловной, не реформаторской, а революционной отмены и уничтожения пережитков крепостничества, мы признаем крестьянскими те земли, которые отрезало у них дворянское правительство и которые по сю пору продолжают держать их в фактическом рабстве. Мы становимся таким образом — в виде исключения и в силу особых исторических обстоятельств — защитниками мелкой собственности, но мы защищаем ее лишь в ее борьбе против того, что̀ уцелело

от «старого режима», и лишь под условием отмены тех учреждений, которые задерживают преобразование патриархальной, застывшей в своей неподвижности, забитости и оброшенности обломовки: под условием создания полной свободы передвижения, свободы обращения земли, полного уничтожения сословных делений. Демократический пересмотр государственных и гражданских законов России мы хотим дополнить демократическим, революционным пересмотром пресловутой «крестьянской реформы».

Руководимый такими принципами аграрной политики, русский социал-демократ, попадая в деревню, сумеет разобраться в сложной сети тамошних отношений, сумеет «приспособить» к ним свою строго выдержанную революционную пропаганду и агитацию. Его не застанет тогда врасплох возможное движение крестьянства (кое-где уже как будто и начинающееся). Он не ограничится теми требованиями в защиту сельскохозяйственных наемных рабочих, которые подробно изложены в отделе ближайших «рабочих» требований нашей программы и которые, разумеется, он будет выдвигать всегда и повсюду. Он будет в состоянии также и в крестьянстве подтолкнуть вперед то общедемократическое движение, которое (если суждено ему будет в нашей деревне выйти за пределы зародышевого состояния) начнется борьбой с деревенскими крепостниками, а кончится — восстанием против того могущественнейшего и гнуснейшего остатка крепостничества, который зовется царским самодержавием.

* *
*

P. S. Предлагаемая статья была написана до начала крестьянских восстаний на юге России весной текущего года[139]. Принципиальные положения статьи вполне подтвердились этими событиями. А о тех тактических задачах, которые с особенной силой выдвигаются теперь пред нашей партией в ее «деревенской» работе, мы надеемся поговорить в следующий раз.

____

ПИСЬМО К ЗЕМЦАМ

Приводим полностью гектографированное письмо к земским деятелям, которое ходило по рукам во время последней сессии земских собраний (в наши руки оно попало, *к сожалению,* только в самое последнее время):

«Милостивый государь!

Тяжкие условия, в которые поставлена в настоящее время Россия, русский народ и русское земство, побуждают обратиться к Вам, милостивый государь, с настоящим письмом в предположении встретить с Вашей стороны сочувствие высказанным здесь мыслям и намерениям.

Длинный ряд печальных и возмутительных фактов, молчаливыми свидетелями которых мы были за последнее время, мрачной тучей тяготеет над общественной совестью, и перед каждым интеллигентным человеком ребром ставится роковой вопрос: возможно ли далее политически бездействовать и пассивно участвовать в прогрессирующем обнищании и развращении родины?

Хронические неурожаи и непосильное податное бремя в виде выкупных платежей и неокладных сборов буквально разорили народ, вырождая его физически.

Фактическое же лишение крестьянства всякого признака самоуправления, мелочная опека официальных и добровольных представителей «твердой власти» и искусственная умственная голодовка, в которой держат народ непрошенные блюстители «самобытных и законных начал», ослабляют его духовную мощь, его самодеятельность и энергию.

Производительные силы страны нагло расхищаются отечественными и иноземными деятелями при милостивом содействии играющих судьбами родины авантюристов. Тщетно «благодетельное правительство» рядом одно другому противоречащих и наскоро придуманных мероприятий силится заменить живую

и планомерную борьбу экономических групп страны. Попечительное «содействие» и «усмотрение» бессильны перед зловещими предтечами хозяйственного и финансового банкротства России: земледельческим, промышленным и денежным кризисами — блестящими результатами политики случая и авантюры. Печать задушена и лишена возможности пролить свет хотя бы на часть преступлений, ежечасно совершаемых защитниками порядка над свободой и честью русских граждан. Один произвол, бессмысленный и жестокий, властно возвышает свой голос и царит на всем необъятном пространстве разоренной, униженной и оскорбленной родной земли, не встречая нигде до,лжного отпора.

При таком положении вещей вполне естественно систематическое недоверие правительства к малейшим проявлениям частной и общественной инициативы, к деятельности всякого рода общественных союзов и в частности к земским учреждениям — этому камню, на котором Россия 60-х годов чаяла видеть утверждение нового царства. Торжествующей бюрократией земские учреждения осуждены на медленную смерть, и каждый год несет новый удар их жизнедеятельности, их значению и авторитету в глазах общества и народа, который почти не отличает земства от чиновной администрации. Земские собрания превращены в сословно-бюрократические совещания, вопреки ясно выраженному протесту всех прогрессивных групп страны, и потеряли всякую связь с массою русского народа. Земские управы становятся придатками губернаторских канцелярий и, теряя в самостоятельности, постепенно приобретают все недостатки присутственного места. Земские избирательные собрания низведены до какой-то комедии. Малочисленность избирателей и деление последних на сословные группы, не давая собраниям возможности служить средством для выражения, в лице избранных гласных, различных общественных интересов, превращают их в арену борьбы мелких и личных самолюбий.

Пределы ведения земских учреждений ограничиваются постепенно, но неуклонно. Продовольственное дело из компетенции земства изъято. В деле оценки земство превращено в исполнителя чиновных распоряжений. В области народного образования роль земства сведена почти к нулю. Выработанный министерством Горемыкина врачебный устав формально не отменен и, словно дамоклов меч, висит над земской медициной. Черный призрак наказа училищным советам, по-видимому, рассеялся. Но земство ничем не гарантировано от нового появления этого призрака, но уже воплощенного в форму закона, и связанной с ним окончательной гибели земской народной школы. Взаимные сношения земских учреждений разных губерний, необходимость которых стала избитым общим местом, встречают новые затруднения в последнем циркуляре министерства внутренних дел по этому предмету. Каждый шаг земства, как общественного учреждения, связан сложной паутиной многочисленных циркуляров различных министров, и земскому деятелю при проведении в жизнь той или другой меры приходится затрачивать немало времени,

энергии и остроумия на неблагодарный труд распутывания этой паутины. Пресловутая 87 ст. Земск. полож., и особенно ее второй пункт, отдает всю деятельность земства на усмотрение губернатора. Губернаторские ревизии земских управ все учащаются; в лице непременных членов губернского по земским делам присутствия правительство бесцеремонно учреждает гласный надзор за земством. Изданием закона о предельности земского обложения правительство открыто признается в своем крайнем недоверии к основному праву земства — праву самообложения. Благодаря вмешательству департамента полиции, от земской деятельности насильно отрываются лучшие земские работники, выборные и наемные. В недалеком будущем, вероятно, получат силу закона министерские проекты о контролировании денежных операций земства чинами государственного контроля и об упорядочении деятельности земских совещательных комиссий.

Земские ходатайства не только не удовлетворяются, но даже не рассматриваются установленным для того порядком и небрежно отклоняются единоличною властью министров. Работать при таких условиях в земстве с серьезной верой в плодотворность этой работы представляется невозможным. И на наших глазах происходит процесс все увеличивающегося оскудения земской среды и в особенности земских исполнительных органов — управ. Уходят из земства люди, горячо преданные земскому делу, но утратившие веру в плодотворность работы при нынешних условиях. И на смену им идет земец новой формации, идет оппортунист, трусливо дрожащий за имя, за форму земских учреждений и окончательно унижающий их достоинство уродливым пресмыканием перед администрацией. В результате получается то внутреннее разложение земства, которое гораздо хуже формального уничтожения самоуправления. Открытый поход правительства против самой идеи земства мог бы привести к широкому общественному возбуждению, которого так боится бюрократия. Но на наших глазах происходит замаскированное умерщвление принципа самоуправления и, к несчастью, не находит организованного отпора.

При таком положении вещей сравнительная ничтожность материальных итогов земской деятельности нисколько не восполняется ее воспитательным значением, и почти сорокалетняя работа земских учреждений в смысле развития гражданственности, общественного самосознания и самодеятельности может пропасть бесследно для ближайшего будущего. С этой точки зрения, спокойное, покорное ожидание оппортунистов-земцев только содействует бесславной и бесполезной смерти великой идеи земских учреждений. Вывести земства из того тупика, куда привела их система опеки, возможно лишь энергично борясь против нелепой мысли, что обсуждение вопросов, выходящих за пределы мелочей местной жизни, грозит народными бедствиями. Бороться с этим жупелом, страшным, конечно, не для народа и государственной безопасности, с этой мыслью,

нелепость которой цинично признается самими ее защитниками (см. конфиденциальную записку Витте «Самодержавие и земство»), земству надлежит путем открытого и смелого обсуждения в земских собраниях вопросов общегосударственного значения, тесно связанных с нуждами и пользами местного населения. И чем разностороннее, полнее и энергичнее будут земские собрания обсуждать подобного рода вопросы, тем с большей ясностью обнаружится, что публичное обсуждение народных зол не грозит народными бедствиями, а, наоборот, предупреждает их, что тот гнет, под которым находится в настоящее время печать, полезен лишь врагам народа, что господствующей полицией мысли и слова нельзя создать честных граждан, что законность и свобода не находятся в противоречии друг с другом. Публичное выяснение всех подобных вопросов одновременно в нескольких губернских земских собраниях встретит, несомненно, сильнейшее сочувствие всех слоев народа и вызовет энергичную работу общественной совести. Если же земство ничем не реагирует на современное критическое состояние России, то, конечно, гг. Сипягины и Витте, отняв у него роль представителя интересов труда, не задумаются привести его в окончательное «соответствие» с общим строем учреждений империи. Какие формы примет это «соответствие», мы, принимая во внимание глубокомыслие и изобретательность теперешних правителей страны, положительно затрудняемся себе представить. Ведь хватило же наглости у г. министра внутренних дел и удивительного презрения к «первенствующему» сословию империи, чтобы возложить на его избранников — предводителей дворянства — гнусную роль шпионов по надзору за чтецами и существом народных чтений.

По изложенным соображениям мы полагаем, что наше бездействие и дальнейшее смиренное подчинение всем экспериментам, которым бюрократия подвергает земство и всю Россию, представляется не только своего рода самоубийством, но и тяжелым преступлением перед родной страной. Неосновательность, безумие тактики оппортунизма — эта продажа «первородства» за «чечевичную похлебку» — достаточно доказаны нам жизнью: самодержавная бюрократия, присвоив сначала право первородства, отняла теперь у нас и «чечевичную похлебку». Шаг за шагом у нас отняты почти все наши гражданские права, и сорокалетие, протекшее со времени начала «великих реформ», привело нас к тому же пункту, из которого мы вышли 40 лет тому назад, приступая к этим реформам. Много ли осталось нам терять, и чем может быть оправдано наше дальнейшее молчание, чем может быть объяснено оно, кроме позорной трусости и полного отсутствия сознания своих гражданских обязанностей?

Как русские граждане, и притом «наверху» стоящие, мы обязаны отстаивать права русского народа, обязаны дать надлежащий ответ самодержавной бюрократии, стремящейся задавить малейшее проявление свободы и самостоятельности в народной жизни и обратить весь русский народ в покорного раба. Как

земцы, мы в особенности обязаны отстаивать права земских учреждений, защищать их от произвола и гнета бюрократии, отстаивать их право на самостоятельность и широкое удовлетворение потребностей всех слоев народа.

Перестанем же молчать, подобно провинившемуся школьнику; докажем, наконец, что мы взрослые граждане, и будем требовать того, что нам принадлежит по праву, — нашего права «первородства», наших гражданских прав.

Самодержавная бюрократия никогда ничего не дает добровольно, а дает только то, что у нее вынудят, хотя и старается притом сделать такой вид, будто она поступается своими «правами» единственно из великодушия. Если же и случится ей дать более того, что у ней было вынуждено, то она немедленно отнимает все излишние уступки, как и случилось с нашими «великими реформами». Правительство не позаботилось о рабочих до тех пор, пока перед ним не встало серьезное «рабочее движение» в форме демонстраций многотысячных рабочих масс; тогда оно спешно приступило к «рабочему законодательству», хотя и достаточно лицемерному, но все-таки рассчитанному на то, чтобы удовлетворить хотя кое-какие требования рабочих и успокоить эти грозные массы. Правительство в течение десятков лет калечило нашу учащуюся молодежь, наших сестер, братьев и детей, не допуская ни малейшей критики придуманной им «учебной системы» и свирепо подавляя студенческие «беспорядки».

Но вот эти «беспорядки» превратились в массовую забастовку, академическая машина остановилась, и бюрократия прониклась вдруг горячим чувством «сердечного попечения» об учащейся молодежи, и те самые требования, на которые вчера еще единственным ответом был свист казацкой нагайки, сегодня провозглашаются правительственной программой «реформы учебного дела».

Конечно, и в этой метаморфозе есть немалая доля лицемерия, а все-таки... Все-таки не подлежит сомнению тот факт, что «бюрократия» вынуждена открыто признать и сделать довольно существенную уступку общественному мнению. И мы, как и все русское общество, весь русский народ, мы можем рассчитывать на признание и осуществление наших прав только в том случае, если будем смело, открыто, дружно и настойчиво требовать этих прав.

Ввиду всех этих соображений, мы решили обратиться с настоящим письмом к Вам, милостивый государь, и ко многим другим земским деятелям всех губернских земств — с просьбой оказать содействие в настоящую сессию губернских земских собраний возбуждению, обсуждению и принятию соответственных постановлений по нижеследующим вопросам:

I. О пересмотре Положения о земских учреждениях и об изменении его в смысле:

а) предоставления одинаковых избирательных прав всем группам населения без всяких сословных различий, при условии

значительного понижения имущественного избирательного ценза; б) устранения из состава земства сословных представителей, как таковых; в) освобождения земства во всех его действиях от опеки администрации, предоставления земству полной самостоятельности во всех местных делах, при условии подчинения его законам страны на общих основаниях со всеми прочими лицами и учреждениями; г) расширения компетенции земства предоставлением ему полной самостоятельности в заботах о всех местных пользах и нуждах, поскольку они не нарушают интересов всего государства; д) отмены закона о предельности земского обложения; е) предоставления земству самых широких прав в деле распространения всеми способами народного образования, причем, кроме хозяйственных забот, земству должно быть предоставлено и право наблюдения и улучшения учебной части; ж) отмены вышеупомянутого врачебного устава, угрожающего земской медицине; з) возвращения в руки земства продовольственного дела, а равно и предоставления ему полной самостоятельности в организации и ведении земско-статистического оценочного дела; и) ведения всего земского дела исключительно через выборных земских людей, которые не должны подлежать утверждению администрации, а тем более не должны быть назначаемы помимо воли земских собраний; і) предоставления права земству приглашать земских служащих исключительно по своему усмотрению, без утверждения администрации; к) предоставления земству права свободно обсуждать все общегосударственные вопросы, имеющие отношение к местным пользам и нуждам, причем возбуждаемые земством ходатайства обязательно должны быть рассматриваемы высшими правительственными учреждениями в течение определенного срока; л) предоставления всем земствам права сноситься между собой, а равно устраивать съезды земских представителей для обсуждения вопросов, касающихся всех или нескольких земств.

II. О пересмотре и изменении Положения о крестьянах в смысле полного уравнения их прав с правами прочих сословий.

III. Об изменении податной системы в смысле уравнения податного бремени посредством прогрессивного обложения доходности имуществ и при условии освобождения от обложения известных минимальных доходов.

Крайне желательно также, чтобы в земских собраниях были подняты и обсуждены вопросы:

IV. О восстановлении повсеместно мировых судебных учреждений, а равно и об отмене всех законов, ограничивающих компетенцию суда присяжных.

V. О предоставлении большей свободы печати, о необходимости уничтожения предварительной цензуры, об изменении цензурного устава в смысле определенного и точного указания того, что дозволено и чего нельзя печатать, об уничтожении административного произвола в цензурной практике и о передаче всех дел о преступлениях в печати исключительно ведению гласного суда общих судебных установлений.

VI. О пересмотре существующих законов и министерских распоряжений относительно мер охранения государственной безопасности, об устранении в этой области тайного административного «усмотрения» и о гласном рассмотрении всех дел подобного рода в общих судебных учреждениях.

Полагая, что Вы не откажетесь содействовать в Вашем губернском собрании возбуждению указанных общих вопросов, мы имеем честь выразить Вам нашу просьбу о сообщении могущего быть постановления земского собрания по возможности во все земства через знакомых или известных Вам гласных. Мы надеемся также, что в большей части земств найдется достаточное количество смелых и энергичных людей, которые сумеют провести эти требования через земские собрания. И если мы все единодушно, открыто и в категорической форме предъявим наши справедливые требования, то бюрократия вынуждена будет уступить, как уступает она всегда, когда встречается со сплоченною сознательною силою.

Старые земцы».

Это очень поучительное письмо. Оно показывает, как даже людей, мало способных к борьбе и всего более поглощенных мелкой практической работой, сама жизнь заставляет выступать *против* самодержавного правительства. И, если сравнить это письмо с таким, напр., произведением, как предисловие г. Р. Н. С. к записке Витте, то первое, на мой взгляд, производит лучшее впечатление.

В письме нет, правда, сколько-нибудь «широких» политических обобщений, — но ведь авторы его и выступают не с «программными» заявлениями, а с скромным советом, как *практически* начать агитацию. Нет у них «полета мысли» даже настолько, чтобы прямо сказать о политической свободе, но зато нет и фраз о близких к престолу лицах, которые могли бы, пожалуй, повлиять на царя. Зато нет у них и фальшивого превознесения «деяний» Александра II, а, напротив, сквозит насмешка над «великими реформами» (в кавычках). Зато они находят в себе прямоту и мужество, чтобы решительно восстать против «земцев-оппортунистов», не боясь объявить войну «позорной трусости», не подделываясь к особенно отсталым либералам.

Мы не знаем пока, какой успех имело воззвание старых земцев, но почин их кажется нам во всяком

случае заслуживающим полной поддержки. Оживление земского движения в последнее время представляет из себя вообще чрезвычайно интересное явление. Авторы письма сами указывают, как расширялось движение, начатое рабочими, распространившееся на студентов, подхватываемое теперь земцами. Все эти три общественные элемента располагаются таким образом в правильном порядке по мере уменьшения их численной силы, их общественной подвижности, их социально-политического радикализма, их революционной решимости.

Тем хуже для нашего врага. Чем менее революционные элементы восстают против него, — тем лучше для нас, безусловных противников самодержавия и всего современного экономического строя.

Пошлем же привет новым протестантам, — а следовательно, и новым нашим союзникам. Поможем им.

Вы видите: они бедны; они выступают только с маленьким листком, изданным хуже рабочих и студенческих листков. Мы богаты. Опубликуем его печатно. Огласим новую пощечину царям-Обмановым. Эта пощечина тем интереснее, чем «солиднее» люди, ее дающие.

Вы видите: они слабы; у них так мало связей в народе, что их письмо ходит по рукам, точно и в самом деле копия с частного письма. Мы — сильны, мы можем и должны пустить это письмо «в народ» и прежде всего в среду пролетариата, готового к борьбе и начавшего уже борьбу за свободу всего народа.

Вы видите: они робки, они только еще начинают расширять свою профессионально-земскую агитацию. Мы смелее их, наши рабочие уже пережили «стадию» (навязанную им стадию) одной только профессионально-экономической агитации. Покажем же им пример борьбы. Ведь если рабочие боролись за такое требование, как отмена «Временных правил», — чтобы выразить протест против самодержавия, — то не менее значительным поводом может явиться и надругательство администрации над каким ни на есть, а все же: *«самоуправлением»!*

Но тут останавливают нас всякие, явные и тайные, сознательные и бессознательные, сторонники «экономизма». — Для кого нужна поддержка рабочими земцев? — спрашивают они нас. Не для земцев ли только? Не для людей ли, которые недовольны, быть может, лишь тем, что правительство больше ласкает промышленных, чем сельских предпринимателей? Не для одной ли буржуазии, пожелания которой не идут дальше «живой борьбы экономических групп страны»?

Для кого? Да прежде всего и больше всего для *самого рабочего класса.* Этот «единственный действительно революционный класс» современного общества не был бы на деле революционным, если бы он не пользовался *всяким* поводом для нанесения нового удара своему злейшему врагу. И слова о политической агитации и политической борьбе в наших заявлениях и программах были бы пустым звуком, если бы мы упускали те благоприятные случаи для борьбы, когда с этим врагом начинают ссориться даже его вчерашние (60-е годы), а отчасти и нынешние (оппортунисты-земцы и крепостники-помещики) союзники.

Давайте же внимательно следить за земской жизнью, за ростом и расширением (или упадком и сужением) новой волны протеста. Постараемся давать рабочему классу побольше знакомства с историей земства, с уступкой правительства обществу в 60-х годах, с лживыми речами царей и их тактикой: сначала давать «похлебку» вместо «права первородства», — а потом (опираясь на это сохраненное ими «право первородства») отнимать и самоё похлебку. Пусть рабочие учатся распознавать эту исконную полицейскую тактику во всех ее проявлениях. Это распознавание необходимо и для нашей борьбы за *наше* «право первородства», за свободу для борьбы пролетариата против *всякого* экономического и социального угнетения. Будемте читать рабочим на кружковых собраниях о земстве и его отношениях к правительству, будемте пускать листки по поводу земских протестов, будем готовиться к тому, чтобы на всякое поругание сколько-нибудь честной земщины царским правительством пролетариат

мог ответить демонстрациями против помпадуров-губернаторов, башибузуков-жандармов и иезуитов-цензоров. Партия пролетариата должна научиться преследовать и травить *всякого* слугу самодержавия за *всякое* насилие и бесчинство против какого бы то ни было общественного слоя, какой бы то ни было нации или расы.

«Искра» № 18, 10 марта 1902 г.

Печатается по тексту газеты «Искра»

О ГРУППЕ «БОРЬБА»

К. Н. Вы спрашиваете, что это за группа «Борьба»? Мы знали из нее нескольких сотрудников «Зари» (две статьи) и «Искры» (3 корреспонденции, 2 статьи и 1 заметка). Несколько присланных ими статей не было помещено. Теперь они выступили с печатным «объявлением», жалуясь на наш «недемократизм» и ратуя даже... против Personenkultus*! Как опытный человек, вы уже из одного этого, бесподобного и несравненного, словечка поймете, в чем тут суть. А когда «Борьба» напечатает свою статью против «С чего начать?», о непринятии которой они тоже говорят в объявлении, — тогда и совсем неопытные в партийных делах товарищи поймут, почему мы не встретили этих сотрудников с распростертыми объятиями.

Насчет «демократизма» см. «Что делать?», IV, д)**: сказанное там о «Рабочем Деле» относится и к «Борьбе».

«Искра» № 18, 10 марта 1902 г.

Печатается по тексту газеты «Искра»

---

* — культа личностей. *Ред.*

** См. настоящий том, стр. 134—143 *Ред.*

ПИСЬМО «СЕВЕРНОМУ СОЮЗУ РСДРП»[140]

Письмо N. N. к С. С—у

(Замечания на «программу» С. С.)

Прежде всего следует отметить основной недостаток «программы» в *формальном* отношении, именно: смешение основных принципиальных положений научного социализма с узкими конкретными задачами не только одного момента, но и одной местности. Этот недостаток выяснится сразу, если только пересмотреть содержание всех 15-ти параграфов программы. Сделаем это.

§ 1 — цель рабочего движения вообще.

§ 2 — основное условие достижения этой цели.

§ 3 — ближайшая политическая задача *русской* социал-демократии.

§ 4 — отношение русской социал-демократии к либералам и проч.

§ 5 — то же.

§ 6 — понятия «класса» и «партии» (частное разногласие с «экономистами»).

§ 7 — практические задачи агитации.

§ 8 — значение пропаганды.

§ 9 — о демонстрациях и манифестациях.

§ 10 — о праздновании 1 мая.

§ 11 — листки и демонстрации 19 февраля[141].

§ 12 — экономическая борьба и социальные реформы.

§ 13 — необходимость не только оборонительной, но и наступательной борьбы рабочих.

§ 14 — активная, не только пассивная, роль по отношению к стачкам.

§ 15 — стачки, как лучшее средство борьбы.

Легко видеть, что столь разнообразные по содержанию параграфы надо было бы разделить на разные отделы (иначе возможны значительные недоразумения со стороны публики, неспособной отличить основные принципы от практических задач момента). Не только неловко, но даже прямо неправильно и двусмысленно ставить рядом и указание на конечную цель социализма и объяснение с «экономистами» или определение значения стачек. Надо было бы ясно отделить принципиальное заявление своих убеждений вообще, — затем указание политических задач партии, как их понимает «Северный союз», — и, в-третьих, от этих, программных в собственном смысле слова, положений отделить *резолюции* организации («Северного союза») по вопросам практического движения (§§ 7—11 и 13—15). § 6-ой должен бы был стоять особо, как определение отношения «Северного союза» к разногласиям в среде русских с.-д. А § 12 должен бы был войти в принципиальное заявление (ибо отношение текущей борьбы за мелкие улучшения и реформы к борьбе за конечную цель есть общий, а не специально русский вопрос).

После этого общего замечания перейду к разбору отдельных параграфов.

§ 1 намечает общие цели социал-демократии вообще. Указание этих целей сделано чрезвычайно кратко и отрывочно. Правда, в программе местной организации нельзя было вдаваться в подробности, *необходимые* для программы партии. Вполне признавая это и считая очень полезным и важным решение «Северного союза» не умолчать об основных принципах социал-демократии даже в программе местной ее организации, я бы считал только необходимым добавить в этом случае указание на более обстоятельное изложение основных принципов. То есть надо было указать, напр., что «Северный союз» стоит на почве *международного* научного социализма (на международный характер движения не указано нигде в программе) и разделяет теорию «революционного

марксизма». Наряду с таким *общим* указанием своих принципов возможно было бы поставить положение вроде § 1, но, отдельно взятый, он (§ 1) недостаточен.

Как входящая в Российскую социал-демократическую рабочую партию организация, «Северный союз» должен бы был указать на солидарность с «Манифестом» ее, причем полезно было бы указать и солидарность «Северного союза» хотя бы с проектом программы русских с.-д., составленным в 80-х годах группой «Освобождение труда». Такое указание, не предрешая вопроса о видоизменениях, необходимых в этом проекте, точнее определяло бы принципиальную позицию «Северного союза». Одно из двух: *или* надо самим составить *полное* изложение всех основных принципов социал-демократии (т. е. самим составить принципиальную часть с.-д. программы), *или* надо заявить вполне определенно о том, что «Северный союз» *принимает* более или менее известные, установленные принципы. Третий же путь, выбранный программой, — указание, совершенно отрывочное, на конечную цель — не годится.

§ 2 начинается крайне неточным, двусмысленным и опасным заявлением: «считая социализм — классовым интересом пролетариата». Эти слова как бы отождествляют социализм с «классовым интересом пролетариата». А это отождествление *совергиенно неправильно.* Именно в настоящее время, когда необычайно широко распространилось *крайне узкое* понимание «классовых интересов пролетариата», прямо непозволительно выставлять формулу, которая если и может быть, с грехом пополам, признана, то лишь при условии *чрезвычайно широкого* понимания выражения: «классовый интерес». «Классовый интерес» заставляет пролетариев объединяться, бороться с капиталистами, думать над условиями своего освобождения. «Классовый интерес» делает их восприимчивыми к социализму. Но социализм, будучи идеологией классовой борьбы пролетариата, подчиняется общим условиям возникновения, развития и упрочения идеологии, т. е. он основывается на всем материале человеческого знания, предполагает высокое развитие

науки, требует научной работы и т. д. и т. д. В классовую борьбу пролетариата, стихийно развивающуюся на почве капиталистических отношений, социализм *вносится* идеологами. Формулировка же 2-ого параграфа совершенно неверно освещает действительное отношение социализма к классовой борьбе. Да и о классовой борьбе § 2 не говорит. Это — второй его недостаток.

§ 3 характеризует абсолютизм недостаточно (не указано, например, на связь его с остатками крепостного права), отчасти фразисто («безграничный») и расплывчато («игнорирование» *личности).* Далее, завоевание политической свободы (надо бы отметить, что эту задачу ставит «Северный союз» *всей партии)* необходимо *не только* для полного развития классовой борьбы рабочих; надо было в той или иной форме указать, что оно необходимо и в интересах всего общественного развития.

«Самодержавие представляет интересы исключительно господствующих классов». Это неточно или неверно. Самодержавие удовлетворяет *известные* интересы господствующих классов, держась отчасти и неподвижностью массы крестьянства и мелких производителей вообще, отчасти балансированием между противоположными интересами, представляя собой, до известной степени, и самостоятельную организованную политическую силу. Формулировка 3-го параграфа особенно недопустима ввиду того, что у нас сильно распространено нелепое отождествление русского самодержавия с господством буржуазии.

«Несовместно с принципом демократии». К чему это, раз о демократии не было еще сказано ничего? И разве требование низвержения самодержавия и завоевания политической свободы не выражает именно «принцип» демократии? Эта фраза не годится. Вместо нее следовало указать поточнее на нашу последовательность и *решительность* (по сравнению с буржуазной демократией) в понимании «принципа демократии», — напр., обрисовать так или иначе понятие *и содержание* «демократической конституции» или заявить

о нашем «принципиальном» требовании *демократической республики.*

§ 4 особенно неудовлетворителен. Вместо того, чтобы говорить о «полном» использовании «широкой» свободы (это, собственно, неопределенные фразы, вполне заменимые и долженствующие быть замененными точным указанием на демократическую республику и демократическую конституцию, ибо «полнота» в последовательном демократизме и состоит), — вместо этого *обязательно* было сказать о том, что в политической свободе заинтересован *не только* рабочий класс. Умолчать об этом — значит настежь открывать двери худшим формам «экономизма» и забывать наши *общедемократические* задачи.

Совершенно неверно, что осуществление (?? достижение, завоевание) политической свободы — «такая же» необходимость для пролетариата, как повышение платы и сокращение рабочего дня. Именно *не такая: эта* необходимость *другого порядка, гораздо более сложного* порядка, чем необходимость повышения платы и т. п. Различие «необходимости» того и другого порядка наглядно видно, напр., и из того, что самодержавие готово давать *(и действительно иногда дает)* отдельным слоям или группам рабочего класса улучшение положения, *лишь бы* эти слои помирились с абсолютизмом. Разбираемая фраза совершенно недопустима, выражая невероятную вульгаризацию «экономического» материализма и принижение социал-демократического понимания до тред-юнионистского.

Далее. «Ввиду этого»... подлежит устранению *ввиду* вышеизложенного... «в предстоящей борьбе»... (т. е. борьбе с царизмом, очевидно?)... «с.-д. выступали с определенной классовой программой и требованиями...». *Классовый* характер нашей *политической* программы и *политических* требований выражается именно в полноте и последовательности демократизма. Если же говорить не о политических только требованиях, а о всей нашей программе вообще, то ее классовый характер должен вытекать сам собой из содержания нашей программы. Нечего говорить об *«определенной»*

классовой программе, а надо самим прямо и точно *определить,* изложить, выразить и формулировать эту классовую программу.

«... Не подчиняя программе либеральной...». Это даже смешно. Мы выступаем, как передовая демократическая партия и вдруг оговариваемся, что «не подчиняем»!! Точно дети, только что вышедшие из «подчинения»!

«Неподчинение» наше либералам должно выражаться не в фразах о неподчинении, а во всем характере нашей программы *(и, разумеется, нашей деятельности).* Именно то понимание политических задач, которое отождествляет (или хотя бы приравнивает) необходимость свободы с необходимостью повышения платы, *и выражает собой подчинение социал-демократии либералам.*

Конец 4-ого параграфа тоже не годится; критика его дана всем предыдущим.

§ 5 сводит наше общее отношение ко всей демократии вообще к одному сотрудничеству с другими партиями в практических делах. Это слишком узко. Будь налицо такие партии, — надо бы было (не в программе, а в особой резолюции съезда) точно назвать их и точно определить отношение к социалистам-революционерам, «Свободе» etc. Если же речь идет не об определенных партиях, а вообще об отношении к другим революционным *(и оппозиционным)* направлениям, то надо было формулировать это шире, повторив в той или иной форме положение «Коммунистического манифеста» о поддержке нами всякого революционного движения против существующего строя[142].

§ 6-ой в программе не у места. Его надо было отнести в особую резолюцию и *прямо* сказать, что речь идет о разногласиях (или двух направлениях) в русской социал-демократии. Это — больше, чем «многочисленные недоразумения». Формулировка разногласий слишком узка, ибо разногласия *далеко не сводятся* к смешению класса и партии. Надо было решительнее и определеннее высказаться в соответствующем положении против «критики марксизма», «экономизма», сужения наших политических задач.

Что касается до второй части шестого параграфа, то так как она *поясняется* другими параграфами (7, 14 и др.), то критика ее дается критикой этих параграфов.

§ 7, как и все дальнейшие (кроме § 12), должен отойти в особую резолюцию, а не входить прямо в *программу.*

«Задачу» своей деятельности § 7 формулирует узко. Не только «развивать самосознание пролетариата» должны мы, а также и *организовывать* его в политическую партию, — а затем *руководить* его борьбой (и экономической и политической).

Указание, что пролетариат поставлен в «определенные, конкретные условия», излишне. Либо опустить это, либо *определить* самим эти условия (но это должно быть сделано в иных местах программы).

Неверно, что агитация есть «единственное» средство осуществления наших задач. Далеко не единственное.

Недостаточно определить агитацию, как «воздействие на широкие слои рабочих». Надо сказать о характере этого воздействия. Надо сказать о *политической* агитации прямее, решительнее, определеннее и подробнее: иначе программа, — умалчивающая о политической собственно агитации и говорящая в целых двух параграфах (14 и 15) об экономической агитации, — сбивается (против своей воли) на «экономизм». Надо было особенно подчеркнуть необходимость агитации по поводу *всех* проявлений политического и экономического, бытового и национального гнета, *на какие бы классы или слои населения этот гнет ни падал,* — необходимость (для с.-д.) быть впереди всех при всяком столкновении с правительством и проч., — и затем уже указать на средства агитации (устная, газеты, листки, манифестации и проч. и т. п.).

§ 8. Начало — излишнее повторение.

«Признает пропаганду *лишь* постольку» и т. д. Это неверно. Пропаганда имеет не только это значение, не только «подготовка агитаторов», а и распространение сознания вообще. Программа чересчур перегибает лук в другую сторону. Если нужно было высказаться против пропаганды, чересчур отрываемой кем-либо от задач

агитации, то лучше бы сказать: «при пропаганде следует *особенно* не упускать из виду задачи выработки агитаторов» или в этом роде. Но нельзя сводить *всю* пропаганду к выработке «опытных и умелых агитаторов», нельзя «отрицать» просто-напросто «выработку только единичных сознательных рабочих». Мы находим это недостаточным, но мы не «отрицаем» этого. Поэтому вторую часть параграфа 8-ого (со слов: «относясь отрицательно») следует устранить совершенно.

§ 9. По существу вполне согласен. Может быть, добавить бы: «по поводу *самых* различных фактов общественной жизни и мероприятий правительства...».

Вместо «лучшим средством» точнее бы: *«одним* из лучших средств».

Только конец параграфа неудовлетворителен. Объединяют и должны объединять демонстрации и манифестации *не только* рабочих (да и недостаточно «объединения» манифестациями, раз мы хотим и организационно, непосредственно и навсегда, а не на одно событие, объединять) «... Развивая в них *этим самым...».* Это либо неточно: *одними* манифестациями сознания не разовьешь, либо излишне (сказано уже, что одно из лучших средств).

Добавить бы небесполезно о необходимости *организации* манифестаций, подготовки их, проведения и проч.

Вообще, отсутствие в программе всякого указания на необходимость обратить большое внимание на дело *революционной организации* — и притом общерусской, боевой организации — составляет *большой пробел.* Раз уже говорить об агитации, пропаганде, стачках и проч., — то прямо непростительно умолчать о *революционной организации.*

§ 10. Следовало бы добавить, что у нас 1 мая должно стать и демонстрацией *против самодержавия,* требованием политической свободы. Недостаточно указать на интернациональное значение праздника. Надо соединить с ним и борьбу за самые насущные *национальные* политические требования.

§ 11. Мысль очень хороша. Но выражена слишком узко. Сказать бы, что ли, «между прочим», ибо и по

поводу годовщины Коммуны и мн. др. необходимо организовать демонстрации. Или сказать «в особенности», а то выходит, будто по другим поводам не необходимо.

Далее. 19 февраля нельзя обращаться (в листках) *только* к рабочим. Не говоря уже о том, что вообще демонстрациями и листками по поводу них мы всегда обращаемся ко всему народу и даже ко всему миру, — 19-го-то февраля необходимо обращаться и к *крестьянству.* А обращаться к крестьянству — значит выработать социал-демократическую политику в аграрном вопросе. Программа не затрагивает этого вопроса, и мы вполне понимаем, что местная организация, может быть, не имеет времени или сил заняться им. Но хотя бы указать на него в той или иной форме, в связи с той или иной попыткой выдвинуть его в русской с.-д. литературе и в практике нашего движения* следовало бы непременно.

Конец § 11-ого не годится («только сила *класса»* — какого? одного только рабочего?). Следовало бы устранить.

§ 12. «Всячески» мы не можем и не будем способствовать улучшению положения рабочих при существующих условиях. Напр., по-зубатовски способствовать не можем и даже при условии зубатовского развращения не будем способствовать. Мы боремся только за такое улучшение положения рабочих, которое *повышает* их способность вести классовую борьбу, т. е. при котором улучшение условий *не соединяется* с развращением политического сознания, с опекой полиции, с прикреплением к месту, с порабощением «благодетелю», с унижением человеческого достоинства и проч. и проч. Именно в России, где самодержавие так склонно (и все более и более *становится* склонным) *откупаться* от революции разными подачками и лжереформами, мы обязаны резко отграничить себя от всяких «реформаторов». Мы тоже боремся за реформы, но именно

* Например, попытки рабочих демонстраций по поводу порки крестьян и т. п.

не «всячески», а *только* по-социал-демократически, только по-революционному боремся за реформы.

§ 13 опущен по решению съезда. Его и следовало опустить.

§ 14 слишком узко формулирует содержание и задачи экономической агитации. Она не исчерпывается стачками. «Лучшие условия» нам нужны не только для культурного, а именно — для революционного развития пролетариата. «Активная роль» с.-д. при стачках не исчерпывается возбуждением к борьбе *за улучшение экономического положения.* Стачками (как и экономической агитацией вообще) надо *всегда* пользоваться и для возбуждения к *революционной* борьбе за свободу и за социализм. Стачками надо пользоваться и для *политической* агитации.

§ 15 тоже очень неудовлетворителен. Стачки не «лучшее» средство борьбы, а лишь *одно* из средств, не всегда даже непременно из лучших средств. Надо признавать значение стачек и всегда пользоваться ими, и руководить ими, — но преувеличивать их тем более опасно, чем сильнее делал это «экономизм».

То, что говорится дальше о стачках, излишне: сказано уже в § 14. Достаточно бы указания на руководство экономической борьбой вообще. Иногда это руководство выразится и в удержании от стачки. Программа выражается чересчур абсолютно и именно потому чересчур узко. Надо было сказать вообще о задаче — руководить экономической борьбой пролетариата, делать ее более организованной и сознательной, создавать профессиональные союзы рабочих и стараться расширять их в общерусские союзы, пользоваться всякой стачкой, всяким проявлением экономического гнета и проч. для самой широкой социалистической и революционной пропаганды и агитации.

Конец параграфа 15-ого *суживает* задачи этой агитации, как будто обусловливая применимость политической агитации выступлением полиции etc. На самом же деле надо стараться применять политическую агитацию (и при сколько-нибудь умелых руководителях это вполне возможно) и *до* выступления «архангелов»

и *независимо* от их выступления. Сказать бы общее: «пользоваться всеми и всяческими поводами для политической агитации» и т. п.

Конец параграфа 15-го тоже неверен. О «всеобщих забастовках» нам тем менее приличествует говорить, чем меньше у нас в России возможности *подготовить* их. Да и вообще *специально* говорить в программах о «всеобщих» забастовках не резон (вспомните нелепую «всеобщую стачку» в брошюре «Кто совершит политическую революцию?». Возможны ведь и такие недоразумения). *«Лучшим* средством развития *сознания»* тоже объявлять стачки совершенно неправильно.

В общем и целом, — очень желательна была бы серьезная переработка программы. Желательно было бы и вообще, чтобы «Северный союз» принял активное участие как в деле *партийного* объединения *революционной* социал-демократии, так и в деле выработки партийной программы. С своей стороны, редакция «Зари» и «Искры» в скором времени надеется сообщить «Северному союзу» свой проект (в значительной части своей уже готовый) и надеется на участие «Северного союза» в деле его исправления, распространения и подготовки *к* принятию всей партией.

N. N.

Написано в апреле 1902 г.

Впервые напечатано в 1923 г.
в журнале «Летопись Революции» № 1,
Берлин — Петербург — Москва

Печатается по рукописи

ВВЕДЕНИЕ К ПРОКЛАМАЦИИ ДОНСКОГО КОМИТЕТА РСДРП «К РУССКИМ ГРАЖДАНАМ»[143]

Приводим целиком прекрасную прокламацию Донского комитета нашей партии. Эта прокламация показывает, как социал-демократы умеют ценить геройство Балмашевых, не впадая, однако, в ту ошибку, которую делают социалисты-революционеры. На первый план социал-демократы выдвигают рабочее (и крестьянское) движение. Требования правительству они ставят от имени рабочего класса и всего народа, а не с угрозой дальнейших покушений и убийств. Террор выступает перед ними как одно из возможных подсобных средств, а не как *особый* прием тактики, оправдывающий отделение от революционной социал-демократии.

Написано позднее 9 (22) мая 1902 г.

Печатается по рукописи

Впервые напечатано в 1931 г. в книге: В. Плесков. «В годы боевой юности. Молодежь накануне первой революции». Изд. «Молодая гвардия»

ПОЧЕМУ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ ДОЛЖНА ОБЪЯВИТЬ РЕШИТЕЛЬНУЮ И БЕСПОЩАДНУЮ ВОЙНУ СОЦИАЛИСТАМ-РЕВОЛЮЦИОНЕРАМ?

1) Потому, что течение нашей общественной мысли, известное под именем «социалистски-революционного», на самом деле отодвигается и отодвинулось от единственной международной теории революционного социализма, которая только существует в настоящее время, т. е. от марксизма. В великом расколе международной социал-демократии на оппортунистическую («бернштейнианскую» тож) и революционную это течение заняло совершенно неопределенную и непозволительно половинчатую позицию между двух стульев, признавши марксизм «поколебленным» («Вестник Русской Революции» № 2, с. 62) на основании одной только буржуазно-оппортунистической критики, обещая с своей стороны заново и по-своему «пересмотреть» марксизм и не делая ровно ничего для исполнения этого грозного обещания.

2) Потому, что с.-р. течение беспомощно пасует перед тем господствующим направлением русской общественно-политической мысли, которое должно быть названо либерально-народническим. Повторяя ошибку «Народной воли» и всего старого русского социализма вообще, социалисты-революционеры не видят полной дряблости и внутренней противоречивости этого направления и ограничивают свое самостоятельное творчество в области русской революционной мысли простой приставкой революционной фразы к ветхому завету либерально-народнической мудрости. Русский марксизм

впервые подорвал теоретические основы либерально-народнического направления, обнаружил его буржуазное и мелкобуржуазное классовое содержание, повел против него войну и ведет ее, не смущаясь переходом целой кучи критических (= оппортунистических) марксистов в лагерь противников. Но социалисты-революционеры занимали и занимают во всей этой войне позицию *(в лучшем случае)* враждебного нейтралитета, усаживаясь опять-таки между двух стульев посреди русского марксизма (от которого они переняли только жалкие обрывки) и квазисоциалистического либерально-народнического направления.

3) Потому, что социалисты-революционеры, в силу их указанной выше полной беспринципности в вопросах международного и русского социализма, не понимают или не признают единственного действительно революционного принципа *классовой борьбы.* Они не понимают, что действительно революционной и истинно социалистической может быть в современной России лишь партия, *сливающая* социализм с *русским рабочим движением,* которое все с большей силой и с все большей широтой порождается развивающимся русским капитализмом. Отношение социалистов-революционеров к русскому рабочему движению всегда было зрительски-дилетантское, и когда, напр., это движение заболело (от поразительно быстрого роста) «экономизмом», гг. социалисты-революционеры, с одной стороны, злорадствовали по поводу ошибок людей, работавших над новым и трудным делом пробуждения рабочих масс, а с другой стороны, бросали палки под колеса революционного марксизма, поведшего и победоносно проведшего борьбу с этим «экономизмом». Половинчатое отношение к рабочему движению неизбежно ведет к фактическому отстранению от него, и в силу этого отстранения партия социалистов-революционеров лишена всякого социального базиса. Она не опирается ни на один общественный класс, ибо нельзя назвать классом группы неустойчивой интеллигенции, которая считает «широтой» свою расплывчатость и беспринципность.

4. Потому, что, пренебрежительно относясь к социалистической идеологии и желая опереться заодно и в равной мере и на интеллигенцию, и на пролетариат, и на крестьянство, партия социалистов-революционеров тем самым неизбежно (независимо от ее воли) ведет к политическому и идейному порабощению русского пролетариата русской буржуазной демократией. Пренебрежительное отношение к теории, уклончивость и виляние по отношению к социалистргческой идеологии неминуемо играет на руку идеологии буржуазной. Русская интеллигенция и русское крестьянство, как социальные слои, *сопоставляемые* с пролетариатом, могут быть опорой только *буржуазно-демократического* движения. Это не только соображение, обязательно вытекающее из всего нашего учения (по которому, напр., мелкий производитель лишь постольку является революционным, поскольку он порывает все счеты с обществом товарного хозяйства и капитализма и переходит на точку зрения пролетариата), — нет, это, кроме того, и прямой факт, начинающий сказываться уже теперь. А в момент политического переворота и на другой день после этого переворота этот факт неизбежно скажется еще с гораздо большею силой. Социал-революционаризм есть одно из тех проявлений мелкобуржуазной идейной неустойчивости и мелкобуржуазной вульгаризации социализма, с которыми социал-демократия всегда должна и будет вести решительную войну.

5. Потому, что уже те практически-программные требования, которые соц.-рев. успели — не скажу: выставить, а хотя бы: наметить, обнаружили уже с полной ясностью, какой громадный вред приносит на практике беспринципность этого направления. Например, аграрная программа-минимум, набросанная в № 8 «Революционной России»[144] (может быть, вернее было бы сказать: разбросанная среди избитых посылок нашего народничества?), во-первых, вводит в заблуждение и крестьянство, обещая ему «минимум» — социализацию земли, и рабочий класс, поселяя в нем совершенно неверные представления о действительном характере

крестьянского движения. Такие легкомысленные обещания только компрометируют революционную партию вообще и в частности учение научного социализма об обобществлении всех средств производства, как нашей конечной цели. Во-вторых, ставя в свою программу-минимум поддержку и развитие коопераций, социалисты-революционеры совершенно сходят тем самым с почвы революционной борьбы и принижают свой якобы социализм до уровня самого дюжинного мелкобуржуазного реформаторства. В-третьих, восставши против требования социал-демократии уничтожить все средневековые путы, связывающие нашу общину, прикрепляющие мужика к наделу, лишающие его свободы передвижения и неизбежно обусловливающие его сословную приниженность, социалисты-революционеры показали этим, что они не смогли даже уберечь себя от *реакционных* учений русского народничества.

6) Потому, что, ставя в свою программу террор и проповедуя его как средство политической борьбы в современной его ферме, социалисты-революционеры приносят этим самый серьезный вред движению, разрушая неразрывную связь социалистической работы с массой революционного класса. Никакие словесные уверения и заклятья не могут опровергнуть того несомненного факта, что современный террор, как его применяют и проповедуют социалисты-революционеры, *ни в какой связи* с работой в массах, для масс и совместно с массами *не стоит,* что партийная организация террористических актов отвлекает наши крайне немногочисленные организаторские силы от их трудной и далеко еще не выполненной задачи организации революционной *рабочей* партии, что *на деле* террор социалистов-революционеров является не чем иным, как *единоборством,* всецело осужденным опытом истории. Даже иностранные социалисты начинают смущаться той крикливой проповедью террора, которую ведут теперь наши социалисты-революционеры. В русских же рабочих массах эта проповедь прямо сеет вредные иллюзии, будто террор «заставляет людей политически мыслить хотя бы против их воли» («Революционная Россия» № 7, с. 4),

будто он «вернее, чем месяцы словесной пропаганды, способен переменить взгляд... тысяч людей на революционеров и на смысл (!!) их деятельности», будто он способен «вдохнуть новые силы в колеблющихся, обескураженных, пораженных печальным исходом многих демонстраций» (там же) и т. п. Эти вредные иллюзии могут привести только к быстрому разочарованию и к ослаблению работы по подготовке натиска масс на самодержавие.

Написано в конце июня — июле 1902 г.

Впервые напечатано в 1923 г.
в журнале «Прожектор» № 14

Печатается по рукописи

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ АВАНТЮРИЗМ

I

Мы переживаем бурные времена, когда история России шагает вперед семимильными шагами, каждый год значит иногда более, чем десятилетия мирных периодов. Подводятся итоги полустолетию пореформенной эпохи, закладываются камни для социально-политических построек, которые будут долго-долго определять судьбы всей страны. Революционное движение продолжает расти с поразительной быстротой, — и «наши направления» дозревают (и отцветают) необычайно быстро. Направления, имеющие солидные основания в классовом строе такой быстро развивающейся капиталистической страны, как Россия, находят почти сразу «свою полочку» и нащупывают родственные им классы. Пример: эволюция г-на Струве, с которого революционеры-рабочие всего $1^1/_2$ года тому назад предлагали «сорвать маску» марксиста и который уже теперь выступил без маски сам, как вождь (или прислужник?) либеральных помещиков, гордых своей почвенностью и трезвенностью. Наоборот, направления, выражающие только традиционную неустойчивость воззрений промежуточных и неопределенных слоев интеллигенции, стараются заменить сближение с определенными классами тем более шумным выступлением, чем громче гремят события. «Шумим, братец, шумим» — таков лозунг многих революционно настроенных личностей, увлеченных вихрем событий и не имеющих ни теоретических, ни социальных устоев.

К таким «шумным» направлениям принадлежат и «социалисты-революционеры», физиономия которых вырисовывается все яснее и яснее. И пора уже пролетариату внимательно присмотреться к этой физиономии, отдать себе точный отчет в том, что представляют из себя в действительности люди, которые тем настойчивее ищут его дружбы, чем ощутительнее становится для них невозможность существовать, как особому направлению, без тесного сближения с действительно революционным общественным классом.

Троякого рода обстоятельства всего более посодействовали выяснению настоящей физиономии соц.-революционеров. Это, во-первых, раскол между революционной соц.-демократией и оппортунизмом, поднимающим голову под знаменем «критики марксизма». Это, во-вторых, убийство Балмашевым Сипягина и новый поворот к террору в настроении некоторых революционеров. Это, в-третьих и главным образом, новейшее движение в крестьянстве, заставившее людей, привыкших сидеть между двух стульев и не имеющих никакой программы, выступить *post factum* хоть с чем-нибудь похожим на программу. Рассмотрим все эти три обстоятельства, оговариваясь, что в газетной статье можно только вкратце наметить основные пункты аргументации и что к более подробному ее изложению нам еще придется, вероятно, вернуться в журнальной статье или брошюре[145].

С принципиально теоретическим заявлением соц.-революционеры собрались выступить только во 2-м № «Вестника Русской Революции» в редакционной неподписанной статье: «Мировой рост и кризис социализма». Мы усердно рекомендуем эту статью всем тем, кто хочет иметь наглядное представление о полнейшей теоретической беспринципности и шаткости (а также об искусстве прикрывать таковую потоком слов). Все содержание этой высокозамечательной статьи может быть передано в двух словах. Социализм вырос в мировую силу, социализм (= марксизм) раскалывается теперь вследствие войны революционеров («ортодоксов») с оппортунистами («критиками»). Мы, соц.-революц.,

«конечно», не сочувствовали никогда оппортунизму, но мы скачем и играем по поводу «критики», освободившей нас от догмы, мы тоже беремся за пересмотр этой догмы, — и, хотя мы еще ровно никакой (кроме буржуазно-оппортунистической) критики не показали, хотя мы ровно ничего еще не пересмотрели, но эта наша свобода от теории и должна быть вменена нам в нарочитую заслугу. Тем более должна быть вменена в заслугу, что в качестве свободных от теории людей мы яро стоим за всеобщее объединение, мы горячо осуждаем всякие принципиально-теоретические споры. «Серьезная революционная организация, — пресерьезно уверяет нас «В. Р. Р.» (№ 2, стр. 127), — отказалась бы от решения вечно разъединяющих спорных вопросов социальной теории, что, конечно, не должно мешать теоретикам искать их решения», — или, прямее: писатель пусть пописывает, читатель — почитывает, а мы, пока суд да дело, возрадуемся по случаю освобожденного пустого места.

Серьезно разбирать эту теорию уклонения (по случаю собственно споров) от социализма, разумеется, не доводится. По нашему мнению, кризис социализма обязывает сколько-нибудь серьезных социалистов именно к тому, чтобы обратить усиленное внимание на теорию, — решительнее занять строго определенную позицию, — резче отмежеваться от шатких и ненадежных элементов. По мнению же соц.-рев., раз существует «даже у немцев» раскол да разброд, так нам, россиянам, и сам бог велел гордиться тем, что мы сами не знаем, куда бредем. По нашему мнению, отсутствие теории отнимает право существования у революционного направления и неизбежно осуждает его, рано или поздно, на политический крах. По мнению же соц.-рев., отсутствие теории — весьма хорошая вещь, особливо удобная «для объединения». Как видите, нам и им не столковаться, ибо и говорим-то мы на разных языках. Одна надежда: не образумит ли их г. Струве, который тоже (только посерьезнее) говорит об устранении догмы и о том, что «наше» дело (как и дело всякой буржуазии, обращающейся к пролетариату) не разъединить,

а объединить. Не увидят ли когда-нибудь соц.-рев., при помощи г. Струве, какое *действительное значение* имеет их позиция освобождения от социализма для объединения и объединения по случаю освобождения от социализма?

Перейдем к второму пункту, к вопросу о терроре.

Защищая террор, непригодность которого так ясно доказана опытом русского революционного движения, соц.-рев. из кожи лезут, заявляя, что они признают лишь террор вместе с работой в массах и что поэтому те доводы, которыми русские соц.-демократы опровергали (и на долгое время опровергли) целесообразность такого приема борьбы, к ним не относятся. Тут повторяется история, очень похожая на их отношение к «критике». Мы не оппортунисты, — кричат соц.-рев., и в то же время сдают в архив догму пролетарского социализма на основании одной только оппортунистической и никакой иной критики. Мы не повторяем ошибки террористов, мы не отвлекаем от работы в массах, — уверяют соц.-рев., и в то же время усердно рекомендуют партии такие акты, как убийство Балмашевым Сипягина, хотя всякий прекрасно знает и видит, что ни в какой связи с массами этот акт не стоял и, по способу его совершения, не мог стоять, — что ни на какое определенное выступление или поддержку толпы совершавшие этот акт лица и не рассчитывали и не надеялись. Соц.-рев. наивно не замечают того, что их склонность к террору связана самой тесной причинной связью с тем фактом, что они с самого начала стали и продолжают стоять в стороне от рабочего движения, не стремясь даже сделаться партией ведущего свою классовую борьбу революционного класса. Усердная божба очень часто заставляет насторожиться и заподозрить правдивость того, что нуждается в крепкой приправе. И мне часто вспоминаются слова: как божиться-то не лень? — когда я читаю уверения соц.-рев.: мы не отодвигаем террором работы в массах. Ведь это уверяют те самые люди, которые уже отодвинулись от соц.-демократического рабочего движения, действительно поднимающего массы, и которые продолжают

отодвигаться от него, хватаясь за обрывки каких угодно теорий.

Прекрасной иллюстрацией сказанного может служить прокламация 3-го апреля 1902 г., изданная «партией соц.-рев.»[146]. Это — самый живой, близкий к непосредственным деятелям, самый аутентичный источник. «Постановка вопроса о террористической борьбе» в этой прокламации «целиком совпадает» и «с партийным воззрением», по ценному свидетельству «Революционной России» (№ 7, стр, 24)*.

Прокламация 3-го апреля замечательно аккуратно копирует шаблон «новейшей» аргументации террористов. Вам всего прежде бросаются в глаза слова: «мы зовем к террору не вместо работы в массах, а именно для этой самой работы и одновременно с нею». Бросаются же они в глаза потому, что набраны шрифтом втрое более крупных размеров, чем остальной текст (прием, повторяемый, конечно, и «Рев. Россией»). Это ведь так просто, в самом деле! Напечатать жирным шрифтом «не вместо, а вместе» — и все доводы соц.-демократов, весь урок истории сразу отпадет. А попробуйте-ка прочитать всю прокламацию, и вы увидите, что божба жирного шрифта всуе приемлет имя масс. — То время, «когда выйдет из тьмы рабочий народ» и «мощной народной волной в куски разобьет железные ворота» — «увы!» (буквально так: увы!) «еще не так скоро наступит, и страшно подумать, сколько при этом будет жертв!». Разве эти слова: «увы, еще не скоро» не выражают собой полного непонимания массового движения и неверия в него? Разве не выдуман нарочно этот довод в насмешку над тем фактом, что рабочий народ уже

---

* Правда, «Рев. Росс.» и по этому пункту проделывает какую-то эквилибристику. С одной стороны, — «целиком совпадает», с другой — намек на «преувеличения». С одной стороны, «Рев. Росс.» заявляет, что эта прокламация дело лишь «одной группы» соц.-рев. С другой стороны, мы имеем тот *факт,* что на прокламации стоит подпись: «издание *партии* с.-рев.» и, кроме того, повторен эпиграф той же «Рев. Росс.» («в борьбе обретешь ты право свое»). Мы понимаем, что «Рев. Росс.» неприятно касаться этого щекотливого пункта, но мы думаем, что играть в прятки в подобных случаях прямо неприлично. Революционной социал-демократии тоже неприятно было существование «экономизма», но она открыто разоблачала его, не пытаясь никого и никогда вводить в заблуждение.

поднимается? И, наконец, если бы даже этот избитый довод был так же основателен, как он на самом деле вздорен, — то из него вытекала бы особенно рельефно негодность террора, ибо *без* рабочего народа бессильны, заведомо бессильны всякие бомбы.

Слушайте дальше: «Каждый террористический удар как бы отнимает часть силы у самодержавия и всю эту силу (!) перебрасывает (!) на сторону борцов за свободу». «И раз террор будет проведен систематически (!), то очевидно, что наша чаша весов наконец перевесит». Да, да, для всякого очевидно, что перед нами в самой грубой форме величайший из предрассудков терроризма: политическое убийство само собой «перебрасывает силу»! Вот вам, с одной стороны, теория перебрасывания силы, а с другой — «не вместо, а вместе...». Как божиться-то не лень?

Но это еще цветочки. Ягодки впереди будут. «В кого бить?» — спрашивает партия соц.-рев. и отвечает: в министров, а не в царя, ибо «царь не доведет дело до крайности» (!! откуда это они узнали??), да притом же «это и легче» (буквально так!): «никакой министр не может засесть во дворце, как в крепости». И эта аргументация заканчивается следующим рассуждением, которое заслуживает быть увековеченным, как образец «теории» соц.-рев. «Против толпы у самодержавия есть солдаты, против революционных организаций — тайная и явная полиция, но что спасет его...» (кого его? самодержавие? автор незаметно для себя отождествил уже самодержавие с тем министром, в которого бить легче!) «... от отдельных личностей или небольших кружков, беспрерывно, неизвестно даже друг от друга (!!) готовящихся к нападению и нападающих? Никакая сила не поможет против неуловимости. Значит, наша задача ясна: смещать всякого властного насильника самодержавия единственным способом, который оставило (!) нам самодержавие, — смертью». Какие бы горы бумаги ни исписали соц.-рев., уверяя, что они своей проповедью террора не отодвигают, не дезорганизуют работы в массах, — им не опровергнуть потоками слов того факта, что действительная психология современ-

ного террориста верно передается именно цитируемой прокламацией. Теория перебрасывания силы естественно дополняется теорией неуловимости, теорией, окончательно переворачивающей вверх дном не только весь опыт прошлого, но и всякий здравый смысл. Что единственная «надежда» революции есть «толпа», что бороться с полицией может единственно революционная организация, руководящая (на деле, а не на словах) этой толпой, это — азбука. Это стыдно доказывать. И только люди, которые все позабыли и ровно ничему не научились, могли решить «наоборот», договорившись до баснословной, вопиющей нелепости, что «спасти» самодержавие от толпы могут солдаты, от революционных организаций — полиция, а от отдельных личностей, охотящихся на министров, *не спасет ничто!!*

Это баснословное рассуждение, которому, мы уверены, суждено сделаться знаменитым, вовсе не простой только курьез. Нет, оно поучительно тем, что смелым доведением до абсурда разоблачает основную ошибку террористов, общую им с «экономистами» (может быть надо уже сказать: с бывшими представителями покойного «экономизма»?). Эта ошибка состоит, как мы уже много раз указывали, в *непонимании* основного недостатка нашего движения. Благодаря необычайно быстрому росту движения, руководители отстали от массы, революционные организации оказались недоросшими до революционной активности пролетариата, неспособными идти впереди и руководить массами. Что такого рода несоответствие существует, в этом не усомнится ни один добросовестный человек, сколько-нибудь знакомый с движением. А раз это так, то очевидно, что теперешние террористы являются настоящими «экономистами» наизнанку, впадая в столь же неумную, но противоположную крайность. В такое время, когда революционерам *недостает* сил и средств для руководства поднимающейся уже массой, звать к такому террору, как устройство отдельными личностями и неизвестными друг другу кружками покушений против министров, — это значит *тем самым* не только обрывать работу в массах, но и вносить в нее прямую

дезорганизацию. — Мы, революционеры, «привыкли робко жаться в кучу, — читаем мы в прокламации 3-го апреля, — и даже (NB) тот новый, смелый дух, который повеял в последние 2—3 года, создал пока более подъем настроения толпы, чем личностей». В этих словах много нечаянно сказанной правды. И именно эта правда наголову разбивает проповедников терроризма. Из этой правды всякий думающий социалист делает вывод: надо энергичнее, смелее и стройнее действовать кучей. А соц.-рев. умозаключают: «стреляй, неуловимая личность, ибо куча, увы, еще не скоро, да и солдаты против кучи есть». Совсем уже это неразумно, господа!

Не обходится прокламация и без теории эксцитативного террора. «Каждый поединок героя будит во всех нас дух борьбы и отваги», — говорят нам. Но мы знаем из прошлого и видим в настоящем, что *только* новые формы массового движения или пробуждение к самостоятельной борьбе новых слоев массы действительно будит *во всех* дух борьбы и отваги. Поединки же, именно постольку, поскольку они остаются *поединками* Балмашевых, непосредственно вызывают лишь скоропреходящую сенсацию, а посредственно ведут даже к апатии, к пассивному ожиданию следующего *поединка.* Нас уверяют далее, что «каждая молния террора просвещает ум», чего мы, к сожалению, не заметили на проповедующей террор партии соц.-рев. Нам преподносят теорию крупной и мелкой работы: «У кого больше сил, больше возможности и решимости, тот пусть не успокаивается на мелкой (!) работе; пусть ищет и отдается крупному делу, — пропаганде террора в массах (!), подготовлению сложных... (теория неуловимости уже забыта!)... террористических предприятий». Не правда ли, как это удивительно умно: отдать жизнь революционера за месть негодяю Сипягину и замещение его негодяем Плеве — это крупная работа. А готовить, *напр.,* массу к вооруженной демонстрации — мелкая. Вот «Рев. Россия» в № 8 как раз поясняет это, заявляя, что о вооруженных демонстрациях «легко писать и говорить, как о деле неопределенно далекого будущего», «но все эти разговоры имели до сих пор

лишь теоретический характер»[147]. Как хорошо знаком нам этот язык людей, свободных от стеснительности твердых социалистических убеждений, от обременительного опыта всех и всяких народных движений! Непосредственную осязательность и сенсационность результатов они смешивают с практичностью. Требование неуклонно стоять на классовой точке зрения и блюсти массовый характер движения является для них «неопределенным» «теоретизированием». Определенностью в их глазах является рабское следование за каждым поворотом настроения и... и неизбежная в силу этого беспомощность при каждом повороте. Начинаются демонстрации — и от таких людей льются кровавые фразы, толки о начале конца. Остановка демонстраций — опускаются руки, и, не успев износить сапог, мы уже кричим: «народ, увы, еще не скоро...». Новая гнусность царских насильников — и мы требуем, чтобы нам указали такое «определенное» средство, которое бы служило исчерпывающим *ответом* именно на это насилие, такое средство, которое бы давало немедленное ««перебрасывание силы», и мы гордо обещаем это перебрасывание! Такие люди не понимают того, что одно уже это обещание «перебрасывания» силы является политическим авантюризмом, и что их авантюризм зависит от их беспринципности.

Социал-демократия всегда будет предостерегать от авантюризма и безжалостно разоблачать иллюзии, неизбежно оканчивающиеся полным разочарованием. Мы должны помнить, что революционная партия только тогда заслуживает своего имени, когда она *на деле* руководит движением революционного класса. Мы должны помнить, что всякое народное движение принимает бесконечно разнообразные формы, постоянно вырабатывая новые, отбрасывая старые, создавая видоизменения или новые комбинации старых и новых форм. И наш долг активно участвовать в этом процессе выработки приемов и средств борьбы. Когда обострилось студенческое движение, мы стали звать рабочего на помощь студенту («Искра» № 2)*, не берясь предсказывать

---

* См. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 391—393. *Ред.*

формы демонстраций, не обещая от них ни немедленного перебрасывания силы, ни просвещения ума, ни особой неуловимости. Когда упрочились демонстрации, мы стали звать к организации их, к вооружению масс, мы выдвинули задачу подготовки народного восстания. Нисколько не отрицая в принципе насилия и террора, мы требовали работы над подготовкой таких форм насилия, которые бы рассчитывали на непосредственное участие массы и обеспечивали бы это участие. Мы не закрываем глаз на трудность этой задачи, но мы твердо и упорно будем работать над ней, не смущаясь возражениями, что это — «неопределенно далекое будущее». Да, господа, мы стоим и за будущие, а не за одни только прошлые формы движения. Мы предпочитаем долгую и трудную работу над тем, за чем есть будущее, «легкому» повторению того, что уже осуждено прошлым. Мы будем всегда разоблачать людей, у которых на языке война с шаблонами догмы, а на деле только и есть, что шаблоны самых обветшалых и вредных теорий перебрасывания силы, разницы между крупной и мелкой работой и, конечно, уже теории поединка и единоборства. «Как некогда в битвах народов вожди их решали бой единоборством, так и террористы в единоборстве с самодержавием завоюют России свободу», — так заканчивается прокламация 3-го апреля. *Такие* фразы достаточно перепечатать, чтобы опровергнуть их.

Кто действительно ведет свою революционную работу в связи с классовой борьбой пролетариата, тот прекрасно знает, видит и чувствует, какая масса непосредственных и прямых запросов пролетариата (и способных поддерживать его народных слоев) остается неудовлетворенной. Тот знает, что в массе мест, в целых громадных районах рабочий народ буквально рвется на борьбу, и его порывы пропадают даром за недостатком литературы, руководителей, за отсутствием сил и средств у революционных организаций. И мы оказываемся, — мы видим это, что мы оказываемся, — в том же проклятом порочном круге, который, как злой рок, тяготел так долго над русской революцией. С одной стороны,

пропадает даром революционный порыв недостаточно просвещенной и неорганизованной толпы. С другой стороны, пропадают даром выстрелы «неуловимых личностей», теряющих веру в возможность идти в ряду и шеренге, работать рука об руку с массой.

Но дело еще вполне поправимо, товарищи! Потеря веры в настоящее дело — не более, как редкое исключение. Увлечение террором не более, как скоропреходящее настроение. Пусть же сомкнутся плотнее ряды социал-демократов, и мы сплотим в одно целое боевую организацию революционеров и массовый героизм русского пролетариата!

В следующей статье мы рассмотрим аграрную программу социалистов-революционеров.

II

Отношение соц.-рев. к крестьянскому движению представляет особый интерес. Именно в аграрном вопросе всегда считали себя особенно сильными и представители старого русского социализма, и их либерально-народнические наследники, и те многочисленные в России сторонники оппортунистической критики, которые крикливо уверяют, что в этом пункте марксизм уже окончательно сбит с позиции «критикой». И наши соц.-рев. разносят марксизм, что называется, на все корки: «догматические предрассудки... изжитые, давно разбитые жизнью догматы... революционная интеллигенция закрыла глаза на деревню, революционная работа в крестьянстве запрещалась ортодоксией» и многое т. п. Это нынче в моде — лягать ортодоксию. Но к какому подвиду надо отнести тех из числа лягающих, которые *до начала* движения в крестьянстве *не успели* даже наметить своей собственной аграрной программы? Когда «Искра» еще в № 3* обрисовала свою аграрную программу, «Вестн. Русск. Рев.» только и нашелся

* См. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 429—437. *Ред.*

пробормотать: «при такой постановке вопроса значительно стушевывается еще одно из наших разногласий»[148], причем с редакцией «Вестн. Русск. Рев.» случилось то маленькое несчастье, что именно постановки вопроса «Искрой» («внесение классовой борьбы в деревню») она абсолютно не поняла. Теперь «Рев. Россия» ссылается задним числом на брошюру «Очередной вопрос», хотя программы и там никакой нет, а есть лишь превознесение таких «знаменитых» оппортунистов, как Герц.

И вот эти-то люди, которые до начала движения были согласны и с «Искрой» и с Герцем, — на другой день после крестьянского восстания выступают с манифестом «от крестьянского союза (!) партии соц.-рев.», причем в этом манифесте вы не найдете ни одного звука, исходящего действительно от крестьянина, вы встретите только дословное повторение того, что вы сотни раз читали у народников, либералов и «критиков»... Говорят, что смелость города берет. Это так, господа с.-р., но не о такой смелости свидетельствует грубо размалеванная реклама.

Мы видели, что главное «преимущество» с.-р. состоит в свободе от теории, главное искусство их — уменье говорить, чтобы ничего не сказать. Но чтобы дать программу, надо как-никак высказаться. Надо, напр., выкинуть за борт «догмат русских с.-д. конца 80-х и начала 90-х годов о том, что нет революционной силы, кроме городского пролетариата». Какое это удобное словечко: «догмат»! Достаточно извратить слегка враждебную теорию, прикрыть это извращение жупелом «догмата», — и готово дело!

Весь современный социализм, начиная с «Коммунистического манифеста», покоится на той несомненной истине, что единственным *действительно* революционным классом капиталистического общества является пролетариат. Остальные классы могут быть и бывают революционны лишь отчасти и лишь при известных условиях. Спрашивается, что же надо думать о людях, которые «превратили» эту истину в догмат русских с.-д. определенной эпохи и пытаются уверить наивного

читателя, будто этот догмат был «всецело основан на вере в отдаленность открытой политической борьбы»?

Против учения Маркса о единственном действительно революционном классе современного общества с.-р. выдвигают троицу: «интеллигенция, пролетариат и крестьянство», обнаруживая этим безнадежную путаницу понятий. Если вы противополагаете интеллигенцию пролетариату и крестьянству, — значит, вы понимаете под ней известный социальный слой, группу лиц, занимающих такую же определенную социальную позицию, как определенна социальная позиция наемных рабочих и крестьян. Но в качестве такового слоя русская интеллигенция является именно буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенцией. По отношению к этому слою вполне прав г. Струве, называющий свой орган органом русской интеллигенции. Если же вы говорите о тех интеллигентах, которые *еще не заняли* никакой определенной социальной позиции или *уже выбиты* жизнью со своей нормальной позиции и переходят на сторону пролетариата, — то тогда совершенно нелепо противопоставлять эту интеллигенцию пролетариату. Как и всякий другой класс современного общества, пролетариат не только вырабатывает свою собственную интеллигенцию, но и берет себе также сторонников из числа всех и всяких образованных людей. Поход с.-р. против основного «догмата» марксизма лишний раз доказывает только, что всю силу этой партии представляет та кучка русских интеллигентов, которые от старого отстали, а к новому не пристали.

Что касается до крестьянства, то о нем суждения с.-р. еще более сбивчивы. Чего стоит уже одна постановка вопроса: «какие общественные классы вообще (!) всегда (!!) держатся за существующий... (самодержавный только? или вообще буржуазный?)... порядок, охраняют его и не поддаются революционизированию?». Собственно говоря, на этот вопрос только и можно ответить вопросом: какие элементы интеллигенции вообще всегда держатся за существующий хаос идей, охраняют его и не поддаются определенному социалистическому

мировоззрению? Но с.-р. на несерьезный вопрос хотят дать серьезный ответ. Они относят к «этим» классам, во-1-х, буржуазию, ибо ее «интересы удовлетворены». Этот старый предрассудок, будто интересы русской буржуазии настолько уже удовлетворены, что у нас нет и быть не может буржуазной демократии (ср. «Вестн. Русск. Рев.» № 2, с. 132—133), составляет теперь общее достояние «экономистов» и с.-р. Еще раз: не научит ли их уму-разуму г. Струве?

Во-2-х, с.-р. относят к этим классам «мелкобуржуазные слои», «интересы коих индивидуалистичны, не определены как классовые и не формулируются в реформаторскую или революционную социально-политическую программу». Откуда сие, аллах ведает. Что мелкая буржуазия не только не охраняет вообще и всегда существующий порядок, а, напротив, нередко выступает революционно даже против буржуазии (именно: когда примыкает к пролетариату), очень часто — против абсолютизма и почти всегда формулирует социально-реформаторские программы, это известно всем и каждому. Наш автор просто сболтнул «пошумнее» против мелкой буржуазии, следуя тому «житейскому правилу», которое в одном из своих «Стихотворений в прозе» излагал, со слов «старого пройдохи», Тургенев: кричать погромче против тех пороков, которые за собой чувствуешь[149]. И вот: *так как* с.-р. чувствуют, что единственным социальным базисом их позиции между двух стульев могут быть разве лишь некоторые мелкобуржуазные слои интеллигенции, — *поэтому* они пишут о мелкой буржуазии так, будто этот термин означает не социальную категорию, а просто полемический оборот речи. Им хочется также обойти тот неприятный пункт, что они не понимают принадлежности современного крестьянства, как целого, к «мелкобуржуазным слоям». Не попробуете ли вы дать нам ответ по этому пункту, господа с.-р.? Не скажете ли вы нам, почему это, повторяя обрывки теорий русского марксизма (напр., о прогрессивном значении крестьянского отхода и бродяжничества), вы закрываете глаза на то, что тот же марксизм доказал мелкобуржуазный уклад русского

крестьянского хозяйства? Не разъясните ли вы нам, как это могут «собственники или полусобственники» в современном обществе не относиться к мелкобуржуазным слоям?

Нет, не надейтесь! с.-р. не ответят, не скажут и не разъяснят ничего по существу, ибо они (опять-таки подобно «экономистам») твердо усвоили тактику сказываться по части теории в нетях. «Рев. Россия» кивает на «Вестн. Русск. Рев.» — это-де их дело (ср. № 4, ответ «Заре»), а «Вестн. Русск. Рев.» рассказывает читателю о подвигах оппортунистической критики и все грозится, грозится и грозится еще пуще критику навести. Маловато этого, господа!

Соц.-рев. соблюли себя в чистоте от тлетворного влияния современных социалистических учений. Они сохранили целиком добрые старые приемы вульгарного социализма. Пред нами — новый исторический факт, новое движение в известном слое народа. Они не исследуют положение этого слоя, не задаются целью объяснить его движения характером этого слоя и отношением его к развивающемуся экономическому строю целого общества. Это все для них — пустая догма, изжитая ортодоксия. У них это проще делается. — О чем говорят сами представители подымающегося слоя? О земле, прирезке, переделе. — Ну, вот вам и все. Вот вам «полусоциалистическая программа», «совершенно правильный принцип», «светлая идея», «идеал, который в зародышевой форме уже живет в голове крестьянина», и т. д. Надо только «очистить и разработать этот идеал», вывести «чистую идею социализма». Вы не верите, читатель? Вам кажется невероятным, чтобы эта народническая ветошь снова вытаскивалась на свет божий людьми, которые так бойко повторяют, что им книга последняя скажет? А между тем это факт, и все процитированные нами словечки взяты из заявления «от крестьянского союза» в № 8 «Рев. России».

Соц.-рев. обвиняют «Искру», что, назвав крестьянское движение последним мятежом крестьянства, она рано заговорила за упокой: крестьянство, поучают нас, может участвовать и в социалистическом движении

пролетариата. Это обвинение наглядно показывает всю путаницу мысли у с.-р. Они не разобрались даже в том, что одно дело — демократическое движение против остатков крепостничества, другое дело — социалистическое движение против буржуазии. Не поняв самого крестьянского движения, они не могли понять и того, что испугавшие их слова «Искры» относятся только к первому движению. О том, что гибнущие мелкие производители (крестьяне в том числе) могут и должны участвовать в социалистическом движении пролетариата, «Искра» не только сказала в своей программе, но и точно определила условия этого участия. Но современное крестьянское движение вовсе не является социалистическим, направленным против буржуазии и капитализма, движением. Наоборот, оно объединяет буржуазные и пролетарские элементы крестьянства, которые действительно едины в борьбе с остатками крепостничества. Современное крестьянское движение ведет — и приведет — к установлению не социалистического и не полусоциалистического, а буржуазного сельского уклада, очистив созревшие уже буржуазные устои нашей деревни от крепостнических пут.

Впрочем, для с.-р. все это — книга за семью печатями. Они даже всерьез уверяют «Искру», что расчистка пути для развития капитализма — пустой догмат, ибо «реформы» (60-х годов) «и расчистили (!) полный (!!) простор развитию капитализма». Вот до чего может дописаться бойкий человек, которым владеет бойкое перо и который воображает, что «от крестьянского союза» всячинка сойти может: крестьянин не разберет! — Но подумайте, пожалуйста, любезный автор: не слыхали ли вы когда-нибудь, что остатки крепостничества задерживают развитие капитализма? не кажется ли вам, что это даже почти тавтология? и не читали ли вы где-нибудь об остатках крепостничества в современной русской деревне?

«Искра» говорит, что предстоящая революция будет буржуазной революцией. С.-р. возражают: она будет «прежде всего революцией политической и до известной степени демократической». Не попробуют ли объяснить

нам авторы этого милого возражения, — была ли когда-либо в истории, мыслима ли вообще такая буржуазная революция, которая бы не была «до известной степени демократической»? Да ведь и программа самих с.-р. (уравнительное пользование землей, перешедшей в собственность общества) не выходит еще из рамок буржуазной программы, ибо сохранение товарного производства и допущение частного хозяйства, хотя бы и на общей земле, нисколько не устраняет капиталистических отношений в земледелии.

Чем легкомысленнее относятся с.-р. к элементарнейшим истинам современного социализма, тем легче сочиняют они «элементарнейшие дедукции», гордясь даже тем, что их «программа сводится» к таковым. Рассмотрим все их три дедукции, которые, вероятно, надолго останутся памятником остроты ума и глубины социалистических убеждений с.-рев.

Дедукция № 1: «Уже теперь большая доля территории России принадлежит государству — надо, чтобы вся территория принадлежала народу». «Уже теперь» умиленные ссылки на государственное землевладение в России набили нам оскомину в произведениях полицейских народников (à la Сазонов и др.) и разных катедер-реформаторов. «Надо», чтобы в хвосте за этими господами поплелись именующие себя социалистами да еще революционерами. «Надо», чтобы социалисты подчеркивали мнимое всесилие «государства» (забывая даже, что большая доля государственных земель сосредоточена на необитаемых окраинах страны), а не классовую противоположность полукрепостного крестьянства и привилегированной горсти крупных землевладельцев, которые владеют массой лучших возделанных земель и с которыми «государство» всегда жило душа в душу. Воображая, что они выводят чистую идею социализма, наши с.-р. на самом деле пачкают эту идею некритическим отношением к старому народничеству.

Дедукция № 2: «Уже и теперь земля перетекает от капитала к труду — надо, чтобы этот процесс был завершен государством». Дальше в лес — больше дров.

Сделаем еще шаг к полицейскому народничеству, будем призывать (классовое!) «государство» к расширению крестьянского землевладения вообще. Это замечательно социалистично и удивительно революционно. Но чего и ждать от людей, которые покупку и аренду земли крестьянами называют не переходом земли от крепостников-помещиков к сельской буржуазии, а переходом «от капитала к труду». Напомним этим людям хотя бы данные о фактическом распределении «перетекающих к труду» земель: от 6 до 9 десятых всей купчей крестьянской земли и от 5 до 8 десятых аренды сосредоточивается в руках *одной пятой доли дворов,* т. е. у небольшого меньшинства зажиточных. Судите по этому, много ли правды в словах соц.-рев., когда они утверждают, что на зажиточных крестьян «мы и не рассчитываем», а только на «чисто трудовые слои»?

Дедукция № 3: «Крестьянин уже имеет землю и пользуется ею в большинстве случаев в уравнительном распределении, — надо, чтобы это трудовое пользование было доведено до конца... и завершилось бы через развитие всякого рода коопераций коллективным земледельческим производством». — Поскребите соц.-революционера, и вы найдете г. В. В.! Как только дошло до дела, все старые предрассудки народничества, пре-благополучно сохранившиеся под прикрытием увертливых фраз, выползли тотчас же наружу. Государственное землевладение — завершение государством перехода земли к крестьянству — община — кооперация — коллективизм — в этой великолепной схеме гг. Сазонова, Юзова, Н. —она, соц.-революционеров, Гофштеттера, Тотомианца и пр. и пр., — в этой схеме не хватает совсем маленькой мелочи. В ней нет ни развивающегося капитализма, ни классовой борьбы. Да и откуда было взяться этой мелочи в головах людей, весь идейный багаж которых состоит из лохмотьев народничества и нарядных заплат модной критики? Разве не сказал *сам* г. Булгаков, что в деревне нет места для классовой борьбы? Разве замена классовой борьбы «всевозможными кооперациями» не удовлетворит и либералов, и «критиков», и вообще всех тех, для кого социализм

есть не более, как традиционная вывеска? И разве нельзя попробовать успокоить наивных людей уверением: «мы, конечно, чужды всякой идеализации общины», хотя рядом с этим уверением вы читаете колоссальное фразерство о «колоссальной организации мирского крестьянства», о том, что «в известных отношениях ни один класс в России так не подталкивается к чисто (!) политической борьбе, как именно крестьянство», что крестьянское самоопределение (!) своими границами и компетенцией далеко шире земского, что это соединение «широкой»... (до самой околицы?)... «самодеятельности» с отсутствием «элементарнейших гражданских прав» «точно нарочно было придумано для того, чтобы... будить и упражнять (!) политические инстинкты и навыки общественной борьбы». Не любо — не слушай, а...

«Надо быть слепым, чтобы не видеть, насколько легче перейти к идее социализации земли от традиций общинного управления землей». Не наоборот ли, гг.? Не являются ли безнадежно слепыми и глухими те, кто до сих пор не знает, что именно средневековая замкнутость полукрепостной общины, раздробляющей крестьянство на крохотные союзы и связывающей по рукам и ногам сельский пролетариат, поддерживает традиции косности, забитости и одичалости? Не побиваете ли вы сами себя, признавая пользу отхода, который уже на три четверти разрушил пресловутую уравнительность общинных традиций и свел эти традиции к одной полицейской склоке?

Программа-минимум соц.-рев., будучи основана на вышеразобранной теории, является настоящим курьезом. Два пункта в этой «программе»: 1) «социализация земли, т. е. переход ее в собственность всего общества и в пользование трудящихся»; 2) «развитие в крестьянстве всевозможных видов общественных соединений и экономических коопераций... (для «чисто» политической борьбы?)... для постепенного высвобождения крестьянства из-под власти денежного капитала... (под власть промышленного?)... и для подготовления грядущего коллективного земледельческого производства».

Как солнце в малой капле вод, отражается в этих двух пунктах весь дух современного «социал-революционаризма». В теории — революционная фраза вместо продуманной и цельной системы воззрений, на практике — беспомощное подхватывание того или иного модного средствица вместо участия в классовой борьбе — вот все, что у них есть. Поставить *рядом* в программе-*минимум* социализацию земли и кооперации, для этого необходимо было, признаемся, редкое гражданское мужество. Наша программа-минимум, с одной стороны — Бабёф, с другой — г. Левитский. Это неподражаемо.

Если бы можно было серьезно отнестись к этой программе, то нам бы пришлось сказать, что, обманывая себя звуком слов, соц.-рев. обманывают и крестьянина. Это — обман, будто «всевозможные кооперации» играют революционную роль в современном обществе и подготовляют коллективизм, а не укрепление сельской буржуазии. Это — обман, будто как «минимум», как нечто столь же близкое, как кооперации, можно ставить в виду *«крестьянства»* — социализацию земли. Всякий социалист пояснил бы нашим соц.-рев., что уничтожение частной собственности на землю может быть теперь лишь непосредственным преддверием уничтожения ее вообще, что одна передача земли в «пользование трудящихся» еще не удовлетворила бы пролетариат, ибо миллионы и десятки миллионов разоренного крестьянства не в состоянии уже вести хозяйства на земле, даже если бы она у них была. А снабжение этих разоренных миллионов орудиями, скотом и пр. было бы уже социализацией всех средств производства и требовало бы социалистической революции пролетариата, а не крестьянского движения против остатков крепостничества. Соц.-рев. смешивают социализацию земли с ее буржуазной национализацией. Эта последняя мыслима, говоря абстрактно, и на базисе капитализма, без уничтожения наемного труда. Но именно пример тех же соц.-рев. наглядно подтверждает ту истину, что выдвигать требование национализации земли в полицейском государстве значит затемнять единственно

революционный принцип классовой борьбы и подливать воду на мельницу всякой казенщине.

Мало того, соц.-рев. спускаются и до прямой реакционности, когда восстают против требования проекта нашей программы: «отмена всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его землей». Во имя народнического предрассудка об «общинном начале» и «уравнительном принципе» они отказывают крестьянину в таком «элементарнейшем гражданском праве», как право распоряжаться своей землей, они благодушно закрывают глаза на сословную замкнутость действительной общины, они становятся защитниками полицейских запрещений, установленных и поддерживаемых «государством»... земских начальников! Мы думаем, что не только г. Левитский, но и г. Победоносцев не очень испугаются требования социализации земли для уравнительного пользования ею, раз это требование выдвигается как минимум, наряду с которым фигурируют и кооперации и защита полицейского прикрепления мужика к обеспечивающему его казенному наделу.

Пусть послужит аграрная программа соц.-рев. уроком и предостережением для всех социалистов, наглядным примером того, к чему приводит безыдейность и беспринципность, называемая некоторыми легкомысленными людьми свободой от догмы. Как только дошло до дела, у соц.-рев. не оказалось налицо ни одного из трех условий, необходимых для выставления последовательной социалистической программы: ни ясной идеи о конечной цели, ни правильного понимания того пути, который ведет к этой цели, ни точного представления о действительном положении дел в данный момент и о ближайших задачах этого момента. Конечную цель социализма они только затемнили, смешав социализацию земли с ее буржуазной национализацией, спутав примитивную крестьянскую идею о мелком уравнительном землепользовании с учением современного социализма о переходе всех средств производства в общественную собственность и об организации социалистического производства. Их представление о пути,

ведущем к социализму, бесподобно характеризуется заменой классовой борьбы развитием коопераций. В оценке данного момента аграрной эволюции России они забыли мелочь: остатки крепостничества, давящие нашу деревню. Знаменитая троица, выражавшая их теоретические взгляды: интеллигенция, и пролетариат, и крестьянство — дополнилась не менее знаменитой «программной» троицей: социализация земли — кооперации — прикрепление к наделу.

Сравните с этим программу «Искры», которая указывает единую конечную цель всему борющемуся пролетариату, не сводя ее до «минимума», не принижая ее ради приспособления к идеям некоторых неразвитых слоев пролетариата или мелких производителей. Путь для достижения этой цели один и в городе и в деревне — классовая борьба пролетариата против буржуазии. Но кроме этой классовой борьбы продолжает еще вестись в нашей деревне и другая: борьба всего крестьянства против остатков крепостничества. И в *этой* борьбе партия пролетариата обещает свою поддержку *всему* крестьянству, стараясь указать настоящую цель его революционному порыву, направить его восстание против его настоящего врага, считая нечестным и недостойным относиться к мужику, как к подопечному, скрывать от него, что он может добиться в настоящее время и немедленно только полной отмены всех следов и остатков крепостничества, только очищения пути для более широкой и более трудной борьбы всего пролетариата против всего буржуазного общества.

«Искра» №№ 23 и 24,
1 августа и 1 сентября 1902 г.

Печатается по тексту
газеты «Искра»

ПРОЕКТ НОВОГО ЗАКОНА О СТАЧКАХ

Нам доставлен новый тайный документ: записка министерства финансов «о пересмотре статей закона, карающих забастовки и досрочные расторжения договоров о найме, и о желательности установления организаций рабочих в целях самопомощи». Ввиду обширности этой записки и необходимости ознакомления с ней возможно более широких слоев рабочего класса, мы издаем ее особой брошюрой[150]. Теперь же изложим вкратце содержание этого интересного документа и укажем на его значение.

Записка начинается кратким очерком истории нашего фабричного законодательства, указанием на законы 3-го июня 1886 г., 2-го июня 1897 г.[151] и переходит затем к вопросу об отмене уголовного наказания за уход с работы и за стачки. Министерство финансов полагает, что угроза арестом или тюрьмой за самовольный уход с работы одного рабочего или за прекращение работы по уговору многих рабочих не достигает своей цели. Сохранение общественного порядка этим не обеспечивается, как показал опыт; рабочих эта угроза только озлобляет, убеждая их в несправедливости закона. Применять эти законы очень трудно «ввиду крайней обременительности возбуждения сотни и иногда тысячи дел» за уход каждого рабочего, а также и ввиду того, что фабриканту невыгодно остаться без рабочих, если их засадят за стачку. Признание стачки преступлением вызывает чрезмерно усердное вмешательство

полиции, приносящее больше вреда, чем пользы, больше затруднений и хлопот фабрикантам, чем облегчения. Записка предлагает совершенно отменить всякие наказания за самовольный уход отдельного рабочего с фабрики и за мирную стачку (не сопровождаемую ни насилием, ни нарушением общественного порядка и т. п.). Наказания должны быть установлены, по образцу иностранных законов, только «за насилия, угрозы или *обесславления* (!), совершенные кем-либо из работодателей или рабочих по отношению к личности или имуществу другого, и имеющие целью, вопреки свободным и законным намерениям последнего, принудить его или помешать ему» вести работу на тех или иных условиях. Другими словами, вместо уголовного наказания за стачки предполагается уголовное наказание за помеху «желающим работать».

Что касается до обществ самопомощи, то министерство финансов жалуется на административный произвол в этом деле (особенно проявившийся-де в Москве, где общество механических рабочих[152] заявило даже претензию на «посредническую роль» между рабочими и администрацией) и требует проведения в законодательном порядке нормального устава таких обществ и облегчения устройства их.

Таким образом, общий характер новой записки министерства финансов, несомненно, либеральный, и центральным пунктом является предложение отменить уголовное наказание за стачки. Мы не станем здесь подробно разбирать содержание всего «законопроекта» (это удобнее будет сделать после напечатания всей записки целиком), а обратим внимание читателя на характер и значение этого либерализма. Предложение предоставить рабочим некоторую свободу стачек и свободу организаций — не новость не только в нашей либеральной публицистике, но и в предначертаниях официальных, правительственных комиссий. В начале 60-х годов комиссия Штакельберга, пересматривавшая уставы фабричный и ремесленный, предлагала учредить промышленные суды из выборных от рабочих и хозяев и дать рабочим известную свободу организаций. В 80-х

годах комиссия по составлению проекта нового уголовного уложения предполагала отменить уголовные наказания за стачки. Но теперешний проект министерства финансов существенно отличается от предыдущих, и это отличие останется крайне важным знамением времени даже и в том случае, если предложения нового проекта так же останутся под сукном, как и все прежние. Существенное отличие состоит в том, что новый проект характеризуется несравненно большей «почвенностью»: вы чувствуете в нем не только голос немногих теоретических передовиков и идеологов буржуазии, а голос целого слоя промышленников-практиков. Это уже не либерализм одних только «гуманных» чиновников и профессоров, это доморощенный, отечественный либерализм московских купцов и промышленников. Этот факт, скажу откровенно, наполняет мое сердце высокой патриотической гордостью: алтынный либерализм купца значит много больше, чем пятиалтынный либерализм чиновника. И самыми интересными в записке являются не тошнотворные рассуждения о свободе договора и о пользе государства, а те практические соображения фабрикантов, которые прорываются сквозь традиционно-юридическую аргументацию.

Невтерпеж! Надоело! Не суйся! — вот что говорит русский фабрикант русской полиции устами автора министерской записки. Послушайте-ка, в самом деле, следующие рассуждения:

«По взглядам полицейских органов, находящим себе поддержку в неопределенности и сбивчивости действующего закона, всякая забастовка рассматривается не как естественное экономическое явление, но непременно как нарушение общественного порядка и спокойствия. Между тем, если бы существовало более спокойное отношение к фактам прекращения работы на фабриках и заводах и забастовки не отождествлялись бы с нарушением общественного порядка, то было бы гораздо легче выяснить истинные причины таковых, отделять законные и справедливые поводы от незаконных и неосновательных и принимать соответствующие меры к миролюбивому соглашению сторон. При подобном, более

нормальном порядке меры пресечения и подавления принимались бы лишь тогда, когда были бы налицо факты, удостоверяющие наличность беспорядка». Полиция не разбирает причин стачки, а заботится *только* о прекращении ее, пуская в ход один из двух приемов: либо заставляя рабочих (арестами, высылками и др. мерами «до употребления военной силы включительно») взяться за работу, либо побуждая хозяев к уступкам. «Нельзя сказать, чтобы хотя один из этих приемов был удобен» для гг. фабрикантов: первый «поселяет озлобление в среде рабочих», второй «укрепляет у рабочих крайне вредное убеждение в том, что забастовка есть вернейшее средство добиться исполнения своих пожеланий во всяком случае». «История забастовок, происходивших в течение последнего 10-летия, дает много примеров того вреда, который является результатом стремления быстрого подавления возникающих осложнений какой бы то ни было ценою. Поспешно произведенные аресты вызывали иногда такое озлобление среди совершенно спокойных до сего рабочих, что приходилось пускать в дело казаков, после чего, конечно, не могло быть и речи об удовлетворении даже законных требований забастовавших. С другой стороны, случаи быстрого удовлетворения незаконных требований рабочих посредством воздействия на фабрикантов вызывали непременно аналогичные же стачки в других промышленных заведениях, в которых приходилось уже применять не систему уступок, а военную силу, что бывает для рабочих совершенно непонятным и поселяет уверенность в несправедливом к ним отношении и произволе властей...» Чтобы полиция когда-нибудь удовлетворяла даже незаконные требования рабочих посредством воздействия на фабрикантов, это, конечно, увлечение гг. капиталистов, которые хотят сказать, что иногда они сами, поторговавшись со стачечниками, дали бы им меньше, чем приходится дать под давлением грозного призрака «нарушения государственного порядка и спокойствия». Записка подпускает шпильку министерству внутренних дел, которое в циркуляре от 12 августа 1897 г., «изданном без согла-
шения

с министерством финансов» (вот где собака-то зарыта!), предписывает и аресты и высылки при каждой стачко и направление дел о стачках в порядке охраны. «Высшие административные власти, — продолжает записка излагать жалобы фабрикантов, — идут еще дальше (закона) и придают *всем* (курсив оригинала) случаям стачек прямо государственное значение... Между тем, в сущности, всякая забастовка (конечно, если она не сопровождается насилиями) есть явление чисто экономическое, вполне естественное и отнюдь не угрожающее общественному порядку и спокойствию. Охрана последнего в этих случаях должна бы выражаться в формах, подобно практикуемым во время народных гуляний, торжеств, зрелищ и т. п. случаев».

Это — язык настоящих либералов-манчестерцев[153], объявляющих борьбу капитала и труда чисто естественным явлением, приравнивающих с замечательной откровенностью «торговлю товарами» и «торговлю трудом» (в другом месте записки), требующих невмешательства государства, отводящих этому государству роль ночного (и дневного) сторожа. И, что особенно важно, встать на эту либеральную точку зрения заставил русских фабрикантов не кто иной, как наши рабочие. Рабочее движение так широко разрослось, что стачки действительно стали «естественным экономическим явлением». Борьба рабочих приняла такие упорные формы, что вмешательство полицейского государства, запрещающее всякое проявление этой борьбы, действительно стало оказываться вредным не только для рабочих (им-то оно никогда, кроме вреда, ничего не приносило), но и для самих фабрикантов, в пользу которых это вмешательство делалось. Рабочие сделали полицейские запрещения фактически бессильными, — но полиция продолжала (и не могла в самодержавном государстве не продолжать) вмешиваться и, чувствуя свое бессилие, металась из стороны в сторону: то военная сила, то уступки, то зверская расправа, то заигрыванье. Чем меньше значения получало полицейское вмешательство, тем острее чувствовался фабрикантами *произвол* полиции, тем более склонялись они к

убеждению, что им *не расчет* поддерживать этот произвол. Конфликт между известной частью крупных промышленников и полицейским всевластием все обострялся и принял особенно резкие формы в Москве, где система заигрыванья с рабочими расцвела особенно пышно. Записка прямо жалуется на московскую администрацию, затеявшую опасную игру с собеседованиями рабочих и обществом взаимопомощи рабочих в механическом производстве. Чтобы приманить рабочих, пришлось дать совету этого общества известное право посредничества, — и фабриканты сейчас же встали на дыбы. «Сначала сей совет, — пишет под их диктовку записка, — обращался к чинам фабричной инспекции, но засим, видя, что последние не признают его компетенции в принятой на себя самовольно посреднической роли, он стал обращаться к оберполицмейстеру, который не только принимает получаемые заявления, но дает им законный ход, чем санкционирует присвоенные себе советом права». Фабриканты протестуют против частных административных распоряжений и требуют законодательного установления нового порядка.

Правда, либерализм фабрикантов не выходит пока из очень узких профессиональных рамок, их враждебность к полицейскому произволу ограничивается отдельными проявлениями невыгодных для них крайностей, не направляясь против коренных основ бюрократического самовластья. Но о росте этой враждебности, о расширении поводов для нее, о ее углублении позаботится экономическое развитие России и всего мира, обостряя классовые антагонизмы капиталистических стран. Сила пролетариата в том и состоит, что его численность и сплоченность увеличивается в силу самого процесса экономического развития, тогда как среди крупной и мелкой буржуазии все усиливается разрозненность и раздробленность интересов. Чтобы учесть это «естественное» преимущество пролетариата, социал-демократия должна внимательно следить за всеми столкновениями интересов среди господствующих классов, пользуясь этими столкновениями не только в целях извлечения практической выгоды в пользу тех или

иных слоев рабочего класса, но и в целях просвещения всего рабочего класса, в целях извлечения полезного урока из каждого нового социально-политического эпизода.

Практическая выгода для рабочих от предлагаемого либеральными фабрикантами изменения закона слишком очевидна, чтобы на ней стоило долго останавливаться. Это несомненная уступка растущей силе, оставление неприятелем одной из его позиций, которая уже фактически почти отвоевана революционным пролетариатом и защищать которую дальше не хотят наиболее дальновидные вожди вражеской армии. Невелика эта уступочка, что и говорить: во-первых, смешно и думать о возможности *настоящей* свободы, свободы стачек при отсутствии политической свободы. Право арестов и высылок без суда остается у полиции и останется у нее до тех пор, пока существует самодержавие. А сохранение этого права означает сохранение девяти десятых всей той полицейской склоки, тех безобразий и того произвола, который начинает претить даже и фабрикантам. Во-вторых, и в узкой области собственно промышленного законодательства министерство финансов делает очень робкий шаг вперед, подражая тому немецкому законопроекту, который немецкие рабочие прозвали «каторжным» законопроектом[154], оставляя *особые* наказания «за насилия, угрозы и обесславления», стоящие в связи с договором о найме, как будто бы не существовало *общих* уголовных законов, карающих эти проступки! Но и маленькой уступкой русские рабочие сумеют воспользоваться для укрепления своей позиции, для усиления и расширения своей великой борьбы за освобождение трудящегося человечества от наемного рабства.

Что касается до полезного урока, которому нас учит новая записка, то мы должны заметить, прежде всего, что протест фабрикантов против средневекового закона о стачках показывает нам на маленьком частном примере общее несоответствие интересов развивающейся буржуазии и отживающего абсолютизма. Об этом следовало бы поразмыслить тем людям, которые (подобно

соц.-рев.) до сих пор боязливо закрывают глаза на элементы *буржуазной* оппозиции в России и твердят по старинке, что «интересы» (вообще!) русской буржуазии удовлетворены. Оказывается, что полицейское самовластие приходит в столкновение то с теми, то с другими интересами даже таких слоев буржуазии, которых всего непосредственнее *охраняет* царская полиция, которым *непосредственно грозит* материальным ущербом всякое ослабление узды, надетой на пролетариат.

Оказывается, что действительно революционное движение дезорганизует правительство не только прямо тем, что просвещает, возбуждает и сплачивает эксплуатируемые массы, но и косвенно тем, что отнимает почву у обветшалых законов, отнимает веру в самовластье даже у его кровных, казалось бы, присных, учащает «домашние ссоры» между этими присными, заменяет твердость и единство в лагере врагов раздорами и шатаниями. Но чтобы достигать таких результатов, нужно одно условие, которого никогда не могли усвоить наши соц.-революционеры: для этого необходимо, чтобы движение было действительно революционным, т. е. поднимало к новой жизни все более и более широкие слои действительно революционного класса, преобразовывало бы фактически духовно-политический облик этого класса, а через его посредство и всех тех, кто с ним соприкасается. Усвоив эту истину, с.-р. поняли бы, какой практический вред приносит их безыдейность и беспринципность в коренных вопросах социализма, поняли бы, что не правительственные, а революционные силы дезорганизуют люди, проповедующие, что против толпы у самодержавия есть солдаты, против организаций — полиция, а вот отдельные террористы, смещающие министров и губернаторов, поистине неуловимы.

Есть и еще один полезный урок в новом «шаге» фабрикантского ведомства. Этот урок состоит в том, что надо уметь пользоваться всяким, хотя бы даже и алтынным либерализмом на деле, и надо в то же время «в оба смотреть», чтобы этот либерализм не развращал

народных масс своей лживой постановкой вопросов. Пример — г. Струве, разговор с которым мы бы озаглавили: «как либералы хотят учить рабочих и как рабочие должны учить либералов». Начав печатание разобранной нами записки в № 4 «Освобождения»[155], г. Струве говорит там, между прочим, что новый проект есть выражение «государственного смысла», каковому смыслу вряд ли-де пробиться через стену произвола и бессмыслия. Не так это, г. Струве. Не «государственный смысл» выдвинул проект нового закона о стачках, а выдвинули его фабриканты. Не потому появился этот проект, что государство «признало» основные начала гражданского права (буржуазную «свободу и равенство» хозяев и рабочих), а потому, что отмена наказания за стачки стала *выгодной для фабрикантов.* Юридические формулировки и вполне доказательные мотивировки, которые дает теперь «само» («Осв.» № 4, стр. 50) министерство финансов, имелись налицо давным-давно и в русской литературе и даже в трудах правительственных комиссий, — но все это оставалось под спудом, пока не заговорили *хозяева промышленности,* которым рабочие *практически демонстрировали* нелепость старых законов. Мы подчеркиваем это решающее значение фабрикантских выгод и фабрикантской заинтересованности не потому, чтобы это ослабляло, на наш взгляд, значение предначертаний правительства, — напротив, мы уже сказали, что видим в этом усиление их значения. Но пролетариату в его борьбе против всего современного строя надо прежде всего научиться смотреть на вещи прямо и трезво, вскрывать настоящие побудительные причины «высоких государственных деяний» и неуклонно разоблачать те лживые напыщенные фразы о «государственном смысле» и т. п., которые ловкими полицейскими чинами выдвигаются по расчету, а учеными либералами — по близорукости.

Далее г. Струве советует рабочим быть «сдержанными» в агитации за отмену наказаний за стачки. «Чем сдержаннее будет она (эта агитация) по формам, — проповедует г. Струве, — тем больше будет ее значение». Рабочий должен хорошенько отблагодарить бывшего

социалиста за такие советы. Это традиционная молчалинская мудрость либералов — проповедовать сдержанность именно тогда, когда правительство едва начало колебаться (по какому-нибудь частному вопросу). Надо быть сдержаннее, чтобы не помешать провести начатую реформу, чтобы не запугать, чтобы использовать благоприятный момент, когда первый шаг уже сделан (записка составлена!) и когда признание каким-либо ведомством необходимости реформ дает «неопровержимое (?) и для самого правительства и для общества (!) доказательство справедливости и своевременности» (?) этих реформ. Так рассуждает г. Струве о разбираемом нами проекте, так рассуждали всегда российские либералы. Не так рассуждает социал-демократия. Смотрите, скажет она, — даже из самих фабрикантов кое-кто начал понимать уже, что европейские формы классовой борьбы лучше азиатского произвола полиции. Даже самих фабрикантов мы заставили своей упорной борьбой усомниться в всесилии самодержавных опричников. Смелее же вперед! Распространяйте шире приятную весть о неуверенности в рядах врага, пользуйтесь всяким малейшим колебанием его не для молчалинского «сдерживания» своих требований, а для усиления их. За счет того долга, который лежит на правительстве перед народом, вам хотят отдать копейку из ста рублей. Пользуйтесь получением этой копейки, чтобы громче и громче требовать всей суммы долга, чтобы окончательно дискредитировать правительство, чтобы готовить наши силы для нанесения ему *решительного* удара.

«Искра» № 24, 1 сентября 1902 г.

Печатается по тексту газеты «Искра»

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

МАТЕРИАЛЫ К ВЫРАБОТКЕ ПРОГРАММЫ РСДРП [156]

1
НАБРОСОК ОТДЕЛЬНЫХ ПУНКТОВ ПРАКТИЧЕСКОЙ ЧАСТИ ПРОЕКТА ПРОГРАММЫ

13. I. 0 2.

Покончено

п. 11. Надзор органов местного самоуправления с участием выборных от рабочих за санитарным состоянием жилищ, отводимых рабочим предпринимателями, за внутренним распорядком этих помещений и условиями сдачи их в целях ограждения наемников от вмешательства предпринимателей в жизнь и деятельность наемных рабочих как частных лиц и как граждан.

п. 12. Правильно организованный всесторонний санитарный надзор за условиями труда во всех предприятиях, употребляющих наемный труд.

13. Распространение надзора фабричной инспекции на всю ремесленную, кустарную, домашнюю промышленность, а также на казенные предприятия, равно как и на сельскохозяйственные предприятия, употребляющие наемных рабочих.

14.

и т. д.

Аграрный. В интересах уничтожения всех остатков нашего старого крепостного

порядка социал-демократическая рабочая партия требует:

1) отмены выкупных платежей
2) свободы выхода из общины
3) понижения арендной платы по суду
4) отрезки.

Аксельрод и Берг: *«облегчение крестьянской массе* борьбы против капиталистических (или известных тенденций капитализма) отношений».

Печатается впервые, по рукописи

2
КОНСПЕКТ ПЕРВОГО ПРОЕКТА ПРОГРАММЫ ПЛЕХАНОВА С НЕКОТОРЫМИ ПОПРАВКАМИ К НЕМУ

Абзацы:

I. Господство капиталистических отношений: средства производства у капиталистов и неимущие пролетарии = наемные — 2.*

II. Расширение области господства капитала: увеличение хозяйственного значения крупных и уменьшение мелких предприятий — 1.

III. Капиталистические отношения все сильнее давят на рабочий класс: относительно уменьшая спрос при увеличении предложения — 4.

IV. Понижение цены рабочей силы. Рост общественного неравенства — 3.

+ таким образом (капитализм вызывает??) рост общественного неравенства, увеличение расстояния между имущими и неимущими (? + ?)

V. Кризисы — 5.

VI. Рост недовольства рабочего класса, обострение борьбы + рост сознания, что необходима *социальная революция, т. е.*

(пояснение ее) — 6.

VII. Социальная революция — в интересах всего угнетенного человечества — 7.

VIII. Чтобы заменить товарное производство социалистическим — нужно, чтобы пролетариат имел *политическую власть — диктатура пролетариата* — 8.

IX. Рабочее движение стало международным — 10.

---

* В рукописи цифры проставлены синим карандашом и указывают, видимо, на желательную перестановку абзацев. *Ред.*

X. Русская социал-демократия — часть международной социал-демократии — 11.

XI. У русской социал-демократии та же конечная цель. Задача русской социал-демократии

{ обнаруживать непримиримость интересов
выяснять значение социальной революции
организовать силы рабочих } — 9.

XII. Ближайшая цель видоизменяется остатками крепостного порядка (гнет на всем трудящемся населении + главное препятствие рабочему движению).

XIII. Необходимо добиваться юридических учреждений, составляющих дополнение капитализма.

XIV. Самодержавие — остаток крепостного порядка, злейший враг, — то ближайшей задачей — низвержение *монархии.*

ПОПРАВКИ К ПРОЕКТУ ПРОГРАММЫ ПЛЕХАНОВА

Предложен 21. I. 02.

III. [Капиталистические отношения производства все сильнее давят на рабочий класс по мере того как] технический прогресс, [увеличивая производительность труда] не и т. д. {вместо причиняя — *вызывая*} + Рост безработицы, нищеты, принижения и гнета является неизбежным результатом этой основной тенденции капитализма.	III. Технический прогресс (увеличивая производительность труда?) не только дает капиталистам материальную возможность повышать уровень эксплуатации рабочих, но и превращает эту возможность в действительность, вызывая относительное уменьшение *спроса* на рабочую силу одновременно с относительным и абсолютным увеличением ее предложения. Рост безработицы, нищеты, гнета и принижения является неизбежным результатом этой основной тенденции капитализма.	«позволяет» (указанных основных тенденций)

Сделать § 5. IV. Развитие производительных сил общественного труда сопровождается таким образом тем, что **все** выгоды этого развития монополизирует ничтожное меньшинство, и рост общественного богатства идет рука об руку с ростом общественного неравенства, с увеличением расстояния между имущими и неимущими, с углублением и расширением пропасти между классом собственников и классом пролетариев.

Неверно не все

Сделать § 4. V.[*] Еще к более сильному ухудшению положения рабочего класса и мелких производителей ведут промышленные кризисы, которые неизбежно вызываются указанными противоречиями капитализма

при отсутствии общественного контроля за производством, при непрерывно растущем взаимном соперничестве капиталистических стран на всемирном рынке[**].

отсутствием планомерности в производстве, ростом взаимного соперничества капиталистических стран на всемирном рынке. Бедность и нищета масс дополняется расточением общественного богатства вследствие невозможности найти сбыт для произведенных товаров.

При таком положении дел в обществе, при отсутствии планомерности в производстве, при непрерывно растущем соперничестве капиталистических стран на всемирном рынке, сбыт товаров отстает по необходимости от их производства[**].

Написано не позднее 8 (21) января 1902 г.

Впервые напечатано в 1924 г. в Ленинском сборнике II

Печатается по рукописи

[*] В рукописи вычеркнуто начало абзаца: «Еще к большему обострению этих противоречий». *Ред.*
[**] Этот вариант в рукописи перечеркнут. *Ред.*

3
ЗАПИСЬ I И II АБЗАЦЕВ ПЕРВОГО ПРОЕКТА ПРОГРАММЫ ПЛЕХАНОВА И НАБРОСОК ПЕРВОГО АБЗАЦА ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЧАСТИ ПРОГРАММЫ

I. Экономическую основу современного буржуазного общества составляет капиталистический способ производства, при котором важнейшая часть средств производства и обращения продуктов, производимых в виде товаров, составляет частную собственность сравнительно малочисленного класса лиц, между тем как большинство населения не может поддержать своего существования иначе, как продажей своей рабочей силы. Вследствие этого оно находится в зависимом положении наемных рабочих (пролетариев), создающих своим трудом доход собственников средств производства и обращения товаров (капиталистов и крупных землевладельцев).

II. Область господства капиталистического способа производства расширяется по мере того, как непрерывное усовершенствование техники увеличивает хозяйственное значение крупных предприятий и тем суживает роль мелких самостоятельных производителей в экономической жизни общества, принижая их жизненный уровень, вытесняя одних в ряды пролетариата, превращая других прямо или косвенно в слуг и данников капитала.

* * *

I (?). Экономическое развитие России ведет к все большему распространению и к все большему господству в ней капиталистических производственных ||?|| отношений.

Написано не ранее 8 (21) января 1902 г.

Печатается впервые, по рукописи

4
ПЛАН СООБЩЕНИЯ О ХОДЕ ВЫРАБОТКИ ПРОЕКТА ПРОГРАММЫ

1. Рассказ о состоянии вопроса о выработке программы и о комиссионной подготовке ее.

2. Первоначальный проект Г. В.

3. Проект изменений (с некоторыми мотивами изменений).

Написано не ранее 8 (21) января 1902 г.

Впервые напечатано в 1924 г. в Ленинском сборнике II

Печатается по рукописи

5
ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЧАСТИ ПРОЕКТА ПРОГРАММЫ

ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ ФОРМУЛИРОВКА

А.

I. Экономическое развитие России и все большее (усиленное) вовлечение ее в международный торговый обмен ведет к все большему распространению в ней и все более полному господству капиталистического способа производства.

{Выразить иначе}

II. * Непрерывное усовершенствование техники все более увеличивает хозяйственное значение крупных предприятий, уменьшает роль мелких самостоятельных производителей (крестьян, кустарей, ремесленников и пр.) в

ИСПРАВЛЕННАЯ ФОРМУЛИРОВКА

I. Усиленное вовлечение России в международный торговый обмен и рост товарного производства внутри страны ведут ко все более полному господству в ней капиталистического способа производства, который отличается следующими основными особенностями.

III. Непрерывное усовершенствование техники все более увеличивает число, размеры и хозяйственное значение крупных капиталистических предприятий, принижает жизненный уровень мелких самостоятельных произво-

* В рукописи намечена перестановка параграфов: синим карандашом вычеркнуто «II» и поставлено «III» — и наоборот. *Ред.*

экономической жизни страны, принижая их жизненный уровень, превращая одних прямо или косвенно в слуг и данников капитала, вытесняя других в ряды неимущего, лишенного средств производства, класса (пролетариата).	дителей (крестьян, кустарей, ремесленников), превращает одних из них в слуг и данников капитала, совершенно разоряет других, вытесняя их в ряды неимущего, лишенного средств производства, класса (пролетариата).

III. Важнейшая часть средств производства и обращения товаров все более сосредоточивается в руках сравнительно малочисленного класса лиц, между тем как все увеличивающееся большинство населения не может поддержать своего существования иначе как продажей своей рабочей силы. Вследствие этого оно оказывается в зависимом положении наемных рабочих (пролетариев), создающих своим трудом доход собственников средств производства и обращения товаров (капиталистов и крупных землевладельцев).

IV. Технический прогресс, повышая производительность труда, позволяет капиталистам повышать уровень эксплуатации рабочих, вызывая относительное уменьшение спроса на рабочую силу (т. е. увеличение спроса не пропорциональное (отстающее от) увеличению капитала) одновременно с относительным и абсолютным увеличением ее предложения. Эта, а равно и вышеуказанные основные тенденции капитализма ведут к росту безработицы, нищеты, эксплуатации, гнета и принижения.

V. Еще к более сильному ухудшению положения рабочего класса и мелких производителей ведут промышленные кризисы, которые неизбежно вызываются указанными противоречиями капитализма, присущим ему (и неустранимым никакими союзами предпринимателей) отсутствием планомерности производства, ростом взаимного соперничества капиталистических стран на всемирном рынке. Бедность и нищета масс дополняется расточением общественного богатства вследствие невозможности найти сбыт для произведенных товаров.

VI. Таким образом, развитие производительных сил общественного труда сопровождается	Выразить иначе	VI. Таким образом, гигантское развитие производительных сил общественного и все более обобществляемого труда сопровождается

тем, что все главные выгоды этого развития монополизирует ничтожное меньшинство населения, и рост общественного богатства идет рука об руку с ростом общественного неравенства, с увеличением расстояния между имущими и неимущими, с углублением и расширением пропасти между классом собственников (буржуазией) и классом пролетариев.

VII. Но в то же самое время, как растут и развиваются все эти неизбежные противоречия капитализма,

растет также недовольство и возмущение рабочего класса, увеличивается его сплоченность в силу самих условий капиталистического способа производства, обостряется	растет число и сплоченность, недовольство и возмущение пролетариев, обостряется

борьба рабочего класса с классом капиталистов, растет стремление освободиться от невыносимого ига капитализма.

VIII. Освобождение рабочего класса может быть делом только самого рабочего класса. Для свержения ига капитализма необходима социальная революция, т. е.	VIII. Освобождение рабочего класса может быть делом только самого рабочего класса, ибо все остальные классы современного общества стоят за сохранение основ существующего экономического строя. Для действительного освобождения рабочего клас-

са необходима вытекающая естественно из всего развития капиталистического способа производства социальная революция, т. е.

уничтожение частной собственности на средства производства, переход их в общественную собственность и замена капиталистического производства товаров социалистической организацией производства продуктов за счет всего общества, для обеспечения полного благосостояния и свободного всестороннего развития *всех* его членов.

IX. Чтобы совершить эту социальную революцию, пролетариат должен завоевать *политическую власть,* которая сделает его господином положения и позволит ему устранить все препятствия, стоящие на пути к его великой цели. В этом смысле *диктатура пролетариата* составляет необходимое политическое условие социальной революции.

X. Революция пролетариата будет освобождением всего угнетенного и страдающего теперь человечества, ибо она положит конец всем видам притеснения и эксплуатации человека человеком.

XI. Русская социал-демократия ставит своей задачей — обнаруживать перед рабочими непримиримую противоположность их интересов интересам капиталистов, — выяснять пролетариату историческое значение, характер и условия той социальной революции, которую предстоит ему совершить, — организовывать революционную классовую партию, способную руководить всеми проявлениями борьбы пролетариата против всего современного общественного и политического порядка.

XII. Но развитие международного обмена и производства на всемирный рынок установило (создало) такую тесную связь между всеми народами цивилизованного (?) мира, что великая цель освободительной борьбы пролетариата может быть достигнута лишь путем соединенных усилий пролетариев всех стран.

Поэтому* современное рабочее движение должно было стать и давно уже стало международным, и русская социал-демократия смотрит на себя, как на один из отрядов всемирной армии пролетариата, как на *часть международной социал-демократии.*

B.

I. Ближайшие цели русской социал-демократии значительно видоизменяются, однако, тем, что многочисленные у нас остатки докапиталистического, крепостного, общественного порядка задерживают в сильнейшей степени развитие производительных сил, принижают жизненный уровень трудящегося населения, обусловливают азиатски-варварские формы вымирания многомиллионного крестьянства, держат в темноте, бесправии и придавленности весь народ. Русской социал-демократии приходится еще только добиваться тех свободных гражданских и политических учреждений, которые уже существуют в передовых капиталистических странах и которые безусловно необходимы для полного и всестороннего развития классовой борьбы пролетариата с буржуазией**.

II. Царское самодержавие представляет из себя самый значительный остаток крепостного порядка, самый могучий оплот всего того варварства и всех тех бедствий, от которых уже избавились свободные политически страны; оно является самым злейшим и опаснейшим врагом освободительного движения пролетариата.

Самый значительный из этих остатков крепостного порядка, самый могучий оплот всего этого варварства есть царское самодержавие. Оно является самым злейшим и опаснейшим врагом освободительного движения пролетариата и культурного развития всего народа.

---

* Слова «великая цель освободительной борьбы пролетариата может быть достигнута лишь путем соединенных усилий пролетариев всех стран. Поэтому» в рукописи перечеркнуты. *Ред.*

** Эта фраза в рукописи перечеркнута. *Ред.*

Поэтому русская социал-демократия ставит своей ближайшей политической задачей низвержение царского самодержавия и замену его *республикой* на основе демократической конституции, обеспечивающей:

1) самодержавие народа, т. е. ...

Написано между 8 и 25 января (21 января и 7 февраля) 1902 г.

Впервые напечатано в 1924 г. в Ленинском сборнике II

Печатается по рукописи

6
НАБРОСКИ ПЛАНА ПРОЕКТА ПРОГРАММЫ

I—VI. А) Экономическое развитие России и основные особенности капитализма.

VII—XII. Б) Классовая борьба пролетариата и задачи социал-демократии.

В) Ближайшие цели русских социал-демократов и их политические требования.

Г) Социальные (фабричные) реформы.

Д) Финансовая реформа и требования в видах уничтожения остатков крепостного общества.

Е) Заключение («хвост»).

A) Экономическое развитие России и общие задачи социал-демократии.

B) Особые политические задачи и политические требования социал-демократии.

C) Социальные реформы.

D) Финансовые и крестьянские преобразования (реформы).

Написано между 8 и 25 января (21 января и 7 февраля) 1902 г.

Впервые напечатано в 1924 г. в Ленинском сборнике II

Печатается по рукописи

7
ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ АГРАРНОЙ ЧАСТИ И ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПРОЕКТА ПРОГРАММЫ

Кроме того, Российская социал-демократическая рабочая партия требует:

а) в интересах демократической организации государственного хозяйства — отмены всех косвенных налогов и установления прогрессивно-подоходного налога

б) в интересах устранения всех остатков нашего старого крепостного порядка

1) отмены выкупных и оброчных платежей, а также всяких повинностей, падающих в настоящее время на крестьянство как на податное сословие;

2) отмены круговой поруки и всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его землей;

3) возвращения народу взятых с него в форме выкупных и оброчных платежей денежных сумм. Конфискации с этой целью монастырских имуществ и удельных имений, а равно и обложения особым налогом земель крупных дворян-землевладельцев, воспользовавшихся выкупной ссудой. Обращения сумм, добытых этим путем, в особый народный фонд для культурных и благотворительных нужд сельских обществ;

4) учреждения крестьянских комитетов

(а) для возвращения сельским обществам (посредством экспроприации или — в том случае, если земли пере-

ходили из рук в руки, — выкупа и т. п.) тех земель, которые отрезаны у крестьян при уничтожении крепостного права и служат в руках помещиков орудием для их закабаления;

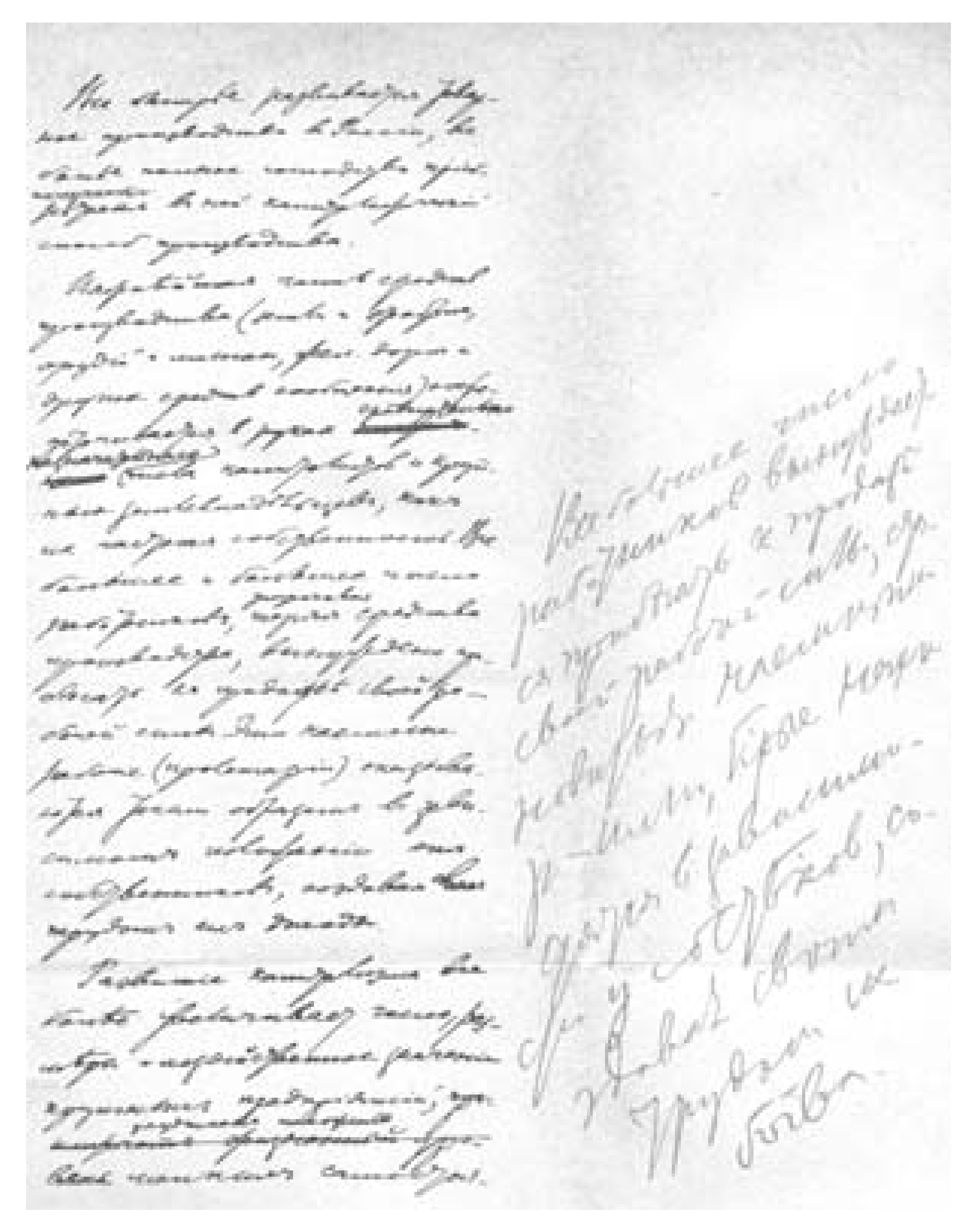
(б) для устранения остатков крепостного строя, уцелевших на Урале, на Алтае, в Западном крае и в других областях государства;

5) предоставления судам права понижать непомерно высокие арендные платы и объявлять недействительными сделки, имеющие кабальный характер.

Российская социал-демократическая рабочая партия считает, что полное, последовательное и прочное осуществление указанных политических и социальных преобразований достижимо лишь путем низвержения самодержавия и созыва учредительного собрания, свободно избранного всем народом.

Написано не позднее
25 января (7 февраля) 1902 г.

Печатается впервые, по рукописи

Первая страница рукописи
В. И. Ленина
«Наброски проекта программы».
Вариант 2-й. — 1902 г.

8
НАБРОСКИ ПРОЕКТА ПРОГРАММЫ

ВАРИАНТ 1-й

Все быстрее развивается товарное производство в России, усиливается ее участие в международном торговом обмене*, и все более полное господство получает в ней капиталистический способ производства.

Все увеличивающееся большинство населения не может поддержать своего существования иначе как продажей своей рабочей силы. Оно оказывается таким образом в зависимом положении наемных рабочих (пролетариев) от сравнительно малочисленного класса капиталистов и крупных землевладельцев, которые сосредоточивают в своих руках важнейшую часть средств производства и обращения товаров**.

Важнейшая часть средств производства сосредоточивается в руках ничтожного числа капиталистов и крупных землевладельцев, как их частная собственность. Все большее и большее число работников, теряя средства производства, вынуждено прибегать к продаже своей рабочей силы. Оно оказывается таким образом в зависимом положении наемных рабочих (пролетариев), которые своим трудом создают доход собственников.

Развитие капитализма все более увеличивает число, размеры и хозяйственное значение крупных предприятий, принижает жизненный уровень мелких самостоя-

* Слова «усиливается ее участие в международном торговом обмене» в рукописи вычеркнуты. *Ред.*
** В рукописи этот абзац перечеркнут. *Ред.*

тельных производителей (крестьян, кустарей, ремесленников), превращает одних из них в слуг и данников капитала, вытесняет других в ряды пролетариата.

Чем дальше идет технический прогресс, тем больше возможности имеют капиталисты повышать уровень эксплуатации рабочих, тем больше отстает увеличение спроса на рабочую силу от увеличения ее предложения.

Рост нищеты, безработицы, эксплуатации, гнета и унижения является результатом основных тенденций капитализма.

Необеспеченность существования, безработица, гнет эксплуатации и всяческое унижение становятся уделом все более и более широких слоев трудящегося населения.

Еще более обостряют этот процесс промышленные кризисы, которые вызываются неизбежно указанными противоречиями капитализма. Бедность и нищета масс совмещаются с расточением общественного богатства вследствие невозможности найти сбыт для произведенных товаров.

Таким образом, гигантское развитие производительных сил общественного и все более обобществляемого труда сопровождается тем, что все главные выгоды этого развития монополизирует ничтожное меньшинство населения. Наряду с ростом общественного богатства растет общественное неравенство, углубляется и расширяется пропасть между классом собственников (буржуазией) и классом пролетариев.

(А) § III. Мелкое производство все более вытесняется крупным. Мелкие самостоятельные производители (крестьяне, кустари, ремесленники) превращаются либо в пролетариев, либо в слуг и данников капитала.

Непрерывное усовершенствование техники ведет к тому, что мелкое производство все более вытесняется крупным. Важнейшая часть средств производства (земли и фабрик, орудий и машин, железных дорог и других средств сообщения) сосредоточивается в руках

сравнительно незначительного числа капиталистов и крупных землевладельцев, как их частная собственность. Мелкие самостоятельные производители (крестьяне, кустари, ремесленники) все более разоряются, теряя средства производства и превращаясь таким образом в пролетариев или становясь слугами и данниками капитала. Все увеличивающееся большинство работников вынуждается прибегать к продаже своей рабочей силы.

Они становятся таким образом наемными рабочими, которые находятся в зависимом положении от собственников, создавая своим трудом их богатства.

Эти наемные рабочие (пролетарии) оказываются таким образом в зависимом положении от собственников, создавая своим трудом их доходы.

ВАРИАНТ 2-й

Все быстрее развивается товарное производство в России, все более полное господство приобретает в ней капиталистический способ производства.

Важнейшая часть средств производства (земли и фабрик, орудий и машин, железных дорог и других средств сообщения) сосредоточивается в руках сравнительно незначительного числа капиталистов и крупных землевладельцев, как их частная собственность.

Все большее и большее число работников, теряя (утрачивая) средства производства, вынуждено прибегать к продаже своей рабочей силы. Эти наемные рабочие (пролетарии) оказываются таким образом в зависимом положении от собственников, создавая своим трудом их доходы.

Все большее число работников вынуждается прибегать к продаже своей рабочей силы, становится наемными рабочими, которые находятся в зависимости у собственников, создавая своим трудом их богатства.

Развитие капитализма все более увеличивает число, размеры и хозяйственное значение крупных предприятий, ухудшает положение мелких самостоятельных производителей (крестьян, кустарей, ремесленников), превращает одних из них в слуг и данников капитала, вытесняет других в ряды пролетариата.

Чем дальше идет технический прогресс, тем больше имеют капиталисты возможности повышать уровень эксплуатации рабочих, тем больше отстает увеличение спроса на рабочую силу от увеличения ее предложения. Необеспеченность существования и безработица, гнет эксплуатации и всяческое унижение становятся уделом все более и более широких слоев трудящегося населения.

Еще более обостряют этот процесс промышленные кризисы, которые неизбежно вызываются основными противоречиями капитализма. Бедность и нищета масс совмещается с расточением общественного богатства вследствие невозможности найти сбыт для произведенных товаров.

Таким образом, гигантское развитие производительных сил общественного и все более обобществляемого труда сопровождается тем, что все главные выгоды этого развития монополизирует ничтожное меньшинство населения. Наряду с ростом общественного богатства растет общественное неравенство, углубляется и расширяется пропасть между классом собственников (буржуазией) и классом пролетариата*.

Написано между 25 января и 18 февраля (7 февраля и 3 марта) 1902 г.

Впервые напечатано в 1924 г. в Ленинском сборнике II

Печатается по рукописи

---

* На обороте рукописи сделана запись карандашом: «... решительно отвергая все те реформаторские проекты, которые связаны с каким бы то ни было расширением или упрочением полицейско-чиновничьей опеки над трудящимися массами...». Эта формулировка была предложена В. И. Лениным в качестве поправки к заключению «Проекта программы Российской социал-демократической рабочей партии» (см. настоящий том, стр. 210). *Ред.*

9
ДОБАВЛЕНИЯ В АГРАРНЫЙ И ФАБРИЧНЫЙ ОТДЕЛЫ ПРОЕКТА ПРОГРАММЫ

«В целях же устранения остатков старого крепостного порядка она будет добиваться».

Не вставить ли «и в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне».

За это говорит то, что мы должны и здесь отделить себя решительно от *буржуазной демократии,* которая во всех ее оттенках охотно подпишется, конечно, под одной только первой мотивировкой.

* *
*

NB: в *фабричный* отдел добавить:

Установления законом еженедельного срока расплаты по всем и всяческим договорам о найме рабочих.

Написано между 25 января и 18 февраля (7 февраля и 3 марта) 1902 г.

Печатается впервые, по рукописи

ОТВЕТЫ НА ЗАМЕЧАНИЯ ПЛЕХАНОВА И АКСЕЛЬРОДА НА СТАТЬЮ «АГРАРНАЯ ПРОГРАММА РУССКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ» [157]

«4. учреждения крестьянских комитетов:

а) для возвращения сельским обществам (посредством экспроприации или — в том случае, если земли переходили из рук в руки, — выкупа и т. п.) тех земель, которые отрезаны у крестьян при уничтожении крепостного права и служат в руках помещиков орудием для их закабаления...»[*]

П л е х а н о в . *NB.* Прошу заметить вот что: *экспроприация* (№ 3) не исключает *выкупа; выкуп* не исключает *экспроприации* (доказательства излишни); «выкуп и т. п.» (№ 2) есть просто выкуп, — «и т. п.» Надо выбросить. А та фраза, которая стоит в скобках, может быть заменена такою (посредством выкупа, если после 1861 года земля [а не земли] (№ 1) перешла путем продажи в другие руки). Тогда ясно будет, что в других случаях возвращение состоится без вознаграждения нынешних владельцев. Если же земля перешла в другие руки путем наследования или *дарения* или

№ 1 — раз в программе стоит «земель», то ставить в скобках «земля» — противоречит грамматике.

№ 2 — «и т. п.» включает и обмен земли на землю и сервитута на землю и переразмежевание *и проч.* Поэтому выкидывать вовсе неправильно.

№ 3 — «экспроприация» обыкновенно предполагает *лишение* собственности, т. е. отнятие без вознаграждения. Поэтому противоположение ее выкупу

[*] См. настоящий том, стр. 308. *Ред.*

мены, то выкупа быть не должно. Я думаю, что мы успеем изменить это.

А к с е л ь р о д . *Присоединяюсь.* П. А.

вовсе не так странно, как кажется автору замечаний.

«Мы обязаны бороться против всех остатков крепостнических отношений, — это не может подлежать для социал-демократа никакому сомнению, а так как эти отношения самым сложным образом переплетаются с буржуазными, то нам *приходится* забираться в самую, с позволения сказать, сердцевину этой путаницы, не пугаясь сложностью задачи»*.

П л е х а н о в . Чтобы знать, какова сердцевина, — излишне просить *позволения.*

? ?

«... рабочий отдел содержит требования, направленные против *буржуазии,* а крестьянский — требования, направленные против *крепостников-помещиков* (против феодалов, сказал бы я, если бы вопрос о применимости этого термина к нашему поместному дворянству не был таким спорным вопросом[1]).

---

[1] Я лично склонен решать этот вопрос в утвердительном смысле, но в данном случае, разумеется, не место и не время обосновывать и даже выдвигать это решение, ибо речь идет теперь о защите коллективного, общередакционного проекта аграрной программы»**.

А к с е л ь р о д . NB. Право же, в *программной* брошюре лучше бы опустить такие намеки на разногласия.

«Пытаться же наперед, до окончательного исхода борьбы, во время самого хода борьбы, определить, что *всего* максимума мы, пожалуй, и не добьемся, — значит впадать в чистейшее филистерство»***.

---

* См. настоящий том, стр. 312—313. *Ред.*

** Там же, стр. 314—315. *Ред.*

*** Там же, стр. 316, *Ред.*

Плеханов. «Пытаться... определить», что всего максимума мы не добьемся и проч. — это очень нескладно. Предлагаю заменить это тою фразой, которую я написал в тексте*. Прошу *голосовать* это предложение. *Мотивировка:* опасение насмешек со стороны противников.

Предлагаю также голосовать мое предложение об *устранении* соображений автора о русском феодализме. *Мотивировка:* неуместность таких рассуждений в общей, так сказать, *редакционной* статье. Оговорки автора только наводят на мысль о *разногласиях* в редакции.

Аксельрод. Выше я уже высказался в этом смысле.

Немножечко такта могло бы подсказать автору замечаний, что настаивать на *голосовании* желаемых им изменений (не к худшему ли?) *стиля* — весьма неуместно. Точно так же смешна боязнь, что из-за маленького вопроса о «феодализме» закричат (Мартыновы?) о «разногласиях». Я выразился очень общо.

««Наше движение» есть социал-демократическое рабочее движение. *К нему* «приобщиться» крестьянская *масса* прямо-таки не может: это не проблематично, а *невозможно,* и об этом никогда и речи не было. А к «движению» против всех остатков крепостничества (и против самодержавия в том числе) крестьянская масса *не может не приобщиться»***.

Плеханов. Предлагаю (в фразе о *приобщении)* вместо слов: «крестьянская масса» поставить: крестьянская масса, взятая как таковая, т. е. *как сословие,* и, кроме того, рассматриваемая *как одно целое,* и т. д.

Прошу голосовать это.

Аксельрод. Присоединяюсь. П. А.

См. 28 оборот***.

«Нам нужно шире распространить идею, что только в республике может произойти решительная битва

* Плеханов предложил изменить эту фразу следующим образом: «Останавливать же себя, до окончательного исхода борьбы, во время самого хода борьбы, тем соображением...». *Ред.*

** См. настоящий том, стр. 317. *Ред.*

*** См. предыдущий ответ на замечание Плеханова. *Ред.*

между пролетариатом и буржуазией, нам нужно *создать* и упрочить республиканскую традицию среди всех русских революционеров и среди возможно более широких масс русских рабочих, нам нужно выразить этим лозунгом: «республика», что в борьбе за демократизацию государственного строя мы пойдем до конца, без оглядки назад...»*

П л е х а н о в . Слова: нам нужно распространить ту идею, что только в республике может произойти решительная битва между пролетариатом и буржуазией — я советую зачеркнуть *(прошу голосовать это).* Я вовсе не убежден в том, что, напр., в Англии политическое развитие должно пройти через республику. Монархия вряд ли в чем помешает там рабочим, а потому ее устранение может явиться *не предварительным условием,* а *следствием* торжества социализма.

А к с е л ь р о д . За предложение. П. А.

Пример Англии мало уместен именно в виду ее исключительного положения. И сопоставлять *теперь* Россию с Англией значит сеять тьму недоразумений в публике. Замечания Маркса (1875) и Энгельса (1891) о требовании республики в Германии[158] указывают именно на «необходимость» республики, — а исключения везде возможны.

«Таким образом, все содержание 4-ого пункта можно, простоты ради, выразить в двух словах: «вернуть отрезки». Спрашивается, как возникла идея такого требования? Как прямой вывод из того общего и основного положения, что мы должны помочь крестьянам и подтолкнуть крестьян на возможно полное уничтожение всех остатков крепостничества. С этим «все согласны», не правда ли? Ну, а если согласны встать на эту дорогу, так потрудитесь уже самостоятельно двигаться по ней вперед, не заставляйте тащить вас, не робейте по поводу «необычного» вида этой дороги, не смущайтесь тем, что во многих местах вы и вовсе никакой проторенной дороги не найдете, а должны будете и по краю обрыва проползти, и через чащу продираться, и через ямы перескочить. Не жалуйтесь на бездорожье: эти жалобы будут бесполезным нытьем,

* См. настоящий том, стр. 319. *Ред.*

ибо вы наперед должны были знать, что становитесь не на столбовую дорогу, выпрямленную и выравненную всеми силами общественного прогресса, а на тропинки закоулков и захолустий, из которых выход есть, но прямого, простого и легкого выхода ни вы, ни мы, ни другой кто никогда не отыщет, — «никогда», т. е. вообще до тех пор, пока будут еще существовать эти отмирающие, и мучительно долго отмирающие, захолустья и закоулки.

А не хотите соваться в эти закоулки, — так говорите прямо, что не хочу, и не отделывайтесь фразами»*.

П л е х а н о в . Ставлю на голоса вопрос о том, чтобы зачеркнуть эту страницу. Она придает несколько фельетонный характер рассуждению, которое само по себе ясно и последовательно. Чтобы выставить требование о возвращении отрезков, нет нужды «ползти по краю обрыва» и т. п. Эта образность наводит на ту мысль, что сам автор не вполне согласил «отрезки» со своим правоверием.

А к с е л ь р о д . Я предлагаю выпустить эту страницу, начиная со слов: «С этим», — вплоть до конца следующей страницы (47). П. А.

Ставлю на голосование вопрос о том, *приличны ли* по отношению к коллеге по редакции подобные *канканные* по тону замечания? и куда мы придем, если начнем *в с е* **так** угощать друг друга??

«Прямые переживания барщинного хозяйства, бесчисленное множество раз констатированные всеми экономическими исследованиями России, держатся не каким-либо, особо их ограждающим, законом, а силой фактически существующих поземельных отношений. Это до такой степени так, что свидетели перед известной валуевской комиссией прямо говорили: крепостное право возродилось бы, несомненно, снова, если бы оно не было запрещено прямым законом. Значит, одно из двух: либо не касаться вовсе поземельных отношений между крестьянами и помещиками, — тогда все осталь-

* См. настоящий том, стр. 325—326. *Ред.*

ные вопросы решаются очень «просто», но тогда вы не коснетесь и главного источника всяких переживаний крепостного хозяйства в деревне, тогда вы «просто» отстранитесь от очень жгучего вопроса, затрагивающего самые глубокие интересы крепостников и закабаленного крестьянства, от вопроса, который легко может завтра или послезавтра стать одним из самых злободневных социально-политических вопросов России. Либо вы хотите коснуться и того источника «отсталых форм экономической кабалы», каким являются поземельные отношения, — и тогда вы должны считаться с такой сложностью и запутанностью этих отношений, которая легкого и простого решения прямо-таки не допускает. Тогда вы, будучи недовольны предложенным нами конкретным решением запутанного вопроса, *не вправе* уже отделываться общей «жалобой» на запутанность, а *должны* сделать попытку самостоятельно разобраться в нем, предложить другое конкретное решение.

Какое значение имеют отрезки в современном крестьянском хозяйстве, — это вопрос факта»[*].

Плеханов. Я советовал бы выкинуть все рассуждения о «простоте» и «не простоте» и продолжать статью, начиная со слов: «Какое значение имеют отрезки и проч.». Статья выиграет от этого, ибо все указанное место портит ее своею ужасною (??) растянутостью. Предлагаю голосовать.

Рассуждение о простоте, как подведение итога предыдущему (и как ответ на *тьму* замечаний даже сочувствующих нам лиц), вовсе не излишне, и я советую его не трогать.

«Отработки обусловливают собой застой техники и застой *всех* общественно-экономических отношений в деревне, ибо эти отработки препятствуют развитию денежного хозяйства и разложению крестьянства, избавляют (сравнительно) помещика от подтягивающего влияния конкуренции (вместо повышения техники он понижает долю испольщика; кстати, это понижение констатировано в целом ряде местностей за многие

[*] См. настоящий том, стр. 326—327. *Ред.*

годы пореформенного периода), прикрепляют крестьянина к земле, задерживают тем развитие переселений и отхожих промыслов и т. д.»[*].

Плеханов. Предлагаю зачеркнуть слова: «и разложению крестьянства»; они могут вызвать в читателе предубеждение против меры, которая сама по себе заслуживает всякого одобрения. А если хотите оставить эти слова, то дополните их, объясните (хоть в примечании), что вы понимаете под ними. Прошу голосовать.

Какое? *в ком* предубеждение? почему? — темна вода во облацех.

Далее: что значит сравнительно избавляют? Слово «сравнительно» здесь не подходит.

Очень просто. Это значит: избавляют *сравнительно* с теперешним состоянием в России (а не в сравнении, напр., с Америкой).

«Да и вообще: раз общепризнано, что отрезки есть один из главнейших источников отработочной системы, а эта система есть прямое переживание крепостничества, задерживающее развитие капитализма, то как можно сомневаться в том, что возвращение отрезков подорвет отработки и ускорит общественно-экономическое развитие?»[**]

Плеханов. Именно потому и нет надобности так длинно доказывать это.

Торопливое заключение. Смотри конец этой (55) и начало следующей страницы[***].

«Насколько я могу судить, *все* возражения «против отрезков» подходят под тот или другой из этих четырех пунктов, причем большинство возражавших (и Мартынов в том числе) отвечали на все четыре вопроса отрицательно, признавая требование вернуть отрезки и принципиально неправильным, и политически нецеле-

[*] См. настоящий том, стр. 328—329. *Ред.*
[**] Там же, стр. 329. *Ред.*
[***] В. И. Ленин имеет в виду начало VII главы своей статьи (см. настоящий том, стр. 329—330). *Ред.*

сообразным, и практически неосуществимым, и логически непоследовательным»*.

Плеханов. Предлагаю выкинуть Мартынова: слишком уж много его напихано повсюду.

Аксельрод. Да, des Guten, т. е. Мартынова, mehr als zu viel**. П. А.

См. стр. 28 оборот***.

Мартынов привел доводы, повторенные весьма многими нашими друзьями. Очень *нетактично* было бы оставить эти доводы без ответа и не касаться Мартынова, когда он говорит по существу.

«И мы нисколько не будем противоречить себе, если в следующий исторический период, когда минуют особенности данной социально-политической «конъюнктуры», когда крестьянство, допустим, удовлетворится ничтожными подачками ничтожной части собственников и «зарычит» уже решительно против пролетариата, если мы тогда выкинем из своей программы борьбу с остатками крепостничества. Тогда-то, вероятно, придется нам выкидывать из программы и борьбу с самодержавием, ибо никак нельзя полагать, чтобы *до* политической свободы крестьянство избавилось от самого отвратительного и тяжелого крепостнического гнета»****.

Плеханов. Предлагаю *выкинуть* место, начинающееся словами: «И мы нисколько не будем противоречить себе» и кончающееся словами: «тяжелого крепостнического гнета». Они *ослабляют* убедительность предыдущего вместо того, чтобы *усиливать* ее.

Аксельрод. За. П. А.

Эти слова не следует выкидывать, ибо они вызваны *необходимой* предосторожностью. Иначе нас потом легко могут обвинить в непредусмотрительности.

«Нам возразят: «как ни туго поддается отработочное хозяйство натиску капитализма, все же оно поддается

* См. настоящий том, стр. 330. *Ред.*

** — Да, этого добра, т. е. Мартынова, больше, чем много. *Ред.*

*** Имеется в виду ответ В. И. Ленина на замечание Г. В. Плеханова на стр. 434 настоящего тома. *Ред.*

**** См. настоящий том, стр. 331—332. *Ред.*

ему, — больше того: оно осуждено на полное исчезновение; крупное отработочное хозяйство уступает и уступит место непосредственно крупному капиталистическому хозяйству. Вы же хотите ускорить процесс ликвидации крепостничества мерою, которая является, в сущности, дроблением (хотя бы частичным, но все же таки дроблением) крупного хозяйства. Не приносите ли вы этим интересы будущего в жертву интересам настоящего? Ради проблематичной возможности восстания крестьян в ближайшем будущем против крепостничества вы затрудняете в более или менее далеком будущем восстание сельского пролетариата против капитализма!».

Такое рассуждение, как ни убедительно оно с первого взгляда, грешит большой односторонностью...»*

Плеханов. Оно и с первого взгляда очень мало убедительно. От него пахнет таким диким буквоедством, что лучше бы поменьше останавливаться на нем: стыдно за социал-демократов. Особенно стыдно теперь, когда тысячи русских крестьян *восстают* для ликвидации старого порядка. Прошу голосовать предложение объявить этот довод неубедительным даже и с первого взгляда.

Аксельрод. По-моему, выбросить комплимент противникам à la Мартынов. П. А.

По-моему, смешно видеть тут «комплимент противникам» (это и фактически неверно, ибо этот аргумент повторяли ближайшие друзья «Искры» в письмах), когда их опровергают. А преподносимая автором замечаний *ругань* по их адресу совсем ни к чему.

«... это *не могло бы* остаться без *самого глубокого влияния* на дух протеста и самостоятельной борьбы во всем трудящемся сельском населении»**.

Плеханов. Что значит: «самостоятельная борьба»?

Смотри Бельгию в апреле 1902 г.[159] Она отвечает на этот «трудный» вопрос.

«И для того, чтобы облегчить впоследствии нашим батракам и полубатракам переход к социализму, крайне

* См. настоящий том, стр. 332. *Ред.*
** Там же, стр. 333. *Ред.*

важно, чтобы социалистическая партия *сейчас же* начала «вступаться» за мелкое крестьянство, делая для него «все возможное» с ее стороны, не отказываясь от участия в решении наболевших и запутанных «чужих» (непролетарских) вопросов, приучая всю трудящуюся и эксплуатируемую массу видеть в себе своего вождя и представителя»[*].

Плеханов. Почему слова: «все возможное» поставлены во вносных знаках («кавычках»)? Непонятно. К тому же вопрос о положении «полубатраков» вовсе не чужой для пролетариата. Крайне неполитично употреблять теперь это слово хотя бы и в кавычках.

Не очень уже трудно понять, что у каждого своя манера ставить кавычки? Или автор замечаний и кавычки пожелает «*голосовать»?* Это на него похоже!

««Запоздала» русская буржуазия с *своей,* собственно, задачей смести все остатки старого режима, — и исправлять этот недочет мы должны и будем до тех самых пор, пока он не будет исправлен, пока не будет у нас политической свободы, пока положение крестьянства будет питать недовольство во всей почти массе образованного буржуазного общества (как это мы видим в России), а не питать в этой массе чувство консервативного самодовольства по поводу «неразрушимости» самого мощного якобы оплота против социализма (как это мы видим на Западе, где указанное самодовольство замечается у всех партий порядка, начиная с аграриев и консерваторов pur sang[**], продолжая либеральными и свободомыслящими буржуа и кончая даже... не во гнев будь сказано господам Черновым и «Вестнику Русской Революции»!., кончая даже модными «критиками марксизма» в аграрном вопросе)»[***].

Плеханов. *Очень советую* выкинуть здесь слова: «Вестнику Русской Революции». Рядом с ними стоит имя Чернова, и нас могут обвинить в неосторожном сближении, намеке,

Согласен, но лучше выкину «Черновым».

[*] См. настоящий том, стр. 333. *Ред.*
[**] — чистой крови. *Ред.*
[***] См. настоящий том, стр. 334—335. *Ред.*

чуть не в разоблачении псевдонима. Этого надо избегать во что бы то ни стало.

«Другое дело — национализация земли. Это требование (если понимать его в буржуазном, а не в социалистическом смысле) действительно «идет дальше» требования вернуть отрезки, и в принципе мы вполне разделяем это требование. В известный революционный момент мы не откажемся, разумеется, его выдвинуть»*.

Плеханов. Вполне присоединяюсь к этому замечанию[160]. Тут именно весь *«гвоздь»* вопроса.

Аксельрод. Не совсем понимаю; выше Вы прекрасно определили социально-революционный характер аграрной программы; кроме того, национализация земли и как лозунг *восстания* — теперь антирево-люционна. К предложению Берга присоединяюсь.

Напрасно только «присоединяющийся» позабыл, что замечание относилось к *неисправленной* статье. Немножко внимания избавило бы его от этой забавной ошибки.

«Но теперешнюю свою программу мы составляем не только и даже не столько для эпохи революционного восстания, сколько для эпохи политического рабства, для эпохи, предшествующей политической свободе. А в такую эпоху требование национализации земли *гораздо слабее* выражает непосредственные задачи демократического движения в смысле борьбы с крепостничеством»*.

Плеханов. Раньше говорилось именно о том, что наша аграрная программа есть программа социально-революционная.

Национализация земли в полицейском государстве означала бы новое, колоссальное увеличение этого государства. Поэтому нельзя выражаться так, как здесь: «гораздо слабее

* См. настоящий том, стр. 337. *Ред.*

выражает» и пр. Одна мера *революционная,* а другая *реакционная.*

Аксельрод. Предложение Плеханова совпадает со смыслом замечаний Берга и моего на предыдущей странице.

Неверно. Далеко не всегда и не всякая национализация «реакционна». Это — «через шлею».

Если авторы замечаний не захотят даже при *втором* чтении статьи взять на себя труд точно формулировать поправки (хотя это требование нарочито было принято и всем сообщено), — то затяжки посредством голосований о «переделке» вообще (а потом о тексте переделки??) будут бесконечны. Не грех бы поменьше бояться того, что автор подписанной статьи *выразится* по-своему.

«Вот почему мы думаем, что максимум нашей аграрной программы на базисе современного общественного строя не должен идти дальше демократического пересмотра крестьянской реформы. Требование национализации земли, будучи вполне правильным с принципиальной точки зрения и вполне пригодным для известных моментов, является нецелесообразным политически в данный момент»*.

Плеханов. *Присоединяюсь* к замечанию Берга[161]. Но предлагаю формулировать так: в полицейском государстве *национализация* земли вредна, а в конституционном она войдет *как часть* в требование национализации *всех средств* производства. *Прошу голосовать.*

Аксельрод. Присоединяюсь. П. А.

См. стр. 75 оборот**.

* См. настоящий том, стр. 338. *Ред.*

** Имеется в виду ответ В. И. Ленина на замечание Г. В. Плеханова на стр. 442 настоящего тома. *Ред.*

«Такой состав суда обеспечивал бы и демократизм его и свободное выражение различным классовым интересам различных слоев сельского населения»[*].

Плеханов. Слог здесь ужасный. Предлагаю голосовать предложение об его поправке.

Аксельрод. В чем же?

«Ужасное» понятие об игре в «голосование»! Нечего нам делать больше!

«... известно, что в нашей деревне аренда носит чаще крепостнический, чем буржуазный характер, и арендная плата является гораздо более «денежной» (т. е. преобразованной феодальной), чем капиталистической рентой (т. е. избытком над прибылью предпринимателя). Понижение арендной платы, следовательно, непосредственно содействовало бы замене крепостнических форм хозяйства капиталистическими»[**].

Плеханов. Автор обещал не говорить о русском феодализме (см. выше), но не сдержал обещания. Шаль. Прошу *голосовать* предложение об устранении здесь слова: *феодальная* (рента).

Неправда. Именно тот, кто «посмотрит выше», увидит, что автор ничего не «обещал» подобного. И раз автор оговорил нарочно, что это *не общее мнение,* то придирки тут сугубо бестактны.

«Даже самодержавие вынуждено поэтому создавать все чаще и чаще особый (совершенно жалкий, разумеется, и более расхищаемый казнокрадами и бюрократами, чем идущий на пользу голодающих) «фонд для культурных и благотворительных нужд сельских обществ». Не можем и мы не потребовать, в числе прочих демократических преобразований, создания такого фонда. Против этого вряд ли можно спорить»[***].

Плеханов. Это место насчет «самодержавия» *крайне неудачно.* И что оно нам за пример? Будто мы не можем пред-

Что *даже* самодержавие вынуждено начать (мизерную) благотворитель-

[*] См. настоящий том, стр. 340. *Ред.*
[**] Там же, стр. 341. *Ред.*
[***] Там же, стр. 342. *Ред.*

ложить чего-нибудь не оглядываясь на него?

Возвращение крестьянам должно быть мотивировано тем, что оно было бы революционной мерой, исправляющей такую *«несправедливость»,* которая не только у всех на памяти, но которая значительно способствовала разорению русского крестьянства (ср. Мартынова).

P. S. Когда французские эмигранты потребовали своего миллиарда (во время реставрации)[162], они говорили не о благотворительности. Они лучше понимали значение классовой борьбы.

Предлагаю голосовать предложение о радикальной переделке этого места.

А к с е л ь р о д. Ср. замечание Плеханова к стр. 90.[163] Прочтите эти и то замечания со вниманием — и Вы сами согласитесь с ними. П. А.

ность, это *ф а к т,* бояться ссылки на каковой довольно странно. А что это выдвигается в виде «примера», это — «плохая выдумка» желающего придираться человека.

«Но ведь этой дани *нельзя* вернуть целиком, — возражают нам. — Справедливо *(как нельзя целиком вернуть и отрезков)»*[*].

П л е х а н о в. Почему нельзя целиком вернуть отрезков? Об этом в программе нет ничего.

Обращаю внимание всех на то, что здесь изменен смысл принятого нами параграфа.

А к с е л ь р о д. Зачем Вы вставкой ограничиваете и ослабляете принципиальное решение?

Совершенно неверно. Вставка Ленина в его статье смысла *того, что̀ сказано в программе,* не изменяет *и н е   м о ж е т* изменить. Автор замечаний забыл ту азбучную истину, что «применению подлежит закон, а не мотивы закона».

«Фактически, разумеется, отмена круговой поруки (эту-то реформу г. Витте успеет, пожалуй, осуществить еще до революции), уничтожение сословных делений, свобода передвижения и свобода распоряжения

[*] См. настоящий том, стр. 343. *Ред.*

землей для каждого отдельного крестьянина поведут к неизбежному и быстрому уничтожению той фискально-крепостнической обузы, каковой является, на три четверти, современная поземельная община. Но такой результат докажет только правильность наших взглядов на общину, докажет несовместимость ее со всем общественно-экономическим развитием капитализма»*.

Плеханов. Теперь идут толки об ее уничтожении. Поэтому относящееся сюда место надо изменить.

«Поэтому» ровно ни при чем. «Толки» давно идут и, *если даже придут к делу,* все же изменять ничего не надо.

Предлагаю вместо «капитализма» поставить здесь: со всем общественно-экономическим развитием нашего времени. *Мотивировка:* этим устранится «демагогическая критика», с которой выступят защитники общины.

Нахожу эту боязнь «демагогии» совершенно излишней, ибо сии гг. столь же *«плохую* критику» всегда выдвинут.

«Мы ответим на это: право каждого крестьянина требовать выдела земли непременно в особый участок из нашей формулировки еще не вытекает. Из нее вытекает только свобода продажи земли, причем и этой свободе не противоречит право предпочтительной покупки продаваемой земли сообщинниками»**.

Плеханов. Вполне присоединяюсь к этому замечанию[164] и предлагаю поставить его на голоса.

Аксельрод. За.

«Присоединяюсь» к тому, что относилось к уничтоженному месту??!!?? Хорошее предложение «на голоса».

«Такое возражение было бы неосновательно. Наши требования не разрушают товарищеского союза, а, напротив, создают на место архаической (de facto полукрепостной) власти общины над мужиком — власть *современного* товарищеского союза над свободно вступающими в него членами. В частности, напр., нашей формулировке не противоречит и то, чтобы за сообщин-

* См. настоящий том, стр. 344. *Ред.*

** Там же, стр. 345. *Ред.*

пиками было признано на известных условиях право предпочтительной покупки земли, продаваемой их коллегой».

Плеханов. С этим не согласен. Это право только понизило бы ценность крестьянских земель.

А круговая порука частью уже отменена, а частью будет отменена г. Витте не сегодня, так завтра.

Противоречие. Не понимаю: с одной стороны, я *свободно* вступаю в товарищеский союз и *свободно* выхожу из него. А с другой — община имеет право предпочтительной покупки моей земли. *Тут — противоречие.*

Автор замечаний пересаливает во вражде к общине. Тут надо быть страшно осторожным, чтобы не оказаться (как оказывается автор замечаний) в объятиях гг. А. Скворцовых и К°. *На известных условиях* право предпочтительной покупки может не понизить, а повысить ценность земли. Я выражаюсь нарочно общее и шире, автор же замечаний напрасно спешит рубить гордиев узел. Неосторожным «отрицанием» общины *(как товарищеского союза)* мы легко можем испортить всю свою «доброту» к крестьянам. Община ведь связана и с обычным способом *расселения* и проч., и только А. Скворцовы «переделывают» это в своих проектах одним почерком пера.

«Чтобы расчистить дорогу для свободного развития классовой борьбы в деревне, необходимо устранить все остатки крепостного порядка, которые теперь *прикрывают* зачатки капиталистических антагонизмов внутри сельского населения, не дают им развиться»*.

Плеханов. В первый раз вижу, что слово *антагонизм* употребляется во *множественном числе.*

Напрасно автор замечаний думает, что он неспособен уже ничего увидать в первый раз.

* См. настоящий том, стр. 347. *Ред.*

* *
*

Замечания «автора замечаний» показывают с полной ясностью только следующее. Если он поставил себе целью сделать *невозможной* совместную работу с ним в редакции не согласных с ним, хотя бы в неважных вопросах, товарищей, то он очень быстро и верно идет к сей благородной цели. Но он же пусть несет и последствия, если он ее достигнет.

(1) Замечания писаны до того небрежно, что не сличено то, что было до исправления, с тем, что стало после него.

(2) Список исправлений даже просто *выброшен!* «Моему ндраву не препятствуй».

(3) Почти *ни одна переделка,* предлагаемая автором замечаний, не формулирована им самим, — *вопреки точному условию,* принятому по необходимости во избежание невозможных проволочек.

(4) Тон замечаний намеренно оскорбительный. Если я в этом же тоне «разберу» статью Плеханова о программе (т. е. именно *лично* его *«статью»,* а не проект общего заявления, общей программы и проч.), то это будет сразу финалом нашего сотрудничества. И я «ставлю на голоса»: позволять ли членам редакции *провоцировать* других членов на это?

(5) Стремление *голосованиями* вмешаться даже в способ выражения членов редакции — верх бестактности.

Автор замечаний напоминает мне того кучера, который думает, что для того, чтобы хорошо править, надо почаще и посильнее дергать лошадей. Я, конечно, не больше «лошади», одной *из* лошадей, при кучере — Плеханове, но бывает ведь, что даже самая задерганная лошадь сбрасывает не в меру ретивого кучера.

Написано 1 (14) мая 1902 г.

Впервые напечатано в 1925 г. в Ленинском сборнике III

Печатается по рукописи

ПРИЛОЖЕНИЯ

ДИРЕКТОРУ БРИТАНСКОГО МУЗЕЯ

1

30. Holford Square.

Pentonville. W. C.

Sir,

I beg to apply for a ticket of admission to the Reading Room of the British Museum. I came from Russia in order to study the land question. I enclose the reference letter of Mr. Mitchell.

Believe me, Sir, to be Yours faithfully

Jacob Richter

April 21. 1902.

To the Director of the British Museum.

2

30. Holford Square.

Pentonville. W. C.

4332

Sir,

In addition to my letter and with reference to Your information N 4332 I enclose the new recommendation of Mr. Mitchell.

Yours faithfully

Jacob Richter

24 April 1902.

Впервые напечатано в 1957 г.
в журнале
«Иностранная Литература» № 4

Печатается по рукописи

ДИРЕКТОРУ БРИТАНСКОГО МУЗЕЯ

1

30. Холфорд-сквер.
Пентонвилл. W. C.

Сэр!

Обращаюсь к Вам с просьбой о выдаче мне билета на право входа в читальный зал Британского музея. Я прибыл из России для изучения аграрного вопроса. Прилагаю рекомендательное письмо м-ра Митчелла.

С глубоким уважением к Вам, сэр,
Якоб Рихтер

Апрель 21. 1902.

Директору Британского музея.

2

30. Холфорд-сквер.
Пентонвилл. W. C.

4332

Сэр!

В дополнение к моему письму и в ответ на Ваше уведомление № 4332 представляю новую рекомендацию м-ра Митчелла.

Уважающий Вас
Якоб Рихтер

24 апреля 1902.

*Впервые напечатано в 1957 г.
в журнале
«Иностранная Литература» № 4*

Перевод с английского

СПИСОК НЕРАЗЫСКАННЫХ РАБОТ
В. И. ЛЕНИНА

———

ПРИМЕЧАНИЯ

———

УКАЗАТЕЛИ

———

ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В. И. ЛЕНИНА

СПИСОК РАБОТ В. И. ЛЕНИНА, ДО НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ НЕ РАЗЫСКАННЫХ

(Январь — август 1902)

ПИСЬМА К РОДНЫМ

О письмах В. И. Ленина матери, М. А. Ульяновой, и сестре, А. И. Ульяновой-Елизаровой, до настоящего времени не разысканных, известно из его писем М. А. Ульяновой от 13 (26) февраля, 20 марта (2 апреля), 25 апреля (8 мая) и 25 мая (7 июня) 1902 года (см. Сочинения, 4 изд., том 37, стр. 262, 265, 268 и 270), а также из донесения агента охранки А. Гартинга от 31 марта (13 апреля) 1902 года (Центральный государственный исторический архив в Москве).

ПИСЬМО РУССКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «ИСКРЫ»

Позднее 30 января (12 февраля) 1902 года

Написано в связи с оформлением русской организации «Искры» на съезде искровцев в Самаре в конце января 1902 года. Отрывок из этого письма приведен в докладе организации «Искры» II съезду РСДРП. «Ваш почин, — писал Ленин, — нас страшно обрадовал. Ура! Именно так! шире забирайте! И орудуйте самостоятельнее, инициативнее — вы первые начали так широко, значит и продолжение будет успешно!» («Доклады соц.-демократических комитетов Второму съезду РСДРП». М.—Л., 1930, стр. 41).

ПИСЬМО Л. И. ГОЛЬДМАНУ

Вторая половина февраля — начало марта 1902 года

Написано организатору типографии «Искры» в России (в Кишиневе) Л. И. Гольдману в связи с массовыми обысками и арестами социал-демократов в Киеве в ночь на 9 (22) февраля 1902 года. «Я написал в Мюнхен о провале, просил указаний, как быть дальше, связей с уцелевшими товарищами, а сам поехал в Киев... — вспоминает Гольдман. — Вскоре по возвращении в Кишинев было получено от Ленина письмо и большая рукопись

брошюры для печати. Ленин предлагал нам самим ничего не предпринимать, но извещал, что редакция свяжет нас с «самарцами»*, что он не посылает никаких адресов, потому что «самарцы» к нам сами явятся...» (Л. И. Гольдман. «Организация и типография «Искры» в России (Из личных воспоминаний)». М., 1928, стр. 39).

ПИСЬМО А. Н. ПОТРЕСОВУ

Ранее 16 (29) марта 1902 года

Письмо В. И. Ленина, по-видимому, касалось планов переезда редакции «Искры» из Мюнхена в Лондон. «Сейчас получил Ваше письмо, — писал Ленину Потресов 16 (29) марта 1902 года. — Разумеется, *если выбирать между Женевой и Лондоном, я безусловно стою за последний.* Беда только — отдаленность... Но обсудили ли Вы хорошенько ненадежность Брюсселя?» (Ленинский сборник III, 1925, стр. 288).

ПИСЬМО А. Н. ПОТРЕСОВУ

24 марта (6 апреля) 1902 года

26 марта (8 апреля) 1902 года Потресов писал В. И. Ленину: «Только что получил Ваше письмо от 6-го... Из письма Г. В. я вижу, что он порядком раздражен и начинает питать сепаратистские стремления... Ваше сегодняшнее письмо выбило меня совершенно из равновесия — тут переезжать надо, и вдруг опять — diese alte Geschichte, которая все остается neu!**» (Ленинский сборник IV, 1925, стр. 96 и 97).

ПИСЬМО Н. А. АЛЕКСЕЕВУ

Ранее 30 марта (12 апреля) 1902 года

В марте 1902 года Н. А. Алексеев, русский социал-демократ, живший в то время в Лондоне, получил извещение, что редакция «Искры» вскоре переселяется в Лондон. «О том же мне написал и В. И. Ульянов, которого я до того времени лично не знал, — вспоминает он. — Владимир Ильич писал, что на мое имя будут приходить письма для некоего Якоба Рихтера и что эти письма будут для него» (Н. А. Алексеев. «В. И. Ленин в Лондоне (1902—1903 гг.)». В кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Ч. 1. М., 1956, стр. 215).

* — «самарцы» — бюро русской организации «Искры» (Г. М. и З. П. Кржижановские и др.), находившееся в Самаре. *Ред.*

** — эта старая история, которая все остается новой! *Ред.*

ДВА ПИСЬМА Ю. О. МАРТОВУ

Не позднее 30 марта (12 апреля) 1902 года

«Если Берг у Вас, попросите его написать мне пару слов о его планах... — писал В. И. Ленин П. Б. Аксельроду 5 (18) апреля 1902 года. — А главное: получил ли он 2 моих письма, посланных мною ему в субботу (12) утром по городской почте» (Ленинский сборник III, 1925, стр. 406).

СПИСОК ИСПРАВЛЕНИЙ К СТАТЬЕ «АГРАРНАЯ ПРОГРАММА РУССКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ»

Между 10 и 20 апреля (23 апреля и 3 мая) 1902 года

Как видно из «Ответов на замечания Плеханова и Аксельрода на статью «Аграрная программа русской социал-демократии»», В. И. Ленин снабдил рукопись статьи, посланной 20 апреля (3 мая) 1902 года П. Б. Аксельроду и Г. В. Плеханову для вторичного просмотра, списком исправлений (см. настоящий том, стр. 448).

«ПИСЬМО ДЛЯ К.»

Ранее 20 апреля (3 мая) 1902 года

20 апреля (3 мая) 1902 года В. И. Ленин писал П. Б. Аксельроду: «Дорогой П. Б.! На днях я послал Вам «письмо для К.», не прибавив ни единой строчки к Вам вследствие крайнего недосуга» (Сочинения, 4 изд., том 34, стр. 78).

ПИСЬМО Г. Д. ЛЕЙТЕЙЗЕНУ

21 апреля (4 мая) 1902 года

22 апреля (5 мая) 1902 года В. И. Ленин сообщал Г. Д. Лейтейзену, что накануне он послал ему в Париж очень важное письмо по адресу: 130 Mont Parnasse 130 — и просил его исполнить срочное поручение, изложенное в этом письме (Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).

ПИСЬМА В. В. КОЖЕВНИКОВОЙ

Апрель — июнь 1902 года

Уезжая в Лондон, пишет в своих воспоминаниях В. В. Кожевникова, «Владимир Ильич поручил мне издать в Мюнхене несколько номеров «Искры», чтобы не было перерыва в выходе

номеров, пока не организует типографию в Лондоне. Для этой работы я была в Мюнхене оставлена одна... Я строчила Владимиру Ильичу о всех своих затруднениях. И каждый день я получала от него ответы аккуратно, по пунктам, почти с каждой лондонской почтой, т. е. часто 4 раза в день. Ответы были точные, ясные, за все время (несколько месяцев) не было Владимиром Ильичем пропущено ни одного вопроса без ответа... Не забуду мелкий случай с апрельским номером «Искры» 1902 г. ... Вот номер напечатан, посылаю первые номера Владимиру Ильичу и спрашиваю, как он его находит. Владимир Ильич отвечает: «Номер прекрасен, видно, что корректор руку свою приложил», затем отвечает на массу вопросов, связанных с другим номером и разными делами, а в виде P. S. приписывает: «Вот только Апрела так не пишется»» (В. Кожевникова. «В годы старой «Искры» (1901—1902 гг.)». — «Пролетарская Революция», 1924, № 3, стр. 136 и 137).

ПИСЬМА А. М. КАЛМЫКОВОЙ

Апрель — июль 1902 года

В письмах В. И. Ленину и Н. К. Крупской 22 апреля (5 мая), 29 апреля (12 мая) и 12 (25) июля 1902 года А. М. Калмыкова сообщала о получении ею писем адресатов (Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).

ПИСЬМО А. Н. ПОТРЕСОВУ

1 (14) мая 1902 вода

Письмо написано, по-видимому, в связи с получением В. И. Лениным замечаний Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода на его статью «Аграрная программа русской социал-демократии». 3 (16) мая 1902 года Потресов писал Ленину: «Только что получил Ваше письмо от 14-го, но статьи еще нет. С нетерпением жду» (Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).

ПИСЬМО А. Н. ПОТРЕСОВУ

Ранее 26 мая (8 июня) 1902 года

26 мая (8 июня) 1902 года А. Н. Потресов писал В. И. Ленину: «Запоздал я с своим ответом на Ваше письмо, Вл. Ил., и каюсь в этом: была у меня такая полоса, что не мог толком составить письма...» (Ленинский сборник IV, 1925, стр. 104).

ПИСЬМО А. Н. ПОТРЕСОВУ

Не позднее 1 (14) июня 1902 года

Это письмо по поводу серьезных разногласий в редакции «Искры» — «Зари» В. И. Ленин переслал через Л. И. Аксельрод-Ортодокс, которой он писал 1 (14) июня 1902 года: «Многоуважаемая Л. И.! Будьте так добры, передайте или перешлите Арсеньеву (Л. Гр.) прилагаемое письмо» (Ленинский сборник XI, 1931, стр. 334).

В ответном письме (16 июня 1902 г.) Потресов сообщал Ленину: «Сейчас получил Ваше письмо. Я предлагаю следующее: от имени нас троих посылается *ультиматум* — либо статья идет без изменений, оговорок и плехановских возражений, либо книжка «Зари» задерживается печатанием, и нами поднимается вопрос о *расколе,* о расхождении. Такой способ действия и рациональнее, и с формальной стороны безупречнее, чем предложенное Вами обструкционирование плехановской статьи» (Ленинский сборник IV, 1925, стр. 118).

ПИСЬМО А. Н. ПОТРЕСОВУ

Ранее 5 (18) июня 1902 года

В письме В. И. Ленину А. Н. Потресов писал 6 (19) июня 1902 года: «Мне очень нравится Ваш проект, Владимир Ильич, и я его принимаю. В этом смысле я пишу К). О—чу, который напрасно боится взять на себя odium разрыва*. То, что Вы предлагаете, я считаю самым практичным. Потерять мы не много потеряем: «Заря» все равно у нас не ладилась, а теперь, по крайней мере, расцветет «Искра»» (Ленинский сборник IV, 1925, стр. 122).

ДВА ПИСЬМА Ю. О. МАРТОВУ

Не позднее 5 (18) июня 1902 года

Об этих письмах известно из письма А. Н. Потресова В. И. Ленину от 8 (21) июня 1902 года: «Сейчас получил Ваше письмо от 18-го. Одно Ваше письмо к Юлию (с проектом) также получил, другого пока еще нет» (Ленинский сборник IV, 1925, стр. 127).

ПИСЬМО А. Н. ПОТРЕСОВУ

5 (18) июня 1902 года

«Сейчас получил Ваше письмо от 18-го.., — сообщал А. Н. Потресов 8 (21) июня 1902 года. — Как я уже Вам писал, я совершенно согласен с Вашим проектом; действительно: то, что Вы предлагаете, лучше моего ультиматума. Передадим Плеханову

* — неприятную ответственность за разрыв. *Ред.*

«Зарю»... Вы были совершенно правы, указывая на существующие недостатки «Зари», на ее поразительную неповоротливость, на то, что она не столько редактируется, сколько механически составляется etc. И предложенный Вами выход: расширить «Искру» и выпускать брошюры — лучшее, что можно придумать» (Ленинский сборник IV, 1925, стр. 127).

ПИСЬМО А. Н. ПОТРЕСОВУ

8 (21) июня 1902 года

«Сейчас получил Ваше письмо от 21-го. Надеюсь завтра составить то письмо, о котором Вы упоминаете», — писал А. Н. Потресов В. И. Ленину 10 (23) июня 1902 года (Ленинский сборник IV, 1925, стр. 131).

ПИСЬМО П. Б. АКСЕЛЬРОДУ

Ранее 9 (22) июня 1902 года

В этом письме В. И. Ленин, по-видимому, просил сообщить о возможности устройства в Берлине его реферата. П. Б. Аксельрод, отвечая В. И. Ленину, писал 10 (23) июня: «Вчера получил Ваше письмо, дорогой В. И. ... По моему мнению, кой-какая опасность читать здесь реферат есть. По некоторым признакам местная полиция собирается совершить набег на русских и поочистить Берлин от кой-кого из них» (Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).

РЕФЕРАТ ПРОТИВ ЭСЕРОВ НА СОБРАНИИ РУССКИХ ПОЛИТЭМИГРАНТОВ В ПАРИЖЕ

14 (27) июня 1902 года

ПИСЬМО Ю. О. МАРТОВУ

Ранее 29 июня (12 июля) 1902 года

Об этом письме В. И. Ленин упоминает в письме Г. В. Плеханову 29 июня (12 июля) 1902 года: «С «союзниками»*, по-моему, нечего теперь объединяться: они держат себя нахально и «изобидели» жестоко Берга в Париже. Может быть, он Вам перешлет мое письмо, где я подробно мотивирую необходимость строгости и большой осторожности с ними» (Ленинский сборник IV, 1925, стр. 139—140).

* — «союзники» — члены заграничного «Союза русских социал-демократов». *Ред.*

ПИСЬМО В. А. НОСКОВУ

Не ранее 3 (16) июля 1902 года

«Ваши письма, В. И. и Л. Г., получил, — писал В. И. Ленину и Л. Г. Дейчу В. А. Носков. — Действительно, очевидно, скопились недоразумения... Что касается съезда, о котором я говорю (Вы пишете это), так это съезд российских товарищей-искряков, о котором мы совместно толковали» (Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).

ПИСЬМО Н. К. КРУПСКОЙ

Ранее 8 (21) июля 1902 года

Н. К. Крупская писала 8 (21) июля 1902 года А. Н. Потресову: «Володя еще не вернулся, пробудет еще дней 10, пишет, что поправляется, оно и не мешает, а то последнее время он чувствовал себя совсем плохо» («Социал-демократическое движение в России». Материалы. Т. 1. М.—Л., 1928, стр. 97).

ПИСЬМО В. А. НОСКОВУ

Ранее 20 июля (2 августа) 1902 года

Об этом письме известно из письма Носкова Ленину от 20 июля (2 августа) 1902 года (Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).

ПИСЬМО Ф. И. ЩЕКОЛДИНУ

Ранее 22 июля (4 августа) 1902 года

Из письма В. И. Ленина В. А. Носкову 22 июля (4 августа) 1902 года: «Дорогой Б. Н.! Получил оба Ваши письма и очень рад был узнать, увидеть из них, что мнимые «недоразумения» действительно оказываются *дымом,* как я уже и писал Повару[*] (я писал ему, что я уверен в этом)» (Сочинения, 4 изд., том 34, стр. 89).

ПИСЬМА Л. Г. ДЕЙЧУ и В. А. НОСКОВУ

Конец июля — начало августа 1902 года

«Только что приехал от Л. Г., у которого прочел Ваше письмо, касающееся меня, а приехав обратно в Zürich, мог снова прочесть почти то же письмо к себе, — писал В. А. Носков В. И. Ленину. —

[*] Ф. И. Щеколдину. *Ред.*

О «крайне конспиративном деле», о котором Вы «считали совершенно излишним сообщать хоть одному лишнему человеку» — я и не сообщал... «Не знаю», пишете Вы, кого мне удастся выловить для России, объехав несколько городов, что называется, с налету...» (Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).

ПИСЬМО И. Х. ЛАЛАЯНЦУ

6 (19) августа 1902 года

В. И. Ленин писал П. Б. Аксельроду 6 (19) августа 1902 года: «Сию минуту получил телеграмму, что Колумб* у Вас. Тысячу приветов старому другу! Прилагаю ему письмо» (Ленинский сборник IV, 1925, стр. 155).

ПИСЬМО В. А. НОСКОВУ

Конец августа — начало сентября 1902 года

Об этом письме В. И. Ленина по поводу предполагавшейся поездки П. Б. Аксельрода в Мюнхен на съезд Германской социал-демократической партии, известно из ответного письма В. А. Носкова (Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).

---

* И. Х. Лалаянц. *Ред.*

СПИСОК ИЗДАНИЙ И ДОКУМЕНТОВ, В РЕДАКТИРОВАНИИ КОТОРЫХ ПРИНИМАЛ УЧАСТИЕ В. И. ЛЕНИН

ГАЗЕТА «ИСКРА»

№ 14 — 1 января 1902 г.

№ 15 — 15 января 1902 г.

№ 16 — 1 февраля 1902 г.

№ 17 — 15 февраля 1902 г.

№ 18 — 10 марта 1902 г.

№ 19 — 1 апреля 1902 г.

№ 20 — 1 мая 1902 г.

№ 21 — 1 июня 1902 г.

№ 22 — июль 1902 г.

№ 23 — 1 августа 1902 г.

№ 24 — 1 сентября 1902 г.

ПРОЕКТ СОГЛАШЕНИЯ О СОСТАВЛЕНИИ КОМИССИОННОГО ПРОЕКТА ПРОГРАММЫ РСДРП

Проект соглашения написан В. И. Засулич в середине марта 1902 года, после того как редакции «Искры» были представлены два проекта программы РСДРП: В. И. Ленина и Г. В. Плеханова. Этот проект соглашения был предложен мюнхенской частью редакции «Искры» (В. И. Ленин, В. И. Засулич, Ю. О. Мартов) остальным членам редакции (Г. В. Плеханову, П. Б. Аксельроду и А. Н. Потресову) в качестве основы для составления комиссией общего проекта программы из проектов Ленина и Плеханова. «Велика Дмитриевна посылала Вам программу Г. В. и наш проект «комиссионного улажения» дела посредством арбитражной комиссии sui generis*», — писал Ленин Аксельроду 9 (22) марта 1902 года (Сочинения, 4 изд., том 36, стр. 75). О том же писала Засулич Плеханову: «Вы уже получили или завтра получите от Павла коллективное предложение улаживания дела с программой» (из архива Дома Плеханова). В соответствии с этим соглашением был выработан комиссионный проект программы.

* — своего рода. *Ред.*

ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ РСДРП,
ВЫРАБОТАННЫЙ РЕДАКЦИЕЙ «ИСКРЫ» И «ЗАРИ»

Напечатан в «Искре» № 21, 1 июня 1902 года и «Заре» № 4, август 1902 года, позднее был напечатан отдельным изданием.

ЖУРНАЛ «ЗАРЯ»

№ 4 — август 1902 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Книга *«Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения»* была задумана В. И. Лениным еще весной 1901 года: написанная в мае статья «С чего начать?» была, по его словам, наброском плана, который был впоследствии подробно развит в «Что делать?» (см. Сочинения, 5 изд., том 5, стр. 9). Вплотную к работе над книгой Ленин приступил только осенью 1901 года. В декабре в «Искре» № 12 была напечатана статья Ленина «Беседа с защитниками экономизма», которую он впоследствии называл конспектом «Что делать?»; в этой статье Ленин писал: «... Мы могли здесь только бегло затронуть спорные вопросы. Подробному разбору их мы посвятим особую брошюру, которая выйдет в свет, мы надеемся, месяца через полтора» (там же, стр. 367). В январе 1902 года Ленин заканчивает работу над книгой, в феврале пишет предисловие, а 10 марта, в «Искре» № 18, было напечатано сообщение о ее выходе из печати.

Книга «Что делать?» сыграла выдающуюся роль в борьбе за революционную марксистскую партию рабочего класса России, в победе ленинско-искровского направления в комитетах и организациях РСДРП, а затем, в 1903 году, на ее II съезде.

В 1902—1903 годах книга получила широкое распространение в социал-демократических организациях всей России; ее находили при обысках и арестах социал-демократов в Киеве и Москве, Петербурге и Нижнем Новгороде, в Казани, Одессе и других городах. ««Что делать?» оказывает... сильное влияние на русских деятелей, — отмечалось в докладе организации «Искры» II съезду РСДРП, — целый ряд лиц, по их собственному признанию, становятся сторонниками «Искры», благодаря влиянию этой книги» («Доклады соц.-демократических комитетов Второму съезду РСДРП».

М.—Л., 1930, стр. 44). Книга захватила «особенно тех, кто ближе стоял к русской работе», вспоминала Н. К. Крупская (Воспоминания о Ленине. М., 1957, стр. 52). Секретарь бюро русской организации «Искры» З. П. Кржижановская-Невзорова сообщала из Самары в редакцию «Искры»: «О «Что делать?»... пока слышим только хвалебные отзывы», «написана она превосходно, действительно, и тон прекрасный» («Пролетарская Революция», 1928, № 6—7, стр. 149). Агент «Искры» И. И. Радченко писал из Петербурга: «Везде оперирую ленинским плугом, как самым лучшим производительным возделывателем почвы. Он прекрасно сдирает кору рутины, разрыхляет почву, обещающую произвести злаки. Раз повстречаются на пути плевелы, посеянные «Рабочим Делом», он всегда уничтожает их с корнем. Замечательно!» (Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС). Московский комитет РСДРП обратился в редакцию «Искры» с выражением благодарности В. И. Ленину за «Что делать?». В ответ на это письмо Ленин писал Московскому комитету: «Ваше выражение благодарности за «Что делать?» мы поняли и могли, разумеется, понять только в том смысле, что в этой книге вы нашли ответы на *ваши собственные* вопросы, что вы *сами* из *непосредственного* знакомства с движением вынесли то убеждение в необходимости более смелой, более крупной, более *объединенной,* более централизованной, более сплоченной вокруг одного газетного центра работы, — которое формулировано и в этой книге» (Сочинения, 4 изд., том 6, стр. 186).

В редакции «Искры» при оценке книги Ленина обнаружились разногласия. Г. В. Плеханов выступил на совещании редакции в Мюнхене в январе 1902 года с критикой некоторых положений книги, в то время как А. Н. Потресов прислал о ней восторженный отзыв. Однако эти разногласия не вышли за рамки редакции «Искры». Основное положение книги «Что делать?»: о соотношении сознательного и стихийного элементов рабочего движения, о руководящей роли партии в революционной классовой борьбе пролетариата, — было сформулировано в проекте программы РСДРП, выработанном редакцией «Искры», по общему согласию всех членов редакции. «Следовательно, — писал В. И. Ленин позднее, при переиздании книги в 1907 году, — ни о какой принципиальной разнице между проектом программы и «Что делать?» по этому вопросу не могло быть и речи» (Сочинения, 4 изд., том 13, стр. 91). На II съезде РСДРП антиискровцы (Мартынов, Акимов) свои выступления против выработанного редакцией «Искры» проекта программы построили на критике «Что делать?»; однако большинство съезда, искровцы (в том числе Плеханов и Мартов) солидаризировались с книгой Ленина, с ее постановкой вопроса о роли «сознательного элемента», т. е. социал-демократии, в революционном движении

пролетариата. После II съезда РСДРП, когда меньшевики приступили к систематической ревизии всех основных идей старой «Искры», задачу «опровержения» высказанных в «Что делать?» взглядов Ленина взял на себя Плеханов, заявивший задним числом о своем принципиальном разногласии с ним по вопросу о сознательности и стихийности. Ответом Плеханову явилась статья В. В. Воровского «Плоды демагогии» («Вперед» № 11, 23 (10) марта 1905 года), проредактированная и дополненная Лениным.

Книга «Что делать?» была переиздана В. И. Лениным в сборнике «За 12 лет» (ноябрь 1907 года, на обложке и титульном листе указан 1908 год). Для этого издания Ленин несколько сократил книгу, опустив отдельные подробности и мелкие полемические замечания. В то же время новое издание было дополнено пятью подстрочными примечаниями.

В настоящем томе «Что делать?» печатается по тексту издания 1902 года, сверенному с изданием 1907 года. — *1.*

2 *«Искра»* — первая общерусская нелегальная марксистская газета, основанная В. И. Лениным в 1900 году и сыгравшая решающую роль в создании революционной марксистской партии рабочего класса.

Ввиду невозможности выпускать революционную газету в России из-за полицейских преследований Ленин еще в сибирской ссылке обдумал во всех подробностях план издания ее за границей. По окончании ссылки (январь 1900 года) он немедленно приступил к осуществлению этого плана. В феврале 1900 года в Петербурге Ленин вел переговоры с приехавшей нелегально из-за границы В. И. Засулич об участии группы «Освобождение труда» в издании общерусской марксистской газеты. В конце марта — начале апреля 1900 года происходило так называемое «Псковское совещание» В. И. Ленина, Ю. О. Мартова, А. Н. Потресова, С. И. Радченко с «легальными марксистами» — П. Б. Струве и М. И. Туган-Барановским, на котором обсуждался ленинский проект заявления редакции о программе и задачах общерусской газеты («Искра») и научно-политического журнала («Заря»). Ленин объехал ряд городов России (Москву, Петербург, Ригу, Смоленск, Нижний Новгород, Уфу, Самару, Сызрань), установил связи с социал-демократическими группами и отдельными социал-демократами и договорился с ними о поддержке будущей «Искры». По приезде Ленина в Швейцарию, в августе 1900 года, состоялось совещание В. И. Ленина и А. Н. Потресова с членами группы «Освобождение труда» о программе и задачах газеты и журнала, возможных сотрудниках, составе редакции и ее местопребывании; эти переговоры едва не кончились разрывом (см. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 334—352), однако к концу

переговоров удалось достичь соглашения с группой «Освобождение труда» по всем спорным вопросам.

Первый номер ленинской «Искры» вышел в декабре 1900 года в Лейпциге, последующие номера выходили в Мюнхене, с июля 1902 года — в Лондоне и с весны 1903 года — в Женеве; большую помощь в организации издания «Искры» оказали германские социал-демократы К. Цеткин, А. Браун и др., живший в те годы в Мюнхене польский революционер Ю. Мархлевский и Г. Квелч — один из руководителей английской Социал-демократической федерации. В редакцию «Искры» входили В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, Ю. О. Мартов, П. Б. Аксельрод, А. Н. Потресов и В. И. Засулич. Секретарем редакции сначала была И. Г. Смидович-Леман, а затем, с весны 1901 года, Н. К. Крупская, ведавшая также всей перепиской «Искры» с русскими социал-демократическими организациями.

В центре внимания «Искры» стояли вопросы революционной борьбы пролетариата и всех трудящихся России против царского самодержавия, большое внимание уделялось важнейшим событиям международной жизни, главным образом, международного рабочего движения. Ленин был фактически главным редактором и руководителем «Искры», выступал со статьями по всем основным вопросам строительства партии и классовой борьбы пролетариата России.

«Искра» стала центром объединения партийных сил, собирания и воспитания партийных кадров. В ряде городов России (Петербург, Москва, Самара и др.) были созданы группы и комитеты РСДРП ленинско-искровского направления, а в январе 1902 года на съезде искровцев в Самаре была основана русская организация «Искры». Искровские организации возникали и работали под непосредственным руководством учеников и соратников В. И. Ленина — Н. Э. Баумана, И. В. Бабушкина, С. И. Гусева, М. И. Калинина, П. А. Красикова, Г. М. Кржижановского, Ф. В. Ленгника, П. Н. Лепешинского, И. И. Радченко и др.

По инициативе Ленина и при его непосредственном участии редакция «Искры» разработала проект программы партии (опубликован в № 21 «Искры») и подготовила II съезд РСДРП, состоявшийся в июле — августе 1903 года. Ко времени созыва съезда большинство местных социал-демократических организаций России присоединилось к «Искре», одобрило ее тактику, программу и организационный план, признало ее своим руководящим органом. В специальном постановлении съезд отметил исключительную роль «Искры» в борьбе за партию и объявил ее Центральным Органом РСДРП. На II съезде была утверждена редакция в составе Ленина, Плеханова и Мартова. Мартов, настаивавший на сохранении всей прежней шестерки редакторов, отказался войти в редакцию, вопреки решению съезда партии, и №№ 46—51 «Искры» вышли под редакцией Ленина и Плеханова.

В дальнейшем Плеханов перешел на позиции меньшевизма и потребовал включения в состав редакции «Искры» всех старых редакторов-меньшевиков, отвергнутых съездом. Ленин не мог согласиться с этим и 19 октября (1 ноября) 1903 года вышел из редакции «Искры»; он был кооптирован в ЦК и оттуда повел борьбу с оппортунистами-меньшевиками. № 52 «Искры» вышел под редакцией одного Плеханова. 13 (26) ноября 1903 года Плеханов единолично, нарушая волю съезда, кооптировал в состав редакции «Искры» бывших ее редакторов-меньшевиков. С № 52 меньшевики превратили «Искру» в свой орган. — *3.*

[3] Весной и летом 1901 года между заграничными социал-демократическими организациями («Союз русских социал-демократов», Заграничный комитет Бунда, революционная организация «Социал-демократ» и заграничный отдел организации «Искры» — «Зари») при посредстве и по инициативе группы «Борьба» велись переговоры о соглашении и объединении. Для подготовки съезда, на котором должно было произойти объединение, в Женеве в июне 1901 года была созвана конференция представителей этих организаций, — отсюда ее название: «июньская» или «женевская» конференция. На этой конференции была выработана резолюция («принципиальное соглашение»), признавшая необходимым сплочение всех социал-демократических сил России и, в частности, объединение заграничных социал-демократических организаций, осудившая оппортунизм во всех его проявлениях и оттенках: «экономизм», бернштейнианство, мильеранизм и т. п. (см. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1954, стр. 22—24). Однако новый поворот «Союза русских социал-демократов» и его органа — журнала «Рабочее Дело» к оппортунизму (статьи Б. Кричевского «Принципы, тактика и борьба» и А. Мартынова «Обличительная литература и пролетарская борьба» в № 10 «Рабочего Дела» за сентябрь 1901 года и оппортунистические поправки III съезда «Союза» к резолюции июньской конференции) предопределил неудачу попытки объединения.

«Объединительный» съезд заграничных организаций РСДРП происходил 21—22 сентября (4—5 октября) 1901 года в Цюрихе. На съезде были представлены 6 членов организации «Искры» — «Зари» (В. И. Ленин, Н. К. Крупская, Ю. О. Мартов и др.), 8 членов революционной организации «Социал-демократ» (в том числе 3 члена группы «Освобождение труда»: Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич), 16 членов «Союза русских социал-демократов» (в том числе 5 членов Заграничного комитета Бунда) и 3 члена группы «Борьба». По первому вопросу порядка дня: «Принципиальное соглашение и инструкция редакциям» с яркой речью выступил В. И. Ленин, присутствовавший на съезде под

псевдонимом «Фрей» (см. Сочинения, 5 изд., том 5, стр. 271 — 275). Это было первое публичное выступление В. И. Ленина среди русских социал-демократов за границей. На съезде были оглашены оппортунистические поправки и дополнения к июньской резолюции, принятые III съездом «Союза русских социал-демократов». Ввиду этого революционная часть съезда — члены организаций «Искры» — «Зари» и «Социал-демократ» — огласила заявление о невозможности объединения и покинула съезд. По инициативе В. И. Ленина эти организации в октябре 1901 года объединились в Заграничную лигу русской революционной социал-демократии. — *3.*

4 *«Рабочее Дело»* — журнал, орган «Союза русских социал-демократов за границей». Выходил в Женеве с апреля 1899 по февраль 1902 года под редакцией Б. Н. Кричевского, П. Ф. Теплова (Сибиряка), В. П. Иваншина, а затем и А. С. Мартынова; вышло 12 номеров (девять книг). Редакция «Рабочего Дела» являлась заграничным центром «экономистов»; «Рабочее Дело» поддерживало бернштейнианский лозунг «свободы критики» марксизма, стояло на оппортунистических позициях в вопросах тактики и организационных задач русской социал-демократии, отрицало революционные возможности крестьянства и т. п. «Рабочедельцы» пропагандировали оппортунистические идеи подчинения политической борьбы пролетариата экономической борьбе, преклонялись перед стихийностью рабочего движения и отрицали руководящую роль партии. Один из редакторов «Рабочего Дела» В. П. Иваншин принимал участие в редактировании «Рабочей Мысли» — органа откровенных «экономистов», которому «Рабочее Дело» оказывало поддержку. На II съезде РСДРП «рабочедельцы» представляли крайне правое, оппортунистическое крыло партии. — *3.*

5 *«Рабочая Газета»* — нелегальный орган киевских социал-демократов; выходила в Киеве при участии и под редакцией Б. Л. Эйдельмана, П. Л. Тучапского, Н. А. Вигдорчика и других. Всего вышло два номера газеты: № 1 — в августе 1897 года и № 2 — в декабре (помечен ноябрем) того же года. Ездивший за границу П. Л. Тучапский по поручению редакции ознакомил Г. В. Плеханова и других членов группы «Освобождение труда» с № 1 «Рабочей Газеты» и получил их согласие на сотрудничество в газете. Г. В. Плеханов в письме к членам редакции дал положительную оценку «Рабочей Газеты» как общерусского социал-демократического органа и указал на необходимость уделять больше внимания вопросам политической борьбы пролетариата. № 2 «Рабочей Газеты» в результате связи с группой «Освобождение труда» носил более определенный политический характер. Группировавшиеся вокруг «Рабочей Газеты» социал-демократы вели работу по подготовке I съезда РСДРП.

I съезд РСДРП (март 1898 года) признал «Рабочую Газету» официальным органом партии. После съезда вследствие ареста членов Центрального Комитета и редакции «Рабочей Газеты», а также разгрома типографии, третий номер газеты, подготовленный к сдаче в набор, не увидел света. В 1899 году была предпринята попытка возобновить издание «Рабочей Газеты»; об этой попытке рассказывает В. И. Ленин в разделе «а» пятой главы «Что делать?» (см. настоящий том, стр. 158—159). — *4*.

[6] *Лассальянцы и эйзенахцы* — две партии в германском рабочем движении 60-х и начала 70-х годов XIX века, между которыми шла ожесточенная борьба главным образом по вопросам тактики и прежде всего по самому острому вопросу политической жизни Германии тех лет: о путях ее воссоединения.

Лассальянцы — сторонники и последователи немецкого мелкобуржуазного социалиста Ф. Лассаля, члены Всеобщего германского рабочего союза, который был основан в 1863 году на съезде рабочих обществ в Лейпциге — в противовес буржуазным прогрессистам, стремившимся подчинить рабочий класс своему влиянию. Первым президентом ВГРС был Лассаль, сформулировавший программу и основы тактики Союза. Борьба за всеобщее избирательное право была провозглашена политической программой ВГРС, создание производительных рабочих ассоциаций, субсидируемых государством, — его экономической программой. В своей практической деятельности Лассаль, его сторонники и преемники, приспособлявшиеся к гегемонии Пруссии, поддерживали великодержавническую политику Бисмарка; «объективно, — писал Ф. Энгельс К. Марксу 27 января 1865 года, — это было подлостью и предательством в пользу пруссаков всего рабочего движения» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXIII, 1932, стр. 232). К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно и резко критиковали теорию, тактику и организационные принципы лассальянства как оппортунистического течения в германском рабочем движении.

Эйзенахцы — члены Социал-демократической рабочей партии Германии, основанной в 1869 году на учредительном съезде в Эйзенахе. Вождями эйзенахцев были А. Бебель и В. Либкнехт, находившиеся под идейным влиянием К. Маркса и Ф. Энгельса. В эйзенахской программе указывалось, что Социал-демократическая рабочая партия Германии считает себя «секцией Международного товарищества рабочих и разделяет его стремления». Эйзенахцы, благодаря постоянным советам и критике Маркса и Энгельса, проводили более последовательную революционную политику, чем лассальянский Всеобщий германский рабочий союз; в частности, в вопросах воссоединения Германии они

отстаивали «демократический и пролетарский путь, борясь с малейшими уступками пруссачеству, бисмарковщине, национализму» (В. И. Ленин. Сочинения, 4 изд., том 19, стр. 265).

Создание Германской империи в 1871 году устранило главное тактическое расхождение между лассальянцами и эйзенахцами, и в 1875 году, под влиянием подъема рабочего движения и усиления правительственных репрессий, обе партии объединились на съезде в Готе в единую Социалистическую рабочую партию Германии (впоследствии — Социал-демократическая партия Германии). О программе, принятой на Готском съезде, см. примечание 37. — *6.*

[7] *Гедисты и поссибилисты* — революционное и оппортунистическое течения во французском социалистическом движении, образовавшие в 1882 году, после раскола Рабочей партии Франции на Сент-Этьеннском конгрессе, две партии:

Гедисты — сторонники Ж. Геда и П. Лафарга — левое марксистское течение, отстаивавшее самостоятельную революционную политику пролетариата. Гедисты сохранили название «Рабочая партия Франции» и остались верны принятой в 1880 году Гаврской программе партии, теоретическая часть которой была написана К. Марксом. Они пользовались большим влиянием в промышленных центрах Франции, объединяли передовые элементы рабочего класса.

Поссибилисты (П. Брусс, Б. Малон и др.) — мелкобуржуазное, реформистское течение, отвлекавшее пролетариат от революционных методов борьбы. Поссибилисты образовали «Рабочую социально-революционную партию»; они отрицали революционную программу и революционную тактику пролетариата, затушевывали социалистические цели рабочего движения, предлагали ограничивать борьбу рабочих рамками «возможного» (possible), — отсюда и название партии. Влияние поссибилистов распространялось главным образом на более экономически отсталые районы Франции и менее развитые слои рабочего класса.

В конце XIX — начале XX века, в связи с вступлением «социалиста» Мильерана в буржуазное министерство, в рядах французского социализма происходит новая перегруппировка сил: сторонники революционной классовой борьбы во главе с Ж. Гедом объединились в 1901 году в Социалистическую партию Франции (членов которой также стали называть по имени ее вождя — гедиетами); реформисты, приверженцы сотрудничества с буржуазией и участия в органах управления буржуазного государства («министериалисты»), образовали в 1902 году Французскую социалистическую партию во главе с Ж. Жоресом. В 1905 году обе партии объединились в одну, Французскую социалистическую партию. Во время империалистической войны 1914—1918 го-

дов руководство этой партии (Гед, Самба и др.), изменив делу рабочего класса, перешло на позиции социал-шовинизма. — *6*.

[8] *Фабианцы* — члены Фабианского общества, английской реформистской организации, основанной в 1884 году; свое название общество получило по имени римского полководца III века до н. э. Фабия Максима, прозванного «Кунктатором» («Медлителем») за его выжидательную тактику, уклонение от решительных боев в войне с Ганнибалом. Членами Фабианского общества были преимущественно представители буржуазной интеллигенции — ученые, писатели, политические деятели (как, например, С. и Б. Вебб, Б. Шоу, Р. Макдональд и др.); они отрицали необходимость классовой борьбы пролетариата и социалистической революции и утверждали, что переход от капитализма к социализму возможен только путем мелких реформ, постепенных преобразований общества. Враждебное марксизму Фабианское общество играло и играет роль одного из проводников буржуазного влияния на рабочий класс, рассадника оппортунистических и социал-шовинистских идей в английском рабочем движении. В. И. Ленин характеризовал фабианство как «направление *крайнего оппортунизма»* (Сочинения, 4 изд., том 13, стр. 328). В 1900 году Фабианское общество вошло в лейбористскую партию. «Фабианский социализм» служит одним из источников идеологии лейбористов.

Социал-демократы. — Ленин имеет в виду членов английской Социал-демократической федерации, основанной также в 1884 году. Наряду с реформистами (Гайндман и др.) и анархистами в Социал-демократическую федерацию входила группа революционных социал-демократов, сторонников марксизма (Г. Квелч, Т. Манн, Э. Эвелинг, Элеонора Маркс и др.), составлявших левое крыло социалистического движения Англии. Ф. Энгельс резко критиковал Социал-демократическую федерацию за догматизм и сектантство, за оторванность от массового рабочего движения Англии и игнорирование его особенностей. В 1907 году Социал-демократическая федерация была названа Социал-демократической партией; последняя в 1911 году, совместно с левыми элементами Независимой рабочей партии, образовала Британскую социалистическую партию; в 1920 году большинство членов этой партии приняло участие в основании Коммунистической партии Великобритании. — б.

[9] *Народовольцы* — члены тайной политической организации народников-террористов «Народная воля», возникшей в августе 1879 года в результате раскола народнической организации «Земля и воля». Во главе «Народной воли» стоял Исполнительный комитет, в состав которого входили А. И. Желябов,

А. Д. Михайлов, М. Ф. Фроленко, Н. А. Морозов, В. Н. Фигнер, С. Л. Перовская, А. А. Квятковский и др. Оставаясь на позициях утопического народнического социализма, народовольцы, вместе с тем, выдвигали задачи достижения политической свободы. Их программа предусматривала организацию «постоянного народного представительства», избранного на основе всеобщего избирательного права, провозглашение демократических свобод, передачу земли народу, разработку мер по переходу в руки рабочих заводов и фабрик. Ближайшей целью «Народной воли» было свержение царского самодержавия. Но, исходя из ошибочной теории об «активных» героях и «пассивной» толпе, народовольцы рассчитывали добиться переустройства общества без участия народа, своими силами, путем индивидуального террора.

После 1 марта 1881 года (убийство Александра II) правительство жестокими преследованиями, казнями и провокацией разгромило организацию «Народной воли». Неоднократные попытки возродить «Народную волю», предпринимавшиеся на протяжении 80-х годов, были безрезультатны. Так, в 1886 году возникла группа, возглавляемая А. И. Ульяновым (братом В. И. Ленина) и П. Я. Шевыревым, разделявшая традиции «Народной воли». После неудачной попытки организовать покушение на Александра III в 1887 году группа была раскрыта и активные участники ее казнены.

Критикуя ошибочную, утопическую программу народовольцев, В. И. Ленин в то же время с большим уважением отзывался о самоотверженной борьбе членов «Народной воли» с царизмом. В 1899 году, в «Протесте российских социал-демократов», он указывал, что «деятели старой «Народной воли» сумели сыграть громадную роль в русской истории, несмотря на узость тех общественных слоев, которые поддерживали немногих героев, несмотря на то, что знаменем движения служила вовсе не революционная теория» (Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 176). — *6*.

[10] *Бернштейнианцы* — представители враждебного марксизму течения в германской и международной социал-демократии, возникшего в конце XIX века и названного по имени Эд. Бернштейна, наиболее откровенного представителя право-оппортунистических тенденций в Германской социал-демократической партии.

В 1896—1898 годах Бернштейн выступил в теоретическом органе германской социал-демократии журнале «Die Neue Zeit» («Новое Время») с серией статей «Проблемы социализма», в которых под флагом «свободы критики» пытался подвергнуть пересмотру (ревизии, отсюда — «ревизионизм») философские, экономические и политические основы революционного марксизма и заменить их буржуазными теориями примирения классовых противоречий и классового сотрудничества; он нападал на учение Маркса об обнищании

рабочего класса, о растущих классовых противоречиях, о кризисах, о неизбежном крахе капитализма, о социалистической революции и диктатуре пролетариата — и выдвигал программу социал-реформизма, выраженную в формуле «движение — все, конечная цель — ничто». В 1899 году статьи Бернштейна вышли отдельной книгой под заглавием «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии». Книга встретила поддержку правого крыла германской социал-демократии и оппортунистических элементов в других партиях II Интернационала, в том числе российских «экономистов».

На съездах Германской социал-демократической партии — Штутгартском (октябрь 1898 г.), Ганноверском (октябрь 1899 г.) и Любекском (сентябрь 1901 г.) — бернштейнианство было осуждено, но партия не отмежевалась от Бернштейна, заняв примиренческую позицию. Бернштейнианцы продолжали открыто пропагандировать ревизионистские идеи в журнале «Sozialistische Monatshefte» («Социалистический Ежемесячник») и в партийных организациях.

Только партия большевиков во главе с В. И. Лениным вела последовательную и решительную борьбу против бернштейнианства и его сторонников в России. Ленин выступил против бернштейнианцев уже в 1899 году, в «Протесте российских социал-демократов» и в статье «Наша программа» (см. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 163—176 и 182—186). Разоблачению бернштейнианства были посвящены также его работы «Марксизм и ревизионизм» (см. Сочинения, 4 изд., том 15, стр. 15—25), «Разногласия в европейском рабочем движении» (там же, том 16, стр. 317—322) и другие. — *6.*

[11] *Юпитер и Минерва* — боги древнеримского пантеона. Юпитер — бог неба, света и дождя, громовержец; позднее — верховное божество римского государства. Минерва — богиня войны и покровительница ремесел, наук и искусств. В римской мифологии Юпитер и Минерва отождествляются с греческими богами Зевсом и Афиной; на них переносятся все мифы о Зевсе и Афине, в том числе миф о рождении Афины во всеоружии из головы Зевса. — *8.*

[12] В. И. Ленин приводит в собственном переводе выдержку из предисловия Ф. Энгельса к третьему немецкому изданию работы К. Маркса «Der achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte» («Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта») (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. I, 1955, стр. 210). — *8.*

[13] *«Союз русских социал-демократов за границей»* был основан в 1894 году по инициативе группы «Освобождение труда» на условиях признания всеми его членами программы

группы. На группу было возложено редактирование изданий «Союза», и в марте 1895 года она передала в пользование «Союза» свою типографию. Летом 1895 года, во время пребывания за границей В. И. Ленина, было принято решение об издании «Союзом» сборников «Работник», причем российские социал-демократы, по предложению которых предпринималось это издание, поставили условием редактирование сборников группой «Освобождение труда». «Союз» выпустил 6 номеров «Работника», 10 номеров «Листка «Работника»», издал работу В. И. Ленина «Объяснение закона о штрафах» (1897), работу Г. В. Плеханова «Новый поход против русской социал-демократии» (1897) и др.

I съезд РСДРП (март 1898 г.) признал «Союз» заграничным представителем партии. В дальнейшем в «Союзе» взяли перевес оппортунистические элементы — «экономисты», или так называемые «молодые». Оппортунистическое большинство I съезда «Союза русских социал-демократов за границей», состоявшегося в Цюрихе в ноябре 1898 года, отказалось выразить солидарность с «Манифестом» I съезда РСДРП. Группа «Освобождение труда» заявила на первом съезде «Союза» о своем отказе редактировать издания «Союза», кроме № 5—6 «Работника» и брошюр В. И. Ленина «Задачи русских социал-демократов» и «Новый фабричный закон», выпуск которых группа оставила за собой. В апреле 1899 года «Союз» приступил к изданию журнала «Рабочее Дело», в редакцию которого вошли «экономисты» Б. Н. Кричевский, В. П. Иваншин (участвовавший в редактировании «Рабочей Мысли») и П. Ф. Теплов. «Союз» выступал с сочувственными заявлениями по адресу Э. Бернштейна, мильеранистов и т. п. Борьба внутри «Союза» продолжалась до его II съезда (апрель 1900 года, Женева) и на съезде. В результате этой борьбы группа «Освобождение труда» и ее единомышленники покинули съезд и образовали самостоятельную организацию «Социал-демократ».

На II съезде РСДРП представители «Союза» занимали крайне оппортунистические позиции и покинули его после признания съездом Заграничной лиги русской революционной социал-демократии единственной организацией партии за границей. Решением II съезда «Союз русских социал-демократов» был распущен (см. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1954, стр. 56). — *10.*

14 *«Заря»* — марксистский научно-политический журнал, издавался в 1901—1902 годах в Штутгарте редакцией «Искры». Всего вышло четыре номера (три книги) «Зари»: № 1 — в апреле 1901 года (фактически вышел 23 марта нового стиля), № 2—3 — в декабре 1901 года, № 4 — в августе 1902 года. Задачи «Зари» были определены в проекте заявления редакции «Искры» и «Зари», написанном В. И. Лениным

в России (см. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 322—333). Поскольку при обсуждении вопроса об издании этих органов за границей, совместно с группой «Освобождение труда», было решено издавать «Зарю» легально, а «Искру» нелегально, в опубликованном в октябре 1900 года заявлении редакции «Искры» о «Заре» уже не упоминалось.

Журнал «Заря» выступал с критикой международного и русского ревизионизма, в защиту теоретических основ марксизма. В «Заре» были напечатаны работы В. И. Ленина: «Случайные заметки», «Гонители земства и Аннибалы либерализма», «Гг. «критики» в аграрном вопросе» (первые четыре главы работы «Аграрный вопрос и «критики Маркса»»), «Внутреннее обозрение», «Аграрная программа русской социал-демократии», а также работы Г. В. Плеханова: «Критика наших критиков. Ч. 1. Г-н П. Струве в роли критика марксовой теории социального развития», «Cant против Канта или духовное завещание г. Бернштейна» и другие. — *10.*

[15] *Гора и Жиронда* — название двух политических группировок буржуазии периода французской буржуазной революции конца XVIII века. Горой — якобинцами — называли наиболее решительных представителей революционного класса своего времени — буржуазии, — отстаивавших необходимость уничтожения абсолютизма и феодализма. Жирондисты, в отличие от якобинцев, колебались между революцией и контрреволюцией и шли по пути сделок с монархией.

«Социалистической Жирондой» В. И. Ленин называл оппортунистическое течение в социал-демократии; пролетарскими якобинцами, «Горой» — революционных социал-демократов. После раскола РСДРП на большевиков и меньшевиков Ленин часто подчеркивал, что меньшевики представляют собой жирондистское течение в рабочем движении. — *10.*

[16] *«Беззаглавцы»* — полукадетская, полуменьшевистская группа русской буржуазной интеллигенции (С. Н. Прокопович, Е. Д. Кускова, В. Я. Богучарский, В. В. Португалов, В. В. Хижняков и др.), сложившаяся в период начавшегося спада революции 1905—1907 годов. Свое название группа получила по издававшемуся в Петербурге в январе — мае 1906 года под редакцией Прокоповича политическому еженедельнику «Без Заглавия»; позже «беззаглавцы» группировались вокруг левокадетской газеты «Товарищ». Прикрываясь своей формальной беспартийностью, «беззаглавцы» являлись проповедниками идей буржуазного либерализма и оппортунизма, поддерживали ревизионистов российской и международной социал-демократии. — *10.*

[17] *Исключительный закон против социалистов* был введен в Германии в 1878 году правительством Бисмарка в целях борьбы с рабочим и социалистическим движением. Этим

законом были запрещены все организации социал-демократической партии, массовые рабочие организации, рабочая печать, конфисковывалась социалистическая литература; за годы действия исключительного закона было распущено около 350 социал-демократических организаций, около 900 социал-демократов было выслано из Германии и 1500 брошено в тюрьмы, сотни газет, журналов и непериодических изданий были запрещены. Однако преследования и репрессии не сломили социал-демократическую партию, деятельность которой была перестроена применительно к условиям нелегального существования: за границей издавался центральный орган партии газета «Социал-Демократ» и регулярно (в 1880, 1883 и 1887 гг.) собирались партийные съезды; в Германии, в подполье, быстро возрождались социал-демократические организации и группы, во главе которых стоял нелегальный ЦК. Работая в подполье, партия широко использовала легальные возможности для укрепления связи с массами, — и ее влияние непрерывно росло: число голосов, поданных за социал-демократов на выборах в рейхстаг, увеличилось с 1878 по 1890 год более чем в три раза. Огромную помощь немецким социал-демократам оказывали К. Маркс и Ф. Энгельс. В 1890 году под напором массового и все усиливавшегося рабочего движения исключительный закон против социалистов был отменен. — *12.*

[18] 27—29 мая (н. ст.) 1877 года в г. Готе состоялся очередной съезд Социалистической рабочей партии Германии. На съезде, при обсуждении вопроса о партийной прессе, были отклонены попытки некоторых делегатов (Мост, Вальтейх) осудить центральный орган партии газету «Vorwärts» («Вперед») за печатание статей Энгельса против Дюринга (вышедших в 1878 году отдельной книгой: «Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом») и самого Энгельса — за резкость полемики. Вместе с тем по практическим соображениям съезд решил продолжать дискуссии по теоретическим вопросам не в газете, а в научном приложении к ней. — *12.*

[19] *«Vorwärts»* («Вперед») — ежедневная газета, центральный орган германской социал-демократии; начала выходить в Лейпциге в 1876 году под редакцией В. Либкнехта и др. После перерыва, вызванного введением в 1878 году исключительного закона против социалистов, издание «Vorwärts» было возобновлено в Берлине в 1891 году. На страницах газеты Ф. Энгельс вел борьбу против всяческих проявлений оппортунизма. Со второй половины 90-х годов, после смерти Ф. Энгельса, редакция «Vorwärts» оказалась в руках правого крыла партии и систематически печатала статьи оппортунистов. «Vorwärts» тенденциозно освещал борьбу против оппортунизма и ревизионизма в РСДРП, поддерживал

«экономистов», а затем, после раскола партии, меньшевиков. В годы реакции «Vorwärts» печатал клеветнические статьи Троцкого, не давая Ленину, большевикам выступать с опровержениями и объективной оценкой положения дел в партии. В период первой мировой войны «Vorwärts» стоял на позициях социал-шовинизма; после Великой Октябрьской социалистической революции стал одним из центров антисоветской пропаганды. Издание газеты было прекращено в 1933 году. — *12.*

[20] *Катедер-социалисты* — представители одного из направлений в буржуазной политической экономии 70—80-х годов XIX века, которые проповедовали с университетских кафедр (по-немецки Katheder) под видом социализма буржуазно-либеральный реформизм. Возникновение катедер-социализма было обусловлено страхом эксплуататорских классов перед распространением марксизма и ростом рабочего движения, стремлением буржуазных идеологов найти новые средства, чтобы удерживать в подчинении трудящихся.

Представители катедер-социализма (А. Вагнер, Г. Шмоллер, Л. Брентано, В. Зомбарт и др.) утверждали, что буржуазное государство является надклассовым, способным примирить враждебные классы и постепенно ввести «социализм», не затрагивая интересов капиталистов и по возможности учитывая требования трудящихся. Они предлагали узаконить полицейскую регламентацию наемного труда, возродить средневековые цехи. Реакционную сущность катедер-социализма разоблачали Маркс и Энгельс. Ленин называл катедер-социалистов клопами «полицейски-буржуазной университетской науки» (Сочинения, 4 изд., том 13, стр. 22), ненавидящими революционное учение Маркса. В России взгляды катедер-социалистов проповедовали «легальные марксисты». — *12.*

[21] В. И. Ленин имеет в виду резолюцию Ганноверского съезда Германской социал-демократической партии, происходившего 9—14 октября (н. ст.) 1899 года, «Нападения на основные взгляды и тактику партии». В резолюции были осуждены попытки оппортунистического крыла германской социал-демократии, идейно возглавлявшегося Э. Бернштейном, ревизовать основные положения марксизма и добиться изменения тактики социал-демократической партии, превращения ее в партию демократических реформ. С официальным докладом по этому вопросу выступил А. Бебель. «Его речи против оппортунистов на партийных съездах в Ганновере и Дрездене, — писал Ленин, — надолго останутся образцом отстаивания марксистских взглядов и борьбы за истинно-социалистический характер рабочей партии» (Сочинения, 4 изд., том 19, стр. 268). Защиту Бернштейна и бернштейнианства взял на себя известный оппортунист Э. Давид.

Подавляющим большинством съезд одобрил предложенную Бебелем резолюцию, в которой говорилось: «Развитие буржуазного общества до настоящего времени не дает партии никакого повода отказаться от своих основных воззрений на него или изменить их. Партия по-прежнему стоит на почве классовой борьбы, согласно которой освобождение рабочего класса может быть только его собственным делом. Поэтому она считает исторической задачей рабочего класса завоевание политической власти, чтобы с ее помощью обеспечить возможно большее всеобщее благоденствие путем обобществления орудий производства и введения социалистического способа производства и обмена». Не отвергая временных блоков с буржуазными партиями в целях достижения определенных практических результатов, «... партия сохраняет всегда во всей своей деятельности полную самостоятельность и независимость и смотрит на всякий добытый ею успех лишь как на шаг, приближающий ее к ее конечной цели». И в заключение: «... партия не имеет никакой причины изменить свои главные требования и основные воззрения, или свою тактику, или свое название...; партия решительно отвергает всякую попытку затемнить или изменить ее отношение к существующему государственному и общественному строю и к буржуазным партиям».

Таким образом, Ганноверский съезд 1899 года осудил ревизию теоретических и тактических основ социал-демократии; однако отсутствие в резолюции съезда резкой критики ревизионизма и его конкретных носителей вызвало недовольство левых социал-демократов (Р. Люксембург и другие). Сторонники Бернштейна голосовали за эту резолюцию. — *13.*

[22] В. И. Ленин имеет в виду резолюцию Любекского съезда Германской социал-демократической партии (22—28 сентября (н. ст.) 1901 года), направленную против Э. Бернштейна, который не только не прекратил после Ганноверского съезда 1899 года своих нападок на программу и тактику социал-демократии, но напротив — усилил их и даже перенес в непартийную среду. В ходе прений и в резолюции, предложенной Бебелем и принятой подавляющим большинством съезда, Бернштейну было сделано прямое предупреждение: «Съезд признает безусловно необходимость самокритики для дальнейшего духовного развития нашей партии. Но крайне односторонний характер той критики, которой занимался тов. Бернштейн в последние годы, не вдаваясь в критику буржуазного общества и его представителей, поставил его в двусмысленное положение и вызвал недовольство большинства товарищей. В надежде на то, что тов. Бернштейн сознает это и соответственно изменит свое поведение, съезд переходит к очередным делам». Контррезолюция оппортуниста Гейне, требовавшая «свободы кри-

тики» и обходившая молчанием вопрос о Бернштейне, была отвергнута. Однако на Любекском съезде принципиально не был поставлен вопрос о несовместимости ревизии марксизма с пребыванием в рядах социал-демократической партии. — *13.*

[23] *Штутгартский съезд Германской социал-демократической партии,* происходивший 3—8 октября (н. ст.) 1898 года, впервые обсуждал вопрос о ревизионизме в германской социал-демократии. На съезде было оглашено специально присланное заявление находившегося в эмиграции Э. Бернштейна, в котором он излагал и защищал свои оппортунистические взгляды, высказанные им ранее в серии статей «Проблемы социализма» в журнале «Die Neue Zeit» («Новое Время»). Среди противников Бернштейна на съезде не было единства: одни, во главе с Бебелем и Каутским, стремились сочетать принципиальную борьбу против бернштейнианства с осторожной внутрипартийной тактикой, опасаясь партийного раскола; другие (Р. Люксембург, Парвус) — их было меньшинство — занимали более резкую позицию, добиваясь расширения и углубления дискуссии и не пугаясь возможного раскола. Съезд не принял никакой резолюции по этому вопросу, но из хода прений, а также из других решений было видно, что большинство съезда сохранило верность идеям революционного марксизма. — *13.*

[24] Имеется в виду статья А. Н. Потресова (Староверa) «Что случилось?», напечатанная в журнале «Заря» № 1, апрель 1901 года. — *14.*

[25] «*О писателе, который зазнался»* — название одного из рассказов А. М. Горького (см. М. Горький. Собрание сочинений, т. 5, 1950, стр. 306—314). — *16.*

[26] В. И. Ленин имеет в виду свою статью «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (Отражение марксизма в буржуазной литературе)», напечатанную в 1895 году в сборнике «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития» и переизданную в 1907 году в сборнике статей Ленина «За 12 лет» (см. Сочинения, 5 изд., том 1, стр. 347—534), и предисловие к сборнику «За 12 лет» (см. Сочинения, 4 изд., том 13, стр. 78—96), в котором дана характеристика обстановки и история появления этой статьи.

Сборник *«Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития»,* включавший, наряду со статьей Ленина, статьи Г. В. Плеханова «Пессимизм как отражение экономической действительности» и «Несколько слов нашим противникам (Материалы для истории цивилизации в русской

литературе)», П. Струве «Моим критикам» и другие, был напечатан в апреле 1895 года в легальной типографии в количестве 2000 экземпляров; царское правительство запретило его распространение и, продержав сборник целый год под запретом, конфисковало и сожгло его. Удалось спасти лишь около 100 экземпляров, которые тайно распространялись среди социал-демократов в Петербурге и других городах. — *16.*

[27] Книга Э. Бернштейна «Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie» («Предпосылки социализма и задачи социал-демократии») была издана в 1901 году в переводе на русский язык под различными названиями: 1) «Исторический материализм». Пер. Л. Канцель. Спб., «Знание»; 2) «Социальные проблемы». Пер. П. С. Когана. М.; 3) «Проблемы социализма и задачи социал-демократии». Пер. К. Я. Бутковского. М., изд. Ефимова. — *17.*

[28] О рекомендации Зубатовым книг Бернштейна и Прокоповича для чтения рабочим сообщалось в письме в редакцию «Искры» «О зубатовщине», использованном в статье Мартова «Еще о политическом разврате наших дней» («Искра» № 10, ноябрь 1901 г.). — *17.*

[29] Речь идет о *«Протесте российских социал-демократов»,* написанном В. И. Лениным в августе 1899 года после получения им из Петербурга от А. И. Ульяновой-Елизаровой документа, названного ею «Credo молодых» (см. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 163—176). Проект «Протеста» против «Credo» российских бернштейнианцев обсуждался на собрании семнадцати ссыльных социал-демократов Минусинского округа в селе Ермаковском (место ссылки А. А. Ванеева, П. Н. Лепешинского, М. А. Сильвина и др.). Протест был принят единогласно и подписан В. И. Лениным, Н. К. Крупской, В. В. Старковым, А. М. Старковой, Г. М. Кржижановским, 3. П. Кржижановской-Невзоровой, Ф. В. Ленгником, Е. В. Барамзиным, А. А. Ванеевым, Д. В. Ванеевой, М. А. Сильвиным, В. К. Курнатовским, П. Н. Лепешинским, О. Б. Лепешинской, петербургскими рабочими О. А. Энгбергом, А. С. Шаповаловым, Н. Н. Паниным. К «Протесту» присоединились не присутствовавшие на собрании И. Л. Проминский, М. Д. Ефимов, Чекальский и Ковалевский, а также колония ссыльных в Туруханске (Ю. О. Мартов и др.). Против «Credo» «экономистов» выступила также колония семнадцати ссыльных социал-демократов города Орлова, Вятской губернии (В. В. Боровский, Н. Э. Бауман, А. Н. Потресов и др.). — *18.*

[30] *«Былое»* — исторический журнал, посвященный главным образом истории народничества и более ранних общественных движений; основан В. Л. Бурцевым. В 1900—1904 го-

дах издавался в Лондоне; в 1906—1907 годах — в Петербурге под редакцией В. Я. Богучарского и П. Е. Щеголева, при участии Бурцева. В 1907 году издание «Былого» было запрещено правительством, и вместо №№ 11 и 12 был выпущен исторический сборник «Наша страна». В 1908 году вместо «Былого» издавался журнал «Минувшие Годы», а в 1909 — исторический сборник «Минувшее». В 1908 году Бурцев возобновил заграничное издание «Былого» (в Париже), продолжавшееся до 1912 года. В России издание «Былого» возобновилось в 1917 году и продолжалось до 1926 года. Его редактором после Великой Октябрьской социалистической революции являлся П. Е. Щеголев. — *18.*

[31] *«Рабочая Мысль»* — газета; орган «экономистов»; выходила с октября 1897 по декабрь 1902 года. Вышло 16 номеров. Первые два номера печатались на мимеографе в Петербурге, №№ 3—11 вышли за границей, в Берлине; печатание №№ 12, 13, 14 и 15 было перенесено в Варшаву; последний № 16 вышел за границей. Газета редактировалась К. М. Тахтаревым и др.

Критику взглядов «Рабочей Мысли» как русской разновидности международного оппортунизма Ленин дал в статье «Попятное направление в русской социал-демократии» (см. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 240—273), в статьях, опубликованных в газете «Искра», и в книге «Что делать?». — *19.*

[32] «Vademecum для редакции «Рабочего Дела». Сборник материалов, изданный группой «Освобождение труда» с предисловием Г. Плеханова» (Женева, февраль 1900 г.) был направлен против оппортунизма в рядах РСДРП, главным образом против «экономизма» заграничного «Союза русских социал-демократов» и его органа — журнала «Рабочее Дело». — 19.

[33] «Profession de foi» (символ веры, программа, изложение миросозерцания) — листовка, излагавшая оппортунистические взгляды Киевского комитета РСДРП; составлена в конце 1899 года. Содержание листовки во многом совпадает с известным «Credo» «экономистов». Критика этого документа дана Лениным в статье «По поводу «Profession de foi»», распространявшейся в рукописных и машинописных списках (см. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 310—321). — 19.

[34] Группа «Освобождение труда» — первая русская марксистская группа, основанная Г. В. Плехановым в 1883 году в Швейцарии. Кроме Плеханова в группу входили П. Б. Аксельрод, Л. Г. Дейч, В. И. Засулич, В. Н. Игнатов.

Группа «Освобождение труда» проделала большую работу по пропаганде марксизма в России. Она переводила

на русский язык, издавала за границей и распространяла в России труды К. Маркса и Ф. Энгельса: «Манифест Коммунистической партии», «Наемный труд и капитал», «Развитие социализма от утопии к науке» и другие, а также популяризировала марксизм в своих изданиях. Группа «Освобождение труда» нанесла серьезный удар народничеству, являвшемуся главным идейным препятствием на пути распространения марксизма и развития социал-демократического движения в России. В работах «Социализм и политическая борьба» (1883), «Наши разногласия» (1885) и др. Г. В. Плеханов подверг марксистской критике народнические теории о некапиталистическом пути развития России, субъективно-идеалистический взгляд народников на роль личности в истории, отрицание передовой роли пролетариата в революционном движении и др. Два проекта программы русских социал-демократов (1883 и 1885 гг.), написанные Плехановым и изданные группой «Освобождение труда», явились важным шагом в подготовке и создании социал-демократической партии в России. Особенно большое значение в распространении марксистских взглядов, в обосновании и защите диалектического и исторического материализма имела книга Плеханова (Н. Бельтова) «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895), на которой «воспиталось целое поколение русских марксистов» (В. И. Ленин. Сочинения, 4 изд., том 16, стр. 243). Группа издала и распространила в России 4 книги сборника «Социал-Демократ», а также серию популярных брошюр для рабочих.

Ф. Энгельс приветствовал возникновение группы «Освобождение труда», «которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVII, 1935, стр. 461). Г. В. Плеханов и В. И. Засулич были связаны с Ф. Энгельсом личной дружбой и в течение многих лет вели с ним переписку. Группа «Освобождение труда» установила связи с международным рабочим движением и, начиная с первого конгресса II Интернационала в 1889 году (Париж), во все время своего существования представляла российскую социал-демократию на всех его конгрессах. Но у группы «Освобождение труда» были и серьезные ошибки: переоценка роли либеральной буржуазии, недооценка революционности крестьянства как резерва пролетарской революции. Эти ошибки явились зародышем будущих меньшевистских взглядов Плеханова и других членов группы. В. И. Ленин указывал, что группа «Освобождение труда» «лишь теоретически основала социал-демократию и сделала первый шаг навстречу рабочему движению» (Сочинения, 4 изд., том 20, стр. 255).

В 1894 году по инициативе группы «Освобождение труда» был основан «Союз русских социал-демократов за границей». В 1900 году члены группы «Освобождение труда» и их сторон-

ники вышли из «Союза» и основали революционную организацию «Социал-демократ». Члены группы Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод и В. И. Засулич входили в редакцию «Искры» и «Зари». На втором съезде РСДРП в августе 1903 года группа «Освобождение труда» заявила о прекращении своего существования.

«Объявление о возобновлении изданий группы «Освобождение труда»», написанное Аксельродом в декабре 1899 года, было напечатано в начале 1900 года отдельным листком и в «Vademecum'е для редакции «Рабочего Дела»». Программа литературной деятельности группы «Освобождение труда», изложенная в «Объявлении», получила свое осуществление лишь с началом издания «Зари» и «Искры». — *22.*

[35] *III съезд «Союза русских социал-демократов»* состоялся во второй половине сентября 1901 года в Цюрихе; его решения свидетельствовали об окончательной победе оппортунизма в рядах «Союза». На съезде были приняты поправки и дополнения к проектам принципиального соглашения и договора заграничных организаций русских социал-демократов, выработанным на женевской конференции в июне 1901 года, которые имели откровенно оппортунистический характер; это предопределило неудачу «объединительного» съезда заграничных организаций РСДРП, состоявшегося через несколько дней после III съезда «Союза». На съезде были также утверждены «Инструкции для редакции «Рабочего Дела»», фактически поощрявшие ревизионистов тем, что умалчивали о борьбе революционной и оппортунистической тенденций в международной и русской социал-демократии, о необходимости критики ревизионизма и обоснования революционной сущности марксизма. — *23.*

[36] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1955, стр. 7. — *23.*

[37] *Готская программа* — программа Социалистической рабочей партии Германии, принятая в 1875 году на съезде в Готе при объединении двух существовавших до того отдельно немецких социалистических партий: эйзенахцев (руководимых А. Бебелем и В. Либкнехтом и находившихся под идейным влиянием Маркса и Энгельса) и лассальянцев. Программа страдала эклектизмом и была оппортунистической, так как эйзенахцы по важнейшим вопросам сделали уступки лассальянцам и приняли лассальянские формулировки. К. Маркс и Ф. Энгельс подвергли проект Готской программы уничтожающей критике, рассматривая его как значительный шаг назад по сравнению с эйзенахской программой 1869 года (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1955, стр. 5—38). — *23.*

[38] Имеется в виду брошюра П. Б. Аксельрода «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов». Женева, 1898. — *24.*

[39] В. И. Ленин приводит в собственном переводе отрывок из предисловия Ф. Энгельса к его работе «Крестьянская война в Германии» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. I, 1955, стр. 604—606). — *27.*

[40] Говоря о *«знаменитой петербургской промышленной войне 1896 года»,* В. И. Ленин имел в виду массовую стачку рабочих-текстильщиков Петербурга в мае — июне 1896 года. Поводом к ней явился отказ фабрикантов полностью выплатить рабочим заработную плату за нерабочие дни по случаю коронации Николая II. Стачка началась на Российской бумагопрядильной мануфактуре (Калинкинской) и быстро охватила все бумагопрядильные и ткацкие предприятия Петербурга, а затем и крупные машиностроительные заводы и др. предприятия. Петербургский пролетариат впервые выступил широким фронтом на борьбу с эксплуататорами. Бастовало свыше 30 тысяч рабочих. Стачка проходила под руководством петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», который выпускал листовки, призывавшие рабочих дружно и стойко отстаивать свои права. «Союзом борьбы» были напечатаны и распространены основные требования рабочих («Чего требуют рабочие петербургских бумагопрядилен»): сокращение рабочего дня до $10^1/_2$ часов, повышение расценок, своевременная выплата заработной платы и т. д. Петербургские стачки способствовали развитию стачечного движения по всей России и вынудили царское правительство ускорить пересмотр фабричных законов и издать закон 2 (14) июня 1897 года о сокращении рабочего дня на фабриках и заводах до $11^1/_2$ часов. Они, как писал впоследствии Ленин, «открыли эру неуклонно поднимавшегося затем рабочего движения» (Сочинения, 4 изд., том 13, стр. 78). — *29.*

[41] *Брошюра «Об агитации»* была написана в 1894 году в Вильно А. Кремером (впоследствии — один из организаторов Бунда) и отредактирована Ю. О. Мартовым; первоначально распространялась в рукописных списках и в гектографированном виде, а в конце 1897 года была напечатана в Женеве с предисловием и послесловием П. Б. Аксельрода. Брошюра, обобщавшая опыт социал-демократической работы в Вильно, имела большое влияние на русских социал-демократов, поскольку в ней содержались призывы отказаться от замкнутой кружковой пропаганды и переходить к массовой агитации среди рабочих на почве их повседневных нужд и требований. Однако преувеличение роли и значения чисто эконо-

мической борьбы, в ущерб политической агитации на почве общедемократических требований, являлось зародышем будущего «экономизма». Односторонность «виленского экономизма» отметил П. Б. Аксельрод в послесловии к женевскому изданию брошюры; Г. В. Плеханов подверг критическому анализу брошюру «Об агитации» в статье «Еще раз социализм и политическая борьба» («Заря» № 1, апрель 1901 г., стр. 1—32). — *31.*

42 *«Союз борьбы за освобождение рабочего класса»,* организованный В. И. Лениным осенью 1895 года, объединял около двадцати марксистских рабочих кружков Петербурга. Вся работа «Союза борьбы» была построена на принципах централизма и строгой дисциплины. Во главе «Союза борьбы» стояла Центральная группа, в которую входили В. И. Ленин, А. А. Ванеев, П. К. Запорожец, Г. М. Кржижановский, Н. К. Крупская, Ю. О. Мартов, М. А. Сильвин, В. В. Старков и др. Непосредственное руководство было сосредоточено в руках пяти членов группы во главе с Лениным. Организация была разделена на районные группы. Передовые, сознательные рабочие (И. В. Бабушкин, В. А. Шелгунов и др.) связывали эти группы с фабриками и заводами. На заводах имелись организаторы по сбору информации и распространению литературы; на крупных предприятиях были созданы рабочие кружки.

«Союз борьбы» впервые в России стал осуществлять соединение социализма с рабочим движением, переход от пропаганды марксизма среди небольшого круга передовых рабочих в кружках к политической агитации среди широких масс пролетариата. «Союз» руководил рабочим движением, соединяя борьбу рабочих за экономические требования с политической борьбой против царизма. В ноябре 1895 года «Союз борьбы» организовал стачку на суконной фабрике Торнтона. Летом 1896 года под руководством «Союза» проходила знаменитая стачка петербургских текстильщиков, в которой приняло участие более 30 тысяч рабочих. «Союз борьбы» выпускал листовки и брошюры для рабочих. Редактором изданий «Союза» был В. И. Ленин, под его руководством подготовлялось издание политической рабочей газеты «Рабочее Дело». «Союз борьбы» распространил свое влияние за пределы Петербурга. По его почину произошло объединение рабочих кружков в «Союзы борьбы» в Москве, Киеве, Екатеринославе и других городах и областях России.

В декабре 1895 года царское правительство нанесло «Союзу борьбы» серьезный удар: в ночь с 8 на 9 (с 20 на 21) декабря 1895 года была арестована значительная часть деятелей «Союза» во главе с В. И. Лениным; захвачен был и подготовленный к набору первый номер газеты «Рабочее Дело».

Через несколько дней на первом после арестов собрании группы было принято решение назвать организацию петербургских социал-демократов «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». 15 (27) декабря 1895 года, в ответ на арест Ленина и других членов «Союза борьбы», оставшиеся на воле члены «Союза» выпустили листок на политическую тему, написанный рабочими.

В. И. Ленин, находясь в тюрьме, руководил деятельностью «Союза», помогал своими советами, пересылал на волю зашифрованные письма и листовки, написал брошюру «О стачках» (до сих пор не разыскана), «Проект и объяснение программы социал-демократической партии» (см. Сочинения, 5 изд., том 2, стр. 81—110).

Значение петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» заключалось в том, что он, по выражению Ленина, представлял собой зачаток революционной партии, которая опирается на рабочее движение, руководит классовой борьбой пролетариата.

Уцелевшие от арестов старые члены «Союза» приняли участие в подготовке и проведении I съезда РСДРП и в выработке изданного от имени съезда «Манифеста». Однако длительное отсутствие основателей «Союза борьбы», отбывавших ссылку в Сибири, и в первую очередь В. И. Ленина, облегчило проведение оппортунистической политики «молодым», «экономистам», насаждавшим с 1897 года через газету «Рабочая Мысль» идеи тред-юнионизма и бернштейнианства на русской почве. Со второй половины 1898 года к руководству «Союзом» пришли наиболее откровенные «экономисты» — «рабочемысленцы». — *31.*

[43] Передовая статья «К русским рабочим», написанная В. И. Лениным для газеты «Рабочее Дело», до настоящего времени не разыскана.

«Русская Старина» — исторический журнал, основан М. И. Семевским; издавался ежемесячно в Петербурге с 1870 по 1918 год. В «Русской Старине» видное место отводилось публикации воспоминаний, дневников, записок, писем государственных деятелей России и представителей русской культуры, а также различных документальных материалов. — *32.*

[44] Имеется в виду расправа с бастовавшими рабочими ярославской Большой мануфактуры 27 апреля (9 мая) 1895 года. Причиной стачки, охватившей свыше 4000 рабочих, явилось введение администрацией новых расценок, понизивших заработную плату рабочих. Для подавления стачки было вызвано 10 рот Фанагорийского полка; в ход было пущено оружие. В результате 1 рабочий был убит и 14 — ранено. На рапорте командира полка о расправе с рабочими Большой мануфактуры Николай II написал: «Спасибо молодцам-фана-

горницам за стойкое и твердое поведение во время фабричных беспорядков».

Статья о Ярославской стачке 1895 года была написана В. И. Лениным; до настоящего времени не разыскана. — *32.*

[45] *«С.-Петербургский Рабочий Листок»* — орган петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Вышло два номера: № 1 — в феврале (помечен январем) 1897 года, напечатан в России на мимеографе в количестве 300—400 экземпляров, и № 2 — в сентябре 1897 года в Женеве, отпечатан типографским способом.

Газета выдвигала задачу соединения экономической борьбы рабочего класса с широкими политическими требованиями, подчеркивала необходимость создания рабочей партии. — *32.*

[46] Речь идет о *«Манифесте Российской социал-демократической рабочей партии»,* выпущенном в 1898 году по поручению I съезда РСДРП и от его имени Центральным Комитетом РСДРП (см. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1954, стр. 11—14). «Манифест» выдвигал борьбу за политическую свободу и свержение самодержавия как главную задачу российской социал-демократии, связывал политическую борьбу с общими задачами рабочего движения. — *32.*

[47] Речь идет о совещаниях «стариков» — основателей петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» В. И. Ленина, А. А. Ванеева, Г. М. Кржижановского, Ю. О. Мартова и др. — с представителями нового состава «Союза борьбы», происходивших на квартирах С. И. Радченко и Ю. О. Мартова в Петербурге, между 14 и 17 февраля (26 февраля и 1 марта) 1897 года, когда старые члены «Союза борьбы» были выпущены из тюрьмы перед отправкой в сибирскую ссылку. На этих совещаниях выявились серьезные разногласия по организационным и тактическим вопросам. А. А. Якубова, которая в 1893—1895 годах входила в группу «стариков», отстаивала на совещании точку зрения нарождавшегося «экономизма»; в то же время «молодой» участник «Союза борьбы» Б. И. Горев (Гольдман) поддерживал В. И. Ленина, «стариков». Об этом писал В. И. Ленин в примечании к «Письму в редакцию» Петербуржца (К. М. Тахтарева), опубликованному в «Искре» № 40, 15 мая 1903 года: «Именно: неточность моего деления состоит в том, что «молодой», как оказалось, защищал тогда (в споре) «старых», а один «старый» — «молодых»». — *34.*

[48] *«Листок «Работника»»* — непериодическое издание «Союза русских социал-демократов за границей»; издавался в Женеве с 1896 по 1898 год. Вышло 10 номеров «Листка», в том

числе №№ 1—8 под редакцией группы «Освобождение труда». Вследствие поворота большинства членов «Союза» к «экономизму» группа «Освобождение труда» отказалась от редактирования изданий «Союза», и № 9—10 «Листка» (ноябрь 1898 г.) вышел под редакцией «экономистов». — *34.*

49 *«Die Neue Zeit»* («Новое Время») — теоретический журнал Германской социал-демократической партии; выходил в Штутгарте с 1883 по 1923 год. До октября 1917 года редактировался К. Каутским, затем — Г. Куновым. В «Die Neue Zeit» были впервые опубликованы некоторые произведения К. Маркса и Ф. Энгельса: «Критика Готской программы» К. Маркса (в № 18 за 1890—1891 г.), «К критике проекта социал-демократической программы 1891 г.» Ф. Энгельса (в № 1 за 1901 —1902 г.) и др. Энгельс постоянно помогал своими советами редакции журнала и нередко критиковал ее за допускавшиеся в журнале отступления от марксизма. В «Die Neue Zeit» сотрудничали видные деятели германского и международного рабочего движения конца XIX — начала XX века: А. Бебель, В. Либкнехт, Р. Люксембург, Ф. Меринг, К. Цеткин, Г. В. Плеханов, П. Лафарг, В. Адлер и др. Со второй половины 90-х годов в журнале стали систематически печататься статьи ревизионистов, в том числе серия статей Э. Бернштейна «Проблемы социализма», открывшая поход ревизионистов против марксизма. В годы первой мировой войны журнал занимал центристскую, каутскианскую позицию, поддерживая фактически социал-шовинистов. — *38.*

50 На *Венском съезде Австрийской социал-демократической партии,* происходившем 2—6 ноября (н. ст.) 1901 года, была принята новая партийная программа взамен старой, Гайнфельдской программы (1888). В проекте новой программы, подготовленном специальной комиссией (В. Адлер и др.) по поручению Брюннского съезда 1899 года, были сделаны серьезные уступки бернштейнианству, что вызвало ряд критических замечаний; в частности К. Каутский в статье «Die Revision des Programms der Sozialdemokratie in Österreich» («Пересмотр программы австрийской социал-демократии»), опубликованной в журнале «Die Neue Zeit», 1901 — 1902, № 3, высказался за сохранение принципиальной части Гайнфельдской программы, как более полно и правильно выражающей понимание социал-демократией общего хода исторического процесса и задач рабочего класса. — *38.*

51 В. И. Ленин имеет в виду книгу С. Н. Прокоповича «Рабочее движение на Западе. Опыт критического исследования. Том I. Германия. Бельгия», Спб., 1899 год и опубликованные в журнале «Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik», XIV Band, Berlin, 1899 («Архив социального законо-

дательства и статистики», XIV том, Берлин, 1899) статью П. Б. Струве «Die Marxsche Theorie der sozialen Entwicklung» («Марксова теория социального развития») и его рецензию на книги Э. Бернштейна «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» и К. Каутского «Бернштейн и социал-демократическая программа».

Для проникнутой духом реформизма книги Прокоповича характерно поверхностное изучение материала и враждебное отношение к научному социализму и деятельности революционной социал-демократии; Прокопович пытался доказать в своей книге, что в рабочем движении Германии и Бельгии отсутствуют условия для революционной борьбы и революционной политики социал-демократии. В свою очередь, Струве пытался в своих статьях опровергнуть с позиций бернштейнианства общую теорию марксизма и ее философские предпосылки, отрицал неизбежность и необходимость социальной революции и диктатуры пролетариата. — *41.*

[52] *Гирш-дункеровские профсоюзы* — реформистские профсоюзные организации Германии, созданные в 1868 году деятелями буржуазной прогрессистской партии М. Гиршем и Ф. Дункером. Проповедуя идею «гармонии» интересов труда и капитала, организаторы гирш-дункеровских профсоюзов считали допустимым прием в союзы наряду с рабочими и капиталистов, отрицали целесообразность стачечной борьбы. Они утверждали, что избавление рабочих от гнета капитала возможно в рамках капиталистического общества посредством законодательства буржуазного государства, при помощи профессиональной организации; главную задачу профсоюзов они видели в посредничестве между рабочими и предпринимателями и в накоплении денежных средств. Отрицательное отношение к стачкам превращало гирш-дункеровские профсоюзы в организации штрейкбрехеров; их деятельность ограничивалась главным образом рамками касс взаимопомощи и культурно-просветительных организаций. Гирш-дункеровские профсоюзы, просуществовавшие до мая 1933 года, никогда не представляли серьезной силы в германском рабочем движении, несмотря на все усилия буржуазии и поддержку правительственных органов. В 1933 году оппортунистические деятели гирш-дункеровских профсоюзов вошли в фашистский «трудовой фронт». — *41.*

[53] *«Группа самоосвобождения рабочего класса»* — небольшая группа «экономистов»; возникла в Петербурге осенью 1898 года и просуществовала несколько месяцев. Группа выпустила воззвание с изложением своих целей (датировано мартом 1899 года, напечатано в журнале «Накануне» в июле 1899 года), устав и несколько прокламаций к рабочим. — *43.*

[54] *«Накануне»* — «социально-революционное обозрение», ежемесячный журнал народнического направления; издавался в Лондоне на русском языке с января 1899 по февраль 1902 года под редакцией Е. А. Серебрякова; вышло 37 номеров. Вокруг журнала, проповедовавшего общедемократические взгляды, группировались представители различных мелкобуржуазных партии и течений; для «Накануне» характерно враждебное отношение к марксизму вообще, к русской революционной социал-демократии в особенности. — *43.*

[55] Начало полемике группы «Освобождение труда» и редакции «Рабочего Дела» положила напечатанная в апреле 1899 года в № 1 «Рабочего Дела» рецензия на брошюру В. И. Ленина «Задачи русских социал-демократов» (Женева, 1898). Отрицая оппортунистический характер заграничного «Союза русских социал-демократов» и усилившееся влияние «экономистов» в социал-демократических организациях России, редакция «Рабочего Дела» утверждала в этой рецензии, что *«изложенная суть брошюры целиком совпадает с редакционной программой «Рабочего Дела»»,* что редакция не знает, «про каких «молодых» товарищей говорит Аксельрод» в предисловии к брошюре.

В «Письме в редакцию «Рабочего Дела»», написанном в августе 1899 года, П. Б. Аксельрод показал несостоятельность попыток «Рабочего Дела» отождествить позицию революционной социал-демократии, изложенную Лениным в брошюре «Задачи русских социал-демократов», с позицией русских и заграничных «экономистов». В феврале 1900 года группой «Освобождение труда» был издан сборник «Vademecum для редакции «Рабочего Дела»» с предисловием Г. В. Плеханова. Поводом к изданию «Vademecum'а» послужило послесловие редакции «Рабочего Дела» к «Протесту российских социал-демократов» (против «экономистского» «Credo»), написанному В. И. Лениным в сибирской ссылке и напечатанному в журнале «Рабочее Дело» № 4—5, декабрь 1899 года (см. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 163—176). Редакция «Рабочего Дела» утверждала в этом послесловии, что «Credo» «представляет собой не больше, как мнение единичных лиц» и что опасения по поводу возможного развития русской социал-демократии в сторону чисто экономической борьбы якобы не имеют «серьезного основания в действительном ходе русского рабочего движения». Опубликовав в «Vademecum'е» имевший хождение в рукописи «Ответ» С. Н. Прокоповича на брошюру Аксельрода «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов» и некоторые «частные» письма политического содержания Е. Д. Кусковой и Гришина (Т. М. Копельзона), Плеханов опроверг эти утверждения редакции «Рабочего Дела», доказал фактическое господство оппортунистических элементов и идей «экономизма» в среде русской социал-демокра-

тической эмиграции, группировавшейся вокруг «Союза русских социал-демократов» и журнала «Рабочее Дело».

«Ответ редакции «Рабочего Дела» на «Письмо» П. Аксельрода и «Vademecum» Г. Плеханова», написанный Б. Кричевским в феврале — марте 1900 года, уже с полной очевидностью обнаружил оппортунизм «рабочедельцев». В дальнейшем полемика против «Рабочего Дела» была перенесена на страницы «Искры» и «Зари». — *44.*

[56] Имеется в виду газета *«Der Sozialdemokrat»* («Социал-Демократ») — центральный орган социал-демократической партии Германии в эпоху исключительного закона против социалистов; издавалась в Цюрихе с 28 сентября 1879 года по 22 сентября 1888 года и в Лондоне с 1 октября 1888 года по 27 сентября 1890 года. Газета редактировалась в 1879— 1880 годах Г. Фольмаром, с января 1881 года Э. Бернштейном, находившимся в те годы под сильным влиянием Ф. Энгельса. Идейное руководство Энгельса обеспечивало марксистское направление «Социал-Демократа». Боевое настроение рабочих масс Германии, преодолевших первое замешательство, вызванное введением исключительного закона, имело огромное значение для деятельности газеты: «Социал-Демократ», несмотря на отдельные ошибки, твердо отстаивал революционную тактику и сыграл выдающуюся роль в собирании и организации сил германской социал-демократии. После отмены исключительного закона против социалистов издание «Социал-Демократа» было прекращено, центральным органом партии вновь стала газета «Vorwärts» («Вперед»). — *48.*

[57] Имеется в виду сатирический «Гимн новейшего русского социалиста», опубликованный в «Заре» № 1, апрель 1901 года, за подписью «Нарцис Тупорылов». В нем высмеивались «экономисты» с их приспособлением к стихийному движению. Автором стихотворения был Ю. О. Мартов. — *50.*

[58] *«Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России» (Бунд)* был организован в 1897 году на учредительном съезде еврейских социал-демократических групп в Вильно; объединял преимущественно полупролетарские элементы еврейских ремесленников западных областей России. На I съезде РСДРП (1898) Бунд вошел в состав РСДРП «как автономная организация, самостоятельная лишь в вопросах, касающихся специально еврейского пролетариата» («КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1954, стр. 14).

Бунд являлся носителем национализма и сепаратизма в рабочем движении России, в важнейших вопросах социал-демократического движения занимал оппортунистические позиции. В апреле 1901 года IV съезд Бунда высказался

за отмену организационных отношений, установленных первым съездом РСДРП, и принял резолюцию о замене автономии федерацией; в резолюции «О средствах политической борьбы» IV съезда Бунда говорилось, что «лучшим средством вовлечь широкие массы в движение является экономическая борьба».

На II съезде РСДРП, после того как съезд отверг требование Бунда признать его единственным представителем еврейского пролетариата, Бунд вышел из партии. В 1906 году, на основании решения IV (Объединительного) съезда, он вновь вошел в состав РСДРП.

Внутри РСДРП бундовцы постоянно поддерживали оппортунистическое крыло партии («экономистов», меньшевиков, ликвидаторов), вели борьбу против большевиков и большевизма. Программному требованию большевиков о праве наций на самоопределение Бунд противопоставлял требование культурно-национальной автономии. В годы столыпинской реакции Бунд занимал ликвидаторскую позицию, активно участвовал в создании Августовского антипартийного блока. Во время первой мировой войны 1914—1918 годов бундовцы стояли на позициях социал-шовинизма. В 1917 году Бунд поддерживал контрреволюционное Временное правительство, боролся на стороне врагов Великой Октябрьской социалистической революции. В годы иностранной военной интервенции и гражданской войны бундовское руководство сомкнулось с силами контрреволюции. Одновременно с этим среди рядовых членов Бунда наметился перелом в пользу сотрудничества с Советской властью. В марте 1921 года Бунд самоликвидировался, часть его членов вошла в РКП(б) на общих основаниях. — *59.*

[59] *«Свобода»* — журнал, издававшийся в Швейцарии «революционно-социалистической» группой «Свобода» (основана Е. О. Зеленским (Надеждиным) в мае 1901 года); всего вышло два номера журнала: № 1 в 1901 и № 2 в 1902 году. В. И. Ленин относил группу «Свобода» к числу тех «беспочвенных группок», которые не имели «ни прочных, серьезных идей, программы, тактики, организации, ни корней в массах» (Сочинения, 4 изд., том 20, стр. 331, 332). В своих изданиях (кроме журнала «Свобода», группой были изданы «Канун революции. Непериодическое обозрение вопросов теории и тактики» № 1, газета-журнал «Отклики» № 1, программная брошюра «Возрождение революционизма в России» Надеждина и др.) группа «Свобода» проповедовала идеи терроризма и «экономизма». В блоке с петербургскими «экономистами» выступала против «Искры» и Петербургского комитета РСДРП. Группа прекратила свое существование в 1903 году.

Характеристику группы и ее изданий В. И. Ленин дал в заметках «О журнале «Свобода»» (Сочинения, 5 изд., том 5,

стр. 358—359) и «О группе «Свобода»» (Сочинения, 4 изд., том 6, стр. 254—255). — *73.*

[60] Имеются в виду массовые революционные выступления студенчества и рабочих: политические демонстрации, сходки, забастовки, происходившие в феврале — марте 1901 года в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Казани, Томске и других городах России.

Студенческое движение 1900—1901 учебного года, возникшее на почве академических требований, приобрело характер революционных политических выступлений против реакционной политики самодержавия, получило поддержку со стороны передовых рабочих, нашло отклик во всех слоях русского общества. Непосредственным поводом к демонстрациям и стачкам в феврале — марте 1901 года послужила отдача в солдаты 183 студентов Киевского университета за участие в студенческой сходке (см. статью В. И. Ленина «Отдача в солдаты 183-х студентов» — Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 391—396). Правительство обрушилось на участников революционных выступлений: полиция и казаки разгоняли демонстрации и избивали их участников, сотни студентов были арестованы и исключены из высших учебных заведений; особенно жестокая расправа была учинена над участниками демонстрации 4 (17) марта 1901 года на площади у Казанского собора в Петербурге. События февраля — марта 1901 года свидетельствовали о нарастании революционного подъема в России; огромное значение имело участие рабочих в движении, происходившем под политическими лозунгами. — *78.*

[61] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 4, стр. 459. — *83.*

[62] В газете «Искра» № 7, август 1901 года, в отделе «Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов», было опубликовано письмо одного петербургского рабочего-ткача, свидетельствовавшее об огромном влиянии ленинской «Искры» на передовых рабочих.

«... Я многим товарищам показывал «Искру», и весь номерок истрепался, а он дорог.., — писал автор. — Тут про наше дело, про все русское дело, которое копейками не оценишь и часами не определишь; когда его читаешь, тогда понятно, почему жандармы и полиция боятся нас, рабочих, и тех интеллигентов, за которыми мы идем. Они, и правда, страшны и царю, и хозяевам, и всем, а не только хозяйским карманам... Рабочий народ теперь легко может загореться, уже все тлеет внизу, нужна только искра и будет пожар. Ах, как это верно сказано, что из искры возгорится пламень!.. Раньше каждая стачка была событие, а теперь всякий видит, что одна стачка ничего, теперь свободы нужно добиваться, грудью брать ее. Теперь все, и старик,

и малый, все читали бы, да вот горе наше — книжки нет. Я прошлое воскресенье собрал одиннадцать человек и читал «С чего начать?», так мы до ночи не расходились. Как все верно сказано, как до всего дойдено... Хочется нам письмо в эту самую «Искру» Вашу написать, чтобы она не только учила, как начать, а и как жить и умереть». — *89.*

[63] П. Б. Аксельрод. «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов». Женева, 1898, стр. 16—17. — *92.*

[64] Имеется в виду статья П. Б. Струве «Самодержавие и земство», напечатанная в «Искре» №№ 2 и 4, февраль и май 1901 года. Помещение в «Искре» статьи Струве и печатание «Зарей» «конфиденциальной записки» С. Ю. Витте «Самодержавие и земство» с предисловием Струве (Р. Н. С.) стало возможным в результате январского (1901 г.) соглашения редакции «Искры» и «Зари» с «демократической оппозицией» (в лице Струве). Соглашение это, проведенное П. Б. Аксельродом и В. И. Засулич при поддержке Г. В. Плеханова, против голоса В. И. Ленина, оказалось кратковременным: весной 1901 года обнаружилась полная невозможность дальнейшего сотрудничества социал-демократов с буржуазными демократами, и блок со Струве распался. — *92.*

[65] *«Россия»* — ежедневная, умеренно либеральная газета; выходила в Петербурге в 1899—1902 годах под редакцией Г. П. Сазонова и при участии фельетонистов А. В. Амфитеатрова и В. М. Дорошевича. Была широко распространена в буржуазных кругах русского общества. В январе 1902 года газета была закрыта правительством за фельетон Амфитеатрова «Господа Обмановы». — *94.*

[66] Имеются в виду статья В. И. Засулич «По поводу современных событий» и хроника студенческих волнений в отделе «Из нашей общественной жизни» («Искра» № 3, апрель 1901 г.), статья А. Н. Потресова «О бессмысленных мечтаниях» и заметка «Полицейский набег на литературу» («Искра» № 5, июнь 1901 г.). — *95.*

[67] Имеются в виду заметки «Инцидент в Екатеринославском земстве» и «Вятские «штрейкбрехеры»» («Искра» №№ 7 и 9, август и октябрь 1901 г.). — *95.*

[68] *«С.-Петербургские Ведомости»* — газета, выходила в Петербурге с 1728 года как продолжение первой русской газеты «Ведомости», издававшейся с 1703 года. С 1728 по 1874 год «С.-Петербургские Ведомости» издавались при Академии наук, с 1875 года — при министерстве народного просвещения. Газета выходила до конца 1917 года. — *97.*

[69] *«Русские Ведомости»* — газета, выходила в Москве с 1863 года, выражала взгляды умеренно либеральной интеллигенции; в 80—90-х годах в газете принимали участие писатели демократического лагеря (М. Е. Салтыков-Щедрин, Г. И. Успенский, В. Г. Короленко и др.), печатались произведения либеральных народников. С 1905 года газета являлась органом правого крыла буржуазной кадетской партии. Ленин указывал, что «Русские Ведомости» своеобразно сочетали *«правый* кадетизм с народническим налетом» (Сочинения, 4 изд., том 19, стр. 111). В 1918 году «Русские Ведомости» были закрыты вместе с другими контрреволюционными газетами. — *97.*

[70] *Брентановское понимание классовой борьбы,* «брентанизм» — «либерально-буржуазное учение, признающее нереволюционную «классовую» борьбу пролетариата» (В. И. Ленин. Сочинения, 4 изд., том 28, стр. 209), проповедующее возможность разрешения рабочего вопроса в рамках капитализма путем фабричного законодательства и организации рабочих в профсоюзы. Получило свое название по имени Л. Брентано, одного из главных представителей школы катедер-социализма в буржуазной политической экономии. — *97.*

[71] Имеется в виду *«Группа рабочих для борьбы с капиталом»,* организованная в Петербурге весной 1899 года В. А. Гутовским (впоследствии известный меньшевик Е. Маевский); группа состояла из нескольких рабочих и интеллигентов, прочных связей с рабочим движением Петербурга не имела и вскоре, после ареста почти всех ее членов летом 1899 года, была ликвидирована; по своим взглядам была близка к «экономизму». Группой был напечатан листок «Наша программа», который, однако, не получил распространения из-за ее провала. — *103.*

[72] Речь идет, по-видимому, о первой встрече В. И. Ленина с А. С. Мартыновым, состоявшейся в 1901 году. Мартынов в своих воспоминаниях дает следующее описание этой встречи: «Мы беседовали с Лениным о программе, о политических задачах партии и о политической тактике, и никаких разногласий у нас как будто не было. Но вот в конце беседы Ленин обращается ко мне с вопросом: «Ну, а как вы относитесь к моему организационному плану?» Тут я сразу ощетинился: «В этом пункте я с вами совершенно не согласен...» Владимир Ильич, прищурив глаза, усмехнулся и ответил мне: «Вы только в этом пункте со мной не согласны, а в этом вся суть, и разговаривать нам с вами, значит, больше не о чем». И мы разошлись... на долгие годы» (А. Мартынов. «Великий пролетарский вождь». М., 1924, стр. 8—9). — *111.*

[73] В. И. Ленин имеет в виду возглавлявшийся им кружок петербургских социал-демократов («стариков»); на его основе в 1895 году был создан «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». — *127.*

[74] Организация революционных народников *«Земля и воля»* образовалась осенью 1876 года в Петербурге; первоначально называлась «Северная революционно-народническая группа», с 1878 года известна как общество «Земля и воля». Ее членами были Марк и Ольга Натансоны, Г. В. Плеханов, О. В. Аптекман, А. Д. и А. Ф. Михайловы, А. А. Квятковский, М. Р. Попов, С. М. Кравчинский, Д. А. Клеменц, А. Д. Оболешев, С. Л. Перовская и другие выдающиеся революционеры-семидесятники. Не отказываясь от социализма как конечной цели, организация «Земля и воля» в качестве ближайшей цели выдвигала осуществление *«народных требований и желаний,* каковы они есть в данную минуту», т. е. требований «земли и воли». «Само собой разумеется, — говорилось в ее программе, — что эта формула может быть воплощена в жизнь только *путем насильственного переворота»,* для подготовки которого выдвигались задачи возбуждения «народного недовольства» и «дезорганизации силы государства». Для агитации среди крестьян землевольцы организовывали деревенские «поселения», главным образом в земледельческих губерниях Поволжья и черноземного Центра. Они вели также агитационную работу среди рабочих и учащейся молодежи, оказывали содействие стачечному движению. 6 (18) декабря 1876 года землевольцы организовали известную демонстрацию на Казанской площади в Петербурге.

В отличие от народнических групп первой половины 70-х годов землевольцы создали стройную организацию, в основу которой были положены принципы строгой централизации и дисциплины. Организация состояла из «основного кружка» и территориальных и специальных групп (для работы в крестьянстве и среди рабочих, «дезорганизаторских» и пр.); во главе «основного кружка» стояла «администрация» («комиссия»), которая контролировала деятельность групп, снабжала их литературой, средствами и т. п. Устав общества, принятый зимой 1876—1877 года, требовал подчинения меньшинства большинству; безусловного принесения каждым членом на пользу организации «всех своих сил, средств, связей, симпатий и антипатий и даже своей жизни»; соблюдения полнейшей тайны относительно всех внутренних дел организации и т. п. В 1878—1879 годах землевольцами было издано 5 номеров журнала «Земля и Воля».

К 1879 году, под влиянием неуспеха социалистической агитации среди крестьян и усилившихся правительственных репрессий, большинство землевольцев стало склоняться

к политическому террору как основному методу борьбы за осуществление своей программы. Разногласия между сторонниками старой тактики (во главе с Г. В. Плехановым) и сторонниками террора (А. И. Желябов и др.) привели к расколу на Воронежском съезде «Земли и воли» (июнь 1879 года); первые организовали общество «Черный передел», вторые — «Народная воля» (см. примечание 9).

Чернопередельцы (Г. В. Плеханов, М. Р. Попов, П. Б. Аксельрод, Л. Г. Дейч, Я. В. Стефанович, В. И. Засулич, О. В. Аптекман, В. Н. Игнатов, позднее — А. П. Буланов и др.) в своих программных требованиях отстаивали в основном платформу «Земли и воли». В России и за границей, куда в 1880 году эмигрировали Плеханов, Дейч, Засулич, Стефанович и др., издавались журнал «Черный Передел» и газета «Зерно». Впоследствии часть чернопередельцев эволюционировала к марксизму (Плеханов, Аксельрод, Засулич, Дейч и Игнатов создали в 1883 году первую русскую марксистскую организацию — группу «Освобождение труда»), другие после 1 марта 1881 года примкнули к народовольцам. — *135.*

[75] Речь идет о статьях Е. Лазарева «Раскол в русской социал-демократической партии» («Накануне» №№ 15 и 16, апрель и май 1900 г.) и «По поводу одного раскола» («Накануне» № 17—18, июнь 1900 г.). — *140.*

[76] Имеется в виду брошюра *«Доклад о русском социал-демократич. движении Международному социалистич. конгрессу в Париже 1900 г.»*, Женева, изд. «Союза русских социал-демократов», 1901. Доклад был написан по поручению «Союза» редакцией «Рабочего Дела». — *144.*

[77] В. И. Ленин имеет в виду то полемическое замечание статьи Р. М. «Наша действительность», напечатанной в «Отдельном приложении к «Рабочей Мысли»» (сентябрь 1899 года), которое он цитирует в параграфе «б» главы III (см. настоящий том, стр. 68). — *149.*

[78] *«Южный Рабочий»* — социал-демократическая газета, издавалась нелегально с января 1900 по апрель 1903 года группой того же названия; вышло 12 номеров. Редакторами и сотрудниками «Южного Рабочего» в разное время являлись И. Х. Лалаянц, А. Виленский («Илья»), О. А. Коган (Ерманский), Б. С. Цейтлин (Батурский), Е. Я. и Е. С. Левины, В. Н. Розанов и др.

Возникнув как «екатеринославская рабочая газета» (подзаголовок первых двух номеров), «Южный Рабочий» скоро становится влиятельным «органом рабочего движения юга

России». Типография газеты постоянно меняла свое местопребывание и перебывала в Екатеринославе, Смоленске, Кишиневе, Николаеве и других городах.

«Южный Рабочий» выступал против «экономизма» и терроризма, отстаивал необходимость развертывания массового революционного движения. Но в противовес искровскому плану создания в России централизованной марксистской партии вокруг общерусской политической газеты группа «Южный рабочий» выдвигала план восстановления РСДРП путем создания областных социал-демократических объединений. Практической попыткой осуществления этого плана был созыв съезда комитетов и организаций РСДРП юга России в декабре 1901 года, на котором был образован «Союз южных комитетов и организаций РСДРП», с «Южным Рабочим» в качестве его органа. Попытка эта оказалась нежизненной (как и весь организационный план «Южного Рабочего»), и после массовых провалов весной 1902 года «Союз» распался. Оставшиеся на свободе члены редакции «Южного Рабочего» в августе 1902 года вступили в переговоры с редакцией «Искры» о совместной работе для восстановления единства российской социал-демократии. Заявление группы «Южный рабочий» о солидарности с «Искрой» (опубликовано в «Искре» № 27, 1 ноября 1902 г. и в «Южном Рабочем» № 10, декабрь 1902 г.) имело большое значение для консолидации социал-демократических сил России. В ноябре 1902 года группа «Южный рабочий» совместно с русской организацией «Искры», Петербургским комитетом РСДРП и «Северным союзом РСДРП» участвует в создании Организационного комитета по созыву II съезда партии и в его деятельности.

Группа «Южный рабочий» провела большую революционную работу в России; но в то же время группа проявляла оппортунистические тенденции в решении вопроса об отношении к либеральной буржуазии и к крестьянскому движению, вынашивала сепаратистский план создания общерусской газеты параллельно «Искре».

На II съезде РСДРП делегаты группы «Южный рабочий» заняли позицию «центра» («оппортунисты средние» — называл представителей «центра» Ленин). II съезд постановил распустить группу «Южный рабочий», как и все отдельные социал-демократические группы и организации (см. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1954, стр. 57). — *150.*

[79] В. И. Ленин имеет в виду изданные «Рабочей Мыслью» листок «Вопросы о положении рабочего класса в России» (1898) и брошюру-вопросник «Вопросы для собирания сведений о положении рабочего класса в России» (1899). В первом из них имелось 17 вопросов, во второй — 158 вопросов об условиях труда и быта рабочих. — *152.*

[80] Стачечное движение 1885 года охватило многие предприятия текстильной промышленности Владимирской, Московской, Тверской и других губерний промышленного Центра. Наиболее известной была стачка рабочих Никольской мануфактуры Саввы Морозова в январе 1885 года. Основным в требованиях рабочих было уменьшение штрафов, упорядочение условий найма и т. п.; стачкой руководили передовые рабочие П. А. Моисеенко, Л. Иванов и В. С. Волков. Морозовская стачка, в которой участвовало около 8 тысяч рабочих, была подавлена при помощи войск; 33 рабочих-участника стачки было предано суду, свыше 600 рабочих — выслано. Под влиянием стачечного движения 1885—1886 годов царское правительство было вынуждено издать закон 3 (15) июня 1886 года (т. н. «закон о штрафах»). — *153.*

[81] В. И. Ленин имеет в виду следующие факты из истории РСДРП:

Первый факт. Летом 1897 года петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» обратился к Ленину, находившемуся тогда в сибирской ссылке (в с. Шушенском), с предложением участвовать в создании особой рабочей библиотеки, для которой Ленин написал упомянутые в тексте брошюры (обе были напечатаны в Женеве: «Задачи русских социал-демократов» в 1898 году, «Новый фабричный закон» в 1899 году).

Второй факт. В 1898 году Л. Мартов (Ю. О. Цедербаум), находившийся в туруханской ссылке, написал по предложению ЦК Бунда брошюру «Рабочее дело в России» (напечатана в Женеве в 1899 году).

Третий факт. Попытка возобновить издание «Рабочей Газеты», по инициативе ЦК Бунда, была предпринята в 1899 году. Названные статьи написаны Лениным для № 3 «Рабочей Газеты».

Четвертый факт. В начале 1900 года, по инициативе Екатеринославского комитета РСДРП и при поддержке Бунда и «Союза русских социал-демократов за границей», была предпринята попытка созвать второй съезд РСДРП, восстановить Центральный Комитет партии и возобновить издание Центрального Органа — «Рабочей Газеты». В феврале 1900 года в Москву для переговоров с В. И. Лениным приезжал член Екатеринославского комитета И. Х. Лалаянц, который в 1893 году участвовал в руководимом Лениным кружке самарских марксистов; Лалаянц предложил группе «Искры» — Ленину, Мартову и Потресову — участвовать в съезде и взять на себя редактирование «Рабочей Газеты». Ленин и члены группы «Освобождение труда» считали созыв съезда преждевременным (см. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 325—326); однако группа «Освобождение труда» не могла отказаться от участия в съезде и поручила представительство на съезде Ленину, переслав

ему мандат из-за границы. Из-за массовых арестов, произведенных полицией в апреле — мае 1900 года, съезд не состоялся; в Смоленск, где весной 1900 года должен был открыться съезд, съехались лишь представители Бунда, редакции «Южного Рабочего» и заграничного «Союза русских социал-демократов».

Таким образом, факты упомянуты Лениным именно в том порядке, в каком они имели место в действительности. — *158.*

[82] Имеется в виду *Заграничная лига русской революционной социал-демократии,* основанная по инициативе В. И. Ленина в октябре 1901 года. В Лигу вошли заграничный отдел организации «Искры» и революционная организация «Социал-демократ», включавшая в себя группу «Освобождение труда». Задача Лиги состояла в том, чтобы распространять идеи революционной социал-демократии и содействовать созданию боевой социал-демократической организации. Лига (согласно ее уставу) являлась заграничным отделом организации «Искры». Она вербовала сторонников «Искры» из числа русских социал-демократов за границей, материально поддерживала ее, организовывала доставку газеты в Россию и издавала популярную марксистскую литературу. II съезд РСДРП утвердил Лигу в качестве единственной заграничной партийной организации, имеющей уставные права комитета, и обязал ее работать под руководством и контролем ЦК РСДРП.

После II съезда РСДРП в Заграничной лиге укрепились меньшевики и повели борьбу против Ленина, против большевиков. На ее втором съезде в октябре 1903 года меньшевики провели новый устав Лиги, направленный против устава партии, принятого на II съезде РСДРП. С этого времени Лига стала оплотом меньшевизма. Существовала до 1905 года. — *158.*

[83] В «Докладе организации «Искры» II съезду РСДРП», написанном Н. К. Крупской, говорилось: «Между тем повсюду более или менее ясно сознавалась необходимость расширить рамки местной работы. «Сидят, как в яме, ничего не знают, что делается в других местах», — писал про Киевский комитет один корреспондент. Не знаю, насколько справедливо это было по отношению к Киевскому комитету, но, вообще говоря, «сидения в яме» было в то время более чем достаточно» («Доклады соц.-демократических комитетов Второму съезду РСДРП». М.—Л., 1930, стр. 31). — *168.*

[84] В. И. Ленин цитирует статью Д. И. Писарева «Промахи незрелой мысли» (см. Д. И. Писарев. Сочинения, т. 3, 1956, стр. 147, 148 и 149). — *172.*

[85] *«Листок «Рабочего Дела»»* — непериодическое приложение к журналу «Рабочее Дело», издавался в Женеве с июня 1900 по июль 1901 года. Всего вышло восемь номеров «Листка». В статье «С чего начать?» В. И. Ленин назвал беспринципным эклектизмом призывы редакции «Рабочего Дела» в статье «Исторический поворот» («Листок «Рабочего Дела»» № 6, апрель 1901 г.) «коренным образом изменить» тактику социал-демократии, в связи с происходившими в феврале — марте 1901 года массовыми политическими демонстрациями рабочих и студентов во многих городах России, и принять участие в начавшемся якобы штурме самодержавия (см. Сочинения, 5 изд., том 5, стр. 5—8). Редакция «Рабочего Дела» ответила на критику В. И. Ленина статьей Б. Кричевского «Принципы, тактика и борьба» («Рабочее Дело» № 10, сентябрь 1901 г.). — *173.*

[86] В. И. Ленин имеет в виду следующее место из работы К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»:

«Гегель где-то отмечает, что все великие всемирно-исторические события и личности появляются, так сказать, дважды. Он забыл прибавить: первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 8, стр. 119). — *173.*

[87] В ноябре — декабре 1901 года по России прокатилась волна студенческих демонстраций, поддержанных рабочими. Корреспонденции о демонстрациях в Нижнем Новгороде (по поводу высылки М. Горького), Москве (с протестом против запрещения вечера в память Н. А. Добролюбова), Екатеринославе, о студенческих сходках и волнениях в Киеве, Харькове, Москве, Петербурге были напечатаны в «Искре» № 13, 20 декабря 1901 года и № 14, 1 января 1902 года в отделе «Из нашей общественной жизни»; демонстрациям были также посвящены статьи В. И. Ленина «Начало демонстраций» («Искра» № 13, — см. Сочинения, 5 изд., том 5, стр. 369—372) и Г. В. Плеханова «О демонстрациях» («Искра» № 14). — *176.*

[88] *Янычары* — регулярная пехота в султанской Турции, созданная в XIV веке. Являлись важнейшей полицейской силой султанского режима, отличались необыкновенной жестокостью. Полки янычар были расформированы в 1826 году. В. И. Ленин называл янычарами царскую полицию. — *177.*

[89] Это приложение было опущено В. И. Лениным при переиздании «Что делать?» в сборнике «За 12 лет» в 1907 году. — *184.*

[90] *Международное социалистическое бюро* (МСБ) — постоянный исполнительно-информационный орган II Интернационала; решение о создании МСБ из представителей социали-

стических партий всех стран было принято на Парижском конгрессе II Интернационала (сентябрь 1900 г.). Представителями русских социал-демократов в МСБ были избраны Г. В. Плеханов и Б. Н. Кричевский. С 1905 года в качестве представителя от РСДРП в МСБ входил В. И. Ленин. МСБ прекратило свою деятельность в 1914 году. — *184.*

[91] *«Революционная организация «Социал-демократ»»* была образована членами группы «Освобождение труда» и ее единомышленниками в мае 1900 года после раскола «Союза русских социал-демократов за границей» на его II съезде. В листовке-воззвании по поводу образования организации «Социал-демократ» говорилось о ее целях: «помогать социалистическому движению в русском пролетариате» и бороться со всякими оппортунистическими попытками искажения марксизма. Организация издала «Манифест Коммунистической партии», несколько брошюр Г. В. Плеханова, К. Каутского и др. В октябре 1901 года она объединилась, по предложению В. И. Ленина, с заграничным отделом организации «Искры» в Заграничную лигу русской революционной социал-демократии. — *185.*

[92] В. И. Ленин имеет в виду заграничную социал-демократическую группу «Борьба», в которую входили Д. Б. Рязанов, Ю. М. Стеклов (Невзоров) и Э. Л. Гуревич (В. Даневич, Е. Смирнов). Группа сложилась летом 1900 года в Париже и в мае 1901 года приняла название «Группа «Борьба»». Пытаясь примирить революционное и оппортунистическое направления в русской социал-демократии, группа «Борьба» взяла на себя инициативу созыва женевской конференции представителей заграничных социал-демократических организаций — редакции «Искры» и «Зари», организации «Социал-демократ», ЗК Бунда и «Союза русских социал-демократов» (июнь 1901 г.) и участвовала в работе «объединительного» съезда (октябрь 1901 г.). В ноябре 1901 года группа выступила с программным «Объявлением об изданиях социал-демократической группы «Борьба»». В своих изданиях («Материалы для выработки партийной программы», вып. I—III, «Летучий листок группы «Борьба»» и др.) группа «Борьба» извращала революционную теорию марксизма, истолковывая ее в доктринерски-схоластическом духе, враждебно относилась к ленинским организационным принципам построения партии. Ввиду отступлений от социал-демократических воззрений и тактики, дезорганизаторских действий и отсутствия связи с социал-демократическими организациями в России группа не была допущена на II съезд РСДРП. Решением II съезда группа «Борьба» была распущена (см. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1954, стр. 56). — *185.*

[93] Полемика между редакцией центрального органа Германской социал-демократической партии газеты «Vorwärts» («Вперед»), К. Каутским и «Зарей» возникла в связи со статьей Мартова (Ignotus'a) «Любекский партейтаг германской социал-демократии» («Заря» № 2—3, декабрь 1901 г.), отметившего тенденциозность парижских корреспонденции Б. Н. Кричевского в «Vorwärts». В них Кричевский давал неправильную информацию о положении дел во французском социалистическом движении, нападал на гедистов и вел систематическую пропаганду в пользу Мильерана и поддерживавших его жоресистов. Редакция «Vorwärts'a» взяла Кричевского под свою защиту, обвинив Мартова в недобросовестности. В разгоревшейся в связи с этим на страницах «Vorwärts'a» полемике принял участие К. Каутский, указавший редакции газеты на искажение ею смысла статьи Мартова. В «Vorwärts'e» выступили также Мартов и Кричевский (которому редакция «Vorwärts'a» предоставила заключительное слово). Полемика, однако, вышла за рамки «Vorwärts'a»: в защиту «Зари» выступили К. Цеткин — с рефератом, прочитанным в Берлинском рабочем собрании, орган французской Рабочей партии газета «Le Socialiste» (№ 55, 20—27 января 1902 г.) и Парвус — со статьей «Мильеран и «Vorwärts». К характеристике психологии оппортунизма», перепечатанной в «Заре» № 4, август 1902 года.

В «Искре» № 18, 10 марта 1902 года, в отделе «Из партии» была напечатана заметка «Полемика «Зари» с редакцией «Vorwärts»», в которой была изложена точка зрения редакции «Искры» и «Зари» на эту полемику. — *189.*

[94] *«Поправка к «Что делать?»»* напечатана в «Искре» № 19, 1 апреля 1902 года, в отделе. «Из партии». — *191.*

[95] Программа партии, принятая на II съезде РСДРП в 1903 году, была выработана редакцией ленинской «Искры» в конце 1901 — первой половине 1902 года. Выдающуюся роль в разработке проекта программы РСДРП сыграл В. И. Ленин.

Еще в 1895—1896 годах, в тюрьме, Ленин написал проект и объяснение программы социал-демократической партии (см. Сочинения, 5 изд., том 2, стр. 81 —110); в конце 1899 года, в сибирской ссылке, он подготовил новый проект программы (см. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 211—239). Приступая к изданию «Искры», Ленин считал ее важнейшей задачей борьбу за достижение и упрочение идейного единства российской социал-демократии, закрепление этого единства в партийной программе: «Обсуждение вопросов теории и политики, — писал он, — будет связано с выработкой программы партии...» (Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 327).

Особенно остро встал вопрос о выработке проекта партийной программы летом 1901 года: «Из России нам писали, что толки о съезде усилились, — сообщает В. И. Ленин П. Б. Аксельроду 9 июля (н. ст.) 1901 года. — Это опять и опять заставляет нас подумать о программе. Опубликование проекта программы *крайне* необходимо и имело бы громадное значение» (Сочинения, 4 изд., том 36, стр. 57). По предложению Ленина первоначальный проект теоретической части программы был написан Г. В. Плехановым.

Проект Плеханова был подвергнут Лениным резкой критике на совещании редакции «Искры» в Мюнхене в январе 1902 года; им было сделано более 30 замечаний, в которых указывалось на целый ряд принципиально неверных положений проекта (см. настоящий том, стр. 195—202). Под влиянием критики Ленина и других членов редакции Плеханов переработал два первых абзаца своего проекта (см. стр. 416); но с большинством других замечаний и предложений он не согласился. При обсуждении проекта Плеханова внутри редакции «Искры» выявились крупные разногласия; одно из наиболее серьезных было вызвано предложением Ленина начать программу с указания на развитие капитализма в России; в записи после совещания Ленин отметил: «Оставлен открытым (3 голоса за и 3 против) вопрос о том, не начать ли с указания на Россию» (Ленинский сборник II, 1924, стр. 15).

Одновременно с проектом теоретической части программы на мюнхенском совещании редакции «Искры» были обсуждены также вопросы, связанные с разработкой проекта практической части программы. Об этом свидетельствует написанный В. И. Лениным на небольшом листке «Набросок отдельных пунктов практической части проекта программы» (см. стр. 411—412). К концу января — началу февраля 1902 года первоначальный вариант практической части проекта программы РСДРП был написан; автором его аграрной части и заключения был Ленин (см. стр. 425—426).

Убедившись в неприемлемости написанного Плехановым проекта теоретической части программы, В. И. Ленин приступил к составлению своего проекта. Первоначальный вариант ленинского проекта теоретической части программы РСДРП (в переписке членов редакции «Искры» — «проект Фрея») был написан к 25 января (7 февраля) 1902 года (см. стр. 418—423); окончательно работу над своим проектом Ленин завершил к 18 февраля (3 марта) 1902 года (см. стр. 203—210 и 211). Одновременно над своим вторым проектом программы РСДРП работал и Плеханов. Этот проект Ленин также подверг серьезному критическому разбору (см. стр. 212—235 и 236—238). Для согласования проектов программы Ленина и Плеханова и составления общего проекта программы РСДРП редакция «Искры» образовала «согласительную» комиссию.

При выработке проекта программы комиссия приняла за основу проект Плеханова. Но, благодаря настойчивым требованиям Ленина, в комиссионный проект был включен ряд важнейших положений: тезис о вытеснении мелкого производства крупным заменил неопределенную и расплывчатую формулировку Плеханова; было дано более четкое, чем в плехановском проекте, определение чисто пролетарского характера партии; важнейшим пунктом программы стало положение о диктатуре пролетариата как необходимом условии социалистической революции. Ленин ознакомился с комиссионным проектом программы 12 апреля (н. ст.) 1902 года, во время переезда из Мюнхена в Лондон, и в пути написал свои замечания на него (см. стр. 241—253).

На совещании редакции «Искры» в Цюрихе 14 апреля (н. ст.) 1902 года, в котором Ленин не участвовал, был утвержден общередакционный проект программы: его теоретическая часть (комиссионный проект) и практическая часть (согласованная со всеми членами редакции «Искры» еще в начале марта 1902 года). Бòльшая часть предложенных Лениным замечаний, поправок и дополнений была учтена составителями проекта программы при его обсуждении на цюрихском совещании.

Проект программы Российской социал-демократической рабочей партии, выработанный редакцией «Искры» и «Зари», был опубликован в «Искре» № 21, 1 июня 1902 года. II съезд РСДРП, состоявшийся 17 июля — 10 августа (30 июля — 23 августа) 1903 года, принял, с небольшими изменениями, искровский проект партийной программы.

Программа РСДРП просуществовала до 1919 года, когда на VIII съезде РКП(б) была принята новая программа. Теоретическая часть программы РСДРП, характеризующая общие закономерности и тенденции развития капитализма, была включена по предложению В. И. Ленина в новую программу РКП(б). — *193.*

[96] *Эрфуртская программа* Германской социал-демократической партии была принята в октябре 1891 года на съезде в Эрфурте. Эрфуртская программа была шагом вперед по сравнению с Готской программой (1875 г.); в основу программы было положено учение марксизма о неизбежности гибели капиталистического способа производства и замены его социалистическим; в ней подчеркивалась необходимость для рабочего класса вести политическую борьбу, указывалось на роль партии как руководителя этой борьбы и т. п.; но и в Эрфуртской программе содержались серьезные уступки оппортунизму. Развернутую критику проекта Эрфуртской программы дал Ф. Энгельс («К критике проекта социал-демократической программы 1891 г.» — См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. II, 1936, стр. 101—116); это была, по существу, критика оппортунизма всего II Интер-

национала, для партий которого Эрфуртская программа была своего рода образцом. Однако руководство германской социал-демократии скрыло от партийных масс критику Энгельса, а его важнейшие замечания не были учтены при выработке окончательного текста программы. В. И. Ленин и Г. В. Плеханов считали, что главным недостатком, трусливой уступкой оппортунизму является умолчание Эрфуртской программы о диктатуре пролетариата.

Ленин пользовался немецким текстом Эрфуртской программы, давая собственный перевод цитируемых положений. — *197.*

[97] Имеется в виду следующее положение «Манифеста Коммунистической партии»: «Если не по содержанию, то по форме борьба пролетариата против буржуазии является сначала борьбой национальной. Пролетариат каждой страны, конечно, должен сперва покончить со своей собственной буржуазией» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 4, стр. 435). — *215.*

[98] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. II, 1936, стр. 104. — *215.*

[99] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. II, 1936, стр. 103. — *220.*

[100] Имеются в виду написанные К. Марксом «Временный устав Международного товарищества рабочих», принятый на заседании Генерального совета I Интернационала 1 ноября 1864 года (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XIII, ч. I, 1936, стр. 13—16), и «Общий устав Международного товарищества рабочих», принятый в сентябре 1871 года Лондонской конференцией I Интернационала, в основу которого был положен «Временный устав» Интернационала (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. I, 1955, стр. 344—347). — *226.*

[101] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 4, стр. 434. — *228.*

[102] Имеется в виду статья Ф. Энгельса «Крестьянский вопрос во Франции и Германии», в которой он подверг критике аграрную программу Рабочей партии Франции, принятую на ее Марсельском съезде 1892 года и дополненную на Нантском съезде 1894 года (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1955, стр. 401—421). — *229.*

[103] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. II, 1936, стр. 106. — *229.*

[104] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1955, стр. 20. — *232.*

[105] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. II, 1936, стр. 106. — *232.*

[106] В. И. Ленин имеет в виду следующее место из статьи Ф. Энгельса «К критике проекта социал-демократической программы 1891 г.»: «В общем она страдает тем недостатком, что пытается соединить несоединимое: быть и программой, и *комментарием* к программе. Люди опасаются, что когда пишешь кратко и убедительно, то это недостаточно понятно, и поэтому вставляют в текст разъяснения, которые делают изложение многословным и тягучим» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. II, 1936, стр. 103). — *238.*

[107] *«Поправка к аграрной части проекта программы»* написана В. И. Лениным на чистых листах рукописи статьи «Аграрная программа русской социал-демократии» и относится к проекту практической части программы, выработанному комиссией, т. е. пятью членами редакции «Искры», еще в мюнхенский период ее деятельности. На цюрихском совещании членов редакции «Искры» 1—4 (14—17) апреля 1902 года, в котором Ленин не участвовал, «Поправка» была отклонена. — *239.*

[108] *Комментарием к аграрной части программы партии* В. И. Ленин называет свою статью «Аграрная программа русской социал-демократии» (см. настоящий том, стр. 303— 348). — *239.*

[109] Согласно «Положению о выкупе крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости...», утвержденному 19 февраля 1861 года, крестьяне обязаны были выплачивать помещикам выкуп за отведенные им земельные наделы. При заключении выкупной сделки царское правительство уплатило помещикам выкупную сумму, которая считалась долгом крестьян и должна была выплачиваться ими в течение 49 лет. Соответствующие доли этого долга, ежегодно вносимые крестьянами, назывались выкупными платежами. Обременительные и непосильные для крестьян выкупные платежи вызывали их массовое разорение и обнищание. Только бывшие помещичьи крестьяне выплатили царскому правительству около 2 млрд. руб., в то время как рыночная цена земли, перешедшей к крестьянам, не превышала 544 млн. руб. Так как крестьяне выходили на выкуп не сразу, а до 1883 года, выплата выкупных платежей должна была завершиться лишь в 1932 году. Однако крестьянское движение в период первой русской революции 1905—1907 годов вынудило царское правительство отменить выкупные платежи с января 1907 года. — *239.*

[110] «*Выкуп — та же покупка»* — слова одного из героев романа Н. Г. Чернышевского «Пролог» Волгина, выражавшие отношение самого Н. Г. Чернышевского к «освобождению» крестьян в 1861 году (см. Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. XIII, 1949, стр. 188). — *239.*

[111] Замечания В. И. Ленина на комиссионный проект теоретической части программы написаны на полях и между строк рукописи комиссионного проекта, а также на оборотных страницах рукописи. Отдельные положения комиссионного проекта, которые выделены Лениным (подчеркиванием, скобками, отчеркиваниями и т. п.), подчеркнуты тонкими линейками. — *241.*

[112] *Биметаллизм* — денежная система, при которой денежная единица страны фиксируется и в золоте и в серебре, причем оба металла являются законным платежным средством на равных основаниях; была широко распространена в Западной Европе в XVI—XIX веках.

Прерафаэлитизм — реакционно-романтическое течение в английской культуре, возникшее в середине XIX века. Художники-прерафаэлиты провозгласили своим идеалом итальянское искусство Раннего Возрождения (до Рафаэля, отсюда название «прерафаэлитизм»), которое они искаженно воспринимали как средневековое религиозное искусство. Для их взглядов характерны социальный утопизм и мелкобуржуазное романтическое бунтарство. Писатели-прерафаэлиты считали своими литературными образцами героическую романтику старинных легенд и саг, средневековую религиозную лирику, творчество Данте и раннего английского реалиста Дж. Чосера. Прерафаэлитизм — характерное явление кризиса и начавшегося упадка буржуазной культуры. — *252.*

[113] Речь идет о третьем томе «Капитала» К. Маркса. Ниже упоминается второй том «Капитала». — *255.*

[114] *Социалисты-революционеры* (эсеры) — мелкобуржуазная партия в России, возникла в конце 1901 — начале 1902 года в результате объединения народнических групп и кружков. Ее официальными органами стали газета «Революционная Россия» (1900—1905) и журнал «Вестник Русской Революции» (1901 —1905). Взгляды эсеров представляли собой эклектическое смешение идей народничества и ревизионизма; они пытались, по выражению Ленина, «прорехи народничества» исправлять «заплатами модной оппортунистической «критики» марксизма» (Сочинения, 4 изд., том 9, стр. 283). Эсеры не видели классовых различий между пролетариатом и крестьянством, затушевывали классовое

расслоение и противоречия внутри крестьянства, отрицали руководящую роль пролетариата в революции. Тактика индивидуального террора, которую эсеры проповедовали как основной метод борьбы с самодержавием, наносила большой вред революционному движению, затрудняла дело организации масс для революционной борьбы.

Аграрная программа эсеров предусматривала уничтожение частной собственности на землю и переход ее в распоряжение общин на началах уравнительного пользования, а также развитие всякого рода коопераций. В этой программе, которую эсеры пытались представить программой «социализации земли», не было ничего социалистического, так как уничтожение частной собственности только на землю, как показал Ленин, не может уничтожить господства капитала и нищеты масс. Реальным, исторически прогрессивным содержанием аграрной программы эсеров была борьба за ликвидацию помещичьего землевладения; это требование объективно выражало интересы и стремления крестьянства в период буржуазно-демократической революции.

Партия большевиков разоблачала попытки эсеров маскироваться под социалистов, вела упорную борьбу с эсерами за влияние на крестьянство, вскрывала вред их тактики индивидуального террора для рабочего движения. В то же время большевики шли, при определенных условиях, на временные соглашения с эсерами в борьбе против царизма.

Классовая неоднородность крестьянства обусловила, в конечном счете, политическую и идейную неустойчивость и организационный разброд в партии эсеров, их постоянные колебания между либеральной буржуазией и пролетариатом. Уже в годы первой русской революции от партии эсеров откололось ее правое крыло, образовавшее легальную «Трудовую народно-социалистическую партию» (энесы), близкую по своим взглядам к кадетам, и левое крыло, оформившееся в полуанархистский союз «максималистов». В период столыпинской реакции партия эсеров переживала полный идейный и организационный развал. В годы первой мировой войны большинство эсеров стояло на позициях социал-шовинизма.

После победы Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года эсеры вместе с меньшевиками и кадетами были главной опорой контрреволюционного буржуазно-помещичьего Временного правительства, а лидеры партии (Керенский, Авксентьев, Чернов) входили в его состав. Левое крыло эсеров под влиянием революционизирования крестьянства образовало в конце ноября 1917 года самостоятельную партию левых эсеров. Стремясь сохранить свое влияние в крестьянских массах, левые эсеры формально признали Советскую власть и вступили в соглашение с большевиками, но вскоре встали на путь борьбы против

Советской власти. В годы иностранной военной интервенции и гражданской войны эсеры вели контрреволюционную подрывную деятельность, активно поддерживали интервентов и белогвардейцев, участвовали в контрреволюционных заговорах, организовывали террористические акты против деятелей Советского государства и Коммунистической партии. После окончания гражданской войны эсеры продолжали враждебную деятельность против Советского государства внутри страны и в стане белогвардейской эмиграции.

«Вестник Русской Революции. Социально-политическое обозрение» — нелегальный журнал, издавался за границей (Пария; — Женева) в 1901 —1905 годах; вышло четыре номера. С № 2 — теоретический орган партии эсеров. Сотрудниками журнала были М. Р. Гоц (А. Левицкий), И. А. Рубанович, В. М. Чернов (Ю. Гарденин), Е. К. Брешко-Брешковская и др. — *256.*

115 *«Русское Богатство»* — ежемесячный журнал, выходивший с 1876 по 1918 год в Петербурге. С начала 90-х годов перешел в руки либеральных народников во главе с Н. К. Михайловским; главный народнический орган, открывший в 1893 году поход против российских социал-демократов. Искажая и фальсифицируя марксизм, «Русское Богатство» опиралось на западноевропейских ревизионистов. Вокруг «Русского Богатства» группировались публицисты, впоследствии ставшие видными членами партий эсеров, «народных социалистов» и трудовых групп в государственных думах. В литературном отделе журнала печатались прогрессивные писатели — В. В. Вересаев, В. М. Гаршин, А. М. Горький, В. Г. Короленко, А. И. Куприн, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Г. И. Успенский и др.

С 1906 года «Русское Богатство» становится органом полукадетской партии энесов («народных социалистов»), «Русское Богатство» несколько раз меняло название («Современные Записки», «Современность», «Русские Записки»; с апреля 1917 года снова — «Русское Богатство»). — *256.*

116 Имеется в виду интервенция империалистических держав (Германии, Японии, Италии, Англии, США, Франции, царской России и Австро-Венгрии) в Китае, предпринятая для подавления народного антиимпериалистического Ихэтуаньского восстания 1899—1901 годов. — *258.*

117 В «Искре» № 2, февраль 1901 года, в отделе «Из нашей общественной жизни» была напечатана заметка «На «великой Сибирской магистрали» (Письмо из Сибири)», в которой описывалась обстановка взяточничества и лихоим-

ства на строительстве сибирской железнодорожной магистрали. — *269.*

[118] *«Московские Ведомости»* — одна из старейших русских газет; издавалась Московским университетом с 1756 года (первоначально в виде небольшого листка). В 1863—1887 годах редактором-издателем «Московских Ведомостей» был М. Н. Катков, крайний реакционер и шовинист, противник малейших проявлений прогрессивной общественной мысли; он превратил газету в монархо-националистический орган, проводивший взгляды наиболее реакционных слоев помещиков и духовенства; с 1905 года «Московские Ведомости» — один из главных органов черносотенцев. Закрыта в конце 1917 года. — *264.*

[119] *«Социал-демократическая рабочая библиотека»* — серия брошюр, изданная в 1900—1901 годах группой петербургских и виленских социал-демократов. Образовавшаяся летом 1900 года группа «Социал-демократическая рабочая библиотека» поставила своей целью перенесение центра тяжести социал-демократической агитации с экономической борьбы на политическую — путем издания соответствующих брошюр. Члены группы — петербуржцы взяли на себя литературно-редакторскую часть работы, виленцы — техническую. Группа завязала связи с Москвой, Харьковом, Одессой и другими городами; ее издания в Петербурге и петербургском районе распространялись через группу «Социалист». Выданная провокатором М. Гуровичем группа «Социал-демократическая рабочая библиотека» была разгромлена полицией в ночь на 30 января (12 февраля) 1901 года: все лица, причастные к группе, были арестованы. В издании «Социал-демократической рабочей библиотеки» вышли брошюры «От редакции «Рабочей библиотеки»», «Трансвааль и Китай. Две речи Кейр-Гарди и Либкнехта», «Основные черты русского законодательства» и другие. «Искра» (№ 2, февраль 1901 г.) с одобрением отозвалась о намеченных в брошюре «От редакции» задачах «Социал-демократической рабочей библиотеки», но вместе с тем считала неправильными такие положения брошюры, как «российской буржуазии *пока* ничего не остается желать», «буржуазии дарована у нас некоторая, хотя и жалкая, политическая свобода», т. е. отмечалась та же ошибка, на которую указывает В. И. Ленин. Эти ошибочные взгляды нашли отражение и в брошюре «Основные черты русского законодательства». — *266.*

[120] В. И. Ленин приводит цитату из брошюры «Канун революции. Непериодическое обозрение вопросов теории и тактики» под редакцией Л. Надеждина (Е. О. Зеленского), изданной группой «Свобода» в 1901 году, стр. 129. Риторический

вопрос автора «обозрения» был вызван появлением в «Искре» двух заметок, посвященных борьбе земских статистиков против административного произвола: «Инцидент в Екатеринославском земстве» (№ 7, август 1901 г.) и «Вятские «штрейкбрехеры»» (№ 9, октябрь 1901 г.). — *266.*

[121] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 4, стр. 433.

Ниже В. И. Ленин имеет в виду следующее положение IV главы «Манифеста Коммунистической партии»: «... Коммунисты повсюду поддерживают всякое революционное движение, направленное против существующего общественного и политического строя» (там же, стр. 459). — *267.*

[122] В. И. Ленин имеет в виду так называемое «дело Дрейфуса», офицера французского генерального штаба, еврея по национальности, осужденного в 1894 году военным судом к пожизненному заключению по заведомо ложному обвинению в шпионаже и государственной измене. Инспирированное реакционной военщиной осуждение Дрейфуса было использовано реакционными кругами Франции для разжигания антисемитизма и наступления против республиканского режима и демократических свобод. В 1898 году, когда социалисты и передовые представители буржуазной демократии (среди них — Э. Золя, Ж. Жорес, А. Франс и др.) подняли кампанию за пересмотр дела Дрейфуса, оно сразу же приобрело ярко политический характер и раскололо страну на два лагеря: республиканцев и демократов, с одной стороны, и блок монархистов, клерикалов, антисемитов и националистов — с другой. В 1899 году, под давлением общественного мнения, Дрейфус был помилован и освобожден; но лишь в 1906 году решением кассационного суда он был признан невиновным и восстановлен в армии. — *268.*

[123] *Помпадуры* — обобщенный сатирический образ, созданный М. Е. Салтыковым-Щедриным в произведении «Помпадуры и помпадурши», в котором великий русский писатель-сатирик заклеймил высшую царскую администрацию, министров и губернаторов. Меткое определение Салтыкова-Щедрина прочно вошло в русский язык как обозначение административного произвола, самодурства. — *268.*

[124] Имеется в виду написанное П. Б. Струве (под псевдонимом Р. Н. С.) предисловие к «конфиденциальной записке» министра финансов С. Ю. Витте «Самодержавие и земство», изданной «Зарей» в 1901 году в Штутгарте. В. И. Ленин подверг резкой критике это предисловие в своей работе «Гонители земства и Аннибалы либерализма» (см. Сочинения, 5 изд., том 5, стр. 21—72). — *270.*

[125] Речь идет о «Временных правилах организации студенческих учреждений в высших учебных заведениях ведомства министерства народного просвещения», утвержденных 22 декабря 1901 года (4 января 1902 года) министром народного просвещения Ванновским. Студенты, недовольные «Временными правилами», которые ставили их организации под неослабный административный надзор, протестовали против нового акта правительственного произвола, отказываясь признавать эти «правила». Даже либеральная профессура протестовала против «Временных правил», которые навязывали ей функции полицейского надзора за студентами. — 274.

[126] *Николай (Ника-Милуша) Обманов* — персонаж фельетона А. В. Амфитеатрова «Господа Обмановы», напечатанного в газете «Россия» 13(26) января 1902 года. В фельетоне была дана, в завуалированной форме, сатирическая характеристика последних Романовых: Николая I, Александра II, Александра III и его жены Марии Федоровны, царствовавшего императора Николая II. За напечатание фельетона газета была закрыта, а Амфитеатров сослан в Минусинск. Фельетон «Господа Обмановы» широко распространялся по России в нелегальных изданиях и рукописных списках. — *274.*

[127] В. И. Ленин цитирует статью Л. Н. Толстого «О голоде» (см. Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, т. 29, 1954, стр. 104). — *278.*

[128] Говоря о *«нововременском славословии»,* В. И. Ленин имеет в виду реакционное направление печати царской России, олицетворявшееся газетой «Новое Время» (выходила в Петербурге с 1868 по октябрь 1917 года).

«Нововременство» было выражением, означавшим реакционность, продажность, подхалимство. — *281.*

[129] В. И. Ленин имеет в виду «Отчет государственных сберегательных касс за 1899 год», изданный Управлением государственных сберегательных касс (без указания года издания). — *282.*

[130] При расчете допущена неточность: 157 тыс. составляют не *шестую,* а *двенадцатую* приблизительно часть от 2 млн. фабрично-заводских рабочих. — *284.*

[131] Написанный В. И. Лениным доклад редакции «Искры» предназначался для конференции комитетов и организаций РСДРП, состоявшейся 23—28 марта (5—10 апреля) 1902 года в Белостоке. На конференции были представлены Петербургский и Екатеринославский комитеты РСДРП, «Союз южных

комитетов и организаций РСДРП», ЦК Бунда и его Заграничный комитет, «Союз русских социал-демократов за границей» и редакция «Искры» (ее представитель, Ф. И. Дан, имел мандат от Заграничной лиги русской революционной социал-демократии). По вине организаторов конференции — «экономистов» делегат редакции «Искры» опоздал к началу конференции, а представитель русской организации «Искры» Ф. В. Ленгник вообще не попал на конференцию, хотя в Белосток приехал своевременно; представитель Нижегородского комитета (искровского направления) А. И. Пискунов, приехавший в Белосток раньше Дана, заявил протест по поводу отсутствия на конференции представителей организаций искровского направления и вскоре уехал. «Экономисты» и поддерживавшие их бундовцы намеревались превратить конференцию во II съезд РСДРП, рассчитывая укрепить таким путем свое положение в рядах русской социал-демократии и парализовать растущее влияние «Искры». Эта попытка, однако, не удалась как из-за сравнительно узкого состава конференции (было представлено только четыре из действовавших в России организаций РСДРП), так и из-за обнаружившихся на конференции глубоких принципиальных разногласий; в частности, с резкими возражениями против превращения конференции в партийный съезд выступал делегат «Искры», доказывая неправомочность и неподготовленность такого съезда.

На Белостокской конференции были приняты резолюция о конституировании и принципиальная резолюция, предложенная делегатом ЦК Бунда с поправками представителя «Союза южных комитетов и организаций РСДРП» (делегат «Искры», предложивший свой проект принципиальной резолюции, голосовал против); был также утвержден текст первомайского листка, в основу которого был положен проект, выработанный редакцией «Искры» (см. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1954, стр. 28—31). Конференция избрала Организационный комитет для подготовки второго съезда партии в составе представителей «Искры» (Ф. И. Дан), «Союза южных комитетов и организаций РСДРП» (О. А. Ерманский) и ЦК Бунда (К. Портной). Вскоре после конференции большинство ее делегатов, в том числе два члена ОК, были арестованы полицией. Новый Организационный комитет для подготовки II съезда РСДРП был образован в ноябре 1902 года в Пскове на совещании представителей Петербургского комитета РСДРП, русской организации «Искры» и группы «Южный рабочий». — *292.*

132 Речь идет о бакинской и кишиневской типографиях «Искры».

Кишиневская типография была организована Л. И. Гольдманом в апреле 1901 года и просуществовала до 12 (25) марта 1902 года. В типографии были напечатаны: статья Г. В. Пле-

ханова «Что же дальше?» (оттиск из № 2—3 «Зари»), брошюра Н. К. Крупской «Женщина-работница», «Обвинительный акт по делу о майских беспорядках на Обуховском заводе» (оттиск из «Искры» № 9 с приложением статьи В. И. Ленина «Новое побоище»), статьи В. И. Ленина «Борьба с голодающими» (оттиск из № 2—3 «Зари») и «Начало демонстраций» (оттиск из «Искры» № 13), а также ряд воззваний и листовок. В типографии был перепечатан № 10 «Искры».

Типография в Баку (в конспиративной переписке — «Нина») была организована в сентябре 1901 года группой бакинских искровцев (В. З. Кецховели, Л. Б. Красин, Л. И. Гальперин, Н. П. Козеренко, В. Стуруа и др.) при содействии Тифлисского комитета РСДРП. До марта 1902 года, когда типография «Нина» временно прекратила свою деятельность, в ней были напечатаны брошюры В. Либкнехта «Пауки и мухи», С. Дикштейна «Кто чем живет?», «Речь Петра Алексеева», «Десятилетие морозовской стачки», прокламации и листовки на русском и грузинском языках. В бакинской типографии был перепечатан № 11 «Искры» и печаталась грузинская нелегальная марксистская газета «Брдзола» («Борьба»). После II съезда РСДРП бакинская типография стала центральной партийной типографией, работавшей по заданиям ЦК РСДРП. В декабре 1905 года типография была ликвидирована по решению ЦК партии. — *298.*

[133] Статья *«Аграрная программа русской социал-демократии»,* которую В. И. Ленин называл комментарием к аграрной части проекта программы РСДРП, была написана в феврале — первой половине марта 1902 года, напечатана в августе 1902 года в журнале «Заря» № 4. При обсуждении статьи внутри редакции «Искры» возникли серьезные разногласия; против некоторых ее важнейших положений (о национализации земли и др.) выступали Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод и другие члены редакции.

2 (15) апреля 1902 года статья была обсуждена на совещании членов редакции «Искры» в Цюрихе, в котором Ленин не участвовал. Замечания участников обсуждения были записаны Мартовым на оборотных страницах рукописи статьи. Получив статью после обсуждения ее на цюрихском совещании, Ленин внес в нее некоторые изменения. 20 апреля (3 мая) 1902 года он послал статью Плеханову и Аксельроду для вторичного просмотра. Многочисленные новые замечания и поправки Плеханова, поддержанные Аксельродом, были написаны крайне резко, в оскорбительной форме. Это привело к острому конфликту внутри редакции «Искры». Ответы Ленина на замечания Плеханова и Аксельрода печатаются в настоящем томе на стр. 432—448. При напечатании статьи «Аграрная программа русской социал-демократии» в «Заре» был опущен ряд мест, в том числе все по вопросу о национализации земли.

В настоящем издании Сочинений В. И. Ленина статья печатается по первоначальной рукописи. Важнейшие изменения, внесенные в нее Лениным, указаны в примечаниях.

Postscriptum в рукописи отсутствует, печатается по тексту статьи в журнале «Заря». — *303.*

134 Имеется в виду книга К. Каутского «Die Agrarfrage. Eine Übersicht über die Tendenzen der modernen Landwirtschaft und die Agrarpolitik der Sozialdemokratie» («Аграрный вопрос. Обзор тенденций современного сельского хозяйства и аграрная политика социал-демократии»), изданная в 1899 году в Штутгарте. — *317.*

135 Ленин имеет в виду губернские комитеты, образованные в 1857—1858 годах во всех губерниях Европейской России (за исключением Архангельской) для выработки проектов освобождения крестьян от крепостной зависимости. Комитеты составлялись из выборных от дворян (отсюда — дворянские комитеты) и занимались в основном изысканием средств и путей проведения «крестьянской реформы» таким образом, чтобы дворянство получило максимум выгод. — *323.*

136 Три последние абзаца (начиная от слова: «Далее» — до слов: «крепостного хозяйства») подверглись изменениям в ходе обсуждения статьи. После цюрихского совещания редакции «Искры» В. И. Ленин изменил начальные строки второго абзаца (вычеркнул слова: «Это второе условие... остаются орудием закабаления», — заменив их словами: «Здесь имеются в виду, следовательно, те наиболее широко распространенные отрезки») и снял весь следующий абзац.

При печатании статьи в «Заре» был опущен весь второй абзац, а также следующие слова первого абзаца: «это право ограничено только случаями прямого переживания крепостнических отношений. Именно». — *325.*

137 *Валуевская комиссия* — «Комиссия для исследования положения сельского хозяйства в России», возглавлявшаяся царским министром П. А. Валуевым. В 1872—1873 годах комиссия собрала большой материал о положении сельского хозяйства в пореформенной России: доклады губернаторов, заявления и показания помещиков, предводителей дворянства, различных земских управ, волостных правлений, хлеботорговцев, сельских попов, кулаков, статистических и сельскохозяйственных обществ и разных учреждений, связанных с сельским хозяйством. Эти материалы были опубликованы в книге «Доклад высочайше учрежденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России», Петербург, 1873. — *326.*

[138] Вторая половина этого абзаца была изменена В. И. Лениным после цюрихского совещания редакции «Искры»: последняя фраза была опущена, а конец предшествующей (начиная от слов «относительно же») был заменен словами: «нетипичные же случаи не могут быть предусмотрены никаким единым общим законом, и разрешение их необходимо предоставить усмотрению местных комитетов (которые могут применить и выкуп и обмен земли и пр.)». В таком виде это место было напечатано в «Заре». — *330.*

[139] Имеется в виду крестьянское движение в Полтавской и Харьковской губерниях в конце марта — начале апреля 1902 года — первое крупное революционное выступление крестьян России в начале XX века; его причиной было крайне тяжелое положение крестьян этих губерний, которое к весне 1902 года еще более ухудшилось вследствие неурожая 1901 года и вызванного им голода. Крестьяне требовали нового раздела земли, но в движении 1902 года ограничились, главным образом, захватом запасов продовольствия и фуража в помещичьих экономиях, — всего нападению крестьян подверглось 56 экономий в Полтавской губернии и 24 экономии в Харьковской губернии. Для усмирения крестьян были присланы войска; в результате расправы, учиненной царским правительством, многие крестьяне были убиты, целые села подверглись поголовной порке, сотни крестьян были осуждены на различные сроки тюремного заключения; крестьяне должны были возместить «убытки» в сумме 800 тыс. рублей, которые понесли помещики в результате крестьянских волнений. Анализ целей, характера и причин поражения движения крестьян Харьковской и Полтавской губерний дал В. И. Ленин в своей брошюре «К деревенской бедноте» (см. Сочинения, 4 изд., том 6, стр. 385— 389). — *348.*

[140] «*Северный союз РСДРП*» или «Северный рабочий союз» — областное объединение социал-демократических организаций Владимирской, Ярославской и Костромской губерний. Возник в 1900—1901 годах по инициативе высланных из Ярославля и Иваново-Вознесенска О. А. Варенцовой и В. А. Носкова, живших в Воронеже и создавших там, вместе с некоторыми другими ссыльными социал-демократами (А. И. Любимов, Л. Я. Карпов, А. А. и Н. Н. Кардашевы, Д. В. Костеркин), группу искровского направления; в организации «Северного союза» принимали участие также М. А. Багаев, иваново-вознесенский рабочий, П. Н. Панин, путиловский рабочий, сосланный в Сибирь за участие в петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса», А. П. Доливо-Добровольский и др. «Союз» руководил рабочим движением в этом промышленном районе в 1901—1905 годах. Деятельность «Союза» значительно

оживилась после состоявшегося в Кинешме в августе 1901 года совещания представителей социал-демократических комитетов Иваново-Вознесенска, Владимира, Ярославля и Костромы. На съезде «Союза» в Воронеже 1—5 (14—18) января 1902 года было завершено его оформление: избран Центральный Комитет (Багаев, Варенцова, Панин и др.) и принята программа, которую В. И. Ленин подверг критике в письме «Северному союзу».

С первых дней своего существования «Северный союз» был связан с «Искрой» и разделял ее политическую линию и организационный план (в докладе организации «Искры» II съезду РСДРП отмечалось, что «из всех комитетов партии лишь один «Северный союз» сразу встал к «Искре» в дружественные отношения»). В открытом письме, напечатанном 15 февраля 1903 года в № 34 «Искры», «Союз», заявив о полной солидарности с программой «Искры» и «Зари» и книгой Ленина «Что делать?», признал «Искру» и «Зарю» руководящими органами РСДРП. Весной 1902 года «Союз» был разгромлен охранкой, но уже вскоре восстановлен, и его представители (В. А. Носков, ф. И. Щеколдин, А. М. Стопани, А. И. Любимов) приняли деятельное участие в подготовке II съезда РСДРП. Делегаты «Союза» на II съезде (Л. М. Книпович и А. М. Стопани) примкнули к ленинскому большинству.

После II съезда РСДРП «Северный рабочий союз» был преобразован в Северный комитет РСДРП, а местные комитеты — в группы Северного комитета. В июле 1905 года на конференции северных организаций РСДРП в Костроме Северный комитет был ликвидирован и были образованы самостоятельные комитеты — Иваново-Вознесенский, Ярославский и Костромской. — *360.*

[141] Речь идет об организации демонстраций в день годовщины «крестьянской реформы» 1861 года. В листках по этому поводу, говорилось в § 11 программы «Северного союза», следует «указывать рабочим, что им нечего ждать от самодержавного правительства», и «стремиться разрушать иллюзию, будто освобождение было личным делом царя, актом его доброй воли». — *360.*

[142] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 4, стр. 459. — *365.*

[143] Прокламация Донского комитета РСДРП «К русским гражданам», изданная 9 (22) мая 1902 года, была распространена среди рабочих в количестве 2000 экземпляров. Кровь Балмашева, казненного по приговору военного суда за убийство министра Сипягина, говорилось в прокламации, «омоет глаза слепых обывателей, и пусть увидят они неописуемый ужас российского самодержавия. Пусть увидят они, что

наша борьба с ним ширится и растет. Крестьяне массами уже идут на помощь рабочим и небольшой крохе нелицемерной интеллигенции. Порхнули уже первые ласточки: в Туле солдаты отказались стрелять в стачечников, в Полтавской и Харьковской губерниях вспыхнуло крестьянское восстание. Целые столетия работал там мужик на пользу своего пана, целые столетия терпел он гнет и нужду, и, наконец, лопнуло терпение его». Царское правительство, по обыкновению, поспешило помочь помещикам и начало свою жестокую расправу. «Но довольно рабского позорного терпения, довольно жертв, — призывала прокламация. — Презрение тому, кто малодушно остановится на полдороге, кто забыл свой гражданский долг или променял его на сытое благополучие жиреющей свиньи. Только беспощадная борьба может свергнуть тиранов... Граждане! Уймите бесконечный поток этой ужасной крови; свергните самодержавие!». — *371.*

[144] *«Революционная Россия»* — нелегальная газета эсеров; издавалась с конца 1900 года в России «Союзом социалистов-революционеров» (№ 1, помеченный 1900 годом, фактически вышел в январе 1901 года). С января 1902 по декабрь 1905 года выходила за границей (Женева) в качестве официального органа партии эсеров. — *374.*

[145] Намерение В. И. Ленина *«вернуться в журнальной статье или брошюре»* к более подробному изложению аргументов против программных воззрений и тактики эсеров осталось неосуществленным. Подготовительными материалами задуманной брошюры являются: «Отрывок из статьи против эсеров» (декабрь 1902 года) (см. Сочинения, 4 изд., том 6, стр. 256— 257), «Конспект брошюры против эсеров» (весна 1903 года) (см. «Пролетарская Революция», 1939, № 1, стр. 22—28) и «План статьи против эсеров» (первая половина июля 1903 года) (см. Сочинения, 4 изд., том 6, стр. 421—422). — *378.*

[146] В. И. Ленин имеет в виду прокламацию «Ко всем подданным русского царя», изданную 3 апреля 1902 года в типографии партии эсеров, и отзыв об этой прокламации в газете «Революционная Россия» № 7, июнь 1902 года (в отделе «Из партийной деятельности»). — *381.*

[147] В. И. Ленин приводит цитаты из обращения Крестьянского союза партии социалистов-революционеров «Ко всем работникам революционного социализма в России» («Революционная Россия» № 8, 25 июня 1902 года, стр. 6). — *385.*

[148] В. И. Ленин цитирует библиографическую заметку, посвященную трем первым номерам «Искры» («Вестник Русской Революции» № 1, июль 1901 года, стр. 85). — *388.*

[149] Имеется в виду одно из «Стихотворений в прозе» И. С. Тургенева — «Житейское правило» (см. И. С. Тургенев. Собрание сочинений, т. 8, 1956, стр. 464). — *390.*

[150] В. И. Ленин имеет в виду брошюру «Самодержавие и стачки. Записка министерства финансов о разрешении стачек», изданную в 1902 году в Женеве Заграничной лигой русской революционной социал-демократии. — *399.*

[151] *Закон 3 (15) июня 1886 года* («Правила о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих») был принят под влиянием рабочего движения в Московской, Владимирской и Ярославской губерниях и, особенно, — знаменитой морозовской стачки 1885 года. Основным в законе 3 июня 1886 года было некоторое ограничение произвола фабрикантов и заводчиков при взимании штрафов с рабочих (отсюда его известность как «закона о штрафах»). Подробный разбор и критику его дал В. И. Ленин в брошюре «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах» (см. Сочинения, 5 изд., том 2, стр. 15—60).

Закон 2 (14) июня 1897 года («О продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности») впервые в истории России вводил законодательное ограничение рабочего дня для части рабочих крупной промышленности; как и закон 3 июня 1886 года, он был принят под влиянием рабочего движения 90-х годов XIX века, главным образом — массовых стачек петербургских рабочих в 1895—1896 годах. В брошюре В. И. Ленина «Новый фабричный закон» даны анализ и критика закона 2 июня 1897 года (см. Сочинения, 5 изд., том 2, стр. 263—314). — *399.*

[152] *«Общество механических рабочих»* (официально — «Общество взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве») возникло в Москве в мае 1901 года при участии охранки; устав его был утвержден московским генерал-губернатором 14(27) февраля 1902 года. Создание «Общества» было одной из попыток насаждения «полицейского социализма» (зубатовщины), отвлечения рабочих от революционной борьбы. Демагогическое заигрывание полиции с рабочими и, в частности, попытки зубатовских агентов — заправил «Общества механических рабочих» присвоить себе право посредничества при конфликтах между предпринимателями и рабочими вызвали недовольство московских фабрикантов и заводчиков и протесты отражавшего их интересы министерства финансов. С 1903 года, под влиянием растущего рабочего движения, роль «Общества», как и других зубатовских организаций, сходит на нет. — *400.*

[153] *Манчестерцы,* то же, что фритредеры, — представители направления экономической политики буржуазии, требующего свободы торговли и невмешательства государства в частнохозяйственную деятельность; возникло в конце XVIII века. На родине фритредерства, в Англии, его оплотом в 30—40-е годы XIX века являлась промышленная буржуазия Манчестера; поэтому фритредеров называли также «манчестерцами», «манчестерской школой». Во главе «манчестерской школы» стояли Кобден и Брайт. Теоретическое обоснование это направление получило в произведениях А. Смита и Д. Рикардо. Тенденции фритредерства в эпоху домонополистического капитализма, наряду с Англией, нашли себе почву также в Германии, Франции, России и других капиталистических странах. — *403.*

[154] Речь идет о так называемом «каторжном» законопроекте (Zuchthausvorlage), внесенном в 1899 году в германский рейхстаг, по настоянию предпринимательских кругов и императора Вильгельма II; законопроект угрожал тюремным заключением на срок от 1 года до 5 лет или денежным штрафом до 1000 марок тем, кто «путем насилия, угрозы, оскорбления чести или объявления бесчестным» содействовал участию рабочих в союзах и соглашениях, побуждал их к стачкам и пытался противодействовать штрейкбрехерству. Под давлением рабочего движения «каторжный» законопроект был отвергнут в рейхстаге 20 ноября (н. ст.) 1899 года голосами левых партий и партий центра. — *405.*

[155] *«Освобождение»* — двухнедельный журнал, издававшийся за границей с 18 июня (1 июля) 1902 года по 5 (18) октября 1905 года под редакцией П. Б. Струве. Зародившись в недрах оппозиционного земского движения, «Освобождение» фактически являлось нелегальным органом русской либеральной буржуазии и последовательно проводило идеи умеренно-монархического либерализма. В 1903 году вокруг журнала сложился (и в январе 1904 года оформился) «Союз освобождения», просуществовавший до октября 1905 года. Наряду с земцами-конституционалистами, «освобожденцы» составили ядро образовавшейся в октябре 1905 года партии кадетов — главной буржуазной партии в России. — *407.*

[156] *Подготовительные материалы к выработке программы РСДРП* относятся к январю — февралю 1902 года; в них нашли свое отражение важнейшие моменты из истории выработки редакцией «Искры» проекта программы РСДРП: изучение В. И. Лениным первого проекта программы Г. В. Плеханова, его работа над собственным проектом теоретической части программы и участие в составлении коллективного проекта практической части программы РСДРП. Все материалы печатаются по рукописям; варианты

того или иного абзаца (или части абзаца) напечатаны, для большей наглядности, параллельно. — *411.*

[157] Замечания Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода на статью В. И. Ленина «Аграрная программа русской социал-демократии» были написаны на оборотных страницах рукописи статьи между 20 апреля — 1 мая (3—14 мая) 1902 года. Ответы Ленина на эти замечания были написаны (также на оборотных страницах рукописи) 1 (14) мая 1902 года, одновременно с письмом Плеханову (см. Сочинения, 4 изд., том 34, стр. 82); заключительная часть ответов Ленина (настоящий том, стр. 448) написана на дополнительных страницах, приложенных к рукописи статьи.

«Ответы на замечания Плеханова и Аксельрода на статью «Аграрная программа русской социал-демократии»» печатаются по рукописи; каждому из «Ответов» предпослан тот отрывок статьи, на который сделаны соответствующие замечания. Подчеркивания Ленина в тексте Плеханова даны тонкими линейками. — *432.*

[158] В. И. Ленин имеет в виду работы К. Маркса «Критика Готской программы» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1955, стр. 23—24) и Ф. Энгельса «К критике проекта социал-демократической программы 1891 г.» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. II, 1936, стр. 109). — *435.*

[159] В апреле 1902 года в Бельгии была объявлена всеобщая стачка — в поддержку требования всеобщего избирательного права, выдвинутого в парламенте представителями рабочей, либеральной и демократической партий. В стачке приняло участие свыше 300 тыс. рабочих; по всей стране проходили рабочие демонстрации. Однако после того, как парламент отверг законопроект об избирательной реформе, а войска стреляли в демонстрантов, оппортунистическое руководство рабочей партии (Вандервельде и др.) капитулировало и, под давлением своих «союзников» из лагеря либеральной буржуазии, отменило всеобщую стачку. Поражение рабочего класса Бельгии в апреле 1902 года послужило уроком для рабочего движения всего мира. «Социалистический пролетариат увидит, — писала «Искра» в № 21, 1 июня 1902 года, — к каким практическим результатам ведет оппортунистическая тактика, жертвующая революционными принципами в надежде на скорый успех. Пролетариат еще раз убедится, что ни одно из применяемых им средств политического давления на врага не может достигнуть цели, если у него нет готовности довести это средство до логического конца». — *440.*

[160] Г. В. Плеханов имеет в виду следующее замечание Ю. О. Мартова, сделанное им на цюрихском совещании редакции

«Искры» 2 (15) апреля 1902 года: «Надо больше и рельефнее отметить реакционный характер требования национализации земли в данный момент в России».

После цюрихского совещания В. И. Ленин внес некоторые изменения в главу VII, где речь идет о требовании национализации земли (см. настоящий том, стр. 338—339). — *442.*

[161] Г. В. Плеханов имеет в виду следующее замечание Ю. О. Мартова: «Вместо этого надо сказать, что национализацию земли мы принимаем только как непосредственный пролог к социализации всех средств производства». — *443.*

[162] Речь идет о вознаграждении правительством короля Франции Карла X бывших эмигрантов, земли которых были конфискованы и распроданы в качестве национального имущества во время французской буржуазной революции конца XVIII века; так называемым «законом о возмещении», принятом 27 марта 1825 года, было предусмотрено денежное награждение в сумме 1 091 360 тыс. франков («миллиард эмигрантов»). Самые крупные суммы достались приближенным короля. Чтобы найти эту огромную сумму денег, правительство увеличило налоги и произвело конверсию 5% государственной ренты, снизив ее до 3%. — *445.*

[163] П. Б. Аксельрод имеет в виду замечание Г. В. Плеханова на следующее место статьи: «Но зачем же ограничиваться этим источником? Почему не попробовать, помимо него, возвратить народу хотя бы часть той дани, которую взимали и продолжают взимать вчерашние рабовладельцы с крестьян при помощи полицейского государства?» (настоящий том, стр. 342—343). — Плеханов писал: «Вот только это и надо предлагать, а не благотворительность. И возвращать суммы могут только те, которые их получили: *дворяне». — 445.*

[164] Г. В. Плеханов имеет в виду следующее замечание Ю. О. Мартова: «Это положение неверно. Свобода требования выдела участка *именно* вытекает из свободы в распоряжении землей. Вместо этого достаточно указать, что превращение власти общины над личностью в власть товарищеского союза над свободно вступившим в него членом не исключается нашими требованиями».

После цюрихского совещания В. И. Ленин вычеркнул в рукописи обе фразы, заменив их словами: «Такое возражение было бы неосновательно...» и далее, кончая словами: «продаваемой их коллегой» (см. ниже, стр. 446—447). — *446.*

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ РАБОТ И ИСТОЧНИКОВ, ЦИТИРУЕМЫХ И УПОМИНАЕМЫХ В. И. ЛЕНИНЫМ

А. П. Г. Кто виноват в г. Стаховиче? — «Московские Ведомости», 1901, № 348, 18(31) декабря, стр. 2. — *264—266, 270.*

Аксельрод, П. Второе письмо. Декабрь 1897 г. — В кн.: Аксельрод, П. К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов. Изд. «Союза русских социал-демократов». Женева, тип. «Союза русских социал-демократов», 1898, стр. 18—29. — *24, 76.*

— *К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов.* Изд. «Союза русских социал-демократов». Женева, тип. «Союза русских социал-демократов», 1898. 34 стр. — *24, 44, 65, 76, 92, 106, 306.*

— *Объявление о возобновлении изданий группы «Освобождение труда».* Женева, «Союз русских социал-демократов», 1900. 8 стр. — *22, 23.*

— *Первое письмо.* Ноябрь 1897 г. — В кн.: Аксельрод, П. К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов. Изд. «Союза русских социал-демократов». Женева, тип. «Союза русских социал-демократов», 1898, стр. 16—17. — *92.*

— *Предисловие [к книге В. И. Ленина. Задачи русских социал-демократов].* — В кн.: [Ленин, В. И.] Задачи русских социал-демократов. С предисл. П. Аксельрода. Изд. Российской социал-демократической рабочей партии. Женева, тип. «Союза русских социал-демократов», 1898, стр. 1—5. — *44.*

[Алексеев, П. А. Речь, произнесенная 10(22) марта 1877 года в особом присутствии правительствующего Сената. Баку, 1901*]. — 298.*

[Амфитеатров, А. В.] Господа Обмановы. (Провинциальные впечатления). — «Россия», Спб., 1902, № 975, 13(26) января, стр. 2. Подпись: Old Gentleman. — *274, 279, 356.*

Б. К. — см. Кричевский, Б. Н.

Б—в — см. Савинков, Б. Н.

Безработица. — «Южный Рабочий», [Смоленск], 1900, № 3, ноябрь, стр. 9—14. — *150.*

Бельтов, Н. — см. Плеханов, Г. В.

Бернштейн, Э. Исторический материализм. Пер. Л. Канцель. Спб., «Знание», тип. Клобукова, 1901. 332 стр. — *17.*

— *Проблемы социализма и задачи социал-демократии.* Пер. с нем. К. Бутковского. М., кн. скл. Д. Ефимова, [1901]. 360 стр. — *17.*

— *Социальные проблемы.* Пер. с нем. П. Когана. М., Т-во тип. А. Мамонтова, 1901. V, 312 стр. — *17.*

Булгаков, С. Н. Капитализм и земледелие. Т. II. Спб., тип. Тиханова, 1900. 458, V стр. — *21, 256, 321, 395.*

«Былое», Пб., 1906, № 10, октябрь, стр. 320—330. — *18.*

В. З. — см. Засулич, В. И.

Ванновский, П. С. Приказ министра народного просвещения [Ванновского]. (Апрель 2-го дня 1901 года, № 2). — «Правительственный Вестник», Спб., 1901, № 74, 5(18) апреля, стр. 2—3. — *273.*

Вебб, С. и В. Теория и практика английского тред-юнионизма. (Industrial democracy.) Пер. с англ. В. Ильина. Т. 1—2. Спб., кн. маг. и конт. изд. Поповой, 1900. (Экономическая б-ка. Под общ. ред. П. Струве). — *61, 142, 149.*

«Вестник Русской Революции», Женева. — *293, 295, 335, 345, 391.*

— 1901, № 1, июль, стр. 80—85, в отд. III. — *387—388.*

— 1902, № 2, февраль, стр. 39—87, 123—158, в отд. I; стр. 99— 104, в отд. III. — *256, 372, 378—379, 390.*

Горбунов, И. Ф. Сцены из купеческого быта. Смотрины и сговор. — 448.

Горький, М. О писателе, который зазнался. — 16. Грибоедов, А. С. Горе от ума. — 22, 50, 377, 408.

[[Гуревич, Э. Л.] Письма из Франции.* Письма первое—третье. — «Искра», [Мюнхен], 1901, № 6, июль, стр. 6—7; № 8, 10 сентября, стр. 5—6; № 9, октябрь, стр. 6—7. — *359.*

Два съезда. III очередной съезд Союза и «объединительный» съезд. Изд. Союза русских социал-демократов. Женева, тип. Союза, 1901. 34 стр. (РСДРП), — *20—21, 23, 51, 55, 57, 58, 59, 60, 64—65, 68—69, 83, 86, 90, 95, 96, 98, 99, 108, 116, 134, 138—139, 140, 141, 142, 143, 156, 157, 186, 187—188, 189, 190, 301, 315.*

Десятилетие морозовской стачки — см. Шестернин, С. П. Десятилетие морозовской стачки.

Деятельность государственных сберегательных касс в 1897 году. — «Вестник Финансов, Промышленности и Торговли», Спб., 1898, № 26, 28 июня (10 июля), стр. 779—780. — *282.*

Доклад о русском социал-демократич. движении международному социалистич. конгрессу в Париже 1900 г. История еврейского рабочего движения в России и Польше. Изд. Союза русских социал-демократов. Женева, тип. Союза, 1901. 134 стр. (РСДРП). — *144.*

Документы «объединительного» съезда. Изд. Лиги русской революционной социал-демократии. Женева, тип. Лиги, 1901. IV, 11 стр. — *3, 95, 185—186, 187, 188, 189, 190.*

«Заря», Штутгарт. — *14, 23, 28, 29, 51, 56, 186, 189, 252, 307, 370.*

— 1901, № 1, апрель. 283 стр. — *14, 46, 50, 63, 116, 185, 359.*

— 1901, № 2—3, декабрь, стр. 156—179, 349—354, 361—403, 404—424. — *64, 137, 189, 359.*

— 1902, № 4, август. IV, 39, 87, 251 стр. — *188—189, 239, 252— 253, 300, 370, 397, 398, 432—448.*

* Звездочкой отмечены книги, газеты и статьи, на которых имеются пометки В. И. Ленина и которые хранятся в Архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

[1] Впервые напечатано в Ленинском сборнике II, 1924, стр. 91—92.

[1] Впервые напечатано в Ленинском сборнике II, 1924, стр. 114—117.

* *[Ленин, В. И.] Беседа с защитниками экономизма.* — «Искра», [Мюнхен], 1901, № 12, 6 декабря, стр. 2—3. — *34, 91, 97.*

*— *Борьба с голодающими.* — «Искра», [Мюнхен], 1901, № 9, октябрь, стр. 1. — *64, 261—262.*

— *Борьба с голодающими.* (Отдельный оттиск из №2—3«Зари».) Stuttgart, Dietz, [1901]. 18 стр. —*64.*

— *Внутреннее обозрение.* — «Заря», Штутгарт, 1901, № 2—3, декабрь, стр. 361—403. Подпись: Т. X. — *64.*

— *За 12 лет.* Собрание статей. Т. I. Два направления в русском марксизме и русской социал-демократии. Спб., тип. Безобразова и К°, 1908. XII, 471 стр. Перед загл. авт.: Вл. Ильин. — *16.*

— *Задачи русских социал-демократов.* С предисл. П. Аксельрода. Изд. Российской социал-демократической рабочей партии. Женева, тип. «Союза русских социал-демократов», 1898. 34 стр. — *44, 45, 136, 158.*

— *Замечания на [второй] проект программы [Плеханова].* Рукопись[1]. — *248.*

— *Замечания на комиссионный проект программы.* Рукопись[1]. — *254.*

— *[Заявление редакции «Искры»]. От редакции.* [Листовка. Лейпциг], 1900. 2 стр. — *22.*

— *Земский съезд.* — «Искра», [Мюнхен], 1901, № 8, 10 сентября, стр. 2, в отд.: Из нашей общественной жизни. — *94.*

*— *Каторжные правила и каторжный приговор.* — «Искра», [Мюнхен], 1901, № 10, ноябрь, стр. 1. — *64.*

*— *Крепостники за работой.* — «Искра», [Мюнхен], 1901, № 8, 10 сентября, стр. 1. — *94.*

*— *Насущные задачи нашего движения.* — «Искра», [Лейпциг], 1900, № 1, декабрь, стр. 1. — *46—47, 49.*

— *Насущный вопрос.* Рукопись[2]. — *4, 159, 160.*

— *Начало демонстраций.* — «Искра», [Мюнхен], 1901, № 13, 20 декабря, стр. 1. — *176.*

---

[1] Впервые напечатано в Ленинском сборнике II, 1924, стр. 65—87, 118—130.
[2] Впервые напечатано в Ленинском сборнике III, 1925, стр. 25—30.

— *Наша ближайшая задача*. Рукопись[1]. — 4, 159, 160.

— *Наша программа.* Рукопись[1]. — *4, 158—159, 160.*

*— *Новое побоище.* — «Искра», [Мюнхен], 1901, № 5, июнь, стр. 1—2. — *64.*

— *Новый фабричный закон.* Изд. Российской социал-демократической рабочей партий. Женева, тип. «Союза русских социал-демократов», 1899. 52 стр. — *158.*

— *[О письме «рабочих с юга»].* — «Искра», [Мюнхен], 1901, № 13, 20 декабря, стр. 6. — *271—272.*

— *О чем думают наши министры?* Рукопись[2]. — *32.*

— *Отдача в солдаты 183-х студентов.* — «Искра», [Мюнхен], 1901, № 2, февраль, стр. 6. — *72, 93, 385.*

*— *По поводу государственной росписи.* — «Искра», [Мюнхен], 1902, № 15, 15 января, стр. 1. — *286.*

— *По поводу «Profession de foi».* Рукопись[3]. — *19.*

— *Предисловие [к брошюре «Документы «объединительного» съезда»].* В кн.: Документы «объединительного» съезда. Изд. Лиги русской революционной социал-демократии. Женева, тип. Лиги, 1901, стр. I—IV. — *3, 187.*

— *Предисловие [к сборнику: За 12 лет].* — В кн.: [Ленин, В. И.] Ильин, Вл. За 12 лет. Собрание статей. Т. I. Два направления в русском марксизме и русской социал-демократии. Спб., тип. Безобразова и К°, 1908, стр. III—XII. — *16.*

— *Проект программы Российской соц.-дем. рабочей партии.* Рукопись[4]. — *211, 215, 217, 223, 225, 228, 230—231, 234, 239—240, 245, 250, 253, 298, 304, 308, 309—311, 312, 313, 314—316, 320—322, 323, 324, 325, 330—331, 334, 340—342, 344, 345, 346, 431, 432, 445.*

— *Протест российских социал-демократов.* С послесл. от ред. «Рабочего Дела». Изд. Союза русских социал-демократов. Женева, тип. «Союза», 1899. 15 стр. (РСДРП. Оттиск из № 4—5 «Рабочего Дела»). — *18, 45.*

[1] Впервые напечатано в Ленинском сборнике III, 1925, стр. 19—24, 14—18.
[2] Впервые напечатано в газете «Петроградская Правда», 1924, № 22, 27 января.
[3] Впервые напечатано в Ленинском сборнике VII, 1928, стр. 6 — 15.
[4] Впервые напечатано в Ленинском сборнике II, 1924, стр. 43—50.

[1] Впервые напечатано в Ленинском сборнике II, 1924, стр. 51.

[1] Впервые напечатано в кн.: Доклады соц.-демократических комитетов Второму съезду РСДРП. М.—Л., 1930, стр. 86—90.

[1] Впервые напечатано в Ленинском сборнике II, 1924, стр. 57—61.

[1] Впервые напечатано в Ленинском сборнике II, 1924, стр. 15—19.

[1] Впервые напечатано в журн. «Пролетарская Революция», 1922, № 9, стр. 231—234.

[1] Впервые напечатано в Ленинском сборнике VII, 1928, стр. 16—18.

[1] Впервые напечатано в Ленинском сборнике VIII, 1928, стр. 227.

Устав рабочей кассы, выработанный Петербург, рабочими. Петербург. Июль 1897 г. — «Рабочая Мысль», Спб., [1897, № 1], октябрь, стр. 4—5. — *34, 42, 117.*

Устав союзной рабочей организации. — В листовке: Программа петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса. [Спб.], октябрь 1900, стр. 1—2. — *113, 117—119, 143.*

Фонвизин, Д. И. Недоросль. — 222.

Циркуляр временноуправляющего министерством народного просвещения, товарища министра, попечителям учебных округов. (11-го марта 1901 года, № 6713). — «Правительственный Вестник», Спб., 1901, № 58, 14(27) марта, стр. 1. — *274.*

Циркуляр г. министра внутренних дел, по департаменту полиции, от 12-го сего марта 1901 года, за № 1230, гг. губернаторам, градоначальникам и обер-полицеймейстерам. — «Правительственный Вестник», Спб., 1901, № 57, 13 (26) марта, стр. 1. — *276.*

Циркуляры министра народного просвещения попечителям учебных округов. (24-го апреля 1901 года, № 10516, 10517). — «Правительственный Вестник», Спб., 1901, № 91, 26 апреля (9 мая), стр. 2. — *274.*

Чего требуют рабочие петербургских бумагопрядилен. [Листовка.] Изд. Союза борьбы за освобождение рабочего класса. [Спб.], 30 мая 1896. 1 стр. — *153.*

[Чернов, В. М.] Очередной вопрос революционного дела. Лондон, Аграрно-социалистическая лига, 1900. 28 стр. — *388.*

Чернышевский, Н. Г. Пролог. — 239.

Четвертый съезд Всеобщего еврейского рабочего союза в Литве, Польше и России. Б. м., июль 1901. 21 стр. (РСДРП).— *59.*

Чехов, А. П. Канитель. — 220.

Что же дальше? — см. Плеханов, Г. В. Что же дальше?

[Шестернин, С. П.] Десятилетие морозовской стачки. Изд. 2-ое организации газ. «Искры». [Баку], тип. «Искры», 1901. 31 стр. (РСДРП). — *298.*

Экстренный съезд горнопромышленников в Харькове. — «Южный Рабочий», [Смоленск], 1900, № 3, ноябрь, стр. 4—8. — *150.*

«Южный Рабочий», Екатеринослав и др. — *150.*

— 1900, [Смоленск], № 3, ноябрь, стр. 4—14. — *150.*

Abwehr. [Antwort der Redaktion des «Vorwärts» auf den in N 2—3 der russischen Zeitschrift «Sarja» erschienenen und von Jgnotus unterzeichneten Artikel über den Lübecker Parteitag]. — In: «Vorwärts», Berlin, 1902, N 1, 1. Januar, S. 3. — *189.*

[Anmerkung der Redaktion zu dem Artikel Kautskys]. — In: «Vorwärts», Berlin, 1902, N 6, 8. Januar, S. 3. — *189.*

«Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik», Bd. 14. Berlin, 1899. VII, 754 S. — *41.*

Bemerkung der Redaktion. — In: «Vorwärts», Berlin, 1902, N 46, 23. Februar, 1. Beilage, S. 3. — *189.*

Bernstein, E. Probleme des Sozialismus. — In: «Die Neue Zeit», Stuttgart, 1896—1897, Jg. XV, Bd. I, N 6, S. 164—171; N 7, S. 204—213; N 10, S. 303—311; N 25, S. 772—783; 1896— 1897, Jg. XV, Bd. II, N 30, S. 100—107; N 31, S. 138—143. — *7, 17, 61.*

— *Das realistische und das ideologische Moment im Sozialismus.* Probleme des Sozialismus, 2. Serie II. — In: «Die Neue Zeit», Stuttgart, 1897—1898, Jg. XVI, Bd. II, N 34, S. 225—232; N 39, S. 388—395. — *7, 17, 61.*

— *Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie.* Stuttgart, Dietz, 1899. X, 188 S. — *7, 17, 61.*

«Bulletin de l'Office du travail», Paris, 1901, N 10, octobre, p. 711— 712. — *285—286.*

«Deutsch-Französische Jahrbücher», Paris, 1844, Lfg. 1—2, S. 71— 85. — *334.*

Engels, F. Die Bauemfrage in Frankreich und Deutschland. — In: «Die Neue Zeit», Stuttgart, 1894—1895, Jg. XIII, Bd. I, N 10, S. 292—306. — *228—229.*

— *Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Philosophie.* — In: «Vorwärts», Leipzig, 1877, N 1, 3.1, S. 1; N 2, 5.1, S. 1—2; N 3, 7.1, S. 1—2; N 4, 10.1, S. 1—2; N 5, 12.1, S. 1; N 6, 14.1, S. 1—2; N 7, 17.1, S. 1—2; N 10, 24.1, S. 1—2; N 11, 26.1, S. 1—2; N 17, 9.II, S. 1—3; N 24, 25.11, S. 1—2; N 25, 28.11, S. 1—3; N 36, 25.III, S. 1—2; N 37, 28.III, S. 1—2; N 44, 15.IV, S. 1—2; N 45, 18.IV, S. 1—2; N 49, 27.IV, S. 1—2; N50, 29.IV, S. 1—2; N 55, 11.V, S. 1—2; N 56, 13.V, S. 1—3; Wissenschaftliche Beilage des «Vorwärts»: N 1 und 2 zu N 87, 27.VII, S. 1—3; N 3 zu N 93, 10.VIII, S. 1; N 4 zu N 96, 17. VIII, S. 1; N 5 zu N 105, 7.IX, S. 1; N 6 zu N 108, 14.IX, S. 1; Beilage des «Vorwärts»: zu N 127, 28.X, S. 1—2; zu N 130, 4.XI, S. 1; zu N 139, 28.XI, S. 1—3; zu N 152, 30.XII, S. 1—3; Beilage des «Vorwärts», 1878: zu N 52, 5.V, S. 1—2; zu N 61, 26.V, S. 1—2; zu N 64, 2. VI, S. 1—2; zu N 75, 28.VI, S. 1—2; zu N 79, 8.VII, S. 1—2. — *12.*

— *Vorbemerkung [zur Arbeit: Der Deutsche Bauernkrieg].* 3-ter Abdr. Leipzig, Genossenschaftsbuchdruckerei, 1875, S. 3—19. — *25—27, 54.*

— *Vorrede zur dritten Auflage [der Arbeit: Marx, K. Der achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte].* — In: Marx, K. Der achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte. 3-te Aufl. Hamburg, Meißner, 1885, S. III—IV. — *8.*

— *Zur Kritik des sozialdemokratischen Programmentwurfes 1891.* — In: «Die Neue Zeit», Stuttgart, 1901—1902, Jg. XX, Bd. I, N 1, S. 5—13. — *215, 220, 229, 230, 232, 238, 244, 249, 435.*

Der Entwurf des neuen Parteiprogramms. III. — In: «Die Neue Zeit», Stuttgart, 1890—1891, Jg. IX, Bd. II, N 51, S. 780— 791. — *229—230.*

Der Entwurf eines Gesetzes zum Schütze des gewerblichen Arbeitsverhältnisses, N 347. Berlin, den 26. Mai 1899. — In: Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstages, 10. Legislaturperiode. I. Session 1898/1900. 3-ter Anlageband. Berlin, Sittenfeld, 1899, S. 2238—2239. — *405.*

Gesetz gegen die gemeingefährlichen Bestrebungen der Sozialdemokratie. Vom 21. Oktober 1878. — In: «Reichs-Gesetzblatt», Berlin, 1878, N 34, S. 351—358. — *12, 27, 48.*

[Höchberg, K., Schramm, K., Bernstein, E.] Rückblicke auf die sozialistische Bewegung in Deutschland. Kritische Aphorismen. — In: Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. Hrsg. von Richter. Jg. I. Hft. 1. Zürich, 1879, S. 75— 96. — *48.*

Ignotus. [Martow, L.] In Sachen «Vorwärts» gegen «Sarja». — In: «Vorwärts», Berlin, 1902, N 46, 23. Februar, I. Beilage, S. 3. — *189.*

Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. Hrsg. von Richter. Jg. I. Hft. 1. Zürich—Oberstrass, Körber, 1879, S. 75— 96. — *48.*

* *Kautsky, K. Die Agrarfrage.* Eine Übersicht über die Tendenzen der modernen Landwirtschaft und die Agrarpolitik der Sozialdemokratie. Stuttgart, Dietz, 1899. VIII, 451 S. — *317, 346.*

— *Finis Poloniae?* — In: «Die Neue Zeit», Stuttgart, 1895—1896, Jg. XIV, Bd. II, № 42, S. 484—491; N 43, S. 513—525. — *319—320.*

— *Die Intelligenz und die Sozialdemokratie.* — In: «Die Neue Zeit», Stuttgart, 1894—1895, Jg. XIII, Bd. II, N 27, S. 10—16. — *122.*

— *Nochmals die «Sarja» und der «Vorwärts».* — In: «Vorwärts», Berlin, 1902, N 6, 8. Januar, S. 3. — *189.*

— *Der Parlamentarismus, die Volksgesetzgebung und die Sozialdemokratie.* Stuttgart, Dietz, 1893. 139 S. — *142—143.*

— *Die Revision des Programms der Sozialdemokratie in Österreich.* — In: «Die Neue Zeit», Stuttgart, 1901—1902, Jg. XX, Bd. I, N 3, S. 68—82. — *38—39, 225—226.*

— *Die «Sarja» und der «Vorwärts».* — In: «Vorwärts», Berlin, 1902, N 4, 5. Januar, S. 3. — *189.*

— *Vollmar und der Staatssozialismus.* — In: «Die Neue Zeit», Stuttgart, 1891—1892, Jg. X, Bd. II, N 49, S. 705—713. — *338.*

Kongreß der Sozialdemokraten Deutschlands. (Schluß). — In: «Vorwärts», Leipzig, 1877, N 65, 6. Juni, S. 1—2. — *12.*

Kritschewsky, B. Die Beweise der «Sarja». — In: «Vorwärts», Berlin, 1902, N 52, 2. März, 4. Beilage, S. 1. — *189.*

— *Ein letztes Wort der Abwehr zur Diskussion mit Genossen Liebknecht.* — In: «Vorwärts», Berlin, 1899, N 190, 16. August, S. 3. — *189.*

— *Die Sozialisten und die Dreyfus-Affaire.* — In: «Vorwärts», Berlin, 1899, N 181, 5. August, S. 2—3. — *189.*

— *Tatsachen beweisen.* Antwort an W. Liebknecht. — In: «Vorwärts», Berlin, 1899, N 185, 10. August, S. 2—3. — *189.*

— *Über die Situation in Frankreich.* — In: «Vorwärts», Berlin, 1899, N 146, 25. Juni, S. 3. — *189.*

Lassalle, F. [Brief an K. Marx.] 24. Juni 1852. — In: Lassalle, F. Briefe an Marx u. F. Engels. 1849 bis 1862. Stuttgart, Dietz, 1902, S. 52—54. (In: «Aus dem literarischen Nachlaß von K. Marx, F. Engels und F. Lassalle». Hrsg. von F. Mehring. Bd. IV). — *1.*

— *Briefe an K. Marx und F. Engels.* 1849 bis 1862. Stuttgart, Dietz, 1902, S. 52—54. (In: «Aus dem literarischen Nachlaß von K. Marx, F. Engels und F. Lassalle». Hrsg. von F. Mehring. Bd. IV). — *1.*

Luxemburg, R. Neue Strömungen in der polnischen sozialistischen Bewegung in Deutschland und Österreich. — In: «Die Neue Zeit», Stuttgart, 1895—1896, Jg. XIV, Bd. II, N 32, S. 176— 181; N 33, S. 206—216. — *319.*

— *Der Sozialpatriotismus in Polen.* — In: «Die Neue Zeit», Stuttgart, 1895—1896, Jg. XIV, Bd. II, N 41, S. 484—491. — *319.*

Marx, K. Der achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte. 3-te Aufl. Hamburg, Meißner, 1885. VI, 108 S. — *8, 173.*

— *[Brief an Bracke].* 5. Mai 1875. — In: «Die Neue Zeit», Stuttgart, 1890—1891, Jg. IX, Bd. I, N 18, S. 562. — *23—24,61.*

— *Zur Kritik der Hegelschen Rechts-Philosophie.* Einleitung. — In: «Deutsch-Französische Jahrbücher», Paris, 1844, Lfg. 1—2, S. 71—85. — *334.*

— *Zur Kritik des sozialdemokratischen Parteiprogramms.* — In: «Die Neue Zeit», Stuttgart, 1890—1891, Jg. IX, Bd. I, N 18, S. 561—575. — *232, 435.*

Mehring, F. Geschichte der deutschen Sozialdemokratie. T. 2. Von Lassalles offenem Antwortschreiben bis zum Erfurter Programm. 1863 bis 1891. Stuttgart, Dietz, 1898. VI, 568 S. (In: Die Geschichte des Sozialismus in Einzeldarstellungen von E. Bernstein, G. Hugo, K. Kautsky, P. Lafargue, F. Mehring, G. Plechanow. Bd. 3, T. 2). — *16, 48.*

Most und Genossen. [Antrag von Most und Genossen auf dem Parteitag der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands, polemische Artikel, wie Engels contre Dühring, in Zukunft im «Vorwärts» nicht mehr zu veröffentlichen. 29. Mai 1877]. — In: «Vorwärts», Leipzig, 1877, N 65, 6. Juni, S. 2, im Protokoll: Kongreß der Sozialdemokraten Deutschlands. — *12.*

Mouvement général de l'épargne en 1899. — «Bulletin de l'Office du travail», Paris, 1901, N 10, octobre, p. 711—712. — *285— 286.*

«Die Neue Zeit», Stuttgart, 1890—1891, Jg. IX, Bd. I, N 18, S. 561— 575. — *23—24, 61, 232, 435.*

— 1890—1891, Jg. IX, Bd. II, N 51, S. 780—791. — *229— 230.*

— 1891—1892, Jg. X, Bd. II, N 49, S. 705—713. — *338.*

— 1894—1895, Jg. XIII, Bd. I, N 10, S. 292—306. — *228— 229.*

— 1894—1895, Jg. XIII, Bd. II, N 27, S. 10—16. — *122.*

— 1895—1896, Jg. XIV, Bd. II, N 32, S. 176—181; N 33, S. 206— 216; N 41, S. 459—470. — *319.*

— 1895—1896, Jg. XIV, Bd. II, N 42, S. 484—491; N 43, S. 513— 525. — *319—320.*

— 1896—1897, Jg. XV, Bd. I, N 6, S. 164—171; N 7, S. 204—213; N 10, S. 303—311; N 25, S. 772—783; Bd. II, N 30, S. 100— 107; N 31, S. 138—143. — *7, 17, 61.*

— 1897—1898, Jg. XVI, Bd. II, N 34, S. 225—232; N 39, S. 388— 395. — *7, 17, 61.*

— 1901—1902, Jg. XX, Bd. I, N 1, S. 5—13. — *215, 220, 229, 230, 232, 238, 244, 249, 435.*

— 1901—1902, Jg. XX, Bd. I, N 3, S. 68—82. — *38—39, 225— 226.*

Old Gentleman — *см.* Амфитеатров, А. В.

Organisation der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands, beschlossen auf dem Parteitag zu Halle 1890. — In: Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten zu Erfurt vom 14. bis 20. Oktober 1891. Berlin, «Vorwärts», 1891, S. 7—10. — *139.*

Programm der Sozialdemokratischen Arbeiterpartei in Österreich. (Beschlossen am Parteitag zu Wien 1901). — In: Protokoll über die Verhandlungen des Gesammtparteitages der Sozialdemokratischen Arbeiterpartei in Österreich. Abgehalten zu Wien vom 2. bis 6. November 1901. Wien, Wiener Volksbuchhandlung Ignaz Brand, 1901. S. 3—5. — *38.*

Programm der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands, beschlossen auf dem Parteitag zu Erfurt 1891. — In: Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten zu Erfurt vom 14. bis 20. Oktober 1891. Berlin, «Vorwärts», 1891, S. 3—6. — *197, 199, 200, 220, 230, 238.*

Protokoll über die Verhandlungen des Gesammtparteitages der Sozialdemokratischen Arbeiterpartei in Österreich. Abgehalten zu Wien vom 2. bis 6. November 1901. Wien, Wiener Volksbuchhandlung Ignaz Brand, 1901. 204 S. — *38.*

Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten zu Erfurt vom 14. bis 20. Oktober 1891. Berlin, «Vorwärts», 1891. 368 S. — *139, 197, 199, 200, 220, 230, 238.*

Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten zu Hannover vom 9. bis 14. Oktober 1899. Berlin, «Vorwärts», 1899. 304 S. — *13, 20.*

Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten zu Lübeck vom 22. bis 28. September 1901. Berlin, «Vorwärts», 1901. 319 S. — *13, 20.*

«Reichs-Gesetzblatt», Berlin, 1878, N 34, S. 351—358. — *12, 27, 48.*

Resolution Bebeis [angenommen am 13. Oktober 1899 auf dem Parteitag der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands zu Hannover]. — In: Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages

der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten zu Hannover vom 9. bis 14. Oktober 1899. Berlin, «Vorwärts», 1899, S. 243—244. — *13, 20.*

Resolution Bebeis zur Bernstein-Debatte [angenommen auf dem Parteitag der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten zu Lübeck vom 22. bis 28. September 1901]. — In: Protokoll über die Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten zu Lübeck vom 22. bis 28. September 1901. Berlin, «Vorwärts», 1901, S. 99. — *13, 20.*

«Der Sozialdemokrat», Zürich—London. — *48.*

Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstages, 10. Legislaturperiode. I. Session 1898/1900. 3-ter Anlageband. Berlin, Sittenfeld, 1899. IV, 1703—2512 S. — *405.*

Struve, P. Die Marxsche Theorie der sozialen Entwicklung. Ein kritischer Versuch. — In: «Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik». Bd. 14. Berlin, 1899, S. 658—704. — *41.*

— *[Rezension der Bücher:] Bernstein, Eduard. Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie.* Stuttgart, 1899. X u. 188 S. *Kautsky, Karl. Bernstein und das sozialdemokratische Programm.* Stuttgart, 1899. VIII u. 195 S. — In: «Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik». Bd. 14. Berlin, 1899, S. 723—739, in der Rubrik: Literatur. — *41.*

Vahlteich. [Diskussionsbeitrag Vahlteichs auf dem Parteitag der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands über die Aufnahme der polemischen Artikel von Engels in den «Vorwärts». 29. Mai 1877]. — In: «Vorwärts», Leipzig, 1877, N 65, 6. Juni, S. 2, im Rubrik: «Kongreß der Sozialdemokraten Deutschlands». — *12.*

«Vorwärts», Leipzig—Berlin. — *98.*

— Leipzig, 1877, N 1, 3. Januar, S. 1; N 2, 5. Januar, S. 1—2; N 3, 7. Januar, S. 1—2; N 4, 10. Januar, S. 1—2; N 5, 12. Januar, S. 1—2; N 6, 14. Januar, S. 1—2; N 7, 17. Januar, S. 1—2; N 10, 24. Januar, S. 1—2; N 11, 26. Januar, S. 1—2; N 17, 9. Februar, S. 1—3; N 24, 25. Februar, S. 1—2; N 25, 28. Februar, S. 1—3; N 36, 25. März, S. 1—2; N 37, 28. März, S. 1—2; N 44, 15. April, S. 1—2; N 45, 18. April, S. 1—2; N 49, 27. April, S. 1—2; N 50, 29. April, S. 1—2; N 55, 11. Mai, S. 1—2; N 56, 13. Mai, S. 1—3; N 65, 6. Juni, S. 1—2. — *12*.

— Wissenschaftliche Beilage des «Vorwärts», 1877, N 1 u. 2 zu N 87, 27. Juli, S. 1—3; N 3 zu N 93, 10. August, S. 1; N 4 zu N 96, 17. August, S. 1; N 5 zu N 105, 7. September, S. 1; N 6 zu N 108, 14. September, S. 1. — *12.*

— Beilage des «Vorwärts», 1877: zu N 127, 28. Oktober, S. 1—2; zu N 130, 4. November, S. 1; zu N 139, 28. November, S. 1—3; zu N 152, 30. Dezember, S. 1—3. — *12.*

— Beilage des «Vorwärts», 1878: zu N 52, 5. Mai, S. 1—2; zu N 61, 26. Mai, S. 1—2; zu N 64, 2. Juni, S. 1—2; zu N 75, 28. Juni, S. 1—2; zu N 79, 8. Juli, S. 1—2. — *12.*

— Berlin, 1899, N 146, 25. Juni, S. 3; N 181, 5. August, S. 2—3; N 185, 10. August, S. 2—3; N 190, 16. August, S. 3. — *189.*

— 1902, N 1, 1. Januar, S. 3; N 4, 5. Januar, S. 3; N 6, 8. Januar, S. 3; N 46, 23. Februar, 1. Beilage, S. 3; N 52, 2. März, 4. Beilage, S. 1. — *189.*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Б

в Сибирь, откуда в 1861 году бежал за границу. Оказывал содействие Польскому освободительному восстанию 1863—1864 годов. С 1868 года принимал участие в деятельности I Интернационала, внутри которого организовал тайный союз анархистов («Альянс социалистической демократии»); пытался противопоставить его Интернационалу и захватить руководство Генеральным Советом в свои руки, не останавливаясь «ни перед какими средствами, ни перед каким вероломством; ложь, клевета, запугивание, нападение из-за угла — все это свойственно ему в равной мере» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XIII, ч. 2, 1940, стр. 539). За дезорганизаторскую деятельность в 1872 году по настоянию Маркса был исключен из Интернационала.

«У Бакунина, — писал Энгельс, — своеобразная теория — смесь прудонизма с коммунизмом...» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 277). Идею коллективной собственности на средства производства Бакунин сочетал с анархической «абсолютной свободой» индивидуума. Выражая интересы люмпен-пролетариата и мелкой буржуазии, он требовал уничтожения государства, видел в нем, а не в капитале, главное зло буржуазного общества. Отрицая всемирно-историческую роль пролетариата, Бакунин считал наиболее подходящими для анархической социальной революции отсталые страны с преобладанием крестьянства. Результатом революции должно было быть «уравнение классов», объединение «свободных ассоциаций». К. Маркс и Ф. Энгельс вели решительную борьбу против Бакунина, разоблачили реакционную сущность бакунизма, который — по определению В. И. Ленина — был миросозерцанием «отчаявшегося в своем спасении мелкого буржуа» (Сочинения, 4 изд., том 18, стр. 11). — *26.*

Балгорн (Balhorn), *Иоганн* — немецкий книгоиздатель XVI века. — *67.*

Балмашев, С. В. (1882—1902) — студент Казанского, а затем Киевского университетов, активный участник студенческого движения. В январе 1901 года был арестован и в числе 183 студентов Киевского университета отдан в солдаты. Летом 1901 года входил в революционные кружки Крыма и Харькова; в сентябре вновь поступил в Киевский университет, где продолжал революционную работу, сблизился с эсерами и вступил в их «Боевую организацию». 2 (15) апреля 1902 года в знак протеста против жестоких репрессий правительства, направленных на подавление общественного движения в стране, Балмашев застрелил министра внутренних дел Сипягина. Убийство Сипягина было первым террористическим актом «Боевой организации» эсеров. По приговору Петербургского окружного суда Балмашев был казнен в Шлиссельбургской крепости 3 (16) мая 1902 года. — *371, 378, 380, 384.*

Бастиа (Bastiat), *Фредерик* (1801—1850) — французский вульгарный экономист. Отношения классов буржуазного общества рассматривал как обмен услугами, считал капиталистические отношения «естественными» отношениями людей, проповедовал гармонию интересов труда и капитала, пытался доказать, что доля рабочего класса в национальном доходе повышается по мере прогресса техники. К. Маркс охарактеризовал Бастиа как «самого пошлого, а потому и самого удачливого представителя вульгарно-экономической апологетики» («Капитал», т. I, 1955, стр. 13). Его теории используются современными защитниками капитализма. Основные произведения Бастиа: «Экономические софизмы» (1846) и «Экономические гармонии» (1849). — *289.*

Бебель (Bebel), *Август* (1840—1913) — один из виднейших деятелей германской социал-демократии и II Интернационала, по профессии рабочий-токарь. Политическую деятельность начал в первой половине 60-х годов; был членом I Интернационала. В 1869 году вместе с В. Либкнехтом основал Социал-демократическую рабочую партию Германии («эйзенахцы»); неоднократно избирался депутатом рейхстага, боролся за демократический путь объединения Германии, с трибуны рейхстага разоблачал реакционную внутреннюю и внешнюю политику кайзеровского правительства. Во время франко-прусской войны занял интернационалистскую позицию, поддерживал Парижскую Коммуну. В 90-е годы и в начале 900-х годов выступал против реформизма и ревизионизма в рядах германской социал-демократии. В. И. Ленин считал его речи против бернштейнианцев «образцом отстаивания марксистских взглядов и борьбы за истинно-социалистический характер рабочей партии» (Сочинения, 4 изд., том 19, стр. 268). Талантливый публицист и прекрасный оратор, Бебель оказал значительное влияние на развитие германского и европейского рабочего движения.

В последний период своей деятельности Бебель допустил ряд ошибок центристского характера (недостаточная борьба с оппортунистами, переоценка значения парламентских форм борьбы и др.). — *13, 67, 121, 133, 171.*

Белинский, В. Г. (1811—1848) — великий русский революционный демократ, литературный критик и публицист, философ-материалист. В 1833—1836 годах сотрудничал в журнале «Телескоп»; в 1838—1839 — редактировал журнал «Московский Наблюдатель», вел литературно-критический отдел журнала «Отечественные Записки» (1839—1846), с 1847 года стал сотрудником и идейным руководителем журнала «Современник». 3 июля 1847 года написал из-за границы знаменитое «Письмо к Гоголю», которое «было одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати, сохранивших громадное, живое значение и по сию пору» (В. И. Ленин. Сочинения, 4 изд., том 20, стр. 223—224). Белинский прошел сложный и противоречивый

путь идейного развития от идеализма к материализму, от просветительства к революционному демократизму. Он был социалистом, идеологом поднимавшихся на борьбу с крепостничеством крестьянских масс, но его социализм носил утопический характер. Белинский заложил основы революционно-демократической эстетики и литературной критики. В статьях о Пушкине, Лермонтове, Гоголе, в обзорах русской литературы с 1840 по 1847 год Белинский показал самобытность и величие русской литературы, раскрыл ее реализм и народность. Деятельность Белинского оказала огромное влияние на дальнейшее развитие общественной мысли и рост освободительного движения в России. — *25.*

Бельтов, Н. — см. Плеханов, Г. В.

Бём-Баверк (Böhm-Bawerk), *Евгений,* (1851—1914) — буржуазный экономист, один из представителей так называемой «австрийской школы» в политэкономии. В своих работах, направленных против марксистской теории прибавочной стоимости, утверждал, будто прибыль вытекает из разницы субъективных оценок настоящих и будущих благ, а не является результатом эксплуатации рабочего класса. Прикрывая противоречия капитализма, угнетение труда капиталом, Бём-Баверк стремился отвлечь внимание рабочего класса от революционной борьбы; его реакционные воззрения используются буржуазией для защиты капитализма . — *254.*

Берг — см. Мартов, Л.

Бердяев, Н. А. (1874—1948) — реакционный философ-идеалист и мистик. В конце 90-х годов оказывал содействие киевскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса», по делу которого в 1900 году был выслан в Вологодскую губернию. Уже в первых литературных работах примкнул к «легальному марксизму», выступил с неокантианской ревизией учения Маркса, затем стал открытым врагом марксизма. В 1905 году вступил в партию кадетов; в годы реакции являлся одним из представителей религиозно-философского течения богоискательства, участвовал в контрреволюционном сборнике «Вехи». После Октябрьской революции выступил апологетом феодализма и средневековой схоластики, видя в них единственное спасение от растущего коммунизма. В 1922 году за контрреволюционную деятельность был выслан за границу, продолжал проповедь философского мистицизма, являлся одним из идеологов контрреволюции. — *181, 254.*

Бернштейн (Bernstein), *Эдуард* (1850—1932) — лидер крайнего оппортунистического крыла германской социал-демократии и II Интернационала, теоретик ревизионизма и реформизма. В социал-демократическом движении участвовал с середины

70-х годов, находился под влиянием Дюринга. С 1881 по 1889 год — редактор нелегального центрального органа социал-демократической партии Германии «Der Sozialdemokrat» («Социал-Демократ»). В 1896—1898 годах опубликовал в журнале «Die Neue Zeit» («Новое Время») серию статей «Проблемы социализма», изданных затем книгой «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» (1899), где открыто выступил с ревизией философских, экономических и политических основ революционного марксизма. Бернштейн отрицал марксистскую теорию классовой борьбы, учение о неизбежности краха капитализма, о социалистической революции и диктатуре пролетариата. «О революции пролетариата оппортунист разучился и думать», — писал В. И. Ленин, имея в виду Бернштейна (Сочинения, 4 изд., том 25, стр. 400). Единственной задачей рабочего движения Бернштейн объявил борьбу за реформы, направленные на «улучшение» экономического положения рабочих при капитализме, выдвинул оппортунистическую формулу: «движение — все, конечная цель — ничто».

Теоретические воззрения и практическая оппортунистическая деятельность Бернштейна и его последователей привела к прямому предательству интересов рабочего класса, завершившемуся крахом II Интернационала. В последующие годы Бернштейн продолжал борьбу против марксизма, призывал к поддержке политики империалистической буржуазии. — *7, 8, 13, 17, 20, 48, 63, 288, 306.*

Боголепов, Н. П. (1846—1901) — министр народного просвещения с 1898 года. По его инициативе 29 июля 1899 года в высших учебных заведениях были введены «Временные правила», на основании которых министр просвещения мог отдавать участников студенческих волнений в солдаты. Боголепов организовал систему политического сыска и надзора за учащимися. По его приказу в 1901 году были отданы в солдаты сначала 183 студента Киевского университета, а затем 28 петербургских студентов. Эти меры вызвали широкое недовольство студенчества и ненависть к их организатору. 14(27) февраля 1901 года студент Карпович совершил покушение на Боголепова, который был тяжело ранен и вскоре умер. — *273, 277.*

Булгаков, С. Н. (1871—1944) — буржуазный экономист, философ-идеалист. В 90-х годах был «легальным марксистом», в начале 900-х годов выступил с ревизией учения Маркса по аграрному вопросу, объяснял обнищание народных масс т. н. «законом убывающего плодородия почв». После революции 1905—1907 годов примкнул к кадетам, выступал с проповедью философского мистицизма, участвовал в контрреволюционном сборнике «Вехи». С 1918 года — православный священник, в 1922 году за антисоветскую деятельность был выслан за границу, вел враждебную пропаганду против СССР. — *21, 181, 256, 281, 288, 306, 316, 321, 394.*

В

Г

Гассельман (Hasselmann), *Вильгельм* (род. в 1844 г.) — немецкий социал-демократ, затем анархист. Был видным деятелем лассальянского Всеобщего германского рабочего союза, редактором его органа «Der Neue Sozialdemokrat» («Новый Социал-Демократ»), на страницах которого вел борьбу против К. Маркса и Ф. Энгельса и их сторонников в Германии; в 1875 году был одним из инициаторов объединения лассальянцев и эйзенахцев. После объединения отказался работать в редакции нового органа партии — газеты «Vorwärts» («Вперед»), стал издавать газету «Die Rote Fahne» («Красное Знамя»), в которой резко нападал на политику партии. В период действия исключительного закона против социалистов открыто перешел на анархистские позиции, фактически порвал с партией и на Виденском конгрессе (1880) был вместе с Мостом исключен из нее, после чего эмигрировал в США и отошел от рабочего движения. — *48, 122.*

Гегель (Hegel), *Георг Вильгельм Фридрих* (1770—1831) — крупнейший немецкий философ — объективный идеалист, идеолог немецкой буржуазии. Философия Гегеля явилась вершиной немецкого идеализма конца XVIII — начала XIX в. Исторической заслугой Гегеля является глубокая и всесторонняя разработка идеалистической диалектики, которая послужила одним из теоретических источников диалектического материализма. Согласно Гегелю, весь естественный, исторический и духовный мир находится в беспрерывном движении, изменении, преобразовании и развитии; однако объективный мир, действительность рассматривается им как порождение «абсолютного духа», «абсолютной идеи». В. И. Ленин назвал «абсолютную идею» теологической выдумкой идеалиста Гегеля. Для философии Гегеля характерно глубокое противоречие между диалектическим методом и консервативной, метафизической системой, которая по существу требовала прекращения развития. По социально-политическим воззрениям Гегель был реакционером.

К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин, критически переработав диалектический метод Гегеля, создали материалистическую диалектику, которая отражает наиболее общие законы развития объективного мира и человеческого мышления.

Главные произведения Гегеля: «Феноменология духа» (1806), «Наука логики» (1812—1816), «Энциклопедия философских наук» (1817), «Философия права» (1821). Посмертные издания: «Лекции по истории философии» (1833—1836) и «Лекции по эстетике, или философия искусства» (1836—1838). — *26.*

Гед (Guesde), *Жюль (Базиль, Матьё Жюль)* (1845—1922) — один из организаторов и руководителей французского социалистического движения и II Интернационала. Политическую деятельность начал во второй половине 60-х годов; выступал в поддержку Парижской Коммуны 1871 года, был вынужден эмигрировать. В 1876 году вернулся во Францию, под влиянием работ К. Маркса и Ф. Энгельса перешел на позиции марксизма,

в 1877 году был одним из основателей газеты «L'Égalité» («Равенство»), которая сыграла решающую роль в организации в 1879 году Рабочей партии Франции — первой самостоятельной политической партии французского пролетариата. При содействии Маркса и Энгельса Гед вместе с Лафаргом выработал программу партии, принятую на Гаврском конгрессе (1880). Гед много сделал для распространения идей марксизма и развития социалистического движения во Франции; его несколько раз избирали депутатом парламента. В 1904 году Ленин охарактеризовал Геда как наиболее последовательного и решительного представителя международной социал-демократии.

Но, выступая против политики правых социалистов, Гед допускал ошибки сектантского характера как в теоретических, так и в тактических вопросах; он недооценивал роль партии в борьбе рабочего класса, занял неправильную позицию по вопросу об отношении пролетариата к войне. Когда началась первая мировая война, Гед во имя «патриотизма» изменил интересам рабочих, стал на сторону буржуазии, вошел в буржуазное правительство. Ленин писал: «Учитесь на примере всей жизни Геда, скажем мы рабочим, *кроме* его явной измены социализму в 1914 г.» (Сочинения, 4 изд., том 21, стр. 104). Гед не понял значения Великой Октябрьской социалистической революции, не пошел за большинством Турского конгресса Французской социалистической партии (1920), решившим присоединиться к Коминтерну. — *67.*

Герц (Hertz), *Фридрих Отто* (род. в 1878 г.) — австрийский экономист, социал-демократ-ревизионист. В изданной в 1899 году книге «Die Agrarischen Fragen im Verhältnis zum Sozialismus» («Аграрные вопросы с точки зрения социализма») выступил против учения марксизма по аграрному вопросу, пытался доказать «устойчивость» мелкого крестьянского хозяйства, его способность противостоять конкуренции крупного хозяйства. Переведенная в России книга Герца была широко использована буржуазными апологетами Булгаковым, Черновым и др. в их борьбе против марксизма. — *21, 281, 288, 306, 388.*

Герцен, А. И. (1812—1870) — великий русский революционер-демократ, философ-материалист, публицист и писатель; основоположник «русского» социализма. Герцен вступил в освободительное движение как дворянский революционер, продолживший традиции декабристов. В 1829—1833 годах во время пребывания в Московском университете стоял во главе кружка передовой, революционно настроенной молодежи, изучавшей политические и теоретические учения революционных мыслителей XVIII века и социалистов-утопистов. В 1834 году вместе с другими членами кружка был арестован и в 1835 году сослан в Пермь, а затем в Вятку, во Владимир и Новгород. После возвращения из ссылки в 1842 году жил в Москве. Написанные им в это время философские работы «Дилетантизм в пауке» (1842—1843) и «Письма об изучении природы» (1844—1846)

сыграли важную роль в развитии русской материалистической философии. В. И. Ленин характеризовал Герцена как выдающегося мыслителя, который вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед историческим материализмом. В январе 1847 года в связи с преследованиями царского правительства Герцен эмигрировал. Жил сначала в Париже, Ницце, а в 1852 году переехал в Лондон, где основал русскую типографию и положил начало вольной русской прессе за границей. После выпуска нескольких революционных прокламаций, брошюр и статей в 1855 году начал издавать альманах «Полярная Звезда», а с 1857 года вместе с Н. П. Огаревым — «Колокол». Не поняв буржуазно-демократической сущности движения 1848 года и домарксовского социализма, Герцен не мог понять буржуазной природы русской революции, колебался между демократизмом и либерализмом; в 60-х годах Герцен решительно отошел от либерализма и, встав на сторону революционной демократии, «обратил свои взоры... к *Интернационалу,* к тому Интернационалу, которым руководил Маркс». В письме к Огареву Герцен приветствовал перевод на русский язык работ Маркса.

Оценка роли Герцена в истории русского освободительного движения дана В. И. Лениным в статье «Памяти Герцена» (см. Сочинения, 4 изд., том 18, стр. 9—15). — *25.*

Гирш (Hirsch), *Макс* (1832—1905) — немецкий буржуазный экономист и публицист, член прогрессистской партии, депутат рейхстага. В 1859 году основал собственное издательство, в первой половине 60-х годов начал работать в союзах рабочего образования. В 1868 году, после поездки в Англию, основал совместно с Францем Дункером несколько реформистских профессиональных объединений (т. н. «гирш-дункеровские профсоюзы»). В своих работах проводил идею «гармонии» труда и капитала, выступал против революционной тактики пролетариата, защищал реформизм. — *36.*

Гофштеттер, И. А. (род. в 1863 г.) — представитель либерального народничества, считавший себя последователем В. П. Воронцова. Обвиняя марксистов в стремлении «насаждать» капитализм и «ускорять обезземеление крестьянства и разорение мелких хозяев», Гофштеттер надеялся на разумную политику царского правительства, которое, по его мнению, должно правильной системой налогов и кредита содействовать развитию мелкого производства за счет крупного. Взгляды Гофштеттера изложены им в брошюре «Доктринеры капитализма» (1895), направленной против книги П. Б. Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России». — *394.*

Д

Давид (David), *Эдуард* (1863—1930) — один из лидеров правого крыла германской социал-демократии, по профессии экономист. В 1894 году вошел в комиссию по подготовке аграрной

программы партии, стал на позиции ревизии марксистского учения по аграрному вопросу, доказывал «устойчивость» мелкого крестьянского хозяйства при капитализме. Был одним из основателей ревизионистского журнала «Sozialistische Monatshefte» («Социалистический Ежемесячник»). В 1903 году издал книгу «Социализм и сельское хозяйство», которую В. И. Ленин назвал «главным трудом ревизионизма в аграрном вопросе». С 1903 года был депутатом рейхстага. Во время первой мировой войны — социал-шовинист; в 1919 году вошел в первое коалиционное правительство Германской республики, в 1919—1920 годах — министр внутренних дел, в 1922—1927 годах — представитель правительства в Гессене; поддерживал реваншистские устремления германского империализма, враг СССР. Ленин охарактеризовал Давида как оппортуниста, «вся жизнь которого посвящена буржуазному развращению рабочего движения» (Сочинения, 4 изд., том 21, стр. 242). — *13, 281, 306.*

Даниельсон, Н. Ф. (Н. —он) (1844—1918) — русский писатель-экономист, один из идеологов либерального народничества 80— 90-х годов. В 60—70-х годах был связан с кружками революционной разночинной молодежи. Завершил начатый Г. А. Лопатиным первый перевод «Капитала» К. Маркса на русский язык, в связи с чем имел переписку с К. Марксом и Ф. Энгельсом, в которой затрагивал проблемы экономического развития России. Однако существа марксизма Даниельсон не понял и впоследствии выступал против него. В 1893 году издал книгу «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства», которая вместе с работами В. П. Воронцова служила теоретическим обоснованием либерального народничества. В. И. Ленин в ряде своих работ резко критиковал взгляды Даниельсона. — *394.*

Дюринг (Dühring), *Евгений* (1833—1921) — немецкий философ и экономист. Философские взгляды Дюринга представляли собой эклектическую смесь позитивизма, метафизического материализма и идеализма. Его реакционно-утопическая система «социалитарного» хозяйства идеализировала прусские полукрепостнические формы хозяйства. Вредные и путаные взгляды Дюринга по вопросам философии, политической экономии и социализма находили поддержку среди части германской социал-демократии, что являлось большой опасностью для неокрепшей еще партии. Учитывая это, Энгельс выступил против Дюринга и подверг его взгляды критике в книге «Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом» (1877—1878). Ленин в своей книге «Материализм и эмпириокритицизм» (1909) и в ряде других произведений неоднократно критиковал эклектические воззрения Дюринга.

Основные работы Дюринга: «Критическая история национальной экономии и социализма» (1871), «Курс национальной и социальной экономии» (1873), «Курс философии» (1875). — *12.*

Ж

Желябов, А. И. (1850—1881) — выдающийся русский революционер, организатор и вождь партии «Народная воля». Одним из первых среди народников Желябов понял необходимость политической борьбы с царизмом, которую успешно может вести лишь особая организация революционеров. Талантливый организатор, Желябов стремился объединить вокруг партии «Народная воля» всех недовольных политикой царизма, создать конспиративные группы среди студенчества, в армии и флоте. Большое значение Желябов придавал революционной работе среди городских рабочих, по его инициативе впервые в России была создана газета для рабочих, он был одним из авторов «Программы рабочих членов «Народной воли»». Однако Желябов еще не понимал исторической роли рабочего класса, был далек от научного социализма, решающую роль в борьбе против царского самодержавия придавал тактике индивидуального террора. Под его руководством был организован ряд покушений на Александра II. Арестованный за два дня до покушения 1 марта 1881 года Желябов, после ареста своих товарищей, объявил о своем участил в организации убийства царя. На суде отказался от защитника, использовал свои выступления для революционной агитации. По приговору суда Желябов и его товарищи-народовольцы Перовская, Кибальчич, Михайлов и Рысаков были повешены 3(15) апреля 1881 года на Семеновском плацу в Петербурге. — *106, 171.*

З

Засулич, В. И. (В. Дм., В. З., В. И.) (1849—1919) — видная участница народнического, а затем социал-демократического движения в России. Революционную деятельность начала в 1869 году. Была членом народнических организаций «Земля и воля» и «Черный передел». В 1880 году эмигрировала, за границей вскоре порвала с народничеством и перешла на позиции марксизма. В 1883 году принимала участие в создании первой русской марксистской организации — группы «Освобождение труда». В 80—90-х годах перевела на русский язык «Нищету философии» К. Маркса, «Развитие социализма от утопии к науке» Ф. Энгельса, написала «Очерк истории Международного общества рабочих» и др. работы; сотрудничала в изданиях группы «Освобождение труда», в журналах «Новое Слово» и «Научное Обозрение», где поместила ряд литературно-критических статей. В 1900 году Засулич вошла в редакцию газеты «Искра» и журнала «Заря».

После II съезда РСДРП Засулич стала одним из лидеров меньшевизма, входила в редакцию меньшевистской «Искры». В 1905 году возвратилась в Россию, в период реакции примыкала к ликвидаторам, во время первой мировой войны 1914—1918 годов стояла на позициях социал-шовинизма. К Великой Октябрьской

социалистической революции отнеслась отрицательно. — *137, 240, 255.*

Зомбарт (Sombart), *Вернер* (1863—1941) — немецкий вульгарный буржуазный экономист, видный идеолог германского империализма. Профессор Бреславльского, а затем Берлинского университетов. В начале своей деятельности Зомбарт был одним из типичных идеологов «слегка подкрашенного в марксистский цвет социал-либерализма» (В. И. Ленин. Сочинения, 4 изд., том 18, стр. 51). В дальнейшем превратился в открытого врага марксизма, изображал капитализм как гармоническую хозяйственную систему. В последние годы жизни перешел на позиции фашизма и восхвалял гитлеровский режим. Основные работы Зомбарта: «Социализм и социальное движение в XIX веке» (1896), «Современный капитализм» (1902) и др. — 3*16.*

Зубатов, С. В. (1864—1917) — жандармский полковник, вдохновитель и организатор «полицейского социализма» («зубатовщины»). В 90-х годах был назначен начальником Московского охранного отделения, широко организовал систему политического сыска, создал т. н. «летучий филерский отряд» для борьбы с революционными организациями; в 1902 году стал начальником особого отдела департамента полиции. В 1901—1903 годах организовал полицейские рабочие союзы — «Общество взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве» в Москве, «Собрание русских фабрично-заводских рабочих города Санкт-Петербурга» и др. с целью отвлечения рабочих от революционной борьбы. После краха своей провокаторской политики был уволен со службы и отошел от политической деятельности. В первые дни Февральской революции 1917 года покончил самоубийством. — *17, 40, 115—116.*

И

Иваншин, В. П. (В. И—ъ) (1869—1904) — социал-демократ, один из лидеров «экономизма», по профессии статистик. В 1896 году работал в петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса», был арестован, в 1898 году эмигрировал. Являясь одним из редакторов органа «Союза русских социал-демократов за границей» журнала «Рабочее Дело», поддерживал также тесные связи с газетой петербургских «экономистов» «Рабочая Мысль». В своих статьях противопоставлял непосредственные экономические интересы рабочих политическим задачам социал-демократии. В октябре 1901 года был в числе представителей «Союза русских социал-демократов» на «объединительном» съезде заграничных социал-демократических организаций. В начале 1903 года порвал с рабочедельцами, вступил в Заграничную лигу русской революционной социал-демократии, после II съезда РСДРП примкнул к меньшевикам. — *35, 43, 44, 45, 181.*

Иловайский, Д. И. (1832—1920) — историк и публицист дворянско-монархического направления, автор официальных учебников истории для начальной и средней школы дореволюционной России. История в них сводилась главным образом к деятельности царей и полководцев. В 1854 году окончил Московский университет, некоторое время преподавал в нем. Позже занимался литературной и публицистической деятельностью. Основные труды: «История Рязанского княжества» (1858), «Разыскания о начале Руси» (1876), «История России» (1876—1905). — *11.*

К

К. Н. — корреспондент редакции «Искры». — *359.*

Каблуков, Н. А. (1849—1919) — экономист и статистик, сторонник либерального народничества; профессор Московского университета. В 1885—1907 годах заведовал статистическим отделением Московского губернского земства. Под его руководством были составлены «Сборники статистических сведений по Московской губернии» (1877—1879). Сотрудничал в ряде газет и журналов. В своих работах проводил идею «устойчивости» мелкого крестьянского хозяйства, защищал земельную общину как форму, способную якобы предотвратить дифференциацию крестьянства. Выступал против марксизма по вопросу о роли и значении классовой борьбы, проповедуя классовый мир. В. И. Ленин в ряде своих работ, особенно в «Развитии капитализма в России», дал резкую критику взглядов Каблукова. В 1917 году Каблуков участвовал в работе Главного земельного комитета при буржуазном Временном правительстве. После Великой Октябрьской социалистической революции работал в Центральном статистическом управлении (ЦСУ), вел преподавательскую и литературную работу. Основные труды: «Вопрос о рабочих в сельском хозяйстве» (1884), «Лекции по экономии сельского хозяйства» (1897), «Об условиях развития крестьянского хозяйства в России» (1899), «Политическая экономия» (1918) и др. — *281.*

Кареев, Н. И. (1850—1931) — либерально-буржуазный историк и публицист; один из представителей субъективной школы в социологии, эклектик-идеалист. С 1879 года — профессор Варшавского, а затем Петербургского университетов. С 1905 года — член партии кадетов. С 90-х годов упорно боролся против марксизма. Автор большого количества работ, наиболее ценными из которых являются работы по истории французского крестьянства: «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века» (1879) — получила положительную оценку Маркса, — «Очерк истории французских крестьян» (1881). Написал также ряд трудов по истории Польши. Широкой известностью пользовался курс «Истории Западной Европы

«Освобождение труда», однако вскоре под влиянием бернштейнианства стала на путь ревизии марксизма. Написанный Кусковой в духе бернштейнианства документ, получивший название «Gredo», наиболее ярко выразил оппортунистическую суть «экономизма» и вызвал резкий протест со стороны группы русских марксистов во главе с В. И. Лениным. Накануне революции 1905—1907 годов Кускова вошла в либеральный «Союз освобождения». В 1906 году вместе с С. Н. Прокоповичем издавала полукадетский журнал «Без Заглавия», была активным сотрудником газеты левых кадетов «Товарищ». Кускова призывала рабочих к отказу от революционной борьбы, стремилась подчинить рабочее движение политическому руководству либеральной буржуазии. После Октябрьской революции выступала против большевиков, в 1921 году входила в «Общественный комитет помощи голодающим», вместе с другими руководителями этой организации пыталась использовать ее для борьбы против Советской власти. В 1922 году была выслана за границу, где стала активным деятелем белой эмиграции. — *18.*

Л

Лавров, П. Л. (1823—1900) — видный идеолог народничества, представитель субъективной школы в социологии; автор книги «Исторические письма» (1868—1869), оказавшей большое влияние на русскую народническую интеллигенцию, и ряда работ по истории общественной мысли, революционного движения и истории культуры («Народники-пропагандисты 1873—78 годов», «Очерки по истории Интернационала» и др.). Лавров был родоначальником реакционной народнической теории «героев» и «толпы», отрицавшей объективные закономерности развития общества и рассматривавшей прогресс человечества как результат деятельности «критически мыслящих личностей».

Лавров был членом общества «Земля и воля», позднее партии «Народная воля». Находясь с 1870 года в эмиграции, издавал журнал «Вперед!» (Цюрих—Лондон, 1873—1876), был редактором «Вестника Народной Воли» (1883—1886), участвовал в редактировании народовольческих сборников «Материалы для истории русского социально-революционного движения» (1893—1896); состоял членом I Интернационала, был знаком с К. Марксом и Ф. Энгельсом и вел с ними переписку. — *136.*

Лалаянц, И. Х. (1870—1933) — активный участник социал-демократического движения в России. В 1888—1889 годах был членом марксистского кружка Н. Е. Федосеева в Казани, в 1892 году вел революционную пропаганду среди рабочих Сормовского завода в Нижнем Новгороде. В 1893 году в Самаре вошел в марксистский кружок, образовавшийся вокруг В. И. Ленина. В 1895 году был выслан в Екатеринослав, участвовал в создании местного «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»и подготовке I съезда РСДРП. При участии Лалаянца

весной 1900 года был издан первый номер нелегальной социал-демократической газеты «Южный Рабочий» и предпринята попытка созыва II съезда партии. В апреле 1900 года был арестован и в марте 1902 — сослан в Восточную Сибирь, откуда через два месяца бежал за границу. Вошел в Заграничную лигу русской революционной социал-демократии, заведовал типографией «Искры» в Женеве. После II съезда РСДРП — большевик, агент ЦК партии в России. В 1905 году вошел в объединенный ЦК от большевиков, в 1906 году участвовал в конференции военно-боевых организаций РСДРП в Таммерфорсе. Вскоре был арестован и после двух лет предварительного заключения приговорен к 6 годам каторги. В конце 1913 года, по окончании срока каторги, сослан на вечное поселение в Восточную Сибирь и отошел от политической деятельности. С 1922 года работал в Главполитпросвете Наркомпроса РСФСР; написал воспоминания «У истоков большевизма». — *159.*

Лассаль (Lassalle), *Фердинанд* (1825—1864) — немецкий мелкобуржуазный социалист, родоначальник одной из разновидностей оппортунизма в немецком рабочем движении — лассальянства.

Лассаль являлся одним из основателей Всеобщего германского рабочего союза (1863). Создание Союза имело положительное значение для рабочего движения, однако Лассаль, избранный президентом Союза, повел его по оппортунистическому пути. Ограничивая свои цели борьбой за мирную парламентскую деятельность, лассальянцы рассчитывали путем легальной агитации за всеобщее избирательное право, путем создания производственных ассоциаций, субсидируемых юнкерским государством, добиться построения «свободного народного государства». Лассаль поддерживал политику объединения Германии «сверху» под гегемонией реакционной Пруссии. Оппортунистическая политика лассальянцев была помехой в деятельности I Интернационала и в создании подлинной рабочей партии в Германии, препятствовала выработке у рабочих классового сознания.

Теоретические и политические взгляды лассальянцев были подвергнуты резкой критике классиками марксизма-ленинизма (см. К. Маркс. «Критика Готской программы», В. И. Ленин. «Государство и революция» и другие произведения). — *1, 12, 40.*

Лафарг (Lafargue), *Поль* (1842—1911) — выдающийся деятель международного рабочего движения, основавший вместе с Гедом Рабочую партию Франции, талантливый публицист, один из первых последователей научного коммунизма во Франции, близкий друг и соратник К. Маркса и Ф. Энгельса.

Активное участие в рабочем движении принимал с 1866 года, когда стал членом I Интернационала, близко познакомился с К. Марксом и под его влиянием перешел на позиции марксизма. Во время Парижской Коммуны Лафарг организовал помощь революционному Парижу из южных департаментов

М

жуазно-демократический публицист; в 1876—1882 годах стоял на позициях буржуазного либерализма, затем эволюционировал влево, был редактором демократической «Volks-Zeitung» («Народная Газета»), выступал против Бисмарка в защиту социал-демократии; в 1891 году вступил в социал-демократическую партию Германии. Меринг был активным сотрудником и одним из редакторов теоретического органа партии — журнала «Die Neue Zeit» («Новое Время»), позже редактировал «Leipziger Volkszeitung» («Лейпцигская Народная Газета»). В 1893 году вышла отдельным изданием его работа «Легенда о Лессинге», в 1897 — четырехтомная «История германской социал-демократии». Меринг много работал над изданием литературного наследства Маркса, Энгельса и Лассаля; в 1918 году вышла его книга о жизни и деятельности К. Маркса. В работах Меринга имеется ряд отступлений от марксизма, неправильная оценка таких деятелей как Лассаль, Швейцер, Бакунин, непонимание революционного переворота, совершенного Марксом и Энгельсом в философии. Меринг активно выступал против оппортунизма и ревизионизма в рядах II Интернационала, осуждал каутскианство, но разделял при этом ошибки германских левых, боявшихся организационно порвать с оппортунистами. Меринг последовательно защищал интернационализм, приветствовал Октябрьскую революцию, правильно понял значение Брестского мира. Начиная с 1916 года он был одним из руководителей революционного «Союза Спартака», сыграл видную роль в основании Коммунистической партии Германии. — *48.*

Мещерский, В. П. (1839—1914) — реакционный публицист. Служил в полиции и министерстве внутренних дел; с 1860 года сотрудничал в «Русском Вестнике» и «Московских Ведомостях»; в 1872—1914 годах издавал черносотенный журнал-газету «Гражданин», в 1903 году основал реакционные журналы «Добро» и «Дружеские Речи». В своих изданиях, которые щедро субсидировало царское правительство, Мещерский выступал против каких-либо уступок правительства не только рабочим, но и либеральной буржуазии. — *89.*

Мильеран (Millerand), *Александр Этьенн* (1859—1943) — французский политический деятель; в 80-х годах — мелкобуржуазный радикал, в 90-х годах примкнул к социалистам, возглавил оппортунистическое направление во французском социалистическом движении. В 1899 году вошел в реакционное буржуазное правительство Вальдека-Руссо, где сотрудничал с палачом Парижской Коммуны генералом Галифе. В. И. Ленин разоблачил мильеранизм как предательство интересов пролетариата, как практическое выражение ревизионизма и вскрыл его социальные корни.

После исключения в 1904 году из социалистической партии Мильеран образовал вместе с бывшими социалистами (Бриан, Вивиани) партию «независимых социалистов». В 1909—1910,

1912—1913, 1914—1915 годах занимал различные министерские посты. После Великой Октябрьской социалистической революции Мильеран был одним из организаторов антисоветской интервенции; в 1920—1924 годах — президент французской республики. В июне 1924 года, после победы на выборах левых буржуазных партий, отказавшихся с ним сотрудничать, вынужден был выйти в отставку. В 1925 и 1927 годах избирался сенатором. — *7, 8.*

Митчелл (Mitchell), *Исаак* (род. в 1867 г.) — активный деятель профсоюзного движения Англии, член Независимой рабочей партии; при образовании в 1899 году Всеобщей федерации тред-юнионов был избран ее генеральным секретарем. — *450.*

Михайлов, Н. Н. (1870—1905) — зубной врач; провокатор, по доносу которого в декабре 1895 года был арестован В. И. Ленин и другие руководители петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (см. В. И. Ленин. Сочинения, 5 изд., том 2, стр. 117—118); с 1902 года был чиновником департамента полиции; в 1905 году убит в Крыму эсерами. — *35.*

Михайловский, Н. К. (1842—1904) — виднейший теоретик либерального народничества, публицист, литературный критик, философ-позитивист, один из представителей субъективной школы в социологии. Литературная деятельность Михайловского началась в 1860 году; в 1868 году он становится сотрудником, а затем одним из редакторов журнала «Отечественные Записки». В конце 70-х годов принимал участие в составлении и редактировании изданий партии «Народная воля». В 1892 году возглавил журнал «Русское Богатство», на страницах которого вел ожесточенную борьбу с марксистами. Критика взглядов Михайловского дана в работе В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (1894) и в других произведениях. — *50, 180, 254.*

Мост (Most), *Иоганн Иосиф* (1846—1906) — немецкий социал-демократ, затем анархист, по профессии рабочий-переплетчик. В 60-х годах примкнул к рабочему движению, сблизился с социал-демократией, стал журналистом; в 1874—1878 годах избирался депутатом рейхстага. В теории Мост был сторонником Дюринга, в политике — проводил анархистскую идею «пропаганды действием», считал возможной немедленную пролетарскую революцию. После издания в 1878 году исключительного закона против социалистов Мост эмигрировал и Лондон, где издавал анархистскую газету «Freiheit» («Свобода»), о которой Маркс писал: «Мы ставим в вину Мосту не то, что его «Freiheit» *слишком, революционна.* Мы обвиняем его в том, что в ней нет никакого *революционного содержания,* а одни *революционные фразы»* (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, том XXVII, 1935, стр. 63). На страницах газеты Мост призывал рабочих к индивидуальному

Н

О

социальными реформами, широкую программу которых он выдвигал. Оуэн боролся за законодательное ограничение рабочего дня, за охрану труда, за общественное воспитание детей.

Будущее «рациональное» общество Оуэн представлял в виде свободной федерации небольших (насчитывающих не более трех тысяч членов) самоуправляющихся коммун. Однако его попытки осуществить свои идеи на практике потерпели неудачу. В 30—40-х годах принимал активное участие в профессиональном и кооперативном движении, очень много сделал для просвещения рабочих. Оценивая значение деятельности Оуэна для английского рабочего движения в XIX веке, Энгельс писал: «Все общественные движения, которые происходили в Англии в интересах рабочего класса, и все их действительные достижения связаны с именем Оуэна» («Анти-Дюринг», 1957, стр. 248).

Основные работы Оуэна: «Об образовании человеческого характера» (1813), «Доклад графству Ленарк о плане облегчения общественных действий» (1820), «Книга о новом нравственном мире» (1836—1844) и др. — *26.*

П

П. В. — см. Аксельрод, П. Б.

Парвус (Гельфанд, А. Л.) (1869—1924) — меньшевик, в конце 90-х — начале 900-х годов работал в рядах социал-демократической партии Германии, примыкая к ее левому крылу; был редактором «Sächsische Arbeiter-Zeitung» («Саксонская Рабочая Газета»); написал ряд работ по вопросам мирового хозяйства. После II съезда РСДРП примкнул к меньшевикам. В период первой русской революции находился в России, сотрудничал в меньшевистской газете «Начало», призывал к участию в Булыгинской думе, отстаивал тактику мелких сделок с кадетами и т. п. Парвус выдвинул антимарксистскую «теорию перманентной революции», которую затем Троцкий превратил в орудие борьбы против ленинизма. В годы реакции отошел от социал-демократии; во время первой мировой войны — социал-шовинист, агент германского империализма, занимался крупными спекуляциями, наживаясь на военных поставках. С 1915 года издавал журнал «Die Glocke» («Колокол») — орган «ренегатства и грязного лакейства в Германии» (В. И. Ленин. Сочинения, 4 изд., том 21, стр. 385). — *188.*

Писарев, Д. И. (1840—1868) — выдающийся русский революционер-демократ, публицист и литературный критик, философ-материалист. После окончания в 1861 году Петербургского университета стал фактическим руководителем передового журнала того времени «Русское Слово». 2(14) июля 1862 года был арестован за статью, призывавшую к свержению самодержавия (статья была предназначена для напечатания в нелегальной

типографии). Четыре с половиной года находился в заключении в Петропавловской крепости, где написал ряд статей по вопросам литературы, естествознания и философии. Выйдя из крепости в ноябре 1866 года, сотрудничал в журналах «Дело» и «Отечественные Записки». В своих работах Писарев обличал как крепостничество, так и западноевропейский капитализм, пропагандировал социалистические идеи, защищал революционный путь преобразования общества, но при этом недооценивал роль народных масс, отступая от революционного демократизма. В литературных трудах критиковал идеалистическую философию, разоблачал реакционную эстетику, подчеркивал общественную значимость литературы и искусства.

Писарев последовательно боролся против либерализма, его страстные статьи оказали большое влияние на формирование революционных взглядов передовых элементов русского общества. — *172.*

Плеве, В. К. (1846—1904) — реакционный государственный деятель царской России, в 1881—1884 годах — директор департамента полиции, после убийства Сипягина в апреле 1902 года — министр внутренних дел. При нем были жестоко подавлены крестьянские движения в Полтавской и Харьковской губерниях, разгромлен ряд земств; Плеве поощрял реакционную русификаторскую политику на окраинах России. Чтобы отвлечь массы от борьбы с самодержавием, способствовал развязыванию русско-японской войны; с той же целью организовывал еврейские погромы, поощрял «зубатовщину». Своей политикой вызвал ненависть к себе в широких слоях русского общества. 15 (28) июля 1904 года был убит эсером Е. С. Сазоновым. — *384.*

Плеханов, Г. В. (Бельтов, Н., Г. В., Г. В—ч) (1856—1918) — выдающийся деятель русского и международного рабочего движения, первый пропагандист марксизма в России, непримиримый борец за материалистическое мировоззрение. В 1875 году, еще студентом, Плеханов установил связь с народниками, с рабочими Петербурга и включился в революционную деятельность; в 1877 году вступил в народническую организацию «Земля и воля», а в 1879 году, после ее раскола, стал во главе вновь созданной организации народников «Черный передел». Эмигрировав в 1880 году в Швейцарию, Плеханов порвал с народничеством и в 1883 году в Женеве создал первую русскую марксистскую организацию — группу «Освобождение труда». В начале 900-х годов Плеханов вместе с В. И. Лениным редактировал газету «Искра» и журнал «Заря», участвовал в выработке проекта партийной программы, в подготовке II съезда РСДРП. Плеханов написал много работ по философии, истории социально-политических учений, по вопросам теории искусства и литературы, представляющих собой ценный вклад в сокровищницу научного социализма.

Важнейшие теоретические работы Плеханова: «Социализм и политическая борьба» (1883), «Наши разногласия» (1885), «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895), «Очерки по истории материализма» (1896), «Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова (В. В.)» (1896), «О материалистическом понимании истории» (1897), «К вопросу о роли личности в истории» (1898) и др. «За 20 лет, 1883—1903, — писал В. И. Ленин, — он дал массу превосходных сочинений, особенно против оппортунистов, махистов, народников» (Сочинения, 4 изд., том 20, стр. 333). Философские труды Плеханова В. И. Ленин называл лучшими в международной марксистской литературе.

Однако уже в то время у Плеханова были серьезные ошибки, которые явились зародышем его будущих меньшевистских взглядов. Он недооценивал революционную роль крестьянства, рассматривал либеральную буржуазию как союзника рабочего класса; признавая на словах идею гегемонии пролетариата, на деле выступал против существа этой идеи.

После II съезда РСДРП Плеханов стал на позиции примиренчества с оппортунизмом, а затем примкнул к меньшевикам. В период первой русской революции 1905—1907 годов у него имелись крупные разногласия с большевиками по коренным вопросам тактики. В годы реакции выступал против махистской ревизии марксизма и против ликвидаторства, возглавлял группу «меньшевиков-партийцев». Во время первой мировой войны 1914—1918 годов стоял на позициях социал-шовинизма. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года Плеханов вернулся в Россию, поддерживал буржуазное Временное правительство; к Великой Октябрьской социалистической революции отнесся отрицательно. — *10, 44, 50, 65—66, 68, 82, 104, 106, 107, 140, 172, 184, 187, 195— 202, 203, 212—235, 236—238, 240, 253, 254, 255, 306, 413—415, 416, 417, 432—448.*

Победоносцев, К. П. (1827—1907) — реакционный государственный деятель царской России, обер-прокурор синода, фактический глава правительства и главный вдохновитель разнузданной крепостнической реакции в царствование Александра III, продолжавший играть видную роль и при Николае II; вел упорную борьбу с революционным движением. Был решительным противником буржуазных реформ 60-х годов, сторонником неограниченного самодержавия, врагом науки и просвещения. Во время подъема буржуазно-демократической революции в октябре 1905 года был вынужден подать в отставку и отошел от политической деятельности. — *397.*

Потресов, А. Н. (А. Н., Старовер) (1869—1934) — один из лидеров меньшевизма. В 90-е годы примкнул к марксистам, за участие в петербургском «Союзе борьбы за освобождение

рабочего класса» был сослан в Вятскую губернию. В 1900 году уехал за границу, принимал участие в создании «Искры» и «Зари». После II съезда РСДРП — меньшевик. В годы реакции — идеолог ликвидаторства, играл руководящую роль в меньшевистских журналах «Возрождение», «Наша Заря» и др. Во время первой мировой войны — социал-шовинист. После Октябрьской революции эмигрировал, за границей выступал с нападками на Советскую власть. — *14, 240.*

Прокопович, С. Н. (N. N.) (1871—1955) — буржуазный экономист и публицист, видный представитель «экономизма», один из первых проповедников бернштейнианства в России. Активный член либерально-монархического «Союза освобождения». В 1906 году — член ЦК партии кадетов, редактор журнала «Без Заглавия», активный сотрудник газеты левых кадетов «Товарищ». Автор ряда работ по рабочему вопросу, написанных с бернштейнианско-либеральных позиций. В 1917 году — министр продовольствия в буржуазном Временном правительстве. В 1922 году за антисоветскую деятельность выслан за границу. — *17, 18, 40 41, 63, 110, 181, 281, 316.*

Прудон (Proudhon), *Пьер Жозеф* (1809—1865) — французский публицист, экономист и социолог, идеолог мелкой буржуазии, один из основоположников анархизма; по профессии наборщик. В 1840 году опубликовал книгу «Что такое собственность?»; Прудон мечтал увековечить мелкую частную собственность и критиковал с мелкобуржуазных позиций крупную капиталистическую собственность, он предлагал организовать специальный «народный банк», который при помощи «дарового кредита» поможет рабочим обзавестись собственными средствами производства и стать ремесленниками. Такой же реакционный характер носила утопия Прудона о создании особых «обменных банков», при помощи которых трудящиеся якобы обеспечат «справедливый» сбыт продуктов своего труда, не затрагивая в то же время капиталистической собственности на орудия и средства производства. Главным источником классовых противоречий Прудон считал государство, выдвигал утопические проекты мирной «ликвидации государства», проповедовал отрицательное отношение к политической борьбе. В 1846 году выпустил книгу «Система экономических противоречий, или Философия нищеты», где изложил свои мелкобуржуазные философско-экономические взгляды. Маркс в работе «Нищета философии» дал уничтожающую критику книги Прудона, показав ее научную несостоятельность. Избранный в период революции 1848 года в Учредительное собрание, Прудон осуждал революционные выступления рабочего класса; одобрил бонапартистский переворот 2 декабря 1851 года, за которым последовало установление во Франции режима Второй империи. — *39.*

Р

С

летарским направлением сохраняло еще известное значение направление буржуазное» («Анти-Дюринг», 1957, стр. 18). Он полагал, что в будущем обществе останутся нетронутыми частная собственность и проценты на капитал, отрицательно относился к политической борьбе и революции, не понимал исторической миссии пролетариата, считал, что правительственные реформы и нравственное воспитание общества в духе новой религии приведут к уничтожению классовых противоречий, рассчитывал на проповедь любви к народу, обращенную к богачам.

Основные произведения Сен-Симона: «Письма женевского обитателя к современникам» (1802), «Введение к научным трудам XIX века» (1807—1808), «Катехизис промышленников» (1823— 1824), «Новое христианство» (1825) и др. — *26.*

Серебряков, Е. А. (1854—1921) — русский революционер-народник. В 1871 году, будучи воспитанником морского училища, сблизился с тайными революционными кружками во флоте, в 1879 году вместе с группой морских офицеров примкнул к партии «Народная воля», работал в «военной организации» партии, распространял нелегальную литературу, был активным пропагандистом. В 1883 году Серебряков оставил службу и бежал за границу. В эмиграции занимался литературной деятельностью, издавал в Лондоне журнал «Накануне» (1899—1902). После революции 1905 года вернулся в Россию, сотрудничал в ряде журналов. Впоследствии Серебряков сблизился с партией эсеров, после Февральской революции 1917 года примкнул к группе «старых социалистов-революционеров-оборонцев», редактировал газету этой группы «Народ». После Великой Октябрьской социалистической революции Серебряков работал над историей «Народной воли», написал «Воспоминания о П. Л. Лаврове». Ему принадлежит ряд статей и брошюр по истории революционного движения в России, в том числе «Очерк по истории «Земли и воли»» (1902), «Русские революционеры во флоте. Из воспоминаний» (1907) и др. — *140—141.*

Сипягин, Д. С. (1853—1902) — с 1899 года — министр внутренних дел и шеф жандармов, беспощадно преследовал малейшее проявление демократизма, притеснял земство, вел жестокую борьбу с освободительным движением в России, чем вызвал ненависть к себе в широких слоях русского общества. «Боевая организация» эсеров организовала покушение на Сипягина, и он был убит С. В. Балмашевым 2(15) апреля 1902 года. — *262, 279, 378, 380, 384.*

Скворцов, А. И. (1848—1914) — буржуазный экономист, агроном, профессор Новоалександрийского института сельского хозяйства и лесоводства, автор ряда работ по политической экономии и экономике сельского хозяйства. В. И. Ленин неоднократно критиковал взгляды Скворцова в своих произведениях.

Т

Ткачев возглавил новое, близкое к бланкизму направление в революционном народничестве; он считал политическую борьбу необходимой предпосылкой революции, но недооценивал решающую роль народных масс. По мнению Ткачева, революционное меньшинство должно захватить политическую власть, создать новое государство и провести революционные преобразования в интересах народа, которому остается лишь воспользоваться готовыми результатами. Он ошибочно считал, что самодержавное государство не имеет в России социальной почвы и не выражает интересы какого-либо класса. С критикой мелкобуржуазных воззрений Ткачева выступил Ф. Энгельс в статьях «Эмигрантская литература» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XV, 193.5, стр. 241—264). Последние годы жизни Ткачев провел в психиатрической больнице в Париже, где и умер. — *173.*

Толстой, Л. Н. (1828—1910) — гениальный русский писатель, один из величайших писателей мира, оказавший огромное влияние на развитие русской и мировой литературы. В своем творчестве Толстой осветил жизнь дореволюционной России, отразил сложные противоречивые условия того времени, которые определяли психологию различных классов и различных слоев русского общества в пореформенную эпоху и их поведение в революции 1905—1907 годов.

По рождению и воспитанию Толстой принадлежал к высшей помещичьей знати — господствующему классу России. Но он порвал со взглядами этой среды и выступал как страстный обличитель государственных и общественно-экономических порядков, основанных на порабощении и эксплуатации трудящихся масс; гневно бичевал господствующие классы, разоблачал несправедливость царского суда, лицемерие буржуазной морали и т. п. Резкой критике Толстой подвергал церковь, которая освящала самодержавные порядки, поддерживала и оправдывала угнетение и эксплуатацию; за это он был отлучен от церкви. В. И. Ленин называл Толстого «зеркалом русской революции». Отмечая величие писателя, его гениальное мастерство, его выдающееся значение для русской и мировой литературы, Ленин показал, что мировоззрение Толстого рельефно выразило черты исторического своеобразия первой русской революции как крестьянской буржуазной революции, отразило противоречия этой революции, ее сильные и слабые стороны.

Обличая произвол самодержавия, Толстой вместо борьбы с крепостничеством и самодержавно-полицейским государством проповедовал «непротивление злу насилием», отстранение от политики, отречение от революции, самоусовершенствование; вместо борьбы против религии проповедовал необходимость замены старой религии — новой. Толстой не мог понять ни рабочего движения, ни причин революции и неизбежности ее. Его учение — «толстовство» носило утопический и реакционный характер и наносило глубокий вред революционному движению. Характеристике мировоззрения Толстого и оценке всей

Ф

Х

Халтурин продолжал вести революционную работу на юге России. В 1882 году оя вместе со своим товарищем Н. А. Желваковым организовал в Одессе покушение на военного прокурора, известного своей жестокостью, генерала Стрельникова. Во время покушения они оба были арестованы и приговорены военно-полевым судом к смертной казни. — *106.*

Хёхберг (Höchberg), *Карл* (1853—1885) — немецкий правый социал-демократ, журналист, сын богатого купца. Оказывал финансовую поддержку партии, издавал журналы «Die Zukunft» («Будущее») (Берлин, 1877—1878), «Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik» («Ежегодник социальной науки и политики») (Цюрих, 1879—1881) и «Staatswirtschaftliche Abhandlungen» («Политико-экономические исследования») (Лейпциг, 1879—1882). После принятия исключительного закона против социалистов опубликовал написанную совместно со Шраммом и Бернштейном статью «Ретроспективный обзор социалистического движения в Германии», в которой осуждалась революционная тактика партии. Авторы статьи призывали к союзу с буржуазией и подчинению ей, считая, что «рабочий класс не в состоянии добиться собственными руками своего освобождения». Эти оппортунистические взгляды вызвали резкий протест со стороны К. Маркса и Ф. Энгельса, справедливо увидевших в них предательство по отношению к партии. — *48.*

Ч

Чернов, В. М. (1876—1952) — один из лидеров и теоретиков партии эсеров. В журнале «Русское Богатство» выступал со статьями, направленными против марксизма, пытаясь доказать неприменимость теории Маркса к сельскому хозяйству. В 1902— 1905 годах — редактор эсеровской газеты «Революционная Россия». После Февральской революции 1917 года — министр земледелия Временного правительства, организатор жестоких репрессий против крестьян, захватывавших помещичьи земли. 5 (18) января 1918 года контрреволюционной частью Учредительного собрания был избран его председателем. В годы гражданской войны — организатор антисоветских мятежей, в 1920 году эмигрировал, за границей продолжал антисоветскую деятельность.

В теоретических работах Чернова субъективный идеализм и эклектика сочетаются с ревизионизмом и утопическими идеями народников. Находясь в эмиграции, он пытался противопоставить научному социализму реформистский буржуазный «конструктивный социализм». — *281, 288, 306, 335, 441.*

Чернышевский, Н. Г. (1828—1889) — великий русский революционный демократ, ученый, писатель, литературный критик; один из выдающихся предшественников русской социал-демократии. Чернышевский был идейным вдохновителем и вождем

революционно-демократического движения 60-х годов в России. Будучи социалистом-утопистом, он считал возможным переход к социализму через крестьянскую общину, но в то же время, как революционный демократ, «умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей» (В. И. Ленин. Сочинения, 4 изд., том 17, стр. 97). Редактируемый им журнал «Современник» был голосом революционных сил России. Чернышевский выступал с гневным разоблачением крепостнического характера «крестьянской реформы» 1861 года, призывал крестьян к восстанию. В 1862 году он был арестован царским правительством и заключен в Петропавловскую крепость, где пробыл около двух лет, а затем был приговорен к семи годам каторжных работ и к вечному поселению в Сибирь. Только на склоне лет Чернышевский был освобожден из ссылки. До конца своих дней он оставался страстным борцом против социального неравенства, против всех проявлений политического и экономического гнета.

Огромны заслуги Чернышевского в области развития русской материалистической философии. Его философские взгляды были вершиной всей домарксовой материалистической философии. Материализм Чернышевского носил революционный, действенный характер. Чернышевский резко критиковал различные идеалистические теории и стремился переработать диалектику Гегеля в материалистическом духе. В области политической экономии, истории, эстетики, художественной критики Чернышевский показал образцы диалектического подхода к изучению действительности. К. Маркс, изучавший произведения Чернышевского, очень высоко ценил их и называл Чернышевского великим русским ученым. Ленин писал о Чернышевском, что он «единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма... Но Чернышевский не сумел, вернее: не мог, в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса» (Сочинения, 4 изд., том 14, стр. 346).

Перу Чернышевского принадлежит целый ряд блестящих произведений в области философии, политической экономии, истории, этики, эстетики. Его литературно-критические произведения оказали огромное влияние на развитие русской литературы и искусства. На романе Чернышевского «Что делать?» (1863) воспитывалось не одно поколение революционеров в России и за границей. — *25.*

Ш

Швейцер (Schweitzer), *Иоганн Баптист* (1833—1875) — немецкий общественный деятель и писатель, последователь Ф. Лассаля, по профессии адвокат. Политическую деятельность начал как

Щ

Э

Ю

ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. И. ЛЕНИНА

(Январь — август 1902 года)

Январь—август.	Ленин живет в Мюнхене (январь — март), а затем в Лондоне. Руководит работой редакции «Искры». Разрабатывает проект программы партии.
13 января (н. ст.).	Ленин делает набросок отдельных пунктов практической части проекта программы РСДРП.
Начало года.	Ленин делает выписки из журнала «Die Neue Zeit» («Новое Время») и газеты «Vorwärts» («Вперед»). Некоторые из них были использованы в книге «Что делать?» и при выработке проекта программы РСДРП.
Не позднее 8 (21) января.	Ленин конспектирует первоначальный проект программы Российской социал-демократической рабочей партии, составленный Г. В. Плехановым, вносит свои поправки и пишет критические замечания.
Январь, 8 (21).	Ленин выступает на совещании редакции «Искры» в Мюнхене с критикой первоначального проекта программы, составленного Г. В. Плехановым, и вносит свои поправки и дополнения.
Не ранее 8 (21) января.	Ленин пишет план сообщения о ходе выработки проекта программы РСДРП в редакции «Искры».
Между 8 и 25 января (21 января и 7 февраля).	Ленин пишет первоначальный вариант своего проекта программы РСДРП: теоретическую часть, аграрную часть и заключение.

Январь, 15 (28).	Статья Ленина «По поводу государственной росписи» опубликована в № 15 «Искры».
Середина января.	Ленин заканчивает книгу «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения», работу над которой он начал в мае 1901 года.
Ранее 25 января (7 февраля).	Книга Ленина «Что делать?» обсуждается в редакции «Искры».
Январь, 25 (февраль, 7).	Ленин пишет письмо Г. В. Плеханову в Женеву, сообщает о посылке ему своего проекта программы РСДРП с поправками Ю. О. Мартова, о том, что книга «Что делать?» находится в наборе; запрашивает о работе Плеханова над статьей для «Зари».
Между 25 января и 18 февраля (7 февраля и 3 марта).	Ленин дорабатывает проект программы РСДРП; пишет добавления в аграрный и фабричный отделы проекта.
Не позднее 30 января (12 февраля).	По инициативе и указанию Ленина основана русская организация «Искры» на съезде искровцев в Самаре.
Позднее 30 января (12 февраля).	Ленин пишет письмо Г. М. и З. П. Кржижановским в Самару, в котором приветствует основание русской организации «Искры». «Ваш почин, — писал он, — нас страшно обрадовал. Ура! Именно так! шире забирайте! И орудуйте самостоятельнее, инициативнее — вы первые начали так широко, значит и продолжение будет успешно!».
Февраль, 1 (14).	Статья Ленина «Политическая агитация и «классовая точка зрения»» и заметка «Ответ «Читателю»» опубликованы в № 16 «Искры».
Февраль, 5 (18).	Ленин пишет письмо Л. И. Аксельрод-Ортодокс в Берн, просит прислать статью «О некоторых философских упражнениях некоторых «критиков»», над которой она работала, — советует посвятить несколько строк в этой статье критике Чернова.
Февраль, 13 (26).	Ленин пишет письмо матери, Марии Александровне Ульяновой, в Самару, сообщает о получении книг, отправленных сестрой, Марией Ильиничной Ульяновой, просит передать

привет А. А. Преображенскому (соседу по хутору близ деревни Алакаевки, Самарской губернии, где Ленин проводил летнее время в 1889— 1893 годах), обещая написать ему обстоятельное письмо.

Февраль, 15 (28). Статьи Ленина «Признаки банкротства» и «Из экономической жизни России» опубликованы в № 17 «Искры».

Не позднее 18 февраля (3 марта). Ленин пишет три поправки к разработанному им проекту программы партии.

Февраль, 18 (март, 3). Ленин пишет письмо П. Б. Аксельроду в Цюрих, в котором сообщает о завершении работы над своим проектом программы РСДРП и приводит текст трех поправок к нему.

Не ранее 18 февраля (3 марта). Ленин составляет список книг Женевской библиотеки по различным вопросам — на немецком, английском и французском языках.

Февраль. Ленин пишет предисловие к книге «Что делать?».

Февраль — первая половина марта. Ленин пишет статью «Аграрная программа русской социал-демократии», которую называет комментарием к аграрной части программы РСДРП.

Вторая половина февраля — начало марта. Ленин пишет письмо Л. И. Гольдману, обещает связать работников нелегальной типографии в Кишиневе, которой руководил Гольдман, с искровским центром в Самаре.

Начало марта. Выходит из печати в Штутгарте в издательстве Дитца книга «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения». Книга была подписана псевдонимом — «Н. Ленин».

Март, 5 (18). Ленин пишет к Белостокской конференции РСДРП «Доклад редакции «Искры» совещанию (конференции) комитетов РСДРП» и черновой набросок резолюции.

Между 5 и 8 (18 и 21) марта, Ленин участвует в совещании редакции, инструктирует уезжающего на Белостокскую конференцию делегата «Искры».

Март, 9 (22). Ленин пишет письмо П. Б. Аксельроду, интересуется его мнением о втором проекте программы РСДРП Плеханова, сообщает о посылке проекта соглашения, предложенного от имени мюнхенской части редакции, как основы для выработки общего проекта программы; считает нежелательным передачу проектов программы на обсуждение Заграничной лиги русской революционной социал-демократии.

Ранее 10 (23) марта. Ленин пишет письмо Г. Д. Лейтейзену в Париж, просит его проверить слухи о получении Б. Н. Кричевским благодарственного письма от Мильсрана за его корреспонденции в «Vorwärts» («Вперед») в защиту реформистского крыла французской социал-демократии (во главе с Жоресом и Мильераном) и сообщить о результатах, ввиду разгоревшейся полемики между «Зарей» и редакцией «Vorwärts».

Март, 10 (23). Статья Ленина «Письмо к земцам» и заметка о группе «Борьба» опубликованы в № 18 «Искры».

Март, 11 (24). Ленин пишет письмо М. А. Ульяновой, интересуется делами семьи; сообщает свое впечатление о повести Вересаева «На повороте», опубликованной в журнале «Мир Божий».

Ранее 14 (27) марта. Ленин пишет критические замечания и отзыв на второй проект программы РСДРП, составленный Г. В. Плехановым.

В связи со слежкой полиции за организацией «Искры» в Германии мюнхенская часть редакции во главе с Лениным решает перенести издание «Искры» из Мюнхена в Лондон.

Март, 14 (27). Ленин пишет письмо П. Б. Аксельроду, сообщает о предполагаемом переезде редакции «Искры» в Лондон, обещает прислать свои замечания на второй проект программы Плеханова; считает преждевременным созыв совещания членов редакции «Искры» для обсуждения проекта программы.

Совещание состоялось в Цюрихе 1—4 (14—17) апреля; Ленин в нем не участвовал.

Между 15 марта и 6 апреля (28 марта и 19 апреля).	Ленин пишет письмо секретарю литературной группы ссыльных в Вологде — А. А. Богданову, принимает его предложение о совместном издании с редакцией «Искры» серии популярных брошюр, считая, однако, неприемлемыми предлагаемые этой группой условия редактирования брошюр; сообщает свои замечания на присланную статью.
Ранее 16 (29) марта.	Ленин пишет письмо А. Н. Потресову относительно переезда редакции «Искры» из Мюнхена в Лондон.
Март, 20 (апрель, 2).	Ленин пишет письмо М. А. Ульяновой, беспокоится о ее здоровье; благодарит Марию Ильиничну за разборку его книг, пересланных из Сибири; просит переслать, по получении его нового адреса (в связи с предстоявшим переездом в Лондон), русские книги, в том числе литературу по статистике.
Ранее 22 марта (4 апреля).	Ленин пишет поправку к аграрной части проекта программы РСДРП.
Март, 22 и 23 (апрель, 4 и 5).	Ленин пишет письмо Г. В. Плеханову о том, что посылает ему свою статью «Аграрная программа русской социал-демократии», просит написать свое мнение по поводу замечаний В. И. Засулич, сделанных на полях статьи, и срочно выслать комиссионный проект программы РСДРП.
Март, 24 (апрель, 6).	Ленин пишет письмо А. Н. Потресову, сообщает о разногласиях в редакции в связи с предложением Г. В. Плеханова взять редактирование журнала «Заря» на себя и издавать его в Женеве.
Март, 28 (апрель, 10).	Ленин пишет письмо сестре, Анне Ильиничне Елизаровой, в Берлин, извещает о своем отъезде в Лондон и сообщает адрес для посылки писем.
Ранее 30 марта (12 апреля).	Ленин в письме Н. А. Алексееву в Лондон сообщает о скором приезде редакции «Искры»; предупреждает, что письма для него будут приходить на имя Якоба Рихтера.
Март, 30 (апрель, 12).	В. И. Ленин и Н. К. Крупская выезжают из Мюнхена в Лондон. Ленин пишет в вагоне

поезда замечания на проект программы партии, выработанный согласительной комиссией редакции «Искры».

Позднее 30 марта (12 апреля). В. И. Ленин и Н. К. Крупская проездом из Мюнхена в Лондон останавливаются в Кёльне, осматривают Кёльнский собор, заезжают в Льеж, а затем в Брюссель.

Апрель, 1 (14). Поправка Ленина к книге «Что делать?» опубликована в № 19 «Искры».

Начало апреля. Приезд В. И. Ленина и Н. К. Крупской в Лондон.

Ленин пишет дополнительные замечания на проект программы РСДРП, выработанный согласительной комиссией редакции «Искры».

Ленин пишет письмо техническому секретарю редакции «Искры» В. В. Кожевниковой, остававшейся временно в Мюнхене для издания нескольких номеров газеты, пока не было налажено дело с типографией в Лондоне; одобряет в основном только что набранный девятнадцатый номер «Искры», отвечает на ряд вопросов, связанных с изданием следующего номера газеты.

Не ранее 4 (17) апреля. Ленин организует печатание газеты «Искра» в Лондоне.

Ведет переговоры с редактором центрального органа английской Социал-демократической федерации — газеты «Justice» («Справедливость») — Гарри Квелчем о печатании газеты «Искра» в ее типографии.

Ленин пишет редакционное примечание к листку «О тараканах и приживалках», изданному в Петербурге в связи с убийством С. В. Балмашевым министра внутренних дел Сипягина.

Апрель, 5 (18). Ленин пишет письмо П. Б. Аксельроду, сообщает о хлопотах по устройству редакции «Искры» в Лондоне; интересуется статьей Аксельрода для № 4 «Зари».

Апрель, 8 (21). Ленин пишет письмо директору Британского музея с просьбой о выдаче ему билета на право посещения читального зала для изучения

материалов по аграрному вопросу. К письму прилагалась рекомендация генерального секретаря Всеобщей федерации тред-юнионов И. Митчелла.

Апрель, 10 (23). Ленин пишет письмо П. Б. Аксельроду, сообщает свой адрес в Лондоне (в целях конспирации просит широко его не распространять), интересуется, написана ли Г. В. Плехановым передовая статья для № 20 «Искры».

Между 10 и 20 апреля (23 апреля и 3 мая). Ленин вносит некоторые изменения в статью «Аграрная программа русской социал-демократии» после ее обсуждения членами редакции «Искры» — Г. В. Плехановым, П. Б. Аксельродом, В. И. Засулич и Ю. О. Мартовым — на совещании в Цюрихе 2 (15) апреля.

Апрель, 11 (24). Ленин пишет второе письмо директору Британского музея с сообщением о посылке новой рекомендации И. Митчелла.

Апрель, 16 (29). Ленин расписывается в регистрационном листе читального зала Британского музея об ознакомлении с правилами читального зала, с указанием своего адреса.

Не ранее 16 (29) апреля 1902— не позднее апреля 1903 года. Ленин работает в читальном зале Британского музея в Лондоне; изучает специальные статистические исследования о положении сельского хозяйства Германии, Голландии, Франции. Делает выписки из работ: C. Hubach. «Ein Beitrag zur Statistik der Verschuldung des ländlichen Grundbesitzes in Nieder-Hessen» (К. Губах. «К статистике задолженности сельского землевладения в Нижнем Гессене»), H. Grohman. «Die niederländische Landwirtschaft im Jahre 1890» (Г. Громан. «Голландское сельское хозяйство в 1890 году»), Th. Goltz. «Die agrarischen Aufgaben der Gegenwart» (Т. Гольц. «Аграрные проблемы современности»), P. Turot. «L'enquête agricole de 1866—1870» (П. Тюро. «Итоги сельскохозяйственной анкеты 1866—1870») и др.

Ленин делает выписки из ежегодного отчета главного фабричного инспектора Великобритании: «Annual Report of the Chief Inspector of Factories and Workshops for the year 1900», изданного в Лондоне в 1901 году, дает краткое описание этой книги и составляет список дру-

гих парламентских изданий, вышедших в 1901 году.
Ленин составляет на английском языке список книг, журналов и газет по различным вопросам, делает на нем пометки.

Апрель, 20 (май, 3).

Ленин пишет письмо П. Б. Аксельроду, сообщает о подготовке проекта программы РСДРП к опубликованию в № 21 «Искры», о внесении изменений в свою статью «Аграрная программа русской социал-демократии», в соответствии с предложениями цюрихского совещания редакции «Искры», и об отправке ее Плеханову.
Сообщает также об арестах в Воронеже и Уфе.

Не ранее 20 апреля (3 мая).

Ленин изучает отчетную ведомость Херсонского земского книжного склада за 1900 год, делает некоторые подсчеты; работает над книгой В. Ф. Арнольда «Общие черты агрономической техники и сельскохозяйственной экономики крестьянских хозяйств Херсонского уезда», изданной в Херсоне в 1902 году, делает на ней пометки.

Апрель, 21 (май, 4).

Ленин пишет письма «Союзу русских социал-демократов за границей» и представителю Заграничного комитета Бунда — А. Кремеру в Париж, просит сообщить фамилии и адреса членов Организационного комитета по созыву II съезда РСДРП, избранных на Белостокской конференции, предполагая, что делегат «Искры» арестован; предлагает принять меры к доставке первомайского листка местным комитетам; рекомендует вести сношения через Г. Д. Лейтейзена — представителя «Искры» в Париже.

Апрель, 22 (май, 5).

Ленин пишет письмо Г. Д. Лейтейзену, сообщает о том, что необходимо разыскать посланное ему 21 апреля (4 мая) важное письмо и выполнить изложенное в нем спешное поручение.
Ленин вносит дополнения в письмо Н. К. Крупской П. Н. Лепешинскому и И. И. Радченко в Псков — об организации в Вардё (Норвегия) передаточного пункта для транспортировки нелегальной литературы в Россию, об

арестах в Воронеже и Ярославле; в приписке к письму сообщает о получении книг по статистике и просит прислать материалы по оценке земель Владимирской губернии, изданные в 1901 году.

Апрель, 23 (май, 6). Ленин пишет письмо Г. М. Кржижановскому в Самару, сообщает об аресте делегата «Искры» на Белостокской конференции Ф. И. Дана, о создании на конференции Организационного комитета по созыву II съезда РСДРП, ставит задачу завоевания местных комитетов, особенно Центра, Урала и Юга, предлагает Кржижановскому перейти на нелегальное положение.

Апрель, 25 (маи, 8). Ленин пишет письмо М. А. Ульяновой, выражает надежду на скорую встречу за границей, рекомендует наиболее удобный путь проезда.

Апрель, 27 (май, 10). Ленин дает объявление в лондонском еженедельнике «The Athenaeum. Journal of English and foreign Literature, Science, the fine Arts, Music and the Drama» («Атенеум. Журнал английской и иностранной литературы, науки, изящных искусств, музыки и драмы»): «Русский доктор прав и его жена хотели бы брать уроки английского языка у англичанина (или англичанки) в обмен на уроки русского языка. — Письма направляйте г. Я. Рихтеру, 30, Холфорд-сквер. Пентоивилл. W. С».

Апрель. Ленин пишет критические замечания на программу «Северного союза РСДРП».

Май, 1 (14). Ленин пишет ответы на замечания Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода, сделанные ими при вторичном просмотре статьи «Аграрная программа русской социал-демократии».

Ленин пишет письмо Г. В. Плеханову, в котором протестует против недопустимого характера и тона замечаний Плеханова на статью «Аграрная программа русской социал-демократии».

Ленин пишет письмо А. Н. Потресову по поводу замечаний Г. В. Плеханова на статью «Аграрная программа русской социал-демократии»; посылает ему статью.

Позднее 9 (22) мая.	Ленин пишет введение от редакции «Искры» к прокламации «К русским гражданам», изданной Донским комитетом РСДРП по поводу казни С. В. Балмашева, застрелившего министра внутренних дел Сипягина.
Май, 10 (23).	Ленин делает приписку к письму Н. К. Крупской Ф. В. Ленгнику в Самару о необходимости восстановления Организационного комитета по созыву II съезда партии и подчинения своему влиянию наибольшего числа местных комитетов РСДРП.
Май, 24 (июнь, 6).	Ленин вносит поправки в текст письма Н. К. Крупской И. И. Радченко в Петербург, в котором освещались вопросы о тактике Бунда и «Союза русских социал-демократов за границей», о результатах Белостокской конференции, об образовании партии эсеров.
Май, 25 (июнь, 7).	Ленин пишет письмо М. А. Ульяновой о том, что ждет ее приезда за границу, сообщает о получении книг Горького и Скитальца, обещает выслать адрес для дальнейшей посылки книг.
Не ранее 30 мая (12 июня).	Ленин пишет введение от редакции «Искры» к прокламации «Художники — и борьба за свободу (Документ из недавнего прошлого)», изданной в Петербурге «Союзом свободных художников» по поводу назначенной на 3 (16) марта 1902 года демонстрации. Прокламация и введение к ней были опубликованы в № 22 «Искры», июль 1902 года.
Июнь, 1 (14).	В № 21 газеты «Искра» опубликован проект программы РСДРП, выработанный редакцией газеты «Искра» и журнала «Заря» по инициативе и при активном участии Ленина.
5 (18) июня.	Ленин пишет письмо А. Н. Потресову, предлагает расширить газету «Искра» — создать к ней приложения, выпускать брошюры; редактирование «Зари» передать Г. В. Плеханову (в Женеву).
Ранее 9 (22) июня.	Ленин пишет письмо П. Б. Аксельроду с просьбой сообщить о возможности устройства его реферата в Берлине.

Июнь, 9 (22). Ленин пишет письмо И. И. Радченко в Петербург, предлагает образовать совместно с Бундом и Бюро русской организации «Искры» Организационный комитет по подготовке II съезда РСДРП, взять на себя секретарство в ОК и руководство его работой; Бунду поручить проведение подготовки съезда среди своих организаций.

Июнь, 10 (23). Ленин пишет письмо Г. В. Плеханову о том, что принимает его предложение о ликвидации возникшего между ними конфликта в связи с редактированием статьи «Аграрная программа русской социал-демократии»; предлагает послать корректуру своей статьи; считает необходимым ускорить выпуск № 4 «Зари».

Ленин пишет письмо Л. И. Аксельрод-Ортодокс, сообщает, что прочитать лекцию об эсерах в русской колонии в Берне он не сможет, ввиду плохого состояния здоровья; обещает приехать осенью.

Между 12 и 14 (25 и 27) июля. Ленин приезжает в Париж.

Июнь, 14 (27). Ленин выступает с рефератом против эсеров на собрании русских политэмигрантов в Париже.

Вторая полоеина июня — 12 (25) июля. Ленин живет в Логиви (северный берег Франции) вместе со своей матерью М. А. Ульяновой и сестрой А. И. Елизаровой.

Июль, 19 (июлъ, 2). Ленин пишет письмо Г. В. Плеханову, сообщает о своем приезде в Бретань для отдыха и свидания с родными, о разногласиях с Ю. О. Мартовым и В. И. Засулич по вопросу о значении террора (в связи с опубликованием в № 21 «Искры» заметки о покушении Г. Ю. Леккерта на виленского губернатора фон Валя); рекомендует Плеханову переделать свою статью за подписью «Ветеран» в передовую для № 22 «Искры».

Между 26 июня и 3 июля (9 и 16 июля). Ленин пишет письмо И. И. Радченко, намечает, по его просьбе, конкретный план ближайших практических задач в работе Петербургской организации РСДРП, просит ускорить приезд в Лондон представителей

петербургского «Союза борьбы» и Рабочей организации.

Июнь, 29 (июль, 12). Ленин пишет письмо Г. В. Плеханову, сообщает, что получил его статью «Критика наших критиков» для № 4 «Зари», интересуется, почему не состоялась поездка в Брюссель на заседание Международного социалистического бюро; считает неприемлемым план Дейча о созыве в Швейцарии съезда искровцев-практиков и предлагает встретиться с Плехановым и приезжими товарищами из России в Лондоне.

Конец июня — июль. Ленин пишет статью «Почему социал-демократия должна объявить решительную и беспощадную войну социалистам-революционерам?».

Июль, 3 (16). Ленин пишет письмо Н. К. Крупской в Лондон, считает невозможным созыв в Швейцарии съезда искровцев-практиков, ввиду его полной неподготовленности, просит внести исправление в корректуру его статьи «Аграрная программа русской социал-демократии» для № 4 «Зари».

Ленин пишет письмо И. И. Радченко, просит сообщить отзывы рабочих о книге «Что делать?», считает необходимым установить непосредственную связь петербургской Рабочей организации с редакцией «Искры», интересуется взаимоотношениями с Петербургским комитетом РСДРП, предлагает проект образования Организационного комитета по созыву II съезда партии.

Июль, 9 (22). Ленин пишет письмо И. И. Радченко, дает указания о необходимости вести беспощадную борьбу против колебаний комитета в сторону «экономизма» и одновременно усилить работу по завоеванию на свою сторону петербургской Рабочей организации, используя для этого руководимый Радченко кружок.

Июль, 11 (24). Ленин пишет письмо Г. Д. Лейтейзену о своем пребывании в Логиви, о переходе на позиции «Искры» ряда комитетов в России, в том числе Петербургского.

Июль, 12 (25). Ленин выезжает из Логиви в Лондон.

Июль, 15 (28). Ленин пишет письмо Г. В. Плеханову; приглашает его скорее приехать в Лондон и сообщает о посылке денег на дорогу.

Июль, 16 (29). Ленин пишет письмо в Крым В. Г. Шкляревичу, в котором просит связать редакцию «Искры» с социал-демократической рабочей организацией юга России (Крымской).

Июль, 20 (август, 2). Ленин пишет письмо П. Г. Смидовичу, дает пояснения к IV главе книги «Что делать?», к разделу — «Организация рабочих и организация революционеров».

Июль, 22 (август, 4). Ленин пишет письмо В. А. Носкову в Цюрих о трудностях подбора агентов «Искры» для России и руководства их работой из-за границы; считает необходимым, чтобы русская организация «Искры» осуществляла практическое руководство работой агентов; предлагает установить более тесную связь «Северного союза РСДРП» с редакцией «Искры».

Ленин вносит поправки в письмо Н. К. Крупской одному из членов Киевского комитета РСДРП, в приписке к письму просит приезжающих из комитета устанавливать непосредственную связь с редакцией «Искры», а не через членов Заграничной лиги русской революционной социал-демократии.

Июль, 25 (август, 7). Ленин делает приписку к письму Н. К. Крупской И. И. Радченко о необходимости его отъезда из Петербурга, ввиду слежки полиции.

Июль, 26 (август, 8). Ленин пишет письмо Г. В. Плеханову; сообщает о приезде члена петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» В. П. Краснухи и советует Плеханову дождаться его приезда в Женеву.

Июль, 30 (август, 12). Ленин пишет письмо И. И. Радченко, считает необходимым кооптировать в состав Рабочей организации новых членов из рабочих, предлагает ему уехать на юг — в Харьков или Киев, чтобы избежать ареста.

Июль — август. Ленин пишет статью «Революционный авантюризм». Статья опубликована в №№ 23 и 24 газеты «Искра» (1 августа и 1 сентября), а затем издана отдельной брошюрой.

Позднее июля. Ленин просматривает брошюру А. Мартынова «Рабочие и революция», изданную в Женеве в 1902 году, и делает на ней пометки.

Август, 2 (15). Ленин проводит в Лондоне совещание с представителями Петербургского комитета РСДРП, русской организации «Искры» и «Северного союза РСДРП», на котором было создано искровское ядро Организационного комитета по созыву II съезда партии.

Август, 3 (16). Ленин вносит поправки в письмо Н. К. Крупской И. И. Радченко о результатах совещания в Лондоне 2 (15) августа 1902 года.

Август, 6 (19). Ленин пишет письмо П. Б. Аксельроду, советует поехать в Мюнхен на съезд Германской социал-демократической партии и прилагает письмо для И. Х. Лалаянца.

Август, 9 (22). Ленин пишет письмо в Харьков членам редакции газеты «Южный Рабочий», одобряет ее решение о сотрудничестве с «Искрой», интересуется ближайшими практическими планами, сообщает адрес для переписки.

Август, 11 (24). Ленин пишет письмо Московскому комитету РСДРП по поводу заявления комитета о солидарности со взглядами, изложенными в книге «Что делать?».

Не позднее августа. Ленин делает наброски предисловия ко второму изданию брошюры «Задачи русских социал-демократов».

Август. Ленин пишет предисловие ко второму изданию брошюры «Задачи русских социал-демократов».

Статья Ленина «Аграрная программа русской социал-демократии» опубликована в № 4 журнала «Заря».

Сентябрь, 1 (14). В № 24 газеты «Искра» опубликована передовая статья Ленина «Проект нового закона о стачках».

СОДЕРЖАНИЕ

* Звездочкой отмечены заголовки, данные Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Том подготовлен к печати
Э. В. Клоповым, Е. Б. Струковой,
С. Е. Тарнопольской

Указатель литературы подготовлен *Н. Е. Перовой*

Указатель имен подготовлен *Н. П. Коликовым*

Редактор *К. А. Остроухова*

*

Оформление художника *Н. Н. Симагина*

Технический редактор *Н. Н. Лебедева*

Корректоры *Н. В. Егорова* и *Е. И. Щукина*

*

Подписано к печати с матриц 10 июля
1963 г. Формат 84x108 $^{1}/_{32}$. Физ. печ. л. 19 $^{7}/_{8}$ +
+ 4 вклейки $^{1}/_{4}$ печ. листа. Условн. печ. л. 33.
Учетно-изд. л, 31,21. Тираж 20 тыс. экз.
(226—245 тыс.). Зак. № 520.
Цена 65 коп.

*

Государственное издательство
политической литературы,
Москва, А-47, Миусская площадь, 7.

*

Ленинградский Совет народного хозяйства.
Управление целлюлозно-бумажной и
полиграфической промышленности. Типография
№ 1 «Печатный Двор» имени
А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26.